

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»

ЭМОТИВНАЯ
ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ
В СОВРЕМЕННОМ
КОММУНИКАТИВНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

Волгоград
Издательство ВГСПУ
«Перемена»

2013

ББК 81.00
Э 577

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *Т.В. Ларина*;
доктор филологических наук, профессор *О.А. Леонтович*.

Научный редактор
профессор *В.И. Шаховский*.

Ответственный редактор
профессор *Н.Н. Панченко*.

Члены редколлегии: доцент *Я.А. Волкова*,
старший преподаватель *А.А. Штеба*, аспирант *Н.И. Коробкина*.

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 12-04-00008).

Э 577 **Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве:** кол. моногр. / науч. ред. проф. В.И. Шаховский; отв. ред. проф. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. — Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. — 450 с.

ISBN 978-5-9935-0299-1

Монография представляет результаты исследований ученых научно-исследовательской лаборатории «Язык и личность» Волгоградского государственного социально-педагогического университета и материалы общероссийского научно-теоретического семинара «Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве». Рассмотрены объект, предмет, задачи и перспективы эмотивной лингвоэкологии, ее методология, номинативный и коммуникативный аспекты лингвоэкологических исследований сквозь призму эмотиологии.

Адресовано широкому кругу ученых, аспирантов, докторантов, а также студентам-филологам и всем, кто интересуется проблемами лингвоэкологии, эмотиологии, коммуникативной лингвистики, психо- и прагмалингвистики.

ISBN 978-5-9935-0299-1

ББК 81.00

© Волгоградский государственный
социально-педагогический университет, 2013
© Оформление. Издательство ВГСПУ
«Перемена», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. <i>Н.Н. Панченко, А.А. Штеба</i>	5
Часть 1. Эмотивная лингвоэкология: истоки и становление	8
Раздел 1. Истоки эмотивной лингвоэкологии	8
Экология, валеология, лингвистика — три источника лингвоэкологии. <i>В.И. Шаховский, А.А. Штеба</i>	8
Раздел 2. Эмотивная лингвоэкология: объект, предмет, задачи и перспективы	23
Экологизация современной науки и параметры экологичного общения. <i>В.И. Шаховский, Н.Г. Солодовникова</i>	23
Эмоциональная толерантность / нетолерантность как специфический параметр экологичности общения. <i>В.И. Шаховский</i>	34
Содержание научного направления «Эмотивная лингвоэкология»: проблемы и перспективы. <i>Н.Г. Солодовникова</i>	43
Раздел 3. Методология современной лингвоэкологии	53
Модус экологичности в эмоциональной коммуникации. <i>В.И. Шаховский</i>	53
Методы, приемы и подходы современной лингвоэкологии. <i>В.И. Шаховский, А.А. Штеба</i>	61
Лингвоэкология (эколингвистика) с точки зрения субстратного подхода к языку. <i>А.В. Пузырёв</i>	77
Признаки экологичности и проблема их выделения в лингвоэкологии. <i>С.В. Ионова</i>	89
Эмотивность как принцип экологичной коммуникации: методологический подход. <i>П.С. Волкова</i>	98
Часть 2. Эмотивная лингвоэкология: номинативный и коммуникативный аспекты	116
Раздел 1. Эмотивная лингвоэкология: номинативный аспект	116
Эргонимия как объект лингвоэкологического анализа. <i>О.В. Врублевская</i>	116
Оценочная семантика окказионализма как индикатор его экологичности / неэкологичности. <i>Н.И. Коробкина</i>	120
Русская эргонимия как предмет языкового конфликта. <i>И.В. Крюкова</i>	127
Эмоциональная окраска профессиональной лексики в аспекте лингвоэкологии. <i>Е.Н. Сердобинцева</i>	136
Национально-культурная асимметрия инвективной лексики. <i>Н.А. Сребрянская</i>	141
Раздел 2. Эмотивная лингвоэкология: институциональная коммуникация	160
Языковая игра — угроза экологичности общения в речевой культуре (на материале рекламной коммуникации)? <i>Л.П. Амири</i>	160
Экология общения врача и пациента. <i>В.В. Жура</i>	172
Юридизированные эмоции как причины и последствия речевых конфликтов. <i>Е.С. Кара-Мурза</i>	178
Ценностные параметры лингвоэкологического общения. <i>В.И. Карасик</i>	191
Категория инакости в межконфессиональном общении: лингвоэкологический аспект. <i>Е.Ю. Кислякова</i>	201

Эмоциогенность как критерий дифференциации современного медийного пространства. <i>Н.И. Клушина</i>	209
Лингвозокологические проблемы языка медицины. <i>С.И. Маджаева</i>	217
Лингвозокология как разновидность синергийной парадигмы: предметная сфера, дискурсивные практики и эвристические ресурсы. <i>А.А. Романов, Л.А. Романова, Е.В. Малышева</i>	227
Экологичность новозаветной притчи (на примере евангельской притчи о милосердном самарянине). <i>И.Ю. Рыкунова</i>	243
Между экспрессивностью и вульгарностью (лингвозокологические размышления над газетным жанром сатирического комментария). <i>А.П. Сквородников</i>	247
Эмотивные компоненты этической рефлексии в коммуникации и языковой картине мира (по материалу СМИ). <i>Т.И. Сурикова</i>	260
Экологичные и неэкологичные речевые акты в сфере эмотивного. <i>И.В. Труфанова</i>	274
Лингвозокология эмотивного компонента бизнес-коммуникации. <i>А.И. Цой</i>	288
Лингвозокологический аспект иноязычной научающей коммуникации. <i>Е.К. Черничкина</i>	294
Медийная неэкологичность как способ / средство диффамации адресата. <i>В.И. Шаховский</i>	302
Раздел 3. Эмотивная лингвозокология: межличностная коммуникация	318
Неэкологичные элементы современного коммуникативного поведения. <i>В.А. Буряковская</i>	318
Деструктивность как характеристика неэкологичного межличностного общения. <i>Я.А. Волкова</i>	323
Эмоциональный интеллект и ироничный идиостиль как основа коммуникативной терапии. <i>Е.Ю. Ильинова</i>	337
Индивидуально-авторские концепты Германа Гессе в повести «Сидхартха. Индийская поэма»: лингвозокологический аспект. <i>Н.А. Красавский</i>	347
Невежливые высказывания в свете эмотивной лингвозокологии. <i>В.В. Леонтьев</i>	363
Экологичность коммуникации сквозь призму достоверности информации. <i>Н.Н. Панченко</i>	374
Экологичность романтической коммуникации. <i>Т.Г. Ренц</i>	388
Экология общения в коммуникативной ситуации «признание вины». <i>Т.И. Толкачева</i>	394
К проблеме языковой категоризации «смешанных чувств» (двумодусная экологичность эмоциональной коммуникации). <i>А.А. Штеба</i>	401
Заключение	416
Библиографический список по проблеме лингвозокологии	419
Сведения об авторах	447

ВВЕДЕНИЕ

Н.Н. Панченко, А.А. Штеба

Появление эмотивной лингвоэкологии как нового направления социо-гуманитарного знания является закономерным. Сегодня наблюдается активное развитие лингвоэкологии, и появление эмотивной лингвоэкологии соответствует требованиям времени. При этом эмотивная лингвоэкология основывается на методологических принципах лингвистики эмоций, получившей большое развитие в последние десятилетия и выработавшей новый понятийно-терминологический аппарат.

Выход в область анализа категоризации эмоций в тексте, вне зависимости от его жанровой или дискурсивной принадлежности, дает возможность лучше увидеть интенции автора или говорящего, которые не всегда конгруэнтны семантике вербального сообщения. Поэтому эмотивная норма экологичности / неэкологичности текста (как письменного, так и устного) более гибка и подвижна, чем норма языковая, установлением и сохранением которой занимались преимущественно исследователи культуры речи — предшественницы современной лингвоэкологии.

Значимость эмотивной лингвоэкологии состоит еще и в том, что открыто заявлено о необходимости учета влияния эмоционального слова на здоровье человека посредством установления взаимозависимости между лингвоэкологией и валеологией. Эмотивная лингвоэкология призвана сформулировать подходы и параметры, соблюдение которых позволяет добиваться экологичной, т.е. «здоровой», оказывающей благоприятное воздействие на человека языковой среды.

Схематично обозначенная выше проблематика была детально обсуждена в рамках Всероссийского научно-теоретического семинара «Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве» (5—6 октября 2012 г.), организованного на базе Института иностранных языков и научно-исследовательской лаборатории «Язык и личность»

Волгоградского государственного социально-педагогического университета. В работе семинара приняли участие более 70 профессоров, доцентов, докторантов, аспирантов, магистрантов, представляющих научные школы Москвы, Ульяновска, Краснодара, Саратова, Ростова-на-Дону, Астрахани, Воронежа, Волгограда и др.

Предлагаемая научной общественности коллективная монография является воплощением суммарного результата многолетних изысканий ученых кафедры языкознания ВГСПУ, а также материалов общероссийского научно-теоретического семинара «Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве». Исследование, призванное определить сущность, предметную область и теоретико-методологическую базу данного направления, и проведение семинара были поддержаны грантом РГНФ 2012-13 г. (проект № 12-04-00008).

Структура монографии представляет собой единое по тематике и концепции исследование. Первая часть презентует результат общетеоретических изысканий и посвящается рассмотрению истоков эмотивной лингвоэкологии (разд. 1), установлению ее объекта, предмета, задач (разд. 2), описанию методов и приемов, которыми она оперирует (разд. 3). В этой же части монографии анализируются возможные направления исследований и пути развития данной отрасли лингвистики, описывается теоретико-методологическая база эмотиологии применительно к решению лингвоэкологических задач, формулируются основные теоретико-методологические положения эмотивной лингвоэкологии, предлагаются и определяются понятия, составляющие ее терминосистему.

Важность и актуальность обсуждаемых в данной части работы проблем обусловлена необходимостью решения вопроса о типах зависимости экологичного / неэкологичного общения от амбивалентных / поливалентных эмоций; амбиэкологичности дискурсивных практик оскорбления в разных проявлениях; влиянии массмедийной коммуникации на здоровье получателей информации; необходимости включения в коммуникативную компетенцию личности эмоциональной и эмотивной компетенций, участвующих в формировании лингвоэкологической компетенции, с одной стороны, и эмоционального интеллекта человека и его экологической составляющей (экологический интеллект) — с другой (проф. В.И. Шаховский).

Теоретически значимыми представляются 1) разграничение уровней экологического и экологичного мышления, экологического и экологичного языка, экологической и экологичной психофизиологии, экологической и экологичной речи, а также экологического и экологичного общения; 2) выделение в соответствии с субстратным подходом к языку двадцати пяти проблем эколингвистики, объединенных в пять

основных групп на уровне мышления, языка, психофизиологии, речи и общения, включая и их эмоциональный / эмотивный аспект (проф. А.В. Пузырев).

Обоснованным следует считать вывод о том, что категория эмотивности как неотъемлемая составляющая всякого реального и художественного текста является на сегодняшний день одним из фундаментальных методологических принципов, обеспечивающих полноценную жизнедеятельность сознания языкового носителя, и может рассматриваться как «пусковой механизм» процесса смыслообразования, что позволяет говорить о методологической направленности данной категории (проф. П.С. Волкова).

Методологически ценными являются и выделенные признаки экологичности в применении к языковым и речевым явлениям как объектам рассмотрения или фактам среды жизнедеятельности людей: биологические, в которые включены эргономические особенности влияния информационных потоков на человека, ортобиотические признаки информационной среды, синтаксические, семантические, прагматические факторы информационного воздействия, эмоциональная сфера человека, и социальные, к которым относятся митигационные тактики и применение средств позитивной эмоциональной модальности (проф. С.В. Ионова).

Вторая часть коллективной монографии состоит из трех разделов, посвященных рассмотрению эмотивной лингвоэкологии с точки зрения номинативного аспекта (разд. 1), специфики ее реализации в коммуникации — институциональной (разд. 2) и межличностной (разд. 3). Данная часть монографии предполагает постановку и решение ряда проблем частных предметных областей указанного научного направления и представляет собой материалы докладов ученых, принявших участие в научно-теоретическом семинаре «Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве».

Главы монографии, написанные участниками проекта, отражают обобщенные, систематизированные и дополненные результаты, частично представленные в ряде опубликованных ранее статей по проблемам эмотивной лингвоэкологии.

В монографию включена собранная участниками проекта библиография по проблематике лингвоэкологии.

Монография предназначена для широкого круга ученых, аспирантов, докторантов, а также студентов-филологов и всех, кто интересуется проблемами лингвоэкологии, эмотиологии, коммуникативной лингвистики.

Часть 1

ЭМОТИВНАЯ ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ: ИСТОКИ И СТАНОВЛЕНИЕ

Раздел 1. ИСТОКИ ЭМОТИВНОЙ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ

ЭКОЛОГИЯ, ВАЛЕОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА — ТРИ ИСТОЧНИКА ЛИНГВОЭКОЛОГИИ

В.И. Шаховский, А.А. Штеба

Лингвоэкология (эколингвистика) как новое научное направление в современной лингвистике является бурно развивающейся областью гуманитарного знания, что обуславливает происходящее уже из самого названия этой дисциплины проблемное поле. Данный подход к исследованию предполагает постулат о том, что язык представляет собой естественную среду, на которую воздействует пользователь языка. По умолчанию, такая среда идеальна для человека, но она не может оставаться неизменной.

Научно-технический прогресс дает человеку новые возможности для развития, более быстрого достижения искомым целей. Аналогичный процесс затрагивает и язык, пользователь которого стремится к максимальному комфорту, сокращению речевых усилий, когда говорящий ставит перед собой задачу не коммуникативного взаимодействия, а давления, что сопровождается разного рода диффамационными и импозитивными тактиками и стратегиями. Желание быть понятым превалирует над намерением понимать другого хотя бы потому, что это занимает больше времени. Меняющиеся условия коммуникации оказывают как положительное воздействие на язык, стимулируя его развитие и обогащение, так и негативное влияние, что, как указывает Л.Г. Казарян, приводит к обеднению, упрощению, вульгаризации языка [Казарян, 2005]. Э. Хауген, один из основоположников лингвоэкологии, также писал, что, по мнению многих исследователей, современный язык переживает период деградации [Haugen, 2001, p. 57—58]. Но неприятие подобных упаднических настроений во многом и побудило цитируемого автора к введению в научный обиход понятия «экология языка». Было предложено изучать взаимодействие между языком и его окружением, т.е. не его грамматикой и лексикой, а обществом, которое использует его как один из кодов. Как следствие, языковая экология

является проблемой и психологической (взаимодействие языков в сознании человека, или би- и мультилингвизм), и социологической (взаимодействие языка с обществом).

В настоящее время наблюдаются два основных подхода к лингвоэкологическим штудиям: изучение языка во взаимодействии с его пользователем, т.е. исследование языковых процессов в рамках установления их чистоты и (не-)загрязненности разного рода спорадическими образованиями (нецензурная лексика, слова-паразиты, безграмотность пользователей языка, внутренние преобразования языковой системы на всех ее уровнях и т.д.), и изучение языка в его взаимодействии с другими языками, т.е. это проблема языковой политики, сохранения языков, находящихся в опасности. Последний подход отражен и в определении понятия «лингвоэкология» в словаре терминов и понятий лингвистики под редакцией Т.В. Жеребило: лингвоэкология (применительно к лингвистике) — 1) изучение языков в контексте их функционирования; 2) исследование разнообразия лингвистических феноменов; 3) признание возможности сосуществования всех языков; 4) прикладной характер исследований, направленных на решение языковых конфликтов, повышение качества образования, поддержку и возрождение миноритарных языков; 5) исследование адаптивных стратегий языков и языковых экологических систем; 6) определение факторов, обеспечивающих высокую степень витальности языков [Жеребило, 2011, с. 118]. Примечательно, что и такое новое направление в рамках лингвоэкологии, как экология перевода, также соположено исследованиям разнообразия лингвистических феноменов и усилиям, направленным на сохранение аутентичности и самобытности языка-источника и языка-перевода. Поэтому задача экологии перевода состоит, по мнению Е.М. Пылаевой, в соотнесении мысли об экологичности перевода с такой его характеристикой, как гармоничность [Пылаева, 2011, с. 108].

Первый из обозначенных выше подходов привлекателен тем, что он опирается на достижения античной риторики. Теоретико-практические исследования представителей культуры речи также повлияли на активное развитие лингвоэкологии, ставшей новым витком на пути развития общей проблемы «чистоты языка». Укажем, что к основным критериям культуры речи относятся точность, логичность, выразительность (разнообразие, эстетичность, уместность) [Васильева, 1990, с. 12], ясность, доступность (доходчивость, простота, чистота), образность и действенность речи [Головин, 1980, с. 29], поскольку «культурная речь представляет собой речь живую и оживляющую действительность» [Караулов, 2001, с. 27—28]. В данной цитате содержится наглядное указание на то, что не только человек

влияет на язык, но и язык воздействует на человека. Причем это воздействие Ю.Н. Караулов определяет через понятие «жизнь», что указывает на еще одну межпарадигмальную плоскость исследования экологии языка — соотношение языка и здоровья человека, т.е. это связь лингвистики и валеологии, объектом которой выступает физическое и психическое здоровье человека. Рассмотрим подробнее основные положения представленных научных дисциплин (культуры речи, валеологии и лингвоэкологии) в их связи и взаимодействии. В первую очередь, возникает необходимость рассмотрения проблематики культуры речи как прародительницы современной лингвоэкологии.

Известно, что термин «культура речи» многозначен, под ней понимаются: 1) совокупность и система коммуникативных качеств речи; 2) учение о совокупности и системе этих качеств [Головин, 1980, с. 7]. Вторит сказанному А.Н. Васильева, предлагая два значения культуры речи: 1) качество использования языковой способности; 2) наука о качестве пользования языком [Васильева, 1990, с. 5].

Показателем теоретико-методологической эволюции данного научного направления выступает постепенное расширение предмета исследования. Так, в культуре речи принято выделять несколько уровней, к которым относятся литературно-языковой, речестилистический, ситуационный и прочие уровни [Там же]. Если изначально усилия ученых были направлены на изучение «элементарной культуры речи» как науки о литературно-языковой норме, то впоследствии акцент сместился на проблему функционально-коммуникативной оптимальности [Там же, с. 6—7].

В многочисленных исследованиях, посвященных проблемам языковой нормы, содержится мысль о том, что последняя огрубляет речь, превращает ее в искусственный конструкт. Как писал С.И. Ожегов, «то нормально, что позволяет точно выразить мысль» [Ожегов, 1974, с. 285]. Поэтому норма носит, скорее, индивидуальный или узкогрупповой характер при всей кажущейся ошибочности данного мнения. В языке все ситуативно, только анализ конкретной коммуникативной ситуации, рассматриваемой как многоуровневое семиотическое образование, может показать (не-)успешность данного коммуникативного хода. Стремление же поставить язык в узкие рамки стандарта содержит в себе пренебрежение такой его особенностью, как динамичность. Как следствие, языковая норма должна рассматриваться не как статичное явление, а как гибкая и подвижная сущность.

Отечественными и западными учеными постоянно указывается на то, что современный язык является языком вражды, ненависти, насилия и дегуманизации [MacLeod, 2009; Horowitz: www]. Определена категория язы-

ковых преступлений, когда «отклонение языковых элементов и единиц от их прямой предметной отнесенности, носящее разрушительный характер» начинает тиражироваться в СМИ [Золотарева, 2008, с. 131; 2010, с. 37]. Имеют место искажение смысла, повсеместная ложь и манипуляция как скрытое и не всегда осознаваемое воздействие на сознание. И в такой деструктивной информационной среде человек вынужден пребывать.

В культуре речи сформирована ясная и однозначная позиция относительно мата: употребление нецензурных, непечатных слов, площадной брани, матизмов «унижает слушающего, отрицательно характеризует говорящего, навязывая ему низменные стереотипы» [Караулов, 2001, с. 28]. По мнению Б.Н. Головина, «в словесной брани всегда есть отзвук <...> равнодушия и неуважения к другим» [Головин, 1980, с. 174]. Но и на мат, как и на любой другой тип оскорбления, может быть получена положительная реакция, если за сквернословием адресат будет способен увидеть эмоциональное переживание, отношение говорящего, его конструктивные коммуникативные намерения. Заметим, что взаимные оскорбления в коммуникативной ситуации конфликтного, агрессивного общения являются своеобразным эмоционально-психологическим катарсисом, когда отрицательное переживание не накапливается в человеке, а получает выход. В ситуации же приема оскорбительной информации из СМИ адресат не имеет права на ответную реакцию по принципу «его никто не спрашивает». В этом и заключается опасность «языковой деградации» (по А.П. Сковородникову), пагубно воздействующей на человека, приводящей к морально-нравственному опустошению.

В то же время показателем высокой культуры речи является «умение найти наиболее доходчивое и уместное средство выражения мысли» при понимании нормы как социально-стилистической категории [Ожегов, 1974, с. 285—287]. Поэтому и нецензурная лексика может быть единственно верной применительно к конкретной ситуации, поскольку одно и то же явление в зависимости ситуации может остаться незамеченным или быть воспринято как ошибка [Костомаров, Леонтьев, 1966, с. 4]. Проблема нормализаторства языка непременно соотносится с шаблонностью мышления. Появляется иллюзия легкости и простоты мысли, за которой стоят однотипность и скудность, равнодушие и притупленность [Головин, 1980, с. 218].

Понятие нормы применительно к трем частям риторики, выделенным М. Ломоносовым (изобретение, украшение и расположение), должно активироваться не на втором «декоративном» уровне выбора средств об-

лечения своей мысли говорящим, а на первом. Возникает вопрос: насколько же своевременны сейчас правила ратора, сформулированные М. Ломоносовым [Ломоносов, 1986, с. 365]: «Никогда не злобствуй и обид учиненных не помни» или «Мы любящих нас обыкновенно любим»? Само «изобретение» сообщения, т.е. мотив, обязано быть «нормальным». А критерием определения последнего становятся эмоции говорящего, поскольку они есть мотивационная основа сознания. Но здесь важна форма выражения эмоций, в случае правильного выбора которой адресант может эксплицитно свои переживания, осознавая, что это не приведет к нежелательным последствиям, т.е. не обидит адресата.

Каждое сообщение должно обладать терапевтическим воздействием, а не быть направлено на оскорбление и унижение, травмирование адресата. Интересно, что все отрицательное обладает способностью к бурному распространению, качественной и количественной экспансии. Большой язык, т.е. эмотивно-неэкологичный, оказывает пагубное воздействие на человека. Энергия материальна, и энергетическая мощь слова очень высока. Необходимо лишь сменить деструктивный характер этой энергии на оздоровительный. Тогда уже «здоровый язык» будет улучшать жизнь пользователя: «умение найти нужные слова — залог морального, даже физического здоровья» [Головин, 1980, с. 252].

Экологический подход не ограничивается только рассмотрением языка и все более активно расширяет свою сферу влияния. Сегодня говорят об экологической культуре в целом, что должно стать одним из приоритетных направлений деятельности государства в борьбе против нравственных пороков общества, все более основательно закрепляющихся в сознании его представителей [Сихынбаева, Жолдасбекова, Омарова, 2012], в экологическом мышлении [Полухин, 2009] и экологическом сознании [Шаховский, 2010].

Из разнообразия представленных предметных областей следует вывод об особой значимости лингвоэкологических исследований, поскольку качество языка обуславливает качество мышления, видения реальности, жизни человека. Поэтому нельзя не согласиться с М.Н. Эпштейном, считающим, что понимание жизни не сводится только к биологии, ограничивающейся изучением жизни в материальной природе. Возникла необходимость в создании более широкой дисциплины — *биософии* (буквально — «жизнелюбие», от греч. *bio* — «жизнь» и *sophia* — «мудрость»), которая изучала бы жизнь во всех ее проявлениях: как материальных, так и духовных; как в природе, так и в культуре [Эпштейн, 2011].

Акцентирование внимания на взаимосвязи языка и жизни не является только метафорой. Такие научные направления, как лингвоэкология и валеология, имеют общую целевую установку на защиту человека (его физического и психического здоровья), в том числе и посредством «очищения языка». Данные предметные области фокусируются на прескриптивной, а не дескриптивной установке. Это активная позиция, предполагающая обязательное формулирование рекомендаций по преодолению анализируемых проблем, на необходимость принятия данной позиции указывается уже в трудах Платона: «Мы нуждаемся в таком знании, в котором сочетались бы умение что-то делать и умение пользоваться сделанным» [Платон, 1990].

Предвестником становления валеологии как научного направления стало появление в 1960-х гг. санологии, благодаря трудам С.М. Павленко и С.Ф. Олейника. Объединяет данные направления их объект (здоровье человека), тогда как предметом санологии выступает противодействие организма болезни, а валеологии — обеспечение, формирование, сохранение здоровья человека [Брехман, 1990; Вайнер, 2001]. Таким образом, санология входит в парадигму валеологии как клиническая валеология, а усилия валеологов направлены на изучение индивидуальных и социальных, эволюционных, физиологических и психологических факторов здоровья.

Слово является мощной энергетической сущностью, воздействующей на сознание, волю *homo sapiens* и мотивирующей его на социальное конструирование или социальную деструкцию: *Есть слова пострашнее, чем порох, // Чем снаряд над окопными рвами // Я советую людям при ссорах // Осторожнее быть со словами* (М. Матусовский). Воздействие слова на физиологию человека доказано физиологами и психоневрологами. Волновые генетики под руководством П.П. Гаряева утверждают, что любая информация, которую получает человек, может быть записана в волновом гене: каждое слово представляет собой генетическую программу, которая отражается в действиях человека [Воронина, 2010]. Сказанное по-иному раскрывает и содержание метафоры «человек — текст».

Как отмечает А.В. Пузырев, отправляя в пространство отрицательные мысли, отрицательно окрашенные слова, мы ослабляем себя, выбираем саморазрушительный тип поведения и, сами того не осознавая, принимаем активное участие в самораспаде [Пузырев, 2002, с. 103]. Отрицательные же мысли происходят из «надорванного» массивированными информационными атаками нездорового организма. Поэтому особыми параметрами культуры речи являются этичность и эстетичность. А.Н. Васильева счита-

ет, что систематическое несоблюдение данных постулатов культуры речи приводит к созданию «антикультуры» как «сознательному и намеренному нарушению, искажению общепринятых принципов и критериев культуры речи», антикультура есть «извращение, агрессивный настрой, дезориентация, отрава речи» [Васильева, 1990, с. 11—12]. В настоящее время на роль отдельного научного направления претендует и этическая лингвоэкология, корпус которой включает около пятидесяти базовых положительных этических концептов («вера», «любовь», «добро», «правда», «дом», «гармония», «мудрость», «толерантность», «справедливость» и др.), вмещает которые ядерный концепт «душа» [Андреева, 2012, с. 11—12].

Экстраполяция терминопарадигмы валеологии в область лингвоэкологии (подобные усилия были предприняты А.П. Сковородниковым при формальном заимствовании и смысловом расширении терминов экологии) позволяет сформулировать следующие проблемы: **здоровый образ жизни языка** как поиск и создание условий улучшения языка, например, посредством усиления эстетизации языкового пространства, окружающего человека; **двигательная активность языка**, что предполагает рассмотрение активности языка с двух позиций: 1) активность экологичная как творчество, происходящее от личности говорящего; 2) активность неэкологичная как следование деструктивной модели, к примеру, экспансия нецензурной лексики, обогащение парадигмы бранной лексики и т.п.; **лингвогеометрия** как исследование внутренних ресурсов языка, способствующих экологизации коммуникативного пространства. Это важно еще и потому, что на здоровье языка влияет внешняя среда, когда данное воздействие естественно уменьшает время, необходимое человеку для адаптации в новых условиях, и лишает его возможности рефлексии своего коммуникативного поведения для сопротивления неэкологичной внешней среде, а также осознания состояния последней; **простудно-инфекционная болезнь языка** [Штеба, 2012] как сопротивление деструктивным языковым образованиям, для которых характерны быстрая фиксация и редупликация, чтобы не позволить предсказанию М. Фуко сбыться: «неврозы будут конститутивными формами нашего общества (а не отклонениями от них)» [Фуко, 1998, с. 207].

Важно, что рекомендации по экологизации языкового пространства адресованы в первую очередь педагогам. К примеру, в 1995 г. в Ачинском педагогическом училище проведен научно-методический семинар «Экология языка и культура речевого общения» при Красноярском университете. Выступивший там с докладом А.П. Сковородников обозначил несколько задач лингвистической экологии, среди которых осо-

бенно примечательны установление путей и способов обогащения языка и совершенствование общественной речевой практики [Федосюк, 1995, с. 106]. Одним из главных способов реализации намеченной задачи является подготовка учителей школ и преподавателей вузов.

Реакцией на дезэкологизацию языкового пространства послужило появление «авангардистской» поэзии. Ее представители провозгласили отказ от «правописания», пунктуации и прочих форм «стереотипизации» языка [Казарян, 2006, с. 29], что служит еще одним средством оживления языка и попыткой побудить языковое сообщество к борьбе за свой язык и свое будущее. Писатели своим творчеством также побуждают читателя заботиться о своем языке. Дж. Оруэлл в своем рассказе «Политика и английский язык» подробно рассмотрел проблему обеднения языка, высмеял ряд явлений, указывающих на его осквернение: затасканность образов, отсутствие точности, использование операторов или ложных глагольных фраз (*дать начало, иметь следствием, заявить о себе, служить цели*), претенциозных выражений (*феномен, элемент, индивидуум, объективный, категорический, эффективный, виртуальный, основной, первичный, способствовать, составлять, демонстрировать*). Дж. Оруэлл призывает адресата «оживить» свой язык, творить экологически оптимальную среду для себя и своих близких.

Анализ научной литературы, посвященной проблематике лингвоэкологических исследований, вынуждает констатировать, что при всей своей актуальности и витальности предметная область экологии языка расширяется, но не конкретизируется, т.е. наблюдается преобладание теоретических изысканий в ущерб практическим. Приоритет отдается детальному раскрытию вопроса становления лингвоэкологии (Е.В. Иванова, Е.М. Пылаева, А.П. Сковородников, T. Skutnabb-Kangas & R. Phillipson) или размышлениям о пагубном и неотвратимом влиянии информационной среды на человека, когда состояние его языка и мышления характеризуется как «точка невозврата» [Stibbe, 2010], сознание терпящего крушение или коллективная близорукость [Bowers, 2009]. Выбор слова указывает на доминантную ментальную карту языкового сообщества, на то, как человек воспринимает окружающий его мир; наблюдается тенденция игнорирования внутренней формы слова, на смену которой приходит ложная и девиантная этимология, что выражается в примате редукционистской модели мышления. Метафора, скрытая в термине «экология» (от греч. *oikos* — дом), должна быть выведена на передний план для того, чтобы человек осознал себя хозяином, заботящимся о своем жилище, а не квартиросъемщиком [Там же].

Лингвоэкология как полипарадигмальное научное направление, по аналогии с экосистемой, характеризующейся открытостью и динамичностью, рассматривает связь языковых и неязыковых элементов; язык изучается как инструмент поддержания общности, средство мирного сосуществования людей в различных социальных группах и обществе [Иванова, 2007]. Согласно А. Филлу, в эколингвистике выделяются три исследовательских направления: 1) экология языков, где экологические идеи экстраполируются на язык, изучаются связь языков и их воздействие друг на друга; 2) экологическая лингвистика, которая использует термины и принципы экологии для изучения языка; 3) языковая экология, в основе которой лежат языковые данные, способствующие раскрытию «экологических» проблем [Fill, 2001]. В работе Н. Лёшеврель также выделяются три исследовательских направления, возникших на стыке экологии и лингвистики: 1) лингвоэкология (*la linguistique de l'écologie ou de l'environnement*), в которой изучается языковая объективация экологических проблем, а также ведется поиск лингвистических приемов преодоления экологического кризиса; 2) эколингвистика (*la linguistique écologique*), усилия представителей которой направлены на перенос терминов и понятий экологии и биологии в область лингвистики; 3) экологистская лингвистика (*la linguistique écologiste*), объектом которой является языковое разнообразие [Lechevrel, 2008, p. 19—20].

Е.В. Иванова предлагает ограничиться только двумя подходами: экология языка (по А. Хаугену), которая «отталкивается» от экологии и метафорически переносит на язык экологические понятия, принципы и методы, и языковая экология (по М. Халлидею), которая рассматривает экологические проблемы, опираясь на языкознание и его методы [Иванова, 2007a]. Реализация последнего подхода показана в одной из работ Е.В. Ивановой [2007б], где рассматриваются вопросы метафоризации экологически важных тем. Но наблюдается и существенное ограничение прикладного аспекта такого подхода, поскольку, помимо влияния слова на экологию, нужно учитывать воздействие на экологию сознания, мышления, интеллекта. На наш взгляд, большее внимание в подобных работах должно уделяться, в первую очередь, проблемам выбора слова в процессе отражения действительности, влияния формы обозначения реальности на мышление человека.

Целевая установка лингвоэкологии заключается в исследовании динамики сосуществования языка и человека в аспектах социальной, языковой и речевой деградации и реабилитации [Коровушкин, 2001, с. 62], поэтому исследование может считаться выполняемым в парадигме эколингвистики, если оно осуществляется в естественном окружении и оперирует пред-

метами и действиями повседневной жизни. Кроме того, необходимы такие изменения в языке, которые смогут противостоять давлению на человека враждебной внешней среды [Пылаева, 2011, с. 108].

Достаточно продолжительное время лингвоэкология использует такие термины и понятия, как «лингвизид», «язык вражды и ненависти», «язык агрессии», «болезни языка», «вульгаризация языка», «лингвоэкологические нарушения», «речевая вседозволенность», «дизлингвоэкологическая деятельность», «давление на языковую среду», «антропогенное загрязнение языка» и т.п. Примечательно, что данные понятия не лишены эмоционально-оценочного компонента в их семантике. На наш взгляд, знак эмоции является признаком экологичности / неэкологичности языка и речи. Возникновение эмотивной лингвистики позволило осуществлять анализ эмоций лингвистическими средствами и приемами. В семантике любого слова присутствуют актуальные или потенциальные семы 'эмоция' и 'оценка', которые конкретизируются и определяют статус эмотивной семантики лексической единицы. Как следствие, можно говорить о словах с положительной и отрицательной эмотивностью. Однако не всегда слово сохраняет данный статус в любой коммуникативной ситуации: в одном случае оно может оставаться положительным эмотивом, в другом — способно трансформироваться в отрицательный. Данное наблюдение эмотиологов отразилось в формулировании и основательной теоретико-практической разработке таких проблем, как **эмотивная амбивалентность, реверсия оценочного знака эмотива, эмотивные приращения семантики, дискурсивность эмоций** и пр. Такая нестабильность, на первый взгляд, играет некую дезорганизующую роль. Но вывод о подвижности эмотивного компонента семантики важен потому, что это и дало толчок к началу использования достижений эмотиологии в рамках решения лингвоэкологических задач. Флуктуативность как одна из особенностей эмотивности расширяет представление об экологичном и неэкологичном, поскольку, как было отмечено выше, то нормально, что позволяет говорящему точно выразить свою мысль. В основе же любой деятельности лежат эмоции, когда использование нецензурной лексики не обуславливает неэкологичность речи только лишь в силу употребления неким лицом табуированной, сниженной, грубой лексической единицы. Аналогично и ситуация лестного общения, являющаяся положительной по форме, не может рассматриваться как экологичная. Поэтому эмотивно-экологических или неэкологических слов как таковых не бывает. Правильнее говорить о словах, более или менее ориентированных на выполнение в тексте / коммуникации конструктивной или деструктивной функций. Например, актуальным является изучение проблемы

памяти эмотивов. Известно, что каждое словоупотребление, в том числе и эмотивное, сохраняется в семантической памяти лексической единицы. Поскольку слово «помнит» те коммуникативные эмоциональные ситуации, в которых оно было употреблено, то и сами эмоции должны обладать способностью к запоминанию условий и последствий, в том числе и соматических, к которым привело их переживание.

Становлению эмотивной лингвоэкологии предшествовало сужение объектов исследования экологии, валеологии и эмотиологии до уровня изучения характера информационной среды (позитивный или негативный), средств ее языковой репрезентации и места эмоций в отражении информации. Так, объективная информация может отражать и позитивные, и негативные события, когда такая объективация предполагает эталонную обезличенную констатацию событий. Аналогично существуют положительные и отрицательные эмотивы.

Однако человека окружает не столько информационная, сколько интерпретационная среда, т.е. имеет место субъективное отражение информации с акцентом на выбираемой отправителем сообщения позиции. Внимание должны привлекать языковые средства представления информации, на отбор которых влияют эмоции говорящего. Именно от того, какая эмоциональная доминанта избирается автором сообщения, зависит реакция адресата, которая может принимать форму как конструктивного, так и деструктивного эмоционального резонирования. От эмоционального резонирования субъективной информации будет зависеть направление рефлексии адресата, а также характер его действий и поступков.

Говорящий зачастую не прикладывает достаточных усилий для того, чтобы поддерживать позитивную тональность общения, идти на диалог не только с партнером по коммуникации, но и с самим собой, что выражается в отказе от рефлексии, в импульсивности поведения и т.п. Речь является одним из наиболее заметных показателей трансформации человека в *homo debilis*. Объяснить данную тенденцию к ослаблению индивида может и анализ информационной среды, в которой он пребывает, и условий жизни, диктуемых современным обществом гиперпотребления. Таким образом, ослабленный человек, находящийся в негативно воздействующей на него среде, не способен и не намерен продуцировать «здоровые» высказывания.

Следует заметить, что целевая установка валеологии на защиту человека содержится и в экологии, поскольку от условий окружающей среды зависит жизнь человека. Эмоции определяют восприятие человеком действительности, их переживание непременно сопровождается соматическими

коррелятами. Соответственно, и слово, категоризирующее ту или иную эмоцию, также воздействует не только на процесс общения, но и на физическое состояние коммуникантов. Следующим этапом на пути формирования эмотивной лингвоэкологии стало создание установки на заботу о здоровье человека. Последнее, в свою очередь, стало общим предметом валеологии, экологии, эмотивной лингвистики и лингвоэкологии, т. к. усилия лингвоэкологов направлены в первую очередь на борьбу за чистоту языка, когда за данным определением стоит и обеспокоенность, как минимум, состоянием мышления говорящего, не способного к четкому выражению своих мыслей, человека, ослабленного той языковой средой, в которой он пребывает.

Формулирование данного предмета, общего для всех перечисленных научных направлений, обуславливает появление эмотивной лингвоэкологии, к проблемному полю которой относятся не только эстетичность и этичность общения, но и вред или польза слова для здоровья человека. Предмет лингвоэкологии расширяется от примата языкоохранительной до здоровьесберегающей или терапевтической функции. Указания на последнюю находим в многочисленных произведениях писателей, поэтов, философов, пытающихся заострить внимание на том, как выбор слова влияет на человека, возвышая или унижая его, разрушая или созидая его сущность. Одно неосторожное слово может привести к конфликту различного масштаба. В итоге язык ненависти, агрессии, вражды не является верной характеристикой информационной среды, а выступает в роли катализатора культивируемого в человеке примата деструктивности. Такой язык свидетельствует о происходящих в сознании человека деградиционных процессах, ослабляющих его психически и физически.

Эмоции являются средством воздействия на человека. Поэтому примат отрицательных эмотивов свидетельствует об эмоциональном «выгорании» и напряжении говорящего. Способом противодействия такого рода выгоранию также являются эмоции, а именно их прагматика. Необходимо трансформировать доминантную отрицательную эмоциональную среду в положительную, что должно привести к переоценке происходящего и, как следствие, улучшению психического и физического самочувствия человека. При отсутствии внимания к сказанному преобладающие эмоции будут культивироваться и аккумулировать свой деструктивный потенциал.

Проблема заключается собственно в идентификации признаков и параметров здоровой (= экологичной) коммуникации, поскольку язык *argotio* идеален: он является абсолютом, содержащим в себе как конструктивный,

так и деструктивный вектор развития. Эмотиология, на наш взгляд, предлагает способ решения обозначенной проблемы в форме анализа эмотивной плотности текста/коммуникации (в плоскостях количества и качества). В таком случае положительная эмотивность соответствует экологичным и конструктивным тексту и коммуникации, а отрицательная — характеризует их как неэкологичные и деструктивные.

За внешней простотой данного условия стоит множество факторов, усложняющих эмотивный анализ. К таковым относится гибкий и динамичный характер эмотивности как семантической категории; тот факт, что за эмотивом скрыты уже видоизмененные эмоции, которые эквивалентны, но не адекватны испытываемым говорящим в данный момент; коммуникативное намерение говорящего, в основе которого лежит эмоциональное переживание.

Одна из основных задач заключается в проблеме декодирования положительного прагматического потенциала отрицательных эмотивов. К примеру, соотношение информации и ее языкового выражения предполагает следующие их виды:

- позитивная информация и ее позитивная языковая репрезентация;
- негативная информация и ее негативная языковая репрезентация;
- позитивная информация и ее негативная языковая репрезентация;
- негативная информация и ее позитивная языковая репрезентация.

Последняя форма соотношения объективной информации и ее субъективной языковой категоризации является наименее частотной, к примеру, в современном массмедийном пространстве, хотя такая форма отражения отрицательного события является эталоном экологичности, конструктивности, оказывающей положительное воздействие на адресата. В основе данной модели лежит регулятивная функция эмоций, когда на отрицательный стимул дается положительная реакция, что позволяет изменить предполагаемую тональность сообщения с отрицательной на положительную.

Действительно, в определенных типах коммуникативных ситуаций использование отрицательных эмотивов является абсолютно мотивированным ходом. Адресату сообщения, содержащего подобную изначально деструктивную единицу, нужно попытаться понять причину ее употребления, т.е. отказаться от примата эгоцентрической модели поведения в пользу ориентации на Другого. Особенно актуальна данная идея звучит сейчас, в эпоху бурного развития постмодернистской парадигмы социогуманитарного знания, предполагающей множественность интерпретаций, полифоничность слова и текста. В случае успешной выработки такого умения следующим этапом становится целевая установка на позитивизацию об-

щения в целом, поскольку единственным способом борьбы против стрессогенной, деструктивной внешней среды является создание микроэкосистем на уровне малых групп (семья, друзья, рабочий коллектив), т.е. искусственное формирование благоприятных условий жизни человека. Предположительно, данные микроэкосистемы должны расширяться посредством переноса глорификационных и конструктивных тактик и стратегий поведения с группой Своих на общение с Другими [Stibbe, 2010].

Л и т е р а т у р а

Андреева К.А. «Рождественская песнь» Ч. Диккенса в ракурсе этической лингвистической экологии // Вестн. Тюм. гос. ун-та. — 2012. — № 1. — С. 11—15.

Брехман И.И. Валеология — наука о здоровье. — 2-е изд., доп., перераб. — М.: Физкультура и спорт, 1990.

Вайнер Э.Н. Валеология: учебник для вузов. — М.: Флинта: Наука, 2001.

Васильева А.Н. Основы культуры речи. — М.: Рус. яз, 1990.

Воронина Т.В. Воздействие слова на человека. — URL: <http://www.ratayana.com/index.php/likbez/95-2010-02-10-17-00-45.html>.

Головин Б.Н. Основы культуры речи: учеб. пособие. — М.: Высш. шк., 1980.

Жеребило Т.В. Термины и понятия лингвистики. Общее языкознание. Социоллингвистика: словарь-справочник. — Назрань: ООО «Пилигрим», 2011.

Золотарева Ю.А. Преступление лингвистическое или языковое // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: материалы XI Междунар. науч. конф. Ульяновск, 12—15 мая 2008 г. / отв. ред. А.В. Пузырев. — М.: Ульяновск: Ин-т языкознания РАН; Ульян. гос. ун-т, 2008. — С. 129—136.

Золотарева Ю.А. Языковые преступления и языковые манипуляции в аспекте отношений субординации и суперординации // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: материалы XI Междунар. науч. конф. Ульяновск, 12—15 мая 2010 г. / отв. ред. А.В. Пузырев. — М.: Ульяновск: Ин-т языкознания РАН; Ульян. гос. ун-т, 2010. — С. 37—38.

Иванова Е.В. Цели, задачи и проблемы эколлингвистики // Прагматический аспект коммуникативной лингвистики и стилистики: сб. науч. тр. / отв. ред. Н.Б. Попова. — Челябинск: Изд-во ИИУМЦ «Образование», 2007 а. — С. 41—47.

Иванова Е.В. Эколлингвистика и роль метафоры при описании экологических проблем // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2007 б. — № 13. — С. 34—38.

Казарян Л.Г. Поэтические тексты в процессах духовной «экологизации» общества // Экология человека. — № 5. — 2005. — С. 28—31.

Караулов Ю.Н. О состоянии современного русского языка // Рус. речь. — 2001. — № 3. — С. 25—30.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. — М.: Наука, 1987.

Коровушкин В.П. Основные атрибуты лингвоэкологии как автономной междисциплинарной отрасли языкознания // Вестн. Череповец. гос. ун-та. — 2001. — № 1 (28). — С. 60—63.

Костомаров В.Г., Леонтьев А.А. Некоторые теоретические вопросы культуры речи // Вопр. языкознания. — 1966. — № 5. — С. 3—15.

Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки. Март 1744 г. — январь 1747 г. Фрагменты // Избранная проза / сост., предисл. и коммент. В.А Дмитриева. — 2-е изд., доп. — М.: Сов. Россия, 1986. — С. 345—410.

Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи: учеб. пособие для вузов. — М.: Высш. шк., 1974.

Платон. Собрание сочинений: в 4 т. — М.: Мысль, 1990. — Т. 1.

Полухин А.А. Современное языкознание и экологическое мышление // Опыты—2008: сб. науч. работ преп. и студ. фак. филологии / сост. Н.М. Димитрова. — СПб.: РИО ГПА, 2009. — С. 65—73.

Пузырев А.В. Опыты целостно-системных подходов к языковой и неязыковой реальности: сб. ст. — Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2002.

Пылаева Е.М. Эколингвистика как новое направление в языкознании XXI века // Вестн. Перм. гос. техн. ун-та. Проблемы языкознания и педагогики. — 2011. — № 5. — С. 106—113.

Сихынбаева Ж.С., Жолдасбекова К.А., Омарова Г.А. Некоторые вопросы об экологической культуре студентов Казахстана // Фундаментальные исследования. Педагогические науки. — 2012. — № 11. — С. 1108—1110.

Федосюк М.Ю. Научно-методический семинар «Экология языка и культура речевого общения» // Рус. яз. в школе. — 1995. — № 6. — С. 106—107.

Фуко М. Безумие, отсутствие творения // Фигуры Танатоса: Искусство умирания: сб. ст. / под ред. А.В. Демичева, М.С. Уварова. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. — С. 203—211.

Шаховский В.И. Роль эмотивности в медиа-экологии // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире-5: сб. ст.; V Междунар. науч.-практ. конф. (2010; Волгоград) / отв. ред. Г.Г. Слышкин, И.С. Бессарабова. — Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы», 2010. — С. 223—226.

Штеба А.А. «Здоровье языка» в аспекте эмотивной лингвоэкологии // Языковые и филологические исследования: электрон. науч. журнал. — 2012. — Вып. 4. Т. 2. — С. 21—25. — URL: <http://www.language-and-philological-researches.ingnpublishing.com/archive/2012>.

Эпштейн М.Н. О живом // Звезда. — № 8. — 2011.

Bowers C.A. The Language of Ecological Intelligence // Language & Ecology. — 2009. — Vol. 3. — No. 1. — URL: <http://www.ecoling.net>.

Fill A. Ecolinguistics // The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment / Ed. by A. Fill, P. Mӓhlhdusler. — London, New York: Continuum, 2001. — P. 43—54.

Haugen E. The Ecology of language. Essays by Einar Haugen — Standford: Standford University Press, 1972.

Horowitz Franklin E. Metaphors We Die By: George Lakoff's «Metaphors Of Terror». — URL: <http://www.ecoling.net>.

Lechevrel N. L'йcolinguistique: une discipline йmergente? // РЙЛQ/QSJL. — 2008. — Vol III. — No. 1. — P. 16—38.

MacLeod Al. Dog as Self and Other. Comparisons to Canines as a Practice of Dehumanization // Language and Ecology. — 2009. — Vol. 3. — No. 1. — URL: <http://www.ecoling.net>.

Stibbe A. Awakening at the Point of No Return // Language and Ecology. — 2010. — Vol. 3. — No. 2. — URL: <http://www.ecoling.net>.

Раздел 2. ЭМОТИВНАЯ ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ: ОБЪЕКТ, ПРЕДМЕТ, ЗАДАЧИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ЭКОЛОГИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ И ПАРАМЕТРЫ ЭКОЛОГИЧНОГО ОБЩЕНИЯ

В.И. Шаховский, Н.Г. Солодовникова

С 1980-х гг. лингвистика становится все более интегративной наукой. Первоначальные разговоры о том, что она растворяется в других науках, теряет собственные объект и предмет, прекратились после того, как Е.С. Кубрякова убедительно доказала полипарадигмальность лингвистики. Такой подход к новой лингвистике конца XX в. объяснил возникновение многочисленных парадигм, вторым компонентом названия которых стало слово «лингвистика»: социо-, психо-, тексто-, прагма-, нейро-, когнитивная, эмотивная, терапевтическая, компьютерная, коммуникативная, интер-, кросс-культурная, футуристическая и др. Объединение целого ряда наук вокруг лингвистики выявило ее центральное место, ее лидирующую роль в системе наук и стало свидетельством того, что она из имманентной и частной стремительно превращается в общенаучную дисциплину с общенаучной методологией.

Среди многочисленных функций языка все чаще упоминается его терапевтическая функция (или наоборот). Так, В.В. Жура на примере записей общения врача с пациентом экспериментально установила, что часто

врач неадекватно разговаривает с пациентом и тем самым нарушает заповедь Гиппократову «Не навреди» [Жура, 2008]. Врач (как ни один другой профессионал) знаком с тезисом «Слово лечит, слово калечит». С древних времён известно, что словом можно как убить (унизить / оскорбить / уничтожить), так и возвысить (похвалить / поддержать / помочь). Ибо и слово — дело. И это особенно относится к деятельности врача — он должен помнить, что «нам не дано предугадать, как наше слово отзовется».

Терапевтическая функция языка все больше и больше привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных лингвистов (см. библиографию в: [Там же, 2008]). Но эта функция реализуется не только в институциональном общении «врач — пациент». Она всеобъемлюща для современной как горизонтальной, так и вертикальной коммуникации: бытовое общение равных по социальной лестнице людей (их общение друг с другом) и общение людей, находящихся на разных ступенях этой лестницы (общение «власть — народ»), ибо оба эти типа общения могут создавать эмоциональные конфликтные ситуации, своей негативной энергетикой провоцирующие негативные эмоции у одной или обеих коммуницирующих сторон. Конфликтообразующим может быть любое слово, сказанное не вовремя, не тому человеку, не в той ситуации, не с той интонацией, с неправильно ориентированной интенцией.

Каждому из нас известны многие из таких случаев, каждый из нас испытывал такой неожиданный конфликтообразующий эффект своего или чужого слова на себе. Нередко такое слово приводило как минимум к порче настроения, как максимум — к порче здоровья. Естественно, что лингвисты первыми стали говорить о здоровьеохраняющей функции языка.

В связи с расширением применения термина «экология» в различных сферах жизнедеятельности человека и общества становится возможным говорить об «экологизации» современной науки, в том числе человековедения и лингвистики. На это указывают и расширение семантики термина «этология», и вычленение ещё одной функции языка — этологической, которая тесно связана с экологической и эстетической функциями языка.

Этология как наука изначально имела объектом своего изучения природу инстинкта и его влияние на социальное поведение животных, их общение друг с другом, механизмы сдерживания внутривидовой агрессии. Со второй половины XX в. появилась «человеческая этология», т. к. у этой науки появился новый объект — поведение человека. Поэтому семантика термина «этология» расширилась и стало возможным говорить об этоло-

гической функции языка как одной из важнейших составляющих человеческого организма, благодаря которой человек является социальным животным и благодаря которой это социальное животное общается с себе подобными.

Так, А. Киклевич тоже среди различных функций языка как его экологическую перспективу вычленяет этологическую функцию, которой он не даёт чёткого определения, но из его рассуждений становится очевидной взаимосвязь между этими двумя функциями — экологической и этологической [Kiklewicz, 2008, с. 35—36]. Их объединяет оптимизация прагматики человеческого общения в широком смысле, а следовательно, стремление избежать разного рода коммуникативных неудач и прежде всего — конфликтов. Продолжая мысль этого автора, отметим, что значения слов находятся не в словаре, а в головах коммуникантов и что у каждого из них своя прагматика одного и того же слова. Общеизвестно, что существуют прагматика говорящего (инициальная интенция) и прагматика слушающего (терминальная интенция), неконгруэнтность которых мешает оптимизации общения. С целью их оптимизации (в профилактических целях) необходимо включение такого механизма, как эмоциональный тьюнинг [Шаховский, 2008а], ибо прежде всего неконгруэнтная прагматика вызывает эмоциональный диссонанс, некооперативность и неуспешность коммуникативного события. Обе эти функции (этологическая и экологическая) основаны на биологической природе языка в его адаптивной функции и на эмоции как биологической основе сознания. И поэтому негативные эмоции (недовольство, раздражение, злость, ненависть, ярость и другие эмоции группы гнева), возникающие в процессе неконгруэнтной прагматики коммуникантов, являются здоровьеразрушающим фактором и причиной бытовых и социальных неурядиц во взаимоотношениях власти с людьми и людей друг с другом.

Анализ эмоционального и эмотивного человеческого общения в рамках многочисленных категориальных эмоциональных ситуаций с экологических позиций позволяет выделить параметры экологичности / неэкологичности общения. Иногда эти параметры могут составлять дуальные антонимические пары, но чаще можно наблюдать, что параметры неэкологичного общения более дифференцированы, поскольку все негативное получает в языке более детальную проработку и выражение.

К параметрам экологичного общения можно отнести доброжелательность, стремление партнёров по коммуникации избегать негативных оценок личности собеседника, скоординированные действия по созданию

общего эмоционального центра, вежливость, сообразную ситуации, солидаризацию, сотрудничество, этичность, стремление встать на позицию партнёра, реализацию адресности высказывания через упоминание имени адресата, выбор общей темы и эмотемы для разговора, следование логике развёртывания текста, определение порога смыслового восприятия, отбор стилистических средств сообразно ситуации, умение слушать, умение не переутомлять адресата, умение организовать внимание слушающего, взаимную толерантность говорящего и слушающего друг к другу, уважение собеседника и переживание излагаемых им фактов, сдерживание негативных эмоций, поощрение, поддержку через эмоциональные «поглаживания», положительное оценивание, равные коммуникативные права, целесообразность речи и др. Все эти многочисленные параметры экологичного общения можно объединить термином «хорошая речь».

К параметрам неэкологичного общения можно отнести нанесение обид, оскорблений, пренебрежение, следы от которых могут долго храниться в эмоциональной памяти адресата и переживаться им, использование негативных оценок как отдельных поступков, так и личности адресата, неуважительное отношение, формирование и расширение антагонистического круга, диффамацию, грубость, негативную вежливость (холодную / уничижительную / подчёркнуто оскорбительную), излишнюю категоричность, выдвигание в центр внимания собственного «я», разбалансировку в тематике, рассогласованность, подмену аргументации и базисных установок, злоупотребление снижением порога восприятия, которое может привести даже к взаимному отторжению коммуникантов, коммуникативное преследование, перебивы, параллельные говорению партнёра вставки, неумение слушать, умение слушать только себя, невыслушивание до конца, вмешательство в диалог, немотивированное «ты-общение», политическую некорректность, неуместное и неправильное использование иноязычных слов, использование иностранных слов с неправильным референтом, неумеренную игру с языком, намеренные риторические просчёты, нарочитую риторичность речи, выпренность, слишком правильную речь, насилие, давление словом, стилистические нарушения, коммуникативные преступления и др. Все эти параметры неэкологичной речи можно объединить термином «нехорошая речь».

Для построения концепции экологического общения (коммуникации) представляются чрезвычайно ценными деривативные терминопонятия языковой экологии, предложенные А.П. Сковородниковым. Поскольку сам термин «экология языка» является производным от термина «экология природы», то можно выявить и схематически изобразить следующую их

зависимость: экология природы → экология человека → экология языка. А.П. Сковородников, основываясь на теории биологической природы языка и кодифицированных биологических терминах, сконструировал терминопонятия собственно экологии языка: загрязнители языка / речи, лингвоэмиссия (эмиссия языковая), коэффициент загрязненности речи (текста), дигрессия языковая / речевая (лингводигрессия), синдром языковой (лингвосиндром), зона лингвоэкологической чрезвычайной ситуации, Красная книга или красный список слов, лингвотоксикология, буферная емкость лингвосистемы, лингвогомеостаз, ниша лингвоэкологическая, право лингвоэкологическое, правонарушение лингвоэкологическое, императив лингвоэкологический, мониторинг лингвоэкологический, экспертиза лингвоэкологическая, совет экспертов по вопросам окружающей языковой (речевой) среды (лингвоэкологический совет) и др. [Сковородников, 2000].

Из данного терминологического поля легко выводится название нового лингвистического направления — «лингвоэкология», объектами которой являются языко- / речеохранение и здоровьеохранение с помощью языка. У этих объектов вычленяется широкий спектр предметов. Так, например, из семантики термина-композиата «загрязнители языка / речи» легко выводится его референт: конкретный языковой / речевой элемент, портящий язык, и эффект от его использования (по А.П. Сковородникову, это любые слова или обороты, противоречащие структурно-языковым, коммуникативно-прагматическим или этико-речевым нормам, снижающие качество языка / речи и комфортность речевого общения).

По нашему мнению, данная дефиниция и составляет один из предметов лингвоэкологии, является дескрипцией референта, который соотносится с этим определением. В каждом из приведённых терминопонятий, по сути дела, описательно называются предметы лингвоэкологии, составляющие референциальный набор этой науки: уровень загрязнения языковой / речевой среды, коэффициент загрязнения языка / речи / текста, лингводигрессия и т.д. Анализ терминопонятий, разработанных и запущенных в научный обиход А.П. Сковородниковым, а также анализ теоретической литературы по данной проблеме [Миловатский, 2001; Пузырёв, 2008; Сердобинцева, 2008 и др.] вновь подтверждают уже приведённый выше тезис, что все негативное в языке более дифференцировано, потому что слов с негативной оценкой больше. Так, среди лингвоэкологических терминов большинство соотносится с не положительными, а отрицательными процессами, происходящими с языком и ментосферой человека, страдающего от этого языка.

Выше уже упоминалось о том, что эмоциональные конфликтные ситуации своей негативной энергетикой провоцируют негативные эмоции у одной или обеих коммуницирующих сторон и, наоборот, негативные эмоции коммуникантов рождают / формируют конфликтные ситуации. Здоровьеразрушающие потенции языка получают реализацию практически в каждой сфере современной российской жизни: в ЖЭУ, БТИ, больницах, аптеках, полиции. В троллейбусах, офисах, больницах все друг друга учат, делают друг другу публичные замечания, с возмущением комментируют те или иные поступки (*Объявляют остановку, а он спит!* — замешкавшему пассажиру), поправляют, одёргивают (*Ты не один тут расселся!* или *Чего лезешь без очереди?!*), (*Женщина, я вам тыщу раз объяснила, вашей карточки нет, ищите, где хотите, нам эта макулатура не нужна!* — пациенту в регистратуре); желтая пресса пестрит сплетнями, полнится слухами, клеветой, ложью, не гнушается анонимными и подмётными письмами. Все это свидетельствует о том, что здоровьеразрушающая коммуникация вредит нам, охватывает всю нашу жизнь, укорачивает ее. Очень часто это происходит в силу коммуникативной безграмотности людей или по неосторожности. Как часто походя оброненное слово, повернувшись своей самой острой и ядовитой, и потому ранящей частью к воспринимающей стороне, вонзается в эмоциональную плоть человека, колет, рвёт, давит на его психо-, эмо- и ментосферу, уничтожает весь положительный эмоциональный заряд, лишает эмоциональных сил, иммунитета против предстоящих неприятностей, лишает уверенности в себе, т. е. фактически разрушает (частично или полностью) всю систему эмоциональной устойчивости против ситуативных ударов, подсечек, вывихов и прочих травм. Неосторожно сказанное, мимолётно оброненное матерью дочери перед важным для неё событием (экзаменом, встречей) — *Переоденься, что за безвкусица!* (когда уже некогда что-либо менять) — может надолго испортить настроение дочери, заставить сомневаться в себе, нервничать, поскольку с самого начала через свою энергетiku задаёт негативную установку на весь предстоящий день и, следовательно, напрямую воздействует на ее эмоциональное и физическое здоровье.

Ещё одним примером не только неэкологичного, но и просто опасного для жизни сразу многих людей может послужить поведение пассажиров в маршрутных такси. Раздражённые, торопящиеся пассажиры не учитывают целый ряд стрессовых для водителя ситуаций на дороге и взвинчивают его до крайней точки эмоционального накала. Не принимая во внимание напряжённое движение на скользкой / ухабистой / узкой / кривой / с яма-

ми (волгоградской) дороге, повсеместную грубость других водителей и полное пренебрежение как правами других, так и собственными обязанностями, количеством неосторожных пешеходов, плохой погодой, временем суток (когда водитель может быть уже очень усталым), требовательные пассажиры со злобным удовольствием накидываются с претензиями за то, что проехали лишних пять или десять метров, просьбу водителя громче повторить название остановки и пр. То, с каким настроением будет возить других людей (детей, стариков) водитель, которому только что нагубили, хлопнувших дверью людей уже мало интересуется. Человек, которого только что оскорбили, вряд ли способен моментально восстановить эмоциональное равновесие и может сам начать выброс негативных эмоций. Это как цепная реакция, ведущая к разбалансировке не одного, а сразу нескольких людей. Представляется, что бесчисленные кластеры и подкластеры эмоций группы гнева с эмоциональной доминантой «раздражение» могли бы быть сняты, если бы люди были более внимательны и терпимы друг к другу. Однако, как известно, легче быть нетолерантным. Люди отказываются идти навстречу друг другу, перестают искать и выстраивать единый эмоциональный центр. А когда это происходит, у каждого человека появляется собственный, индивидуальный эмоциональный центр (функциональный дейксис), заряженный напряжением и раздражённостью, что неотвратимо ведёт к их столкновению, поскольку спокойное сосуществование отрицательно заряженных эмоциональных центров невозможно — люди начинают «бить друг друга током» и отталкиваться друг от друга. Всё это приводит к возникновению разного рода и степени тяжести психотравм и увечий от сказанного или несказанного слова.

Известно, что эмоция формирует ситуацию и наоборот. Целый кластер отрицательно заряженных эмоций провоцируется самими реалиями российской жизни. Но не только ими. Важной нам представляется вербальная упаковка этих событий, а также дозированная подача таких упакованных в слова событий. Всё это в полной мере реализуется не только в горизонтальном общении равных в коммуникативном отношении (с точки зрения прав и обязанностей) людей, но и в вертикальном общении власти с народом, вектор которого, как известно, всегда однопорядково направлен сверху (от власти) вниз (к народу). Основным каналом, по которому осуществляется это общение, являются современные российские СМИ. И, вместо того, чтобы негативные явления, которые сами по себе вредоносны не только для ментального, психического, но и здоровья вообще, преподносить, пользуясь экологической функцией языка, официальные

СМИ так их иногда вербально упаковывают, что вредоносными в эмоциональном плане становятся сами слова.

Действительно, в словарном составе любого языка более обширно представлена отрицательно-оценочная лексика, но многофункциональность языка позволяет интерпретировать социокультурные контексты и в терминах позитивного доминирования, а его разнообразные коммуникативные и эмотивные варианты предоставляют возможность реализовать функцию глорификации (возвышения языком), чтобы исходящие от русского языка импульсы и рефлексыв говорящих не были бесконечно негативными и не вели, как двадцать пятый кадр, к бессознательной агрессии и разрушению эмотивной сферы людей.

Примером неэкологичной коммуникации может служить кампания по выбору главы Администрации г. Волгограда, которая завершилась 20 мая 2007 г. Основной корпус примеров был составлен по текстам 55 номеров СМИ о четырех главных претендентах на искомую должность — Р. Гребенникове («Первая газета»), В. Галушкине («Волгоградская правда»), Р. Херианове («Город героев»), О. Михееве («Блокнот»). Оговоримся, что главным фактором неэкологичности мы считаем реальное или потенциальное наличие в предвыборных текстах негативных эмоций, показателями которых являются потенциативы и коннотативы [Шаховский, 2008б].

Анализ газетного материала выявил наличие отрицательно-эмотивной лексики практически во всех фрагментах предвыборного макротекста: в заголовках и самих текстах статей, названиях рубрик, газетных «линейках», интервью с самими претендентами, комментариях претендентов и корреспондентов их газет по отношению к тем или иным действиям друг друга, в их лозунгах и девизах, программных заявлениях, оценке сложившейся ситуации, рейтингах, опросах избирателей и пр. Сам контекст предвыборной кампании, характерной особенностью которого было перманентное коммуникативное давление на избирателя, чтобы убедить его в том, как интенсивно наполняется негативом его жизнь из-за действующей на тот момент власти, был отрицательно заряжен. Непрестанное коммуникативное насилие над избирателем, которому некуда было спрятаться от лавины негативных текстов и предельной концентрации отрицательных эмоций на единицу площади этих текстов, осуществлялось через бесконечное напоминание, тиражирование, оязыковление негативных реалий предвыборной волгоградской жизни. Сами темы, на которые высказывались претенденты, их обещания все исправить и изменить к лучшему наводят на мысль о

том, какое количество проблем давно накопилось и долгое время оставалось нерешённым, словно ожидая своего срока — пора решать их настала именно в период предвыборной кампании, что неоднократно подчёркивалось в газетах.

Претенденты обещали сделать столько всего хорошего (помочь, оплатить, починить, переделать, вылечить, возобновить, спасти, разобраться), что невольно становилось явным, сколько уже есть всего плохого — неоплаченного, неотремонтированного, неубранного, недоделанного и (!) несделанного. Здесь работала саморазоблачающая функция языка: хотели показать, сколько всего предстоит хорошего, а невольно подчёркнули, сколько уже накопилось плохого по их же вине. Попытки уверить, что все будет хорошо (только выбери меня!), высветили будто прожектором огромное количество нерешённых проблем. Проиллюстрируем это примерами заголовков статей из различных номеров разных газет.

«Волгоградская правда»: 1. *Набережную все-таки сдали частникам* (Коммерциализирована и, возможно, распродана одна из красивейших и исторических частей города. Как всегда, жителям города за этим приходилось только наблюдать. Их мнения никто не спросил)*. 2. *Лечение или мучение? От пребывания во многих медицинских учреждениях города здоровья у пациентов не прибавляется* (Комментарии излишни: в волгоградских больницах элементарно нет ни достаточного количества мест, ни санитарных условий для выздоровления). 3. *Ямы да колдобины, в которых «хочется жить»*. *Наша жизнь — не ваши сказки* (Здесь автор заголовка иронизирует над лозунгом одного из претендентов, что Волгоград — это город, в котором хочется жить. Но не при таких же дорожных условиях).

«Город героев»: 1. *Впервые за 20 лет в Волгограде строится новый детский сад*. 2. *Впервые в городском бюджете закладываются средства в 60 миллионов рублей для оказания адресной помощи в оплате услуг ЖКХ* (Обратим внимание на акцент на слове ‘впервые’, которое, по желанию заказчика статьи, должно было указать на то, что наконец-то что-то делается. Но это же слово указало на то, как долго ничего не делалось).

«Первая газета»: 1. *Жильё для бедных пока строить не будем?* 2. *Волгоград — один из самых загрязнённых городов мира*. 3. *Городские власти выжили детей из санатория. А на его месте возвели элитные особняки*. 4. *Городское здравоохранение обнищало. В Волгограде не хватает*

* Здесь и далее в скобках даны комментарии авторов.

вакцины от гриппа. 5. Учителя не смогли нормально отпраздновать Новый 2007 год. Волгоградским работникам образования до сих пор не выдали зарплату за декабрь. 6. Качество воды со знаком «минус», или Кому выгодно «травить» волгоградцев (Здесь просто перечислим проблемы города: бездомные люди, о которых администрация не заботится и которым по-прежнему негде жить; плохая экологическая ситуация в городе; вместо питьевой — техническая, неочищенная вода, которую пить нельзя; задержка и без того небольших зарплат учителям; отсутствие средств в волгоградском бюджете на элементарную вакцинацию и пр.).

«Блокнот»: 1. *Волгограду нужен мэр-локомотив!* (Читай: какие же тогда у города были прежние мэры?). 2. *Куда уходят дети Волгограда?* (От безработицы и нужды молодёжь отправляется на заработки в другие города). 3. *У города должна появиться стратегия экономического развития!* (Значит, ее до сих пор нет?).

Текущие крыши, разваленные или разваливающиеся детские дома, санатории, поликлиники, больницы, детские сады, школы, библиотеки, дороги — вот далеко не полный перечень волгоградских проблем, судя по публикациям названных выше газет, принадлежащих борющимся претендентам. Сами не желая того, они проводят вторичную концептуализацию и категоризацию нерешенных волгоградских проблем. И в этом тоже заметна разоблачающая функция языка через вербализацию неэкологичности этих проблем.

Но собственно показателем коммуникативной неэкологичности волгоградской жизни в период предвыборной кампании, на наш взгляд, являются ещё и многочисленные попытки диффамации конкурентов. Привлекались к этому и избиратели, высказывания которых публиковались в рубрике «Народное мнение»: *Про некоторых кандидатов мы в последнее время узнали много интересных подробностей из личной жизни. Про прежнего мэра тоже столько всего в период выборов рассказывали, но многие не поверили. Волгоград его выбрал. А что в итоге? Обоср...сь на всю страну* (Виктор Шеремет, 19 лет. Листовка С. Аллахвердиева от 23.04.07) (Наш комментарий: «прежнего мэра» Е. Ищенко на короткое время посадили в тюрьму). Использование мнений избирателей, на наш взгляд, — одно из самых сильных диффамационных средств воздействия, поскольку оценку дают не сами конкурирующие претенденты, а такие же избиратели, как и все остальные, что может свидетельствовать об их меньшей ангажированности, в отличие, например, от пиар-групп претендентов.

Доминантой анализируемой предвыборной кампании была избранная всеми без исключения претендентами стратегия самоглотификации и диффамации оппонента. Обильная критика, прямые и косвенные обви-

нения в мошенничестве, взяточничестве, коррумпированности, доказательств нечистоплотности помыслов и поступков, уличение в бессовестности сыпались на избирателя как из рога изобилия. Интерес представляет, на наш взгляд, принцип рикошета: призванная восславить благие деяния того или иного претендента газетная статья, в которой дан подробный, до копейки, отчёт о помощи детскому саду / дому / школе / библиотеке, а также сами благодарственные письма тех, кому эта помощь была оказана, снова подчеркивали тот факт, насколько часто помощь в Волгограде оказывается кому-то вообще.

Выбранная нами в качестве иллюстрации предвыборная кампания может быть охарактеризована как пример в сильной степени неэкологичной коммуникации. Даже с оговоркой, что весь материал в газете размещается так, чтобы сделать нужный акцент в нужный момент на нужном событии, нельзя не отметить, какое количество отрицательных эмоций у избирателя провоцировал как сам контекст волгоградской жизни за тот период, так и его языковая СМИ-упаковка. Это видно даже из опубликованных в разных газетах мнений избирателей. Это усталость от обещаний, раздражение и обида от безразличия властей к таким проблемам, как отсутствие жилья, денег, социальных гарантий, недовольство черным пиаром, а также агрессивностью избирательной кампании того или иного претендента.

Подводя итоги, постараемся коротко ответить на вопрос, в чём актуальность проблемы экологичного общения. Мы считаем, что среди различных функций языка необходимо выделять и коммуникативно-экологическую. Эта функция условно распадается на собственно экологическую (здесь можно говорить о здоровьесохранении языка) и ее подвид — коммуникативную (собственно здоровьесохранение или охрана здоровья коммуникативной личности от разрушительного воздействия языка). Обобщённо это можно сформулировать так: в современной коммуникации необходимо осуществлять охрану как самого языка, так и охрану от него же. Второму посвящены многочисленные исследования ученых-русистов, которые пытаются ответить на вопрос: губительно или благоприятно для языковой системы такое ее свойство, как открытость?

Охрана эмоциональной сферы человека от языка, на котором он говорит, возможна, как представляется, при условии формирования коммуникативно-экологической компетенции языковой личности. Объективно назрела необходимость в разработке дидактических пособий по ее формированию. Поскольку коммуникативно-экологическая функция языка тесно связана с эмотивной, представляется, что, помимо развития общекультур-

ной и речевой грамотности языковой личности, необходимо существенное внимание уделять формированию ее эмотивной компетенции как части общекоммуникативной. Это необходимо делать потому, что коммуницирующие стороны через энергетическую мощь эмоций оказывают воздействие на ментальное, вербальное и акциональное поведение друг друга. И если теоретические знания об экологии коммуникации не обеспечат умения избегать коммуникативных сбоев, провалов, различного рода травм, то, возможно, они облегчат и ускорят поиск средств по их ликвидации, а также могут научить общающихся использовать терапевтические ресурсы Слова.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ / НЕТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ПАРАМЕТР ЭКОЛОГИЧНОСТИ ОБЩЕНИЯ

В.И. Шаховский

*Надо учиться общаться с людьми.
Это — самое трудное.*

М.Е. Литвак, психолог

В связи с социальными переменами в России и вызванной ими практической необходимостью улучшения качества различных видов человеческого общения (лингвистика, кажется, осознала смысл тезиса древних философов «Кто владеет языком, тот владеет миром»), т.е. повышения его эффективности, конец прошлого и начало нового тысячелетия охарактеризовались интенсивными штудиями в рамках коммуникативистики — новой парадигмы отечественного языкознания.

Многие давнишние проблемы психолингвистики, стилистики и лингвистики стали переосмысляться с когнитивных и коммуникативных позиций. Наряду с человековедением интенсивно развивается речеведение (см., например: [Сиротинина, 2009]), базисными становятся терминопонятия «коммуникативное (речевое / языковое) поведение (сознание / мышление)», «коммуникативное пространство», «коммуникативная ситуация», «дискурсивное мышление» (см., например: [Седов, 1999]), «дискурс» (интегральное понятие текста, погруженного в определенную конситуацию общения: педагогический, научный, политический и мн. др.), «коммуникативные партнеры».

© Шаховский В.И., 2013

Проблемы эмотивности языка также приобретают коммуникативную направленность. Поскольку роль эмоций в языке уже более не оспаривается, то их коммуникативная и семантическая функции уже стали предметом коммуникативистики (см., например: [Человек в коммуникации, 2010; Эмотивный код языка, 2004; Язык и эмоции ..., 2004]).

Поскольку в реальной коммуникации постоянно возникают эмоциональные ситуации, в которых речевые партнеры вынуждены реализовывать эмотивный потенциал всех единиц языка, в том числе и супraseгментных, а художественная коммуникация является моделью реальной, то в ней воспроизводятся типичные эмоциональные ситуации. Перед коммуникативистикой и лингвистикой эмоций стоит актуальная задача изучения эмотивных речевых актов, эмотивных высказываний и их типологизации в свете теории и семиотики эмоций.

Естественно, что на повестку дня таких исследований ставится и задача описания категориальных эмоциональных ситуаций (КЭС). Под КЭС понимаются типичные жизненные (реальные или в художественном изображении) ситуации, в которых задействованы эмоции коммуникантов: речевых партнеров, наблюдателя или читателя. Все они время от времени попадают в единое эмоциональное поле (пространство, время). Их эмоции реализуются в рамках координат: Я (здесь, сейчас) — Ты или Я (здесь, сейчас) — Ты — Он (наблюдатель, читатель).

Далее рассмотрим первую систему координат, когда «Он» не участвует в эмоциональной коммуникации типа (категории) диссонанса, нарушения равновесия, дисконтакта, дисгармонии и т.п. Такие отрицательные КЭС экспрессивны и прагматичны в современных условиях существования мирового сообщества (природные катаклизмы, техногенные катастрофы, теракты, деформация нравственных и моральных ценностей и т.п.).

Эти и им подобные социальные условия рождают агрессию людей. Источников агрессии много. Помимо вышеназванных — это и жесткая конкуренция, и глобализация (которая уничтожает моноэтнические и монокультурные социумы, что не может не вызывать раздражения у их представителей), и возрастающий национализм, расизм, неприятие ксенокультурных коммуникативных норм (сценариев) и мн. др. «Агрессор — не только тот, у кого в руках дубинка или стингер. Агрессия пронизывает и мирную жизнь, проявляя себя в скрытых и открытых нарушениях правил человеческого общежития...» [Шаронов, 2004, с. 5—6].

Поскольку агрессия многолика, мы ограничимся рассмотрением, во-первых, только ее речевых форм, представленных в художественных про-

изведениях, как депозитариев человеческих эмоций, а во-вторых, в ее более мягких видах: неприязнь, раздражение, возмущение (и другие эмоции группы гнева).

В исследовании КЭС возможны различные методики. Так, например, интерес представляет анализ всех КЭС внутри какого-либо одного художественного произведения, с выявлением динамики кластерности реализуемых в них эмоций и их смысловой доминанты. Или рассмотрение КЭС внутри ряда (или всех) произведений одного и того же автора. Или сопоставление КЭС ряда авторов одной эпохи — разных эпох, одной культуры — разных культур и т.д. Такие исследования могут дать интересные факты о художественных КЭС как модели реальных КЭС, о языковой их упаковке, варьировании их кластерного наполнения, доминирующих эмоциях и их коммуникативных смыслах в каждой конкретной КЭС. И самое главное — об их типичности, повторяемости, моделируемости и инвентаризуемости, что приведёт к созданию единой библиотеки КЭС. Общеизвестно, что базовые эмоции универсальны для всех лингвокультур, но различаются языковым / речевым и культурным проявлением, а также их экологичностью / неэкологичностью.

Рассмотрение 16 новелл Эдгара По (американского прародителя детективных ужасов) с точки зрения сюжетных КЭС позволило выделить 6 коммуникативных ситуаций с доминантной эмоцией «страх» в дискурсах убийства, безумия, беспробудного пьянства, фантастических сил, наигранного веселья в ожидании смерти, неутешного раскаяния за совершенное злодеяние.

Каждая из них — КЭС отдельной новеллы. Эти КЭС находятся в тесной логической и эмоциональной взаимосвязи друг с другом как монокластеры суперкластера полиструктурной КЭС, эксплицирующей страх / ужас, объединяющей все 16 новелл этого автора и формирующей личностную эмоциональную картину неэкологичного мира Э. По. Внутри каждого из этих монокластеров установлены разные наборы эмоций с семантикой страха / ужаса.

Так, доминанту «ужас» в его новелле «The Cask of Amontillado» КЭС формирует такой кластер эмоций: безмерное удивление, беспокойство, мстительность, ярость, ужас. В КЭС данной новеллы сгруппированы такие эмоции: антипатия, смущение, безразличие, раздражение, отвращение, ненависть, бешенство, ярость, ужас, страх, раскаяние. Исследование показало, что одни и те же ситуации повторяются от минимум в двух до максимум в 6 новеллах, что, несомненно, указывает на стабильно мрачные, т.е. неэкологичные эмоциональные предпочтения Э. По. Другими словами, доминантная КЭС «ужас/страх» является для новелл Э. По интертекстуальной.

Другой тип ситуаций — поэтапно-сюжетная КЭС внутри отдельного художественного произведения. Например, в рассказе Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича», в котором через череду типичных ситуаций показан мучительный процесс самосознания, вербальной рефлексии Иваном Ильичем собственного ухода в небытие. От одной ситуации к другой происходят усиление и вербализация всех эмоций самого Ивана Ильича и его домочадцев. Вербалика и авербалика его осознания неотвратимо надвигающейся смерти от имплицитных форм трансформируется в эксплицитные формы, вовлекая и наблюдателя (читателя) в эмоциональное пространство Ивана Ильича. Эмоциональная толерантность всех соучастников этой КЭС таит на глазах — персонажи повести обмениваются (а-)вербальными эмоциональными ударами, а читатель эмпатирует Ивану Ильичу, понимая, что такое может случиться и с ним.

Итак, внутри одного художественного произведения череда КЭС составляет определённую для него парадигму переживаний, изображаемую автором с помощью обширного эмотивного фонда языка и стиля. Все произведения одного автора образуют другой тип парадигм их КЭС. Все художественные произведения всех авторов нашей планеты, от древних до современных, составляют мегапарадигму КЭС, и она может быть сведена к трём реальным коммуникативным ситуациям: «Жизнь», «Любовь» и «Смерть».

Эти три глобальные мегаКЭС объединяют всю гамму (библиотеку) эмоций, переживаемых человеком в реальной жизни через конкретные КЭС. Фактически любой речевой акт есть эмоциональная адаптация коммуникантов друг к другу. А если эта адаптация по разным причинам отсутствует, то происходит вербальная дуэль, сопровождающаяся эмоциональными страйками (ударами). Эти последние — суть свидетельство конфликта и отсутствия эмоциональной толерантности у одного или обоих партнеров.

Это особенно заметно, когда коммуниканты гендерно противоположны. Установлено, что на всех этапах коммуникативного процесса гендерные различия усугубляют эмоциональный фактор дуэльности (нетолерантности) общения (см. подробнее: [Гетте, 2002]). Так, например, установлено, что женщины на многие вербалии и авербалии реагируют обидой, более склонны к фатическому (чисто эмоциональному) общению, к разговорам «по душам», эмоционально реагируют на прерывание их звукового потока. Их коммуникативная активность осуществляется в основном за счёт эмоциональной составляющей.

Коммуникативная эмоциональность характерна и для мужчин, но у них порог самоконтроля (эмоциональной сдержанности) значительно выше. Этот факт положительно влияет на степень взаимной толерантности во время вербальных дуэлей, т.к. является антистимулирующим фактором для продолжения конфликта. Но не всегда и не во всех КЭС.

Поскольку, как установлено гендерной лингвистикой, процесс коммуникации у женщин, в отличие от мужчин, **всегда и сам по себе** является выражением их эмоций, у них очень высокий уровень вербализации эмоций при более низком (в сравнении с мужчинами) уровне эмоционального самоконтроля. Отсюда такое бурное эмоциональное реагирование — злость, ненависть, ярость, мстительность, что характеризует неэкологичность их коммуникации (см., например, объективацию этого тезиса в рассказе С. Барстоу «Ярость»). Замечено, что женщины чаще испытывают физическую потребность в эмоциональном споре, скандале, крике, они склонны использовать в нём свои эмоции как аргументы или контраргументы. Всё это говорит об их потенциальной нетолерантности в эмоциональной коммуникации. Даже если женщина прекратила спор первой, она нередко остается несогласной, злопамятной. Отсюда и мстительность как сильная женская эмоциональная черта.

Гиперболизация как положительных, так и отрицательных эмоций у женщин-коммуникантов (как вербальных, так и просодических) также препятствует установлению толерантности обеих конфликтующих сторон в эмоциональной коммуникации. К таким факторам относится и всегда развернутый монолог как озвучивание собственных эмоций женщины, который трудно прервать [Гетте, 2002, с. 18—24]. Такая яркая гендерная идентификация эмоциональной вербалики женщин позволяет говорить об эмоциональном гендеролекте, отличном от эмоционального гендеролекта мужчин, более толерантном в целом, но колеблющемся от одной к другой КЭС, что подтверждается как реальной, так и художественной коммуникацией.

Амплитуда таких различий у обоих гендеролектов зависит не только от внутрикультурных, но и от межкультурных КЭС. А. Вежицкая достаточно глубоко вскрыла различия в эмоциональной семантике англосаксов, русских, поляков и немцев [Вежицкая, 1996; 1999] и показала, как взаимный детерминизм языка и культуры отражается в культурных нормах эмоционального коммуникативного поведения языковой / речевой личности и как это поведение связано со стереотипами мышления / сознания личности. Данные гендерной лингвистики позволяют это суждение А. Вежицкой экстраполировать и на эмоциональ-

ные гендеролекты в межкультурной коммуникации, и на такой их параметр, как экологичность / неэкологичность. Перенос проблемы эмоциональной толерантности на арену межкультурной коммуникации усложняет ее изучение (см.: [Shakhovsky, 2004]), т.к. чисто эмоциональные (психологические) гендерные различия умножаются на языковые, культурные и стереотипные, ассоциативные различия. А это уже заслуживает отдельного исследования (см., например: [Shakhovsky, 2004]). Недовольство как эмоциональный отзыв на какое-либо действие, в том числе и вербальное, редуцированное до рационального, является лучшим примером эмоциональной толерантности.

Вежливость (как позитивная, так и негативная) во всех ее стилистических проявлениях (мейозис, эвфемизм, политкорректность, преуменьшение и т.п.) является толерантно формирующим фактором всех типов человеческого общения (межперсонального, группового — малые и большие группы, массового, межкультурного, этнического и др.). Полностью подчинить холодному рассудку страсти, кипящие в эмоциональной коммуникации, удастся только очень расчетливым, коварным и лживым личностям (см., например, «Коварство и любовь» Ф. Шиллера, все драмы В. Шекспира, в которых изображены такие коммуникативные ситуации).

Эмоциональная рефлексия на нетолерантность в общении изучена давно и общеизвестна.

1. Лесть всегда приятна и принимается даже в случаях типа «облить грязью похвал». Критика всегда неприятна и обидна. С ней не согласны вербально-бурно или по умолчанию (со страстями внутри).

2. Находясь в одинаковых условиях, люди имеют разные личностные картины одного и того же мира, т.е. фактически живут в своих разных мирах. Даже называя один и тот же объект единого мира, они выражают разное к нему эмоциональное и рациональное отношение — вплоть до противоположного. Один только этот факт уже нарушает баланс эмоциональной толерантности в общении людей друг с другом, т.к. только по этой причине они уже недопонимают друг друга. На это очень сильно влияет модус кажимости: каждый воспринимает один и тот же мир субъективно, по-своему, как он ему кажется, представляется.

3. Различный эмоциональный дейксис у разных языковых личностей тоже препятствует их эмоциональной толерантности друг к другу [Шаховский, Жура, 2002].

4. Человек не может выйти из своего языкового круга, формирующего мир общения, как из своей кожи [Литвак, 2002, с. 267]. Поэтому ему

трудно терпеть других, легче быть нетолерантным. Тем более что шкалы ценностей у разных людей не совпадают: проблема «Я vs Другой» — это проблема «Свое vs Чужое» («хороший vs плохой»). У англичан это закреплено, например, в семантике слова *'foreign'* и словосочетания *'continental breakfast'* (плохой, т.к. не английский). Такая семантика изначально нетолерантна, а значит, и неэкологична. Получается, что в целом большинство людей неэкологичны в своем коммуникативном поведении с другими.

5. Человека не учат овладевать стрессовыми ситуациями и рационализировать свои эмоциональные впечатления в речах и делах (ибо слово — тоже дело).

6. Как отмечал А. Шопенгауэр, у всех людей есть природный талант — надевать на своё лицо мимическую маску в обманных целях [цит. по: Литвак, 2002, с. 117—118] (теперь об этой способности говорят: «мимикрирует»). Речь идёт не только о *body language* (языке тела), но и о *verbal language* (языке слов). Симулирование, имитация одних эмоций в целях сокрытия других может для адресата раздражающей его информации служить толерантным ответом (сделать вид, что не заметил неискренности, лжи, вранья), а может и вызвать ещё большую его эмоциональную нетолерантность. Всё зависит опять-таки от конкретной КЭС.

7. Человеческие взаимоотношения проявляются через речевое поведение коммуникантов. Согласно этике общения, в результате любого речевого контакта у всех коммуникантов должно произойти повышение (улучшение) личной самооценки. Но в жизни так почти не бывает — «градусы» эмоциональной толерантности у всех разные. Оба речевых партнера всегда должны эти градусы адаптировать друг к другу (принцип кооперативности П. Грайса). Помощь в этом процессе может оказать знание техники амортизации (по М.Е. Литваку) — соглашаться с оскорблениями и при этом не высказывать ответных, как бы «дуэлянт» и ни заслуживал их. В отношениях с любимыми людьми надо закрепить в своём эмоциональном дейксисе позицию «недостатки любимого считаю слабостями» — т.е. перевести их в другой психологический разряд, смягчить и не замечать.

Все эти и многие другие правила общения направлены на смягчение / избегание самоаффектирования в конфликтном диалоге.

8. К. Юнг справедливо заметил, что «так же, как тяжесть собственного тела мы носим, не чувствуя его, и ощущаем вес постороннего невесомого тела, — так мы не замечаем собственных ошибок и пороков, а видим чужие... У каждого человека есть “тень”, которую он не видит и отбрасывает на другого. Общаясь с последним, он фактически общается с самим со-

бой» [цит. по: Литвак, 2002, с. 305]. Мы назвали бы этот процесс эмоциональной проекцией экологичного общения. Из этого тонкого наблюдения, которое должно быть введено в эмоциональную коммуникативную компетенцию [Shakhovsky, 2003] толерантного/экологичного общения, следует, что мы изначально всегда несправедливы в своих эмоциональных суждениях о других. Отсюда и библейское «Не судите, да не судимы будете», «Не лжесвидетельствуй», «Не возжелай ...» (т.е. не завидуй). Получается, что уже в Нагорной Проповеди Христа изложены основные принципы толерантного общения людей друг с другом. Да и вся христианская религия призывает терпеть и прощать как образец эмоциональной толерантности.

9. Злоба и зависть — главные источники вербальной эмоциональной нетолерантности людей. Светская мораль их не осуждает, а религиозная мораль призывает изгонять их из своей души и, следовательно, из речи своей.

Сложность заключается в том, что стрелки этих эмоций трудно перевести на вежливость, которую А. Шопенгауэр считал молчаливым соглашением игнорирования и неподчеркивания друг в друге моральной и духовной нищеты. Тем более что правила вежливости в КЭС злобы и зависти нарушает другое правило — «Будь искренен». А неискренняя вежливость, комплимент, лесть все равно нарушают равновесие эмоциональной толерантности речевых партнёров. Это временная, сиюминутная толерантность по обоюдному умолчанию. В то же время неискренняя вежливость может и поработать на принцип амортизации конфликта, и обострить его. Всё зависит от конкретной КЭС. Как же в курсе практической вежливости обучать людей общению в КЭС?

Думаем, что в лабораторных условиях все типы КЭС предусмотреть невозможно: реальное эмоциональное общение людей намного разнообразнее типичных ситуаций, особенно в сфере конфликтного общения, в котором как раз и требуется эмоциональная толерантность. Но основные принципы толерантного балансирования все же необходимо закрепить в коммуникативной (эмоциональной) компетенции обучаемых. В любом случае обучаемые должны знать, что «побороть свой аффект — значит в большинстве случаев воспрепятствовать его (временному? — *В.Ш.*) излианию и образовать затор, стало быть, сделать его опасным» (А. Шопенгауэр) (цит. по: [Литвак, 2002, с. 33]). Выхода, кажется, нет: и так плохо, и так. Но в любом случае техника амортизации как отказ от ответной вербальной агрессии будет проявлением эмоциональной толерантности комму-

никантов. Считаем эту технику главной речевой стратегией экологичного общения в условиях негативных КЭС.

Тактики и стратегии речевого общения в условиях КЭС, в частности принципы эмоциональной толерантности (терпимости) как технические рациональные приемы амортизации, считаем ядром коммуникативной компетенции как монолингвов, так и искусственных билингвов. Формирование такой компетенции в общеобразовательной и высшей школе актуально и значимо, т. к. она представляет собой единственный психологический механизм снятия или осознанного сокрытия раздражения (всего кластера эмоций группы гнева) и коммуникативный механизм смягчения речевой агрессии. Другими словами, одной из лингводидактических проблем современной коммуникативистики является разработка методики рационализации эмоций в условиях КЭС.

И.А. Стернин прав, когда пишет: «Обучение толерантному коммуникативному поведению — вполне реальная задача, связанная с формированием вежливости, навыков речевого этикета и культуры общения» [Стернин, 2003]. Коммуникативные аспекты толерантности, к сожалению, ни в одном из госстандартов высшего образования не предусмотрены. А лингвисты уже давно и настойчиво предлагают свои разработки по этой проблеме и привлекают к ним внимание авторов национальной программы по образованию [Вепрева, 2002; Культурные практики... , 2004; Купина, 1995; Шаронов, 2004 и др.]. Воспитанию толерантности при обучении родному и иностранному языкам в школе и вузе, коммуникативным качествам речи в аспекте толерантности, категориальным ситуациям эмоционального (вызывающего, манипулятивного и т.п.) диалога, принципам толерантности в конфронтационном дискурсе, способам создания семантики сотрудничества в детских и взрослых коллективах, тактикам и стратегиям толерантности в научной коммуникации, т.е. везде, где коммуниканты находятся в одной из КЭС, необходимо уделять специальное внимание в курсах коммуникативистики. Считаем необходимым обучить будущих специалистов хотя бы правилам речевой вежливости через эвфемизацию как способ эмоционально-речевого сдерживания и гармонизации общения.

Толерантность в действительности многопланова, и всем ее коммуникативным механизмам обучить невозможно. Но какой-то минимум ее постулатов для актуальных КЭС должен быть введен в содержание коммуникативной компетенции языковой личности. Решению проблем коммуникативной толерантности могли бы послужить специальные практические пособия по речевому преодолению эмоциональной нетер-

пимости к Другому, к инакости и по повышению эмоционального интеллекта коммуникантов [Goleman, 1997]. В социальных условиях, активно способствующих развитию и распространению агрессивного речевого взаимодействия, проблема эмоциональной толерантности к разнообразным эмоциональным речевым актам представляется актуальной для современной коммуникативной парадигмы языкознания.

Из вышесказанного очевидно, что толерантность становится важнейшим параметром экологичного общения.

**СОДЕРЖАНИЕ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ
«ЭМОТИВНАЯ ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ»:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Н.Г. Солодовникова

Every act is an ecological act.
G. Schaller

Эмотивная лингвистика и лингвоэкология, служащие источником формирования нового научного направления — эмотивной лингвоэкологии, с энтузиазмом разрабатываются уже не одним поколением российских и зарубежных ученых, что свидетельствует об их актуальности для современного общества (обзор см.: [Леонтович; Солодовникова, 2010 и др.]). У этих областей научного знания разный возраст и неодинаковые истории развития. Однако плодотворность их обеих проявилась, в частности, в том, что они породили эмотивную лингвоэкологию как самостоятельное наукоёмкое исследовательское направление.

Как уже неоднократно отмечалось в целом ряде публикаций, современное научное знание характеризуется тенденцией к «экологизации». Это означает распространение идей и терминопонятий первоначально исключительно биологической экологии как науки об охране окружающей среды (по Э. Геккелю) на другие естественнонаучные и даже гуманитарные науки. Неудивительно, что постепенно «экологизируются» и лингвистика, и эмотиология. Над предметной, методологической и терминологической областями лингвистической экологии (варианты: экология языка, языковая экология, лингвоэкология, эколингвистика) работают уже целые группы ученых. Об интересе, проявляемом исследователями к вопросам связи экологии, языка, эмоций, свидетельствуют по-

явление различных лингвоэкологических объединений в разных регионах России (напр., Лаборатория лингвоэкологии и речевой культуры Сибирского федерального университета, Центр экологии русского языка Пензенского государственного педагогического университета, Лаборатория экологии языка и речи Тамбовского государственного университета и др.) и проведение различных семинаров, дискуссий и конференций [Экология русского языка, 2008—2012; Экология языка и речи, 2012; Русский язык..., 2001, 2004, 2007, 2010 и др.]. Однако общепринятая точка зрения на статус эмотивной лингвоэкологии все ещё отсутствует, ведь не закончилось и становление одной из двух «родительских» наук — лингвистической экологии. Высокий индекс цитирования трактовки понятия лингвоэкологии, предложенной А.П. Сквородниковым, позволяет предположить, что именно она в достаточной степени удовлетворяет запросам исследователей, работающих в данной области науки. Учёный определяет лингвоэкологию как «исследование проблематики языковой и речевой деградации (исследование факторов, негативно влияющих на развитие языка и его речевую реализацию) и проблематики языковой и речевой реабилитации (исследование путей и способов обогащения языка и совершенствования системы этических и прагматических постулатов речевого общения)» [Сквородников, 2000, с. 70].

Проблеме разработки собственной понятийно-терминологической системы, без которой не могут произойти становление и признание лингвоэкологии как самостоятельной научной дисциплины, уже посвящено внушительное число специальных научных публикаций (обзор см.: [Шаховский, Солодовникова, 2010 и др.]). Сейчас можно наблюдать, что авторы лингвоэкологических по тематике публикаций широко пользуются не только общелингвистическими терминами и понятиями близкородственных дисциплин (культуры речи, стилистики, социолингвистики и др.), но и терминологическим аппаратом биологической экологии, разумеется, в соответствующем лингвоэкологическом переосмыслении. Широко употребляются, например, такие термины, как **языковая (речевая) среда (обитания, существования), загрязнение языковой (речевой) среды, чистота (очищение) языковой (речевой) среды, болезни языка, оздоровление языка** и др. [Сквородников, 2000, с. 71].

Мы считаем, что наибольший интерес для лингвоэкологии представляют такие биоэкологические термины, которые можно использовать, соответствующим образом трансформировав их семантически и формально, в случаях, когда отсутствует само понятие и, следовательно, его терминологи-

гическое обозначение. Приведём примеры предложенных А.П. Сковородниковым лингвоэкологических терминопонятий.

Лингвонекроз (по Фр. Данешу и С. Чмейрковой, исчезновение отдельных языковых категорий, типов текстов и коммуникативных функций) нас интересует в связи с возможностью исчезновения языковых категорий эмотивной этичности, эмотивно безопасных, «здоровых» текстов и терапевтической (возвышающей) функции языка [Шаховский, 2007].

Исследовать **предел толерантности языка** (Л.В. Савельева вслед за В.В. Колесовым оперирует понятием критической массы негативных явлений в развитии всех составляющих русского языка) мы считаем необходимым в связи с безраздельным доминированием мата во всех сферах функционирования русского языка, повышением плотности негативных эмотивов разной семиотической природы в текстовом коммуникативном пространстве России, ростом агрессии как вида деструктивного общения во всех без исключения сферах человеческой коммуникации [Солодовникова, 2010]. Очевидно, что предложенные А.П. Сковородниковым термины могут успешно применяться в рамках эмотивной лингвоэкологии.

Известно, что эмоциональная сфера человека является проводником, через который слово воздействует на физиологические механизмы регулирования его жизнедеятельности. Поскольку у эмоций и языка человека биологическая природа, становится ясным, что негативные эмоции в языке могут являться разрушающим здоровье фактором и причиной конфликтов в эмоциональных коммуникативных ситуациях (см.: [Кара-Мурза, 2011]).

Из сказанного очевидно, что в коммуникативной парадигме лингвоэкология и эмотивная лингвистика объединяются общностью базовой проблематики и понятийной системы через изучение эмоций в человеческом общении. Эмотивная лингвоэкология, таким образом, изучает этику, культуру выражения эмоций в языке.

В настоящее время в значительном количестве публикаций высказывается явная тревога лингвистов-экологов за здоровье как языка, так и его пользователей. Учёные обращают внимание на негативное влияние информационной среды на человека и сдвиг баланса эмоций в современном глобальном коммуникативном пространстве в сторону негатива: отрицательные эмоции реже скрываются и меньше подавляются. Исследователи причин экспансии негативно окрашенной эмоциональной коммуникации призывают государственные институты заняться проблемой повышения уровня терпимости в коммуникативном сообществе и предлагают свою

помощь в просвещении всех желающих через формирование эмоциональной/эмотивной компетенции коммуникантов и интеллектуализацию эмоций. И с этим нельзя медлить, ведь распространение агрессивных эмоций, как неоднократно отмечалось многими исследователями, вредно для здоровья — неэкологично с позиций общественного поведения [Волкова, 2012; Шаховский, 2010; Шаховский, Солодовникова, 2010 и др.].

Эмотивная лингвозкология рекомендует коммуникативному сообществу пересмотреть свою языковую политику и более или менее выдерживать основной параметр экологичности — этичность в трансляции эмотивных смыслов (через баланс отрицательного и положительного модусов эмотивности). Учёные призывают общающихся быть более милосердными, бережными друг к другу, не провоцировать только отрицательные эмоции, тем самым негативно влияя на здоровье друг друга [Шаховский, 2007; Шаховский, Ионова, 2012 и др.].

В экологичной коммуникации адресант в идеале должен превыше всего ставить коммуникативное благополучие адресата. Этого можно достичь через этичное обращение с его эмоциями и реализующими их семиотическими знаками. Человек «упаковывает» свои эмоции в систему эмотивных средств языка и воспроизводит их в эмоциональных коммуникативных ситуациях. Лингвистикой эмоций установлена следующая взаимозависимость: ситуации формируют эмоции, которые влияют на выбор реализующих их семиотических знаков, и наоборот. Экологичности коммуникации способствует баланс позитивно- и негативно-оценочных эмотивов.

Эмотивная лингвозкология развивает достижения лингвозкологии и эмотиологии и широко использует их терминологию. Так, например, **загрязнители языка/речи** позволяют определить коэффициент **загрязнённости текста** (можно подсчитать количество отрицательно оценочных эмотивов в конкретном тексте, фиксирующем определённый фрагмент общения). В ряде случаев в коммуникативном пространстве можно выявлять **зоны лингвозкологической чрезвычайной ситуации**. Когда оскорбление осуществляется через использование инвектив, можно говорить о **лингвотоксикологии**. Советы экспертов по вопросам окружающей языковой (речевой) среды (**лингвозкологические советы**) осуществляют **лингвозкологический мониторинг**, а **лингвоконфликтологи** и **юрислингвисты** проводят **лингвозкологические экспертизы**. Одной из перспективных и требующих своего решения задач эмотивной лингвозкологии является проблема формирования лингвозкологической резолюции и лингвозкологических императивов.

Перефразируя Дж. Шеллера, высказывание которого представлено в эпиграфе («Каждый поступок оставляет свой след в экологии»), хочется добавить, что каждое слово оставляет свой след в коммуникации. А поскольку общение является доминантной формой человеческого существования, можно предположить, что каждое слово оставляет свой след в экологии и языка, и человека, ведь язык биологичен по своей сути.

Понимание того, что неправильное пользование языком может привести к его болезням и даже гибели, выливается в многочисленные тревожные призывы лингвоэкологов обращаться с ним бережно. А через язык — и с самим человеком. В этой связи вспомним, например, как В.А. Сухомлинский призывал беречь, щадить неприкосновенность, уязвимость, ранимость другого человека, не причинять людям зла, обиды, боли, тревог и беспокойства.

Иногда общество ставит под сомнение саму целесообразность работы лингвистов и их усилий. Часто можно слышать упреки в «переливании из пустого в порожнее», «раздувании проблемы на пустом месте» и пр. Авторитетно в этой связи звучит рассуждение академика Д.С. Лихачёва о том, что филология — «это высшая форма гуманитарного образования, форма, соединительная для всех гуманитарных наук, связь всех связей. <...> Она нужна всем, кто пользуется языком, словом; слово связано с любыми формами бытия, с любым познанием бытия: слово, а еще точнее, сочетания слов. Отсюда ясно, что филология лежит в основе не только науки, но и всей человеческой культуры. Знание и творчество оформляются через слово, и через преодоление косности слова рождается культура» [Лихачёв, 1989, с. 111—112].

Появившиеся в России лингвоэкологические организации можно назвать инфраструктурой этой науки. А инфраструктура создаётся для того, чтобы каждый человек мог разобраться в положении вещей и внести свой вклад в изменение волнующей его ситуации. Лингвоэкологические объединения призваны помочь любому желающему получить необходимые знания по проблеме, понять и поделиться своими знаниями с другими. Функция создаваемых организаций — образовательная, просветительная, информативная. То есть они призваны развивать экологическую компетенцию каждого человека как часть его общей коммуникативной компетенции.

Многочисленные публикации свидетельствуют, что целью эмотивной лингвоэкологии как науки, «дочерней» для эмотивной лингвистики, является «укрощение» эмоций. По мнению ученых, эмоции должны выпол-

нять функцию возвышения чувств, способствовать достижению гармонии в общении. От умения правильно выражать эмоциональные интенции в нужной ситуации зависит характер всей коммуникативной ситуации. И этика эмоций объясняет назначение эмотивной лингвоэкологии как новой отрасли гуманитарной науки, показывая роль эмотивного языка в различных сферах человеческой коммуникации.

Эмотивная лингвоэкология предлагает рассматривать традиционные проблемы эмотиологии в аспекте экологичности эмоций:

- типология эмотивных знаков различной семиотической природы, служащих для фиксации экологичных и неэкологичных проявлений эмоций;
- влияние эмоционального интеллекта и эмоциональной/эмотивной компетенции на экологичность прагматики описания и выражения сиюминутных и прошлых эмоциональных переживаний, сокрытия, имитации, симуляции своих и чужих эмоций, т.е. на коммуникацию эмоций;
- эмотивное семантическое пространство языка и эмотивное смысловое пространство языковой личности;
- проблема эмансипации эмоций и их экологичное / неэкологичное влияние на языковые процессы;
- критерии экологичности эмоций, языка и его знаков;
- национально-культурная специфика этики эмоций;
- экология человека и экологичность коммуникации и текста и др.

Из приведённого перечня становится ясным, что проблемы и задачи эмотивной лингвоэкологии во многом получены ею «по наследству» от эмотиологии.

Приоритетные направления исследований в рамках эмотивной лингвоэкологии, рассматриваемые в качестве ближайшей перспективы для научного поиска: 1) формулирование понимания экологичности эмоциональной / эмотивной коммуникации; 2) доказательство, что эмотивность — главный фактор экологичности; 3) определение соотношения модуса эмотивности с видом экологичности; 4) разработка моделей анализа экологичности; 5) развитие собственной терминосистемы и методов исследования; 6) апробация лингвоэкологических методов в коммуникативной стилистике и межкультурной коммуникации; 7) исследование связи здоровья языка, культуры, человека.

Как показывает анализ теоретических источников, в работах по эмотивной лингвоэкологии можно наблюдать динамику понимания ее объекта, предмета, цели и задач. Понимание экологичности коммуникации только через индекс эмотивности сменилось фокусом на этике эмоций. Экологичность коммуникации, таким образом, заключается в

соблюдении коммуникативных этических и эмотивных норм пользования языком.

Сейчас можно констатировать, что до сих пор ещё нет чёткого понимания того, что же такое этическая эмотивная норма пользования языком. На наш взгляд, методика эмотивной лингвоэкологии опирается на достижения эмотивной лингвистики и пользуется ее основным методом — категоризацией эмоций в лексико-семантической системе языка. Пока этот метод является ведущим. В работах по эмотивной лингвоэкологии подсчитываются отрицательно и положительно-оценочные эмотивы. От их баланса зависят экологичность/неэкологичность коммуникации. Этого метода недостаточно в тех случаях, когда нет чёткого критерия определения модуса эмотивности. Это некоторые случаи оксюморонимов, языковой игры, абсурда, парадоксов, а также праведного гнева, благородной ярости и т.п.

Одним из примеров неопределённости модуса экологичности можно считать парадокс. Данное явление подробно иллюстрирует художественное произведение Е.В. Клюева «Между двух стульев», где главному герою Петропавлу приходится постоянно сталкиваться с произвольным обращением со словами (отчасти это напоминает сказки Л. Кэрролла). Все персонажи этого произведения — Шармен, Бон Жуан, Всадник-с-Двумя-Головами, Ой ли-Лукой ли, Муравей-Разбойник, Белое Безмозглое, Гном Небесный, Пластилин Мира, Мясной Царь, Гуллипут, Дитя-без-Глаза, Тридевятилетняя Цаца, Спящая Уродина, Летучий Нидерландец, Смежная Королева, Слономоська, Шпрот-в-Сапогах, Дама-с-Каменьями и др. — «обманывают его на каждом шагу, морочат голову, заводят его в тупик, крушат все его надежды и иллюзии, попирают Жизненный Опыт и Здравый смысл», т.е. неэкологично обращаются с его эмоциями. Он «обескуражен и растерян, не понимает, как вести себя, тщетно пытается сориентироваться и, наконец, в недоумении разводит руками или просто обижается: да ему просто морочат голову, сбивают с толку!» [Клюев, 1989, с. 1]. Приведём одну из неэкологичных ситуаций.

...Петропавел уходил от моря. <...> Внимание его привлёк какой-то предмет впереди. Петропавел двинулся к нему и издалека ещё различил табличку вроде тех, что ставятся на газонах.

На табличке было написано КАТОК СОЗНАНИЯ, а под этой надписью три стрелки указывали разные направления. Против каждой стрелки значилось:

направо — «Получишь, что захочешь, но не удержишь»;

налево — «Удержишь то, что получишь, но не захочешь»;

прямо — «Захочешь то, что удержишь, но не получишь».

Петропавел просто обомлел от такого выбора: сначала ему показалось, что учтены все возможные выходы из ситуации, в которую он попал, — и дело только за тем, чтобы правильно определить направление будущего движения. Глаза разбегались от предложений. Однако, поразмыслив, он понял, что по существу выбора никакого и не предлагается, потому как в конце концов все равно ничего не приобретаешь. В первом случае — приобретенного не удержишь, то есть как бы и не получаешь, во втором — сам же от приобретенного отказываешься за ненадобностью, а в третьем — цепляешься за то, чего тем не менее не имеешь. Иными словами, все одинаково плохо — и куда ни идти, результат тот же... Это был очевидный тупик. Петропавел уставился на табличку в полном замешательстве» [Клюев, 1989, с. 35].

Данный персонаж испытывает целый кластер негативных эмоций, разрушительных для его самочувствия, — он сбит с толку и обескуражен. Приведённый текст эмоциогенен по своей сути и смешивает реальность с нереальностью.

Подводя итоги вышесказанного, отметим, что сейчас эмотивная лингвоэкология находится в начале своего пути и ее будущее зависит от того, насколько успешно будут разрабатываться уже перечисленные выше проблемы и задачи.

Л и т е р а т у р а

Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ. — М.: Рус. словари, 1996.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. — М.: Яз. слав. культуры, 1999.

Волкова Я.А. Неэкологичность деструктивного общения // Экология языка и речи: материалы Междунар. науч. конф. (17—18 нояб. 2011 г.) / отв. ред. А.С. Щербак. — Тамбов, 2012. — С. 52—55.

Гетте Е.Ю. Гендерный аспект современных коммуникативных процессов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2002.

Жура В.В. Дискурсивная компетенция врача в устном медицинском общении: моногр. — Волгоград: ВолГМУ ООО «ДарКо», 2008.

Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему. — М.: Яз. слав. культуры, 2004.

Кара-Мурза Е.С. Лингвоконфликтология: основные понятия и вузовские варианты // Журналистика и культура русской речи. — 2011. — № 2 (58). — С. 64—79; Продолжение. — № 3 (59). — С. 54—73; Заключение. — № 4 (60). — С. 64—79.

- Клюев Е.В.* Между двух стульев. — М.: Педагогика, 1989.
- Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: кол. моногр. / отв. ред. Н.А. Купина и О.А. Михайлова. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004.
- Купина Н.А.* Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. — Пермь: ЗУУНУ, 1995.
- Леонтович О.А.* Проблемы виртуального общения. — URL: www.irex.ru/press/pub/polemika/07/leo/.
- Литвак М.Е.* Из Ада в Рай: избр. лекции по психотерапии: учеб. пособие. — Ростов н/Д.: Феникс, 2002.
- Лихачёв Д.С.* Письма о добром и прекрасном / сост. и общ. ред. Г.А. Дубровской. — 3-е изд. — М.: Дет. лит., 1989.
- Миловатский В.С.* Об экологии слова. — М., 2001. — URL: <http://kladina.narod.ru/milovatskiy/milovatskiy.htm>.
- Пузырёв А.В.* Проблемы экологии и русского языка в системном осмыслении. Экология русского языка: материалы 1-й Всерос. науч. конф. — Пенза: Изд-во Пенз. гос. пед. ун-та им. В.Г. Белинского, 2008. — С. 6—8.
- Русский язык: исторические судьбы и современность: I—IV Междунар. конгресс русистов-исследователей русского языка. — М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2001, 2004, 2007, 2010.
- Седов К.Ф.* О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности // Жанры речи. — Вып. 2. — Саратов: Колледж, 1999. — С. 13—26.
- Сердобинцева Е.Н.* Законы общей экологии и язык. Экология русского языка: материалы 1-й Всерос. науч. конф. — Пенза: Изд-во Пенз. гос. пед. ун-та им. В.Г. Белинского, 2008. — С. 4—5.
- Сиротинина О.Б.* Хорошая речь / под ред. М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2001. — С. 222—228, 241—245.
- Сиротинина О.Б.* Основные критерии хорошей речи // Хорошая речь / под ред. М.Л. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. — 3-е изд. — М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — С. 16—29.
- Сковородников А.П.* К становлению системы лингвоэкологической терминологии // Речевое общение: специализир. вестник. — Вып. 3 (11). — Красноярск: Краснояр. ун-т, 2000. — С. 70—78.
- Солодовникова Н.Г.* Эколичность эмотивной коммуникации (на материале предвыборных креолизованных газетных текстов): дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2010.
- Стернин И.А.* Толерантность и коммуникация // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2003. — С. 331—344.
- Человек в коммуникации: мотивы, стратегии и тактики: кол. моногр. / отв. ред. В.И. Шаховский, И.В. Крюкова, Е.А. Сорокина. — Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2010.
- Шаронов И.А.* Многоликая агрессия // Агрессия в языке и речи: сб. науч. ст. — М.: РГГУ, 2004. — С. 5—6.

Шаховский В.И. Унижение языком в контексте современного коммуникативного пространства // Мир русского слова. — 2007. — № 1. — С. 40—45.

Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

Шаховский В.И. Эмоциональный тьюнинг в речевом общении // Язык. — Сознание. — Культура. — Социум: сб. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. памяти проф. И.Н. Горелова. — Саратов: Изд. центр «Наука», 2008 (а). — С. 478—482.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: моногр. — М.: Гнозис, 2008 (б).

Шаховский В.И. Роль эмотивности в медиаэкологии // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире — 5: V Международная научно-практическая конференция (2010; Волгоград): сб. ст. / отв. ред. Г.Г. Слышкин, И.С. Бессарабова. — Волгоград, 2010. — С. 223—226.

Шаховский В.И., Жура В.В. Дейксис в сфере эмоциональной речевой деятельности // Вопр. языкознания. — 2002. — № 5. — С. 38—56.

Шаховский В.И., Ионова С.В. Изгнание милосердия // Стратегия России. — 2012. — № 3 (99). — С. 39—48.

Шаховский В.И., Солодовникова Н.Г. Лингвоэкология: объект, предмет и задачи // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. — 2010. — № 1 (31). — С. 22—29.

Экология русского языка: материалы 1—5-й Всерос. науч. конф. — Пенза: Изд-во Пенз. гос. пед. ун-та им. В.Г. Белинского, 2008—2012.

Экология языка и речи: материалы Междунар. науч. конф. (17—18 нояб. 2011 г.) / отв. ред. А.С. Щербак. — Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012.

Эмотивный код языка и его реализация. — Волгоград: Перемена, 2004.

Язык и эмоции: эмоциональные смыслы и доминанты в речевой деятельности. — Волгоград: Перемена, 2003.

Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности. — Волгоград: Перемена, 2004.

Goleman D. The Emotional Intelligence. Why It Can Matter More than IQ? — Bentam Books, 1997.

Kiklewicz A. Language functions in the ecolinguistic perspective // New Pathways In Linguistics / ed. by S. Puppel, M. Boguslawska-Tafelska. — Olsztyn : Institute Of Modern Languages and Literature & University Of Warmia And Mazury, 2008. — P. 23—45.

Shakhovskiy V. Emotional problems of speech partners in intercultural communication // Theory and Practice of communication: RCA, Bulletin 3. — Rostov-on-Don, 2004. — P. 106—110.

Shakhovskiy V. Emotional / Emotive Competence in Intercultural Communication // Communication Studies. 2003. Modern Antology. — Volgograd. 2003. — P. 55—65.

Раздел 3. МЕТОДОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ

МОДУС ЭКОЛОГИЧНОСТИ В ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В.И. Шаховский

*Язык — это город, на построение
которого каждый живший на земле
человек принёс свой камень.*

Р. Эмерсон

Если вдуматься в эти слова Р. Эмерсона, то получается, что человек погружен в языковую среду, которая является средой его обитания в течение всей его жизни. И эта среда нуждается в защите от внешних и от внутренних воздействий, т. е. от воздействия как других пространств бытия человека (природа), так и самого человека — создателя и пользователя языка. Ибо, как отмечает Р. Эмерсон, каждый человек, живший на земле, внес в язык, в его строительство свою лепту. Однако, как показывают различные дискурсивные практики, эта лепта не всегда является добротным строительным материалом. Иногда она деструктивна, и тогда язык (он же — город) нуждается в защите.

Поэтому уже в прошлом веке Д.С. Лихачев призывал заботиться не только об экологии природы, но и об экологии культуры. А если учесть, что Д.С. Лихачеву, конечно же, был известен тезис В. Гумбольдта о взаимодействии языка и культуры, о том, что язык не может существовать вне культуры, а культура — вне языка, то становится понятным призыв Д.С. Лихачева к филологам уделять больше внимания экологии языка.

Лингвистика как раздел филологии все больше и больше становится базовой наукой почти для всех современных наук. Долгое время она существовала в виде отдельных сменяющихся парадигм. Как только лингвистика стала антропоцентрической, т. е. когда в ее объект был включен и человек — создатель и пользователь языка, а также его переживания, она начала кластироваться с другими науками. Так появились социолингвистика, психолингвистика, прагматическая лингвистика, текстолингвистика и др. Поскольку важнейшим психологическим фактором человека являются эмоции, появилась лингвистика эмоций.

Эмоции считаются центральным, стержневым качеством человека. Его эмоциональный тренд, индекс, интеллект управляют выбором языковых и стилистических средств в зависимости от ситуации общения. Эмоции моделируют не только вербальную, но и невербальную деятельность человека.

В XXI в. наблюдается соединение лингвистики как науки о языке, экологии как науки о сохранении природы и валеологии как науки о сохранении здоровья человека. Это объясняется тем, что не только человек погружен в языковую среду, но и язык погружен в человеческую (социальную, психологическую, биологическую) среду, что требует защиты, с одной стороны, языка от этого разнообразия среды бытования (функционирования) языка, с другой — человека от самого языка, поскольку, как известно, слово может очень глубоко ранить, вызвать обиду, ненависть, а может вызвать любовь и целую гамму других эмоций, как оздоравливающих, так и разрушительных.

Так как экология занимается природоохранительной деятельностью человека, то в последнее время ей вменяется в обязанность заниматься языкоохранительной и человекоохранительной деятельностью, поскольку и язык, и человек также являются частями природы. Поэтому вначале ученые говорили и писали об экологии природы, затем об экологии культуры, а потом и об экологии языка и речи, поскольку, повторим, язык человека является, с одной стороны, составной частью природы, с другой стороны, частью общества / культуры. То, что человек является частью природы, признано давно.

После того как лингвистика эмоций установила типы их категоризации языком через лексику, семантику, тексты и через типы их манифестации в вербальной и невербальной семиотике [Шаховский, 2008], после того как стали говорить и писать об эмоциональном мозге [Симонов, 1981] и, соответственно, об эмоциональном мышлении и сознании, были установлены эмоциональный дейксис, тренд, интеллект человека. Вскоре были поставлены вопросы о коммуникативных эмоциональных ситуациях общения, эмотивной, этологической, экологической функциях языка, а затем и о его терапевтической функции. Постепенно исследователи пришли к мысли о том, что эта функция языка очень тесно связана со здоровьеохранительной деятельностью человека, в том числе и через язык. Таким образом, валеология как наука о сохранении здоровья человека переплелась и с терапевтической функцией языка, и стало возможным выделить как отдельное научное направление лингвоэкологию языка [Сковородников, 1992, 2000 и др.].

Объектом науки о языкоохранении является то, как язык сохраняет сам себя, т. е. сохраняет своё здоровье или (в результате его неправильного использования человеком) портится. С другой стороны, правильное / неправильное использование языка человеком приводит тоже или к улучшению здоровья человека, или к его порче. Таким образом, лингвоэкология изучает двойственную функцию языка: правильное его использование сохраняет язык и здоровье человека, неправильное — разрушает их.

Лингвоэкология тесно переплетается с наукой о культуре речи, которая существовала давно и изучала грамотность речи и ее чистоту. Отсюда возникло такое метафорическое понятие, как «хорошая речь» — речь грамотная, чистая, культурная, эстетически и этически выдержанная. Всё это можно считать различными параметрами культуры речи. Поскольку вся речевая деятельность, как и прочие деятельности человека, сопровождается эмоциями, было странным, что долгое время лингвисты не обращали внимание на то, как эмоции влияют на здоровье и языка, и человека (см.: [Солодовникова, 2010]). Наблюдения за коммуникативным поведением социума, отдельных групп и языковых личностей в различных эмоциональных ситуациях подтвердили нашу гипотезу о том, что эмоции непосредственно влияют на качество языка/речи, здоровья и жизни человека. Отсюда возникла необходимость говорить об экологичности языка/речи, модус которых, с большой долей очевидности, зависит от эмоций говорящего и слушающего в конкретных коммуникативных ситуациях.

В своей книге «Русский язык на грани нервного срыва» М.А. Кронгауз пишет, что русский язык олицетворяет говорящего на нем человека. Автор справедливо замечает, что в результате регулярных негативных эмоций, транслируемых языком на его пользователей и на самого себя, все коммуникативное пространство русского языка в настоящее время находится в крайне негативном эмоциональном состоянии, граничащем с нервным срывом [Кронгауз, 2008].

Под влиянием различных эмоциональных мотивов жители города под названием «Русский язык» приносили в него последнее время строительные камни в основном волнами: бандитской, профессиональной и гламурной. И каждая из этих волн оставляла свои следы на теле языка и, увы, далеко не всегда созидательные. Многочисленные примеры неологизмов, как исконных, так и заимствованных, приводимые М.А. Кронгаузом в его книге, являются, в том числе, и языковым безобразием и указывают на явную необходимость защиты русского языка от порчи и на огромную роль эмоций пользователей в этих процессах (как в порче, так и в ее предупреждении и борьбе с ней).

В книге М.А. Кронгауза отмечается, что язык не может не реагировать на изменения в обществе. А поскольку язык — это часть нас всех, и эти изменения в обществе касаются каждого из нас, то и эти изменения в языке отражаются в каждом из нас, в нашем мироощущении. Это касается приоритетных слов, нашего отношения к ним, в том числе и эмоционального реагирования на них. Модные словечки, приоритетные для какого-то периода времени, могут портить и язык, и самочувствие некоторой части языкового сообщества. Например, многие не принимают таких модных словечек, как *правильный, элитный, культовый, эксклюзивный* и прочие слова с «ватной» семантикой.

Многие из этих слов, по справедливому замечанию М.А. Кронгауза, являются словами-паразитами наравне с такими, как *типа, конкретно, значит, так сказать, как бы* и др., которые тоже являются неэкологичными, т. к. не способствуют повышению эффективности общения и вызывают раздражение, ухудшение мнения о говорящем. А многочисленные непонятные заимствования в сфере спорта (*ассистенция, крузер* и т.п.) вызывают у слушателей чувство неловкости, дискомфорта, приводят к снижению самооценки, а значит, и недовольству самим собой, что вызывает плохое самочувствие. Это относится и к многочисленным малопонятным новообразованиям с инговой формой, типа *тролинг, контртролинг* и др. Так «неправильные» с точки зрения русских коммуникативных норм слова влияют на здоровье человека. Эта проблема коммуникатологии тесно связана со стратегией неполного понимания, которая снижает эффективность общения. Это всего лишь один из многочисленных фактов того, как неэкологичность «ватных», непонятных, ненормированных слов, вкрапленных в речь, прямо влияет на ее эффективность.

В книге М.А. Кронгауза термин «экология языка» появляется после тридцатой страницы [Кронгауз, 2008]. Но уже до этого, по сути дела, автор говорит о неэкологичности всех этих модных гламурных, бандитских, профессиональных словечек, засоряющих русский язык и вызывающих недовольство у взрослого населения. Это указывает на прямую взаимозависимость нервных срывов у человека и его языка. Влияет на здоровье языка и его пользователя как сама информация о негативном событии, так и дискурсивные практики негативно содержания вокруг нее. Это объясняется их отрицательными последствиями для психосферы пользователей языка (всего социума).

Не совсем безобидным для экологии языка и речи является так называемый «язык падонков» (орфографические и фонетические искажения). На первый взгляд, это игра с языком, а фактически — это явная порча языка на игровом фоне (*чумачечая весна, очечи* и др.), что являет-

ся еще одним примером неэкологичности. Такая игра с языком вызвана эмоциональными мотивами, и это доказывает, что такие мотивы могут быть и «неприятными» для языковой нормы.

К конфликтным эмоционально неэкологичным коммуникативным ситуациям относятся публичные вербальные дуэли политиков — предвыборные поединки различного рода, потасовки в парламентах (примеры в украинской Верховной Раде, в Государственной Думе) не только с непарламентскими словесными выражениями, но и с непарламентскими телодвижениями. И те, и другие являются явно неэкологичными, т. к. наносят ущерб и самому языку, и коммуникантам, т. е. их здоровью из-за полученного при этом физического и морального вреда.

Наши наблюдения за различными жизненными ситуациями, которые включают в себя и различные эмоциональные коммуникативные ситуации, также показывают, что эмоции могут приводить к порче как языка в состоянии ссоры, гнева, обиды, ярости, так и здоровья человека. Поэтому встает вопрос о необходимости включения в коммуникативную компетенцию таких компонентов, как эмотивная и эмоциональная компетенции, которые формируют эмоциональный интеллект человека. Они включают в себя понимание коммуникантами эмоций и знание об их функциях, параметрах, названиях, их способности открывать новые семантические и эмоциональные валентности слова, порождать новые контекстуальные понятия через вербальную упаковку в форме эмотивов разных статусов: аффективов, коннотативов, потенциативов. Сюда же входит знание об эмотивной функции языка (с ее отличием от экспрессивной функции), эмотивном фонде языка, эмотивном семиотическом коде (двух разновидностей — вербальном и невербальном), различных видах эмотивного текста, эмоциональной коммуникативной ситуации и др.

Науке уже известно, что отрицательные эмоции (как и положительные) руководят выбором языковых и стилистических средств в различных коммуникативных ситуациях и тем самым задают тональность общения. Такая зависимость экологии языка/речи от эмоций ежедневно и многократно демонстрируется СМИ. Массмедийная экология иногда нарушается через чрезмерную экспликацию отрицательных эмоций в лексике, синтаксисе, просодии, транслируемых СМИ на аудиторию. Приведем примеры некоторых эмотивных неологизмов с отрицательной коннотацией, порожденных конкретными эмоциональными ситуациями российской социально-экономической и политической действительности: *бунт хорьков*, *гречневая лихорадка*, *жемчужный прапорщик*,

либерасты, дерьмократы, дерьмокрады, дымобилизация, журналоги, журнализы, ненавистливый, бюрократиада, бюрокрады, клеветон, лжизнь, фуфломизин, цитатливый, арестократ, тюремок, могоатырь, творянин, глажданин, буриданствовать, коллюзия, либидоносец, травматургия, словелас, лживопись, портвейнгеноссе и др. Они могли бы составить довольно объемный словарь журналистских эмотивных неологизмов русского языка XXI в. Эти и им подобные неологические дериваты являются результатом языковой игры, мотивом которой выступают негативные эмоции говорящих. Референтом таких эмоций являются новые контекстуальные понятия, отражающие новое негативно-оценочное отношение к данным понятиям. Через такие игровые номинации эксплицируется негативность этих понятий, закодированная и воспроизводимая в их семантике. Данные лексические и синтаксические номинации являются неприятными. Эмоционально отрицательное отношение пользователей русского языка к этим новым понятиям делает их неэкологичными, равно как и коммуникативные ситуации, в которых они используются.

Напомним, что не только определенные коммуникативные ситуации вызывают эмоции *homo loquens*, но и сами эмоции могут создавать эмоциональные коммуникативные ситуации. Это говорит о тесной взаимозависимости эмоций и коммуникативных ситуаций. Такая взаимозависимость превращает *homo loquens* в *homo sentiens* [Шаховский, 2008], который порождает все новые и новые дериватные эмотивы. К таким неэкологичным новообразованиям относятся, например, и следующие: *беруша* (ласково — взяточник), *абитуриентский туризм*, *брехлама* (реклама, которая и брехня, и хлам), *нехоть* (состояние, когда ничего не хочется), *зомбоящик* (телевизор), *самозвонец* (тот, кто всюду звонит о себе, саморекламщик), *трепортёр* (много- и пустословный репортёр), *статбиллизец*, *объЕГЭрмить* и т. п. [Эпштейн, 2000, 2009].

С позиций эмотивной лингвозекологии языковая игра еще никем не рассматривалась. А большинство аналогичных эмотивных номинаций, как экологичных, так и неэкологичных, образуется именно с помощью языковой игры. И эти номинации некоторое время остаются коммуникативно значимыми в эмоциональных ситуациях общения. Необходимость в таких образованиях и психологическая тяга к ним указывают на потребность коммуникантов в неэкологичном общении, например, с использованием мата во всех сферах человеческой деятельности. Возникает нечто схожее с наркозависимостью, которая тоже является неэкологичной.

Некоторые из игровых дериватов являются оксюморонами или оксюморонимами, и через них становится ясным, как происходит кристаллизация негативной мысли в сознании и негативного эмоционального смысла в слове. В неологизмах проявляется креативная функция мышления и языка. Смыслоформирование и смыслооформление, кристаллизация мысли в слове совмещаются с эмоциональным оцениванием, в результате чего происходят концептуализация и лексикализация новых контекстуальных понятий, например, *половодье чувств, ампутация совести, хирургическое невмешательство, злобро, адорай, ЕГЭТО* и т.п.

Транслируемые через СМИ негативные факты, демонстрация негативных событий и использование новых негативных лексических и синтаксических дериватов для их описания и изображения задают через некоторые СМИ неэкологичный формат общения и поведения в социуме. Это также провоцирует соответствующие негативные эмоциональные состояния, которые не могут привести к улучшению здоровья получателя информации.

К сожалению, деструктивный тренд наблюдается почти во всех сферах современного человеческого общения, включая и искусство (например, эпизод с С. Филиным, художественным руководителем Большого театра). Довольно заметным является разрушительный эффект многих современных песен, и не только на русском языке. Как показывают исследования А.В. Пузырёва [Пузырёв, 2012], этот тренд все более глобализуется. Так, многие англоязычные песни на радио *Европа +* и *Love Радио*, по его мнению, направлены на эвокацию физического удовольствия от секса (и тогда они выполняют функцию электродов на теле крыс, с помощью которых у последних вырабатывается инстинкт удовольствия на определенные стимулы) или явно провоцируют деструктивные эмоции — тоску, разочарование, беспокойство, раздражение, дискомфорт, т. е. негативные чувствования и переживания. Как показывает статистика этого автора, например, за последние три года на *Love Радио* круглые сутки звучали как минимум амбивалентные и как максимум чисто деструктивные песни. А это, конечно же, подтверждает вывод о деструктивном эмоциональном тренде современного молодежного песенного жанра. Так что и этот фрагмент художественной коммуникации занят негативными эмоциями. Получается, что человек находится в семиотическом языковом круге разрушительных эмоций.

В результате влияния массмедийного поведения, его видеоряда и текстов, вербального и невербального поведения социума формируется так называемая «другая языковая личность» [Сиротинина, 2009]. Вербальная

неэкологичность является одним из параметров «другой языковой личности». Молодое поколение соревнуется в мате и считает такое поведение особым шиком. Оно не только так говорит, но и так думает. А это уже влияние на сознание. Новая/«другая» языковая личность является нравственно-этическим последствием неэкологичного общения и неэкологичного невербального и визуального массмедийного поведения, которое формирует иное/другое мировоззрение. Совершенно очевидно, что к уже выделенным эмотивной лингвоэкологией параметрам экологичности общения (см. разд. 2 ч. 1 данной монографии) должен быть добавлен параметр этичности. А он непосредственно связан с влиянием коммуникативных эмоций на тип экологичности: экологичное vs неэкологичное общение.

Высказанная ранее гипотеза о прямой зависимости экологичности общения от модуса реализуемых эмоций (положительные / отрицательные) и от типа эмотивных семиотических знаков, реализующих эти эмоции, противоречит, однако, дискурсивным практикам. А они показывают, что эмоции, изначально принимаемые как отрицательные, например гнев, ярость, могут в определенных коммуникативных ситуациях быть экологичными, например: *Пусть ярость благородная вскипает как волна // Идет война народная, священная война* (благородный гнев). С другой стороны, общеизвестно такое речение, как *облить грязью похвал*, в котором положительная эмоция похвалы выступает в неэкологичном модусе.

Следовательно, лингвоэкологам еще предстоит развить тезис о типах зависимости экологичного/неэкологичного общения от амбивалентных, а может быть, и поливалентных эмоций. Поскольку коммуникативных ситуаций бесконечное множество, но типизировать их все-таки возможно, представляется необходимым установить зависимость модуса экологичности от потенциального модуса амбивалентных эмоций. В связи с этим можно вспомнить высказывание Аристотеля о том, что сама эмоция гнева ничего не говорит вне конкретной ситуации: кто гневается, на кого, за что, какова эффективность конкретного гнева. Другими словами, с позиций экологичности у самого гнева два модуса, т. е. можно говорить о противоположных модусах противоположных эмоций и о противоположных модусах одной и той же эмоции, а, следовательно, и о противоположных модусах ее экологичности.

Аналогичная ситуация наблюдается и в дискурсивных практиках оскорбления и мата, которые тоже могут быть амбиэкологичными, как это ни странно на первый взгляд. Это одна из многочисленных проблем

эмотивной лингвоэкологии и эмотивной лингвоконфликтологии, которую еще предстоит исследовать и описать. А после этого нужно внести в научающую коммуникацию лингвоэкологический компонент как одну из составляющих коммуникативной компетенции. Поскольку, по мнению многих лингвистов, все общение человека сопровождается его эмоциональным переживанием, то такое обучение также является одной из ближайших проблем эмотивной лингвоэкологии и коммуникологии. Этот процесс тренинга может осуществляться как через текстовую, так и через реальную коммуникацию. Результатом его должны стать как экологичные упаковки эмоциональных и рациональных смыслов, так и экологичные коммуникативные ожидания.

В заключение напомним еще раз, что эмоции являются мотивационной основой сознания. По словам А.А. Леонтьева, интенция — дитя мотива. Получается, что модус экологичности общения зависит от модуса эмоциональной интенции, эмоционального мотива речевого высказывания и его эмоционального осмысления.

МЕТОДЫ, ПРИЕМЫ И ПОДХОДЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ

В.И. Шаховский, А.А. Штеба

Полипарадигмальность современного гуманитарного знания обуславливает закономерное появление эмотивной лингвоэкологии. Данное научное направление в качестве методологической основы использует теоретические положения лингвистики эмоций, апробированные на обширном материале последних тридцати лет [Жура, 2008; Ионова, 1998; Тахтарова, 2009; Чесноков, 2008 и др.], а также методы и понятийно-терминологический аппарат эмотиологии для решения проблем, связанных с экологией языка.

Обращение к эмоциям человека особенно важно потому, что это, при всей кажущейся противоречивости следующего тезиса, позволяет получить доступ к сфере *ratio* и *cognitio*, поскольку эмоция и когниция неразделимы, эмоция является мотивационной основой сознания. Последнее положение особо значимо при анализе языка с точки зрения установления его экологичности / неэкологичности. Повторим, что положительные эмоции лежат в основе экологичного, а отрицательные — неэкологичного языка. Сказанное верно на глубинном уровне анализа, тогда как путь к нему

возможен только посредством расщепления многочисленных языковых (лексико-семантических и грамматических) и внеязыковых слоев, скрывающих и одновременно выражающих эмоцию. Переживание конкретной эмоции всегда сопровождается психосоматическими коррелятами, что имплицитно подразумевает невозможность рассмотрения сферы эмоционального в отрыве от ее влияния на здоровье (психическое и физическое) *homo sentiens*. Учет не только качества языка служит дополнительным фактором, которым необходимо оперировать в процессе лингвоэкологического анализа эмоциональной коммуникации.

Перечислим некоторые теоретико-методологические положения эмотивной лингвоэкологии, на которые считаем целесообразным опираться.

1. Существует три вида эмотивной семантики слова: собственно эмотивность, эмотивность как одна из реализаций семантики слова и ситуативная эмотивность, т. е. речь идет о таких трех статусах эмотивной семантики, как аффектив, коннотатив и потенциатив. Проблемным является вопрос зависимости актуализуемых в коммуникации статусов эмотивной семантики (эмотивный фонд языка в его коммуникативной реализации) от ее экологичности / неэкологичности, т. е. всегда ли использование отрицательного эмотива задает неэкологичную тональность коммуникации. Интересным кажется и сравнение перлокутивного эффекта сообщений, в которых доминируют слова с аффективным, коннотативным или потенциативным видом эмотивной семантики.

2. В результате вербализации эмоций последние могут быть названы (номинация), описаны (дескрипция), выражены (экспрессия). Зависимость формы экспликации эмоций от уровня экологичности / неэкологичности эмоциональной коммуникации является малоизученным и потому перспективным направлением будущих исследований (например, насколько адекватными с лингвоэкологической точки зрения являются выражения *Я ненавижу тебя vs Ты разорвал мое сердце*).

3. Способом реализации эмотивной функции языка является эмотивная валентность, которая одновременно является и потенцией для эмотивного приращения семантики любого слова, и реализацией данной потенции, что приводит к образованию эмотива. Кроме того, эмотивная валентность может быть использована для анализа эмотивной плотности (количественной и качественной) текста.

4. Эмоции коммуникантов регулируют тональность эмотивных высказываний и текстов. Это проблема текста-отношения, который характе-

ризуется доминирующими в нем эмотивной и экспрессивной функциями, а также эффектом эмоционального воздействия.

5. В семантике слова эмоции фиксируются в форме специфических сем эмотивности, структура которых следующая: инвариантный семантический признак 'эмоция' и вариантный семный конкретизатор, определяющий конкретную эмоцию.

Поиск метода обусловлен необходимостью фиксации и/или предупреждения деструктом (отклонений), которые возникают в процессе коммуникации и оцениваются как нежелательные [Сорокин, 2008, с. 26]. Ю.А. Сорокин ставит перед лингвоэкологией следующую задачу: установить признаки, по которым креативные решения языкового сообщества можно отграничить от квазикреативных, вносящих когнитивно-когнитивные шумы и дестабилизирующие работу языка [Там же, с. 27]. В качестве приема подобного разграничения предлагается подразделять появляющиеся и уже функционирующие имена на номические и аномические, когда последние являют собой следствие произошедшего когнитивного сдвига. Подобные номинативные образования собственно номинативной функции и лишены, поскольку как минимум бессмысленны и как максимум опасны. Опасность же происходит из того, что язык и мышление характеризуются взаимонаправленным воздействием, когда от качества языка зависит качество мышления, а значит, и жизни (ее видения и ощущения себя в ней) конкретного человека.

В настоящее время учеными предлагаются методики для решения данной проблемы. А.В. Моисеенко [2007, 2008а, 2008б] установлен прием определения коэффициента степени экологичности/неэкологичности субстандартной синонимии, для чего вводится следующая формула:

$$x = b/a \times 100\%$$

где x — это коэффициент субстандартной синонимии, a — общее количество синонимов в ряду, b — количество субстандартных единиц [Моисеенко, 2008а, с. 12]. Другими словами, на материале определенного текстового корпуса проводится инвентаризация синонимов некоторого слова (количество) с последующим анализом не столько вариативности искомого значения, облачаемого в разную форму, сколько характера со-значений отобранных образований (качество), т.е. определение экологичности/неэкологичности зависит от положительной или отрицательной коннотации лексической единицы.

Логичным развитием предложенного исследователем подхода является выход за рамки семантики слова в семантику текста, в котором слово функционирует. Из общенаучного положения о том, что тождество струк-

тур ведет к тождеству функций, происходит следующий вывод: употребление бранной лексики обязательно предполагает ситуацию конфликтного общения. Однако любой конфликт многомерен и поливалентен, семантика конфликта может диссонировать с его семиотикой, конфликт вариативен в зависимости от плоскости общения. И на последний вопрос еще предстоит найти ответ.

В исследовании А.В. Пузырёва представлена семиуровневая пирамида конструктивности/деструктивности текста, составляют которую (от низшего к высшему) физический, личностный, межличностный, этнический, социальный, принципиальный и интегративный уровни потребностей и установок [Пузырёв, 2012, с. 114]. Отметим, что беглого взгляда на данную модель достаточно, чтобы установить деструктивность современного медиапространства, где в человеке культивируются низшие потребности (физический уровень), эгоцентризм (личностный), враждебность к Другому (межличностный и этнический) и т.п. При этом следует оговориться, что причина такого рода агрессивности языковой среды кроется в тотальном равнодушии человека к самому себе, его приоритетом не являются личностный рост и саморазвитие. Напротив, в нем планомерно культивируется разрушение, которое заполняет ментальное пространство человека и выходит наружу, в том числе и в языковой (= девиантной) форме. Как следствие, помимо внешнего воздействия на человека имеется более опасный враг — сам человек. Из этого происходит и своего рода обреченность попыток борьбы с разрушающей неэкологичной языковой средой, если на стороне этого сопротивления не выступает сам человек. Стратегия же подобной когнитивной аутотрансформации *homo debilis* в *homo sapiens* предложена филологической герменевтикой, когда чтение перестает быть заполнителем паузы, становится работой и, кроме того, выгодным инвестированием в свое будущее, при всей кажущейся авантюристности подобного предприятия.

Оригинальный прием лингвоэкологического анализа предложен группой исследователей Волгоградского государственного университета. Ими разработана методика эколлингвистического мониторинга содержания медийного пространства на материале волгоградских печатных СМИ [Основы эколлингвистического мониторинга..., 2011, с. 56—86]. Данная процедура предполагает учет следующих параметров:

— событийность новостного текста (примат достоверной информации, которая должна референциально точно отражать происходящие процессы, а не приукрашивать их, вызывая чувство страха у реципиента) с

учетом двух основных факторов — информационного баланса и этической отмеченности события;

— индекс упоминания имен и событий (количественный анализ контекстов с нейтральной, отрицательной и положительной модальностями);

— тональность представления события в новостном контексте (тональность эгоцентрического — отражение личности автора, объектного — субъективное отражение события, адресатоцентрического типов).

Выделенные критерии позволяют осуществлять объективный анализ степени экологичности/неэкологичности текстов массмедиа. При этом обозначенные параметры кажутся вполне применимыми в изучении любых текстов различных жанров.

Рассуждая о методах лингвоэкологического анализа, Е.М. Пылаева [2011] предлагает следующие: метод деконструктивного анализа, заимствованный у постмодернистов, и метод анализа текста по ключевым словам. Остановимся подробнее на деконструктивном методе, который предполагает анализ некоторого объекта либо через разрушение имеющегося по отношению к нему стереотипа, либо путем помещения данного объекта в новый контекст. Действительно, изучая определенное слово или словосочетание, например бранное, исследователь будет находиться под влиянием стереотипа или эталона, который навязывает понимание значения этой лексической единицы. Но изменение контекста позволяет увидеть, что отрицательная оценка бранного слова X может понижаться или меняться на противоположную, если это слово 1) адресуется близкому человеку в ситуации доверительного общения; 2) конкретизируется положительно-оценочным определением; 3) конкретизируется отрицательно-оценочным определением, которое стоит перед определяемым словом (*чертов урод vs урод чертов*). Кроме того, анализ любой лексики для установления ее экологичности/неэкологичности должен сопровождаться следующим условием: любое слово обладает амбивалентным эмоционально-смысловым потенциалом, который конкретизирует ситуация.

Перспективная методика анализа внутренней формы слова с позиции заключенных в ней рефлексивных векторов (рефлексем) фундаментальных предикатов сознания предложена З.Я. Кармановой [Карманова, 2010, с. 47—116]. По сути, данные рефлексемы наглядно демонстрируют «возможности» слова, скрытую в нем смысловую энергетику, проявляющуюся тогда, когда оно становится «словом дискурса»: ретроспективная и проспективная, экстенсивная и интенсивная, трансцендентная, интроспективная, эмпатическая, аксиологическая, воспроизводящая, реконструктивная и конструктивная, гносеологическая, лингвистическая, категоризирующая,

коммуникативная, гипотетическая, абстрагирующая, аналитическая и синтетическая рефлексемы. Отдельно остановимся на интенциональном и Интенциональном рефлексивных векторах. Первый (интенциональный) связан с мировосприятием языковой личности: юмор, сатира, сарказм, ирония, остроумие, усмешка, комизм, прямолинейность, агрессивность, подхалимство и т.д. Второй (Интенциональный) происходит из необходимости учета того, что каждый речевой акт, по Дж. Сёрлю [Серль, 1986], служит для выражения соответствующего интенционального состояния: вера, страх, ненависть, нужда, одобрение, скорбь, раздраженность. Другими слова, данная рефлексема показывает, почему говорящий сказал именно так, а не иначе, а также мотивирует некоторые коммуникативные ходы языковой личности.

Общим основанием обозначенных подходов, применимых к анализу экологичности/неэкологичности языка и речи, можно считать сферу эмоционального (учет коннотативного аспекта значения слова, тональность и модальность сообщения, Интенциональная рефлексема).

Далее следует подробнее рассмотреть приемы и методы эмотивной лингвоэкологии, которая, напомним, оформилась в самостоятельное научное направление на пересечении таких дисциплин, как культура речи, валеология и эмотиология. Методы последней целесообразно применять к решению проблемы установления уровня экологичности/неэкологичности эмоциональной коммуникации, поскольку именно эмоции являются мотивационной основой сознания. Доступ к мотивам речемыслительности говорящего опосредован сферой *emotio*, т.е. определяется не форма эмоциональной коммуникации, когда использование в речи бранной лексики может и ошибочно указать на ее неэкологичность, а содержание. Другими словами, важно не как, а для чего говорящий выбрал именно данную форму X для выражения эмоционального переживания Y.

Для целей анализа любого предмета в аспекте эмотивной лингвоэкологии целесообразно использовать субстратный метод, одним из сторонников которого выступает А.В. Пузырёв. Применение субстратного подхода позволяет не только получать комплексное представление о сущности изучаемого явления, но и определять проблемное поле того или иного научного направления (см. материал А.В. Пузырёва в настоящей монографии).

Мы исходим из того, что эмоции пронизывают любую деятельность человека. Значит, они представлены на каждом из обозначенных уровней

и в каждой целевой подсистеме. Соответственно, есть эмоциональное мышление, под которым понимается неразделимая связь рационального и эмоционального, эмоциональный язык, эмоциональная речь и эмоциональная коммуникация. Если под экологией понимать некую конструктивную силу, то нужно выделять экологичные и неэкологичные типы мышления, языка, речи, коммуникации. Дифференциальным признаком, отличающим, к примеру, экологичный язык от неэкологичного, являются эмоции. Они же служат и интегральным элементом, точкой отсчета на условной шкале конструктивности/деструктивности действий.

Таким образом, эмоции включены в любую деятельность человека (всеобщее); значит, они объединяют разные виды деятельности (общее); от эмоций зависит экологичность/неэкологичность деятельности (особенное); поскольку эмоции играют роль средства определения экологичности/неэкологичности деятельности, то это позволяет выявить ее параметры, механизмы (конкретно-абстрактное); проблема состоит в том, чтобы научиться определять данные механизмы, декодировать их реализацию в коммуникации (единичное). Причем из наблюдений за частными случаями реализации экологичных/неэкологичных коммуникативных ситуаций формулируются правила и глобальные в рамках искомого направления выводы, т.е. единичное смыкается со всеобщим, что придает выбранному системному подходу еще большую основательность.

Например, существует множество коммуникативных эмоциональных ситуаций (всеобщее); некоторые из них являются негативными (общее). В ряду негативных выделяется ситуация агрессивного общения (особенное) со своими категориальными признаками (конкретно-абстрактное). Однако на выходе, т.е. речь идет о финале данных ситуаций, последние могут трансформироваться в позитивные, когда агрессия меняется на эмпатию, сопереживание, сочувствие. Возникает проблема фактора, объясняющего подобную рассогласованность с эталонной схемой «отрицательный стимул — отрицательная реакция». Ответ можно получить только с учетом анализа предмета (которым выступает коммуникативная эмоциональная ситуация агрессивного общения) на уровне мышления, языка, речи и коммуникации. В таком случае исследователь получит видение того, что любая коммуникативная ситуация амбивалентна с точки зрения генетических особенностей мышления, а также амбивалентного потенциала семантики и прагматики любого знака.

Далее кратко обозначим основные задачи, которые ставит перед собой эмотивная лингвоэкология.

На уровне мышления. 1. В подсистеме «всеобщее» рассматривается проблема эмоционального мышления. 2. В подсистеме «единичное» исходим из постулата о том, что эмоции являются неотъемлемым компонентом мышления (роль эмоций в мыследеятельности; соотношение эмоционального и рационального; виды мышления и место в них эмоций; влияние социальных и национально-культурных факторов на переживание/выражение эмоций; характер выражения эмоций конкретной личностью; профессия, пол, нация, возраст в их влиянии на выражение эмоций). 3. В подсистеме «особенное» рассматриваются функции эмоций, одной из которых является мотивационная. 4. В подсистеме «конкретно-абстрактное» устанавливается, что эмоции являются дифференциальным признаком, отличающим экологичное мышление от неэкологичного (механизмы и условия эмоциональной и эмоционально-экологичной деятельности; влияние социально-политических условий на эмоции; эмоции и здоровье). 5. В подсистеме «общее» показывается, как реализуется эмоционально-экологичное мышление. На этом этапе необходимо определить базовые понятия, методологическую базу, термины эмотивной лингвоэкологии, а также ответить на вопросы о том, какова цель ее возникновения; что приносят эмоции в лингвоэкологическое исследование; в чем недостатки собственно лингвоэкологического подхода к исследованию.

На уровне языка. 1. Всеобщее (признаки эмотивно-экологичного языка; внутренние механизмы эмотивной экологичности языка; конструктивный и деструктивный потенциал единиц языка разных уровней; языковые процессы и явления (синонимы, антонимы и пр.) и их влияние на эмотивную экологичность языка [Эпштейн, 2010]; синтагматические и парадигматические средства, характер нормы в эмотивной лингвоэкологии; норма эмотивной лингвоэкологии и норма социальная). 2. Общее (уточнение определений, терминов, понятий лингвистики и других смежных областей в их включенности в парадигму эмотивной лингвоэкологии; ее основные категории). 3. Конкретно-абстрактное (категоризация эмоций средствами языка; факторы, обуславливающие возможность порождения эмотивно-экологичного высказывания; эмотивно-экологичная / неэкологичная динамика языковых процессов). 4. Особенное (функции эмотивной лингвоэкологии, функции языка, от реализации которых зависит конструктивность/деструктивность языка; параметры эмотивной лингвоэкологии; экологичность языка и количество слов с отрицательной и положительной оценкой; что такое неэкологичный язык? бывает ли он? что такое эко-

логичный текст? как создается (не-)экологичный текст?). 5. Единичное (экологичная языковая личность; влияние личности на эмотивную экологию языка; диагностика уровня экологичности языковой личности).

На уровне коммуникации. 1. Общее (имплицитные и эксплицитные средства экологичности эмоциональной коммуникации; коммуникативная норма и экологичность эмоциональной коммуникации). 2. Особенное (семантика и прагматика, семантика и семиотика экологичной эмоциональной коммуникации; для чего нужно стремиться к экологичности эмоциональной коммуникации; что может дать эмотивная лингвоэкология человеку для коммуникации; каковы функции эмоциональной коммуникации; как в коммуникации функционируют категоризованные языком эмоции). 3. Конкретно-абстрактное (уровни экологичности/неэкологичности эмоциональной коммуникации; актуальное и потенциальное в эмоциональной коммуникации ситуации в аспекте ее экологичности; варьирование степени представленности экологичности / неэкологичности в одной эмоциональной коммуникативной ситуации; умение эмотивно-экологичного общения). 4. Всеобщее (социальные и национально-культурные факторы экологичности эмоциональной коммуникации; роль правительства в поддержании экологичности / неэкологичности эмоциональной коммуникации). 5. Единичное (эмоционально-экологичная коммуникативная личность; эмоционально-экологичная vs экологичная коммуникативная личность; идиостилевые способности коммуникативной личности как фактор поддержания экологичности эмоциональной коммуникации; восприятие и декодирование механизмов экологизации эмоциональной коммуникации; применение средств защиты от неэкологичной эмоциональной коммуникации; поведение (реальное и прогнозируемое) в коммуникативной эмоциональной ситуации; причины сбоев прогнозируемого экологичного поведения и его перехода в неэкологичное).

Отдельное внимание нужно обратить на необходимость учета коммуникативной эмоциональной ситуации в определении экологичности / неэкологичности эмоционального общения. Коммуникация является средством восстановления баланса; в ней не только рождается новая норма, но и сохраняется прежняя. Поэтому анализ коммуникативных эмоциональных ситуаций представляет собой детерминирующий фактор в рамках рассмотрения проблем, относящихся к парадигме эмотивной лингвоэкологии. Применение субстратного подхода позволяет проводить более основательный анализ, «расстреливая» выбираемый предмет исследования в двадцати различных системных плоскостях.

В кандидатской диссертации Н.Г. Солодовниковой методологическая база эмотивной лингвистики применена в анализе экологичности/неэкологичности текста. Так, автором предложены следующие этапы анализа:

- 1) установление вербальных эмотивных средств текстов;
- 2) невербальных эмотивных средств текстов;
- 3) способов реализации этих средств в текстах;
- 4) соотношения вербальных и невербальных эмотивных средств и способов варьирования экологичности текстов [Солодовникова, 2010, с. 5—6].

За ведущий принцип эмотивной лингвоэкологии предлагается принять «хорошую речь», когда приоритет отдается возвышению языком, а не диффамации адресата.

Теоретические положения, высказанные Н.Г. Солодовниковой, несомненно, новаторские и перспективные. В то же время они дискуссионные. Например, не ясно, каким образом можно установить, как влияет способ реализации, допустим, положительных эмоций на экологичность текста; может ли текст быть неэкологичным при условии экспликации в нем эмоций со знаком ‘плюс’ и наоборот. На наш взгляд, на данные вопросы помогут ответить приемы анализа определенного объекта с точки зрения выявления его эмотивной экологичности / неэкологичности, представленные ниже. Данные приемы реализуют два основных метода эмотивной лингвоэкологии: типологическое описание с проекцией на потенциальное влияние эмотива на адресата и контекстуальный анализ эмотивности.

1. *Скорость промысливания эмоций* [Шаховский, 1988, с. 16]. Речь идет о влиянии выбора лексики, выражающей эмоции, на перлокутивный эффект сообщения, поскольку без внимания остается статус использованного эмотива. Например, в конфликтной ситуации говорящий может поддаться аффекту и прибегнуть к нецензурной лексике или выбрать из синонимичной парадигмы не менее экспрессивную, но цензурную лексическую единицу, с помощью которой можно выразить свое недовольство, раздражение, при этом не унизив адресата. Здесь важна и позиция слушающего, который либо выберет стандартную схему реакции на отрицательный стимул (т.е. это отрицательная реакция, идентичная полученной от адресанта), либо преодолеет данный «эталон» (т.е. положительная реакция), чтобы найти причину раздражения говорящего. Сюда же относится и проблема выбора слова в зависимости от адресата с ориентацией на себя или на Другого. Например, частотное использование

аффективов (допустим, что это бранная лексика) в повседневной речи стирает табуированность мата для говорящего. Однако это не означает, что в процессе общения с лицом X такая лексика не вызовет неожиданного для говорящего эффекта. Интересно, что для говорящего нецензурная брань не является собственно аффективной и мощный энергетический заряд таких слов не ощущается. Но адресат, для которого оскорбительно уже только слышать мат, распознает этот отрицательный эмоциональный посыл, вызывающий у него чувство дискомфорта, и постарается предупредить коммуникативного партнера, что ему не следует так «выражаться». И в этот момент говорящий может не только идентифицировать энергетику слова, но и расценить это как поучение, критику или даже оскорбление. В результате энергия аффективов, потерявших для говорящего свой воздействующий потенциал, вновь станет ощутимой и, кроме того, обернется против самого адресанта, охваченного чувством негодования от услышанных назиданий.

2. *Определение порогов коммуникативно-эмоционального эффекта высказываний* [Шаховский, 1988, с. 25]. Эта проблема остается малоизученной и перспективной, поскольку нужны обстоятельные наблюдения за тем, как статус эмотивной семантики (аффектив, коннотатив и потенциатив), а также форма выражения эмотивности (номинация, дескрипция и экспрессия) преобразуют одну и ту же эмоцию: *disgust* (называет) — *phew* (выражает непосредственно — аффектив) — *anass* (выражает опосредованно — коннотатив) — *stupidly* (описывает).

Для примера рассмотрим влияние междометий на экологичность/неэкологичность эмоциональной коммуникации. Так, И. Фонажи касается проблемы воздействия на читателя формы подачи информации. Им рассматривается гортанный приступ, влияющий на смысл сообщения. Автор напоминает, что собственно органов речи человек лишен, поскольку последние выполняют дополнительно коммуникативную функцию, не являющуюся доминантной. К примеру, голосовая щель (*la glotte*) предназначена для того, чтобы предохранять органы дыхания от разного рода вредоносных объектов, а кашель является механизмом такого рода защиты. С первых месяцев жизни гортанный приступ непосредственно соотносится с дискомфортом и отвращением (ср. междометия *Ah! Oh!*, произношение которых сопровождается «твердыми атаками» (*attaques dures ou fortes*). Аналогичные «атаки» соотносятся с выражением таких отрицательных эмоций, как гнев, ненависть (*Je le hais*). Таким образом, эти твердые приступы, как и кашель, являются способом отторжения вредоносных элемен-

тов. Цитируемый автор задается вопросом: чем обусловлен прерывистый стиль (на манер словного удара немецкого языка) новостных передач по радио и телевидению? Отвечая на него, исследователь предполагает, что это может быть обусловлено либо попытками говорящего усилить воздействующий эффект своего сообщения, либо это происходит от некой имманентной агрессивности политических комментариев как таковых [Fonagy, 1979].

Сказанное открывает новую перспективу: фоносемантический аспект текста приобретает особую значимость в ходе анализа данного семиотического образования на степень экологичности / неэкологичности. Нужно учитывать и то, что выбор фонетического облика слова, интонирование фразы влияют на воздействующий эффект сообщения. Если гортанный приступ изначально содержит в себе деструктивный потенциал, то на бессознательном уровне адресат противопоставит ему, вполне обоснованно, защитную ответную реакцию. В этом и заложена магическая функция языка, когда звук нес в себе еще не объяснимый для говорящего конструктивный или деструктивный заряд. Сказанное оправдывает и то, что на безобидную реакцию (*Опять опаздываешь! — Ох!*) вполне ожидаема активная негативная контрреакция (*Сколько это может продолжаться!*). За этим *Ох!* скрыто и нежелание коммуниканта отвечать, т.е. он не намерен считаться с адресатом (отсутствие ориентации на Другого), и бессознательная попытка прогнать этот вредоносный элемент из своего интимного пространства.

3. *Контрастирование* [Шаховский, 1988, с. 31]. Контрастирование позволяет устанавливать силу или активность эмоции, что подразумевает следующие три этапа: а) толкование слова; б) пример с перифразой этого слова (замена в большинстве случаев на нейтральный вариант, который дается в толковании); в) контекст употребления слова. В последующем можно устанавливать, какие рефлексивные векторы потеряло сообщение после замены одного слова другим. Перспективными кажутся наблюдения за преобразованием нейтральных слов в ситуативные эмотивы, поскольку в последнем случае возникает необходимость уточнения этапов использования этого приема.

Предполагается два направления анализа: от эмотива к его эмотивности через сопоставление с нейтральным вариантом (вышеописанные три этапа) и от нейтрального по форме слова/словосочетания к его эмотивности через восстановление, к примеру, прецедента. Здесь нужно говорить о сознательной субституции или элиминировании из общеизвестного выра-

жения X слова/словосочетания, что имеет форму эвфемизации, но при этом воздействующий потенциал такой конструкции будет только усилен из-за ироничности и публичности (форма модели однозначно восстанавливается представителями некоторой языковой общности) подобного образования.

4. *Эмотивная валентность* [Шаховский, 1988, с. 36]. Эмотивная валентность суть не только способность слов вступать в эмотивные связи на основе явных или скрытых эмосем, но и прием анализа эмотивной плотности (количественный и качественный аспекты) текста, а также его экологичности / неэкологичности. Предлагается три типа эмотивных валентностей слов на основе признака 'характер эмосем', лежащих в их основе: актуализация, экспликация (явные эмосемы) и инвенция (скрытые эмосемы). Проанализируем несколько конструкций с компонентом *сьюр*: *chamade du сьюр* (звук о капитуляции сердца) — *charge du сьюр* (марш сердца) — *badaboum, badaboum du сьюр* (бадабум, бадабум сердца). Каждое из приведенных словосочетаний основано на интегральной семе 'биение', однако первый случай (*chamade du сьюр*) является системным, поскольку представляет собой устойчивое словосочетание с фиксированным эмотивным компонентом: оно используется для выражения положительного эмоционального переживания влюбленности. Последнее определяется как актуализация эмотивной валентности. В случае со вторым примером (*charge du сьюр*) определяющую роль для понимания смысла конструкции играет лексема *charge* (марш). Указывается на соматическое состояние решительного, смелого человека, когда образуется свободное словосочетание по модели устойчивого или отсистемная экспликация. Понимание же последнего примера (*badaboum, badaboum du сьюр*) невозможно вне контекста, в котором употреблена данная единица: *badaboum, badaboum, badaboum... lorsque son rythme s'accélure de fazon anormale en prüsence de l'Autre* (бадабум, бадабум, бадабум... когда его (сердца) ритм ненормально увеличивается в присутствии Другой (-ого)) [Lognon:www]. В таком случае инвенция (от лат. *invenire* — открывать, изобретать) представляет собой «нестандартный ассоциативный контекст слова» [Гридина, 1996, с. 12, 39]. Это «эстетически, этически, прагматически приемлемые аномально-нормальные выражения», «речевые девиации» [Светличная, 2009]. Причем такого рода отклонения понимаются не как нарушение языковой системы, ее разрушение, а, напротив, как развитие и обогащение. Инвенция суть актуализация системного значения посредством лично-но и ситуативно актуального оформления.

Именно инвенция как неожиданные по форме и содержанию сочетания несочетаемых слов и служит средством активизации интерпретативных усилий адресата, адекватных затраченной энергии говорящего, использованной в процессе лингвокреативной деятельности. Именно таковыми являются оксюморонимы *злобро* или *adorай*, аккумулирующие в себе мощный энергично-смысловой потенциал, действие данной энергетике исключительно благотворно, чего нельзя сказать о следующих словосочетаниях: *avoir le cul sur la main* (ср.: *avoir le сьур sur la main* — *иметь сердце на руке*); *aimer de tout le cul* (ср.: *aimer de tout le сьур* — *любить всем сердцем*); *soulever le cul* (ср.: *soulever le сьур* — *поднимать сердце*); *cul qui soupire, n'a pas ce qu'il дўсире* (ср.: *сьур qui soupire n'a pas ce qu'il дўсире* — *сердце, которое вздыхает, лишено того, чего желает*); *mains froides cul chaud* (ср.: *mains froides сьур chaud* — *холодные руки, горячее сердце*) [Citations et proverbes, www]. Подобные словосочетания явно свидетельствуют о деградации отдельных личностей или целых социальных страт.

Наряду с этим по признаку 'способ выражения явных эмосем' выделены два типа эмотивных валентностей: аналитическая (*зло* — *добро*) и синтетическая (*злобро*), а также подтипы: субститутивная (*Я Вам пишу, чего же боле vs я Вам пишу what's more vs Я Вам пишу quoi encore*) и элиминированная (*Кто не работает...*). Среди выделенных разновидностей эмотивных валентностей особого внимания заслуживает элиминированная, поскольку за недосказанностью лежит не только бесконечность интерпретации, но и норма, о которой нельзя забывать, потерять которую — значит лишиться части себя. Кроме того, аналитические и синтетические эмотивные валентности могут быть как контактными, так и дистантными. В последнем случае у говорящего появляется возможность более тщательно кристаллизовать некий смысл посредством установления интерпретативных рамок своего сообщения. Учет выделенных типов эмотивных валентностей слова становится еще одним этапом (после изучения словарного значения и означений) анализа экологичности/неэкологичности знака на пути 'смысл—текст'.

Возвращаясь к методике лингвоэкологического анализа эмоциональной коммуникации, нужно отметить, что решающим фактором является коммуникативная ситуация. Необходимо обращать внимание на норму не только языковую, но и дискурсивную, которая преобразовывает эталон, превращает его в новую конструктивную или деструктивную модель, задающую направление процесса речемыследеятельности пользователей язы-

ка. К примеру, словосочетание *ампутация совести*, образованное вследствие открытия у слова *ампутация* эмотивной валентности, стало продуктивной моделью, от которой по аналогии образовалась композиция *хирургия совести*. Прагматический эффект последней менее силен не столько в силу ее производности (ср. закон конца шкалы, когда новая единица является интенсивнее прежней), сколько из-за ожидаемости подобной конструкции. Наблюдается и смысловая ущербность семантического деривата, когда ампутация предполагает лишение объекта, а *хирургия* не исключает положительного исхода. За эмотивной валентностью *ампутация совести* стоит серьезный прецедент (насилие в армии), и данная речема позволила ее автору (А. Минкин) остро поставить проблему перед широкой общественностью.

Экологичным является не столько тот текст, в котором выражены положительные эмоции, сколько текст, причиной создания которого является конструктивное, а не деструктивное намерение говорящего, т.е. это тот текст, который потенциально не вредит, а приносит пользу. Данная оговорка позволяет исключить ряд заблуждений относительно того, что есть неэкологичные слова или что ситуация агрессивного общения *аргіогі* является неэкологичной, т. к. появляется большая вероятность использования коммуникантом (-ами) диффамационных коммуникативных тактик. Так, в следующем примере показано уменьшение степени неэкологичности, а значит, и деструктивности для языка и мышления такого слова с универсальной негативной коннотацией, как *террорист*, поскольку подобная лексическая единица также не лишена амбивалентного потенциала. На наш взгляд, убедительно это показывает появление композита *мцыри-террористы* (С. Касьяненко), в котором отрицательная коннотация частично нейтрализуется за счет использования интекст-цитатного имени. В образе *мцыри-террориста* С. Касьяненко видит путь освобождения от рабства корпоративного духа, царящего в современном мире. Автоматическая отсылка к произведению М.Ю. Лермонтова позволяет глубже понять смысловое наполнение данного образа: речь идет о вечной философской проблеме Другого, человека-скитальца, пребывающего в постоянном поиске себя, готовом пережить любые испытания, чтобы лишь умереть на своей земле (*Хотя на миг когда-нибудь // Мою пылающую грудь // Прижать с тоской к груди другой, // Хоть незнакомой, но родной*). Полностью отрицательную коннотацию композиту *мцыри-террористы* побороть не удастся, однако на первый план выводится философская доминанта.

Эмотив *ампутация совести* также является отрицательным, но это не указывает на его неэкологичность. Было бы слишком очевидно и наивно относить «плохие слова» к неэкологичным. Неэкологичным является то слово, которое реализует только функцию унижения в анализируемой ситуации или не имеет смысла вообще (*жесть, тупец*), поскольку такое универсальное слово применимо к любым ситуациям и не достойно ни одной из них; это слово — индикатор эпохи, потерявшей смысл и не задумывающейся о его поиске.

Завершая данный обзор, можно констатировать, что сегодня уже не остается сомнений в том, что лингвоэкология оформилась в самостоятельное научное направление, располагающее своей теоретико-методологической базой, разработанным понятийным аппаратом и намеченным проблемным полем. Лингвоэкологами разрабатываются собственные методы, методики анализа: установлен прием определения коэффициента степени экологичности/неэкологичности субстандартной синонимии, построена семиуровневая пирамида конструктивности/деструктивности текста, сформулирована методика эколлингвистического мониторинга содержания медийного пространства, в целях анализа экологичности/неэкологичности текста применяются методы деконструктивного анализа и анализа текста по ключевым словам.

Эмотивная лингвоэкология также претендует на роль самостоятельного направления в современной лингвистике. Она развивает идеи лингвистики эмоций, т. к. за критерий определения экологичности / неэкологичности коммуникации принимается оценка эмоции. В эмотивную лингвоэкологию транспонируются методы и приемы эмотивной лингвистики. Так, целесообразно использовать два основных метода: типологическое описание и контекстуальный анализ эмотивности, что реализуется в обозначенных выше приемах: скорость промысливания эмоций, определение порогов коммуникативно-эмоционального эффекта высказываний, контрастирование, эмотивная валентность. Методика анализа внутренней формы слова З.Я. Кармановой, а также адаптированный для лингвистики А.В. Пузырёвым субстратный метод также демонстрируют свою перспективность и дают возможность получать комплексное представление о сущности наблюдаемого явления. Гипотеза о том, что положительная эмотивность определяет экологичность, а отрицательная — неэкологичность языка и коммуникации, требует проверки. Способом подобной верификации служит метод интроспекции, а также эвристический метод (посредством анализа коллективного опыта, закрепленного во фразеологии).

ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ (ЭКОЛИНГВИСТИКА) С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СУБСТРАТНОГО ПОДХОДА К ЯЗЫКУ

А.В. Пузырёв

Как известно, в науке выделяются три уровня методологии: общенаучная (имеющая отношение ко всем областям научного знания), конкретно-научная (применительно к конкретной научной дисциплине) и специальная (совокупность исследовательских приёмов и методик, используемых при изучении конкретного вопроса). Субстратный подход к языку является собой вариант конкретно-научной (общелингвистической) методологии, который может быть использован при изучении любых языковых феноменов, в том числе и по лингвоэкологической проблематике.

При субстратном подходе к языку исследователь обязуется перед самим собой различать пять ступеней сущности языка (пять ступеней конкретности/отвлечённости рассмотрения лингвистических проблем) и пять целевых подсистем рассмотрения этих ступеней сущности. Не углубляясь в пересказ того, что было нами написано по этому вопросу (см., напр.: [Пузырёв, 1995, 2010]), обозначим наиболее общую схему субстратной — общелингвистической по своему характеру — методологии:

	Генетический аспект	Логический аспект	Динамический аспект	Функциональный аспект	Идиости-левой аспект
Мышление	1	5	4	3	2
Язык	6	7	8	9	10
Психофизиология	15	14	13	12	11
Речь	19	16	17	18	20
Общение	24	21	23	22	25

Зачем вообще нужен методологический подход к проблемам лингвоэкологии? Ответ достаточно прост: для того, чтобы обеспечить полное и всестороннее рассмотрение лингвоэкологических проблем. Кроме того, специалисты по бесструктурному управлению полагают, что владение

методологией является знанием высшего порядка в области обобщённых средств управления людьми [Истархов, 2001, с. 127].

Иногда считают, что «предметом лингвистики является материал, только средства речевого общения, а не само речевое общение, не высказывания по существу и не отношения между ними (диалогические)» [Бахтин, 1986, с. 297]. Если согласиться с мнением М.М. Бахтина, то лингвоэкология не может относиться к ведению лингвистики, ибо она невозможна без учёта высказываний по существу и диалогических отношений между ними. Мне думается, что в этом распространённом представлении — о строго очерченном месте лингвистики, за пределы которого лингвистам не следует «высовываться» (сразу же следует предупреждение сидящего в нас самих милиционера «Это не лингвистика!»), — мне кажется, что в этом представлении об ограниченности возможностей лингвистики как науки содержится принципиальная ошибка, ошибка методологического характера.

В чём заключается неадекватность весьма распространённых взглядов о месте и роли лингвистики? Дело в том, что если следовать представлению об ограниченных рамках существования лингвистики, то предметом лингвистики должны быть только язык и речь, т. е. сущность и явление языка, его общее и особенное.

Но что такое язык и речь вне мышления и коммуникации, вне уровней всеобщего, конкретно-абстрактного и единичного, вне своих бытия, необходимости и действительности? Это мёртвый язык! Иными словами, нам, лингвистам, авторитетный специалист как бы предписывает относиться к живому русскому языку как к языку латинскому, старославянскому, древнерусскому, т. е. как к языку, здесь и сейчас не существующему. Соответственно, лингвоэкологическими проблемами лингвистам имплицитно предписывается не заниматься вообще, ибо «это не лингвистика!». Лингвистам тем самым отказывается в праве заниматься бытием, необходимостью и действительностью языка (отказывается в праве обращать внимание на мышление, психофизиологию и общение владеющих языком и говорящих на нём людей).

Если вы займётесь основаниями сущности языка, т.е. языковым (и не только языковым) мышлением, вам скажут: «Это не лингвистика», это психология, физиология, культурология, история и вообще — «философия». Если вы займетесь проблемами необходимости языка, проблемами реализации языка в речи посредством психофизиологических процессов, вам скажут: «Это не лингвистика», это психология, психофизиология, нейрология, психотерапия и т. д. Если вы займетесь действительностью языка,

т. е. самой его жизнью, вам скажут: «Это не лингвистика», это литературоведение, конфликтология, психология общения, трансактный анализ, психотерапия и т. д.

В практической работе нам больше нравится исходить из постулата, что науки различаются отнюдь не по степени их абстрактности, а по их предметам. По этому постулату предмет любой науки — если это наука — может быть представлен в пяти степенях абстрактности — конкретности: **всеобщее** — **общее** — **конкретно-абстрактное** — **особенное** — **единичное** (это логическая градация) — или в пяти ступенях сущности: **бытие** — **сущность** — **необходимость явления** — **действительность** (это градация уже онтологического порядка). Но прежде чем рассматривать предмет эколингвистики с точки зрения субстратного подхода к языку, следует обсудить четыре вопроса предварительного характера.

Во-первых, следует обсудить название самой науки (*Как корабль назовёшь, так он и поплывёт*). На наш взгляд, имеются два равноценных названия: **лингвоэкология** и **эколингвистика**. Главным достоинством первого наименования является то, что за ним — лингвистическая традиция, а также частое использование отымённых прилагательных *лингвоэкологический, лингвоэкологичный*. Основным достоинством второго наименования является то, что оно (эколингвистика) соотносит указанную сферу исследований именно с лингвистикой. Понятия «лингвоэкология» и «эколингвистика» соотносятся друг с другом примерно так же, как лингвопсихология и психоллингвистика, первое из которых принадлежит сфере психологии, второе — сфере лингвистических исследований.

Полагаем, что понятия «лингвоэкология» и «эколингвистика» могут функционировать какое-то время как абсолютные синонимы, но в перспективе понятие «эколингвистика» для лингвистов является более предпочтительным, поскольку соотносит их лингвоэкологические интересы именно с лингвистикой, а не другими (пусть интересными, но все-таки чужими) предметными областями.

Во-вторых, следует обозначить семантическую разницу между прилагательными «лингвоэкологический» и «лингвоэкологичный». Для этого воспользуемся широко известным словарём «Строение русского слова» [Потиха, 1981]. Если учесть, что суффикс *-ическ/ий* выделяется в относительных прилагательных со значением «свойственный чему-либо, связанный с чем-либо», а суффикс *-ичн/ый* выделяется в прилагательных, обозначающих характерное для лица или предмета качество [Там же, с. 244—245], то придётся признать за прилагательным «лингвоэкологический (эколингвистический)» значение «свойственный лингвоэкологии», «связанный с линг-

возкологией (эколингвистикой)», а за прилагательным «лингвоэкологичный (эколингвистичный)» — значение «характерный для лингвоэкологии (эколингвистики)».

В-третьих, следует разводить понятия «лингвоэколог» и «эколингвист». Первое из этих понятий может быть применено к любому человеку, любому носителю языка, обеспокоенному судьбами родного слова, — это и писатели, и поэты, и деятели культуры и т.д. Второе из этих понятий означает лингвиста, занимающегося проблемами экологической лингвистики, т.е. своего рода профессионала, разрабатывающего на материале языка проблемы сохранности культуры языка и речи (а в нашем понимании — и проблемы экологичного мышления, общения и психофизиологии, точнее — той ее части, которая соотносится с экологичностью / неэкологичностью мышления).

И наконец, в-четвёртых, через все шаги исследовательской рефлексии должна пройти основная оппозиция эколингвистики — противопоставление лингвоэкологичного и не-лингвоэкологичного отношения к языку во всех ипостасях его существования. Лингвоэкологичное отношение к языку во всех ипостасях его существования следует признавать проявлением жизнеутверждающего начала в человеке, **биофильи**, тогда как не-лингвоэкологичные психологические установки следует относить к проявлениям Танатоса, **некрофильи** [Фрейд, 1989; Фромм, 2004, с. 22, 456]. Обозначением необходимости учитывать в лингвоэкологических, эколингвистических суждениях основную оппозицию эколингвистики мы и завершим обсуждение вопросов предварительного характера.

Необходимое для лингвистов разграничение пяти ипостасей языка (уровней мышления, языка, психофизиологии, речи и общения) ставит перед эколингвистами задачу различать уровни экологического и экологичного мышления, экологического и экологичного языка, экологической и экологичной психофизиологии, экологической и экологичной речи и экологического и экологичного общения. Заметим попутно, что наиболее развёрнутое изложение используемого нами общелингвистического исследовательского метода можно найти в монографиях: 20-шаговый классификационный фрагмент [Пузырёв, 1995] и 25-шаговый классификационный фрагмент [Пузырёв, 2010]. Сформулируем основные группы вопросов, встающих перед эколингвистами. Заметим при этом, что некоторые вопросы уже получили свои ответы в научной литературе, ответы на другую часть вопросов прозрачны, третья часть вопросов ставится впервые.

Какими проблемами должны быть заинтересованы эколингвисты на уровне экологического и экологичного мышления? Существует ли мыш-

ление металингвоэкологическое? Да. Прежде всего, оно характеризует исследователей, обсуждающих проблемы лингвоэкологии или эколлингвистики. Существует ли мышление лингвоэкологическое? Да. Оно свойственно людям, думающим о сохранении родного языка, его культуры и т.п. Существует ли мышление лингвоэкологичное? Да. Полагаем, что это высшая степень экологичности мышления, характеризующая людей, прекрасно владеющих всеми языковыми ресурсами и бережно относящихся к тем богатствам, которые накопил родной (в нашем случае — русский) язык. В наибольшей степени экологичность мышления характеризует людей, сохранивших и сохраняющих в своей памяти концепты своей родной (в том числе выраженной в языке, языковых формах) культуры, архетипы национального мышления. О необходимости сохранять в своей памяти архетипы своей нации говорится потому, что при их забвении нация как целое просто исчезает с арены исторического бытия.

Перейдём к непосредственному рассмотрению пяти основных групп проблем эколлингвистики на уровне мышления (очередность аспектов: **всеобщее — единичное — особенное — конкретно-абстрактное — общее** (мотивировку очередности см.: [Гагаев, 1991, с. 55—57]).

Первая группа проблем. Что есть на уровне мышления для эколлингвистики всеобщего, универсального? На наш взгляд, это следующие вопросы.

Каков онто- и филогенез эколлингвистических сведений? Когда и в каких условиях человек приходит к лингвоэкологии? В каком возрасте и обстоятельствах? Как формируется личность в качестве лингвоэколога? Каковы психологические основания эколлингвистики?

Как эколлингвистика вписывается в национальный менталитет? в понятия о нравственности? Каковы ее связи с архетипами мышления? с русским космопсихологосом?

В чём проявляются онто- и филогенетические аспекты эколлингвистики как дисциплины? Как эколлингвистика возникла? почему? для чего? Какая социальная потребность призвала к жизни эту науку? Почему эколлингвистика стала формироваться на рубеже XX—XXI вв., в постсоветский, а не в советский период существования России? Какие эколлингвистические направления существуют? Каковы русские лингвоэкологические традиции? Какова эволюция представлений о лингвоэкологичном языке?

Вторая группа проблем. Что есть на уровне мышления в эколлингвистике уникального, неповторимого?

Чем отличается лингвоэкологическое мышление одного человека от другого? Какие факторы влияют на бытие лингвоэкологии в языковом и

метаязыковом мышлении личности? Какова специфика индивидуальных представлений о русском лингвоэкологическом идеале? Какова степень допустимости лингвоэкологических знаний, приемов и навыков в метаязыковом мышлении конкретной личности?

Третья группа проблем. В чём заключается аксиология эколлингвистики на уровне мышления?

В чём специфика жанрового лингвоэкологического мышления языковой личности? Существуют ли здесь норма и мера? Как соотносятся друг с другом эколлингвистика и эстетика языка? Какие цели ставит перед собой субъект, решая лингвоэкологические задачи? Какие цели преследует лингвистическое сообщество, актуализируя проблемы эколлингвистики? Каким образом эколлингвистика связана с этикой и нравственностью? Какова в эколлингвистике иерархия ценностей и установок? Каковы критерии лингвоэкологического мышления? Какую роль играют эмоции для эколлингвиста на уровне мышления? Каков русский лингвоэкологический идеал? Как соотносится — в плане своих ценностных ориентаций — эколлингвистика с классическим и постмодернистским направлениями в науке? В какой степени лингвоэкологичны языковые игры, политкорректные обозначения? Насколько экологичны эмоции в свете информационной теории эмоций? Насколько лингвоэкологичен эмоциональный человек?

Очень полезной может оказаться информационная теория эмоций, предложенная П.В. Симоновым [Симонов, 1966, 1981]. Как он указывает, эмоции зависят от той информации, которую мы получаем извне, из окружающего мира. Они возникают, если мы не готовы к данной ситуации. Им же предложена формула эмоций: \mathcal{E} (эмоция) = Π (потребность) \times ($H - C$), где H — информация, необходимая для удовлетворения потребности, C — имеющаяся информация, которая может быть использована для целенаправленного поведения по удовлетворению данной потребности.

Из этой формулы вытекают следствия:

1) $\mathcal{E} = 0$, если $\Pi = 0$.

2) $\mathcal{E} = 0$ при $H = C$ (если информации достаточно).

Внутри нас работает схема «потребность — действие — удовлетворение», и если она осуществляется без всяких сбоев, то в принципе эмоции нет.

3) \mathcal{E} максимальна при $C = 0$.

Если человек многоэмоционален, значит, он мало информирован о законах жизни, реальных возможностях удовлетворения своих потребностей.

4) \mathcal{E} меняет свой знак при $C > H$.

Если информации больше, чем нужно, то у нас наблюдаются эмоции положительные. Эмоциональность человека напрямую зависит от дефицита информации, поскольку эмоции — это компенсаторный механизм, который восполняет дефицит информации, необходимой для достижения цели. Это не знания, а то, что возникает экстренно.

Это определение отражает физиологическую сущность явлений, показывает связь Э с П и действием, а также различия между ними; оно оказывается универсальным для любого из известных нам эмоциональных состояний, таких как:

ярость — компенсирует недостаток сведений, необходимых для организации борьбы (исчерпывающие сведения о наилучшем способе победить противника делают борьбу хладнокровной);

страх — возникает при недостатке информации, требующейся для организации успешной защиты, отсюда возникает поведение, вызванное страхом, — бегство либо неподвижность (ступор);

испуг — это внезапный дефицит сведений об источнике и размерах неожиданной угрозы;

горе — это острейшая недостаточность информации о какой бы то ни было возможности восполнения потери.

Конфликтность — свойство человека не воспринимать очень важную для него информацию и не использовать ее в конструктивном русле, а компенсировать отсутствие данной информации раздуванием эмоций. В этом смысле эмоциональная речь тем или иным образом свидетельствует о повышенной конфликтности личности, о ее не-экологичности.

Четвертая группа проблем. В чём специфика динамического аспекта проблем эколингвистики на уровне мышления?

Какие этапы мыслительной деятельности проходят лингвоэколог и эколингвист? Можно ли говорить об эколингвистически ориентированном познании мира? Обнаруживается ли у эколингвиста умение лингвоэкологично формулировать свои мысли? Можно ли говорить о лингвоэкологическом творчестве? Каковы психологические основания у лингвоэкологического события как динамического, разворачивающегося во времени и пространстве процесса? Каково соотношение рационального, рассудочного и иррационального, интуитивного начал в лингвоэкологически ориентированном (и металингвоэкологическом) мышлении? В чём различия в восприятии одного и того же лингвоэкологического выступления у мужчин и женщин? Можно ли говорить о мужской и женской эколингвистиках? Как соотносится эколингвистика со всё возрастающим количеством фактов, свидетельствующих о материальности мысли, о том, что рассудоч-

ная переработка информации означает снижение скорости ее переработки и ведет к энергетическому перерасходу?

Пятая группа проблем. Как логически соотносятся базовые понятия, используемые в метаязыковом мышлении исследователя (и потребителя) эколингвистики, например, «мышление», «язык», «речь», «коммуникация»; «суждение», «умозаключение», «текст»; основные операции мышления (сравнение, анализ, синтез, конкретизация, обобщение и др.) и т. д.? Как различаются по своей референтной соотнесённости базовые понятия «лингвоэкология» и «эколингвистика»? «лингвоэколог» и «эколингвист»? «лингвоэкологический» и «лингвоэкологичный»? Каковы базовые оппозиции, используемые в эколингвистике? Релевантными или нет для эколингвистики оказываются понятия истинности, объективности, реальности?

Какие пять групп проблем встают перед системно мыслящим исследователем на уровне сущности эколингвистики — на уровне языка? (Последовательность аспектов на этом уровне: **всеобщее — общее — конкретно-абстрактное — особенное — единичное.**)

Первая группа проблем. Каковы общезыковые и общелингвистические основания эколингвистики?

Какова связь эколингвистики и общезыковых формул общения? Какую роль для эколингвистики играют так называемые «заповедные зоны» языка? Как связана эколингвистика с парадигматическим (ассоциативным) и синтагматическим параметрами конкретного языка?

Вторая группа проблем. Каковы сущностные характеристики эколингвистики как научной дисциплины?

Что есть эколингвистика и не-эколингвистика? Какова структура эколингвистики как науки? Каковы ее основные разделы? Что относится к основным категориям эколингвистики? Каковы основные оппозиции, характеризующие эколингвистику в качестве научной дисциплины? В чём специфика ядерной оппозиции «конструктивное/деструктивное» в лингвоэкологическом аспекте? Чем отличаются друг от друга различные типы и виды эколингвистик? Что такое «нуль» в эколингвистике?

Третья группа проблем. В чём проявляется динамический аспект эколингвистики на уровне языка?

Как соотносятся лингвоэкологические требования к построению фразы и текста с психолингвистическими представлениями о порождении высказывания, с наблюдениями в области психологии творчества? Какие существуют языковые средства для развертывания лингвоэкологически ориентированной мысли? В чём заключается специфика дея-

тельностью аспекта эколингвистики? Возможно ли творчество в эколингвистике? В чём проявляются стратегический и тактический этапы лингвоэкологической деятельности?

Четвертая группа проблем. Каковы функциональные свойства и особенности эколингвистики как языковой (и метаязыковой) дисциплины?

На чём основывается и какой статус имеет оценка в эколингвистике? Можно ли говорить о языковых параметрах успешного лингвоэкологического выступления? успешного лингвоэкологического текста? Каково соотношение нормы и меры в языке эколингвиста? Имеет ли право эколингвист на «гениальные ошибки»? Какова роль эколингвистики в формировании языковой личности (вообще) и филолога (в частности)? Как соотносится эколингвистика с функциями и функциональными стилями языка? Всегда ли агрессивные слова нелингвоэкологичны? Насколько лингвоэкологичны собственные имена людей, топонимы, заимствованные имена и т.п.?

Пятая группа проблем. В чём проявляется неповторимость языковых личностей — лингвоэкологов, вошедших в «золотой фонд» эколингвистики? Каковы идиолектные предпосылки успешной лингвоэкологической деятельности? Возможна ли лингвоэкологическая диагностика возможностей конкретных языковых личностей? конкретных текстов этих языковых личностей? Какими языковыми средствами проявляет себя как личность тот или иной лингвоэколог? Каков индивидуальный лингвоэкологический стиль?

Какие пять групп проблем встают перед системно мыслящим исследователем на уровне необходимости эколингвистики — на уровне психофизиологии? (Последовательность аспектов на этом уровне: **единичное — особенное — конкретно-абстрактное — общее — всеобщее.**)

Первая группа проблем. Какими конкретными психофизиологическими характеристиками обладает конкретный лингвоэколог? эколингвист? Проявляется ли в психофизиологии конкретных языковых личностей экологичность/неэкологичность их мышления? Какое влияние на жизненный путь, здоровье конкретной языковой личности оказала ее увлечённость проблемами лингвоэкологии? Есть ли основания при анализе конкретной человеческой судьбы говорить о благотворном влиянии стремления к русскому лингвоэкологическому идеалу? о разрушительном влиянии отрицания лингвоэкологических идеалов? Возможна ли лингвоэкологическая диагностика психофизиологических возможностей конкретных языковых личностей? Каков психофизиологический стиль конкретной языковой личности — с учётом ее отношения к проблемам лингвоэкологии?

Вторая группа проблем. Каковы функциональные свойства и особенности эколлингвистики как языковой (и метаязыковой) дисциплины на уровне психофизиологии? Какой смысл имеет эколлингвистика по отношению к состоянию здоровья? Имеется ли взаимосвязь между иерархией ценностей и установок в лингвоэкологии с состоянием здоровья языковой личности? Существуют ли психофизиологические критерии лингвоэкологичного мышления? Имеет ли оценка в эколлингвистике психофизиологический смысл? Можно ли говорить о психофизиологических параметрах лингвоэкологичного текста? Какова роль лингвоэкологии и эколлингвистики в сохранении здоровья у языковой личности (вообще) и филолога (в частности)?

Третья группа проблем. В чём проявляется динамический аспект эколлингвистики на уровне психофизиологии? Можно ли говорить о соответствии лингвоэкологических требований к построению фразы и текста с психофизиологическими представлениями о порождении высказывания и текста? с наблюдениями в области психофизиологии творчества? Какие этапы психофизиологической деятельности проходят лингвоэколог и эколлингвист? Существуют ли психофизиологические основания у лингвоэкологического события как динамического, развертывающегося во времени и пространстве процесса?

Четвёртая группа проблем. Каковы логико-структурные аспекты эколлингвистики как научной дисциплины на уровне психофизиологии? Думается, главный вопрос здесь — о параллелизме (причинной обусловленности) или причинной обусловленности психологических и физиологических процессов. Если имеет место психофизический параллелизм, то лингвоэкологичное мышление и состояние здоровья не связаны между собой отношениями причины и следствия [Краткая философская энциклопедия, 1994, с. 378]. Если же налицо взаимодействие этих феноменов, то лингвоэкологичное мышление и состояние здоровья личности входят между собой в причинно-следственные отношения, при которых хорошее состояние здоровья является результатом, следствием **хорошего, правильного** мышления.

Пятая группа проблем. Каковы психофизиологические основания эколлингвистики? Что есть на уровне психофизиологии для эколлингвистики всеобщего, универсального? Как психофизиологические основания эколлингвистики вписываются в национальный менталитет? в понятия этноса о нравственности? Какие психофизиологические предпосылки призвали к жизни возникновение этой науки — эколлингвистики?

Какие пять групп проблем возникают перед исследователем эколлингвистики на уровне речи? (Последовательность аспектов: **общее — конкретно-абстрактное — особенное — всеобщее — единичное.**)

Первая группа проблем. Каковы речевые параметры разграничения лингвоэкологического / не-лингвоэкологического? Или, что одно и то же: какими речевыми параметрами должен обладать текст для того, чтобы он был признан лингвоэкологичным? Какое название/наименование является более экологичным: прямое обозначение объекта или его «политкорректное» обозначение? Существуют ли речевые параметры, отличающие **политкорректные** обозначения от **языковых преступлений**? Или это различные обозначения одного и того же языкового феномена? Каковы параметры лингвоэкологической катастрофы?

Вторая группа проблем. Какова на уровне речи динамика конкретных лингвоэкологических текстов (путь от черновика к окончательному варианту)? Как редактируется конкретный текст — в плане повышения или снижения лингвоэкологичности?

Третья группа проблем. Как проявляются на уровне речи эффективность и влияние лингвоэкологического текста? Какую роль играют «технические» параметры речи? Какими речевыми особенностями отличаются друг от друга лингвоэкологичные тексты различных речевых жанров? Какими свойствами на уровне речи обладают образцовые лингвоэкологичные тексты? Является ли, в частности, последовательное употребление буквы *ѣ* обязательным для человека, причисляющего себя к лингвоэкологам или эколингвистам? Должен ли эколингвист стремиться к точности словоупотребления? Следует ли говорить об экологии означивания?

Четвертая группа проблем. Можно ли говорить о наличии образцовых лингвоэкологических текстов в русском фольклоре? Существуют ли в устном народном творчестве лингвоэкологичные формулы? Какова эволюция образцовых текстов в русской лингвоэкологии? Какова эволюция — на протяжении истории России — экологичности текстов СМИ?

Пятая группа проблем. В чём проявляется на уровне речи уникальность конкретных лингвоэкологов и эколингвистов? Что такое лингвоэколог (эколингвист) как речевая личность?

О каких пяти группах проблем эколингвистики как науки следует говорить на завершающем этапе — на уровне общения? (Последовательность аспектов: **общее** — **особенное** — **конкретно-абстрактное** — **всеобщее** — **единичное.**)

Первая группа проблем. Какое место занимает эколингвистика в системе наук об общении? В чём заключаются ее отличия от лингвопрагматики, стилистики, риторики, психолингвистики, культуры речи? Какое место занимает эколингвистика в системе подготовки школьного учителя? Кор-

ректен ли в методологическом плане вопрос о превосходстве какой-либо эколингвистики над другой (национальной, жанровой и т. п.)? Можно ли говорить о законе соответствия типа лингвоэкологичного текста типу коммуникативной ситуации? Как соотносится с проблемами лингвоэкологии постулат «На уровне общения каждый прав»?

Вторая группа проблем. Как оценить убедительность, влияние и эффективность лингвоэкологической коммуникации? Какую роль играют средства массовой коммуникации в пропаганде лингвоэкологии? Как диагностируется адекватность ориентации лингвоэкологичной речи на аудиторию? Каковы наиболее типичные варианты коммуникативных неудач, связанные с лингвоэкологией? Кому и зачем нужно владеть законами успешной лингвоэкологичной коммуникации? Должны ли эколингвисты спорить и уметь это делать? Каким может и должен быть лингвоэкологический тренинг? Чем может быть полезна эколингвистика учителю-филологу и нефилологу, учителю-естественнику? Как соотносится виртуальное дистанционное обучение с эколингвистическими критериями?

Третья группа проблем. В чём проявляется динамическая составляющая лингвоэкологичной коммуникации? В чём специфика лингвоэкологичного общения как вида коммуникативной деятельности? Как формируется и проявляется единство мысли, языка и слова у лингвоэколога и слушателя? Как формируется умение экологично общаться? Как должны (и могут) проходить деловые игры в курсе эколингвистики? Как могут быть актуализированы лингвоэкологические знания в стандартных и нестандартных ситуациях общения?

Четвертая группа проблем. Каковы этно- и социокультурные аспекты лингвоэкологической коммуникации? Есть ли основания говорить о социо- и нациокультурных предпосылках возникновения эколингвистики? Каковы роль и место лингвоэкологии в культуре различных народов? Как связаны эколингвистика, лингвоэкология и этология? Какова позиция правительства к этой сфере знания? В какой степени соотносятся с постулатами эколингвистики частая смена государственных стандартов библиографического описания? постоянное изменение форм документации? частые переименования учреждений? Как вплетается лингвоэкология в коммуникативное поведение носителей языка? В чём проявляется культурно-историческая специфика русского общения? Как реализуется нациокультурная специфика обратной связи в лингвоэкологичном общении? О каких лингвоэкологических школах в России мы можем говорить?

Пятая группа проблем. В чём проявляется неповторимость нашей с вами коммуникации на темы эколингвистики? В чём заключается наша с вами неповторимость как лингвоэкологических личностей?

Таковым представляется нам примерный, вероятнее всего, далеко не полный перечень проблем, которые предстоит осмыслить, если мы захотим представить эколингвистику в ее системной организованности как составную и достаточно самостоятельную часть лингвистики.

ПРИЗНАКИ ЭКОЛОГИЧНОСТИ И ПРОБЛЕМА ИХ ВЫДЕЛЕНИЯ В ЛИНГВОЭКОЛОГИИ

С.В. Ионова

В центр исследований лингвоэкологии сегодня выдвигается проблема установления признаков экологичности в применении к языковому, а точнее, речевым и текстовым явлениям, рассматриваемым как факты среды жизнедеятельности людей. Подобный подход сегодня предпринимается в такой отрасли науки, как экология человека — комплексной эколого-социально-природной отрасли знаний, где все социальные, экономические и природные условия рассматриваются как одинаково важные составляющие жизнедеятельности человека, обеспечивающие разные стороны его потребностей [Экология человека, 1988]. Влияние инфосреды на человека может быть представлено как соотношение между окружающим его речевым / текстовым пространством и биосоциальными факторами человеческой природы.

Воздействие такой среды распространяется как на отдельных членов общества — потребителей речевой / текстовой продукции, так и на социум в целом или его регионально ограниченную часть. В связи с этим разработка критериев экологичности взаимодействия между объектом и средой рассматривается как многоуровневая, сложная задача. В то же время она составляет существенную и необходимую часть лингвоэкологических исследований и связана с установлением принципов «измерения» возможных нарушений гармонии в соотношении между человеком и речевой / текстовой средой, с разработкой рекомендаций по выбору оптимального эмоционального стиля общения, с дифференциацией интересов групп участников коммуникативных процессов и условий их экологического

нахождения в окружающей его информационной среде и т. д. [Ильинова, 2010; Ионова, 2012; Солодовникова, Шаховский, 2010].

Сложность выявления признаков экологичности обусловлена многими факторами, среди которых следует выделить следующие:

1) человек — существо биологическое и социальное, поэтому при изучении факторов влияния среды на человека необходимо говорить о разных видах и эффектах воздействия;

2) информационная среда не является естественной материальной средой обитания человека, она является вторичным (знаковым) окружением, моделирующим естественную среду с определенной долей аппроксимации (погрешности);

3) объект информационного влияния (человек, социум) структурно принципиально разнороден, факторами такой разнородности являются: а) особенности индивидов и их групп (пол, возраст и др.), б) их психологические особенности (темперамент, качества характера, воля, интеллект, эмоции и др.), в) социальные особенности (социальный статус, образование, профессия, увлечения и др.), г) деятельностные особенности, связанные с информационным опытом субъекта (информационный потенциал, степень априорной информированности, уровень и тип когнитивности, уровень инфопотребности, механизмы переработки информации и др.) [Эколингвистика, 2003, с. 14];

4) воздействие информационной среды опосредованно, она влияет на биологические или социальные качества человека не прямо, а через сферу его сознания — психосферу человека: «...если биосфера образует среду, которая обеспечивает физическое существование человека, то психосфера является столь же обязательной для человека средой, в которой протекает его психологическая, интеллектуальная, духовная жизнь» [Звегинцев, 1996, с. 159—160].

Человек как уникальный живой организм в равной степени ориентирован в своем строении и на биосферу, и на психосферу, а его самореализация и поведение обусловлены социальными факторами, поэтому при выделении признаков экологичности его жизненной среды необходимо учитывать факторы психофизиологической и социальной природы [Преображенский, Райх, 1988; Catton, Dunlap, 1980].

Под **психолого-физиологическими** характеристиками жизнедеятельности человека в экологии принято понимать в первую очередь его здоровье и энергетический потенциал, необходимые для выполнения производственных и жизненных задач. Человек как часть природы наделён необходимыми психолого-физиологическими признаками: имеет биологическое тело, определённую продолжительность жизни, ему

свойственны инстинкты и биологические потребности. Биологические детерминанты как факторы, определяющие существование и развитие человека, характеризуются набором генов, балансом вырабатываемых гормонов и другими биологическими факторами.

В эргономике с учетом строения человеческого тела и его физических возможностей ученые разрабатывают рекомендации по нейтрализации влияния на работоспособность людей негативных внешних факторов, особенно тех, которые могут привести к патологическим последствиям, острым и хроническим заболеваниям работника. В сферу учитываемых факторов включаются сегодня все виды совместимости среды «человек — машина», в том числе учёт реакций человека на цветовую гамму, частотный диапазон подаваемых сигналов, форму и другие эстетические параметры машины, а также на влияние программного обеспечения и особенности взаимодействия «человек—компьютер». Эргономические особенности влияния информационных потоков на современного человека, несмотря на очевидную актуальность этой области жизни, остаются малоизученными, а отдельные достижения в этой области — слабо систематизированными.

Ортобиотические аспекты, связанные с принципами самосбережения здоровья, рационального образа жизни и труда, гармонизацией человека и окружающей природы [Амосов, 1998, с. 19] в применении к вербальному общению (без обращения к данному наименованию), издавна разрабатываются языковедческой наукой. По сути, ортобиотические признаки знакового общения заложены в работах ученых следующих лингвистических направлений: в биолингвистике (О. Есперсен, Д. Джоунс, В.А. Богородицкий, Л.В. Щерба, Е. Леннеберг, В.Ф. Нечипоренко и др.), прагмалингвистике (П. Грайс), лингвистической теории вежливости (Д. Лич, Н.И. Формановская, Т.В. Ларина, С.С. Тахтарова и др.), теории воздействия и суггестологии (А.А. Леонтьев, Ю.А. Сорокин, И.Ю. Черепанова, А.А. Романов и др.), лингвистической теории эмоций (Ш. Балли, А. Вежбицкая, Д. Эйтчисон, М.Д. Городникова, В.Г. Гак, В.И. Шаховский и др.), синергетической концепции текста (И.А. Герман, В.В. Пищальникова и др.), лингвосемиотике (Р. Якобсон, Ю.М. Лотман, Г.Г. Почепцов и др.), текстолингвистике и лингвистической герменевтике (П. Рикер, Р. Барт, Г.И. Богин и др.), методике и психологии чтения (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, Ж. Пиаже, И. Миллер, Д. Бер, И.А. Зимняя, Н.Н. Сметанникова и др.). Учет биологических факторов при исследовании текстовых пространств позволяет выделить ортобиотические признаки информационной среды

современного человека, которые бы способствовали дальнейшему выявлению критериев экологичности текстовой коммуникации.

В естественных науках установлено, что поддержание энергии в биообъекте и его функционирование тесно связаны с внешним информационным воздействием, которое происходит на клеточном уровне. При этом в формировании механизма реализации программ развития и функционирования организма человека участвует не только наследственный канал, содержащий информацию, передающуюся генетически, но и канал воздействия окружающей среды. Выявлено, что разрушительные процессы в органических объектах напрямую связаны с потерей ими значительной части сбалансированной информации, необходимой для построения правильного сигнала внутреннего управления организма при помощи внешних факторов.

В условиях искусственной коммуникации (внутри технических информационных систем) выделяют значимые факторы, обеспечивающие функционирование организма в условиях воздействия на него информационных сигналов разной интенсивности, продолжительности, частотности: 1) **синтаксические**, отображающие формально-структурные характеристики информации, не затрагивающие ее смыслового содержания (учитываются тип носителя и способ представления информации, скорость ее передачи и обработки, размеры кодов ее представления, надежность и точность преобразования этих кодов и т. д.); информацию, рассматриваемую с таких позиций, обычно называют данными; 2) **семантические**, определяющие степень соответствия образа объекта самому объекту (учитывается смысловое содержание информации, анализируются сведения, отражаемые информацией, рассматриваются смысловые связи); эта форма служит для формирования понятий и представлений, выявления смысла, содержания информации и ее обобщения; 3) **прагматические**, отражающие соответствие информации цели коммуникации (анализируются потребительские свойства информации, связанные с ее практическим использованием и соответствием целевой функции деятельности системы).

Данные свойства информации, на наш взгляд, в значительной степени применимы для рассмотрения естественной среды коммуникации, они могут быть положены в основу разработки естественно-биологических, или психолого-физиологических, параметров экологичной коммуникации.

В обобщенном виде комплекс признаков экологичности психолого-физиологической природы включает следующее: возрастные особенности человека; его индивидуальные психолого-физиологические осо-

бенности; интенсивность информационных потоков; объем усвоения информации; частотность предъявления и повторяемость информации; скорость предъявления информации; влияние технических средств передачи информации, наличие и концентрация «информационных шумов»; эмоциональный и коммуникативный стили коммуникации.

Такие синтаксические факторы, как объем усвоения информации, частота и скорость предъявления, повторяемость сообщений, способ и технические особенности их передачи, становятся значимыми для восприятия адресатами семантических и прагматических свойств текстовой информации — ее новизны, ценности, полезности. При нарушении баланса этих свойств повышаются плотность и концентрация информационных «шумов» и «информационного загрязнения» в текстовом пространстве, которые обусловлены как избыточностью, «назойливостью» сообщений (см. рекламные ролики, однотипные сообщения), так и их недостаточностью, отсутствием или снижением ценности, новизны, концептуальной наполненности для получателей информации. В данном случае психолого-биологическое влияние информационного шума (загрязнения) уподобляется влиянию акустического шумового фона или длительных монотонных вибраций звука (например, гудение офисной техники) на психическое и физическое состояние человека. Порог безопасности последних сегодня измерен, предложены профилактические меры по нейтрализации разнообразных физических влияний на организм человека, в то время как медицинские, психологические и лингвистические эффекты воздействия информации в современной науке практически не описаны.

В то же время важность этих факторов для общества очевидна, об этом свидетельствуют нормативные документы, принимаемые в разных областях деятельности. Так, в Законе РФ «О средствах массовой информации» говорится об ответственности за причинение морального вреда гражданам журналистами, политическими и общественными деятелями. Понятие морального вреда в российском законодательстве трактуется как ущерб, нанесенный моральному или физическому здоровью гражданина [Международная ассоциация эргономики: www]. Цель санкций при решении вопроса о моральном вреде определяется как компенсация потерпевшему за «перенесенные им нравственные или физические страдания» [Там же]. Однако отсутствие критериев измерения степени экологических нарушений в информационной сфере приводит к тому, что решения о моральном вреде в судебной системе страны — редкость, а санкции за подобные правонарушения несоизмеримо малы по сравнению с правонарушениями в материальной сфере. Сложность применения мер противодействия нару-

шениям в сфере нематериальных явлений ограничивается и социальными факторами, в частности выполнением статьи Конституции РФ о свободе выражения гражданином своего мнения, свободе получать и распространять информацию.

О важности эргономичных свойств среды нематериальной природы отчетливо заявляется в педагогике. Так, в приказе Министерства образования и науки РФ № 2106 от 28 декабря 2010 г. «Об утверждении федеральных требований к образовательным учреждениям в части охраны здоровья обучающихся, воспитанников» указывается на необходимость учета факторов, связанных с психосферой учащихся: а) форм, методов обучения и воспитания, педагогических технологий, адекватных возрастным возможностям и особенностям обучающихся, воспитанников; б) здоровьесберегающего режима обучения и воспитания, в том числе при использовании технических средств обучения, информационно-коммуникационных технологий; в) индивидуальных особенностей развития обучающихся, воспитанников при организации образовательного процесса; г) благоприятных/неблагоприятных психологических условий образовательной среды (демократичность и оптимальная интенсивность образовательной среды, благоприятный эмоционально-психологический климат, содействие формированию у обучающихся адекватной самооценки, познавательной мотивации).

Психолого-физиологические признаки экологичности, характерные для информационно-текстовой среды жизнедеятельности человека, являются преимущественно генетически определенными, они слабо рефлексированы и регулируются субъектом. Одним из наиболее физиологически зависимых качеств человека, имеющих отношение к вербальному выражению и воздействию на психику адресатов, является сфера эмоций. Она непосредственно связана со всеми соматическими состояниями и становится проводником, посредством которого слово легко достигает физиологических механизмов регулирования жизнедеятельности человека. Иллюстрацией воздействия эмоций на здоровье и жизненные силы людей служат многочисленные примеры, когда слово «убивает» или «воскрешает» человека. Например, известен факт, предшествовавший смерти известного актера Е. Евстигнеева в британской клинике, описанный в работе В.И. Шаховского [Шаховский, 2008]. Считается, что сердце актера не выдержало эмоционального переживания от избытка объективной информации о его состоянии, которую счел своим долгом изложить в полном объеме лечащий врач-немец. В данном случае речь может идти о куль-

турологической асимметрии коммуникантов. Однако в силу значимости воздействующей силы слова в определенных сферах жизни за подобными негативными речевыми действиями сегодня закрепились специальные термины: дидактогения (вред от слова учителя), ятрогения (вред от слова врача) [Шаховский, 2008, с. 280; Маджаева, 2011, с. 50—54].

Большая часть названных психолого-физиологических признаков экологичности не входит непосредственно в сферу лингвистического изучения. Они находятся на стыке разных наук и составляют медико-лингвистический, лингвopsихологический и технико-информационный аспекты исследуемой проблемы, требующие специальной разработки.

Социальная природа информационно-текстовой среды и ее роль в осуществлении эффективной коммуникации человека изучены в лингвистике в большей степени, чем ее биологическая природа. Данные аспекты текстовой коммуникации представлены в большом количестве современных лингвистических исследований.

Значимость этих факторов текстовой коммуникации отражена, в частности, в «Кодексе профессиональной этики российского журналиста»: *Журналист уважает честь и достоинство людей, которые становятся объектами его профессионального внимания. Он воздерживается от любых пренебрежительных намеков или комментариев в отношении расы, национальности, цвета кожи, религии, социального происхождения или пола, а также в отношении физического недостатка или болезни человека. Он воздерживается от публикации таких сведений, за исключением случаев, когда эти обстоятельства напрямую связаны с содержанием публикуемого сообщения. (...) Журналист обязан безусловно избегать употребления оскорбительных выражений, могущих нанести вред моральному и физическому здоровью людей. (...) Журналист распространяет и комментирует только ту информацию, в достоверности которой он убежден и источник которой ему хорошо известен. Он прилагает все силы к тому, чтобы избежать нанесения ущерба кому бы то ни было ее неполнотой или неточностью, намеренным сокрытием общественно значимой информации или распространением заведомо ложных сведений. (...) Журналист обязан безусловно избегать употребления оскорбительных выражений, могущих нанести вред моральному и физическому здоровью людей* [Кодекс профессиональной этики: www].

К признакам социального характера следует отнести следующие: полноту отражения событийного контента, тематическую равномерность распределения сообщений, концептуальное разнообразие

форм представления информации, достоверность информации, тактики митигации, коммуникативный стиль. Они представляют собой комплекс значимых характеристик, которые конкретизируют имеющиеся в науке характеристики социального развития и прогнозирования сложных систем (см., напр.: [Гиг, 1981; Смирнов, 1997]) в соответствии с эколингвистическим аспектом исследований. Приведенные признаки для определения степени экологичности речевой/текстовой среды на данном этапе научных и эмпирических изысканий, возможно, не являются исчерпывающими и предельно системными, однако они призваны продемонстрировать всю сложность и многообразие подходов к анализу знаковой среды с позиции лингвоэкологии и должны дополнить ее психолого-физиологические характеристики.

В обобщенном виде социальные факторы взаимодействия речевой/текстовой среды и человека сводятся к применению следующих принципов отбора материала для его трансляции в информационном пространстве: а) разнообразие, достоверность и полнота информации; б) соотношение ликоущемляющих и ликовозвышающих тактик ведения коммуникации (диффамации или глорификации), направленных на достижение толерантности или конфликтности общения, использование языка вражды или тактик смягчения.

Социальные факторы информационного воздействия в большей мере, чем психолого-физиологические, рефлексированы субъектом и объектом взаимодействия. В обществе они могут задаваться политическими решениями представителей власти, составлять часть манипулятивных тактик авторов и руководства медийных изданий. Так, по нашим данным [Ионова, Волкова, 2009, с. 360—370; Ионова, 2012, с. 57—61; Ильинова, 2010, с. 170—174], в информационном пространстве волгоградского региона наблюдаются значительный перевес медийной информации в сторону разработки одних тем (например, *происшествие, чрезвычайная ситуация, Великая Отечественная война*) и недостаточное освещение других (например, *новости науки*), что, по отзывам подавляющей части респондентов проведенного нами социолингвистического опроса, оценивается как «некачественная информация», вызывающая чувство социального раздражения.

Категоричную оценку в 2000 г. получил в европейских СМИ факт отсутствия со стороны России необходимой информации о терпящей бедствие атомной подводной лодке «Курск». Лондонская газета «Дейли телеграф» в статье под названием «Русский подводный цинизм» интерпретировала это следующим образом: *Русские опять продемонстрировали, что для них важнее скрыть неполадки и несчастные случаи в своих Во-*

оруженных силах, чем своевременно сообщить о них миру ради спасения человеческих жизней. Подобная оценка, по архивным данным электронных публикаций, была характерна также для российского общественного мнения, выражаемого в отдельных медийных изданиях, и свидетельствовала о нарушении социального баланса в информационно-текстовой среде, относящейся к названному событию. Таким образом, неравномерность освещения социального контента или отсутствие (замалчивание) информации, отмечаемые членами общества как негативные факты, — показатель неблагоприятного лингвоэкологического состояния информационно-текстовой среды общества.

К социальным факторам информационных обменов следует отнести толерантность и митигационные тактики [Тахтарова, 2009], применение средств позитивной эмоциональной модальности, подробно описанные в работах ученых [Солодовникова, Шаховский: www]. Решающую роль при обращении говорящих к средствам смягчения в процессе общения приобретает понятие лица, или коммуникативного имиджа коммуниканта. Используя митигативные стратегии и тактики, говорящий повышает в глазах адресата свой статус как коммуникативно компетентного собеседника и статус адресата. Основные митигативные прескрипции, детерминирующие речевой выбор говорящего в потенциально конфликтных ситуациях, таковы: **антиконфликтность, некатегоричность, неимпозитивность, глорификация (повышение коммуникативного статуса партнеров по коммуникации) и эмоциональная сдержанность** [Тахтарова, 2009].

В то же время некритичное и прямолинейное применение данных прескрипций без учета других признаков экологичности (например, признака тематической равномерности и полноты отражения событийного контента) может привести к нарушению объективности анализа интертекстуального пространства.

Квалификация экологического качества названных социальных и психолого-физиологических признаков осложняется невозможностью их прямого применения к вторичным знаковым системам, к которым относится текстовая информация. Организация текстовых сообщений в своем функционировании подчиняется законам существования языка как сложной динамической системы, а также закономерностям образования интертекстуальных пространств, образующих инфосреду человека. Таким образом, сочетание психолого-физиологических и социальных признаков экологичности в применении к анализу речевой / текстовой среды жизнедеятельности человека должно корректироваться с учетом законов языкового и текстового существования, а также особенностей организации информационно-текстовых пространств.

ЭМОТИВНОСТЬ КАК ПРИНЦИП ЭКОЛОГИЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

П.С. Волкова

*Благо присутствует даже в том, что
само по себе есть зло.*

Фома Аквинский

Один из современных исследователей философии зла норвежец Ларс Свендсен предлагает следующую его типологию.

1. **Демоническое зло**, которое являет собой зло ради зла, однако выступает в качестве блага для его носителя, поскольку, порождая зло, субъект удовлетворяет свое желание, вследствие чего зло для одного оборачивается благом для другого.

2. **Зло как средство**, когда злодеяние само по себе не имеет действительной ценности, поскольку исполнителю зла-средства интересно не само злодеяние, а достигаемая посредством этого злодеяния цель, причем сама цель может нести как благо, так и зло либо быть нейтральной.

3. **Идеалистическое зло**, совершая которое исполнитель верит в то, что на самом деле он творит добро, тем не менее убежденность в благодати идеала не гарантирует истинности этой благодати.

4. **Зло глупости**, актуализирующееся в ситуации, когда исполнитель такого зла действует, не задумываясь над тем, хорошо или плохо он, собственно, поступает [Свендсен, 2008, с. 108—109].

Принимая во внимание диалектику категорий **добра** и зла, именно **зло глупости** мы считаем основанием для всех других типов. Почему? Вне всяких сомнений, полное отсутствие ответственности и внимания к чувствам других людей наряду с требованием немедленного удовлетворения желаний — типичные свойства маленьких детей, вполне прощательные. Если же неспособность терпеливо работать ради отдаленной цели, нести ответственность за свои поступки, проявляя участие к окружающим тебя людям, наблюдается у человека, перешагнувшего порог отрочества, мы говорим о затянувшемся инфантилизме, что свидетельствует об отклонении от нормы, в том числе нормы поведения, характерной для зрелого человека.

По сути, ситуация, обусловленная незрелостью каких бы то ни было отношений, в том числе **взаимоотношений**, связывающих самых разных представителей социума, наблюдается сегодня во всех сферах нашей жизни.

© Волкова П.С., 2013

ни. Более того, именно неспособность правящей элиты нести полную ответственность за свои поступки, которые совершаются подчас без учета интересов большинства, и привела Россию к тотальному кризису, охватившему все жизненно важные сферы. В их числе — сфера культуры. Не случайно антропогенные факторы культуры на фоне общего комплекса экологических причин, влияющих на продолжительность жизни человека, оказываются сопоставимы с алкоголем и техникой и превосходят роль курения, неблагоприятных условий труда, неблагоприятной наследственности и влияния природно-климатических условий [Урланес, 1978].

Любопытно, что, согласно исследованиям, проводимым в таких странах, как США, Англия, Франция, Италия, Польша, Япония, Новая Зеландия, а также многообразным данным региональной статистики, не менее 50% травмирующего воздействия на психику человека оказывает музыка, что делает актуальным изучение роли музыки в экологии человека. Причем сложность, с которой столкнется заинтересованный исследователь, заключается не столько в бесконтрольности ее глобального функционирования, сколько в вездесущности музыки, всепроницаемости и неуничтожаемости [Юсфин, 1990, с. 11].

Сходные проблемы наблюдаются и в области лингвистики. Как пишет В.И. Шаховский, современное языковое пространство все больше замусоривается через СМИ и псевдоискусство, вербализованное на общенациональном уровне, поэтому проблемы языковой экологии все чаще поднимаются и обсуждаются в специальных исследованиях и газетных статьях не только филологами-лингвистами (Л.П. Крысин, Т. Миронова, Л.В. Рацибургская и др.), но и представителями других наук. Более того, именно через лексику журналисты моделируют в обществе соответствующие эмоциональные настроения (страх, подавленность, неуверенность в себе), что не способствует положительной динамике эмоционально благоприятного климата в стране [Шаховский, 2007].

Удивительно, что представители языкознания и музыкознания в унисон говорят о необходимости исследования экологии подведомственных им сфер, хотя как музыка, так и язык, если они остаются верными своей природе, экологичны по сути. Не случайно поэтому именно в музыке и языке со всей полнотой реализуется в столь чистом виде сама идея **чистоты** как одна из важнейших в экологии. В частности, аналогично **чистоте интонирования** в противоположность фальши, грязи говорят о **чистоте языка**. И в том и в другом случае «понятие чистоты оказывается идеальным эквивалентом чистоты в этическом значении этого слова», вследствие чего мы можем говорить о единстве естественно-природного и нравственного начал [Назайкинский, 1989, с. 51], обусловившем диалектику экологического и этологического в этих двух смежных облас-

тах гуманитарного знания. Соответственно, проблема экологии музыки, равно как и проблема экологии языка, оборачивается проблемой «экологии разума» субъекта. Здесь нельзя не согласиться с М.М. Бахтиным, настойчиво повторяющим следующее: «...поэт должен помнить, что в прошлой прозе жизни виновата его поэзия, а человек жизни пусть знает, что в бесплодности искусства виновата его нетребовательность и несерьёзность его жизненных вопросов» [Бахтин, 1994, с. 7].

Тем не менее именно в сфере искусства, актуализируемой в рамках художественной коммуникации, автор нередко прибегает к таким средствам выразительности, которые с неизбежностью травмируют психику субъекта. Более того, прием, согласно которому слова, несущие отрицательный посыл, попадают в разряд сильной позиции текста, не нов, что обусловлено социокультурной ситуацией, которая подчас и провоцирует автора на демонстрацию негативной эмоции. Вспомним «Живого мертвеца» и «Сказку о мертвом теле, неизвестно кому принадлежавшем» В.Ф. Одоевского (здесь и далее выделено нами. — *П.В.*), «Записки сумасшедшего» Н.В. Гоголя, «Идиота» Ф.М. Достоевского, «Живого трупа» Л.Н. Толстого и др. Согласимся, эти названия по степени воздействия на тогдашнего читателя мало чем отличаются от современных, в числе которых «Сука-любовь» А.-Г. Иньяритта, «Идиоты» и «Догвиль» Л. фон Триера, «Труп невесты» Т. Бартона, «Истериады» С. Беринского. Более того, вербальная составляющая этих кинематографических (А.-Г. Иньяритто, Л. фон Триер), анимационных (Т. Бартон) и музыкальных (С. Беринский) творений также включает в себя немало эмотивов со знаком «минус». С этой точки зрения показателен авторский эпиграф, предваряющий вокальный цикл московского композитора С. Беринского, получившего название «Истериады»: «4 года тому, летом 1980, иссосанная и измученная моя душа ухнула вместе со мной в следующий круг. Здесь я узнал неодолимую и глумящуюся прелесть банального, и поперву меня вырвало. Это был круг нежного глумления Живого над Полуживым. И я преисполнился этого глумления. А также плача, смертной тоски и глубокого к себе сострадания. Это был круг двух Истериад, который я нынче завершаю. И отползаю, оглядываясь назад. Гомункул с устричным телом и первой сединой. 1984. Июль» [Беринский, 1984, с. 2].

Насколько оправдан подобный прием? На наш взгляд, своеобразие авторского стиля, который отсылает нас к очерку как особой форме повествовательной литературы с ее отличительным признаком — достоверностью, а подчас и документальностью отображаемого, — является очевид-

ным свидетельством следующего факта. В ситуации, когда, погруженные в бездну будней, находящиеся в постоянном цейтноте, мы нередко интересуемся состоянием здоровья приятеля исключительно формально, заведомо зная, что времени на обстоятельный ответ на вопрос «Как дела?» у нас не будет, композитор сознательно стремится вывести слушателя из состояния автоматизма. Пожалуй, именно поэтому подборка стихов, включенных в цикл «Истериады» (несмотря на то, что тексты принадлежат авторам, жившим в разные эпохи и говорящим на разных языках), так органично и естественно вписывается в трагические события жизни музыканта.

Другими словами, единство слова и звука задает общечеловеческий смысл проблеме, которую решает композитор (на это указывает название цикла, производное от лексемы «истерика»). Правомерность такого вывода подтверждается данными «Толкового словаря живого великорусского языка». Согласно В. Далю, «истерика» выступает синонимом «припадка», характеризуемого как «внезапное и сильное проявление... какого-нибудь чувства» [Даль, 2000, с. 312]. Поскольку в данном случае речь идет о страстном желании понять предназначение человека, постигнуть конечную цель его земных страданий, потребность разобраться в этих сложнейших вопросах бытия можно рассматривать не столько с позиции чувства конкретного человека, сколько в качестве типичного для каждого из мыслящих людей состояния.

Примечательно, что, обращаясь к национальным языкам, композитор не преследует цели закрепить за каждым стихотворением свой особенный колорит: многообразие языковых оттенков скрепляется в «Истериадах» единством смысла, что, в свою очередь, определяет и стилевое единство цикла. Даже цитата из Ф. Шуберта в «Ночной серенаде» (автор текста I. Gerlach) носит характер доверительного диалога, который ведут сквозь время музыканты, что, скорее, подчеркивает общность темы, нежели культурные различия участников общения. С этой точки зрения привлечение композитором столь несхожих между собой поэтов (Г.В. Катулл, Н. Хикмет, А.С. Пушкин, Ф.Г. Лорка и др.) — это попытка вырваться за пределы узкого пространства локального диалога и, поведав о своей боли, быть непременно услышанным теми, кому эта боль знакома. Здесь позиция современного отечественного композитора, чья жизнь оборвалась незадолго до окончания XX в., вполне созвучна позиции современника века XVII. «Нет человека, — писал английский поэт Дж. Донн, — который был бы, как Остров, сам по себе; каждый человек есть часть Материка, часть суши; и если Волной снесет в море береговой утес, меньше станет Европа,

и также, если смоем край мыса или разрушит замок твой или твоего друга; смерть каждого человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством и потому не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол, он звонит и по Тебе» (цит. по [Хемингуэй, 1989, с. 2]). Более того, об адресованности «Истериад» любому из нас «говорит» анонимность авторских посвящений, поскольку даже если каждый номер цикла имеет конкретного «получателя», которого мысленно видел перед собой композитор, то отсутствие прямого указания на имя задает множественность смыслового пространства: «Истериады» посвящаются всем тем, кто способен их услышать.

Аналогичным образом неприемлемое для нехудожественной коммуникации преобладание эмоциональных ударов (strikes) над положительным поглаживанием (strokes) (В.И. Шаховский) оправдывает себя при знакомстве с «Лунной сонатой» В. Екимовского, которая отсылает нас к бессмертному творению Л. ван Бетховена*. Принимая во внимание неизбежную ущербность словесной речи, посредством которой перевыражается речь музыкальная, мы, тем не менее, не можем не вербализовать смысл интересующей нас сонаты, отдавая себе отчет в том, что в процессе «перекодировки» музыкального языка в словесный предпочтения, как правило, отдаются лишь одному из возможных вариантов интерпретации. Соответственно, предлагаемый вариант исключительно субъективного ряда может быть представлен следующим образом.

Пять восходящих звуков, объединенных вопросительной интонацией, уподобляются словам предложения, которое неоднократно повторяется лирическим героем в попытке обрести хоть какую-то опору в состоянии растерянности. По всей видимости, неизменность вопроса оказывается в

* Специально заметим, что невиданная популярность этого произведения приводит подчас к откровенному паразитированию на бетховенском шедевре со стороны дельцов как от искусства, так и от бизнеса, вследствие чего словосочетание «лунная соната» становится мировым брендом с неограниченной сферой применения. Остановимся лишь на нескольких примерах: «Пауль Блох в 1995 году изваял мраморную скульптуру, которую назвал “Лунная соната” (Я был бы рад, если бы мне объяснили, почему это “Лунная соната”, а не “Рождение нового дня” или “Размышление”»); «Ральф Харрис Хаустон написал картину, которую назвал “Лунная соната” (тот же вопрос возникает и в этом случае)» [Майкапар: www]. Помимо этого, «романтическое название стало кодовым для одной из разрушительных атак агонизировавшего германского фашизма — авиационного налета на Ковентри (Англия) в 1945 году; американская ювелирная фирма “BrightBearJewelry” в своей «Коллекции тысячелетия» представляет жемчужное кольцо, названное его создателем “Лунная соната”; одна из западных фирм предлагает кофе “Лунная соната”; “Лунная соната” — такое прозвище получил жеребец (?), выведенный в США» [Там же].

данном случае неким спасительным якорем в пучине отчаяния, поскольку сам факт его наличия свидетельствует о возможном ответе.

Примечательно, что, несмотря на неоднократное повторение этих восходящих звуков, мы всякий раз чувствуем мучительность преодоления, которая не отпускает говорящего ни на мгновение: «Я люб-лю те-бя..?»; «Я лю-блю тебя..?»; Я люб-лю те-бя..?»; «Я люб-лю те-бя..?»; «Я люб-лю те-бя ..?»; «Я люб-люте-бя..?» и так до бесконечности, с «зависающей» после каждой фразы паузой — знаком молчания, выразительность которого обеспечивается «собираением» квинтоли в аккордовую группу половинных нот с точками. В диалогической ситуации, которая предполагает постоянный обмен репликами, вследствие чего говорящий становится слушающим и наоборот, эта остановка тем более неожиданна, что восприятие данной композиции происходит на фоне культурного контекста, актуализируемого лексемой 'лунная'.

В частности, будучи настроенными на мерное повествование «рассказчика», который ни на мгновение не теряет нить разговора, накрепко связывающую участников диалога, как это представлено в первой части бетховенской «Лунной», мы испытываем дискомфорт в момент остановки речевого высказывания. Постепенно начинаешь понимать, что столь затрудняющая общение пауза указывает на отсутствие собеседника. Другими словами, многократное вопрошание оказывается сугубо интимным актом, вследствие чего говорить о внешнем диалоге в данном контексте становится неуместным.

Подтверждением того, что все происходящее разворачивается исключительно на уровне «внутренней социальности» (В. Махлин), становится для нас наличие в «Лунной сонате» В. Екимовского посвящения, которое предваряет и «Лунную» Л. Бетховена (имеется в виду возлюбленная композитора — Джульетта Гвиччарди). С одной стороны, подобный жест может быть истолкован как знак поклонения Прекрасной Даме, что вполне отвечает действительности. Речь в данном случае идет об исторической правде: Джульетта Гвиччарди фигурирует в биографии Л. Бетховена в роли «бессмертной возлюбленной», что позволяет рассматривать отвергшую композитора аристократку носителем обобщенного образа. С другой стороны, такое предельное обобщение задает расплывчатость смысловому полю восприятия, вследствие чего стираются грани между «она» и «все остальные». Отсутствие избранничества, явленности, без которых невозможно подлинное чувство, рождающееся только на пересечении Я и ТЫ, позволяет говорить не столько о Любви, сколько, возможно, о Страсти.

Лишь последняя не признает никаких различий, кроме тех, которые обусловлены природой мужчины и женщины. Не случайно поэтому, завладев человеком, Стрость нередко приводит к утрате собственной целостности. В противоположность Любви, которая освящает жизнь даже тогда, когда Вера во взаимность и Надежда быть услышанным уже умирают, Стрость всегда губительна*. Соответственно, вместо выхода во все-ленский диалог, вовлекающий в свое пространство всех любящих независимо от того, получило ли их чувство отклик в сердцах избранников и/или избранниц, происходит неизбежное отчуждение от мира. Свидетелями такого «ухода в себя» и оказываются слушатели «Лунной сонаты» В. Екимовского. Целостность бытия рассыпается сотнями осколков некогда разноцветной мозаики. То, что прежде могло быть красочным и ярким — наполненность фактуры особой тембральностью, терпкими созвучиями — вдруг слилось в один протяжный нечеловеческий «крик», за которым угадывается истерика оказавшегося в тупике тотального одиночества субъекта. Эта протяженность обеспечивается благодаря отсутствию уже привычных слуху пауз, которые вначале столь ощутимо затормаживали динамику музыкальной речи.

Вместо развития последней от неуверенности, сомнения, вопроса к страстному признанию, состоятельность которого позволила бы влед за поэтом утверждать, что «не бывает любви несчастной!», мы становимся свидетелями так и не родившегося чувства. Здесь невозможность определенности — все равно какой, будь то признание в любви либо в ее отсутствии, является, на наш взгляд, оборотной стороной парализующего героя страха, страха быть наедине с этой всепоглощающей жаждой обладания! Именно этот отчаянный страх и передает оглушающая какофония, возникающая вследствие обвала диссонансов, что опять-таки свидетельствует об ущербности чувства. Не случайно, как повествует один из учеников Христа, «... совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершенен в любви» (Иоанн, гл. 4, стих 18).

Насколько подобная трактовка «Лунной сонаты» коррелирует с возможным прочтением «Лунной» Л. ван Бетховена? Вне всяких сомнений, искать точки соприкосновения между двумя сонатами лишь на том основании, что обе они «Лунные» — неправомерно хотя бы по той про-

* Интересно, что сам В. Екимовский, рассказывая об истории создания «Лунной сонаты» в своей автобиографии, пишет: «Так вот, как там говорят, — *седина в бороду — бес в ребро?*» [Екимовский, 1997, с. 252].

стой причине, что, в отличие от Екимовского, Бетховен не является автором названия своего трехчастного сонатного цикла. Как свидетельствуют историки, «Лунной» сонату окрестили уже после смерти композитора, и эта честь принадлежит немецкому поэту Л. Рельштабу.

Точно так же основанием для рядоположенности интересующих нас текстов нельзя считать ни типовой принцип формообразования (одночастная круговая), ни характер исполнения (*Adagio sostenuto*), ни даже исподволь «прорастающий» в басу в финальных тактах сонаты В. Екимовского звук *cis*, знаковый для тонального плана первой части бетховенской сонаты. Все это оказывается малозначительным на фоне тотального несовпадения того идейно-концептуального уровня, который «возникает в результате контекстного культурно-ценностного толкования всех предшествующих — интегрируемых в единое целое — слоев содержательной структуры музыкальной формы» [Еременко, 2005, с. 15].

В то же время неизбежное столкновение «старого» и «нового», актуализируемое в процессе слушания современной композиции, а также острота конфликта, возникающего на стыке традиции и новации, видятся обусловленными лексемой ‘лунная’. Имеется в виду тот факт, что луна — символ весьма неоднозначный: это и женский образ, и источник вдохновения и страданий, а также поисков и соблазнов; в том числе образ негативной стороны жизни, наполненной страхом и ужасами. Интересно, что, согласно астрологии, в индивидуальном гороскопе именно Луна определяет ярко выраженную эмоциональность, которой трудно управлять. Если «гармоничная луна обеспечивает “комфортный фон жизни”, с таким человеком всегда тепло и уютно», то при «пораженной луне человек постоянно сам о себя “спотыкается”, сам себе враг...» [Энциклопедия символов... 2005, с. 335—336].

Потому представляется вполне убедительным, что в обоих произведениях лирический герой предстает перед нами в образе истово жаждущего понимания человека. Однако в случае с Л. ван Бетховеном даже тогда, когда «все сказано, а душа опустошена», остается величественная, покоряющая, укрощающая природные инстинкты сила — несокрушимая воля, поднимающая человека с колен навстречу новым свершениям и делающая его равным Творцу. Соответственно, в противоположность созидательному началу, которое одерживает у Бетховена верх, в сонате В. Екимовского преобладает установка на разрушение, в первую очередь, саморазрушение. Возможно, именно поэтому трехчастному сонатному циклу венского классика противостоит одночастная композиция нашего совре-

менника: если созидание требует времени, то разрушение не может длиться долго.

Насколько опыт В. Екимовского оказывается в итоге положительным с точки зрения оправданности столь очевидно испытываемого слушателем дискомфорта? Безусловная культурная, в том числе социокультурная, ценность такого опыта представляется нам очевидной вследствие характерной приметы современного общества, которое квалифицируется учеными-гуманитариями как общество потребления. Другими словами, произведение современного автора заставляет усомниться в правоте отечественного культуролога, который, обращаясь к педагогам, читающим учебные курсы по музыке немусыкантам, безапелляционно заявляет: «Не отзывайся на предложения “пройти” тот или иной шлягер популярной классики (“К Элизе”, I ч. “Лунной” сонаты). Никакой цели все равно не достигнешь, а время потратишь» [Лесовиченко, 2005, с. 104—105]. Понятно, что за столь категоричным заявлением — скепсис серьезного ученого, неоднократно сталкивавшегося с ситуацией, когда привычка восторгаться тем или иным произведением только потому, что «так принято», становится губительной для искусства. Опасность заключается в том, что вместо заинтересованного общения с живым, пульсирующим сознанием творца мы в итоге получаем знакомство с «безгласой» вещью, цена которой всем давно уже известна. Сложенный из самых искренних и чистых человеческих чувств памятник Любви, гимн которой звучит в «Лунной» Бетховена от первой до последней ноты, вдруг оборачивается мертвенной статикой мавзолея.

С этой точки зрения опыт, представленный в «Лунной сонате» В. Екимовского, — это попытка «заклинания окаменелостей». При этом успешность подобного переосмысления традиции опознается в том, насколько каждый из нас оказывается вовлеченным в этот культурный диалог, осуществляемый на стыке прошлого и настоящего. Более того, обращение к «Лунной сонате» В. Екимовского освобождает нас от расхожих истин, посредством которых наше знание превращается в догматическую и постепенно теряющую свой жизненный дух силу. Здесь отрицание традиции является одновременно «оживлением и восстановлением более глубокого, по-новому увиденного, исходя из установки современности», образа прошлых вещей [Трёлч, 1995, с. 620].

Еще один, знаковый для современной социокультурной ситуации пример связан с конфликтом положительных и отрицательных эмоций, заложенным в синтетическом художественном целом, которое строится на взаимодействии словесного и музыкального языков, а также языка жестов,

обусловленного пластикой человеческого тела. В частности, если восприятие вербальной составляющей такого синтетического художественного текста не травмирует психику воспринимающего субъекта, а, скорее, создает исключительно положительные коннотации, то визуальные эмотивы вступают в оглушительный диссонанс с традиционным материалом, что не может не шокировать самого искушенного зрителя. Подобный опыт связан с именем молодого режиссера Д. Чернякова, который осуществляет постановку классических опер на лучших оперных сценах мира. Речь в данном случае идет о премьерной постановке оперы М.И. Глинки «Руслан и Людмила», приуроченной к открытию Большого театра после его длительной реконструкции. Напомним, что приметами авторского стиля Д. Чернякова стали тайский массаж, предложенный Людмиле в чертогах Черномора; обнаженный торс Фарлафа, который потрясал публику своей мужской силой, угадываемой за непристойными телодвижениями сгорающего от страсти мачо; неглиже массовки, участвующей в сцене с Ратмиром, и прочие «натурализмы». Не менее красноречивым было и признание артиста в одном из интервью телеканалу «Россия» о том, что его герой Руслан — обычный простой парень, в котором легко себя узнбют сегодняшние ребята из Выхино или Грибоедово.

Очевидно, что в данном случае духовность как неотъемлемая составляющая отечественного культурного наследия выступает столь шаржированной, столь примитивно-упрощенной для того, чтобы быть «узнанной» как теми, кто не созрел для равноправного диалога с автором, так и теми, кто обречен на рабское сознание, отвечающее позиции большинства, что постановка классического произведения оказывается в итоге образчиком низкопробной, вызывающей, в первую очередь, к базовым инстинктам, китч-продукцией. Соответственно, некогда имевшее исключительно положительные коннотации название оперы М.И. Глинки на пушкинский сюжет после опыта Д. Чернякова с неизбежностью будет пробуждать и негативные эмоции.

Другой, заимствованный из современной живописи пример связан с обратной ситуацией, когда визуальные эмотивы, вызывающие у искушенного зрителя исключительно отрицательные эмоции, актуализируют оценку со знаком «плюс» названием классического образца, «которое прежде оценивалось негативно. Речь идет об «Алжирских женщинах» Э. Делакруа и П. Пикассо. Согласимся, на первый взгляд, изображение женской фигуры и фрагментов человеческого тела, представленных на картине П. Пикассо, безусловно, проигрывает по сравнению с целомудренностью изображения наложниц предшественником неистового ис-

панца. Однако если в процессе осмысления картины Э. Делакруа мы испытываем отрицательные эмоции, вызванные созерцанием пленниц, оказавшихся в роли секс-рабынь, то тотальное переосмысление идеи Э. Делакруа, предпринятое П. Пикассо, приводит к возникновению прямо противоположного чувства. В отличие от гарема, посредством которого художник показывает нам не только многообразие женской красоты, но и заставляет задуматься о предназначении женщины, ее роли в социуме, формирование которого во многом определяется менталитетом восточного мужчины, П. Пикассо изображает одну-единственную женщину, демонстрируя непреходящее очарование своей возлюбленной в непостижимости ее женской природы. Таким образом, вербализация смысла картины П. Пикассо может быть представлена следующим образом: «Одна женщина лучше, чем сто, передает великолепие женщины»*.

Действительно, если вспомнить, что картина «Алжирские женщины» была создана П. Пикассо по одноименному полотну Э. Делакруа в 1955 г., когда художник спасался бегством от посетителей, журналистов с их нескромными вопросами, от разного рода публики в Ла Калифорния — огромной каменной вилле стиля Belle Époque, расположенной на Каннских холмах, можно предположить, что именно ее атмосфера запечатлена на полотне. Вместо сумрака у Э. Делакруа, наполненного томностью и негой, П. Пикассо погружает своих персонажей в обстановку светлой прохладной комнаты, в которую зритель проникает благодаря огромному витринному окну. Его рамой и выступает собственно рама картины.

Поскольку годом ранее П. Пикассо пишет портрет Жаклин, изображая свою возлюбленную в турецком костюме, сидящей по-восточному на корточках, а в этом же, 1955 г., вновь возвращается к типу средиземноморской женщины, считая, что Жаклин с ее греческим профилем и большими миндалевидными глазами похожа на одну из одалисок в картине Э. Делакруа «Алжирские женщины», становится очевидным следующее. В процессе творчества П. Пикассо фокусирует внимание лишь на одной-единственной модели вместо присутствующих на картине Э. Делакруа четырех.

* Другой вариант вербализации смысла рассматриваемой картины П. Пикассо угадывается в одном из фрагментов стихотворения В. Федорова: «Мне радость/Выпала иная./ Мне жребий /Выдался иной./ Меняясь./Но не изменяя./Сто женщин/Видел я в одной» [Федоров, 1970, с. 332].

По сути, художник интересуется не столько выражением характера Жаклин, ее жестов, сколько чувством, которое она в нем пробуждает. Изображая свою возлюбленную в четырех разных ракурсах, подвергая ее тело деформации, П. Пикассо желает показать близкую ему женщину в разных видах и позах одновременно: сидя, лежа, стоя, в фас и профиль, вполоборота и т.п. Таким образом, в картине П. Пикассо перед нами лишь одна женщина, которая имплицитно присутствует во всех других изображениях. Остальные фигуры — проекции исходного образа, что исключает необходимость отчетливо прописывать их лица. По-видимому, такое положение вещей обусловлено множественностью точек зрения на предмет изображения, что отвечает намерению художника. Как писал П. Пикассо, «я стараюсь не потерять из виду натуру; я стремлюсь к сходству, глубинному сходству, более реальному, чем сама реальность, — к сверхреальности» (цит. по: [Вальтер, 2002, с. 61]).

Соответственно, мы не можем согласиться с мнением ряда искусствоведов, которые утверждают, что, копируя Э. Делакруа, П. Пикассо сохраняет композицию картины и размещение фигур, но делает это в своем стиле. Более того, тот факт, что переосмысление «Алжирских женщин» Делакруа осуществляется у П. Пикассо в кубистической манере, не столь существен, поскольку рисунок, композиция, цвет понимаются и применяются в кубизме так же, как в других направлениях изобразительного искусства. Потому знаковой в опыте П. Пикассо оказывается для нас не столько противоположная Э. Делакруа манера, сколько яркость цветовой гаммы, которая состоит из желтого, оранжевого, розового, синего, голубого, белого и зеленого цветов. О том, какие значения закреплены за их оттенками, можно понять, обратившись к поэтическим строкам художника, в которых П. Пикассо говорит о *белизне голубых воспоминаний, голубом покое невинности, салатовой страсти, мутно-желтых водах забытья, ультрамаринином тумане мечтаний и зеленой прохладе*.

Вне всяких сомнений, на фоне откровенных изображений «прелестей» Жаклин, демонстрации интимных частей тела возлюбленной художника подобные аналогии могут вызвать дополнительные ассоциации, возникающие по ходу погружения в картину. Однако, вспоминая слова П. Пикассо, который неоднократно вопрошал: «Разве это не опасно — быть понятым?» (цит. по: [Вальтер, 2002, с. 75]), ограничим переосмысление картины «Алжирские женщины» Э. Делакруа поэтическим фрагментом из сборника «Заставить видеть» П. Элюара, друга художника:

*...А вот портрет
Твоей подруги.
Яркой тканью
Ты скрыл
И теплый запах тела,
И молоко ее груди.
Но перед ясным циферблатом
Ее спокойного лица
Трепещет
Маленькое солнце,
И жалко на него смотреть (...)*

*И в этих нежных зеркалах —
Все истины земли и неба,
Все окна,
Что открыты настезь.
Для ослепительного утра,
Для голубых...
Старинных танцев
На берегу невинных глаз.
Они доверчивы и чутки,
Твои ожившие картины,
Прекрасной логики любви...*

Специально заметим, что множественность и неоднозначность ситуаций, с которыми языковая личность сталкивается в процессе мыследеятельности, актуализируемом в работе с текстами культуры, преодолеваются только с опорой на **категорию эмотивности**, которая является неотъемлемой составляющей всякого художественного текста, независимо от его языковых средств выражения и, вследствие этого, носит универсальный характер. Речь в данном случае идет об эмотивных сигналах текста, которые выступают в качестве риторической программы творца, ограждая субъекта от псевдокультурного понимания. Другими словами, эмотивность оказывается «пусковым механизмом» процесса смыслообразования, стимулируя речевую способность носителя языка, что позволяет нам говорить о методологической направленности данной категории.

Аргументация представленной позиции основывается на деятельностном подходе к языку, разрабатываемом в трудах Г.П. Щедровицкого. Знаменательным для лингвистики эмоций можно считать то обстоятельство, согласно которому Г.П. Щедровицкий дал четкое определение процедурам анализа социальной деятельности как исходной универсальной целостности, по отношению к которой собственно язык выступает частной формой [Щедровицкий, 1995, с. 233—280]. Проецируя предложенный им системный анализ социальной действительности на систему языка художественного произведения, можно утверждать следующее. Первая группа процедурных норм системного анализа, представленная **разложением** объекта на части и последующим **объединением** частей в целое, уподобляется **распредмечиванию** текста и его опредмечиванию. Причем именно несовпадение совокупности значений и их оттенков, входящих в структуру целостного языкового знака, в качестве которого выступают слова-эмотивы, обеспечивает семантические метаморфозы, что, в свою очередь, приводит языкового носителя в замешательство или, что то же, обуславливает **ситуацию непонимания**.

Что же касается второй и третьей групп процедурных норм, распознаваемых при отождествлении исходного целого и вновь созданной структурной целостности, а также погружении элементов и объединяющей их структуры как бы внутрь целого с последующим «извлечением», «выиниманием» элементов или структуры из этого целого, то, по сути, обозначенные Г.П. Щедровицким нормы целиком и полностью отвечают процессу **согласования противоречий**. Как правило, обозначенный процесс осуществляется между концептуальными системами автора и работающего с текстом культуры языкового носителя (одна речь против другой). При этом суть данного процесса заключается в том, что посредством выявления и осознания таких оттенков слов-эмотивов, которые не входят ни в общеречевую характеристику, ни в известные языковому носителю субъективные характеристики их функционально преобразованных отражений у других представителей социума, субъект адаптирует чужую речь к своей речевой собственности. Причем, когда Г.П. Щедровицкий пишет об обязательном совпадении свойств структурной целостности со свойствами исходного целого, имеется в виду не буквальное совпадение содержательно-смыслового аспекта речи участников диалогического общения, а, скорее, достижение гармоничного соответствия одного другому*.

Наконец, последняя, но при этом наиболее значимая с точки зрения становления языковой личности методологическая функция эмотивности заключается, на наш взгляд, в следующем. Обеспечивая ситуацию непонимания, слова-эмотивы выступают в качестве естественных препятствий, преодоление которых закаляет человека, формируя терпимость к неудовольствию, с неизбежностью порождаемому ситуацией непонимания, а в случае успеха, обусловленного преодолением этой ситуации, актуализируют подлинную, ни с чем не сравнимую радость человеческого общения, которое А. Экзюпери относил к величайшей роскоши. Соответственно, даже тогда, когда в условиях художественной коммуникации в числе сигналов текста оказываются эмотивы, стимулирующие эмоциональную рассогласованность либо задающие неадекватную тональность общения, а также включающие в себя негативные оценки, приводящие к нарушению коммуникативного кодекса, **коммуникация будет безусловно экологичной**, поскольку в результате такой коммуникации происходит становление **культуры мышления** языко-

* Специально оговорим, что в данном случае речь не идет о ситуации, когда «переживание является лишь компонентом “настроения”, не направленного ни на что» [Богин, 1993, с. 29]. Исключение подобного опыта из художественной коммуникации обусловлено тем, что здесь мы, как правило, имеем дело не столько с процессом мыследеятельности, сколько с таким неинтенциональным состоянием, в рамках которого физиологические процессы преобладают над собственно психическими.

вого носителя. Здесь опыт работы с текстами культуры оборачивается жизненным опытом, из которого складывается мир человеческой личности. Мир, который Дж. Китс описывал как “the vale of soul-making”. «Разве ты не видишь, — говорил он воображаемому собеседнику, — что все препятствия и испытания, с которыми мы сталкиваемся в этой жизни, просто необходимы для воспитания рассудка и превращения его в душу?» (цит. по: [Свендсен, 2008, с. 62]).

Другими словами, признавая факт, что если человек слишком усердно следует инстинктивному стремлению получать удовольствие и избегать неудовольствия, это вовсе не идет ему на пользу [Лоранц, 2008], мы убеждены в следующем. Категория эмотивности оказывается на сегодняшний день одним из фундаментальных методологических принципов, обеспечивающих полноценную жизнедеятельность сознания языкового носителя, поскольку именно высокая культура мышления субъекта обеспечивает в итоге экологичность и музыки, и языка.

Л и т е р а т у р а

Амосов Н.М. Чтобы быть здоровым, надо иметь силу характера // Наука и жизнь. — 1998. — № 5. — С. 19—22.

Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Работы 1920-х годов. — Киев: «Next», 1994.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. — 2-е изд. — М.: Искусство, 1986.

Беринский С.С. Истериады (рукопись). — М., 1984.

Богин Г.И. Субстанциальная сторона понимания текста. — Тверь: Изд. Твер. гос. пед. ун-та, 1993.

Вальтер И. Пабло Пикассо. — М.: Искусство, 2002.

Гагаев А.А. Теория и методология субстратного подхода в материалистической диалектике. — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1991.

Гиг Дж. Ван. Прикладная общая теория систем / пер. с англ., под ред. канд. физ.-мат. наук Б.Г. Сушкова, д-ра филос. наук В.С. Тюхтина. — М.: Мир, 1981.

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество: моногр. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1996.

Даль В.В. Толковый словарь живого великорусского языка [Современная версия]. — М.: Эксмо, 2000.

Екимовский В. Автомонография. — М.: Композитор, 1997.

Еременко Г.А. Семантическая интерпретация музыкального произведения (процедура вхождения в смысл музыки) // Музыкальная культура и искусство: наблюдения, анализ, рекомендации. — Новосибирск: Новосиб. гос. консерватория (академия им. М.И. Глинки), 2005. — Вып. 5. — С. 12—24.

Жура В.В. Дискурсивная компетенция врача в устном медицинском общении: моногр. — Волгоград: ВолГМУ ООО «ДарКо», 2008.

Зевинцев В.А. Мысли о лингвистике. — М.: Наука, 1996.

Ильинова Е.Ю. Эколингвистический модус событийности в пространстве массмедийного дискурса // Вестник ВолГУ. Сер. 2: Языкознание. — 2010. — № 2 (12). — С. 168—176.

Ионова С.В. Эколингвистические проблемы современной текстовой коммуникации // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: материалы междунар. науч. конф. Волгоград, 8 февр. 2012 г. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. — С. 57—61.

Ионова С.В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема: дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 1998.

Ионова С.В., Волкова А.Е. Информация о Волгограде в наименованиях региональных СМИ // Язык региона: Лексика. Грамматика. Функциональное пространство: сб. науч. тр. / под общ. ред. Н.А. Тупиковой. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. — С. 345—370.

Истархов В.А. Удар русских Богов. — 4-е изд. — СПб.: Изд. ЛИО «Редактор», 2001.

Карманова З.Я. Феноменология слова: слово vs мысль: моногр. — М.: ТЕЗАУРУС, 2010.

Кодекс профессиональной этики российского журналиста [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ruj.ru/about/codex.htm>.

Краткая философская энциклопедия. — М.: Изд. гр. «Прогресс» — «Энциклопедия», 1994.

Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. — М.: Яз. слав. культур, 2008.

Лесовиченко А. Неакадемические каноны музыковедческой деятельности // Музыкальная культура и искусство: наблюдения, анализ, рекомендации. — Новосибирск: Новосиб. гос. консерватория (академия им. М.И. Глинки), 2005. — Вып. 5. — С. 100—117.

Лоранц К. Так называемое зло. — М.: «Культурная революция», 2008.

Маджаева С.И. Семантика медицинского термина в когнитивно-дискурсивном аспекте (на материале предметных областей медицины «СПИД» и «Диабет») // Гуманитарные исследования. — 2011. — № 3. — С. 50—54.

Майкапар А. Лунная соната [Электронный ресурс]. — URL: www.maukar.ru/articles/bethov1.shtml.

Международная ассоциация эргономики [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ruj.ru/about/codex.htm>.

Моисеенко А.В. Лингвоэкологическая вариативность субстандартной синонимии в английском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ярославль, 2008.

Моисеенко А.В. Лингвоэкологические и структурные особенности контекстуальных синонимических рядов в английском и русском языках // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. — СПб., 2008. — № 26 (60). — С. 195—198.

Моисеенко А.В. Принципы контрастивного описания субстандартных англоязычных и русскоязычных синонимических рядов // Филологические чтения: материалы докл. — Вологда: ВГПУ, 2007. — Вып. 8. — С. 60—65.

Назайкинский Е.В. Музыкальная наука: какой ей быть сегодня? // Сов. музыка. 1989. — № 8. — С. 48—54.

Основы лингвистического мониторинга медиа-пространства региона: учеб. пособие // В.А. Брылева, О.С. Волкова, С.В. Ионова [и др.]. — Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2011.

Потиха З.А. Структура русского слова: учеб. словарь для заруб. школ. — М.: Рус. язык, 1981.

Преображенский В.С., Райх Е.А. Основные понятия и модели экологии человека // Экология человека: основные проблемы. — М.: Наука, 1988. — С. 32—43.

Пузырев А.В. Анаграммы как явление языка: опыт системного осмысления. — М.; Пенза: Ин-т языкознания РАН; ПГПУ им. В.Г.Белинского, 1995.

Пузырев А.В. Прологомены к эстетике языка и оценка содержательной основы массовых песен: учеб. пособие к курсам «Социальная психология», «Теория и практика массовой информации», «Психология массовой коммуникации», «Психология журналистики». — Ульяновск: УЛГТУ, 2010.

Пузырёв А.В., Сафронова В.В., Маркин С.А., Гуренко И.С. Направленность хитовых песен радиостанций *Европа +*, *Русское Радио* и *Love Radio* в 2009—2011 гг. // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: материалы XII Междунар. науч. конф. (Ульяновск, 16—19 мая 2012 г.) / отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. — М.: Ин-т языкознания РАН; Ульяновск: Ульян. гос. ун-т, 2012. — С. 168—176.

Свендсен Л. Философия зла. — М.: Прогресс-Традиция, 2008.

Светличная Т.Ю. Категория контекста и реализация прагматического потенциала слов-цветообозначений в контексте. — 2009 [Электронный ресурс]. — URL: http://pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2009/XII/uch_2009_XII_00025.pdf.

Серль Дж. Р. Природа интенциональных состояний // Философия, логика, язык / пер. с англ. и нем., сост. В.В. Петрова. — М.: Прогресс, 1986. — С. 151—169.

Симонов П.В. Что такое эмоция? — М.: Наука, 1966.

Симонов П.В. Эмоциональный мозг. — М.: Наука, 1981.

Сиротинина О.Б. Основные критерии хорошей речи // Хорошая речь / под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. — 3-е изд. — М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — С. 16—29.

Сквородников А.П. К становлению системы лингвоэкологической терминологии // Речевое общение: спец. вестник. — Красноярск, 2000. — Вып. 3 (11). — С. 70—78.

Сквородников А.П. Об экологии русского языка // Филологические науки. — 1992. — № 5—6. — С. 104—111.

Смирнов М.А. Анализ показателей социального развития и возможностей их прогнозирования // Уровень жизни населения регионов России. — 1997. — № 11. — С. 43—48.

Солодовникова Н.Г. Экологичность эмотивной коммуникации (на материале предвыборных креолизованных газетных текстов): дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2010.

Солодовникова Н.Г., Шаховский В.И. Терапевтическая функция языка // Ecolinguistics: человек, язык и окружающая среда. — 2010 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ecolinguistics.ru/index.php>.

Сорокин Ю.А. Нужна ли нам лингвоэкология? // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: Филология. — 2008. — № 2. — С. 24—30.

Тахтарова С.С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты): моногр. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009.

Трёльч Э. Историзм и его проблемы. — М.: Прогресс, 1995.

Урланис Б. Эволюция продолжительности жизни. — М.: Наука, 1978.

Федоров В.Д. Стихотворения и поэмы: в 2 т. — М.: Худож. лит., 1970. Т. 1.

Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия // Психология бессознательного: сб. произведений / сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М.Г. Ярошевский. — М.: Просвещение, 1989. — С. 382—424.

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с нем. Э. Телятниковой. — М.: АСТ, 2004.

Хемингуэй Э. По ком звонит колокол. — М.: Худож. лит., 1989.

Чесноков И.И. Месть как эмоциональный поведенческий концепт (опыт когнитивно-коммуникативного описания в контексте русской лингвокультуры): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Волгоград, 2008.

Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе (на материале английского языка) : дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1988.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: моногр. — М.: Гнозис, 2008.

Шаховский В.И. Унижение языком в контексте современного коммуникативного пространства России // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2007. — Вып. 7. — С. 140—148.

Шаховский В.И., Солодовникова Н.Г. Экологическая функция языка // Экология русского языка: материалы Всерос. науч. конф. — Пенза: Изд-во Пенз. гос. пед. ун-та им. В.Г. Белинского, 2009. — С. 5—16.

Штеба А.А. Эмотивная флукуативность слова // Мир лингвистики и коммуникации. — 2011. — № 3 (24) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.tverlingua.by.ru>.

Щедровицкий Г.П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Г.П. Щедровицкий: избр. тр. — М.: Шк. культ. полит., 1995.

Экология человека: Основные проблемы. — М.: Наука, 1988.

Энциклопедия символов, знаков, эмблем / авт.-сост. К. Королев. — М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005.

Эпштейн М.Н. Мат — язык тех, кто ничего не может // Огонёк. — 2009. — № 31 (5109). — С. 42—44.

Эпштейн М.Н. Однословие как литературный жанр // Континент. — 2000. — № 104. — С. 279—313.

Юсфин А. Музыка и проблемы экологии человека // Сов. музыка. — 1990. — № 8. — С. 10—16.

Catton W., Dunlap R. A new ecological paradigm for post-exuberant society // American Behavioral Scientist. — Vol. 24. — № 1. — 1980. — P. 15—47.

Citations et proverbes a se souvenir [Электронный ресурс]. — URL: <http://citationsetproverbes.ca/?id=3&l=m>.

Симонов П.В. Эмоциональный мозг. — М.: Наука, 1981.

Fonagy I. Gamme semantique des coups de glotte dans le francais moderne // Le francais dans le monde, 1979. — № 143. — P. 43—47.

Lognon D. Les symboles de la Saint-Valentin [Электронный ресурс]. — URL: http://mythes-et-legendes.suite101.fr/article.cfm/les_symboles_de_la_saintvalentin.

Часть 2

ЭМОТИВНАЯ ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ: НОМИНАТИВНЫЙ И КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТЫ

Раздел 1. ЭМОТИВНАЯ ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ: НОМИНАТИВНЫЙ АСПЕКТ

ЭРГОНИМИЯ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

О.В. Врублевская

Вслед за многими исследователями под эргонимом в работе понимается собственное имя любого делового объекта, независимо от его правового статуса и наличия/отсутствия места постоянной дислокации (различных магазинов, ресторанов, промышленных предприятий, общественных и политических организаций и других форм коллективной деловой деятельности) [Суперанская, 1986; Подольская, 1988; Крюкова, 2004; Трифонова, 2006 и др.].

Наряду с прагматонимами (словесными товарными знаками), гемеронимами (названиями средств массовой информации), геортонимами (названиями праздников и других торжественных мероприятий) эргонимы рассматриваются сегодня как рекламные имена, т. е. названия, способные выступать средством управления вниманием и оказывать воздействие на адресата.

Одни задерживаются в словарном составе надолго и имеют мировую известность, другие — лишь региональную, одни существуют более ста лет, другие быстро выходят из употребления и либо превращаются в ономастические историзмы, зафиксированные лишь энциклопедическими словарями, либо совсем забываются [Крюкова, 2004, с. 9]. И те, и другие отражают речевую культуру современных горожан и способствуют формированию взглядов молодого поколения.

В связи с тем, что в последние десятилетия наблюдается тенденция к появлению названий, формирующих облик наших городов, но создаваемых с нарушениями норм родного языка, данные названия становятся объектом рассмотрения современного направления исследования языка — лингвоэкологии.

Объектом лингвоэкологии языка стало то, как язык сохраняет сам себя, т. е. сохраняет свое здоровье или (в результате его неправильного использования) приходит к лингвициду, т. е. к разрушению и самоуничтожению, а также к совершенствованию, улучшению здоровья человека или его порче и даже разрушению через язык. Таким образом, лингвоэкология изучает двойственную функцию языка: правильное его использование сохраняет язык и здоровье человека, неправильное — разрушает и сам язык, и здоровье человека [Шаховский, 2011].

На данный момент выделяются три аспекта экологии языка: первый связан с культурой речи, стилистикой, риторикой и включает исследования нарушений правильности, ясности, логичности, выразительности и других коммуникативных свойств речи; второй — с полиязычием как средой обитания отдельного этнического языка и с проблемой исчезновения языков, а значит, и с уменьшением лингвистического разнообразия на Земле; третий — с использованием единиц, средств, реалий одного языка, одной культуры в контексте и средствами иного языка, принадлежащего другой культуре, в художественной литературе, фольклоре, публицистике [Иванова, 2007].

Мы в данном исследовании остановимся на первом направлении, т. к. оно по своему объекту тесно переплетается с наукой о культуре речи, которая существовала давно и изучала грамотность речи и ее чистоту. Отсюда возникло такое метафорическое понятие, как «хорошая речь» — речь чистая, культурная, эстетически и этически выдержанная. Все это можно считать различными параметрами культуры речи [Там же].

В своей работе мы определяли экологичность названий магазинов, кафе, фирм и т. д. по реакции адресатов, с которой можно ознакомиться в средствах массовой информации и на страницах различных форумов.

Каждый говорящий пользуется знаковой системой — языком, обслуживающим общество и обладающим сложным набором норм, которые не рекомендуется нарушать, в противном случае нарушается правильность речи, а вслед за ней — и ясность, точность, выразительность.

Норма — это правило, не только социально одобряемое, но и отражающее закономерности языковой системы и подтверждаемое словоупотреблением авторитетных писателей.

Понятие нормы распространяется на все уровни языка. В соответствии с уровневой соотнесенностью и спецификой выделяются следующие типы языковых норм [РГЭС, 2002, с. 253]: лексические — обеспечивают пра-

вильность выбора слов; акцентологические — предусматривают правильную постановку ударения; орфоэпические — описывают правильное произношение слов; орфографические — закрепляют единообразие передачи речи на письме; морфологические — правила словоизменения и словообразования, описываемые в грамматике; синтаксические — регламентируют правильное построение грамматических конструкций.

Анализ исследуемых единиц показал, что создателями эргонимов чаще всего нарушаются орфографические и морфологические нормы.

Нарушение орфографических норм можно разделить на три подгруппы.

Первую можно назвать *пишу как слышу*, например, такие названия кафе, как *Боржч*, *Пасижу*, или название магазина *Зеленая Паляна* (специализация — торговля мясом), *жЫиЫ* — кафе для современной молодёжи. Подобные названия являются ложным помощником современных школьников в постижении орфографии, что не может не возмущать их родителей: *Как детям объяснить, что есть одна грамматика, которой учат в школе, и другая, рекламная. А то ведь в привычку войдет ... И как итог — безответственность* (<http://www.jaluites.ru/posts/>).

Ко второй подгруппе мы отнесли названия, которые также созданы по принципу *пишу как слышу* плюс некоторые буквы в них удваиваются и/или выделяются крупным шрифтом, например, название магазина *MeГГa MатpaСы*, кафе *ОбжЁрка*, *КЛУмБа*. Использование строчных и прописных букв в названиях может объясняться, во-первых, желанием привлечь внимание, придать броскость, а во-вторых — стремлением передать дополнительный смысл, что, по мнению создателей, должно способствовать усилению суггестивной функции названия. Появление таких названий не проходит незамеченным для потребителей, о чем свидетельствует большое число форумов, где обсуждают современную эргонию, не всегда одобряя творческий полет современных номинаторов, например: *К орфографическим ошибкам в инете я как-то привыкла). А вот недавно вижу у нас в городе огромную вывеску над магазином одежды, на которой написано «макЕнтош». Нормально, да?))))); Ну да...обидно за русский язык...и с каждым днём всё хуже становится* (<http://www.livemaster.ru/topic/110228-orfografiya>).

Третью подгруппу составляют названия, которые созданы с нарушением правил правописания фамилий в русском языке, а по форме напоминают названия, получившие мировую известность, например, названия магазинов *Носкофф*, *Пирогофф*, *Двернофф* и под. Современное общество

уже пресытилось подобного рода названиями, о чем свидетельствуют следующие комментарии: *Ага, а еще раздражает нашествие Носкофф, Банькофф, Пивнофф, Двернофф и т.п. ... И вообще, наличие безобразного количества грамматических ошибок в названиях и в рекламе!* (<http://forum.sloganbase.ru/>).

К нарушению морфологических норм мы отнесли следующие случаи:

а) образование нового слова посредством вставки лишней буквы, например, названия кафе *Кайфе*, кафе *Арбуз* (название на фоне изображения ломтика арбуза). Подобная вставка не просто меняет морфологическую структуру, но и вносит дополнительную семантику;

б) изменение/ нарушение орфографии одного из элементов слова для изменения оттенка значения, что поддерживается паралингвистическим средством, например, название магазина *СупермарКИТ* (и рядом с названием изображение кита).

В настоящее время создание эргонимов осуществляется без опоры на какую-либо теоретическую базу. В лучшем случае номинаторами оказываются сотрудники многочисленных рекламных агентств, нередко не имеющие специальной подготовки, но чаще всего это сами владельцы, не всегда отличающиеся высокой культурой. В результате Россия тонет в море не всегда удачных названий. Вот как на это реагируют обычные потребители: *Такая у нас страна, ничего не поделаешь. А подобные названия можно отправить Зодорнову. Мож что нибудь вставит в ту рубрику, где была минеральная вода «блю вот».* Возможно, после этого хозяева тех магазинов одумаются и дадут нормальные названия (<http://www.jaluites.ru/posts/>).

В данном исследовании важным становится понятие городской лингвокультуры как территории функционирования эргонимов, т. е. названия даются объектам реально существующей городской действительности в данный момент истории. Как известно, язык обладает способностью отражать существующие в массовом сознании тенденции и предпочтения, и анализ исследуемых названий подтверждает подверженность эргонимов языковой моде, моде на эпатаж посредством пренебрежительного обращения с языком, в связи с чем такой неоднозначный прием, как намеренное расхождение с принятыми орфографическими правилами (например: *пиво «по-Руски»*, ресторан *«Школа»*), заслуживает отдельных комментариев. Грубое нарушение правил орфографии, усваиваемых еще в начальной школе, ведет к негативному восприятию рекламного имени. По мнению филологов, подобный прием нельзя отнести к удачным.

Эмоционально отрицательное отношение пользователей русского языка к этим новым тенденциям делает их неэкологичными, равно как и коммуникативные ситуации, в которых они используются. Необходимость в таких новообразованиях и тяга к ним указывают на потребность коммуникантов в неэкологичном общении [Шаховский, 2011].

ОЦЕНОЧНАЯ СЕМАНТИКА ОККАЗИОНАЛИЗМА КАК ИНДИКАТОР ЕГО ЭКОЛОГИЧНОСТИ / НЕЭКОЛОГИЧНОСТИ

Н.И. Коробкина

Как известно, эмотивная лингвоэкология (эколингвистика) представляет собой отрасль антропоцентрической парадигмы языкознания, сложившейся вследствие взаимодействия трех научных направлений — экологии, валеологии и лингвистики эмоций (подробнее об этом см., например: [Шаховский, Солодовникова, 2009]). В связи с этим в настоящей работе предпринимается попытка проанализировать экологичность / неэкологичность определенной части современных русских и английских окказионализмов с учетом их семантической мотивировки и типа оценки.

Вопрос о чистоте и экологичности языка / речи, с одной стороны, и их «коррозии» и неэкологичности — с другой, является актуальным не только для узуальных лексических единиц, но и для окказионализмов. Последние понимаются в данной работе как не существовавшие ранее слова, обладающие прагматическим и когнитивным потенциалом, появляющиеся и проявляемые в речи, с присущей им постоянной новизной вне времени и условий порождения. Окказионализмы характеризуются также появлением в определенной коммуникативной ситуации, включающей в себя цель, тему, участников, хронотоп, сферу, мотив, прагматику; созданием по случаю и отсутствием широкого (частотного) ситуативного функционирования. В соответствии с данным определением окказионализма приведем некоторые примеры таких речевых номинаций: *адорай* (*ад + о + рай*) (*обстановка, место, условия жизни, пребывание в которых, с одной стороны, мучительно и невыносимо, а с другой стороны, доставляет удовольствие, наслаждение*); *Злобро* (*Зло + Добро*) (*реализуемое по не зависящим (?) от человека причинам добро, оборачиваемое злом, и реализуемое по не зависящим (?) от человека причинам зло, оказывающееся*

добром), **музоль** (*музыкальный + мозоль*) (*надоевший хит* [Имхонет: www]), **скворобушек** (*скворец + воробушек*) (*диковинная птица, представляющая собой смесь скворца и воробушка*), **такияж** (*Тайра + макияж*) (*макияж от Тайры Бэнкс*) и др.

Как отмечалось нами ранее (см., напр.: [Коробкина, 2012; Коробкина, Шаховский, 2013]), эти и им подобные окказионализмы представляют собой на уровне мышления новые контекстуальные понятия — особые ментальные образования, состоящие из наиболее существенных признаков предмета, обуславливающих результат его рационального и эмоционального отражения и осмысления, характеризующиеся способностью возникать в определенной коммуникативной ситуации, как правило, являясь вербальной реакцией на социальный, социально-экономический / политический и другие стимулы.

Чаще всего вербальная репрезентация такой реакции связана с определенной коммуникативной ситуацией. В зависимости от характера коммуникативной ситуации появления окказионализма в форме концептуального бленда можно говорить, с одной стороны, о положительной энергетической мощности нового слова, т.е. его экологичности: **sacrivice** (*sacrifice + vice*) (*бросить вредную привычку* [Ермоленко, 2007, с. 12]); **stummy** (*stomach + tummy*) (*пузико, животик*) и др. Эта экологичность, в свою очередь, моделирует и соответствующее положительное настроение пользователей таких речевых номинаций, т.е. способствует эвокации приятных ощущений (оптимистичных, оздоравливающих, юмористических и т.п.).

С другой стороны, если коммуникативная ситуация появления окказионализма включает в себя негативные эмоциональные переживания, эмоциональное давление и т.п., то имеет место насильственное, неэкологичное обращение с языком/речью: **алкоголодранец** (*алкоголь + голодранец*) (*оборванец, бедняк, страдающий алкогольной зависимостью*); **злочество** (*зло + зодчество*) (*построение козней и творчество некоторых архитекторов* [Имхонет: www]); **футболь** (*футбол + боль*) (*игра в футбол, причиняющая боль*); **ханастезиолог** (*хана + анестезиолог*) (*врач — специалист по анестезиологии, методы, способы и средства лечения которого могут привести к гибели человека/животного*); **aggranoyed** (*aggravated + annoyed*) (*раздраженный и недовольный одновременно*); **finangled** (*finagled + wangled*) (*заключат сделку нечестным путем, обманом, хитростью, уловками, жульничеством*); **jarbled** (*jumbled + garbled*) (*подтасовывать, исказить, фальсифицировать; перемешивать в бес-*

порядке, сваливать без разбора в одну кучу) и др. Это может вести, на наш взгляд, к разрушению языка/речи и обуславливать эмоциональную дисгармонию в коммуникативном социуме.

Общеизвестно, что практически каждая появляющаяся в языке/речи лексическая единица обладает определенной мотивировкой, т.е. одним или несколькими признаками, заложенными в основу наименования. Нередко таким важнейшим признаком внутренней формы слова является упакованная в его номинации оценка, которая может варьироваться по типу оценочного знака (+ / -). Значительную помощь в идентификации положительной или отрицательной оценки слова оказывает один из коммуникативных методов лингвистических исследований — дефиниционный анализ, суть которого в традиционном понимании заключается в рассмотрении словарных определений языковых единиц [Леонтович, 2011, с. 156].

Однако применение метода дефиниционного анализа возможно, на наш взгляд, и по отношению к речевым единицам, например, окказионализмам. Особенно, когда фокусом исследовательского внимания является определение посредством анализа оценочной семантики конstituентов окказионализма индикаторов его экологичности / неэкологичности. В том случае, если основу семантической мотивировки нового слова составляет положительная оценка, то это, по нашему мнению, может явиться индикатором его экологичности: **Вкусмайлики (вкус + смайлики)** (название марки пельменей [Хрущева, 2011, с. 15]); **пчеловек (пчела + человек)** (человек, качественно и трудолюбиво выполняющий свою работу, за что может быть сравнен с пчелой); **счастица (счастье + частица)** (частица, крупинца, мгновение счастья [Эпштейн, 2013, www]); **счастлибочный (вкус) (счастливый + сливочный)** (подсолнечное масло «Золотая семечка» со сливочным вкусом); **zootique (zoo + boutique)** (зоопарк, расположенный в живописном месте, в котором животные живут в комфортных условиях [Ермоленко, 2007, с. 11]) и др. Объясняется это тем, что при продуцировании и дальнейшем функционировании таких окказионализмов имеет место эвокация приятных ощущений у их пользователей; в сознании и памяти последних нередко возникают связанные с данными речевыми единицами приятные ассоциации и коммуникативные ситуации.

Если внутренняя форма окказионализма содержит отрицательную оценку, то, как показывают наши наблюдения, можно говорить о неэкологичности такой лексической единицы: **мэриози (мэр + мафиози)** (глава городской администрации, являющийся одновременно и членом мафии, т.е. участником какого-либо преступного сговора); **чинорай (чиновничий +**

+рай) (красивое место, условия жизни, доставляющие удовольствие и наслаждения государственным служащим); **videot (video + idiot)** (человек, страдающий зависимостью от просмотра видеороликов, при этом не понимающий пагубности данного занятия, поэтому воспринимаемый окружающими как глупый и бестолковый) и пр. Появление такой тенденции обусловливается тем, что использование данных окказионализмов в речи коммуникантов вызывает у них неприятные ощущения и ассоциации, отрицательные эмоции, а это, безусловно, негативное влияние на их здоровье. Иногда интенсификация такого прагматического эффекта происходит за счет необычного сочетания экспрессивных синонимических эквивалентов, в результате чего окказиональная номинация становится еще более грубой, чем входящие в ее состав конститuentы: **slut (шлюха) + whore (проститутка) = slore**.

Для наглядности выдвигаемой гипотезы о положительной оценке в семантической мотивировке нового слова как индикаторе его экологичности рассмотрим некоторые примеры окказионализмов. Процесс оценочной номинации новых товаров в индустрии продуктов питания и в сфере гастрономии становится в последнее время все более и более заметным: **Вкусмайлики (вкус + смайлики), Дынябуз (дыня + арбуз)** (новая разновидность сока «Добрый», представляющая собой смесь дынного и арбузного сока), **кетчунез (кетчуп + майонез)** (смесь из кетчупа и майонеза, которую можно использовать в качестве соуса (усилителя вкуса) ко вторым блюдам, например, пельменям) и др. Проанализируем, к примеру, окказионализм **Вкусмайлики**, номинирующий популярную среди потребителей марку пельменей. Семантическую основу данной лексической единицы составляет употребляемое в кириллическом написании англоязычное слово **смайл** (англ. *smile* — a) *a facial expression characterized by an upturning of the corners of the mouth, usually showing amusement, friendliness; b) favour or blessing; c) an agreeable appearance* [АВВУУ]), которое в переводе на русский язык означает **улыбка** — движение мышц лица (зуб, глаз), показывающее расположение к смеху, выражающее какое-либо чувство или отношение к кому-, чему-либо [БТСРЯ: www].

Из представленных словарных дефиниций получается, что англоязычное слово **смайлик**, употребляемое в уменьшительно-ласкательной форме и составляющее основу рассматриваемого окказионализма, содержит одобрительную оценку продукта, поэтому указывает на экологичный характер самого лексического бленда **Вкусмайлики**. Получается, что оба эти слова обладают положительной оценкой и положительным эмоцио-

нальным потенциалом, проявляющимся в эвокации у пользователей окказионализма эмоций со знаком «+» (одобрение, удовольствие, наслаждение, радость и др.).

Представляя собой приятную лингвистическую новинку, образованный посредством одобрительной оценочной номинации окказионализм *Вкусмайлики* обеспечивает сохранение экологии источника своего появления — речи, а также экологию и потенциальной среды своего дальнейшего закрепления и функционирования — языка. Кроме того, экологичность данного окказионализма проявляется в том, что его появление наглядно иллюстрирует закон языковой экономии, когда лексическая единица обладает компрессией и не теряет при этом своей смысловой емкости, четкости и наполненности.

Возьмем в качестве примера еще один экологичный, на наш взгляд, окказионализм *скворобушек* (*скворец* + *воробушек*). Данная лексическая единица используется для номинации диковинной птицы, представляющей собой смесь скворца и воробушка. По нашему мнению, основанному на наблюдениях за функционированием данного окказионализма в ситуациях общения, получается, что в основе внутренней формы каждого из конститuentов заложена оценка со знаком «+», которая выступает индикатором экологичности окказионализма в целом. Так, конститuent *скворец* содержит эмотивный характер экологичности, поскольку моделирует положительное настроение пользователей языка, а значит, способствует и улучшению их здоровья, самочувствия. Аналогичный эффект оказывает и конститuent *воробушек*, уменьшительно-ласкательная форма которого возвышает и сохраняет язык / речь, оказывает терапевтический эффект на здоровье человека. Повторимся, что к подобного рода эмотивно экологичным окказионализмам могут относиться следующие: *Дынябуз* (*дыня* + *арбуз*), *sacrivice* (*sacrifice* + *vice*), *stummy* (*stomach* + *tummy*), *zootique* (*zoo* + *boutique*) и др.

Перейдем к рассмотрению примеров неэкологичных окказионализмов. Одним из таких, по нашему мнению, следует считать окказионализм *хейтриотизм* (*хейтрид* (от англ. *hatred* — ненависть) + *патриотизм*), речевым контекстом образования которого является, скорее всего, сложившаяся в настоящее время во многих сферах нашего социума ситуация психологической неудовлетворенности. Из этого следует, что лингвокультурный портрет такого общества с эмоциональной дисгармонией можно выразить следующими известными строками: «Зло во имя добра! // Кто

придумал нелепость такую? // Даже в самые страшные дни, // Даже в самой нелепой борьбе! // Если зло поощрять, то оно на Земле существует, // Не во имя чего-то, а просто само по себе». Однако в борьбе с этим существующим вокруг нас злом (ненавистью) необходимо формировать оптимистическое представление о человеке, укреплять и заострять позитивные жизненные перспективы. И в этом процессе, на наш взгляд, большую роль может сыграть эмотивная лингвоэкология (эколингвистика), одной из задач которой должно стать управление процессом производства и продуцирования слов с экологичным началом в их семантике.

Рассмотрим еще один неэкологичный окказионализм — *мэриози* (*мэр* + *мафиози*). Дефиниционный анализ в сочетании с методом интроспекции позволяет обозначить лексическое значение данного слова: *глава городской администрации, являющийся одновременно и членом мафии, т.е. участником какого-либо преступного сговора*. Второй конституент данного окказионализма — *мафиози* — явно представляет собой лексему, в семантической мотивировке которой присутствует отрицательная оценка. Ее признаком и, следовательно, индикатором неэкологичности окказионализма в целом выступает кластер отрицательных эмоций-реакций, возникающих в сознании пользователей языка: отвращение, гнев, неприязнь, ненависть и пр. Получается, что использование окказионализма *мэриози* обладает антитерапевтическим эффектом, оказывающим вред не только самому языку/самой речи, но и его/ее пользователям. Неэкологичными являются также такие окказионализмы, как *вампьютеризация* (*вампир* + *компьютеризация* — *распространение компьютерной зависимости в обществе* [Имхонет: www]); *журналглист* (*журналист* + *глист*) («*паразитирующий*» журналист, *нередко наживающийся чужим трудом и плохо выполняющий свою работу, которая наносит вред окружающим людям (прежде всего тем, о ком он пишет)*); *публичко* (*публичный* + *личико*) (*смазливое лицо компании* [Там же]); *репутана* (*репутация* + *путана*) (*это девушка, не стесняющаяся в выборе средств для поднятия своей репутации* [Там же]); *чинорай* (*чиновничий* + *рай*), *archaeostitute* (*archaeologist* + *prostitute*) (*корыстный археолог* [Ермоленко, 2007, с. 12]) и т.п.

Подведем некоторые итоги. Появление определенной части современных русских и английских окказионализмов так или иначе оказывается связанным с проблемой их экологичности / неэкологичности, одним из индикаторов которых может быть оценочная семантика новой номинации.

Если складывается тенденция наличия у окказионализмов отрицательной оценочной семантики, то коммуникативное пространство языка заполняется неэкологичными номинациями, свидетельствующими о негативных событиях в социальной жизни. Эти неприятные события приводят к появлению неприятных по значению слов, которые, в свою очередь, вызывают неприятные ощущения, и поэтому такая коммуникативная рамка является не совсем экологичной. Стоит обратить на это внимание тех, кто порождает такие номинации, и тех лексикографов, которые, не задумываясь над их неэкологичным потенциалом, включают их в новые словари.

С другой стороны, мы отдаем себе отчет, что в языковом корпусе и коммуникативном пространстве наблюдается явная асимметрия между позитивными и негативными лексическими единицами: негативных значительно больше. С этих позиций, возможно, неэкологичные образования тоже являются коммуникативно востребованными. Это особенно важно с учетом устоявшегося в науке мнения о том, что асимметрия играет важную роль в функционировании языка (см., напр., последние работы в этой области: [Лось, 2012; Острикова, 2011; Скворцова, 2012 и др.]).

Известна психологическая тяга *homo loquens/sentiens* к негативной информации и более дифференцированному использованию негативных слов как в межперсональной, так и в медиальной коммуникации. А это не может не оказывать негативное психоэмоциональное воздействие на здоровье *homo loquens/sentiens*, а также не может не приводить к негативизации корпуса языка и его коммуникативного пространства. Отсюда становятся понятными новые проблемы коммуникологии — проблема экологического интеллекта и проблема экологической компетенции коммуникантов.

Если же в основе семантической мотивировки окказионализма заложена положительная оценка, вызываемая на уровне ощущений положительными эмоциями, то следует говорить как о чистоте и правильности речи, так и о терапевтическом влиянии таких окказионализмов на их пользователей. Именно поэтому, повторимся, одной из важнейших задач современной эмотивной лингвоэкологии (эколингвистики) должен стать контроль продуцирования и дальнейшего использования в речи коммуникантов окказионализмов с положительной оценочной семантикой.

Следует отметить, однако, что все вышепредставленные размышления по поводу экологичности/неэкологичности окказионализмов носят пока гипотетический характер и служат скорее для первоочередной постановки проблемы, дальнейшее решение которой в русле обозначенных направлений выносится на перспективу исследования.

РУССКАЯ ЭРГОНИМИЯ КАК ПРЕДМЕТ ЯЗЫКОВОГО КОНФЛИКТА

И.В. Крюкова

Под термином «эргоним» в современной ономастике суммарно рассматривается широкий круг наименований деловых объединений людей: коммерческих и промышленных предприятий, общественных и политических организаций, творческих коллективов, клубов, заведений, корпораций и т. п. Все эргонимы, входящие в русское ономастическое пространство, рассматриваются под общим термином «русская эргонимия» [Подольская, 1988; Отин, 1999; Крюкова, 2004 и др.]. Из определения видно, что эргонимы обслуживают особые области номинации, относящиеся к экономической, культурной и общественно-политической сфере жизнедеятельности современного человека, являются частью информационной среды в рамках городской лингвокультуры.

Это обстоятельство делает эргонимы знаками, чрезвычайно актуальными с позиции лингвоэкологии, в круг вопросов которой входят, в частности, проблемы языковых правонарушений, приводящих к языковым конфликтам [Сковородников, 2000; Шаховский, Солодовникова, 2009].

Термин «языковой конфликт» по отношению к эргонимам мы трактуем как результат особого типа коммуникации, при котором наблюдается противостояние именуемого субъекта и потенциального адресата (организации, социальной группы или отдельной личности) относительно нового названия. Поскольку одними из основных экстралингвистических свойств эргонимов являются отнесение их к интеллектуальной собственности и юридическая охраняемость, наиболее важной ареной таких языковых конфликтов становится юридическая сфера. Данная область конфликтного речевого взаимодействия, привлекающая внимание общественности, недостаточно освещена в лингвистике.

Оставим за рамками рассмотрения тип языкового конфликта, который возникает при нарушении статьи закона, запрещающей использование знаков чужой интеллектуальной собственности без согласия автора. В данном случае инициатором конфликта является конкретное лицо, как правило, известная в масштабах страны творческая личность, авторские права которой были нарушены. Данный тип конфликта нашел отражение в ряде публикаций, посвященных, например, судебным искам известного детского

писателя Э. Успенского, отстаивающего права на своих сказочных героев, имена которых используются в качестве эргонимов [Чернейко, 2002; Кара-Мурза, 2008 и др.]. В данной статье обратимся к двум потенциально конфликтным ситуациям в эргонимии и, соответственно, двум типам языкового конфликта, результатом которых является нанесение морального и/или экономического вреда: 1) организации, 2) социальной группе.

Наиболее заметные из них нашли отражение в средствах массовой информации, размещенных в сети Интернет: *Коммерсантъ-Daily*, *Деловой вестник*, *Еженедельный журнал*, *Независимая газета*, *Маркер*, *Судья* и др. Помимо информации, размещенной в данных изданиях, при анализе комментариев к событиям, происходящим вокруг спорных эргонимов, использовались материалы следующих интернет-сайтов: slon.ru>russia/shashlychnaya_antisovetskaya..., apn.ru>column/article21986.htm, <http://lenta.ru/articles/2010/07/22/sberbar>, <http://www.sostav.ru/news/2010/07/22/n1/> и др. Всего было проанализировано более 1000 контекстов, в которых фиксируются и обсуждаются конфликтные ситуации вокруг эргонимов. Общедоступность данных материалов позволяет исследователю увидеть и проанализировать особенности и стадии протекания языковых конфликтов выделенных видов.

На данных примерах языковой конфликт в эргонимии рассматривается как особое коммуникативное событие, протекающее во времени и имеющее четкую структуру, включающую конфликтную ситуацию (участники и объект конфликта, а также социальный контекст, препятствующий или способствующий его развитию) и стадии развития конфликта (зарождение, пик, спад, разрешение). Данное коммуникативное событие характеризуется массовостью (вовлечением большого количества участников) и использованием участниками конфликта определенных коммуникативных стратегий (обвинение, оправдание, угроза, упрек, оскорбление).

Первый вид конфликта связан с нарушением статьи закона, запрещающей одинаковые и похожие названия [ГКРФ, ст. 1474]. Обозначим его как экономический. В этом случае именуемый субъект создает эргоним, внешне напоминающий давно существующее и широко известное название. Ответная реакция собственников известного бренда создает конфликтную ситуацию. Особенности протекания конфликта первого типа являются общими для всех стран с развитой экономикой и законодательством (см., напр.: [Leblank, 2008]).

В большинстве случаев разрешение подобных конфликтов проходит в судебном порядке. Наиболее громкие судебные разбирательства находят

отражение в СМИ, и конфликт выходит за рамки судебного заседания, получает широкий общественный резонанс. В России подобная практика разрешения конфликтных ситуаций появилась сравнительно недавно, в период становления и развития рыночных отношений — в середине 1990-х годов. Газета «Коммерсантъ-daily» одной из первых стала подробно информировать о ходе подобных процессов. Например, в публикациях 1996 г. сообщалось о судебных конфликтах между *Инком-банком* и фирмой *Инком*, между банками *Платинум* и *Платина*, между фирмами *Весь Петербург* и *Весь Санкт-Петербург*. Характерно, что в большинстве подобных случаев наблюдается ситуация статусного и экономического неравенства между участниками конфликта. Победителями в судебных спорах практически всегда выходят более известные и авторитетные фирмы, названия которых прочно закреплены в языковом сознании жителей современной России.

В начале 2000-х годов в России была создана Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭ-ДИС), одной из задач которой является «защита исключительных прав на словесные и комбинированные товарные знаки и иные наименования как средства индивидуализации» [Бельчиков, Горбаневский, Жарков, 2010, с. 37—39]. Однако на сегодняшний день практика лингвистической экспертизы по вопросам тождества или сходства эргонимов в нашей стране незначительна. Опыт наблюдений за протеканием конфликтов вокруг эргонимов в России показывает желание его участников избежать судебного разбирательства, иногда бывает достаточно только угрозы обращения в судебные органы, чтобы конфликтная ситуация разрешилась в пользу инициатора конфликта (как правило, более известной фирмы).

Типичным примером является конфликт между Сбербанком и расположившимся рядом с одним из его московских отделений рестораном «Сбербар». Рассмотрим на данном примере структурные компоненты и особенности протекания конфликта.

Участники конфликта. 1. Крупнейшая финансовая организация России «Сбербанк», основанная в 1841 г. В настоящее время это самая крупная кредитная организация в России, имеющая 20 тыс. отделений по всей стране. В начале текущего года бренд Сбербанка оценивался в 11,7 млрд долл. Специалисты журнала “The Banker” и компании “Brand Finance” в феврале 2010 г. поставили его на 15-ю строчку в рейтинге самых дорогих банковских брендов. Бренд Сбербанка является хорошо

узнаваемым практически на всей территории России. 2. Небольшое семейное предприятие «Сбербар». Идея названия появилась, по словам предпринимателей, спонтанно, в беседе с друзьями. Фирменный стиль, логотип и дизайн заведения оказались их собственным изобретением, никакие рекламные агентства в процессе создания нового бренда не участвовали. Товарный знак «Сбербар» был официально зарегистрирован, для запуска корпоративного сайта в доменных зонах было зарегистрировано имя *sberbar*.

Предмет конфликта. Эргоним «Сбербар» — искусственное имя собственное, при создании которого использовались элементы языковой игры, основанной на фонетическом сближении с названием известного банка. Первая часть названия не имеет расшифровки. Для сравнения: первая часть названия «Сбербанк» является усеченной формой прилагательного «сберегательный» — «относящийся к хранению вкладов, сбережений» [СРЯ. Т. 4, с. 32]. Невербальная часть бренда «Сбербар» также является стилизованной под символику «Сбербанка». Фирменный цвет вывески на контрасте с зеленым — красный, из логотипа сделана рюмка, сходные шрифты, вместо слогана Сбербанка «Всегда рядом» у Сбербара — «Еда рядом». Здесь мы также имеем дело с языковой игрой, основанной на фонетическом и ритмическом сходстве этих двух слоганов. Языковую игру продолжает информация о режиме работы ресторана, стилизованная под банковскую терминологию: «обслуживание физических лиц с понедельника по воскресенье с 12 до 24 часов». Юмористически стилизовано и название бонусной карты ресторана — «собирабельная книжка» (аллюзия на «сберегательную книжку» — традиционный способ хранения денежных накоплений российских граждан в Сбербанке). Очевидное сходство словесных и визуальных частей брендов, двух организаций совершенно разного профиля и стало предметом раздумий о законности и креативности такого заимствования.

Развитие конфликта происходило в несколько этапов.

1. Публикации в прессе. 21 июля рекламный портал AdMe поделился с читателями фотографиями одного московского ресторана, который должен был вскоре открыться. После открытия буквально за три дня его описали все средства информации не только России, но и СНГ.

2. Обсуждение на сайтах, форумах, комментарии владельцев Сбербара. Оживленная дискуссия после 5 дней запуска материалов о ресторане в Интернете привела к тому, что при запросе в поисковике Google

слова «Сбербар» находилось более 20 тыс. совпадений. Комментарии владельца бренда «Сбербар» можно квалифицировать как речевой жанр «оправдание»: *Есть ошибочное мнение, что мы заимствовали знак. Но мы не заимствовали, мы использовали идею контраста. Дизайн, цвета и логотип придумали самостоятельно. Мы хотели только продемонстрировать Сбербанку, как можно привлечь к нему молодежную клиентуру, планировали предоставлять скидки сотрудникам Сбербанка и устраивать корпоративы. Однако журналисты «раздули шумиху» и помешали осуществить идею* (<http://www.sostav.ru/news/2010/07/22/n1/>).

Примечательно, что руководство Сбербанка от комментариев отказалось.

3. Переговоры между представителями Сбербанка и Сбербара, в ходе которых юристы банка предъявили претензии владельцам ресторана. Они настаивали на том, что название ресторана до степени смешения похоже на название банка, что нарушает ст. 1474, п. 3 ГК РФ. По словам владельцев Сбербара (руководство Сбербанка по-прежнему воздерживалось от комментариев), на переговорах звучали угрозы обращения в суд со стороны Сбербанка. По российскому законодательству, неправомерное использование товарного знака может грозить нарушителю не только денежным штрафом, но и лишением свободы.

Разрешение конфликтной ситуации. В марте 2011 г. ресторан переименован в «Депозитарий». Однако выбор новой номинации из тематического ряда банковской терминологии по-прежнему демонстрирует близость Сбербанку. Кроме того, владельцы ресторана сохраняют прежнюю концепцию. В интерьере по-прежнему присутствует банковская тематика: двери — в виде банковских сейфов, денежные деревья, портреты из купюр, картины с историями монет, «собирабельная книжка» для постоянных клиентов. Очевидно, владельцев Сбербанка такое разрешение конфликтной ситуации устроило, что подтверждает приоритет в составе комбинированного бренда вербальной составляющей.

Таким образом, смены названия при сохранении символики и общей концепции для разрешения данной конфликтной ситуации было вполне достаточно.

Второй вид языкового конфликта связан с нарушением статьи закона, запрещающей использование в названии обозначений, противоречащих общественным интересам, а также принципам гуманности и морали [ГК РФ, ст. 1478]. Обозначим его как социально-политический. В этом случае новый эргоним оскорбляет чувства определенной части языково-

го коллектива, которая становится инициатором конфликта. В результате конфликт выходит за экономические рамки и эргоним становится предметом идеологических споров. Особенности протекания конфликта второго типа полностью согласуются с термином А.П. Сковородников «зоны лингвоэкологической чрезвычайной ситуации» [Сковородников, 2000], имеют национально-культурную специфику и зависят от традиций и политических настроений в данном обществе и в данное время.

Типичным примером конфликта второго типа в России являются акции протеста ветеранов против открытия в Москве шашлычной «Антисоветская». В данном случае также четко выделяются структурные составляющие и особенности протекания конфликта.

Участниками конфликта являются: 1) Совет ветеранов Москвы при поддержке префектуры Северного округа Москвы, Совета по развитию гражданского общества при Президенте России; 2) владельцы небольшой шашлычной «Антисоветская», стилизованной под советскую эпоху. Владелец поддержали представители творческой интеллигенции, которые сделали шашлычную своим литературно-художественным клубом.

Предмет конфликта — шашлычная «Антисоветская», открытая напротив гостиницы «Советская». Название создано с использованием языковой игры, основанной на сопоставлении двух прилагательных-антонимов. Отметим, что в русском языке прилагательное ‘советский’ имеет эмоционально-нейтральное значение ‘относящийся к Советскому Союзу, возникший в Советском Союзе’ [СРЯ, Т. 4, с. 175]. Как известно, в советское время это прилагательное использовалось в качестве имени собственного для обозначения многих объектов (населенных пунктов, промышленных предприятий, средств массовой информации) как в изолированном виде, так и в составе словосочетаний («Советская Россия», «Советский спорт» и т.п.). При этом антоним данного прилагательного ‘антисоветский’ имеет эмоционально-оценочное значение ‘направленный против Советского Союза, враждебный ему’ [СРЯ. Т. 1, с. 41]. Данное слово в языковом сознании многих представителей старшего поколения России сохраняет негативные коннотации. Это делает практически невозможными понимание и принятие определенной частью общества языковой игры владельцев шашлычной, которые, однако, при выборе названия руководствовались не идеологическим, а топографическим мотивом (расположение напротив гостиницы «Совет-

ская»). Кроме того, именно такое неофициальное название имело это безымянное заведение общественного питания в советское время. Под этим названием шашлычную знали многие москвичи.

Развитие конфликта происходило в несколько этапов.

1. В сентябре 2009 г. к префекту Северного округа Москвы обратился некий авторитетный ветеран, который проживает рядом с шашлычной. Он вручил ему письмо за подписью еще нескольких ветеранов, где они выражали недовольство названием «Антисоветская», которое, по их мнению, оскорбляло людей старшего поколения.

2. Через несколько дней начальник управы района в сопровождении двух чиновников ворвался в помещение ресторана и потребовал немедленного демонтажа вывески. Требование сопровождалось угрозами (обещанием административных инспекций с заранее озвученной суммой штрафов, проверок со стороны пожарников, СЭС, милиции и прочих карательных мер), что нарушает экологичность общения и относится к противозаконным методам давления. Беседа проходила на повышенных тонах в присутствии посетителей, которые стали покидать шашлычную.

3. Представители творческой интеллигенции Москвы (актёры, писатели, режиссёры, журналисты) написали открытое письмо префекту Северного округа Москвы, в котором заверили, что «создатели шашлычной не имеют намерений задеть чувства пожилых коммунистов и придать идеологическую окраску своему заведению», а также попросили «разобраться в этой нелепой ситуации» ([arh.ru>column/article21986.htm](http://arh.ru/column/article21986.htm)).

4. Была проведена встреча префекта с жителями Северного округа Москвы, в которой приняли участие представители общественных организаций. Владельцам шашлычной было указано на несоблюдение закона [ГКРФ, ч. 4, ст. 1478, п. 5]. Ответ владельцев шашлычной можно также квалифицировать как речевой жанр оправдания, которое, однако, не было услышано: *Не подумайте, покушения на основы в названии нет. Заведение расположено напротив гостиницы «Советская», и это название прижилось в народе еще при Советской власти. Шашлычная «Антисоветская» открылась для того, чтобы москвичи имели возможность вспомнить свою юность, возродить в своей памяти то, что связано со старой Москвой, с ощущениями тех лет. На стенах новой шашлычной висят портреты ее знаменитых завсегдацев, сюда приходят известные артисты, писатели, музыканты* ([slon.ru>russia/shashlychnaya_antisovetskaya](http://slon.ru/russia/shashlychnaya_antisovetskaya)).

5. В СМИ, на интернет-сайтах и форумах появилось большое количество материалов как в поддержку, так и против названия шашлычной. Высказанные мнения выходили за рамки обсуждения конкретного эргонима. Дискуссия носила ярко выраженный агональный общественно-политический характер с противоборством сторон, угрозами и оскорблениями в адрес ветеранов: *Вы банда коммунистических преступников, которые пытались погубить нашу страну, а потом сумели счастливо избежать суда и наказания. Теперь вы опять всплываете на поверхность, чтобы оправдать свое прошлое. Советское прошлое — кровавое, лживое и позорное* (Еженедельный журнал. 29.09.2009).

Подобные высказывания провоцировали новые угрозы обращения в суд, на этот раз с целью защиты чести и достоинства советских ветеранов.

Кроме того, название шашлычной спровоцировало острую политическую полемику, демонстрирующую негативное отношение к номинациям советского времени: *Нормальные, казалось бы, люди покорно и не брезгливо живут в мире советских символов и названий. Читают «Комсомольскую правду», работают в «Московском комсомольце», играют в театре «Ленинского комсомола», живут на Ленинском проспекте и даже не просят его переименовать. Какая разница, говорят они, как называться. Действительно, жить в чистоте или в грязи — какая разница?!* (Там же).

Наконец, родовой термин «шашлычная», в семантической структуре которого присутствует коннотативный компонент «место общественного питания, в котором пьяные люди выясняют отношения», употреблялся как развёрнутая метафора для характеристики морально-нравственного облика целой страны: *Шашлычная «Антисоветская» явила все ничтожество русского общества. Это не общество, господа, а шашлычная. С пьяными всхлипами и стонами: «Ты меня уважаешь?» — «Нет, мразь!» — «Сам ты мразь!» А далее все развивается по законам гоп-общепита: попытка выяснить вопрос мордобоем, бегство одной из сторон, самоорганизация обиженных на уровне двора, района, города с целью раз и навсегда разобраться с «мразью» и потребовать от нее «уважения». <...> Сколь ни комично выглядит вся история, она свидетельствует, что консолидации в обществе нет. За декоративным фасадом России, вставшей с колен, — все та же рухлядь невыясненных отношений с прошлым, а соответственно — трудности самоидентификации* (Независимая газета. 09.10.2009).

Разрешение конфликта. Ветераны Москвы добились демонтажа вывески, но название и заведение предпринимателям удалось отстоять. Шаш-

лычная продолжает работать, там регулярно проводятся концерты и литературные вечера. Меню, визитки и интерьер шашлычной, стилизованные под советскую символику, не изменились.

Приведенный пример демонстрирует особую значимость при разрешении конфликта данного типа не только вербальной составляющей бренда, но и экстерьера, формирующего облик современного города. При этом интерьер того или иного заведения, концептуально связанного с именем скандального эргонима, может оставаться неизменным.

Следует отметить формирование некоей закономерности, повторяемости подобной конфликтной ситуации в современной России. Например, конфликт вокруг пивного ресторана «Хенде Хох» в Санкт-Петербурге в феврале — апреле 2010 г. проходил по тому же сценарию: выступления ветеранов против вывески с таким названием, поддержка ветеранов общественными организациями города и губернатором В. Матвиенко, попытка владельцев ресторана опровергнуть обвинения в непатриотичности и безнравственности, обращение общественных организаций в экспертную комиссию по вопросам нравственной социальной информации, решение о демонтаже вывески, которая, по заключению экспертов, «оскорбляет память ветеранов Великой Отечественной войны, может провоцировать асоциальное поведение подростков, выражена в приказной форме, что недопустимо для рекламной вывески» (<http://www.nssi.ru/documenty/hende-hoh9.doc>).

Таким образом, языковые конфликты в эргонимии могут принимать разные формы в зависимости от существующего законодательства, основных участников, степени их известности и авторитетности в российском обществе, особенностей освещения протекания и результатов данного конфликта в СМИ. Возникновение подобных конфликтов в современном российском обществе может быть обусловлено как экономическими, так и социально-политическими мотивами. В последнем случае наблюдается наиболее драматичное развитие конфликтной ситуации, выходящей за рамки обсуждения спорного эргонима.

Данный подход к материалу имеет практическое значение, т. к. помогает проследить ситуации риска и показать пути выхода из подобного рода конфликтов. Кроме того, дальнейшие исследования в данном направлении представляются перспективными не только для лингвоэкологии, но и для теории ономастики, поскольку способствуют выявлению способов решения задач, связанных с присвоением имени новому объекту, показывают особенности речевого поведения именуемого субъекта и потенциального адресата.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ОКРАСКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ

Е.Н. Сердобинцева

Стремительное развитие научно-технической сферы деятельности современного человека приводит к столь же стремительному росту ее вербальной обеспеченности, т.е. терминологии. Тщательный подход к созданию терминов заключается в следовании выработанным параметрам (однозначность, дефиниция и др.) для успешного функционирования в научной коммуникации. Однако параллельно официальным терминам в научно-производственной сфере постоянно существуют и активно функционируют неофициальные номены — профессионализмы.

Противопоставление терминов и профессионализмов происходит по нескольким признакам, одним из которых является эмоциональная окраска в семантике. Считается, что в значении термина не должно быть эмоциональных сем, потому что он официален и объективен, а эмоциональность — субъективная категория. «Термин точен и холоден, и сфера экспрессии для термина в пределах терминологии внеположена», — говорит А.А. Реформатский [Реформатский, 1961, с. 52]; «...в слове-термине на первый план выступает его объектное значение, субъектное же, оценочное, или вообще снято, или затушевано», — считает Б.Н. Головин [Головин, 1980, с. 7]; «...эмоционально-экспрессивная нейтральность, неотмеченность составляет второе неперемнное свойство любого термина. Эмоционально-стилистические качества термины приобретают лишь в несобственных условиях и контекстах их употребления», — пишет А.И. Моисеев [Моисеев, 1970, с. 138]; (см. также: [Капанадзе, 1965; Квитко, 1976; Лейчик, 1973]).

Однако человек не способен жить в мире без эмоций [Tomkins, 1962, 1963; Izard, 1971, 1972; Schachtel, 1959]; смысл его существования имеет аффективную, эмоциональную природу; эмоции сопутствуют человеку всю его жизнь с самого рождения, помогая устанавливать коммуникативные и социальные отношения с миром. «Эмоции необходимы для выживания и благополучия человека» [Годфруа, 1992, с. 22], они обеспечивают различные виды мотивации, специфические поведенческие реакции, необходимые для успешного взаимодействия с окружающей средой и успешной адаптации в ней.

Язык, отражая объективную действительность, содержит многообразные и разноуровневые средства, выражающие эмоциональность. В струк-

туре языкового знака эмоции относятся к коннотациям и на языковом уровне трансформируются в эмотивность. Эмоционально окрашенная лексика реализует различные интенции человека, удовлетворяя важные потребности коммуникации, в том числе и профессиональной. И в этом выражается экологическая функция данной лексики.

Эмоции — это особая форма отношения к предметам и явлениям, обусловленная их конгруэнтностью/неконгруэнтностью потребностям человека. Эмоции являются субъективной формой оценки предметов и явлений действительности (что делает неразрывными категории оценочности и эмоциональности в лингвистике), они тесно связаны с потребностями человека, которые лежат в основе мотивов его деятельности. Наиболее важной особенностью эмоций является то, что они соотносятся именно с деятельностью. Порождение речи в рамках коммуникации чаще всего основывается на психологическом статусе действия, входящего в неречевую деятельность, мотив которой лежит в основе деятельности в целом. Таким образом, мотивационная сфера человека определяет эмоциональную окраску фона его деятельности.

В науке существуют самые разные точки зрения на эмоции: исследуя поведение, можно обойтись без понятия «эмоция» [Duffy, 1962; Lindsley, 1957]; эмоции образуют первичную мотивационную систему человека [Tomkins, 1962, 1963; Izard, 1971, 1972]; эмоции — это кратковременные преходящие состояния; человек постоянно находится под влиянием каких-либо эмоций [Schachtel, 1959]; эмоции разрушают и дезорганизуют поведение человека и являются основным источником психосоматических заболеваний [Arnold, 1960; Lazarus, 1968; Young, 1961]; эмоции играют позитивную роль в организации, мотивации и подкреплении поведения [Izard, 1971, 1972; Leeper, 1948; Mowrer, 1960; Rapaport, 1950; Schachtel, 1959; Tomkins, 1962, 1963]; эмоции выступают в роли пусковых механизмов когнитивных процессов; смысл нашего существования имеет аффективную, эмоциональную природу; научение идет через переживание — это важнее, чем просто накопление информации; эмоции сопутствуют человеку всю его жизнь с самого рождения, помогая ему устанавливать коммуникативные и социальные отношения с миром (Leeper, Mowrer, Rapaport, Schachtel). Невозможно понять человека и его взаимоотношения с окружающим миром, обходя вниманием эмоции, — замечает исследователь эмоциональной сферы человека К.Э. Изард [Изард, 1999].

Одним из первых о важной роли эмоций заговорили Липер [Leeper, 1948], ведущий специалист по теории личности, и Маурер [Mowrer, 1960], выдающийся специалист по психологии научения. Маурер утверждал, что «эмоции являются одним из ключевых, фактически незаменимых факторов в тех изменениях поведения или его результатов, которые мы называем “научением”» [Mowrer, 1960].

Итак, эмоция — это психический процесс, который мотивирует, организует и направляет восприятие, мышление и действия. Таким образом, мышление и эмоции неразрывно связаны друг с другом и, вербализуясь, выполняют экспрессивную функцию языка [Шаховский, 1983, с. 10].

Средства, выражающие эмоциональность, представлены разноуровневыми единицами в достаточно большом количестве. Широко известно изречение В. фон Гумбольдта, что язык как деятельность человека пронизан чувствами. Вопрос об эмоциональном факторе в языке вызывает активный интерес у современных лингвистов (Л.Г. Бабенко, В.Н. Гридин, В.А. Пищальникова, Ю.А. Сорокин, И.Г. Торсуева, В.И. Шаховский и др.). Разграничим терминологические понятия эмоциональности и эмотивности. Эмоциональность — категория психологическая, эмотивность — языковая. «На языковом уровне эмоции трансформируются в эмотивность» [Бабенко, 1989, с. 7]. Эмотивность отражается в семах.

В профессиональных наименованиях эмотивные семы присутствуют у более чем 80% слов. Трудно передать тонкие оттенки эмоций словами, не менее трудно точно определить эмотивные оттенки, заложенные в коннотативные семы слова. Поэтому мы не претендуем на абсолютно точное соотнесение эмотивной окраски, выделенной нами в слове, с эмоцией, существующей в действительности.

Среди эмотивных коннотаций в профессионализмах полиграфического производства нами выделены следующие группы слов с разными семами эмоций (объем слов с эмотивными семами составляет 81% от анализируемых профессионализмов полиграфии):

1) слова с семой пренебрежения составляют 48% (71 слово) от общего количества эмоционально окрашенной лексики: *моталка* — перемоточный станок; *клееварка* — цех подготовки клея; *бандурка* — плоскоотливной станок; *выключка* — фотонаборная программа; *гостировка* — выверка по ГОСТу;

2) пренебрежительно-ироничная окраска представлена в 2% (3) профессиональных номенов: *абракадабра* — подставка для календаря, отпечатанная в типографии; *фура* — металлическая форма для выброса обрезков; *сталкивать* — принимать готовые сторонки;

3) пренебрежительно-ласкательные семы выделены в профессиональных словах, составляющих около 3% (5): *каदेशка* — крышкоделательная машина КД; *передок* — передняя часть книги; *бепешка* — бумагоприклеивающий агрегат — БПА;

4) слова с пренебрежительно-презрительными семами — 2,7% (4): *сдир мелованный* — отрыв мелованного слоя; *фальшивые* — накладные линейки; *районка* — районная газета;

5) пренебрежительно-шутливое — 1,3% (2): *сверка* — вторая корректура; *сигнал* — сигнальный экземпляр;

6) слова с семами презрения составляют 1,3% (2): *болванка* — заготовка статьи до того или иного события, о котором пойдет речь;

7) окраска неодобрительности встречается в 6% профессиональных слов (9): *распечатка* — ростиск, неправильный спуск полос; *ляп* — ошибка;

8) ироническая окраска у 6,7% профессионализмов (10): *лист лысый* — незапечатанный лист; *рыба* — костяк материала; *приправа* — выравнивающая приставка у станка;

9) шутливо-ироническая окраска отмечена в 28 словах (19%): *бабаишка* — брусок, употребляемый при наборе для заполнения пустых мест; *шагрень* — рельефный рисунок; *шишка* — лепесток на бумаге; *дорога* — машина для прессования книг; *последушка* — ответ на критику в газете;

10) шутливые семы выделены в 17% номенов (25): *хвостик* — нижний край книги; *пяточок* — место для подачи рулонов бумаги; *усики* — типографский знак; *свежая голова* — дежурный по номеру газеты, читающий ее после редактора; *фонарик* — боковая часть станка;

11) шутливо-ласкательная окраска выделена у 0,7% профессиональных слов (1): *боковушка* — подзаголовок, вынесенный за формат полосы;

12) ласкательные семы встретились в 2% (3) профессиональных наименований полиграфии: *страничка* — полоса; *перфоленточка* — перфорационная лента; *головка* — верхнее поле;

13) эмоция сожаления — у 0,7% полиграфических профессионализмов (1): *голова зарезана* — испорчен край книги;

14) уважительная эмоциональная окраска — 0,7%: *экипаж* — шрифт наборной доски.

Количественно преобладают слова с семой пренебрежения — 58%, затем идут слова с шутливыми коннотациями — 43%. Меньше всего слов с иронической (6,7%) и неодобрительной (6%) эмоциональной окраской.

Вспомним значения слов, которые называют конкретные эмоции, наиболее выраженные в процентном отношении среди полиграфической профессиональной лексики. «Пренебрегать» — значит проявлять высокомерно-презрительное отношение, относиться без должного уважения к кому- / чему-либо. «Шутливый» — имеющий характер шутки. Одно из значений слова «шутка» — «то, что говорят, делают не всерьез; поступки, дела, слова, к которым нельзя относиться серьезно» [ССРЛЯ, 1961, с. 243].

Любая эмоция выполняет особые мотивационные и адаптивные функции. «Каждая из эмоций работает на нас и для нас, и то, что она делает, обычно идет на пользу» [Изард, 1999, с. 66].

Эмотивная семантика профессионализмов отражает особенности отношений в процессе полиграфического производства. В монотонности каждодневных действий, в шуме автоматизированных процессов человек может легко устать и потеряться. На помощь ему приходят эмоции. Шутка нивелирует то, что пугает, подавляет, раздражает. Шутливые номинации выполняют функцию снятия напряжения в процессе трудовой деятельности. А «холодная» эмоция презрения помогает человеку почувствовать свое превосходство, свою значимость, ценность. Он находит возможность выисать себя над однообразием выполняемой работы. Адаптивная функция презрения заключается в возможности почувствовать себя сильным, способным к достижению цели, к победе. И все же негативное значение презрения очевидно: оно выражает дискомфорт, который испытывает человек на своем рабочем месте. Это должно быть сигналом к улучшению условий труда.

Эмоции, представляя важную часть человеческой жизнедеятельности, отражаются в эмотивных семах, которые помогают человеку существовать в повседневной реальности, частью которой является профессиональная деятельность. Последняя часто представляет собой не только преодоление сложных технологических процессов, но и опасность для жизни (в период сбора материала на полиграфическом комбинате производственные травмы были не редкостью, например, «зазевавшемуся» рабочему станок отрезал руку). Эмотивность профессионализмов разрушает усыпляющую монотонность официальной терминологической речи, выполняя, таким образом, экологическую функцию, позволяющую создать комфортные условия бытия человека.

Экология, рассматривающая проблемы сохранения среды обитания живых существ на планете Земля, в настоящее время вышла на передний край науки. В процессе развития в экологии выделились различные отрас-

ли, среди которых — социальная экология, интересующаяся взаимодействием человека с окружающей средой. Человек проявляет себя в континууме реальности через язык, поэтому закономерным является возникновение лингвоэкологии, в задачи которой входит изучение взаимодействия и взаимовлияния человека, языка и действительности, что и отражено в проведенном исследовании.

Выводы из анализа коннотативных сем профессиональной лексики подтверждают необходимость выделения нового научного аспекта лингвоэкологии — эмотивного. Целью эмотивной лингвоэкологии, на наш взгляд, должно стать наблюдение за эмотивной эффективностью вербальной коммуникации людей (хотя бы в официальных речевых ситуациях) и формирование лингвоэмотивной компетенции языковой личности [Шаховский, Солодовникова, 2009; Шаховский, ИONOва, 2012] для создания эффективной и гармоничной среды обитания человека.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ АСИММЕТРИЯ ИНВЕКТИВНОЙ ЛЕКСИКИ

Н.А. Сребрянская

Условия, традиции и обычаи коммуникативного поведения в России сегодня таковы, что заставляют вновь и вновь обращаться к лингвистическому анализу инвективной лексики. Ученые констатируют психологический дискомфорт в обществе и нервную напряженность российского социума. Это не может не отразиться в нашем языке, и мы попадаем, таким образом, в агрессивную среду, что чрезвычайно опасно для молодежи. «Языковое “излучение”, в котором мы вольно или невольно оказываемся, становится опасным для психического здоровья конкретного человека и нации в целом. Речевые характеристики, если смотреть на них через оптику психолога, показывают рост социальной нормативной неопределенности, которая, в свою очередь, приводит к высокой степени тревожности в обществе и невротизму. Агрессия — одна из ведущих защитных форм поведения, когда не человек владеет языком, а язык овладевает человеком» [Асмолов, 2012]. В семиотической знаковой системе начинает доминировать язык криминальных слоев общества, он пронизывает речь каждого россиянина, начиная от ребенка и кончая министрами, депутатами и лидерами нации. Фраза ‘мочить в сортире’ уже стала классической. Оскорбительная вульгарная лексика, употребляемая открыто в средствах СМИ, и

высказывания «звезд» в защиту «свободы самовыражения» не могут не вызвать беспокойства.

Сегодня приходится констатировать еще одно явление в речи российской молодежи — охотное употребление английской ненормативной лексики. ‘Fuck’ и ‘shit’ с радостью употребляют даже девушки.

Вышеуказанные явления приводят к тому, что люди становятся в речи беспощадны друг к другу, не задумываясь о том, что слово может очень больно ранить. Вероятно, несколько десятков лет тому назад невозможно было предположить появление такой науки, как экологическая лингвистика, призванная защитить уши и душу человека. Инвективы являются непосредственным материалом изучения эколлингвистики. Инвективная лексика обладает рядом особенностей.

1. Она динамична и развивается во времени. Вспомним ситуацию в «Case о Форсайтах» Дж. Голсуорси, когда Флер Форсайт подает иск в суд на основании того, что ее в частном разговоре (!) обозвали выскочкой (!): *... в октябре прошлого года, будучи в гостях у миссис Монт, в разговоре с мистером Филипом Куинси вы назвали хозяйку дома ‘выскочкой’?* [Голсуорси, 1973, с. 432]. Сегодня на слово ‘выскочка’ никто не реагирует. Опрос современной молодежи на предмет оценки персонажей и ситуаций из художественной литературы XIX—XX вв. демонстрирует нам значительное изменение критериев морали и нравственности, снижение чувствительности в отношении бранных слов и непорядочности [Сребрянская, 2005, с. 222—269].

2. Инвектив для адресата и адресанта эмоционально и эмотивно асимметричен. Адресант, высказываясь, облегчает свое эмоциональное состояние, происходит его разрядка, он «спускает пар», что, по мнению психологов, положительно для его здоровья. Адресат же, наоборот, испытывает оскорбление, унижение, гнев, что разрушительно сказывается на его здоровье.

3. Очень многие слова, не являющиеся бранными, могут стать инвективами, будучи употребленными адресативно с намерением оскорбления и в соответствующей синтаксической конструкции: *Ишь, какой умный/красивый/грамотный/сердобольный/трудолюбивый/гордый и пр.* Это создает определенные трудности для лингвистической экспертизы. Известен случай проведения нескольких судебных лингвистических экспертиз для установления факта оскорбления/неоскорбления словом ‘фашист’ (‘агрессор’, ‘захватчик’, ‘особо жестокий убийца’ vs ‘член соответствующей молодежной организации’). В настоящее время разрабатываются признаки оскорбительности с учетом специфических синтаксических конструкций: *что за + оскорбительное слово; ну и + оскорбитель-*

ное слово; какой + оскорбительное слово; вот + оскорбительное слово; ты + оскорбительное слово.

4. Оскорбление может быть преднамеренным и непреднамеренным, осознанным и неосознанным. В последнем случае можно говорить о полной асимметрии эмоций, которая может выражаться, с одной стороны, полным отсутствием таковых, с другой стороны, бурей эмоций. Вспоминается эпизод начала 1990-х годов, когда автору данной статьи пришлось в присутствии группы американских студентов, школьников и их преподавателей вести переговоры по телефону с руководством завода, в чьем ведении находилась городская футбольная команда «Факел». Требовалось урегулировать вопрос размещения группы американцев на турбазе завода, где руководство завода предполагало разместить футболистов «Факела». Во время телефонных переговоров можно было заметить, что американцы стали как-то странно реагировать: одни краснели, другие хохотали, третьи смущенно хихикали или опускали глаза. Их эмоции были ярки и разнообразны, у говорящего же эмоций было ноль: в тот момент говорящий не думал о том, как звучит для американского уха название «Факел».

5. Непреднамеренное и даже неосознанное оскорбление может иметь место в кросс-культурной коммуникации, когда говорящий не вполне знает все значения и коннотации слова, но употребляет его в общении с иностранными коммуникантами.

Последняя особенность является предметом нашего рассмотрения. Нам хотелось бы обсудить некоторые типы лексики, которые в английском языке являются инвективами, а русские их соответствия — это нейтральные слова. Подобная асимметрия может привести к ряду проблем, прежде всего коммуникативных и переводческих. В свою очередь, незнание семантических и прагматических нюансов английской инвективной лексики говорит о необходимости ее изучения. Слово, являющееся или потенциально способное быть оскорблением, в последнее время находится в поле зрения представителей многих наук и профессий — психологии, лингвистики, юриспруденции, переводоведения, педагогики. Вопрос национально-культурной асимметрии инвективной лексики непосредственно связан с проблемами коммуникации, перевода, национальной специфики культуры, прагматическими аспектами словоупотребления, а также с экспрессивностью речи, выражением эмоций и эмотивностью лексики.

Полагаем, что проблема непреднамеренного оскорбления в речевом акте требует внимательного рассмотрения, при этом кросс-культурная асимметрия лексики в коммуникативном аспекте заслуживает особого внимания.

Изучение иностранного языка как средства общения неразрывно связано с изучением общественной и культурной жизни стран и народов, говорящих на этом языке. Прагматическими аспектами речевого общения занимается кросс-культурная прагматика, инструментом которой является сопоставительный анализ отдельных принципов, характеризующих коммуникативную деятельность, и соответствующих культурных сценариев.

Среди наиболее важных и при этом противоречивых в культурном отношении прагматических принципов необходимо отметить принцип вежливости. Кросс-культурные различия проявляются, в частности, в том, какой тип вежливости — основанный на солидарности или поддержании дистанции — характерен для данной культуры. Так, русские могут казаться американцам и европейцам невежливыми, навязчивыми и даже грубыми из-за того, что принцип солидарности с коммуникантом побуждает их к тому, чтобы дать совет и указание в тех случаях, когда европейская коммуникативная культура, уважающая принцип автономности и дистанции, рассматривает это как навязчивость и вторжение в личные дела, неуважение чужого мнения. Различия в принципах вежливости/невежливости в разных культурах могут проявляться не только в речевом поведении или паралингвистических факторах, но и в **культурном фоне** употребляемых слов, под которым мы понимаем возможные сферы употребления слова, всю палитру его значений, оценочные и эмотивные коннотации, стилистическую отнесенность, возможные ассоциации с ситуацией или известным лицом, употребившим конкретное слово, возможную прецедентность.

Межкультурная коммуникация имеет ярко выраженный прикладной характер. Это не только наука, но и набор навыков, которыми можно и нужно владеть. И в первую очередь эти навыки необходимы тем, чья профессиональная деятельность связана с взаимодействием с разными культурами, когда ошибки и коммуникативные неудачи приводят к провалам в переговорах, неэффективной работе коллектива, социальной напряженности.

Нередко коммуникативные неудачи связаны с «подводными камнями» в сфере инвективов, связанных с семантической и культурной асимметрией некоторых, на первый взгляд, нейтральных слов. Если коммуникант не знает культурного фона употребляемых им слов, то можно ожидать коммуникативных неудач или даже конфликтных ситуаций. Как следствие, можно ожидать и эмоциональной асимметрии в ситуации, когда один собеседник оскорблен, а второй не подозревает о нанесенном им оскорблении. В английском языке существует ряд слов, представляющих

определенную трудность для русскоязычного коммуниканта по причинам а) несовпадения одного из значений английского полисемичного слова, являющегося вульгарным, с русским коррелятом; б) наличия резко негативных коннотаций у английского слова, отсутствующих у русского коррелята. Есть и другие причины, ставящие русскоязычного коммуниканта в сложное положение: в) отсутствие во многих популярных российских словарях информации о вульгарных значениях слова, его стилистической отнесенности и презрительных коннотациях; г) изучение в школе и вузе на уроках иностранного языка некоторых «коварных» слов только в одном, нейтральном значении.

Подтверждением может служить нашумевшее дело с группой «Pussy Riot». Если в первые дни после выступления девушек название группы переводили как «Восстание кисок», «Протест кисок», то со временем стали воздерживаться от перевода: во всех печатных изданиях, на радио и ТВ предпочитали употреблять англоязычное название группы. Причина в том, что слово ‘pussy’, помимо значения ‘киска’, имеет и другое значение, крайне вульгарное, и именно в данном значении это слово прежде всего воспринимается носителями английского языка. В прессе промелькнул вариант перевода — «Бунт гениталий», но он прошел почти незамеченным. Следует отметить, что данный перевод не является точным, т.к. стилистически не соответствует вульгарному оригиналу. При точном переводе название группы будет звучать оскорбительно для слуха любого человека.

Таким образом, подобное слово, даже не будучи употребленным адресативно, а всего лишь публично, является инвективом. Парадокс заключается в том, что это слово встречается в российских учебниках и детских книжках по английскому языку, почти все российские учащиеся, изучавшие английский язык в школе, учили стихотворение *Pussycat, pussycat, where have you been?* Наши дети свободно употребляют слово *pussy*.

После нашумевшей истории с панк-группой всем стало ясно, что это слово лучше не употреблять; возникли вопросы, учить ли детское стихотворение в школе, много ли еще таких коварных слов; изучать или не изучать подобные случаи семантической и культурной асимметрии в школе и вузе.

Актуальность исследования подобных «подводных камней» объясняется необходимостью изучения проблем коммуникации и путей ее оптимизации. Решение проблемы вызывает определенные этические, лингвистические и педагогические вопросы, о которых будет сказано ниже.

До последнего времени на уроках английского языка не делались оговорки о стилистической отнесенности слова. Дети не подозревали об оскорбительном характере изучаемого и употребляемого ими слова. Мы хорошо помним обсуждение проблем негров в США на уроках английского языка, в ходу было только слово ‘negro’, слова ‘Afro-American’ и ‘national minorities’ не входили в школьную программу изучения иностранного языка, как и само понятие политкорректности. Следует сказать, что и в настоящее время во многих школах дети, рассказывая о страноведческих особенностях США, употребляют только слово ‘negro’. Стоит только представить, к чему может привести употребление этого слова в беседе с американцами! Это слово учащиеся продолжают употреблять и в вузе. Вывод неутешителен: в российских учебных заведениях не учат политкорректности, не говорят о негативных эмотивных коннотациях слова. А ведь упоминание негров в переписке с американцами в компьютерной коммуникации вполне реально! Русскоговорящие школьники в силу того, что англоязычные слова изучены не в полной мере, иногда не отдают себе отчета в их истинном значении, не видят разницы между мнимым и истинным переводами слова, не подозревают о его негативных коннотациях, что является одной из проблем коммуникации, понимания текста, перевода.

В речи адресант не только передает определенный объем информации для достижения своих целей, но и своим способом передачи, выбором тех или иных лексических единиц предоставляет дополнительные сведения. Эти сведения отражают сложившиеся стереотипы в обществе, социальные роли, доброжелательность, уважительность, враждебность, т.е. все то, что имеет отношение к установленным в обществе социальным нормам и процедурам их исполнения/неисполнения. Речь также является продуктом социальной жизни человека и, как социальное явление, детерминирована социальными правилами, следование которым приводит к достижению того результата, к которому стремится адресант при выборе речевых тактик, ведущих к успешной реализации поставленных целей. Таким образом, успешность достижения коммуникативного результата зависит от соблюдения порядка следования социальным традициям. Кроме того, любой индивид, вступающий в беседу, ожидает от собеседника адекватного коммуникативного поведения, которое является частью единой социальной системы. Следовательно, адресант должен точно подбирать слова, чтобы не обидеть собеседника.

Оценочный компонент значения знака — это одобрительная или неодобрительная оценка, заключенная в нем. Оскорбление — иллюкутив-

ный речевой акт, принимающий вид речевого поведения, результатом которого является вынесение негативной оценки морального поведения или даже проступка адресата.

Инвективная лексика содержит одновременно и эмоциональный, и оценочный компоненты. Не всегда оскорбление наносится в грубой форме, и не всегда его легко распознать. Трудность при детекции оскорбления заключается в том, что рациональная оценка объекта речи связана с эмоциональными переживаниями и не всегда можно отделить оценку от эмоции. Обратим внимание и на эмоциональную асимметрию коммуникантов, столкнувшихся с «подводными камнями», т.е. лексемами, несущими оскорбление. Это оскорбление скрыто от одного из коммуникантов, для него слово (например, ‘pussy’) нейтрально. Для второго коммуниканта это слово крайне оскорбительно и вызывает бурю эмоций. Представим ситуацию, когда молодой человек, желая сделать комплимент девушке, произносит: *You are my pussy!*

Установлено весьма много форм оскорбления [Кусов, 2004]. Приведем лишь те, о которых более подробно речь пойдет ниже. Формами оскорбления принято считать использование в качестве характеристики лица:

1) обценных, нецензурных, заниженных слов (‘*ти...арас*’, ‘*долбо...б*’, ‘*ти...бол*’, ‘*мудило*’);

2) зоосемантических метафор, отсылающих к названиям животных и подчеркивающих какие-либо отрицательные свойства человека (‘*свинья*’ — нечистоплотность, неблагодарность, ‘*осел*’ — глупость, ‘*корова*’ — неповоротливость, ‘*черепаха*’ — медлительность, ‘*попугай*’ — отсутствие собственного мнения);

3) пренебрежительной лексики для идентификации лица по национальному или расовому признаку (‘*чукча*’, ‘*эскимос*’, ‘*пигмей*’, ‘*узкоглазый*’, ‘*чурка*’, ‘*черный*’ — негр, ‘*бульбаш*’ — белорус) [Там же, с. 123—127].

Обратим внимание, что оскорблениями являются слова с заниженной оценкой, в их числе зоонимы и этнонимы. Мы полагаем, что фитонимы, не упоминаемые Г.В. Кусовым, также заслуживают внимания при анализе оскорбительной, бранной лексики.

Большое разнообразие лексики для негативной характеристики личности объясняется относительной **стабильностью** этого слоя лексики, применяемой в обиходно-бытовой среде. По количественной представленности негативная лексика, характеризующая человека, имеет очень большие разряды слов, что объясняется их социальной **востребованно-**

стью. Эмоционально-оценочное значение имеют такие единицы, которые обозначают социально значимые признаки, представляющиеся коллективу отклонением от некоторой социальной нормы. При этом маркируется отклонение только в одну сторону — в сторону отрицательных, с точки зрения коллектива, качеств, свойств поведения.

Проблема заключается в том, что далеко не вся англоязычная оскорбительная лексика может восприниматься таковой, и прежде всего русскоязычным коммуниканом. Приведем упоминаемые выше разряды англоязычных единиц — зоонимы, фитонимы и этнонимы, которые могут представлять собой оскорбительную лексику. Эти английские слова весьма частотны в речи русскоговорящих людей. Они в большом количестве включены в англо-русский словарь В.К. Мюллера, который часто используется русскоязычными учащимися. Первое значение этих слов-«перевертышей» нейтрально; второе, инвективное, в указанном словаре отсутствует вообще. Первое значение приводится по словарю В.К. Мюллера, второе и последующие — по Англо-русскому словарю-справочнику табуизированной лексики и эвфемизмов под ред. А.Ю. Кудрявцева и Г.Д. Куропаткина.

1. **Зоонимы**, содержащие в одном из значений негативную оценку человека и грубую экспрессию неодобрения, презрения, пренебрежения:

ass — 1) осел; 2) зад;

ape — 1) обезьяна; 2) негр; 3) мужлан, громила, хам;

bird — (n) 1) птица; 2) физически привлекательная девушка; 3) любовник/-ница; 4) пенис; (v) заниматься петтингом;

dog — (n) 1) собака; 2) диарея; 3) распутная женщина; (v) совокупляться в определенной позиции, как собаки;

cat — 1) кот /-шка; 2) сварливая женщина; 3) ловелас; 4) женский лобок; 5) дешевая проститутка; 6) старая проститутка;

chicken — 1) цыпленок; 2) сексапильная молодая женщина; 3) любовница /-ник; 4) гомосексуалист-проститутка;

cow — 1) корова; 2) неуклюжий, глупый, надоедливый человек; 3) некрасивая, толстая, 4) неряшливая женщина; старая проститутка;

frog — 1) лягушка; 2) презерватив;

hog — 1) боров, свинья / *pig* — 1) свинья; 2) женщина легкого поведения, дешевая проститутка; 3) безобразная толстая женщина; 4) венерический шанкр;

horse — 1) лошадь; 2) проститутка; 3) ее клиент;

louse — 1) вошь; 2) отвратительный, мерзкий человек;

mouse — (n) 1) мышь; 2) физически привлекательная женщина; 3) любовница; 4) пенис; (v) заниматься петтингом;

shrew — землеройка; 2) сварливая женщина;
snake — 1) змея; 2) сексапильная женщина; 3) бабник;
squirrel fever — 1) беличий жар; страсть, сексуальное влечение.

2. **Фитонимы**, содержащие негативную оценку человека и грубую экспрессию неодобрения, презрения, пренебрежения:

apple — 1) яблоко; 2) сексуальная привлекательность;

apples — 1) яблоки; 2) яички; 3) женская грудь;

banana — 1) банан; 2) физически привлекательная мулатка или светлокожая негритянка; 3) (vulg) пенис; 4) совокупление; 5) момент эякуляции;

birch — 1) береза; 2) никчемность; 3) ничтожество;

cherry — 1) вишня; 2) невинность; 3) девственная плева;

grapefruits — 1) грейпфрут; 2) женская грудь средних размеров;

grass — 1) трава; 2) женские лобковые волосы;

lemon — 1) лимон; 2) (US sl) физически привлекательная девушка; 3) общественный туалет; 4) (Negro sl) физически привлекательная мулатка; 5) фригидная женщина; 6) лесбиянка;

melons — 1) дыни; 2) женская грудь;

nuts — 1) орехи; 2) сумасшедший.

Можно было бы возразить, что ошибок в понимании указанных слов не будет благодаря контексту, поскольку значение слова реализуется в контексте. Тем не менее, что означает сравнение *like my ass*? Как быть с переводом *I hate those apes!*, даже если понятно, что речь идет не о животных, а о человеке.

Говоря о зоонимах, стоит коснуться еще одной стороны асимметрии, связанной с различием национальных культур, национальной символикой и ассоциациями. Рассмотрим примеры восприятия животных и приписываемых им качеств на Востоке. Употребление зоонимов как инвективов имеет свою национальную специфику. Так, 'змея' по отношению к женщине для европейцев является оскорблением, для жителей Кореи, Вьетнама — комплиментом со значением 'мудрая и красивая'. 'Свинья' — оскорбление для европейца и комплимент корейской женщине, ее хозяйственности и домовитости. Можно было бы предположить, что неосведомленный кореец будет сравнивать русскую хозяйку, оказавшую ему радушный прием, со свиньей. Проблема усугубляется тогда, когда говорящий не подозревает о негативных коннотациях употребляемого слова, не знает культурного фона слова. Информацию об этом можно взять только из специальных словарей и справочников.

Что касается фитонимов, то асимметрия их употребления как инвективов в английском и русском языках хорошо видна на примере двух назва-

ний деревьев. В русском языке ‘дуб’ (о человеке) — оскорбление со значением ‘тупой, глупый, твердолобый’, ‘береза, березка’ — символ стройности и красоты. В английской лингвокультуре дуб — дерево с ценной древесиной, символ силы и стойкости; береза — никчемное дерево, которое невозможно использовать в строительстве. Англичанам, вероятно, неизвестно, что береза на Руси была одним из самых ценных деревьев в хозяйстве: это и самая жаркая топка, и розжиг для самовара, и лучина, и береста, и веник для бани и мн. др.

Одно из значений вышеуказанных англоязычных полисемичных зоонимов и фитонимов является вульгарным. Соответствующие русские лексемы, во-первых, не обладают столь же высокой степенью полисемии; во-вторых, русские зоонимы, употребляющиеся в качестве инвективов, не являются вульгарными; в-третьих, русские фитонимы практически не используются в качестве оскорблений. Таким образом, семантическая и культурная асимметрия некоторых зоонимов и фитонимов может создать трудности в коммуникации и даже привести к конфликту.

Особую группу инвективной лексики представляют собой **этнонимы**. Оскорбление национальных чувств воспринимается очень болезненно. Национальные вопросы являются частью государственной политики, в том числе языковой. Частью языковой политики является настойчивая «рекомендация» употреблять в СМИ эвфемизмы в отношении некоторых национальностей. Так, в США эвфемизм ‘Afro-American’ заменяет весьма распространенные ‘black’ (‘blacks’, ‘the black’), ‘negro’; эвфемизм ‘national minorities’ подразумевает не только негров, но и индейцев, и выходцев из Азии. В России уже давно в СМИ не употребляются слова ‘кавказец’, ‘чеченец’, ‘ингуш’, ‘аварец’ и т.д. С 1990-х годов стал употребляться эвфемизм ‘лицо кавказской национальности’. Но и это выражение, указывающее на выходцев из республик Кавказа, стало для многих россиян неприятным и угрожающим. Недавно в недрах языковой политики родился новый эвфемизм — ‘житель юга России’. Все это свидетельствует о крайней болезненности разногласий на национальной почве.

В английском языке есть немало этнонимов с негативной коннотацией. К сожалению, многие русско-английские и англо-русские словари ничего не говорят ни о стилистической принадлежности данных этнонимов, ни об их уничижительной и презрительной коннотации. В то же время эмотивная составляющая данной лексики чрезвычайно велика. Немалое количество англоязычных презрительных этнонимов отсутствует в наших словарях вовсе.

Следует упомянуть, что этнонимы составляют весьма большой пласт любого языка, насчитывающий общепринятые наименования тысяч национальностей на планете; часть из них имеет стилистически окрашенные синонимы. Учащимся, изучающим английский язык, необходимо знать те этнонимы, которые называют национальности людей, проживающих на территории Великобритании и США, а также, возможно, Канады и Австралии. Приведем лишь некоторые из англоязычных этнонимов: I — общепринятые термины и эвфемизмы, II — этнонимы с негативной коннотацией с их дефинициями и пометами, взятыми из различных толковых словарей в Интернете, III — дефиниции из словаря В.К. Мюллера.

Национальность (официальный термин)	Оскорбительные этнонимы (Terms of racial abuse)	Перевод в англо-русском словаре В.К. Мюллера
Native Americans, National minorities	<p>Squaw — <i>offensive</i> A Native American woman, especially a wife (скво, является оскорбительным для индианки Северной Америки, приравнивалось по значению к словам ‘дрянь, шлюха; женщина индейского племени).</p> <p>Redskin — <i>offensive slang</i> Used as a disparaging term for a Native Americans.</p> <p>Brave — Specifically, an Indian warrior (по отношению к индейцам, само по себе обезчеловечивает и приравнивает их к людям низшего сорта).</p> <p>Savage — A member of an uncivilized people</p>	<p>1) индианка (жительница Северной Америки), 2) <i>амер. устл.</i> женщина, жена.</p> <p><i>уст.</i> североамериканский индеец, краснокожий.</p> <p>1. 1) храбрый, смелый, 2) превосходный. 2. Индейский воин.</p> <p>1) дикарь, 2) жестокий человек, 3) грубый, невоспитанный человек, грубиян</p>
Afro-Americans, National minorities	<p>The Blacks — better to avoid using this word which is considered offensive.</p> <p>Negro — Racial abuse, which is offensive.</p> <p>Negress — <i>offensive</i> A Black woman or girl.</p> <p>Nigger — Racial abuse which is generally considered very offensive. <i>If I was called a fucking nigger, I'd be more upset by the nigger than by the fucking</i> (young African-</p>	<p>Негр.</p> <p>Негр, негритянка.</p> <p>Негритянка.</p> <p><i>груб.</i> негр, черномазый</p>

Национальность (официальный термин)	Оскорбительные этнонимы (Terms of racial abuse)	Перевод в англо-русском словаре В.К. Мюллера
	<p>Caribbean). Not offensive to some if taken into “ownership” by Africans / African-Caribbeans themselves and used among their peer group).</p> <p>Nigra / negra / niggra / nigrah / nigruh — (U.S.) offensive for a black person</p> <p>Pickaninny — a term — generally considered derogatory — that in English usage refers to black children, or a caricature of them which is widely considered racist; Used as a disparaging term for a young Black child</p>	<p>Отсутствует в словаре</p> <p>1) негритёнок, 2) <i>шутл.</i> ребяте- нок, малыш</p>
Africans / African- Caribbeans	<p>Spade — very offensive racial abuse; (<i>ethnic slur</i>) extremely offensive name for a Black person.</p> <p>Bumbu — Only known by one group — young African-Caribbean men who described it as ‘playground’ word.</p> <p>Chi-chi man — This is part of a group of words where you can insult people because of their sexual orientation; and seen as quite offensive by the African-Caribbean parent group, and potentially (if used aggressively) by the younger African-Caribbean males. Hardly anyone else knew what this word meant).</p> <p>Ho — Only known by younger groups and those from ethnic minorities who are especially likely to think this is very offensive, especially women. For African-Caribbean men it can be used offensively. It is like bitch — not whore.</p> <p>Jap (Predominantly U.S.) — <i>Offensive</i>. Shortened from the word ‘<i>Japanese</i>’, used derogatorily towards the group.</p> <p>Pikey — Most don’t really have an opinion about this word and older people don’t know it. Some young</p>	<p>Отсутствует как этноним</p> <p>Отсутствует в словаре</p> <p>Отсутствует в словаре</p> <p>Отсутствует в словаре</p> <p>См. Japanese — японский</p> <p>Отсутствует в словаре</p>

Национальность (официальный термин)	Оскорбительные этнонимы (Terms of racial abuse)	Перевод в англо-русском словаре В.К. Мюллера
	<p>people (including young African-Caribbeans) jokingly call their friends pikeys and don't think it is offensive.</p> <p>Punani — Many are not sure what this word means; African-Caribbean groups and British Asians do know it and think it is offensive. Used in Ali G, became less offensive because he uses it</p>	Отсутствует в словаре
East Asian descent	<p>Gook — (<i>slang</i>) a disparaging term for an Asian person, a derogatory term for Asians, used especially for enemy soldiers</p> <p>Paki — Racial abuse which is generally considered very offensive. Not offensive to some if taken into ownership by British Asians / Pakistanis and used peer to peer. However, some (white) people think it is non-offensive to talk about going to the Paki.</p> <p>Chink — A term of racial offence / abuse. However, this is polarising. Older and mainly white groups tend to think this is not usually used in an abusive way: e.g. <i>let's go to the Chinky</i> — which is not seen as offensive; younger groups and those from ethnic minorities feel this could be as insulting as 'paki' or nigger'; <i>offensive slang</i> Used as a disparaging term for person of Chinese birth or descent</p> <p>Kyke — Very few have heard of this; for those who have it comes into the racial insults category.</p> <p>Yid — (Yidish) Many do not know this word; offensive racial abuse to some who do know, <i>offensive slang</i> Used as a disparaging term for a Jew</p>	<p>Отсутствует в словаре</p> <p>Отсутствует в словаре</p> <p>Чинк (<i>презрительная кличка китайцев в США</i>)</p> <p>Отсутствует в словаре</p> <p>Отсутствует в словаре</p>

Национальность (официальный термин)	Оскорбительные этнонимы (Terms of racial abuse)	Перевод в англо-русском словаре В.К. Мюллера
British	<p>Cockney — A native or resident of the city of London; <i>used contemptuously</i></p> <p>Papist (пренебрежительное прозвище шотландцев) — One Scottish group considers this quite strong / insulting, but most have no opinion. Many of the other groups don't know this word</p>	<p>1) кокни, лондонец из низов; 2) кокни (лондонское просторечие, преимущ. Ист-Энда); 3) <i>пренебр.</i> горожанин</p> <p>Папист</p>
New Zealand Descent	Kiwi — nickname used internationally for people from New Zealand	1) <i>зоол.</i> киви, бескрылая нелетающая птица; <...> 3) <i>разг.</i> новозеландец
American	Yankee — в настоящее время чаще употребляется как прозвище всех американцев — уроженцев США	1) янки, американец, 2) уроженец или житель Новой Англии

Таблица показывает, что есть немало количество этнонимов, содержащих негативную коннотацию и способных выступать в роли инвективов. Англо-русский словарь В.К. Мюллера в большинстве случаев не дает каких-либо помет о стилистической отнесенности слова или его оскорбительном характере. Отметим прямо противоположную оценку слова 'pickaninny' и его эмотивные коннотации: в Англо-русском словаре указывается шуточный характер слова с уменьшительно-ласкательным суффиксом. Российский учащийся, пользующийся этим словарем, легко может употребить презрительные этнонимы 'pickaninny' в ласкательном значении 'малыш', 'Yankee' в отношении всех американцев или 'negro' в адрес негров, логично и естественно употребив коррелят русского заимствования.

Таким образом, даже беглый просмотр словаря английской ненормативной лексики свидетельствует о множестве «подводных камней», которые представляют собой слова, на первый взгляд нейтральные или

с положительной коннотацией, но в то же время имеющие и презрительное, оскорбительное значение.

Подведем итог вышесказанному. Речь является продуктом социальной жизни человека и, как социальное явление, детерминирована социальными правилами, следование которым приводит к достижению того результата, к которому стремится адресант. Оскорбление возникает ввиду национально-культурной асимметрии, являющейся результатом полисемии, несимметричного стилистического расслоения словарей двух языков, несоответствия норм общественно принятого поведения, допускающего использование в речи запрещенных приемов с точки зрения норм коммуникативного кодекса личности. Использование в речи подобных лексических единиц, имеющих одно широко употребляемое нейтральное значение и второе — крайне оскорбительное, требует, по меньшей мере, хорошего знания этих единиц, четкого контекста и хорошей осведомленности о национально-культурных нюансах его употребления.

Такая двусторонняя лексика ставит много проблем, связанных и с ее пониманием, и с употреблением, и с необходимостью изучения, и с реакцией на неё, и с переводом. Ситуации неадекватного употребления лексем-«перевертышей» русскоязычными коммуникантами вызывают ряд вопросов. Надо ли изучать в рамках школьной программы лексику, способную быть инвективной? Если да, то как это делать, как методически правильно и интеллигентно проделать эту тонкую работу? Как отразится на детских душах изучение подобной лексики? (мы знаем, к чему привело изучение проблем секса и противозачаточных средств в школьной программе). Если изучать нельзя по этическим соображениям, то как объяснить учащимся, что определенные слова, которые дети считают нейтральными, лучше не употреблять? Не получается ли замкнутый круг: употреблять нельзя, потому что не знаем всех значений слова, а все значения изучать и знать нельзя, потому что невозможно употреблять? Опрос студентов факультета иностранных языков Воронежского педагогического университета показал: студенты считают, что изучать такую лексику надо, но на ознакомительном уровне, т.к. подобные слова могут встретиться в тексте и речи носителей языка. Студенты старших курсов даже взялись за разработку упражнения для ознакомления с ней.

Нельзя забывать и о проблемах перевода. Как перевести этнонимы 'Irish' в позиции инвектива или выражение 'Polish anecdote' с негативной коннотацией, чтобы передать оскорбительный характер высказывания?

Еще одна важная проблема, связанная с вышеупомянутой лексикой, — трактовка высказываний в ходе лингвистической экспертизы. В связи с этим необходимо говорить о правовой проблеме разграничения оскорблений и лексем, номинирующих объекты флоры и фауны, констатации национальной принадлежности или аффективные экспликативы.

Немаловажная проблема — лексикографическая. Нет сомнения в том, что словари должны содержать лексику, способную быть инвективной, равно как и пометы о стилистической отнесенности слова и его эмотивной составляющей. Но опять же работа эта очень тонкая, требующая деликатных дефиниций. Как, например, указать, что слова ‘Irish’ или ‘чукча’ употребляются в значении ‘недалекий, глупый, тупой человек’? Что почувствует представитель чукотского народа, открыв словарь и прочитав подобную дефиницию? Будет такая дефиниция отвечать требованиям вежливости, политкорректности, лингвоэкологичности? Следует учитывать и то, что в словарях находят отражение лишь самые частотные, регулярно повторяющиеся в речи явления. В то же время инвективы — явление динамическое. Стилистическая отнесенность и коннотативное значение слова могут изменяться в процессе развития языка общества. Такого рода изменения не успевают фиксировать словари, и это является проблемой лексикографии, влекущей за собой проблему изучения иностранного языка и коммуникации.

Как решить такое количество проблем? Ответ прост и в то же время утопичен: НЕ ОСКОРБЛЯТЬ ДРУГ ДРУГА.

Л и т е р а т у р а

Англо-русский словарь-справочник табузированной лексики и эвфемизмов / под ред. А.Ю. Кудрявцева и Г.Д. Куропаткина. — М.: КОМТ, 1993.

Асмолов А. Киллерский сленг // Новая газета. — 2012. — № 128. — С. 17.

Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989.

БТСРЯ — Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. — СПб., 2009 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>.

ГКРФ — Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 4. Принят 18.12.2006 (действующая редакция) (любое изд.).

Годфруа Ж. Что такое психология: в 2 т. / пер. с фр. — М.: Мир, 1992. — Т. 1.

Головин Б.Н. Основы культуры речи. — М., 1980.

Голсуорси Д. В петле // Сага о Форсайтах: БВЛ. — М.: Худож. лит., 1973. — Т. 145. — С. 345—613.

Голубцов С.А. Амбивалентная активность человека // Вестн. Юж.-Рос. отд. Междунар. акад. наук высшей школы. Сер. «Природа, общество, человек». — Краснодар, 1996. — №2—3 (5—6). — С. 54—55.

Ермоленко Ю.П. Номинативные модели формирования новых слов методом стяжения в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2007.

Иванова Е.В. Цели, задачи и проблемы эколлингвистики. Прагматический аспект коммуникативной лингвистики и стилистики: сб. науч. тр. / отв. ред. Н.Б. Попова. — Челябинск: Изд-во ИИУМЦ «Образование», 2007. — С. 41—47.

Изард Кэррол Э. Психология эмоций / пер. с англ. — СПб.: Питер, 1999.

Имхонет — Социальная сеть «Имхонет» [Электронный ресурс]. — URL: <http://imhonet.ru/>

Капанадзе Л.А. О понятиях «термин» и «терминология» // Развитие лексики современного русского языка / под ред. Е.А. Земской и Д.Н. Шмелева. — М.: Наука, 1965. — С. 75—85.

Кара-Мурза Е.С. Новые времена — новые имена. Коммерческое имя как риторическая и маркетинговая проблема // М.В. Ломоносов и современные стилистика и риторика: сб. ст. — М.: Флинта: Наука, 2008. — С. 282—303.

Квитко И.С. Термины в научном документе. — Львов: Вища шк., 1976.

Коробкина Н.И. Экологичность / неэкологичность контекстуального понятия как единицы эмоционального мышления // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: материалы XII Междунар. науч. конф. (Ульяновск, 16—19 мая 2012 г.) / отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. — М.: Ин-т языкознания РАН; Ульяновск: Ульян. гос. ун-т, 2012. — С. 104—107.

Коробкина Н.И., Шаховский В.И. Концептуальная интеграция как способ создания экономных языковых форм // Актуальные вопросы социогуманитарного знания: история и современность. — Краснодар: Краснодар. ун-т МВД РФ, 2013. — Вып. 9. — С. 3—13.

Крюкова И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности. — Волгоград: Перемена, 2004.

Кусов Г.В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт: дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2004.

Лейчик В.М. Термины-синонимы, дублеты, эквиваленты, варианты // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. — Вып. 2. — Новосибирск, 1973.

Леонтович О.А. Методы коммуникативных исследований. — М.: Гнозис, 2011.

Лось А.Л. Проблема асимметрии организации значения на примере лексических единиц, представляющих *светлое* и *темное* в русском языке // Язык и культура. — 2012. — № 1 (17). — С. 13—17.

Мюллер В.К. Англо-русский словарь. — 23-е изд., стер. — М.: Рус. яз., 1992.

Моисеев А.М. О языковой природе термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии: материалы совещания, проведенного АН

СССР в Ленинграде 30 мая — 2 июня 1967 г. / отв. ред. чл.-кор. АН СССР С.Г. Бархударов. — М.: Наука, 1970. — С. 128—138.

Отин Е.С. Из истории русской эргонимии // Избранные труды по языкознанию. — Донецк: Донеччина, 1999. — С. 155—166.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. — 2-е изд. — М.: Наука, 1988.

Реформатский А.А. Что такое термин и терминология? // Вопросы терминологии (Материалы Первого Всесоюзного терминологического совещания 1959 г.) / отв. ред. Ю.Д. Дешериев. — М.: АН СССР, 1961. — С. 49—51.

РГЭС — Российский гуманитарный энциклопедический словарь: в 3 т. — М.: Гуманит. изд. центр «ВЛАДОС»: Филол. фак. СПб. гос. ун-та, 2002. — Т. 2.

Скворцова Е.В. Лексико-семантические аспекты асимметрии положительной и отрицательной зон оценки (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Орел, 2012.

Сковородников А.П. К становлению системы лингвоэкологической терминологии // Речевое общение: специализированный вестник / Краснояр. гос. ун-т. — Красноярск, 2000. — С. 70—78. — Вып. 3 (11).

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. — М.—Л.: Изд-во АН СССР. — 1950—1965. — Т. 1—17.

Сребрянская Н.А. Дейксис в художественном тексте. — Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2005.

СРЯ — Словарь русского языка: в 4 т. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Рус. яз., 1982—1984.

Суперанская А.В. и др. Общая терминология: вопросы теории. — М.: Наука, 1989.

Трифонова Е.А. Названия деловых объектов: семантика, прагматика, поэтика: на материале русских и английских эргонимов: дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2006.

Хрущева О.А. Универсальные и лингвокультурные особенности блендинга: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Челябинск, 2011.

Чернейко Л.О. Имя собственное как результат индивидуального творчества и как объект авторского права // Изобретательство. — 2002. — № 8. — С. 23—25.

Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания. — Волгоград, 1983.

Шаховский В.И. Речь вокруг нас: эмотивная лингвоэкология // Стратегия России. — 2011. — № 2.

Шаховский В.И., Ионова С.В. Экологическое пространство языка: критические аспекты // Экология языка: материалы 5-й Междунар. науч. конф. — Пенза: Изд-во Пенз. гос. пед. ун-та им. В.Г. Белинского, 2012. — С. 311—324.

Шаховский В.И., Солодовникова Н.Г. Экологическая функция языка // Экология русского языка: материалы Всерос. науч. конф. — Пенза: Изд-во Пенз. гос. пед. ун-та им. В.Г. Белинского, 2009. — С. 5—16.

Энтгейн М.Н. Смысловая компактность слова: количественная мера удачи новообразования // Дар слова. Еженедельный лексикон Михаила Эпштейна. Проективный лексикон русского языка. 3 сент. 2012 [Электронный ресурс]. — URL: <http://subscribe.ru/archive/linguistics.lexicon/201209/03100604.html>.

АВВУУ — Электронный словарь АВВУУ Lingvo 12.

Arnold M.B. Emotion and personality. Vol. I Psychological aspects. — New York, Columbia University Press, 1960.

Cambridge Dictionaries Online [Электронный ресурс]. — URL: <http://dictionary.cambridge.org>.

Duffy E. Activation and behavior. — New York, John Wiley, 1962.

Izard C.E. Patterns of emotions: A new analysis of anxiety and depression. — New York, Academic Press, 1972.

Izard C.E. The face of emotion. — New York, Appleton-Century-Crofts, 1971.

Lazarus R.S. Emotions and Adaptation: conceptual and empirical reactions // Nebraska symposium on motivation. — Lincoln, 1968.

Leblank B. Plagiarizing brand names: onomastic in the court room // Onoma. Journal of International Council of Onomastic Sciences. — 2008. — V. 43. — P. 397—410.

Leeper R.W. A motivational theory of emotion to replace «emotion as disorganized response». — Psychological Review, 1948.

Lindsley D.B. Psychophysiology and motivation. — In: M.R. Jones (Ed.). Nebraska Symposium on Motivation. — Lincoln, NE, University of Nebraska Press, 1957.

Lindsley D.B. Emotion. — In: S. S. Stevens (Ed.). Handbook of experimental psychology. — New York, John Wiley, 1951.

List of ethnic slurs by ethnicity [Электронный ресурс]. — URL: http://en.m.wikipedia.org/wiki/List_of_ethnic_slurs_by_ethnicity#section_1.

Mowrer O.H. Learning theory and behavior. — New York, John Wiley, 1960.

Oxford English Dictionary [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.oed.com>.

Rapaport D. Emotions and Memory. — New York: Int. Univ. Press, 1950.

Schachtel E.G. Metamorphosis. — New York, Basic Books, 1959.

The Free Dictionary [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.thefreedictionary.com>.

Tomkins S.S. Affect, imagery, consciousness. — V. I. — The positive affects. — New York, Springer, 1962.

Tomkins S.S. Affect, imagery, consciousness. — V. II. — The negative affects. — New York, Springer, 1963.

Webster's Online Dictionary with Multilingual Thesaurus Translation [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.websters-online-dictionary.org>.

Young P.T. Motivation and emotion: A survey of the determinants of human and animal activity. — New York, John Wiley, 1961.

Раздел 2. ЭМОТИВНАЯ ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА — УГРОЗА ЭКОЛОГИЧНОСТИ ОБЩЕНИЯ В РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ)?

Л.П. Амири

Изначально термин, введенный Э. Хаугеном в работе «Экология языка», использовался для обозначения науки, изучающей вопрос о существовании и выживании языка в современном многоязыковом мире [Haugen, 1972]. Позднее язык стали рассматривать с точки зрения «экологичности» по отношению к человеку и обществу как средство устранения проблем окружающего мира. В отечественной лингвистике вопрос «экологичности» общения приобрел большую значимость в работах целого ряда авторов [Бернацкая, 2003; Вакулова, 2010; Ильинова, 2010; Ионова, 2010; Сердобинцева, 2008; Сорокин, 2006; Сковородников, 2000 и др.], многие исследователи видят задачи эколлингвистики в выявлении принципов и условий экологичности общения в рамках различных видов коммуникаций [Амири, 2011; Баранов, 2009; Кара-Мурза, 2008; Сиротинина, 2009а; Сковородников, 2008; Шаховский, 2005 и др.]. Именно эколлингвистика, призванная проявить заботу о речевой среде существования человека и общества, изучает как способы совершенствования социальной практики общения на данном языке, так и факторы, негативно влияющие на развитие языка и его речевую реализацию, имея при этом в поле своих интересов не только язык, но и его носителей [КРР, 2003, с. 294—295].

На современном этапе исследования рекламной коммуникации как сложившегося и устоявшегося языкового феномена встает вопрос о том, что действительно угрожает языковой и культурной среде современного потребителя, а что лишь является продуктом, следствием текущих языковых, социальных, культурных и других изменений в современном обществе, ведь «язык существует в человеке для человека и реализуется через человека, поэтому для понимания его устройства и функционирования первостепенное значение имеет учет взаимодействия трех элементов: языковых форм, самого человека с его мышлением и психологией и внеязыковой действительности» [Гак, 1998, с. 369]. Первое, что необходимо сделать

в рамках данного исследования, это отметить, что термин «эколингвистика» употребляется для обозначения изучения взаимосвязи языка и общества в их способности оказывать обоюдное влияние друг на друга. В рамках изучения рекламной коммуникации важен именно социологический аспект эколингвистики, а именно — взаимодействие языка с обществом, в котором он функционирует как средство коммуникации. Во-вторых, важно предельно четко обозначить центральную проблему эколингвистики в отношении изучения рекламной коммуникации. На наш взгляд, одна из важнейших задач эколингвистики состоит в попытке сделать язык рекламной коммуникации правильнее, максимально уменьшить количество языковых «неправильностей» (например, опусок, нарушений грамматических и синтаксических норм), а также сделать невозможным и, что еще более важно, неприемлемым использование законов языкового манипулирования с целью нарушения (или обхода) общепринятых языковых и этических норм. Несомненно, изучение рекламной коммуникации — вопрос тонкой конституции.

Вульгаризация рекламного пространства является опасной, в первую очередь, из-за массовой доступности как источника эффективного распространения социокультурного опыта. Реклама учит нас не столько тому, что нужно покупать, сколько тому, без чего жизнь человека является немислимой с точки зрения современного консьюмеристского общества. Мы привыкли к рекламе, что бы мы ни говорили — мы ей верим. Приходя в магазин, большинство из нас подсознательно при выборе того или иного товара следует призывам понравившейся нам рекламы. Рекламный текст, будучи «всепроникающим», должен не только помогать человеку ориентироваться в изобилии рекламируемых продуктов и услуг, но и быть средством поддержания, а не нарушения социального аспекта языковой нормы. Даже редкое появление вульгарных рекламных текстов наносит необратимый ущерб здоровому пониманию реципиентом всех оттенков этической нормы. Важной в разрезе рассмотрения рекламной коммуникации для разработки теоретических основ эколингвистики является также теория «дистраивания», согласно которой описание функционирования языка рассматривается в соответствии с законами *автопоэзиса* (греч. *autopoeisis* — «самодистраивание»). Модель языка понимается как когнитивная деятельность, основанная на взаимодействиях, в результате которых происходит внесение модификаций одного организма в поведение другого. Согласованность и гармония в отношениях и взаимодействиях между членами человеческой социальной системы имеют место при не-

прерывном социальном обучении, определяемом их собственным социальным (лингвистическим) функционированием [Матурана, Варелла, 2001, с. 177].

Язык всегда есть отражение состояния современного общества на определенном этапе развития. Человек сам, являясь представителем современной культурной и языковой ситуации, провоцирует широкое употребление жаргонной и даже обсценной лексики, что повсеместно отражается в языке СМИ и рекламы. Однако истинная опасность заключается в вероятности того, что подобные вольности из разговорной, повседневной жизни языка могут перейти на более высокий уровень, который должен проходить более тщательную цензуру, чем она есть на данный момент. В этом случае у молодого поколения, формирующегося как в языковом, так и нравственном аспектах, создается впечатление, что так не просто говорят некоторые люди из их окружения, а что так принято говорить в обществе в целом. Несомненно, что «семантика любого слова для его пользователя содержит помимо кодового содержания еще и личностные компоненты, соотносящие это слово с ситуациями всех его предыдущих употреблений. А они у каждого пользователя языка свои, поэтому и появляется разброд в восприятии, понимании и интерпретации одного и того же высказывания даже во внутрикультурном (одноязычном) общении» [Шаховский, 2005, с. 133], однако, с учетом того, что каждый пользователь принадлежит к определенной социальной группе, существует вероятность того, что положительная оценка обсценного слова, инвективной лексики не только станет привычной для отдельного человека, но и будет передана «по цепочке» всей этой группе. Итак, одну из центральных лингвистических проблем в отношении рекламной коммуникации мы видим в том, что существует большая вероятность привыкания молодых людей к использованию жаргонной, обсценной лексики в повседневной речи, изменения когнитивных механизмов восприятия норм родного языка. Исследователей никоим образом не утешает тот факт, что табуирование обсценной лексики началось сравнительно недавно — не ранее XVIII в. Другую, не менее важную проблему мы видим в том, что в ряде случаев отдельные языковые эксперименты игрового характера могут привести к тому, что так называемая «орфографическая ошибка» может закрепиться в сознании реципиента.

Перед нами стоит задача проанализировать тексты рекламной коммуникации с позиции ее экологичности / неэкологичности. Далее мы рассмотрим примеры текстов рекламной коммуникации, которые послужат комментарием для рассматриваемой проблематики. В рамках данной работы наибольший интерес представляют, в первую очередь, примеры, построенные на языковом манипулировании и различных приемах языковой

игры. Сначала мы коснемся вопроса о языковой игре, основанной на искажении орфографической формы слова, которая в языке рекламной коммуникации может быть представлена через удвоение: *НУ О-ОЧЕНЬ БОЛЬШАЯ ФИРМА... И НЕ НАДО КАТАТЬСЯ ПО МОСКВЕ ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ!!* (реклама склада домашнего текстиля); или утроение гласного: *RED BULL окрыЛЯЯет* (реклама энергетического напитка «RED BULL»); через пародирование определенной манеры речи: *ЖАКАЖИТЕ ЖАЛЮЖИ ШЕЙЧАС ЖЕ! ЗАВТРА БУДЕТ ПОЗДНО!* (реклама жалюзи). Вышеприведенные рекламные тексты представляют собой пример собственно орфографических окказионализмов. Подобные примеры также вряд ли несут угрозу правилам русской орфографии и культуре речи в целом. Опасность возникает чаще всего при реализации такого частотного приема в языке рекламы, как создание орфографических окказионализмов — контаминаций: *СПАЦИАльное предложение* (реклама мебельного салона «СПАЦИО») [Ильясова, Амири, 2009, с. 218]. Важно отметить тот факт, что потенциальный риск превращения игры в ошибку при последующем написании узуального слова прямо пропорционален степени известности, распространенности обыгрываемого слова. Опасность игры с орфографической нормой очевидна в тех случаях, когда обыгрыванию подвергаются слова, которые: 1) часто используются в ежедневном речевом обиходе, ср.: *ВЕССОмые скидки* (реклама пейджинговой компании «ВЕССО») [Ильясова, Амири, 2009, с. 217—218]; 2) которые «массовому читателю знакомы больше по звучанию, нежели по написанию, т.е. графический облик такого слова мог стереться в памяти, напр.: В Эрмитаже полная КОТавасия ...» [Ильясова, 2010, с. 468]. С точки зрения эколоингвистики, для современного потребителя более опасным являются именно те случаи, когда частота использования узуального слова может породить реализацию орфографической ошибки в дальнейшем. Под орфографически-графическими окказионализмами (термин С.В. Ильясовой) мы понимаем окказионализмы, создаваемые с использованием такого графического приема, как капитализация, или графическое выделение сегмента. Создание орфографически-графических окказионализмов-контаминаций чаще всего реализуется через вариации в написании согласных, например, удвоение согласного: *Мы ВЕЛЛЛикопленно разбираемся в пляжных курортах и отдыхе* (реклама сети агентств пляжного отдыха «ВЕЛЛ»); *ДИВВные окна!* (реклама фирмы окон «ДИВВ»); вариации в написании гласных: *Билайн. Бесплатно — все входящие с мобильных* (реклама компании «Билайн»). Другим распространенным способом создания орфографических окказионализмов является использование *графогибридизации* (термин Т.В. Поповой), ср.: *раZOOMный выбор!* (реклама слабоалкогольного напитка “ZOOM”). Процесс внедрения латиницы в русский кириллический текст в постсоветский период является от-

носителем новым только в сравнении с советским этапом, в действительности «его можно считать продолжением традиции, которая была прервана ситуацией орфографического режима советского периода с его строгой ориентацией только на кириллицу» [Григорьева, 2009, с. 150]. Некоторые исследователи говорят об «экспансии латиницы» как нарушении языковой экологии в сфере графики, которое «не может не иметь серьезных культурных, психологических, политических и других последствий, непредсказуемых по своим масштабам и деструктивной силе» [Вакулова, 2010, с. 464]. Но в сложившейся ситуации нельзя забывать о том, что «современная языковая действительность пронизана присутствием английского языка <...>. Рекламный текст является своего рода вестником современных нововведений, несет массам информацию о техническом прогрессе: *Ты видишь рекламную листовку с новым тэчфоном. Телефон говорит за себя* (реклама телефона «Samsung Corby» в сети магазинов «Связной»), учит нас жизни: *Ищешь вай-фай, ходишь с мощным лэп-топом? Может, на дачу рванем автостопом?! Короче, Клинское за общение без понтов!* (реклама пива «Клинское»)» [Амири, 2011, с. 54]. Таким образом, существует два подхода к оценке игр с латиницей: в первом латиница воспринимается как нарушение экологичности общения, во втором — как графическая разновидность языковой игры, чья популярность объясняется речевой модой на иноязычие. В рекламном дискурсе достаточно много примеров такой языковой игры (подробнее см.: [Там же, с. 53—64]). На наш взгляд, языковая игра с латиницей не представляет большой угрозы. Здесь мы приведем только те примеры, распространение которых представляет определенную угрозу для нормативности языка именно с точки зрения этического, нравственного аспекта: *оНООСНительный напиток!* (читается как *охучительный*, в основе данного окказионализма лежит англ. *hoosh* — рус. *сивуха*); *Выиграй шопинг в Милане с королем Гламура Сергеем Зверевым! Звезда в Shope на радио Energy 104.2 FM* (реклама радиопередачи, 2008 г.), ср.: в *shope* (читается как *в шопе*) — в *...one* [Там же, с. 188—189]. Если вышеприведенные примеры с обыгрыванием паронимии являются оскорбительными для потребителей, именно на основании созвучия со словом с пейоративной знаковостью, то в следующем — эффект вульгарности достигается за счет графического единообразия литер кириллического и латинского алфавитов в конечной части слова *заМIXуй* с известным бранным словом: *Студенческий MIX — заМIXуй по полной!* (реклама тарифа «MIX» сотового оператора). Вышеприведенные примеры служат введением для анализа следующей категории текстов рекламной коммуникации, которые сами копирайтеры называют текстами «на грани фола». Их можно отнести к так называемому речевому хулиганству [Голев, 2000а, с. 6—11], сопоставимому с иными криминогенны-

ми поступками человека. Так, М.В. Горбаневский предложил ввести понятие «языкоречевое правонарушение» (речевое хулиганство, речевое убийство, речевое мошенничество и др.), означающее явление, которое должно попадать под юрисдикцию государства [Горбаневский, 2007]. Современные исследователи поднимают вопрос о необходимости сохранения чистоты литературного языка [Костомаров 2005; Сердобинцева, 2008; Сиротина, 2009а и др.] и выработки механизма применения лингвистической экспертизы в различных языковых стилях [Амири, 2011; Баранов, 2009; Кара-Мурза, 2008]. Ведь «медиатексты, создаваемые журналистами сегодня, — это важное средство коммуникации между разными социальными и профессиональными группами людей; они могут оказывать как позитивное, так и негативное влияние на психоэмоциональное состояние отдельных граждан и на общество в целом» [Ильинова, 2010, с. 168]. Проецируемое текстовое пространство современной рекламы как разновидность экологической среды представляет собой совокупность вербальных текстов (чаще всего слоганов), которые важно рассматривать именно с позиции «пространства созерцания» (восприятия, представления, «внешнего» переживания) — категории содержания сознания, которая выступает как «эквивалент реального пространства в непространственном сознании и имеет непосредственное отношение к пониманию и интерпретации текста» [Топоров, 1983], что автоматически гарантирует «чистоту» этого текстового пространства окружающей нас языковой среды.

Далее мы перейдем к анализу текстов рекламной коммуникации, в котором речь пойдет о нарушении социального аспекта языковой нормы и формировании модуса экологичности / неэкологичности речевой культуры в современном обществе. Подобные тексты представляют собой ценный материал, необходимый для понимания важности развития эколингвистики для рекламной коммуникации и осознания угрозы, которую они несут. Нарушения социального аспекта языковой нормы могут быть вызваны целым рядом причин. Эколингвистика в данном случае акцентирует внимание на проблемах социального и этического аспектов языковой нормы. Речевая культура — это не только правильный выбор языковых средств, но и языковое чутье, касающееся нравственного подхода к коммуникации в целом. Модус экологичности/неэкологичности общения в рамках рекламной коммуникации следует оценивать с позиций «экологично/неэкологично», «приемлемо/неприемлемо». Следует учитывать тот факт, что авторы рекламы не принимают во внимание вышеуказанные аспекты, их целью является создание эффективных рекламных текстов, которые в состоянии вызвать сильные эмоциональные реакции (мы избегаем слова «переживания», поскольку расчет делается именно на вспышку, всплеск эмоций у потребителя, вызываемый рекламным текстом) на вер-

бальные или невербальные составляющие рекламного текста или на их сочетание. «Цель любого общения состоит в том, чтобы некоторым образом изменить поведение или состояние реципиента (собеседника, читателя, слушателя), т.е. вызвать определенную вербальную, физическую, ментальную или эмоциональную реакцию» [Красных, 2003, с. 122]. Таким образом, мы считаем, что все анализируемые в рамках данного исследования рекламные тексты необходимо рассматривать с трех позиций: эмоционально/неэмоционально, эффективно/неэффективно, экологично/неэкологично.

Ярчайшие нарушения социального аспекта языковой нормы в рекламных текстах чаще всего происходят при обыгрывании фигур неоднозначности.

• Парономазия: «*Вы уху ели?*» (текст, в разное время использованный рестораном “Дикое море” в г. Москве, 2006 г., рестораном “Чайхана” в г. Ростове-на-Дону, 2007 г., баром “Казачок” в г. Ставрополе, 2007 г., баром “Самогон” в г. Красноярске, 2007 г.)» [Амири, 2011, с. 614]. Анализ ситуации показывает, что эмотивный потенциал текста настолько высок, что даже известные случаи наложения взысканий на компанию за подобное квазикреативное творчество не в состоянии послужить предостережением для других рекламодателей, о чем свидетельствует появление следующего рекламного текста: «*Дичь? А ты уху ел?*» (реклама ресторана «Шарикофф», г. Харьков, Украина, 2010 г.). Мы привели текст, обнаруженный нами в другом государстве, но на русском языке, таким образом, мы усматриваем преемственность и считаем, что этот текст произошел от источника, ставшего для рекламных текстов прецедентным: «*А вы уху ели?*» [Там же, с. 188—189]. Как видим, модус экологичности общения в рекламной коммуникации может находиться в прямой зависимости от эффективной, хотя и печально известной популярности рекламного текста. Оценка показывает, что рекламный текст несомненно производит запуск эмоций, вызывая достаточно сильную негативную реакцию, которая делает его популярным на долгий срок, что в принципе является достаточно большой редкостью для мира рекламы, где тексты живут сравнительно недолго, если только это не слоган, продвигающий саму компанию или фирму. «*Наши поезда — самые поездатые поезда в мире!*» (реклама авиакомпании). Конечно, <...> имеет место словообразовательная игра, основанная на лексическом повторе, но здесь доминирует именно звуковое совпадение произношения слов: *поездатый* и *n...атый*. Конечно, можно предположить, что слово *поездатый* создано по аналогии с *бородатый* и содержит в себе

такие компоненты его значения, как ‘очень старый’, давно известный’ (обычно об анекдоте)» [Амири, 2011, с. 51]. Если в первом случае применение приема паронимазии носит несколько завуалированный характер, поскольку теоретически его можно сопоставить со словом *бородатый*, то в следующих примерах речевое хулиганство носит открытый, даже провокационный характер, ср.: *заШУБись* (реклама магазина «Снежная королева»); *Все будет ЛТувись!* (реклама магазина одежды «ЛТВ»), ср.: *зашибись, за...бись*. Как видим, неэкологичность общения возникает не за счет использования конкретных словообразовательных приемов языковой игры — инновации или контаминации смешанного характера, а за счет совпадения звуковых образов создаваемых слов и жаргонной лексики. При этом модус неэкологичности формируется за счет использования слов с положительной эмоциональной оценкой, ср.: *п...атый* в значении *классный, суперский, отличный*; *за...бись, зашибись* в значении *отпад, супер, класс!*

• Приобретение словом сленгового значения. Так, если в начале XX в. рекламный текст *Готов сосать до старых лет лучшие сосок не было и нет* не вызывал отрицательных ассоциаций, то в наше время такие тексты являются неприемлемыми из-за приобретения словами негативной коннотации. Данное явление, а именно расширение значения слова, приобретение им негативных коннотаций как с учетом, так и без учета контекста стало особенно популярным у рекламистов. Ниже мы приведем еще ряд примеров, в основе которых лежит вышеупомянутый прием языковой игры, ср.: *ТРАХНЕМ СТРАХ* (реклама страховой компании «Энерджи Лайф»); *ОТДАМ-СЯ ЗА КОПЕЙКИ. Твоя цена* (реклама магазинов «Эльдорадо»); *БЕРУ В РОТ И легко и эффективно чищу между зубами* (реклама зубочистки с нитью “Flossie”); *ПЫЛЬ СОСУ ЗА КОПЕЙКИ* (реклама пылесоса «Electrolux» магазина «Эльдорадо»); *ВСТАВЛЯЕМ БЕСПЛАТНО — ПЛАТИТЕ ТОЛЬКО ЗА ОПРАВУ* (реклама магазина «Оптика») [Ильясова, Амири, 2009, с. 44—45; 266—269]. В рекламных текстах преимущественно используются глаголы, реже встречаются примеры обыгрывания неоднозначности существительных, ср.: *СВЯЗЬ В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ* (реклама мобильной связи «Джинс»), *СВЯЗЬ БЕЗ БРАКА* (реклама мобильной связи) [Ильясова, Амири 2009, с. 266—269], *Хрен с Вами* (реклама хрена ЗАО «Ранет»).

Вульгаризация рекламного пространства происходит также за счет его визуального сопровождения, например, пошлой картинкой. Так, в рекламе магазина «Модное место» в г. Ростове-на-Дону текст написан на фоне изображения джинсов, на которых на месте расположения гульфика лежит женская рука. В другом рекламном тексте *Всегда хочу мороженое. Доставка*

всего *Замороженного* на фоне рекламной продукции в виде мороженого имеет место фотография молодой женщины с запрокинутой головой и закрытыми глазами, которая сжимает губами банан. Обыгрывание сексуального подтекста глагола *хотеть* в форме изъявительного наклонения *хочу* осуществляется при помощи паралингвистических средств, которые в принципе не должны использоваться в городской среде, в открытом доступе для детей дошкольного и школьного возраста.

Нарушение социального аспекта языковой нормы может быть также спровоцировано двусмысленностью рекламного текста за счет сопровождения его изображением обнаженных частей человеческого тела, порождающих либо усиливающих ассоциации сексуального характера: *Canon — размер не имеет значения* (реклама фотоаппаратов фирмы “Canon” — на рекламном плакате изображены трое голых мужчин, чье детородные органы прикрывают фотоаппараты с разными по длине объективами), или за счет изображения предметов, ассоциирующихся с темой секса, например банана: *ОКНА 58 мм* — изображена женская кисть с ярко-красным маникюром, держащая банан маленького размера) *или 70 мм* (изображена женская кисть с ярко-красным маникюром, держащая банан большего размера). *Размер имеет значение* (реклама «Первого оконного завода»). Неприемлемым с точки зрения социальных этических и культурных норм является не просто факт афиширования темы секса, а новая интерпретация рекламного текста в обоих случаях, которая может быть обозначена как аморальная, вульгарная, неприличная и т.п. Следует отметить тот факт, что когнитивный механизм восприятия данного рекламного текста может в конечном результате привести к общественному восприятию выражения *Размер (не) имеет значения* как аргіогі негативно окрашенного и сделает его употребление в обществе неприличным.

Еще более пошлый вид вульгаризации рекламного пространства — совмещение сразу ряда игровых приемов вербального и невербального уровня, направленных на создание двусмысленности рекламного текста. Так, обыгрывание неоднозначности в рекламном тексте *Имплантация зубов. Вставляем с гарантией! 559—509* (реклама краевого центра парадонтологии) сопровождается, на первый взгляд, приличным изображением силуэта мужчины, склонившегося над силуэтом женщины, полулежащей в стоматологическом кресле. При этом неясно, стоит ли мужчина за креслом или же между женскими ногами. Таким образом, уже сама двусмысленность позы мужчины делает возможной пошлую интерпретацию вербального ряда рекламного текста. Как видим, невербальный компо-

нент — изображение мужского и женского силуэтов — является своего рода фиксацией пошлой неоднозначности, заложенной вербальным компонентом рекламного текста. В данном случае имеет место обыгрывание прямого и переносного значений глагола *вставлять*, которое также усиливается за счет использования приема буквализации значения. Рекламный текст *Не будь колючкой* (реклама лазерной эпиляции в клинике “Professional”) сопровождает изображение девушки, сидящей в позе лотоса и держащей между коленями горшок с кактусом. Безобидное, на первый взгляд, использование приема буквализации значения при более подробном рассмотрении превращается в вульгарный намек на определенную часть женского тела, которой необходима именно лазерная эпиляция.

Нарушение социального аспекта нормативности может происходить также за счет обыгрывания ассоциаций с такой невербальной составляющей коммуникации, как жест, например в следующем рекламном тексте: *Суперакция ...Я устала ждать!* (реклама магазинов сети «585») фигурирует жест, явно имеющий сходство с популярным среди молодежи жестом, известным как *пошел ты подальше*, при этом сам текст в собственно языковом аспекте приобретает диаметрально противоположное значение, чему способствует и наличие восклицательного знака в конце предложения. Вместо призыва сделать предложение и надеть обручальное кольцо на палец перед нами предстает разозленная долгим ожиданием девушка, делающая кавалеру недвусмысленный намек. Часто рекламисты в погоне за вниманием потребителя выходят в своем творчестве за доступные в культурном сообществе грани. И тогда выясняется, что даже элементы параграфематики могут являться средством опошления рекламного пространства. Лично нам дешифровка нижеприведенного примера рекламы далась не сразу, ср.: *Наш холодец с 3 по14 здессссь!... С 3 по 14 октября дни холодца. Холодцы, студни, заливные* (реклама бара «Самогон»). Число $\pi = 3,14$, произносимое как [пи], делает возможным прочтение части РТ как *пиздессссь*. Мы позволим себе не приводить слово, которое рекламисты решили «зашифровать» в данном рекламном тексте.

В ходе рассмотрения имеющихся в нашем распоряжении рекламных текстов как фактов речевого хулиганства было продемонстрировано, что вульгаризация подобных текстов происходит не столько за счет обыгрывания прямых и переносных значений слова, сколько за счет подтекста, который сам по себе является отклонением от нормы. «Подтекст свидетельствует о варьировании нормы на языковом уровне в связи с асимметричностью знака. Несоответствие означаемого и означающего не препятствует созданию перлокутивного эффекта» [Козьма, 2008, с. 5], а наоборот,

усиливает эмоциональное восприятие рекламного текста и, как следствие, его запоминание. С точки зрения продвижения рекламных товаров или услуг игра на эмоциях, несомненно, оправдана, однако сама апелляция к эмоциям за счет достижения перлокутивного эффекта, основанного на вульгаризации рекламного пространства, наносит вред социокультурному здоровью коммуникантов. Рекламные тексты такого рода являются нежелательными в стремительно набирающую обороты эпоху демократизации и карнавализации языка. Сознание человека текстуализовано, текстуализация сознания может осуществляться посредством как вербальных, так и невербальных составляющих коммуникации. Однако в современных рекламных текстах имеет место существенный сдвиг в сторону визуализации. Именно использование невербальных составляющих часто является действенным средством опошления рекламного пространства, т. к. визуализированный рекламный текст имеет больше шансов зацепить взгляд реципиента и затронуть его на эмоциональном уровне.

Можно говорить о вульгарной текстуализации сознания потребителей за счет игры на эмоциях, что, в свою очередь, влечет за собой снижение порога воспитанности, культуры социума в целом. Дело не в том, что мы все имеем право на благоприятную, «здоровую» языковую экологию, а в том, что не все люди, особенно в относительно юном возрасте, имеют достаточно жизненного опыта, чтобы избежать влияния некоторых негативных факторов игровой вербализации рекламного пространства. Пока появление вульгарных рекламных текстов остается возможным, мы не можем говорить о полноценной экологичности языковой ситуации в рекламном пространстве, где не может быть нерелевантных текстов.

В процессе изучения вектора модуса экологичности рекламной коммуникации представляется возможным выделение как позитивных, так и (что более важно) негативных факторов влияния на современных потребителей. Тот факт, что вульгарные, пошлые рекламные тексты вызывают положительные эмоции у молодого поколения, свидетельствует лишь о том, что необходим как можно более строгий контроль за появлением рекламных текстов, к которым имеют доступ практически все граждане нашей страны, независимо от их социальной принадлежности, возраста и личных интересов. Перейти грань легко, особенно непосредственно это происходит в современном обществе, но перейдя Рубикон, обратно вернуться уже невозможно. В последнее время процесс демократизации языка и сознания в рекламе значительно замедлился благодаря работе ФАС, штрафам за некорректную и вульгарную рекламу. Таким образом,

можно сказать, что в языковой и культурной ситуации в России начинается обратный процесс от вульгаризации к норме, но это касается лишь рекламной продукции больших брендов, которым есть что терять. Нарушение речевых и этических норм при осуществлении любого вида коммуникации неизбежно наносит здоровью социума ощутимый вред, т. к. приводит к засорению языка молодежи и формированию неэкологичной речевой культуры.

Подведем итоги.

1. Модус экологичности/неэкологичности общения в рамках рекламной коммуникации следует оценивать с позиций «экологично/неэкологично», «приемлемо/неприемлемо», но нужно учитывать тот факт, что авторы рекламы не принимают во внимание вышеуказанные аспекты, их целью является создание эффективных рекламных текстов, которые в состоянии вызвать сильные эмоциональные реакции (мы избегаем слова «переживания», поскольку расчет делается именно на вспышку эмоций у потребителя) на их вербальные или невербальные составляющие или на их сочетание. Таким образом, мы считаем, что все рекламные тексты необходимо рассматривать со следующих позиций: эмоционально/неэмоционально, эффективно/неэффективно; экологично/неэкологично.

2. Оппозитивность к нормативности в разных аспектах ее проявления (лексическом, словообразовательном, этическом и др.) является одной из самых ярких характерных черт современного медийного дискурса в целом и рекламного дискурса в частности. Как показывает анализ имеющихся в нашем распоряжении рекламных текстов, грубые нарушения социальной нормы могут иметь место на разных языковых уровнях, поэтому анализу необходимо подвергать вербальные и невербальные составляющие рекламного текста — как отдельно взятые единицы, так и их сочетания, которые могут способствовать усилению скрытого смысла в целях вызова эмоционального всплеска у реципиентов и его последующему запоминанию.

3. В рамках рекламного текста смысловые перевертыши с эффектом недосказанности могут принимать разнообразные формы вербализации, что достигается целым рядом языковых приемов, применение которых приобрело системный характер. Можно сказать, что в творческом арсенале современных копирайтеров существует некое количество тиражируемых, «успешных» способов выражения.

4. Именно исследование проблематики языковой и речевой деградации в текстах рекламной коммуникации объясняет необходимость более глубокого изучения именно нравственных аспектов эколингвистики и

безапелляционно доказывает тот факт, что опасаться следует не самой реализации языковой игры, не самих приемов языкового манипулирования, не даже нарочитой оппозиции нормативности, а снятия табу с открыто вульгарных, нарушающих рамки современной морали рекламных текстов. Таким образом, центральной проблемой эколингвистики применительно к текстам рекламной коммуникации является создание базы конкретных примеров рекламных текстов, реализация которых в рамках современной языковой и культурной ситуации является недопустимой и даже приравнивается к речевому хулиганству.

5. Говоря о нравственном воспитании как о взрослении человека в том или ином социокультурном пространстве в рамках межличностной коммуникации и в определенной языковой среде, необходимо понимать, что со стороны государства нравственное воспитание должно определяться сознательно планируемым интеллектуальным, эстетическим и нравственным влиянием на каждого индивидуума в социуме и на социум в целом. Важным является не только физическое и психическое состояние индивида, но и социальное здоровье общества, в котором он пребывает в период взросления и становления как личность.

ЭКОЛОГИЯ ОБЩЕНИЯ ВРАЧА И ПАЦИЕНТА

В.В. Жура

Одним из основных направлений прогресса общества является интеллектуализация различных видов деятельности, выполняемой человеком. Это подводит его к осознанию необходимости осмысления различных факторов, участвующих в ее осуществлении, а также способствующих либо препятствующих сохранению природной биосоциальной целостности *homo sapiens*. Опосредованность многих видов человеческой деятельности речемыслительной деятельностью либо тесная взаимосвязь с ней вдохновила лингвистов на изучение функционирования языка в реальных условиях, что, в свою очередь, привело к открытию его новых функций. Одной из таких функций стала экологическая. Отметим, что в настоящее время нет общепринятого понимания как самой сущности экологической функции языка, так и отраслей лингвистики, занимающихся ее изучением, — эколоингвистики и лингвоэкологии.

В работах зарубежных ученых существуют две основные трактовки экологической функции языка. Согласно первой, она реализуется в под-

держании жизнеобеспечивающего баланса во взаимодействии человека с другим человеком, иными живыми существами, а также со всей окружающей средой. Такое понимание развивают представители нового научного направления — эколингвистики. Иное представление у представителей лингвоэкологии, которую рассматривают то как частную отрасль эколингвистики, то как новую отрасль социоллингвистики. Ученые данного направления в экологичности различных языковых экосистем пытаются найти ресурсы для совместного существования, взаимообогащения и развития [Erhart: www].

Отечественные лингвисты, трактующие экологическую функцию языка как здоровьесберегающую, на наш взгляд, близки к первому пониманию экологической функции языка, хотя в фокусе их внимания оказались только аспекты межличностного, чаще всего эмоционального взаимодействия людей (В.И. Шаховский, Н.Г. Солодовникова).

Именно такой ракурс исследования выбран нами в данной работе для анализа речевого взаимодействия участников медицинской коммуникации. Актуальность изучения экологичности такого вида общения очевидна, ведь для одного из его участников (которого Миллер очень метко и образно назвал «раненый рассказчик») — пациента — восстановление, сохранение и поддержание его физической и психической целостности являются жизненно важными задачами [Frank, 1997].

В связи с этим особую значимость приобретают выделение и описание принципов экологического общения между врачом и пациентом, параметров в экологичности коммуникации, а также дискурсивных средств, которые может использовать врач для реализации здоровьесберегающей функции.

Анализ различных деонтологических комплексов медицины позволил выделить основные ценностные принципы, определяющие дискурсивную деятельность врача. К ним относим принципы уважения пациента, правдивости (искренности), гуманизма, которые определенным образом участвуют в повышении экологичности общения и будут рассмотрены нами в тесной взаимосвязи с его основными параметрами.

Первый принцип проявляется в формировании ценностного отношения к индивидуальным особенностям и взглядам пациента как значимым показателям его адаптации к настоящему заболеванию или жизненным обстоятельствам. Одним из важных способов вербализации данного принципа является элиминирование оценочных высказываний в адрес пациента, его жалоб, переживаний. Недопустимым в устном медицинском дискурсе считается, например, выражение собственного отношения врача к вредным привычкам больного (курение, употребление алкоголя и т.п.).

Реализация принципа уважения проявляется и в демонстрации внимания к пациенту.

Принцип правдивости требует от врача предоставления пациенту объективной информации о его заболевании, возможных способах лечения, перспективах, вероятных осложнениях.

Принцип гуманизма состоит в создании оптимальных условий для выздоровления пациента, улучшения его физического и психоэмоционального состояния. В вербальной коммуникации он реализуется в двух дискурсивных принципах: позитивизация и учет партнера по общению, т. е. пациента [Boyd, 2006].

Одним из важнейших условий экологичности общения в диаде «врач—пациент» является особая прагматическая ориентированность коммуникации на терапевтическое сотрудничество, которое основано на гуманистических принципах сострадания и уважения человеческого достоинства и предполагает одновременное взаимное доверие и взаимодействие. Установка на терапевтическое сотрудничество может быть реализована на этапе целеполагания, при формировании содержательного и формального аспектов коммуникации.

Первым измерением экологической ориентированности выступают цели, реализуемые в медицинской коммуникации. Согласно широко распространенному холистическому подходу, излечение сегодня видится как комплекс мер, одновременно интегративно воздействующих на душу и тело человека. Поэтому обязательным условием экологичности общения врача и пациента является осуществление терапевтической цели, ориентированной на оказание воздействия на психоэмоциональное состояние пациента для его стабилизации или улучшения. Психоэмоциональная коррекция помогает адаптации больного к новому для него физическому и психоэмоциональному состоянию.

Терапевтическое воздействие предполагает также создание доверительных отношений как средства снижения ликоущемляющего эффекта, связанного с вербальным и невербальным вторжением в личную сферу пациента.

В настоящее время в зарубежной и отечественной социологии медицины все настойчивее провозглашается мысль о том, что устаревшая патерналистская модель взаимодействия врача и пациента должна уступить место модели совместного принятия решения. В лингвистических терминах это означает, что на смену субъект-объектной коммуникации, в которой доминирует врач, а пациент всегда выступает лишь пассивным реципиентом информации и безоговорочно выполняет указания врача, приходит субъект-субъектная коммуникация, реализуемая в ходе коммуникативного сотрудничества обоих участников. Превратившись в коммуникативную норму, данное условие позволит исключить заявления врача *Вам*

это не нужно! в ответ на запрос информации пациентом. Такие заявления нарушают психоэмоциональное состояние пациента. Указанные аспекты прагматической ориентации медицинской коммуникации связаны с реализацией принципа уважения.

Количество и качество сообщаемой информации определяются в соответствии с принципом правдивости и могут существенным образом влиять на повышение или снижение экологичности медицинской коммуникации. В плане содержания (качества) информации врач обязан предоставлять пациенту объективную техническую информацию, связанную с заболеванием и лечением. Однако последние исследования показывают, что предоставление и получение только технической информации очень часто ведет к снижению экологичности общения и его деперсонизации. Кроме того, обсуждение нерелевантной для диагностики текущего заболевания информации может оказаться важным для установления доверительных отношений, коррекции психоэмоционального состояния больного, его активного вовлечения в разговор.

Важным шагом при определении содержания коммуникации врачом должен стать анализ «наивной» медицинской картины мира пациента. Исследователи отмечают, что ее концепция основана на механическом или этномеханическом понимании физиологических процессов и главным источником ее и побудительным механизмом ее формирования и дополнения является личный опыт перенесенных заболеваний [Mabeck, Olesen, 1997]. Анализ пропозиций, составляющих связанные с заболеванием фреймы пациента, по нашему мнению, необходим для определения уровня как ментальной, так и лингвистической репрезентации информации врачом в ходе общения.

Количество сообщаемой врачом информации определяется строгими деонтологическими нормами медицины, а именно — критерием пользы для пациента: врач информирует пациента в том объеме, который не повредит его состоянию. Наблюдения за данным параметром в различных лингвокультурах показывают, что представления об экологичности общения могут существенно отличаться и несут этноспецифичный характер. Например, в отечественном здравоохранении до сих пор достаточно часто практикуется сокрытие или вуалирование негативной информации в ходе диагностических заявлений врача как проявление принципа гуманизма. В других лингвокультурах подобные информационные фильтры считаются недопустимыми.

На экологичность общения существенное влияние оказывает психоэмоциональная обстановка, или благоприятный эмоциональный фон. Однако в ходе исследования мы обнаружили, что эмоциональные проявления были в основном характерны для пациентов (89,9%), а тональность указанных эмоций в большинстве случаев была отрицательной. Таким

образом, коррекция и урегулирование эмоционально напряженных ситуаций становятся обязательным условием повышения экологичности общения, улучшения психического и физического состояния пациентов.

Экологичность медицинской коммуникации может создаваться и поддерживаться особыми речевыми средствами. Отметим при этом, что некоторые из них носят универсальный характер, другие специфичны для данного вида дискурса. В настоящей работе мы ограничимся теми средствами, которые типичны для медицинского дискурса и не находят применения в других дискурсах.

Важнейшим способом повышения экологичности устного медицинского дискурса является его тактико-стратегическое планирование. Полевые наблюдения за речевым поведением врачей показали, что ведущей здоровьесберегающей речевой технологией является стратегия заботы о пациенте. Данная стратегия получает реализацию посредством тактик стабилизации/улучшения эмоционального состояния, а именно тактик выражения эмпатии, ободрения, демонстрации внимания (интереса), эмоционального переключения, митигации. Двумя другими тактиками, находящими воплощение в рамках рассматриваемой стратегии, являются контроль за коммуникативной дистанцией и проявление вежливости.

Тактика выражения эмпатии выполняет две основные функции — демонстрирует понимание пациента на когнитивном и эмоциональном уровнях, а также формирует эмоциональный настрой пациента и доверительные отношения между ним и лечащим врачом.

Тактика ободрения используется на этапе рекомендации обследования и / или лечения после сообщения диагностической информации и получает объективацию посредством различных видов ободрительных и оценочных высказываний. Такие высказывания являются важным средством коррекции психоэмоционального состояния пациента.

Тактика демонстрации внимания (интереса) сходна по средствам ее реализации с тактикой переуступки инициативы. Среди коммуникативных ходов, репрезентирующих данную тактику, можно назвать прием активного слушания. Его отличительными особенностями являются отсутствие перебивания (прерывания) пациента, использование минимальных сигналов обратной связи, пауз, повторов реплик пациента (или «отражение»). Использование врачом тактики «отражения», заключающейся в воспроизведении части или целого высказывания пациента без изменений или с частичными изменениями, является демонстрацией внимания, а иногда и сочувствия. Эта тактика используется также для контроля понимания и верификации истинности информации.

Тактика контроля за коммуникативной дистанцией имеет две функциональные разновидности: субтактику сокращения коммуникативной дис-

танции и субтактику увеличения коммуникативной дистанции. Первая воплощается посредством использования неформальных обращений, различных средств деформализации дискурса, адаптации уровня лингвистической презентации информации к уровню пациента, «кооперативной» (некатегоричной) модальности (*давайте, садимся сюда*), инклюзивного употребления личного местоимения *мы*. Вторая субтактика получает объективацию при помощи формальных обращений, императивной модальности, опущения личных местоимений и создания безадресных высказываний, за счет неадаптированности лингвистической презентации информации к уровню языковой компетенции пациента (использование непонятных терминологических выражений). Именно первый вариант реализации тактики контроля за коммуникативной дистанцией и может служить стабилизации психоэмоционального состояния пациента, т. е. способствовать экологичности общения.

Основными средствами реализации тактики эмоционального переключения выступают приемы рационализации, позитивизации, игнорирования эмоциональных реплик пациента, выражение неодобрения по поводу его эмоциональных высказываний, жанровая форма шутки. В случае приема рационализации в высказывании происходит смена эмоционального либо оценочного семантического фокуса на эмоционально либо оценочно нейтральный. В случае приема позитивизации в оперируемое семантическое пространство вводится пресуппозиция о вероятности благоприятного исхода рассматриваемой ситуации, которая приводит к когнитивной перефокусировке с негативных аспектов обсуждаемого явления на позитивные.

В приведенном ниже примере врач пытается осуществить смысловую перефокусировку предоставляемой пациентом информации, «рационализируя» тем самым его реплики. Трансформация смысла (переключение внимания с негативных на позитивные аспекты ситуации) может быть прослежена путем метаязыковой интерпретации реплик врача и пациента.

Пациент: *Вот сколько я приняла лекарств за полтора месяца! Вот это!* (показывает тетрадку с записями) (Это плохо, что мне пришлось принимать много лекарств).

Врач: *Ага... Хорошо!... Вы все записываете, да?* (Это хорошо, что вы ведете учет лекарств, которые вы принимали).

Тактика митигации реализуется посредством преуменьшения (минимизации) значимости или отрицательной оценочности какого-либо явления. К числу используемых лингвистических средств относятся эвфемизмы, используемые для номинирования серьезных патологий (*процесс, заболевание*), диминутивные суффиксы (*рачок, болячка, миомка*), оценочные высказывания (*В этом ничего страшного нет*).

Тем не менее изучение различных контекстов речевого взаимодействия врача и пациента свидетельствует о том, что применение указанных выше типизированных средств повышения экологичности дискурса должно осуществляться с учетом психоэмоциональных и социальных особенностей пациента. Так, сокращение дистанции и деформализация общения, используемые врачом для создания доверительных отношений, могут быть негативно восприняты пациентами с высоким социальным статусом.

Другое интересное наблюдение: некоторые речевые шаги, используемые в медицинском дискурсе, например речевое наложение, в других дискурсах могут рассматриваться как препятствующие реализации экологической функции общения. Вместо этого в коммуникации «врач—пациент» речевые наложения врача в виде сигналов минимальной обратной связи могут служить для стимуляции речевой активности пациента и демонстрации поддержки.

В заключение представленного анализа экологии общения между врачом и пациентом подчеркнем ряд интересных выводов. Во-первых, экологичность общения является этноспецифичным явлением. Во-вторых, ее принципы и параметры могут различаться не только в разных лингвокультурах, но и в разных дискурсах (ср., например, реализацию принципов правдивости и гуманизма в медицинском и судебном дискурсах). В-третьих, отдельные дискурсы могут использовать как стандартные универсальные средства повышения экологичности общения (например, формулы речевого этикета, вежливости), так и особые, присущие им средства, которые утрачивают свой экологический потенциал за рамками данного дискурса. И, наконец, представляется, что выбор средств экологического общения индивидуален и определяется личностными и социальными особенностями коммуникантов.

ЮРИДИЗИРОВАННЫЕ ЭМОЦИИ КАК ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ РЕЧЕВЫХ КОНФЛИКТОВ

Е.С. Кара-Мурза

Одним из основных объектов современной антропоцентрической лингвистики является деструктивный модус общения, а перед некоторыми ее направлениями ставится задача предотвращать конфликты, приобщать коммуникантов к позитивным стратегиям или компенсировать негатив-

ные последствия. Эти направления — культура речи, прагмалингвистика, лингвистическая эмотиология, лингвоэкология и лингвоконфликтология.

В них отмечают или специально изучаются эмоциональные основы речевой деятельности, признается ведущая роль эмоций в формировании настроения, хода и результатов общения. В лингвистической эмотиологии предложена целостная концепция языковой категоризации эмоций и их речевого функционирования, в том числе конфликтогенного, инвективного [Шаховский, 1988; 2008]. Разрабатывая лингвоэкологию с ее акцентом на терапевтической функции языка, соавторы отмечают: в общении создаются «эмоциональные конфликтные ситуации, своей негативной энергетикой провоцирующие негативные эмоции у одной или обеих коммуницирующих сторон. Конфликтообразующим может быть любое слово, сказанное не вовремя, не тому человеку, не в той ситуации, не с той интонацией, с неправильно сориентированной инициальной/терминальной интенцией» [Шаховский, Солодовникова, 2010]. Одной из причин коммуникативных неудач признается эмоциональная агрессия, а их типичными последствиями являются такие негативные переживания, как обида и оскорбленность.

Обида — этноспецифическая, по мнению ученых, «русская» эмоция, возникающая в качестве реакции на поступок другого лица. В первом приближении можно сказать, что *обида* — это жалость к себе, соединенная с *претензией* к другому. Из этого представления о «должном» и возникает идея несправедливости (как несоответствия этому «должному»), обязательно в обиде присутствующая. Обиду сравнивают с оскорблением, указывая, что «само слово *оскорбление*, в отличие от *обиды*, не обозначает эмоции. Оскорбление возникает, когда задета наша честь, обида — когда задето чувство» [Зализняк, 2006, с. 273—285]; см. также [Жельвис, 2000; Санников, 2006, с. 405—470].

Конфликтогенность эмоций изучается в лингвоконфликтологии (ЛКЛ) — в ее вузовском варианте, разработанном как пропедевтический курс для экспертов-речеведов в целях осознания причин криминогенных речевых поступков/текстов, по которым проводится судебная лингвистическая экспертиза [Галяшина, 2006], и перерабатываемом для медиарботников в целях профилактики речевых конфликтов [Кара-Мурза, 2011].

Ее центральным и специфическим объектом является лингвоправовой конфликт (ЛПК) — противостояние сторон, возникающее, когда противоречие их интересов, ресурсов или ценностей реализуется через текст или его значимый компонент, а трактуется в правовых терминах; в юрислингвистике и в теории судебной экспертизы они называются речевыми пре-

ступлениями (РП). Это, во-первых, текстовые нарушения нематериальных конституционных прав личности, прав общества и государства (по ГК и УК РФ); во-вторых, нарушение профессиональных норм социальной (в том числе массовой) коммуникации согласно ФЗ «О СМИ», «О рекламе», антимонопольному и избирательному законодательству [Правовые и этические нормы..., 2007, с. 28]. Лингвоконфликтология изучает также нарушения речеповеденческих норм, трактуемые через моральные оценки, — это наивно-этический конфликт; через призму деонтологии, профессиональной этики — информационный (в журналистике) или избирательный (в предвыборной борьбе) спор.

Представление о важности интерпретативной системы объединяет лингвоконфликтологию с эмотивной лингвоэкологией, которая «рекомендует политикам и журналистам пересмотреть свою языковую политику и более или менее выдерживать основной параметр экологичности — этичность (разрядка моя. — *Е.К.-М.*) в трансляции эмотивных смыслов (через баланс отрицательного и положительного модусов эмотивности) в СМИ. <...>. В экологичной коммуникации адресант в идеале должен превыше всего ставить коммуникативное благополучие адресата. Этого можно достичь через бережное, этическое обращение с его эмоциями и реализующими их семиотическими знаками» [Шаховский, Солодовникова, 2012].

В прикладных направлениях (в юридической психологии, правовых основах журналистики, психологии журналистского творчества) проблематика эмоциональной основы речевых конфликтов и преступлений разработана слабо; эмоции как движущие силы конфликтов почти не освещены в исследованиях по лингвистической экспертизе.

Эмоции локализуются в человеческих измерениях конфликта; его субъективная структура — сложная ролевая конфигурация участников; его субъективная сторона — движущие силы, мотивы [Худойкина и др., 2008]. На это накладываются индивидуальные психические особенности коммуникантов, конфликтный тип их языковой личности [Седов, 2007].

В центре конфликта — конфликтанты; в ЛПК это автор текста и адресат. Каждый из них, руководимый агрессивными или депрессивными эмоциями, настроенный на разрешение или на обострение проблемы, хуже — на ее организацию «на пустом месте», может стать невольным стимулятором или сознательным инициатором противостояния: автор — если создает неадекватный текст (в том числе клеветнический или оскорбительный); такой конфликт в ЛКЛ носит название КОНФЛИКТ ИСПОЛНЕНИЯ, а респондент — если неадекватно воспринимает, например, журналистское выступление — как направленное против себя лич-

но с целью унижения, оскорбления и дискредитации в глазах «значимых других», а не как созданное для решения важной социальной задачи; такая неадекватная трактовка называется КОНФЛИКТОМ ПОНИМАНИЯ. Злокозненность служит одной из примет конфликта в отличие от коммуникативной неудачи, которая, на наш взгляд, характеризуется установкой на преодоление сбоя.

А по сторонам этой конфигурации — второстепенные участники, тоже со своими интересами и целями; с точки зрения эмотиологии важна мера их эмоциональной вовлеченности и интерпретативной активности. Это провокаторы и спонсоры (в официальной риторике таков Госдеп), интерпретаторы и «разрешители» (в ЛПК обе эти роли выполняют судьи), наблюдатели, которые подключаются к интерпретации (например, помимо-вольная аудитория, представители которой подают заявления в УФАС против «оскорбительной» рекламы).

В роли помощников выступают лингвисты-эксперты как профессиональные герменевты-коммуникатологи: будучи объектом судебного рассмотрения, конфликтогенный поступок/текст нуждается в содержательном истолковании или хотя бы в стилистическом комментарии. Лингво-экспертная теория дифференцируется в зависимости от РП: «диффамационные» экспертизы выполняются в иной терминисистеме, нежели «экстремистские».

Сюжет речевого конфликта (его объективная сторона) разворачивается в несколько стадий, сопровождаясь эмоциями от его созревания и обнаружения, включая особые этапы: столкновение (инцидент) и обострение (эскалацию), и до разрешения. Этапы могут знаменоваться нарушением все более серьезных норм и переходом от одной интерпретативной системы к другой (от наивно-этической к правовой) — так может быть совершено речевое преступление или сделана попытка трактовать некий текст как деликт.

Для ЛПК фаза разрешения — это судебное расследование и вынесение приговора; этот этап тоже конфликтен и эмоциогенен, включая конфликт интерпретаций в конкурирующих экспертизах. Преодолеть противоречия, вынести справедливый приговор на основе правильно выполненной экспертизы здесь можно в том числе за счет лингвоконфликтологических знаний об универсальных закономерностях коммуникативных процессов, а также благодаря пониманию специфики речевого воздействия в разных сферах. В частности, важны презумпция доброкачественности журналистского творчества, социальной миссии СМИ и опровержение предвзятого мнения о «продажных журналах», которое поддерживается и распространяется чиновниками, политиками и бизнесменами, разоблаченными в массмедиа.

Действительно, политическая журналистика способна сформировать негативный имидж общественных деятелей, которые стали персонажами журналистских выступлений. Но исходный материал для репутации человек обеспечивает собственными поступками. Симптоматично признание сатирика В. Шендеровича, который в своей программе «Плавленный сырок» дал нелюбезный комментарий к информации о причастности депутата Госдумы от ЛДПР С. Абельцева к хулиганской выходке против правозащитников Л. Алексеевой и Л. Пономарева во время их пресс-конференции. В. Шендерович сказал, что в его отношении к депутату не было ничего личного, а представление о нем он почерпнул из медиаматериалов, где отражались его политическая деятельность и инициативы, в том числе скандальная ситуация на конференции правозащитников. Приведем фрагмент программы «Плавленный сырок» от 14.06.08.

Диктор: Руководитель Московской Хельсинкской группы Людмила Алексеева и лидер движения «За права человека» Лев Пономарев были забросаны яйцами во время пресс-конференции в Москве, посвященной пыткам и убийствам заключенных в Челябинской колонии. Нападение на правозащитников устроила группа молодежи под руководством депутата Госдумы от ЛДПР Сергея Абельцева.

Шендерович: Вы лицо депутата Абельцева себе представляете? А Людмилу Михайловну Алексееву? Ну то-то. И как приятно знать, что наша законодательная власть — это именно Абельцев и еще четыре сотни таких же йеху, а не восьмидесятилетняя маргиналка Алексеева, у которой ни значка с триколором, ни машины с мигалкой, ни бюджетного финансирования... Так вот, кстати, о наших йеху с Охотного ряда. Хамское нападение на двух немолодых людей животное Абельцев соорудило во вторник — наверное, уже в среду его осудила ихняя комиссия по этике... Нет? Тогда, может быть, в четверг? Ну, в пятницу — точно осудила? Нет? Вообще ни слова? Надо же. Стадо йеху. Читайте Свифта, а больше мне добавить нечего.

Решив защитить свои интересы и/или наказать дерзких журналистов, «герои» публикаций пишут исковые заявления в суд или обращаются к общественности либо к авторам с эмоциональными подробностями о своем униженном состоянии. Депутат С. Абельцев обвинил Шендеровича в оскорблении; на первом процессе писатель был оправдан, но дело было возобновлено. Депутат написал Шендеровичу письмо и разместил его на своем официальном сайте¹: *Уважаемый Виктор Анатольевич! 14.06.2008 года Вы угощали своих постоянных и, видимо, уже прикормленных этим не самым изысканным блюдом, слушателей, очередным*

¹ Орфография и пунктуация автора сохранены.

«Плавленным сырком». Видимо для того, чтобы несколько улучшить «пищевые» свойства и удобоваримость этого продукта, Вы решили освежить его вкус, эдак «задать перцу», щедро пересыпав текстовки жаргонизмами, междометиями, просторечными, блатными и оскорбительными словами и словечками. <...>

<...> Лично меня, просто как нормального человека, от всего этого коробит. А как депутат Государственной Думы считаю приведённое Вами определение российских парламентариев оскорбительным, развращающим общественную нравственность, недостойным культуры русской речи и, соответственно, предосудительными, то есть достойными осуждения и порицания. <...> Вы и прочие могут только поливать грязью, поскольку это Ваш жанр, давать советы, играть роль общественных поводырей. Но обратиться к Вам с просьбой написать о своей стране что-то хорошее, сделать конкретное полезное дело — не сможете. Разучились за годы реформ и полной безнаказанности. <...>

Я не в обиде на Вас, Шендерович. Я Вами оскорблён. Как говориться, почувствуйте разницу. Вы меня оскорбили, совершили речевой акт вербальной агрессии, в котором реализовали свой побудительный мотив оказать коммуникативное давление на адресат речи, то есть на меня. <...>

Поэтому, возвращаясь к делам земным, настоящим хочу уведомить Вас, что расцениваю данное в мой адрес «определение», как унижающее мои честь и достоинство. А будучи к тому же высказанными в неприличной форме — уголовно наказуемым деянием — оскорблением, обнародованным в средствах массовой информации. Это даёт мне полное право обратиться в правоохранительные органы с требованием о привлечении Вас к уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 130 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также требовать в порядке гражданского судопроизводства возмещения причинённого мне морального вреда. Также извещаю Вас, что мной принято решение сообщить о Ваших действиях в Министерство связи и массовых коммуникаций Российской Федерации и в Министерство юстиции Российской Федерации.

Объем понятия РП может трактоваться широко (см. выше) и узко — как раз с учетом психоэмоциональной специфики деликта. По мнению юриста, «слово имеет значение полноценного элемента состава преступления только в преступлениях против чести, достоинства и деловой репутации, ответственность за которые предусмотрена ст. 129 и 130 УК РФ. Непосредственным объектом таких преступлений, как клевета и оскорбление, являются честь и достоинство человека. Последние относятся к нема-

териальным благам, их нельзя сломать или украсть. Причиненный этим объектам вред может выражаться только посредством внутренних ощущений пострадавшего. Так, унижение чести (положительной оценки качеств лица в общественном сознании) предполагает ощущение истцом изменения общественного мнения о себе в результате его дискредитации в глазах общества» [Биндюков, 2004, с. 199]. «Унижение языком» — один из симптомов кризиса русской речи [Шаховский, 2007, с. 140—148].

Эта группа речевых преступлений получила на Западе обобщающее название — «диффамация» [Эрделевский, 2005] и включает диффамацию в тесном смысле (ст. 152 ГК РФ), т.е. распространение порочащих сведений, а также декриминализованные в 2011 г. оскорбление и клевету (теперь — ст. 5.60 и 5.61 КоАП РФ). Они объединены результатом и типом вреда, наносимого ими; их результат — нарушение неотъемлемых прав личности (человеческого достоинства, чести и деловой репутации, права на неприкосновенность личной жизни и на доброе имя) — 1) характеристикой лично адресата в неприличной форме или 2) распространением порочащей информации, что унижает человека в собственных глазах, дискредитирует в глазах аудитории/ электората, умаляет деловую репутацию с точки зрения партнеров или клиентов. Вред (чувство униженности) носит не материальный, а психологический характер.

Мне уже приходилось писать о психоэмоциональной специфике диффамационных деликтов. Распространение порочащих сведений — это речевой поступок двойной направленности: он адресован одновременно и непосредственно аудитории (зрителям—слушателям—читателям) и опосредованно — тому человеку, который стал отрицательным персонажем текста. Перлокутивной целью воздействия является сфера чувств и отношений, а потом уже область мысли и регуляция поведения; чувства носят негативный характер и указываются в исковом заявлении как мотив обращения в суд. Но адресатом-истцом они зачастую только декларируются, а не переживаются: истинной причиной подачи иска бывает сведение счетов с политическим или экономическим противником [Кара-Мурза, 2009, с. 253—271].

Так же — как унижение — в законе описывается перлокутивный эффект оскорбления, но вызывается он иными причинами. Согласно комментариям правоведов, он возникает, когда непосредственно в адрес инвектума (адресата—объекта оскорбления) звучит со стороны инвектора (автора-оскорбителя) обобщенная характеристика — инвектива в неприличной форме (с использованием обсценизмов, грубо-экспрессивного

просторечия, грубых зооморфных метафор) [Понятия..., 1997]. Есть наблюдатели или их нет — для состава оскорбления не важно, но публичность такого демарша действует как отягчающее обстоятельство (например, на мероприятии или в эфире). Таким образом, для признания некоего высказывания оскорблением в правовом смысле должен быть комплекс условий — лингвистических и психологических [Баранов, 2007]. Пример: некий глава городской администрации подал иск об оскорблении против местного депутата, который, когда его упрекнули в том, что пришел на заседание в нетрезвом виде, сказал этому главе: *«Ну ты, б...ть, ну ты и п...с»*. Это прямой, а не косвенный оценочный речевой акт, а кроме того, в непристойной форме: в сказуемом характеризующего высказывания и в вокативе употреблены матерные слова.

Таким образом, юридизация языка и речевой деятельности [Голев, 2000б, с. 8—40], которая в юрислингвистике понимается как ее законодательная регуляция, распространяется и на ее психологическое измерение: юридизировалось «поле» униженности, обиженности и оскорбленности — негативных социальных чувств, возникновение которых обусловлено развитием высших эмоциональных и этических потребностей человека и которые в законах присутствуют как результаты словесных правонарушений адресанта/автора, чьей целью предполагаются унижение и оскорбление адресата=персонажа; эти чувства становятся причиной, психологическим основанием для возбуждения иска при переходе конфликта в судебную фазу.

Несмотря на активное изучение диффамации, в этой сфере осталось много нерешенных вопросов, более того — возникли новые.

Пункт 1. Дело о диффамации возбуждается, когда истец заявляет, что о нем распространены порочащие сведения, в результате чего он унижен и дискредитирован. Эти психологические феномены доказать затруднительно: они истинны для заявителя, но эта истинность субъективна, а заявитель может быть неискренен. Верифицировать можно моральный вред — по психосоматике. Проверить дискредитированность заявителя в массовой аудитории вообще маловероятно. В конечном итоге текст признается деликтом, а его автор/распространитель — виновным в правонарушении не потому, что адресат заявил об унижении или оскорблении, а потому что в тексте есть признаки состава этих преступлений и юрислингвистические показатели — сведения о правонарушениях и/или аморальном поведении истца, выраженные 1) как факты (в утвердительной форме, в грамматическом центре), а 2) не как мнения. Эта позиция неоднократно формулировалась в постановлениях пленумов Верховного Суда РФ.

В отсутствие этих показателей возникает драматичная ситуация. Даже провокационная публикация, как минимум, вызвавшая у персонажа реальное чувство незаслуженной обиды, как максимум, создавшая в аудитории необоснованно негативное отношение к этому человеку, останется безнаказанной, и журналисты, недобросовестные или неквалифицированные, не получают урока, если она построена на намеках, конструкциях мнения и предположения. Ведь формальных оснований возбуждать иск не будет.

Представитель истицы Татьяна Т. обратился в суд с просьбой признать недостоверной, порочащей и оскорбляющей честь и достоинство информацию о ее причастности к отравлению и гибели собак, которая содержалась в программе «Х» на канале «У».

• *Во дворе столичной многоэтажки произошло убийство. Погибших — четверо. Жильцы написали заявление в милицию и представили улики — возможное орудие убийства и съемки камеры наружного наблюдения. Почему подозреваемую не стали задерживать?*

• *Зинаида З., сама того не желая, довела жильцов дома до слез. Именно ей пришлось сообщать соседям о том, что собак, которых любил весь двор, отравили.*

• *Оперативники теперь изучают съемки камеры, установленной над подъездом. Эта женщина чаще остальных появляется в кадре. Вот, например, начало первого, потом два часа дня и четыре. Зинаида сразу узнала в незнакомке свою соседку Татьяну Т.*

• *... Что-то сыплет из пакета ...*

При всей отчетливости наведенных подозрений комиссия лингвистов-экспертов не выявила в этом тексте утверждений, относимых к действиям истицы, на основании которых можно возбуждать дело. Взяв его на семинар для выполнения учебной экспертизы, я получила от студентов мощную реакцию возмущения: как это — нет оснований для иска? Возник конфликт хорошего с лучшим — искреннего молодежного чувства справедливости с представлением о правовых границах между допустимыми и недопустимыми приемами информирования. Так что я была вынуждена оправдываться тем, что если бы не было ограничений на содержание и приемы распространения негативной информации, то журналистика была бы парализована исками обидчивых людей — и начальников, и простых граждан.

Ведь вся цепочка — от преступного речевого замысла до вредоносных эмоциональных и интеллектуальных результатов — устроена принципиально по-иному, нежели в случаях преступлений с другими «орудиями» и

против других объектов; ведь информационное воздействие принципиально вероятно. Единственным гарантированным его результатом (в случае нормальных, без шумов, каналов связи) является эффект получения сведений; даже эффект знания может не получиться, не говоря уже о принятии оценки или отказе от нее и тем более о поведенческой реакции. Кроме того, на стадии замысла и порождения, а также на стадии восприятия и толкования текста может включиться механизм лжи и (само) обмана (работающий, конечно, и в случаях «обычных» проступков и подозрений в них). Поэтому, в то время как защита от любого правонарушения/преступления и/или наказание за него предполагают — в идеале — адекватную реконструкцию произошедшего, поведения преступника и последствий для жертвы, юридические представления о причинах и следствиях РП в ряде случаев 1) не реконструируемы, 2) не соответствуют действительности, что приводит к несправедливым приговорам.

Пункт 2. ДИФФАМАЦИЯ предстает сейчас, по-моему, неким «зонтичным» преступлением. Помимо общего законодательства (ГК и УК), откуда она «родом», ее проявления мне видятся в иных законах, более или менее далеких от исходных ситуаций оскорбления личности либо распространения порочащих сведений о физическом или юридическом лице. Это нуждается в обсуждении и лингвистами-экспертами, и специалистами по речевой конфликтологии; надо выяснить, есть ли у этих дел общая психологическая основа, можно ли научить(ся) избегать таких конфликтов; возможны ли единая теоретико-методическая база и унификация способов исследования, параметров конфликтогенных текстов.

Во-первых, защита чести и достоинства поддерживается профильными законами массмедиа. В ФЗ «О СМИ» ст. 4 «Недопустимость злоупотребления свободой массовой печати» гласит: «Не допускается использование средств массовой информации в целях совершения уголовно наказуемых деяний»; после декриминализации клеветы и оскорбления остается запрет на словесный экстремизм. Статья 43 «Право на опровержение» подразумевает деликт по ст. 152 ГК РФ: «Гражданин или организация вправе потребовать от редакции опровержения не соответствующих действительности и порочащих их честь и достоинство сведений, которые были распространены в данном средстве массовой информации» [Правовые и этические нормы. . . , 2007, с. 46, 57].

Конфликтогенный потенциал политического дискурса зафиксирован также в избирательном законодательстве [Кара-Мурза, 2003, с. 119—152]. В статье 56 «Ограничения при проведении предвыборной агитации» закона «О выборах Президента Российской Федерации» сказано: «Организа-

ции, осуществляющие выпуск средств массовой информации, в случае обнаружения (опубликования) ими агитационных и информационных материалов (в том числе содержащих достоверную информацию), способных нанести ущерб чести, достоинству или деловой репутации кандидата, деловой репутации политической партии, выдвинувшей кандидата, обязаны предоставить соответствующим кандидату, политической партии возможность до окончания агитационного периода бесплатно обнаружить (опубликовать) опровержение или иное разъяснение в защиту своей чести, достоинства, деловой репутации» [Правовые и этические нормы..., 2007, с. 141].

«Отзвуки диффамационности» обнаруживаются и в ФЗ «О рекламе» (2006 г.). Статья 5 «Общие требования к рекламе» утверждает: «Реклама должна быть добросовестной и достоверной. Недобросовестная реклама и недостоверная реклама не допускаются. В рекламе не допускается использование бранных слов, непристойных и оскорбительных образов, сравнений и выражений, в том числе в отношении пола, расы, национальности, профессии, социальной категории, возраста, языка человека и гражданина (...)». В статье 6 «Защита несовершеннолетних в рекламе» сказано: «В целях защиты несовершеннолетних от злоупотребления их доверием и недостатком опыта в рекламе не допускается: 1) дискредитация родителей и воспитателей, подрыв доверия к ним у несовершеннолетних (...)» [Там же, 2007, с. 70, 72—73].

Оскорбленные рядовые потребители или эксперты могут обратиться в ФАС (Федеральную антимонопольную службу), которая принимает решения о наложении штрафов или прекращении трансляции рекламы, в которой авторы пренебрегают деонтологическими требованиями или нарушают законы. Но их применение затруднено из-за нечеткости признаков состава правонарушения, прежде всего понятий оскорбительных образов и выражений в ФЗ «О рекламе»: законы о рекламе написаны так, чтобы предотвратить опасность, исходящую не только от явных формулировок, но и от импликаций. Это оставляет простор для произвольных толкований.

Ключевая фраза из рекламы клубного дома «Родина» в Екатеринбурге звучала так: *«Продаем Родину. Платим за детей»* (имелись в виду скидки покупателям, в семьях которых есть дети). В социальных сетях и изданиях города началось возмущение; на профессиональных сайтах рекламистов (в частности Adme.ru) мнения разделились: кто-то говорил о ее эффективности для целевой аудитории (размещение рекламы сразу способствовало продаже нескольких дорогостоящих квартир), кто-то — о неэтичности. Заявительница (эксперт из силовых структур) обвинила

эту рекламу в побуждении к измене родине; по результатам лингвистической экспертизы УФАС признало, что в этой рекламе были оскорблены родительские и патриотические чувства жителей города. Реклама была снята досрочно, ее создатели и заказчики подвергнуты штрафу.

Правонарушения посредством текста, результатом чего является унижение чести и достоинства, обнаруживаются и среди преступлений политических — словесного экстремизма [Галашина, 2006]. «Политическая» разновидность словесного экстремизма раскрывается в ст. 280 УК РФ и в ФЗ № 114 как антиконституционные, насильственные действия против политического строя, государственной целостности, общественного порядка, в том числе как некоторые виды речевой активности: призывы к противоправной деятельности и оправдание ее. В состав этого преступления включается диффамационный компонент — клевета на представителя власти (в УК РФ осталась ст. 319 — клевета в тот же адрес), а также угрозы ему.

В статье 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» состав преступления описывается как «действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды к группе лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе». «Язык вражды» эмоционально мотивирован враждебностью авторов к некоей этнокультурной группе — это так называемый этноэкстремизм, тоже двунаправленное, двухадресное преступление: авторы обращаются и к массовому адресату, из которого хотят сделать единомышленников в ненависти к «чужакам», и к этим «чужакам», которых хотят стигматизировать, запугать, не допустить к дележу неких ограниченных ресурсов: денег, власти.

Здесь объектом преступного воздействия являются феномены коллективной (а не индивидуальной) психологии: чувство групповой идентичности, национального достоинства, религиозные чувства. Результатом создания и распространения в рамках некоего события (Русского марша) некоего текста (лозунга *Бей жидов/черных*), демонстрации знака или жеста (свастики или «зиги») у отдельных представителей этого народа/нации или у их группы предполагается возникновение коллективного чувства униженности, ощущения опасности, подкрепленного исторической памятью о Холокосте, сталинских депортациях, эмиграции. Верификация массовидных чувств еще менее вероятна, чем доказательство индивидуального переживания, но она тоже не требуется: при расследовании и вынесении приговора правоведам должны опираться на текстовые показатели, а также доказывать наличие авторского умысла как субъективного, психологического состава преступления.

Антиэкстремистское законодательство, в частности ст. 282 УК РФ, создавалось в контексте международной борьбы с последствиями нацизма и антисемитизма, в условиях становления национализма в постсоветской России. Но в 2003 г. она была дополнена указанием на социальную группу и стала использоваться против критических выступлений политиков и просто активных граждан в адрес силовых структур (МВД, ФСБ), властных и бизнес-инстанций, которые стали представляться пострадавшими социальными группами. В последние годы эта статья применяется расширительно: дела возбуждаются по фразам *Долой самодержавие и престолонаследие* или *Свободу не дают, ее берут*. Оскорбительными и возбуждающими вражду и ненависть признаются пейоративные номинации *менты, мусора* (дело С. Терентьева). В июне 2012 г. была предпринята попытка возбудить дело против ряда блогеров и СМИ «о возбуждении социальной ненависти к топ-менеджменту крупнейших российских компаний» на основании волны публикаций о дорожном происшествии, инициированной блогером С. Робенковой: машина первого вице-президента «Газпромбанка» А. Шмидта в подмосковном Новогорске на пешеходном переходе сбила двухлетнего мальчика и не отвезла в больницу. Но в результате не блогеров оштрафовали, а шофер был признан виновным по ст. 12.27 КоАП и лишен водительских прав на один год.

Таким образом, некоторые коммуникативные конфликты получили правовое воплощение в российском законодательстве. Они признаны преступлениями и правонарушениями, которые совершаются посредством текстов против нематериальных прав, во-первых, личности, во-вторых, разных групп (национальных, социальных): индивидуальных чести, достоинства и деловой репутации, а также достоинства национального и социального, религиозных чувств. Движущие силы, вред, нанесенный лицу или группе лиц, результаты, предполагаемые у «наблюдателей» (массового адресата), — все это имеет психоэмоциональную природу, воплощается в юридизированных эмоциях оскорбленности и униженности, вражды и ненависти, в комплексном эффекте дискредитации.

При этом два феномена — нематериальные блага и права социальных групп и сами эти социальные группы — не определены в должной мере; правовые признаки этих преступлений вместе с их юрислингвистическими показателями при сходном психологическом вреде существенно различаются, эмоциональная составляющая не верифицируема.

Кроме того, на мой лингвоэкспертный взгляд, в этом блоке законодательства недостаточно учитываются внутренние закономерности речевого взаимодействия. Это затрудняет проведение лингвистических экспертиз

и вынесение справедливых приговоров, что становится источником новых конфликтов. Здесь для лингвистов конфликтологических направлений открывается поле деятельности; было бы полезно разработать специальный курс для будущих юристов, который можно было бы читать в дополнение и к курсу законодательной техники, и к курсам гражданского и уголовного права.

ЦЕННОСТНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

В.И. Карасик

Лингвоэкология — новое измерение социолингвистики, ее предмет изучения — сохранение жизнеспособности языка, понимаемого как своеобразная окружающая среда человечества. Такая адаптация традиционных проблем экологии к науке о языке представляется вполне закономерной. В течение долгого времени язык осмысливался как живой организм, затем — как системно-структурное образование, т.е. как сложный инструмент, затем — как дом бытия с присущими этому дому этнокультурными особенностями архитектуры. Каждая из объяснительных метафор имеет право на существование. Лингвоэкология в этом плане является возвращением к пониманию языка как живого организма, который может болеть, которому могут угрожать различные силы, который нуждается в помощи. Соответственно, нужно определить следующие моменты: 1) что можно считать показателями языкового здоровья; 2) что может угрожать языку; 3) что можно рассматривать как загрязнение языка или его болезнь; 4) в чем состоит помощь языку или его сохранение.

Прежде чем охарактеризовать язык как здоровый организм, т.е. как нормально функционирующее образование, находящееся в балансе и взаимодействии с внешней средой, определим, что получает язык от внешней среды и что он ей отдает. При всей условности данного сравнения можно признать, что внешней средой по отношению к языку (имеется в виду язык как средство общения) является культура, в рамках которой он существует. Соответственно, язык получает от культуры систему потребностей человеческого общества как огромного распределенного организма, перерабатывает эти потребности в смысловые кванты, выражает их в знаках и, в свою очередь, передает культуре упакованный опыт в виде слов, словосочетаний, высказываний, текстов, речевых жанров и типов дискурса.

Общим местом в лингвистике является тезис о многоуровневом и многоаспектном строении языка. Одним из возможных аспектов рассмотрения языка может быть его социально-функциональная специфика: можно выделить три модуса существования языка — бытовой, институциональный и духовный. Бытовой модус существования языка сводится к обеспечению витальных потребностей индивида, его типичное проявление — общение с близкими и друзьями; он является древнейшей и генетически исходной разновидностью языка, существует в устном виде, его инструментарий весьма ограничен, основные функции состоят в воздействии, осуществлении практического действия и поддержании эмоционального контакта, им по определению владеют все члены общества. Институциональный модус существования языка обеспечивает существование социума в его функциональных системах — политической, военной, образовательной, медицинской, научной, массово-информационной и т.д. Типичное проявление этого модуса — профессиональное общение (общение профессионала с коллегами и непрофессионалами), такая коммуникация осуществляется устно и письменно, ее инструментарий достаточно детально разработан, основные функции — выполнение ритуалов, организационная презентация и обмен информацией. Этим модусом языка в разной степени владеют многие члены общества в своей сфере деятельности. Духовный модус существования языка состоит в самореализации человека как личности и проявляется в художественном творчестве, саморефлексии и игре. Такая коммуникация часто принимает форму автокоммуникации, по М.Ю. Лотману (1973), осуществляется большей частью письменно, ее инструментарий весьма обширен и требует постоянного обновления, ее основные функции — самовыражение, креативность и самопонимание. Из сказанного следует, что показателями языкового здоровья во всех модусах существования языка может считаться соответствие коммуникативной практики основным функциям языка, а нарушениями такого здоровья — отклонение реальной коммуникации от выполнения ее функций.

В современной филологии и публицистике часто обсуждаются темы засорения русского языка лишними заимствованиями и резкого увеличения количества вульгаризмов в речи. Позиции авторов по этим вопросам сводятся к эмоциональной констатации кризиса, в котором пребывает язык, говорят даже о том, что точка невозврата пройдена, с одной стороны, и скептическому отношению к такому положению дел, с другой стороны. Например, Д.Б. Гудков, Е.Ю. Скороходова (2010) и М.Н. Эпштейн (2006) приводят обоснованные данные о лавинообразном вторжении

англоязычных слов и грамматических конструкций в русский язык, это сопровождается сокращением использования собственных словообразовательных ресурсов. М.А. Кронгауз (2009) в своей известной монографии «Русский язык на грани нервного срыва» приводит доводы в пользу того, что такой кризис не угрожает основам языка. Более опасным положением, по мнению В.В. Колесова (1998), является фактический отказ от высокого речевого регистра, сведение всех стилевых разновидностей языка к разговорно-обиходному общению. Такая ситуация свойственна не только русскому языку. С. Пинкер (2004) говорит о том, что и английский язык переживает кризисное состояние, видоизменяясь до неузнаваемости, и для современных рефлектирующих носителей языка такая трансформация выглядит как потеря важнейших культурных ценностей. Вместе с тем подобная реакция части общества на изменение языкового вкуса [Костомаров, 1994] естественна и обычна: это похоже на сетования пожилых людей о том, что молодежь испортилась. Такие замечания встречаются еще в древнеегипетских папирусах.

Принимая во внимание существенное воздействие массовой культуры на сознание наших современников и, соответственно, на их коммуникативную практику, отметим, что массовая культура стремится нивелировать личностное своеобразие людей, формируя единые запросы и паттерны поведения, направлена на понижение рациональной критичности в обществе, способствует росту спонтанных эмоциональных всплесков. Сюда относятся все проявления поведения толпы, по Г. Лебону (1995). Важнейшими признаками влияния массовой культуры на коммуникативное поведение являются деформация концептов — резкое сокращение понятийной составляющей в кванте переживаемого знания, размывание образной составляющей концепта и гипертрофия его эмоционально-оценочного содержания, которое вырождается в ментальную реакцию на некий стимул. Параллельно и в связи с этим происходит резкое сокращение количества слов в индивидуальном лексиконе. Такое изменение концептов, возникновение их специфических эрзацев, которые можно терминологически обозначить как эпиномы — кванты поверхностного эмоционально искаженного знания, и процессы девербализации составляют важную отличительную особенность современной массовой культуры [Карасик, 2010].

Если соотнести угрозы языку с модусами его существования, то можно установить и диагностировать типичные нарушения функций соответствующих языковых модусов.

Общение в бытовой сфере индексально, слова сопровождают действия, многие речевые проявления осуществляются рефлексивно и подкрепляют паравербальное поведение. Ю. Хабермас выделяет практически ориентированное действие как важнейший и самый частотный тип социальных действий [Habermas, 1984]. Пример симпрактических речевых проявлений — широкое использование указательных слов, замещающих как предметы, так и всю референтную ситуацию: *Я это, а вы тут вон чего!* Подобные фразы вне контекста принципиально не поддаются интерпретации. Такие предложения являются функциональными эквивалентами междометий. Класс междометий и близких им языковых образований — междометных эквивалентов, пустоговорок (бессмысленных речений, используемых для заполнения пауз) и изглашений (термин М.Я. Блоха — алогичных высказываний, неподдающихся рациональной интерпретации) — относится к древнейшим коммуникативным единицам. Мы говорим о нарушении баланса в бытовом общении в том случае, если этот класс единиц начинает замещать все другие классы языковых единиц. Происходит сворачивание языковых средств — языковая инволюция, возвращение языка к своему древнейшему состоянию, для которого характерно незначительное число знаковых образований с предельно широким значением, привязанным к конкретной ситуации. Таковы многие жаргонные и сленговые образования. Фраза *Mike is an article*. — *Майк — тот еще фрукт* выражает эмоциональное отношение к определенному субъекту и может содержать как отрицательную, так и положительную его оценку. Лексические единицы в случае инволюционной трансформации осмысливаются произвольно: *Ваше кредо? — Всегда!* (И. Ильф и Е. Петров).

Борьба за существование неизбежно принимает форму прямой или скрытой агрессии, в том числе и речевой. В языке выработан класс инвектив — коммуникативных единиц, используемых для этой цели. К инвективам относятся оскорбления, проклятия, дразнилки, насмешки, унижающие эмблемы, в том числе жестовые. Сильным инвективным потенциалом обладают лексические и фразеологические единицы, называющие и характеризующие запретные для наименования референты — сакральные объекты, физиологические отправления, интимные сферы поведения и т.д. Коммуникативная природа инвективных единиц, прототипным классом которых являются вульгаризмы, детально охарактеризована в работах В.И. Жельвиса (2001). Анализ этих единиц показывает, что они относятся к древнейшему пласту исконной лексики, исторически возникают при превращении сакральных объектов в профанные, выполняют функции «выпускания пара», изменения статусных отно-

шений, сокращения коммуникативной дистанции, принуждения адресата к определенным действиям. В ответ на вербальную агрессию появляются аналогичные инвективы либо шутки или производятся физические действия. Простейшей формулой инвективного диалога является парирование: *Ты дурак! — Сам ты дурак!* В определенных лингвокультурах, например у афроамериканских подростков, выработано своеобразное искусство обмена оскорблениями на большой скорости. Вырождение вульгаризмов приводит к тому, что их начинают использовать в качестве заполнителей пауз, при этом их эмоциональный заряд резко снижается. Употреблением вульгаризмов говорящий показывает своим и чужим, что не намерен придерживаться каких-либо внешних правил приличного поведения и готов к агрессии в отношении тех, кому такое поведение не нравится. Знаком нашего времени является фактическое снятие запретов на использование вульгаризмов в тех сферах, где до недавних пор подобные единицы не появлялись — в общении между мужчинами и женщинами, в речи женщин и детей. Наличие вульгаризмов превратилось в эмблематический знак обычного нормального общения между равными. Поскольку любая коммуникативная ситуация в жанровом плане сориентирована на некое прототипное событие, то в качестве такого прототипного события в обиходном общении выступает диалог между бандитами. Иначе говоря, возрастание агрессивности в общении свидетельствует о криминализации сознания значительной части общества. В криминальном сообществе действует приоритет грубой силы. Таким образом, сведение различных форм эмоционального контакта в общении к демонстрации силы является одним из факторов дегенерации человеческого сообщества, в том числе и в лингвоэкологическом плане.

В институциональном общении деформация языка проявляется как формализация функций социального института. Информирование адресата утрачивает релевантность. Запрашиваются сведения, не имеющие отношения к функционированию института, выносятся непрофессиональные суждения, замещаются типы дискурса и в целом происходит жанрово-стилевая инволюция общения — его возвращение к сниженно-обиходной сфере коммуникации. Социальный институт нуждается в постоянных ритуалах, подчеркивающих идентичность его членов. Таковы производственные собрания различного плана, на которых обычно решаются вопросы, имеющие отношение к практической деятельности соответствующего профессионального сообщества. Вместе с тем эти собрания подтверждают принадлежность коммуникантов к данному институту, неизменность его иерархической структуры и цен-

ностей. Ситуация институционального кризиса отражена в известной сказке о платье голого короля. Участники общения ведут двойную игру — они видят, что положение дел не соответствует реальности, но делают вид, что не замечают этого. Формализация общения неизбежно выливается в обман и самообман. Возникают различного рода штампы публичной самопрезентации, и в определенных социальных институтах соответствующие штампы прочитываются как индикаторы реального положения дел. Например, в коммюнике о встрече высокопоставленных дипломатов сказано следующее: *«Стороны подчеркнули важность ведения дальнейших переговоров по ряду спорных вопросов с тем, чтобы ликвидировать препятствия на пути к достижению согласия»*. Эта фраза означает, что переговоры не привели к достижению договоренности и стороны остались на прежних позициях. Понятно, что в деятельности социальных институтов возможны различные проблемы, возникающие из-за разнонаправленных векторов общественных интересов. Акцентирование единодушия и эмоциональное подчеркивание поддержки политики руководства являются, по наблюдениям В. Клемперера (1998), признаками тоталитарного общества, для которого характерны такие коммуникативные индикаторы, как восклицательная интонация, «проклятие суперлатива» (*всемирно-исторические достижения*), иронические кавычки и их субституты (*так называемые «обличители пороков» показали свое истинное лицо*).

Бюрократизация общения свидетельствует о том, что реальное функционирование социального института переживает кризис. Такая бюрократизация выражается в виде «деревянного языка», по П. Серию (это словосочетание, кстати, использовалось в качестве заголовка в статье Е. Вороньева в советском журнале «Смена» № 319 за 1939 г.). Журналист иронически комментирует бюрократические обороты в речи комсомольского работника: *Заманчивая прогулка на лодках была вдруг окрещена Сухариковым на канцелярский манер. В объявлении, которое комсорг вывесил у входа в цеховую столовку, значилось: «Организованно проведем массовое лодочное мероприятие. Сбор лиц, желающих культурно провести свой досуг, на пристани в 11 часов утра». Так и представляется после этого объявления, что в каждую лодку будут погружены небольшая переносная трибуна и графин с водой для докладчика. Председательский колокольчик будет звенеть над водной гладью, а высказываться вслух о закате будет разрешено только в прениях, в порядке живой очереди...*

Ключевым словом бюрократа является *‘мероприятие’*, т.е. запланированное событие, которое является значимым для отчетности. Формализация институционального дискурса неизбежно сводится к количественным показателям, поскольку они легко обрабатываются и превращаются в зна-

ки, замещающие любые реальные объекты. Участниками казенно-канцелярского дискурса являются лица («человек как член общества, представитель какого-либо социального слоя» [БТС, 1998]). В этом юридическом представительском значении слово *‘лицо’* антонимично слову *‘личность’*, в котором акцентируются уникальные характеристики человека. Требуется комментарий и слово *‘культурно’* в данном контексте: в толковом словаре под ред. С.А. Кузнецова отмечается, что прилагательное *‘культурный’* имеет производное значение *‘находящийся на высоком уровне культуры’*, и в качестве типичного словосочетания приводится *‘культурный отдых’* [Там же]. Такое словоупотребление было идеологически маркированным: граждане, разделяющие коммунистическое мировоззрение, ведут себя культурно, а остальные, т.е. отсталое население, проводят свой досуг некультурно.

Далее в цитируемой статье приводится следующий пассаж: *Однажды секретарь заводского партбюро поинтересовался, бывает ли Сухаринов в театре.*

— Ну, конечно, бываю, — поспешил заверить секретаря наш знакомец. — Только на днях лично смотрел пьесу «Мать».

Эмблематичным для бюрократического общения является слово *‘лично’*, весьма частотное в отчетах о проведенных мероприятиях. У этого слова появляются особые обертоны, если речь идет о высшем должностном лице государства: *Настоящая, позитивная критика имеющихся недостатков и упущений ничего общего не имеет с критиканством, ибо трезвый и обстоятельный анализ всегда способствовал и способствует успеху дела. Этому ленинскому положению мы обязаны быть верны всегда и во всем. Именно так ставят вопрос наша партия, ее ленинский Центральный комитет, политбюро ЦК и лично товарищ Л.И. Брежнев* (Д.А. Кунаев // Огонек. 1973. № 45).

Политическая риторика эпохи Л.И. Брежнева отличалась величавым спокойствием. Это выражалось в четком позиционировании иерархии общества: народ — партия — Центральный комитет — Политбюро — Генеральный секретарь — Ленин как символ государства. Слово *‘лично’* выступает как индикатор сакральной позиции высшего руководителя страны. Нельзя не заметить регулярных уточняющих повторов в приведенном тексте: *‘настоящая, позитивная’*, *‘недостатков и упущений’*, *‘трезвый и обстоятельный’*, *‘способствовал и способствует’*, *‘всегда и во всем’*. Нарастающая сила музыкального звучания — крещендо — отчетливо прослеживается в перечислении властных структур страны. Отметим, что в риторическом плане перед нами красиво построенный сбалансированный текст, архитектура которого ассоциируется с канонами религиозного дискурса. Вырождение такого текста приводило к появлению штампов.

Деформация языка в духовном общении проявляется как замещение этого общения его низкопробными копиями. Если ключевой функцией духовного общения является самовыражение, то видимость самовыражения — это заимствование, чужая речь вместо собственной. Это серьезная проблема всего мирового сообщества, а не только нашей страны. В академической, научной и художественной сферах общения такое коммуникативное поведение квалифицируется как плагиат. Распространение электронной формы передачи информации резко облегчает копирование чужих текстов. Размещение авторских текстов в открытом доступе провоцирует недобросовестных людей брать фрагменты этих текстов и выдавать их за свои. Защита таких текстов с помощью паролей и ограничения доступа к информации лишь частично спасает положение. В сфере художественного творчества плагиат менее распространен, чем в других типах дискурса, отчасти потому, что научные и академические тексты в наше время стали массовым продуктом, а художественные в определенной мере сохранили свою уникальность или видимость уникальности. Существуют особые художественные жанры, состоящие в комбинировании существующих текстов — пастиш и римейк. Кроме того, авторское самовыражение может осуществляться в пародировании существующих текстов либо их переводе на другой язык.

Определить долю творческого содержания в том или ином художественном тексте весьма сложно. Так, например, автор может воспользоваться существующим сюжетом, не скрывая исходного текста, как это сделал Т. Манн в романе «Иосиф и его братья», или предложить свое развитие исходного сюжета, комментируя его, как это сделал М.А. Булгаков в романе «Мастер и Маргарита». В таких случаях нет оснований для того, чтобы говорить о профанизации исходного текста и деформации коммуникации. Спорным моментом для квалификации того или иного произведения как эрзаца является и ремесленный текст, например, в жанре дидактической мнемонической рифмовки или скороговорки. Граница между креативным и рутинным текстами весьма подвижна, и критерии для отнесения того или иного коммуникативного произведения к художественному либо какому-то другому дискурсу субъективны. В эпоху А.С. Пушкина альбомные стихи рассматривались как поэтические тексты, а в наше время любой пользователь Интернета может разместить в сети свои тексты под настоящим или придуманным именем. Читатель и критик могут определять художественный (или научный) уровень текста, степень его оригинальности и, если речь идет о произведении прошлого, степень влияния этого текста на творчество последующих авторов. Анализ психологически релевантных признаков близких категорий креативности и эвристичности показывает,

что к таким признакам относятся оригинальность замысла и богатство символических ассоциаций, которыми оперирует индивид, а также скорость порождения новых идей и способность быстро переключаться с одной идеи на другую. По-видимому, первые два признака, результативные по своей сути, относятся к креативности как способности человека, воплощенной в том или ином произведении, а вторые два признака характеризуют эвристичность как интуитивный поиск нестандартного решения. Соответственно, показателями отсутствия творческого содержания в тексте могут служить предсказуемость и ассоциативная бедность произведения. Примером такого произведения является процитированный или придуманный авторами романа «Двенадцать стульев» стишок некоего цензора Плаксина: *Скажи, дорогая мамаша, какой нынче праздник у нас? В парадном мундире папаша, не ходит брат Митенька в класс* (И. Ильф и Е. Петров). Массовая культура в своих худших образцах производит огромное количество подобных вульгарных текстов.

Если одной из функций духовного общения является самопонимание, то замещением этого труднодостижимого состояния выступает имитация самопонимания, состоящая в демонстрации внутреннего единства воли, чувства и разума человека, якобы открытого для общения с другим. Общение ради самопонимания осуществляется в специально созданном для этой цели речевом жанре — в дневнике. Показателем деформации такого общения является дневник, предназначенный для прочтения посторонними. Характерной особенностью современной массовой культуры, многократно усиленной благодаря новейшим технологическим достижениям, стало тиражирование того, что должно быть адресовано только самому себе. Разумеется, и раньше появлялись публикации дневников и личных писем, художественные и документальные тексты исповедального характера, но с возникновением жанра «блог» в Интернете имитация самопонимания приобрела новое качество.

Перед нами новый комбинированный тип общения — достаточно заглянуть в «Живой Журнал». Блогер пишет одновременно самому себе, своим близким друзьям и неопределенно широкому кругу незнакомых людей. Происходит расщепление сознания, поскольку каждый из этих адресатов обладает спецификой. Автор настоящего дневника не озабочен построением своего имиджа, хотя может это делать подсознательно. Письмо к другу предполагает контролируемое самораскрытие. Письмо к незнакомым людям приобретает особое качество — автор как будто повествует о себе, но в действительности рассказывает другим о роде человеческом. Приведу несколько взятых наугад фрагментов из блогов (ники не называю намеренно).

• В детстве я мечтала быть палеонтологом (это была примерно шестая позиция в списке из нескольких десятков профессий, выше нее были только учительница, десантник, продащица пирожков, милиционер и, кажется, еще что-то). Палеонтологи, как я считала, только и делают, что копаются в песке маленькими кисточками и ищут кости динозавров — вполне привлекательное занятие для ребенка, особенно в свободное от десантирования на голову врагу время, правда? Мы видим доброго, чуть ироничного наблюдателя, живущего в гармонии с собой и миром.

• Человек так устроен, что ему регулярно надо кого-нибудь благодарить. Не ритуально, а по-настоящему. Даже самый отъявленный негодяй испытывает потребность не только слышать слова благодарности, но и произносить. Без ежедневного «спасибо» мы как без витаминов — маемся, страдаем и можем даже умереть. К счастью, меня вовремя научили говорить «спасибо» родным, близким и просто хорошим людям. Но как и любой нормальный человек, я часто забывал это делать в тех нередких случаях, когда причинное мне добро было не столь очевидно. Возможно, кто-то из этих людей даже читает эту колонку. Пользуясь случаем, я попробую наверстать упущенное. Этот текст представляет собой сплав исповеди и проповеди. Обратим внимание на благородный замысел автора и нескрываемую боязнь впасть в патетику.

С фэйсбуца:

Молодой отец в панике звонит педиатру:

— Доктор, что делать? Трёхлетняя дочка напилась зелёнки!

— Так, а как ребёнок сейчас выглядит, что делает?

— Что делает... Улыбается зелёными губами, высовывает зелёный язык сквозь зелёные зубы... Доктор, что мне делать?!

В трубке смех врача:

— Фотографируйте!

Блогер приводит жизненный случай, о котором было рассказано в социальной сети “Facebook”. Этот анекдот в жанре черного юмора показывает конструируемый имидж автора дневника — насмешливый скептик. В соответствии с принятой традицией «по-албански» передача уменьшительно-ласкательная форма наименования сети.

Подведем основные итоги. Лингвоэкологический подход к трем модулям языка — бытовому, институциональному и духовному — дает возможность установить угрозы языку в виде факторов, затрудняющих нормальное функционирование общения. Применительно к основным функциям бытовой коммуникации — оказанию воздействия, поддержанию эмоционального контакта и обеспечению симпрактического поведения — основными угрозами выступают инволюция языковых средств и

неконтролируемая агрессивность. Основные функции институциональной коммуникации — ритуальное взаимодействие, организационная презентация и информирование — нарушаются при формализации общения, увеличении числа речевых штампов и форсированной демонстрации поддержки руководства со стороны подчиненных. Деформация духовного общения, основными функциями которого являются самовыражение, креативность и самопонимание, возникает в результате замещения этих функций их имитацией в виде плагиата и низкопробных копий, отличающихся предсказуемостью и отсутствием символических ассоциаций, а также путем замены самораскрытия конструированием имиджей. Если такая диагностика верна, то в качестве лечения должна выступить продуманная культурная политика, в том числе и языковая, препятствующая девербализации и языковой инволюции, а также планомерное увеличение доли рационального компонента в массовой коммуникативной практике.

КАТЕГОРИЯ ИНАКОСТИ В МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОМ ОБЩЕНИИ: ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Е.Ю. Кислякова

*Для немощных был как немощный,
чтобы приобрести немощных. Для
всех я сделался всем, чтобы спасти
по крайней мере некоторых.*

1-е Кор 9: 22

На Земле существует пять основных мировых религий, представленных целым рядом конфессий. Каждая из них устанавливает свои основы веры и обряда, но все они сходятся в одном — наше земное бытие не есть конечная мера человеческого существования, есть мир видимый и мир невидимый, признается, что конечное самоопределение личности так или иначе связано с нравственным обликом человека, с его духовным путем. Но при этом специфика понятий нравственного и духовного пути в разных религиях различна. Такие различия оформляются в категории инакости, репрезентируемой в религиозной коммуникации, когда возникают ситуации межконфессиональных и межцерковных взаимодействий. Представители разных конфессий и верований согласны в том, что Бог един, тем не менее, в современном обществе имеет место растущая и неизбежная разделенность и разведение миров как следствие непонимания,

нетерпимости и нежелания вести конструктивный диалог, в том числе в вопросах религии (www.ortho-rus.ru). На этой почве возникают религиозные конфликты и даже начинаются войны, следовательно, меж- и внутриконфессиональное общение может порождать эмоциональные конфликтные ситуации, своей негативной энергетикой провоцирующие негативные эмоции у одной или обеих коммуницирующих сторон. Конфликтообразующим может быть любое слово, сказанное не вовремя, не тому человеку, не в той ситуации, не с той интонацией, с неправильно сориентированной инициальной/терминальной интенцией [Шаховский, Солодовникова, 2010б].

Каждому из нас известны многие из таких случаев, каждый из нас испытывал аналогичный неожиданный конфликтообразующий эффект своего или чужого слова на себе. Нередко такое слово приводило к порче, как минимум, настроения, как максимум, здоровья. Поэтому естественно, что лингвисты первыми стали говорить о здоровьеохраняющей функции языка.

Как следствие, меж- и внутриконфессиональное общение может стать предметом изучения лингвоэкологии [Сковородников, 2010] — науки, объектами которой являются языко-/речеохранение и здоровьеохранение человека с помощью языка.

Как справедливо утверждают исследователи В.И. Шаховский и Н.Г. Солодовникова, неэкологичностью пропитаны практически все сферы современной жизни, поэтому можно говорить о (не)экологичности коммуникации, а следовательно, о выделении коммуникативно-экологической функции языка. Эта функция условно распадается на собственно экологическую (здесь можно говорить о здоровьеохранении языка) и ее подвид — коммуникативную (собственно здоровьеохранение, или охрана здоровья коммуникативной личности от разрушительного воздействия языка). Обобщённо это можно сформулировать так: в современной коммуникации необходимо осуществлять как охрану самого языка, так и охрану от него же [Шаховский, Солодовникова, 2009].

На основе лингвистики эмоций разрабатываются параметры экологичности/неэкологичности коммуникации. В зависимости от индекса эмотивности различается экологичная и неэкологичная коммуникация. По критерию плотности эмотивов в речевом/текстовом пространстве определяется степень качества экологичной/неэкологичной коммуникации.

К настоящему времени установлены следующие параметры экологичного общения: доброжелательность, стремление партнёров по коммуни-

кации избегать негативных оценок личности собеседника, скоординированные действия по созданию общего эмоционального центра, вежливость, сообразная ситуации, солидаризация, кооперативность, сотрудничество, стремление встать на позицию партнёра, реализация адресности высказывания через упоминание имени адресата, выбор общей темы и эмотемы для разговора, следование логике развёртывания текста, определение порога смыслового восприятия, отбор стилистических средств сообразно ситуации, умения слушать, не переутомлять адресата, организовывать внимание слушающего, взаимная толерантность говорящего и слушающего, уважение собеседника и переживание излагаемых им фактов, сдерживание негативных эмоций, поощрение, поддержка через эмоциональные «поглаживания», положительное оценивание, равные коммуникативные права, «хорошая речь», целесообразность речи и др.

Все эти многочисленные параметры экологичного общения можно объединить термином «культура речи». Таким образом, термин «экологичная речь» коннотирует смысл «хорошая речь».

К параметрам неэкологичного общения можно отнести нанесение обид, оскорблений, пренебрежение, следы от которых могут долго храниться в эмоциональной памяти адресата и переживаться им, использование негативных оценок отдельных поступков и личности адресата, неуважительное отношение, формирование и расширение антагонистического круга, диффамацию, грубость, негативную вежливость (холодную / уничижительную / подчёркнуто-оскорбительную), излишнюю категоричность, выдвигание в центр внимания собственного «я», разбалансировку в тематике, рассогласованность, подмену аргументации и базисных установок, злоупотребление снижением порога восприятия, которое может привести даже к взаимному отторжению коммуникантов, коммуникативное преследование, перебивы, параллельные говорению партнёра вставки, неумение слушать, умение слушать только себя, невыслушивание до конца, немотивированное «ты-общение», неуместное и неправильное использование иноязычных слов, использование иностранных слов с неправильным референтом, неумеренную игру с языком и речью, намеренные риторические просчёты, нарочитую риторичность речи, выпренность, слишком правильную речь, насилие, давление словом, стилистические нарушения, коммуникативные преступления и др. Все эти параметры неэкологичной речи можно объединить термином «нехорошая речь» [Шаховский, Солодников, 2010а].

Думается, что список параметров далеко не исчерпан. На наш взгляд, важно учитывать не только эмоциональность общения (общий эмотивный

фон, эмотивную тональность, эмотивную окраску единиц языка — подробнее см.: [Ионова, 1998]), но и когнитивный уровень общения и различные манипуляции им в виде негативных рациональных оценок, которые также могут представлять собой способы снижения экологичности коммуникации. Так, общеизвестно, что существует прагматика говорящего (инициальная интенция) и прагматика слушающего (терминальная интенция), неконгруэнтность которых мешает оптимизации общения и приводит к эмоциональному и, возможно, когнитивному диссонансу.

Обоснуем данное утверждение на примерах меж- и внутриконфессионального общения. В своем исследовании мы обратились к материалам интернет-сайтов, на которых затрагиваются вопросы веры, исповедания, межцерковных и межконфессиональных различий. Как правило, это такие порталы, которые носят характер форума или блога. Нами было проанализировано около 50 текстовых примеров, объективирующих различные религиозные вопросы межконфессионального характера, из них большая часть представляет примеры неэкологичного общения (60%).

Например, многовековая непримиримость старообрядческой церкви с православием находит яркое проявление в современных языковых свидетельствах против православного перстосложения при крестном знамении: *Двоперстие древнейшего происхождения (с апостольских времен), а троеперстие — новейший обряд, ни на чем не основанный и, кроме того, догматически погрешительный <...> А главное — оно (двоперстие) ясно и определено выражает и, если можно так выразиться, демонстрирует или манифестирует центральную сущность христианства: распятие и смерть на кресте Богочеловека, а с ним и сораспятие всего человечества. Оно существенно и наглядно: евангельская и апостольская проповедь.*

В триперстии же нет ни этого центрального христианского исповедания, ни этой апостольской проповеди...

Как могли благочестивые люди того времени отречься от двоеперстия...? <...> Таким образом распиналась Святая Троица на кресте без Христа, без Его Человечества, без Человека. Это было, по крайней мере, в этом диком знамении, отвержением самой сущности христианства, его сердцевины, его центрального смысла и цели.

Даже внешний вид триперстия отталкивал от себя благочестивый русский народ. Три перста сбиты в кучечку, требовалось, чтобы два верхних перста были пригнуты к большому пальцу. <...> По выражению одного писателя, «все в триперстии пригнуто, все согбенно; это какое-то робкое и рабское знамя». И действительно, оно принесло рабство всем никонианам: они лишились в своей новой церкви всех прав, присутствующих церковному народу, и превратились в безмолвных рабов <...> Ясно и

красиво изображается в двоеперстном сложении и Святая Троица: три перста показывают мировой горизонт, именно как Сам Богочеловек сказал своим апостолам: «Шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа» (Матфея, 28:19) и добавил: «И се Аз с вами во все дни, до скончания века» (28:20). Вот именно в двоеперстном сложении все есть: и Святая Троица, и сам Христос в двух естествах (<http://vasvol.livejournal.com/>).

В приведенном фрагменте происходит уничижительное поправление троеперстия как наследия православных христиан, что вызывает целую гамму эмоций у православного человека — неприятие, обиду или сомнение (у маловерного). Экологичность коммуникации посредством данного текста нарушается не только из-за плотности эмотивов, коннотатирующих отрицательную оценку троеперстия (*новейший обряд, ни на чем не основанный, догматически погрешительный, дикое знамение, отвержение самой сущности христианства, робкое и рабское знамя*) и положительную оценку двоеперстия (*древнейшее, ясно и определено, евангельская и апостольская проповедь, ясно и красиво, держатели двоеперстия — благочестивые люди*), тем самым указывая на классическую реализацию когнитивной установки «мы — праведные, они — нечестивцы», которая актуализирует такой параметр инакости, как «свой (+) — чужой (-)». Здесь общение становится неэкологичным в силу попытки манипулировать фоновыми знаниями, пресуппозициями человека верующего, как православного, так и нет.

Так, в когнитивной базе православного христианина имеется символическое представление о двойственной природе Спасителя — Божественной и Человеческой, что запечатлено в двух пальцах, прижатых к ладони (безымянный и мизинец). Католики крестятся всей ладонью, что символизирует пять ран Иисусовых, нанесенных ему при распятии. Древние христиане крестились одним перстом, старательно вычерчивая перед собой крест. Такое настойчивое обрядоверование выхолащивает основную цель христианской веры — любовь к ближнему, отсюда, возможно, крайний экстремизм в поведении ранних старообрядцев, который приводил не только к нарушению здоровья, но и массовому самоуничтожению (самосожжения в срубях, нечеловеческие пытки при подозрении в ереси). В современных условиях — это отлучение от таинства исповеди, если старообрядец не является активным прихожанином своей церкви [<http://www.pravoslavie.ru/>]. В приведенном тексте манипулирование ментальными установками осуществляется посредством рационально-логической (*А главное — оно (двоеперстие) ясно и определено выражает и, если можно так выразиться, демонстрирует или манифестирует центральную сущность христианства: распятие и смерть на кресте Богочеловека, а с ним и сораспя-*

тие всего человечества) и образно-эмотивной оценки (*Три перста сбиты в кучечку*), приемов аргументирования и цитирования Священного Писания как обоснование достоверности высказываемой точки зрения.

Православные, как священники, так и миряне, могут проявлять нетерпимость к иноверцам. Например, на одном из православных сайтов было озвучено опасение, что Православная Церковь узурпировала спасение, т. к. со всей категоричностью утверждает, что только православные спасутся, а другие, даже искренне верующие, нет. По этому поводу некоторые православные священники приводят пространные умозрения, по сути дела, уходят от прямого ответа: *Церковь не только сегодня, но и всегда проповедовала о едином на потребу и предостерегала от религиозного индифферентизма. Сейчас ей приходится еще и объяснять, почему не просто спастись одним сбором гуманитарной помощи и отчислением религиозного налога, как то происходит в благоустроенных европейских государствах. Иисус Христос говорил: Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного (Мф. 7, 21). Я думаю, для того, чтобы не смущаться так называемой религиозной нетерпимостью Православной Церкви, прежде всего необходимо честно ответить себе, веришь ли ты в единственный предложенный Господом путь спасения, и если да, то соотносишь ли ты свою жизнь с изначальным опытом христианской церковности, а потом уже и решать, можно или нельзя прилепляться душой к другому рода традиционным или нетрадиционным религиозным воззрениям. Теперь верность в вере объявляется нетерпимостью [www.pravoslavie.ru].*

Такой ответ может вызвать чувство неудовлетворенности как у православного, так и неправославного человека. Здесь прослеживается рациональная оценка всех других конфессий, представленная через импликации, которые являются когнитивно-экспрессивными и прагматическими, т. к. через бытие языка, его клишированность задается бытийность конфессии (здесь — православия), в которую включается человек (*веришь ли ты в единственный предложенный Господом путь спасения, и если да, то соотносишь ли ты свою жизнь с изначальным опытом христианской церковности*). Это усиливается за счет метафорических и аллегорических вкраплений, интерпретация которых неоднозначна и в строго логическом отношении не может выводить смысл «православие есть спасение»: *Может ли клетка тела жить отдельно от организма? Может ли ветка дерева, отломившаяся от него, плодоносить и существовать сколько-нибудь долго? Конечно, если в баночку поставить, листья могут и рас-*

пуститься, но долго жить она все равно не будет [www.pravoslavie.ru]. Апеллируя к скрытым смыслам, эта мысль эмоциогенна, поскольку мы понимаем, что речь идет о православии как единственном пути спасения, и если отступить от него, то человека ждет смерть.

Однако имеется немало попыток более конструктивного объяснения, в частности, тот же священник, продолжая свои рассуждения, делает справедливое замечание: *Нельзя забывать, что Церковь — это не человеческий институт и не товарищество, дающее исключительное право на спасение. Это Тело Христово, то есть сообщество людей, соединенных в Церкви невидимым, мистическим единством во Христе.*

Наиболее экологичная, на наш взгляд, коммуникативная попытка ответить на вопрос о спасении иноверцев сделана в следующем примере: *У св. апостола Павла есть такие слова: «Внешних же судит Бог...» (1 Кор. 5, 13). Наверное, лучше внять апостольским словам, предоставить этих людей суду Божию и не задаваться вопросом, какова будет их загробная участь.*

В свое время преп. Антоний Великий пытался получить от Бога ответ на свои вопросы и сомнения по поводу людей, пострадавших безвинно, в раннем возрасте и др., но услышал от Бога такой ответ: «Антоний, внимай себе...»

С нашей стороны было бы немыслимой дерзостью брать на себя роль того единого Судии, в руке Которого находятся души всех людей. Поэтому нам стоит помнить о другом: что если кто из нас, православных, уйдет вдруг «на страну далече» и начнет искать какой-то новой духовности или в эре Водолея, или в очередном сектантстве, то уж точно уйдет от пути к спасению. В прошлом веке святитель Феофан Затворник на вопрос одной дамы, спасутся ли католики, отвечал: «Не знаю, спасутся ли католики, знаю только, что я без Православия не спасусь». И в нашем сердце должно быть не осуждение других, но искреннее желание, говоря словами одного древнего церковного учителя, «возвращения братьев, разлука с которыми терзает нас». И если нет этого желания, но есть некое самодовольство, что, мол, только мы спасемся, а миллионы людей в этом мире, лежащем во зле, погибнут, — это уже верный признак сектантской психологии [Там же].

В приведенном примере экологичность общения достигается в потенциальном изблещении самого себя (*И если нет этого желания, но есть некое самодовольство*), представлении себя самого в роли Другого, иноверца, вербализованном посредством сослагательной конструкции (*что если кто из нас, православных, уйдет вдруг «на страну далече» и начнет*

искать какой-то новой духовности), а также рациональном объяснении сущности спасения — через любовь к ближнему и желание соединиться с ним в Боге.

Подведем итоги. Возвращаясь к эпиграфу, в котором Св. ап. Павел говорит об обращении к людям разных верований в своем старании быть понятым и услышанным ими с целью привести ко Христу хотя бы некоторых, можно увидеть, что инаковость как разнородность и разобщенность людей может быть восстановлена через спасение, возвращение к Богу и единение с Ним и друг с другом. С точки зрения коммуникативного подхода, это наиболее экологичное межконфессиональное общение — когда апостол обращается к различным людям на их языке, с учетом особенностей их ментальной и духовной сфер. Например, с греками-язычниками он вначале говорил о Христе как о человеке, а не Сыне Божиим, поскольку понимал, что последний факт пока не сможет получить адекватного понимания в религиозном сознании язычников. И как антитеза этому — неприятие, религиозная нетерпимость являются причинами неэкологичной коммуникации, которая даже может приводить к утрате веры. В подтверждение этому приведем одно предание: *Однажды в Египте времен глубокой христианской древности один крестьянин сказал монаху: «Я тоже почитаю Бога, сотворившего этот мир! Каждый вечер я наливаю в миску козьего молока и ставлю его под пальмой. Ночью Бог приходит и выпивает мое молочко». Услышав эти слова, монах не мог не рассмеяться. Он добродушно и доходчиво объяснил, что Бог не нуждается в козьем молоке. Однако крестьянин упрямо настаивал на своем. И тогда монах предложил в следующую ночь тайком проследить, что происходит с молоком. Ночью монах и крестьянин затаились неподалеку и при лунном свете скоро увидели, как к миске подкралась лисичка и вылакала все молоко дочиста. Крестьянин как громом был сражен этим открытием. Монах попытался утешить его и стал объяснять, что Бог — это Дух, что Он совершенно иной по отношению к нашему миру, что люди познают Его особым образом... Но крестьянин лишь стоял перед ним понуриив голову. А потом заплакал и пошел в свою лачугу.*

Монах тоже направился в келью. У двери он с изумлением увидел Ангела, преграждающего ему путь. Монах в страхе упал на колени, а Ангел сказал: «У этого простого человека не было ни воспитания, ни книжности, ни мудрости, чтобы почитать Бога иначе, чем он это делал. А ты со своей мудростью и книжностью отнял у него эту возможность. Ты скажешь, что, без сомнения, рассудил правильно? Но одного ты не ведаешь, о мудрец: Бог, взирая на искреннее сердце этого крестьянина, каждую ночь посылал к пальме лисичку, чтобы утешить его и

принять его жертву» [Архимандрит Тихон... 2012, с. 279—282]. Несмотря на положительно заряженную инициальную интенцию (желание монаха научить правильному пониманию сущности божественного), коммуникация в данном примере принимает крайне неэкологичный характер.

Таким образом, экологичность/неэкологичность коммуникации может быть измерена не только по параметрам позитивного или негативного эмотивного общения, что затрагивает психоэмоциональный уровень личности, на степень экологичности может также влиять рациональная оценка, имеющая более глубинную, когнитивную основу и направленная на трансформацию ментальной сферы, когнитивной базы человека говорящего, что подтверждается примерами меж- и внутриконфессионального общения, рассмотренными выше. Поскольку когниция и эмоция взаимосвязаны и взаимообусловлены, необходимо учитывать лингвокогнитивные процессы в исследованиях по эмотивной лингвоэкологии.

ЭМОЦИОГЕННОСТЬ КАК КРИТЕРИЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МЕДИЙНОГО ПРОСТРАНСТВА

Н.И. Клушина

Любая человеческая коммуникация, если она осознана, будет эмоциональной. Адресант вступает в коммуникацию, чтобы реализовать свою коммуникативную интенцию (убедить, проинформировать, развлечь и др.), и тем самым вносит в диалог личное, эмоциональное отношение к действительности и адресату. Неэмоциональной может быть окружающая диалог коммуникативная ситуация, но автор ее старательно преобразовывает в соответствии со своим коммуникативным намерением, или интенцией. *Интенция* — это направленность сознания человека на окружающую его действительность с целью познать (принять, отвергнуть, объяснить и т.п.) явления жизни и себя в этом мире.

Осознание жизни никогда не бывает безразличным, оно будит в человеке познающем эмоции, которые не всегда можно вербализовать. *Интенциональность*, понимаемая как осознание действительности, порождает эмоциональный отклик сознания на этот когнитивный процесс. Таким образом философский смысл интенциональности сплетается с ее психологическим смыслом.

Современные лингвисты интенцию, направленную на объекты действительности, называют репрезентационной интенцией [Безуглая, 2009].

Мы бы ее определили как *когнитивную интенцию*, поскольку с ее помощью формируется когнитивный мир человека. Интенция, направленная на внешний мир, создает мир внутренний. Интенциональность — «рабочее состояние» здорового сознания, это непрерывный когнитивный процесс конструирования личности.

Лингвисты, в отличие от философов и психологов, указывают на двойственную природу интенции (Безуглая, Сусов, Шевченко и др.), выделяя, помимо репрезентационной (когнитивной — в нашей трактовке), интенцию коммуникативную. Коммуникативная интенция — осознанность человеческой коммуникации. С позиций *интенционального метода*, разрабатываемого нами как один из возможных интегральных методов современной лингвистики, интенция прежде всего выполняет коммуникативную функцию. *Коммуникативная интенция* — это направленность сознания адресанта на достижение замысленной им цели, ради которой он вступает в коммуникацию (а не отказывается от нее).

Реализация коммуникативного замысла всегда требует от адресанта как производителя/инициатора дискурса творческой энергии, позволяющей раскрыть его когнитивный мир, вербальный тезаурус, стилистическую компетенцию, эмоциональный потенциал. Таким образом, любая человеческая коммуникация интенционально осознана и эмоционально творима.

Александр Блок различал *смеющиеся* и *несмеющиеся эпохи*. С этих поэтических позиций эпохи могут быть *эмоциональными* и *неэмоциональными*. Но дискурсы, в отличие от эпох, всегда эмоциональны. Оппозиция «эмоциональная — неэмоциональная» коммуникация или «эмоциональный — неэмоциональный» дискурс (как отграниченный тип коммуникации), на наш взгляд, не совсем корректна, поскольку она устраняет из дискурса личность автора/творца. Неэмоциональны могут быть лишь отдельные речевые акты, конкретные коммуникативные ситуации, но не коммуникация, понимаемая как глобальный диалог (по М. Бахтину).

Для построения более корректной, на наш взгляд, оппозиции необходимо ввести категорию *нулевой эмоциональности*, или *эмоционального «нуля»*, как точки отсчета положительных и отрицательных эмоций на *шкале эмотивности*. *Нулевая эмоциональность* — это не «черная дыра», поглощающая эмоции, и не пустота, не допускающая чувств. Это интенционально осознанная невыраженность потенциальных эмоций, нейтральность, стратегически выбранная автором для реализации своего замысла. И тогда *логичность*, *информативность*, *безоценочность*, намеренная невыраженность авторского отношения к действительности, т.е. *объектив-*

ная модальность — все эти дискурсивные категории лежат в зоне *эмоционального нуля*. При таком подходе нестрогая оппозиция *эмоциональность — неэмоциональность* преобразуется в жесткую антиномию *эмоциональность — равнодушие*.

Поскольку мы придерживаемся мнения, что любая коммуникация, творимая человеком, эмоциональна, т. е. отражает авторскую интенцию, то в антиномии *эмоциональность — равнодушие* на полюсе эмоциональности находится инициатор дискурса, т. е. адресант, а на полюсе равнодушия может оказаться именно адресат.

Адресант творит дискурс, реализуя в нем свою коммуникативную интенцию, рассчитывая на определенный результат, т. е. авторская коммуникация призвана произвести перлокутивный эффект на адресата. Но реакция адресата на послание адресанта может быть различной. Адресат усваивает переданную ему информацию, корректирует, дополняет ее или рефреймирует. Он относится к ней положительно или отрицательно. Или остается равнодушным.

Равнодушие как ответную реакцию на заданный перлокутивный импульс необходимо включить в сложившуюся типологию коммуникативных неудач (непонимание, вызванное употреблением лексики ограниченного использования — заимствованиями, диалектизмами, терминами; нераспознавание языковой игры и прочитывание ее в прямом значении; двусмысленность и др.). Равнодушие адресата, по сути, означает разрушение инициированного адресантом диалога. Это потеря смысла в коммуникации, крах стратегического замысла автора, коммуникативный тупик.

Г. Маклюэн очень точно определил значимость эффекта в коммуникации: «Интерес к *эффекту*, а не к *значению* есть основное изменение, произошедшее в наше электрическое время, ведь эффект заключает в себе всю ситуацию целиком, а не просто какой-то один уровень движения информации. Странно, но этот приоритет эффекта над информацией признается в английском представлении о клевете: “Чем больше истины, тем больше клеветы”» [Маклюэн, 2011, с. 32].

В отличие от прагматической лингвистики, изучающей конкретные речевые акты как составные звенья речевой цепи, интенциональная лингвистика нацелена на целостное (холистическое) восприятие коммуникации как интенциональной деятельности человеческого сознания. И с этих позиций *равнодушие* (индифферентность) оказывается самой грозной проблемой коммуникации, опаснее даже, чем *непонимание*.

Равнодушие в конкретном речевом акте может быть преодолено в последующем акте. Равнодушие как антиэффект целостной коммуникации перечеркивает ее смысл. Если непонимание может вызвать у адресата желание все же разобраться и решить поставленную адресантом

сложную коммуникативную задачу — декодирование абсолютно нового для адресата смысла (при условии, что непонимание не спровоцировано отсутствием у автора необходимых стилистических компетенций для адекватного кодирования информации, например, неоправданной амфиболией или неправильным употреблением слов и т.п.), то равнодушие гасит любые импульсы сознания. Равнодушие — аннигиляция коммуникации.

Именно поэтому все творимые дискурсы ориентированы на «запуск» эмоций у адресата. И наиболее активен в этом отношении *медиадискурс*.

Одним из его дифференциальных признаков в современной таксономии дискурсов является особый тип адресата — *массовый адресат*. Аудитория медиадискурса территориально рассредоточена, неоднородна по гендерному, возрастному, социальному и другим признакам. Но эти различия упраздняются понятием массовости. Можно говорить о том, что медиадискурс имеет дело с массовым сознанием. Воздействовать на неструктурированное массовое сознание — то же, что возделывать с одинаковым усердием сорняки и розы, произрастающие в одном саду.

Чтобы оказать влияние на массовое сознание, адресанту приходится «усреднять» коммуникацию, отказываться от сложной конфигурации смыслов в пользу линейности и прямолинейности информации, снижать свою стилистическую компетенцию, усиливать эмоциональную тональность текстов. При такой нивелировке коммуникации, рассчитанной на максимально широкую аудиторию, интеллектуальная элита общества и так называемый креативный класс практически уравниваются с маргиналами.

Именно поэтому структура современного медиадискурса, призванного удовлетворять запросы всего общества, перестраивается, чтобы отразить интересы элиты и масс, заимствована западная типология СМИ: качественные (элитарные), массовые и желтые (таблоидные, бульварные) издания, отражающие часто разновекторные интересы своих аудиторий. Гомогенность советского дискурса сменилась нишевой (по типу аудитории) организацией медийного пространства.

Подобная типология дает достаточно полное представление лишь об *адресате* и намекает на тиражи. Дать целостную характеристику массмедийного пространства, на наш взгляд, возможно только с учетом дискурсной категории *адресанта* и его глобальной дискурсной *интенции*. При таком подходе медиапространство будет иметь несколько иную конфигурацию. С интенциональных позиций современное российское медиапространство заполнено тремя основными типами медиадискурса (субдискурсами), реализующими три ведущие интенции. Это информационный/но-

востной дискурс (интенция информирования), публицистический, включающий в себя аналитические материалы (интенция убеждения), и развлекательный (интенция развлечения). Информационный и публицистический дискурсы продуцируются в основном качественными и массовыми СМИ, развлекательный — массовыми и желтыми.

Интенциональное разграничение современного медийного пространства позволяет достаточно полно охарактеризовать названные типы дискурсов с учетом дискурсивных доминант. Если *интенция* является не только дискурсоформирующей, но и, в первую очередь, дискурсодифференцирующей категорией, то *дискурсивные доминанты* определяют конституирующие черты любого дискурса, т. е. выполняют связующую роль, обеспечивают *когезию дискурса*. А.А. Негрышев *дискурсивную доминанту* определяет как «преобладающую структурно-смысловую акцентуацию текста, обеспечивающую его коммуникативную “уместность” и прагматическую эффективность в соответствующем типе дискурса» [Негрышев, 2011, с. 92].

Можно выделить тематическую доминанту, идеологическую, концептуальную, стилистическую, эмоциональную — и этот ряд остается открытым. Таксономически значимыми для описания выделенных нами субдискурсов в структуре медиадискурса являются идеологическая, стилистическая и эмоциональная доминанты.

«Идеология» информационного дискурса — *новость*, описание социально значимых событий, складывающихся в информационную картину дня. В публицистическом дискурсе основу составляют *идеологемы* — заданные автором важнейшие смыслы интерпретируемой им действительности, отражающие его мировоззренческие установки. В развлекательном дискурсе «идеологией» становятся *занимательные* или *сенсационные* разрозненные *факты*. Различны и стилистические доминанты этих типов медиадискурса.

Ведущей коммуникативной стратегией информационного дискурса СМИ является стратегия достоверности, т. к. читатель обращается к новостным текстам, чтобы не только быть в курсе текущих событий, но и иметь объективное, не зависящее от журналистской интерпретации представление о них в соответствии со своей когнитивной и мировоззренческой картиной мира. Эта стратегия реализуется с помощью подчеркнутой невыраженности адресанта в речи, клишированности языковых средств, стандартизованности композиции, объективации высказывания за счет ссылок на источник сообщения и цитат, а также нейтральной стилистической тональности.

По нашим наблюдениям, в российском информационном дискурсе (реализуемом прежде всего через ведущие информационные агентства страны — ИТАР-ТАСС, РИА Новости, Интерфакс) фактографичность преобладает над интерпретацией, в чем сказывается уважительное отношение к адресату. Новость отграничивается от комментария, дается бэк-граунд, т.е. поясняющая информация. По новостным лентам поступает только социально значимая информация, структурированная по темам и актуальности событий.

Обезличенная передача информации проявляется в одноплановости речевого строя новостей, что, в свою очередь, также подчеркивает объективный характер изложения. Стратегия достоверности предопределяет обязательное наличие хронотопа, подчеркивающего протокольность сообщения.

Современный информационный дискурс становится все более креолизованным. В нем все большую часть начинает занимать визуальная информация: не только фотографии с места событий, но и так называемая инфографика (схемы, чертежи, графики, карты, цифровые данные). Например, в «Московских новостях» № 15 за 2012 г. в рубрике «День в цифрах» (с. 4) визуально акцентируются цифры, передающие статистическую информацию; на с. 5 в рубрике «День в Москве» используются графики. Здесь же дана карта Москвы, иллюстрирующая журналистский материал «Закрытые проекты Москвы». Таким образом, визуализация информационного дискурса также реализует его ведущую стратегию достоверности.

Выбор новости, ее ротация и повтор в пространстве массмедиа в конечном итоге направлены на идеологическую ориентацию адресата. Новостной дискурс — это не случайный поток фактов, факты формируют государственную идеологию. И в этом новостной дискурс, представленный в качественной прессе, пересекается с публицистическим.

Публицистический дискурс, будучи дискурсом персуазивным, включает в себя эмоциогенные тексты. Его ведущая коммуникативная стратегия — убеждение. На эту стратегию «работают» авторитет языковой личности адресанта, авторская интерпретация действительности с помощью креативного использования языковых средств, различные приемы субъективации высказывания. В современном публицистическом дискурсе четко прослеживается тенденция к интеллектуализации языка СМИ. Эта тенденция проявляется в использовании журналистами косвенных речевых актов, пресуппозиций, в языковой игре, основанной прежде всего на прецедентности и требующей от адресата высокого интеллектуального и культурного уровня развития, в достаточно сложной системе аргументации.

В развлекательном дискурсе ведущую роль играет стратегия сенсационности и эпатажа. Адресант развлекательного дискурса использует завышенную экспрессивность и бульваризацию в подаче информации, интригу, эмоциональность и рекламность. Приведем примеры заголовков развлекательных материалов, в полной мере отражающие ведущие для этого типа дискурса интенции: развлечения («Лысый ежик», «Бобер в городе») и сенсационности, которая часто построена на травестировке трагических событий («Баба Маня горела как факел»).

Публикуется информация подобного рода с конкретной прагматической целью — повысить тираж, привлечь и удержать внимание читателя, т. е., в сущности, выполняется не информационная, а рекламная функция. Именно рекламными целями можно объяснить эпатажно-сенсационную подачу развлекательной информации в современной печати. Это позволяет говорить о двойной интенции дискурса развлечения: открытой (развлечение читателя) и скрытой (реклама издания).

Но наиболее яркое отличие представленных субдискурсов — в эмоциональной доминанте.

Информация — публицистика — развлечение — это крещендо эмоциональности в медиадискурсе.

Эмоциональность в информационном дискурсе адресант осознанно представляет как нулевую. Отстранение и намеренное устранение автора, нейтральная стилистическая тональность — дискурсивная норма подачи информации в качественной прессе. Эта норма зачастую нарушается в массовых СМИ, в желтых изданиях новостную информацию практически невозможно распознать в горниле эмоций. Предельная эмоциональная модификация новости в желтой прессе дает повод некоторым лингвистам сомневаться в том, что «публицистический, или медийный, ф-стиль существует, отождествим и отличим по каким-либо объективным параметрам от других ф-стилей» [Кибрик, 2011, с. 84].

Эмоциональная трансформация новостного текста требует специального подхода к определению структурных инвариантов этого жанра (как, например, прототипическое моделирование новости, разрабатываемое А.А. Негрышевым), позволяющего в эмоциональной буре все же отыскать хотя бы одно фактологическое событие, маркирующее жанр.

В отличие от новостного, публицистический дискурс эмоционален, поскольку является персуазивным. Интенция убеждения требует не только логических доводов от адресанта, но и эмоциональных, риторических суждений, способных иррадиировать на эмоциональную сферу личности адресата. Сплав эмоционального и логического в публицистике обеспечи-

вает силу воздействия на адресата, которая во многом определяется талантом и стилистическим вкусом публициста.

Развлекательный дискурс можно охарактеризовать метким выражением журналиста А. Гениса — «лесопилка эмоций». Его дискурсивной нормой становятся редукция информации, ее бульваризация и завышенная эмоциональность.

Адресант развлекательного дискурса, по своим параметрам совпадающего с характеристикой желтой прессы, инфицирует свои тексты вирусом чрезмерной эмоциональности, чтобы заразить как можно большее число читателей и увеличить тираж. Но такая коммуникация является неравновесной — эмоциональная тональность подавляет значение информации. Адресату не оставляется никакой возможности логического осмысления авторского послания.

Воспользуемся концепцией Г.М. Маклюэна о «горячих» и «холодных» медиа: «Горячее средство — это такое средство, которое расширяет единственное чувство до степени “высокой определенности”. Высокая определенность — это состояние наполненности данными. ... Речь тоже является холодным средством с низкой определенностью, поскольку слушателю передается очень мало, и очень многое ему приходится додумывать самому. С другой стороны, горячие средства коммуникации оставляют аудитории не очень много простора для заполнения или довершения. Горячие средства характеризуются, стало быть, низкой степенью участия аудитории, а холодные — высокой степенью ее участия, или достраивания ею недостающего» [Маклюэн, 2011, с. 27].

Эта концепция объясняет, почему эмоционально «нулевой» новостной дискурс оказывает большее воздействие на адресата, чем переполненный эмоциями развлекательный дискурс. Информационный и публицистический дискурсы, продуцируемые качественной прессой, ориентированы на вдумчивого, рефлексизирующего адресата, предпочитающего «медленное чтение». Бульварный дискурс, с его интенцией развлечения и ориентацией на эпатаж, на девиантность темы, фактов, стиля, формирует потребителя информации низкого качества (слухов, скандалов, сплетен).

Поэтому наиболее экологичными, на наш взгляд, в современном российском медиадискурсе оказываются минимизация авторских эмоций и акцент на информировании, оставляющий адресату право мыслить и свободу конструировать свой мир.

«Фабрика эмоций» развлекательного дискурса, напротив, формирует конвейерную личность, со стандартным набором заданных чувств, заглушающих интеллектуальные импульсы индивидуального (а не массового) человека.

Попытаемся сформулировать некоторые выводы. С позиций интенционального метода современной лингвистики позволим себе утверждать, что любая коммуникация, как интенциональная речевая деятельность, эмоциональна. Неэмоциональная коммуникация — область изучения прагматики (неэмоциональные речевые акты, неэмоциональные коммуникативные ситуации и т.п.). В интенциональной лингвистике оппозиция *эмоциональность — неэмоциональность* трансформируется в антинормию *эмоциональность — равнодушие*. Равнодушные адресата к авторскому посланию разрушает коммуникацию.

В современном российском медиапространстве существуют три типа дискурса, разграниченные нами по реализуемой в них коммуникативной интенции: информационный, публицистический и развлекательный. Необходимо учитывать и типологическое деление медиа на качественные, массовые и желтые. Эмоциональная доминанта нарастает от информационного к развлекательному дискурсу. Наибольшую воздействующую (на разум, а не психику) силу оказывает качественный информационный дискурс, максимально снижающий эмоциональность стиля. Тем самым адресату предоставляется свобода в собственных умозаключениях и оказывается минимизированное давление на его психику. Эмоциогенность качественного информационного дискурса заключается в его «нулевой» эмоциональности. Это наиболее экологичный тип медиакommunikации.

ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА МЕДИЦИНЫ

С.И. Маджаева

Ученые нашей страны уделяют большое внимание экологичности русского языка. Для этого есть ряд причин (см. [Жура, 2008; Солодовникова, 2011; Шаховский, 2010, 2011]). Исследователи выделяют терапевтическую функцию языка, которая тесно связана со здоровьесохранительной деятельностью человека [Солодовникова, 2011, с. 180], т. к. язык и человек взаимосвязаны, язык влияет на здоровье человека. В центре внимания исследователей — изучение того, «как язык сохраняет свое здоровье» [Солодовникова, 2011, с. 180] и здоровье самого человека. В.И. Шаховский отмечает, что конфликтообразующим может быть любое слово, сказанное не вовремя, не тому человеку, не в той ситуации, не с той интонацией, с неправильно ориентированной инициальной/терминальной интенцией [Шаховский, Солодовникова, 2009, с. 5].

Еще в глубокой древности было замечено, как велика сила воздействия слова врача на общее состояние больного. Примеры использования волшебной силы слова содержатся в египетских папирусах, трудах философов и медиков Древней Греции, Древнего Востока, ученых Средневековья. Врачи Древнего Ирана утверждали: «Три орудия есть у врача: слово, растение и нож». Древние врачи называли слово главным орудием врача, о чем, к сожалению, забывают современные медики.

Наряду с научной доказательной медициной существует и народная (традиционная) медицина, использующая для облегчения страдания больного или его излечения эмпирические знания. К способам лечения в народной медицине относят слово (молитва, заклинание, заговор), природные факторы (воздух, лес, солнце, вода, травы, камни), следовательно, экологичность слова является важнейшим фактором в лечении больного.

Само слово ‘болезнь’ неэкологично. Оно вызывает опасение. Болезнь (*morbus, malum, affection*) означает состояние наличия боли; лат. *morbus* — болезнь, лат. *malum* — зло, страдание, лат. *affectio* — переживание, воздействие. Уже значение этого слова утверждает его неэкологичность. А озвучивание названий таких заболеваний, как рак, СПИД, вызывает страх, определенные эмоции, которые являются важнейшим экологическим, лингвистическим и валеологическим фактором [Солодовникова, 2011, с. 183]. Таким образом, можем с уверенностью утверждать, что термины в медицинском дискурсе являются «лингвотоксичными элементами».

Говоря об экологичности языка, надо отметить, что профессиональная речь врача также изобилует нежелательными для русского языка словами: *манифестация* вместо *проявление заболевания*, *курация* вместо *лечение*, *копинг* вместо *консультирования* и т.д. Поэтому проблемы экологичности термина важны для медицинского дискурса.

Проведем анализ функционирования термина *СПИД* в письменном и устном медицинском дискурсе. В XXI в. экологические проблемы медицины как сферы жизни глобализованного мира становятся все актуальнее, а термин *СПИД* получает все большее понятийное содержание, распространяясь на эмоциональную сферу, экосферу человека. Важность изучения этого термина, отражающего страшное, неизлечимое заболевание, обусловлена стремлением к познанию того, каким образом моделируется данное заболевание в сознании человека. Суть предлагаемой концепции состоит в том, что функционирование термина *СПИД* позволяет представить окружающий мир больного как часть экосистемы ВИЧ-

инфицированного человека, выполняющую глобальную экологическую задачу — здоровьеохранительную.

Эпидемия ВИЧ-инфекции привела к появлению в обществе термина «истерическое отношение» вследствие предубежденного отношения к инфицированным людям. Недостаточная информированность населения о путях передачи и клинических проявлениях ВИЧ-инфекции, представление о том, что СПИД является закономерным результатом аморального и асоциального поведения, привели к тому, что диагноз «ВИЧ-инфекция» сопровождался термином «социальная запятнанность». Наряду с ним часто употребляется термин «стигма» — свойство, рассматриваемое как порочащее, неуместное, отличающее человека от социально определяемой нормы. Стигматизация — сложный процесс социально-психологического взаимодействия, в результате которого происходит девальвация заразившегося человека, снижаются его социальный статус, настроение, что сказывается на всех сторонах жизни пациента. В этой связи представляет интерес термин «соматизация стигмы», что означает «позорное пятно» инфекции ВИЧ. Анализ собранного фактического материала позволил выявить, что сам термин *СПИД* эмоциогенен, вызывает различное отношение. СПИД — это стигма, позорное пятно, болезнь аморальных, болезнь неизлечимая, от которой умирают все. Самое главное не в том, что приходит смерть — «затяжная» и «безвременная», а что это — «позор». Реакция на данный термин отрицательно-коннотативна.

Неэкологичность термина *СПИД* заключается в том, что пациент чувствует/знает, что ВИЧ / СПИД является угрозой для его здоровья, угрозой смерти, угрозой потери близких, изменения в социальном и психологическом статусе. Чувство страха отличается интенсивностью переживания, нарушает экологическое пространство больного, его родственников.

Распространенной вербальной формой выражения страха является отрицание: *Я не верю!, Я не колосля!, Не может быть!* Часто высказывания сопровождаются эмоциональными словами: *Ужас!, Ужасно!, Как стыдно!, Страшно!, Доктор, а вы никому не скажете?* (пациент проявляет смущение, используя вопросительное предложение). Вербализующие эмоцию страха высказывания пациентов представляют собой восклицательные, вопросительные предложения, а также различные виды повторов.

Наряду со страхом потери здоровья, родственников в голосе пациента теплится надежда (*шансы выздороветь, что-то другое, повторить ана-*

лиз). Врачу надо уловить этот эмоциональный момент, чтобы успокоить больного, найти тот эмоциональный настрой, чтобы убедить пациента в успехе лечения, достигая тем самым терапевтической цели, поэтому главной целью в общении врача и ВИЧ-инфицированного являются положительный эмоциональный настрой, поддержка и устранение проблемы при помощи лингвистических средств. Лечение зависит от правильно выбранного слова, т. е. эмоциональный тьюнинг зависит от «эмоционального интеллекта» врача, его эмотивной компетентности.

Приведем пример. *Врач: «Сейчас производится множество лекарственных препаратов, медицина ушла вперед. Применим ретровирусную терапию или наивную, снимем рецидив».* Фразеологические сочетания «ретровирусная терапия», «наивная терапия», «лекарственные препараты» вместо «лекарство» отражают в сознании пациента компетентность врача. Использование врачом медицинской терминологии отрезвляюще влияет на когнитивную базу пациента. Возраст, ученая степень, дипломы врача способствуют повышению суггестивности дискурса. Проявление эмоций служит для врача ценным источником информации об особенностях адаптации пациента к заболеванию и новым обстоятельствам жизни [Жура, 2008, с. 276]. Таким образом, в общении врача и ВИЧ-инфицированного главным является сохранение экологического состояния пациента при помощи вербальной и невербальной коммуникации.

Исследование позволило установить, что термин *СПИД* в письменном медицинском дискурсе имеет разные функции. Для их определения разделим анализируемые тексты на положительно, отрицательно и нейтрально ориентирующие.

Приведем примеры положительно ориентирующих текстов. Фонд помощи «Анти-СПИД» проводит различные конкурсы сочинений. Организация «СПИД-Фонд “Восток-Запад”» (AIDS Foundation East-West — AFEW) также провела конкурс «Твое будущее — в твоих руках», итоги которого были опубликованы в Интернете. В сочинениях участников отражены мысли, эмоциональные состояния больных СПИДом, ВИЧ-инфицированных и моральная поддержка рядом находящихся людей. В сочинении «Я ЗА жизнь» Наталия Костенко призывает вести борьбу не «против», а «за», борьба со СПИДом есть борьба за «духовное здоровье всего населения планеты». Основная цель автора — поддержка ВИЧ-инфицированных, позитивное мышление, позитивный настрой: «Я за первичную профилактику СПИДа». Определяющим словом в данном сочинении является «за», которым автор выражает свое отношение к заболе-

ванию, отождествляемое с терминами «профилактика», «позитивное мышление». Антонимические предлоги «за» и «против» отражают противоречие: боля СПИДом, можно и нужно жить. Предлог «за» становится лозунгом в борьбе за жизнь.

В сочинении «Моя невыдуманная жизнь» красной нитью проходит мысль, что первым шагом к преодолению проблемы является **осознание**. Термины «СПИД-сервис», «дискордантные пары» частотны. Особенностью данного сочинения является то, что автор ни разу не употребил термин «ВИЧ-инфицированный», заменив его словосочетанием «человек со знаком +», что говорит о большой любви и уважении к нему.

В сочинении «ВИЧ-инфекция — это смертельный приговор» автор использует термины (*ВИЧ, хроническая инфекция, вирус*) для придания тексту научности. Кроме того, он хочет вызвать у читателя доверие к себе как к человеку, обладающему широкими знаниями в области медицины, т. е. термин указывает на компетентность автора: *Есть заболевания хронические, от которых человеку не избавиться, — например, диабет или гипертония. Но это не значит, что они — «смертельный приговор» и их нельзя лечить. ВИЧ — это хроническая инфекция, то есть нет способа избавиться организм от вируса. Часто в СМИ публикуют сообщения о «кудесниках», которые смогли вылечить ВИЧ — кто нагреванием человека до огромной температуры, кто молитвой и Святым Духом, а кто умением договориться с таинственными биополями. За этими сообщениями обычно стоят мошенники, выманивающие деньги у отчаявшихся людей. До сих пор не было зафиксировано ни одного случая «излечения» от ВИЧ. Но это не значит, что ВИЧ-инфекцию вообще нельзя лечить* (Е. Морозова). Таким образом, термин становится инструментом воздействия на адресата, имеет прагматическую направленность.

Анализ сочинений выявил, что авторы вместо термина *СПИД* используют местоимение ‘он’, т. е. персонифицируют заболевание (см. портал aids.ru). Мысли авторов по поводу заболевания эмоциональны. Таким образом они выражают свое эмоциональное состояние при помощи специальных слов (*элемент эпидемии, неожиданный гость, трещина, человек со знаком +*). Каждый из них воспринимает болезнь по-своему, т. е. заболевание, а, следовательно, и эмоции — когнитивны.

В текстах, которые назовем отрицательно ориентирующими, часто используется терминологическое словосочетание «группа риска», которое неоднократно встречается не только в статьях, но и выносится в заголовки. Это помогает термину выполнять функцию дезинформации, создания коммуникативных помех, т. к. население воспринимает

ВИЧ/СПИД как что-то далекое, не касающееся его, имеющее отношение только к наркоманам, гомосексуалистам и лицам с аморальным поведением, дискриминационное.

Отрицательным фактором является и то, что журналисты часто путают термины *ВИЧ* и *СПИД*, когда пишут о «заражении СПИДом» и «больных СПИДом». До 1996 г. в заголовках публикаций не использовался термин *ВИЧ*. Такого рода смешение также вводит читателей в заблуждение. Часто используемый термин «чума XX века» играет роль сравнения со страшным заболеванием, нагнетает спидо-фобию, истерию и средневековый страх перед инфекцией, а также способствует дискриминации и изоляции людей, живущих с ВИЧ.

Во второй половине 1980-х и начале 1990-х был распространен стереотип «СПИД — это угроза, исходящая от США и других капиталистических стран как средоточия всех пороков капиталистической системы». В заголовках статей использовались выражения «американский синдром», «СПИД-ввоз», «чума с Запада», т. е. термины несли в себе отрицательную коннотацию не только с медицинской точки зрения, но и с политической, играя роль политического устраниителя.

Нередко термины *СПИД* и *ВИЧ* используют в PR-компаниях для привлечения клиентов тем, что работники фирмы имеют санитарные книжки с отрицательным анализом на ВИЧ. Термин в данном случае выполняет аттрактивную функцию, являясь типичным примером грубой дезинформации общества и стигматизации тех, кто живет с ВИЧ. Отрицательно ориентирующие тексты, на наш взгляд, являются лингвоэкологически загрязненными, ложно ориентирующими.

Некоторые авторы информируют своих читателей о недоказанности существования вируса иммунодефицита. Причиной иммунодефицита они считают антибиотики, сульфаниламиды, бактерицидные препараты, противогрибковые, которые довольно часто используются бесконтрольно. По мнению авторов, проблема глобальная, но не из-за мифического вируса, а в силу факторов, оказывающих на иммунитет подавляющее действие. Авторы связывают заболевание с **загрязнением окружающей среды, чрезмерным использованием антибиотиков, стрессами**. Функция терминов заключается не только в информации, но и привлечении внимания к другой проблеме. В статьях авторы пишут о СПИДе, но имеют в виду другое — загрязнение окружающей среды, стрессы, аморальный образ жизни, наличие ГМО в пище и т. д., т. е. речь идёт о дискурсе, который «больше по значению, чем его текст, первичный смысл вытесняется ради вторичного»

[Beardsley, 1958, с. 138]. Бердсли называет этот тип дискурса самоопровергающим (self-controverting). Первичный смысл «вытесняется» различными способами, например, высказываниями о ненаучности доказательств существования заболевания.

Анализ функционирования термина *СПИД* в научно-популярных статьях выявил, что он попадает в особое лексическое окружение, состоящее из единиц, тематически связанных между собой, которые, на наш взгляд, отражают эмоционально-оценочную коннотацию термина. Данные слова (метафоры) не только формируют представление о заболевании, но и предопределяют способ мышления о нем. Метафора становится способом когнитивной обработки информации, обладая следующими свойствами для более эффективного достижения прагматических целей: отображение знаний об одной концептуальной области в другой, что помогает быстро восприятию и усвоению.

В статьях заболевание *СПИД* ассоциируется со следующими метафорами: *нежданный гость*; *что-то, бесконечно сильное, выбившее ногой входную дверь*; *третий лишней*; *он умный*; *трещина* (ассоциация с трещиной на потолке); *hysteria*; *stress*. *СПИД = ВСЕ (мысли в пустоте, сердце почти не бьется, не дышит)* = страх = стыд. *СПИД* вызывает страх. Страх ассоциирован со словом 'стыдно'. Получение информации о болезни, ее последствиях вызывает у пациента беспокойство, ужас. И это повышает, по нашему мнению, интенсивность эмоций, что отражается на вербальном поведении пациента, т. е. термин не экологичен, он вызывает отрицательные эмоции. Тем не менее, используя отрицательно ориентирующие выражения 'чума XX века', 'смертельный приговор', описывающие заболевание *СПИД*, Ю. Цигун стремится заинтересовать неподготовленного читателя, воздействовать на него, аргументировать, что с таким заболеванием **можно жить**. Автор, используя конкретизаторы (*половым путем, через кровь, во время беременности, родов, через грудное вскармливание*), доводит до сведения читателей информацию о путях передачи заболевания, при этом успокаивая читателей (*за 30 лет произошли большие изменения*), стали ясны пути передачи этой инфекции, изменилось и мышление больного, необходимо бороться и ликвидировать «серость» (т. е. не осведомлен о *СПИДе*).

Термин *СПИД* — это не только нарушение иммунной системы, это проблемы пациента, его семьи. Поэтому существует различие между определением данного термина в словаре и эмоционально или оценочно окрашенной трактовкой в статьях.

Главной темой статей о СПИДе в английском языке является сострадание (*suffering*): *Suffering is a culturally and personally distinctive form of affliction of the human spirit. If pain is distress of the body, suffering is distress of the person and of his or her family and friends. The affliction and death of persons with AIDS create master symbols of suffering; the ethical and emotional responses to AIDS are collective representations of how societies deal with suffering* [Farmer, 1989, p. 138]. Ключевое слово — “suffering” — жалость, сочувствие. Термин СПИД вызывает эмоцию «сострадание», которая выражена лексикой, относящейся к теме сочувствия, сострадания. Слово ‘сострадание’ повторяется несколько раз с разными оттенками (*affliction, distress*). Это придает заболеванию эмоциональную окрашенность, данная лексика косвенно участвует в создании его образа.

В следующем примере термин СПИД окружен лексикой, отражающей оптимизм ВИЧ-инфицированного: *My feet itch, my chest itches, I have warts on my face, and my weight is ten pounds below what it ought to be. I have no energy, my legs don't work right, I am subject to periodic depressions, and my friends and colleagues don't know what is wrong with me. But I am **alive**, working every day, **enjoying** the closeness of a loving wife and family. I do not feel like a dead or a dying man. I feel very much alive* [Living with Aids, 1989, p. 92]. Несмотря на болезненные проявления заболевания, автор проводит мысль, что он жив, он работает. Сравнение *like a dead or a dying man* отражает следующее значение: «у меня СПИД, но я живу (*I am alive*)», *I am subject to periodic depressions, но я живу*. Данный образ поддерживается словосочетанием *enjoying the closeness of a loving wife and family*. Таким образом, термин СПИД конкретизируется специальными словосочетаниями, которые указывают на страдание, горе и печаль ВИЧ-инфицированного, через них проводится мысль, что заболевание сложное, эмоциогенное, а ВИЧ-инфицированные нуждаются в сострадании и сочувствии. Сострадание помогает ВИЧ-инфицированному бороться с болезнью. Приведенные примеры показывают, что термин СПИД приобретает дополнительный оттенок значения — страдание, горе и сострадание, сочувствие.

Анализ серий статей о СПИДе позволил вывить лексико-семантический портрет понятия. Это дает нам возможность предположить, что креативное поле данного заболевания открыто. Каждый автор по-своему понимает болезнь. Термин СПИД представляет микромир, в котором отражается кусочек реальной действительности. Осмысливая себя в заболевании, больной воспринимает свою жизнь, мир вокруг, выделяя самое главное. Это отражается в языковой номинации: осмысление заболевания находит словесное выражение в метафорических наименованиях СПИДа. В зависимости от цели своей статьи автор номинирует СПИД, который, благодаря контексту, легко семантизируется.

Нами была выявлена 21 номинация на русском языке: *чума XX века, страшная болезнь, самая страшная болезнь, особая реальность, СПИД-западня, СПИД — крупнейшая фальсификация нашего времени, мистификация мирового масштаба, СПИД-истерия, СПИД-трещина, СПИД=ВСЕ, незваный гость, третий лишний, он умный, американский синдром, СПИДоввоз, Чума с Запада, угроза, исходящая от США, концентрированное заболевание, феминизированная эпидемия, семиглавый дракон, болезнь ума, синдром приобретенного интеллектуального дефицита, миф, новая болезнь, идеальный убийца, замышленное убийство, бездонная кормушка для бессовестных ученых.*

Все лексические наименования, репрезентирующие СПИД, отрицательно коннотативны, вызывают негативные эмоции у читателей. Это есть вербальное пространство заболевания СПИД, формирующее знание о нем, порождающее новый образ заболевания, который читатель может принять за истинный. Данная лексика способна выполнять деструктивную функцию по отношению к ВИЧ-инфицированным, «разрушительно влиять на параметры самого языкового пространства и стоящего за ним сознания людей» [Шаховский, Ионова, 2012, с. 323].

Функционирование в англоязычных текстах словосочетания ‘dirty disease’ (болезнь грязных) аргументирует неэкологичность термина *СПИД*, ассоциируя его с чем-то нехорошим, грязным. Общеупотребительное значение прилагательного ‘dirty’ заставляет адресанта невольно переносить отрицательное отношение на понятие, еще больше усиливая негативную связь с болезнью. Использование данного словосочетания в качестве термина по отношению к СПИДу выявляет отношение коммуниканта к понятию. Большинство словосочетаний имеют различные оттенки эмоциональной окраски: иронии (*СПИД-истерия*), неодобрения, пренебрежения (*a dirty disease*), презрения (*СПИДоввоз*), жалости (*незваный гость*), сравнения с человеком (*он умный*), угрозы (*global disaster*).

Номинации в газетных статьях можно классифицировать с точки зрения информации о самом заболевании (*страшное заболевание*), отношения правительства к нему (*СПИД — крупнейшая фальсификация нашего времени, мистификация мирового масштаба*), отношения пациента к своему заболеванию (*незваный гость, третий лишний*).

Лексический портрет СПИДа эмоционален, выразителен, поскольку в нем проявляются чувства, эмоции, переживания. Некоторые сочетания слов можно назвать синонимами, которые различаются по степени эмоциональной напряженности. Например; *чума XX века* — ассоциация с тя-

желой и страшной болезнью средневековья, *чума с Запада* — угроза. Данное заболевание вызывает презрение и номинируется как *gay men, drug addicts, inner city ethnics, Haitians*. Можно задать риторический вопрос: почему *чуму* называли религиозной проблемой (*religious problem*), а СПИД — *вызывающим ужас* заболеванием (*dread disease*). Об этом пишет в своей статье П. Фамер: СПИД вызывает иронию и призывает к морали, это — угроза и потеря времени. Далее автор пишет, что данный термин ассоциируется с геями, наркоманами, африканцами. Автор обозначает заболевание как *terror of lingering and untimely death, the panic of contagion, the guilt of «self-earned» illness* [Farmer, 1989, p. 135—162]. Эмоциональный компонент слова, который применяет автор по отношению к болезни, отражает факт эмоционального переживания.

Результаты исследования газетных и журнальных статей показали, что СПИД в сознании авторов ассоциируется со страшными болезнями (*чума XX века*), политикой (*крупная фальсификация*), человеком (*незванный гость, умный, gay men*), животными (*семиглавый дракон*), окружающей средой (*disaster*), временем (*time-bound, losses of time*), абстрактностью (*mystery, миф*). Определение, данное заболеванию (*бездонная кормушка для бессовестных ученых, умышленное убийство, идеальный убийца*), выделяет категорию нравственности. Интенсионалом лексико-семантического портрета СПИД является словосочетание *страшная болезнь*, импликационалом — *фальсификация, mystery*.

Итак, исследование лексико-семантического портрета СПИД позволило сделать вывод, что данное заболевание ассоциируется с чем-то особенным, мистическим. Авторы в своих статьях вкладывают один смысл — «страшное заболевание» («чума XX века»), тем самым нагнетая истерию и страх перед инфекцией, а также способствуют дискриминации и изоляции людей, живущих с ВИЧ, т. е. термин неэкологичен. Термин СПИД эмоциогенен. Это еще раз подтверждает суждение В.И. Шаховского, что «эмоции тесно связаны с квалификативно-оценивающей деятельностью человека и являются компонентами структуры его мыслительной деятельности» [Шаховский, 2009, с. 47].

В заключение отметим, что термин СПИД нарушает экосистему человека, предполагая разрушительный процесс, протекающий в его сознании, является «лингвотоксичным» элементом, выполняет аттрактивную, деструктивную функции, поэтому врачам, журналистам, общественным деятелям, занимающимся проблемой СПИДа, необходимо внимательно относиться к словоупотреблению, которое оказывает важное влияние на экологию языка и отрицательно сказывается не только на ВИЧ-инфицированным, но и на его родственниках и друзьях.

ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ СИНЕРГИЙНОЙ ПАРАДИГМЫ: ПРЕДМЕТНАЯ СФЕРА, ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ И ЭВРИСТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ

А.А. Романов, Л.А. Романова, Е.В. Малышева

Со второй половины XX и первого десятилетия XXI в. не прекращается поиск коммуникативно-социальных и социально-психологических механизмов, способствующих построению гибкой системы отношений личности с социальной средой, что привело к выделению и описанию различных научных школ, направлений и парадигм, а также использованию всевозможных конструктивных **построений (конструктов)**, в том числе и таких, как «вера», «духовность», «фанатизм», «медиаальность», «миф», «диспозиция модальности Я-говорящего субъекта» в ситуации деятельностной коммуникации, «Я как посредник между первым и третьим мирами», «эмоциональный интеллект», «синергия (synergeia)» в ее различных — богословских, антропологических и чисто синергетических — проявлениях, «дискурс» и др. Подробнее о некоторых научных парадигмах указанного периода и функциональных конструктах см.: Берзницкас, 1980; Берестнев, 1999; Луман, 2005; Романова, 2005; 2009; Романов, Романова, 2009; Романов, Немец, 2006; Романов, Новосёлова, 2012; Хоружий, 1995; 2010 и др.

В работах отмечается, что особая важность и актуальность поиска новых научных парадигм обуславливаются спецификой зарождения постиндустриального общества, общества постмодерна с его IT-технологиями — «сетевое общество» в данную эпоху, породившую нынешний кризис социоэкономических отношений и духовности, именуемый в научной литературе «кризисом антропологичности». Этот кризис проявляется во всех гранях человеческой жизнедеятельности: от культуры, науки до экономики и экологии. Ускоренное технологическое развитие, сделавшее более доступными средства связи, передвижения и межкультурного общения, привело в конце 1960-х годов к радикальному изменению качества жизни. Такое повышение качества жизни можно оценить как положительно, так и отрицательно, правда, при этом отрицательная сторона способна оказывать достаточно серьёзное влияние на психологическое состояние личности, т. к. итогом действия этих процессов считается появление общества постмодерна с децентрацией индивида.

Характерной чертой общества постмодерна является отрицание опыта тех, кому необходимо ощущение укоренённости собственного бытия в

чем-то «внешнем», «объективно истинном». В исследованиях отмечается, что развитие современных IT-технологий вовлекает людей в орбиты различных культур и субкультур, в результате чего исчезает базисное общественное согласие. По своему существу такое общество ставит под сомнение объективизм, предлагая взамен субъективистскую и релятивистскую перспективу, где отрицается объективное, а истина измеряется лишь субъективным опытом (ср.: [Романова, 2009]). Уместно в этой связи привести замечание Ф. Ницше, сделанное им более ста лет тому назад, но не потерявшее своей актуальности и сегодня: «Всё наше знание — лишь перспектива».

И хотя такой конструктивистский подход можно было бы приложить к большинству категорий человеческого опыта, в частности соотнести с психологической, психосоматической, общественной, культурной, духовной, религиозной и другими сферами деятельности человека, тем не менее начавшаяся с конца 1960-х годов эпоха модернизма, постмодерна и современного сетевого общества с его IT-технологиями характеризуется в информационно-культурологическом плане тем, что развенчивает основы культуры бытия, где даже современная наука уже предстаёт «обманщицей, впадающей в бесчисленные ошибки», чреватой к тому же непредсказуемыми последствиями экологического кризиса (достаточно вспомнить, например, недавние катастрофы с АЭС в Японии), а авторитет в любой его форме низвергается политическими бурями, прокатывающимися по миру (ср. феномен «арабской весны» и ее последствия). Даже подвергнутый сомнению в предшествующую секулярную эпоху религиозный авторитет сегодня в ещё большей степени уступает свои позиции под натиском нового «альтернативного» мистицизма, оккультизма и сектантства, «начало которым положила психоделическая революция» (ср.: [Тоффлер, 1999]).

Сегодня под сомнение ставятся даже основоположения духовности, морали, искусства, истории и целого ряда других областей. В частности, в этом определенную роль сыграла феминистская критика многих аспектов культуры — от языка до способов мышления и выработки причудливых социолингвистических форм политкорректности, определяемой как «стиль общественной коммуникации и государственного устройства, при котором надлежащим образом обеспечиваются права меньшинств — любых: религиозных, культурных, сексуальных, расовых или этнических» (ср. термин «гидра по имени политкорректность» в работе [Шаров, 2010, с. 31—32]). Политкорректность выражений свойственна, главным образом, англосаксонскому миру, а также Канаде, Австралии, Новой Зеландии, Скандинавии и Франции; о положении в Германии см.: [Романов, Морозова, Носкова, 2007, с. 188—195]).

Надо заметить, что политкорректные фразы как формы гендерно-нейтрального языка — детища феминизма, изобретенные частью общества (в первую очередь, контролирующей сферу информационного обмена и рынка СМИ), по мнению К.С. Шарова, «иногда глупы до абсурда» [Шаров, 2010, с. 32]. Например, отмечается, что в рамках концепции гендерно-нейтрального или «несексистского языка» политкорректности запрещается поздравлять собеседников с Рождеством Христовым, поскольку это может оскорбить атеистов (как будто непонятно, что атеисты и так не празднуют Рождество). Негра запрещено называть негром, чёрным, чернокожим и т.п., он становится афроамериканцем. В настоящее время афроамериканцы проживают, по-видимому, не только в США (также заметим, кстати, что, по мнению К.С. Шарова, США опережают по данному показателю политкорректности все страны мира, взятые вместе), но и в странах Центральной Америки, равно как и на Карибах, только в Африке пока не живут афроамериканцы. «Толстый человек» — ненормативное употребление в рамках политкорректного новояза, он — «развивающийся горизонтально». Опаздывающий никуда не опаздывает, а перепланирует своё расписание. Дебил — всего лишь «альтернативно одаренная личность». Охотник — «убийца животных». Скотоводческая ферма — «концлагерь для скота». Дерево — «единица по восстановлению кислорода» [Шаров, 2010, с. 32].

В этом плане любопытные данные предоставляет поисковая система «Гугл»: недавно в США появился официально издаваемый в ряде штатов «PC lexicon» — мини-словарь политкорректного языка, в котором, в частности, можно найти следующие гендерно-ориентированные примеры:

— нельзя говорить и писать слово “woman”, надо изменить его на слово “womYn” (в русском языке аналогом может быть, например, «женщина»), а если кого не устраивает это слово, то пусть употребляет “vaginal-American” (вагинальный американец). Заметим, что аналогичную картину можно наблюдать и в немецком языке. Так, А. Меркель часто упоминается в германских СМИ не как канцлер Германии, а как «канцлерШа» (die KanzlerIn), а выражение «Gott sei Dank» (Слава Богу) рекомендуется в плане политкорректности (т.е. фиктивной, не референтной семантики) заменить на «GuttIn sei Dank», а также Mensch — MenschIn, где суффикс In является грамматическим (но не биологическим) показателем рода. Выражение «Wir warden uns verschnnen» (Мы помиримся, дословно: мы станем сыновьями) следует произносить как «Wir warden uns vertuchtern», где понятие «сын» заменяется на понятие «дочь» [Романов, Морозова, Носкова, 2007, с. 188—195]. Авторы отмечают, что масштабы феминистской истерии в области языка все

больше напоминают гротеск. Так, в 1994 г. жители г. Buchholz решили использовать в официальных документах только наименования женского рода: с этого времени городом управляет (и это зафиксировано во всех документах) von BürgermeisterIn (букв. «бургомистерша») Joachim Schleif, хотя Joachim Schleif — мужчина [Романов, Морозова, Носкова, 2007, с. 193];

— слово «девушка» не политкорректно, поскольку указывает на «девственность как нелогичный пережиток прошлого», его нужно изменить на “pre-womyn”, т.е. «пред-женщина»;

— «домохозяйка» меняется на «домашний инженер»;

— «стюардесса» — на «сопроводитель полета»;

— «проститутка» — на «жертва несчастья»;

— «человек» — на «дитя Земли» [Шаров, 2010, с. 36].

К этому также следует добавить, что «в обороте прихожан современных англиканских церквей в США, Великобритании и странах Британского союза вращается огромный (около 250 млн экз.) тираж “Gender-inclusive Bible” («Гендерно корректной Библии») издательства “Good News”, в которой нет ни одного (!) местоимения *He* (Он). До смешного курьёзен следующий факт. Архиепископ Кентерберийский и королева (которая *de facto* является главой англиканской церкви) утверждают, что такой шаг вызван их с архиепископом неуверенностью, что Бог не обладает внешностью черной женщины» [Шаров, 2010, с. 43]. Любопытно, что и в немецком языке можно наблюдать похожую тенденцию. Так, вместо выражения «Liebe deinen Nächsten» («Люби своих близких»; «возлюби своих ближних») можно встретить «Liebe deinen Nächsten, deine Nächste und dein Nächstes» («Воз / Люби своего близкого / ближнего — представителя мужского рода, свою близкую / ближнюю и своего близкого / ближнего (т.е. ребенка — das Kind как представителя среднего рода в немецком языке), т. к. ребенок тоже имеет право на любовь») [Романов, Морозова, Носкова, 2007, с. 195].

И точно так же, как с движением за гражданские права солидаризировались самые разные меньшинства, феминистская критика была использована другими группами для того, чтобы подвергнуть сомнению общепринятые представления о духовности, морали, красоте, здоровье, устройстве семьи, сексуальности, «несостоятельности» и «неуспешности» личности в обществе (можно вспомнить нашумевшее в отечественных СМИ заявление одного из представителей класса имущих: «кто не имеет миллиард, тот пусть идёт в ж...»), не пытаясь даже рационально осмыслить накопленный опыт, порожденный ускорением процесса развития, а, напротив, стремясь только к умножению «миров» жизненных альтернатив индивида [Кон, 2010; Романов, Немец, 2006; Романов, Романова, Носкова, 2006;

Романов, Романова, 2011; Романова, 2009; Фридман, Комбс, 2001]. При этом также следует учитывать, что постмодернистские установки простираются ещё дальше, утверждаясь демонстрируя своими перформансами, будто целые культуры и исторические эпохи живут в соответствии с принципами, абсолютный характер которых обосновать невозможно.

Реализацию таких установок на **мир дискурса фиктивной семантики**, формирующей **новую политкорректную социальную реальность**, уже можно наблюдать и в жизни [Романов, 2002, с. 58—66]. Так, например, за последние пять лет суды в США вынесли несколько сотен обвинительных приговоров по делам, связанным с нарушением политкорректных законов штатов (при отсутствии даже определения термина «политкорректность» в федеральном уголовном кодексе США), причем 78% приговоров были связаны с «сексизмом». Более того, принципы указанной политкорректности «сознательно и огульно насаждаются во всех западных университетах и даже школах. Сегодня в списке причин, за которые отчисляют студентов из ведущих американских и британских вузов без права повторного поступления, первую строку занимают нарушения норм политкорректности. Некорректных преподавателей немедленно увольняют. После такого отчисления или увольнения человек фактически теряет возможность публично высказать свои взгляды и вынужден либо “корректировать” их на (гендерно) политкорректные, либо становиться изгоем в своей среде <...> и приспособливаться к условиям новой социальной реальности. Именно феминистское движение явилось катализатором проведения в жизнь “правил” политкорректности. При прочих равных условиях во Франции, Великобритании или Скандинавских странах на работу возьмут женщину, а не мужчину. В Швеции или Дании при одинаковом балле на вступительных экзаменах в вуз возьмут человека, отметившего в анкете, что он «сексуально нетрадиционно ориентирован». <...> Самой социально защищенной фигурой в США является неработающая черная лесбиянка, которая в прошлом была мужчиной: она получает от государства пособие в 6500 долл. в месяц [Шаров, 2010, с. 40—41].

Однако, по мнению И.С. Кона, следует все же признать, что наблюдаемое «ослабление поляризации гендерных ролей не устраняет половых и гендерных различий, особенно в такой чувствительной области, как соотношение общественно-производственных и семейных функций. <...> Отчасти эти различия коренятся в биологии (материнский родительский вклад выше отцовского и требует больших усилий и временных затрат, если женщины от этих функций откажутся, человечество вымрет), отчасти — в унаследованных от прошлого соционормативных ограничениях, а отчасти —

в привычных стереотипах массового сознания. Тем не менее ведущими процессами стали **индивидуализация** и **плюрализация**, позволяющие людям выбирать стиль жизни и род занятий безотносительно их половой / гендерной принадлежности в соответствии с привычными нормативными предписаниями или вопреки им» [Кон, 2010, с. 27].

Хотя конструктивизм как аспект постмодернизма признаёт важность мыслительных конструктов и возможную вероятность существования условных схем, выдумок, фантазий, предполагая, что эти представления реальны или иллюзорны, он, тем не менее, не исключает гипотетической возможности стать основой современного образа жизни человека [Романов, Немец, 2006; Романов, Романова, Носкова, 2006; Романова, 2009]. Несмотря на то, что конструктивистский подход практически мало что существенного может добавить к опыту децентрации индивида и «трансформации когнитивного агента», тем не менее важно иметь в виду, что ни гипостазирование типа нигилизма, свойственное ультрасовременным представителям поп- и арткультуры с их апеллированием к подростковому сознанию, ни акцентирование внимания исключительно на всесторонних негативных аспектах окружающего мира не предполагают при этом никакой иной конструктивной альтернативы. Однако, если все же рассматривать складывающиеся изменения в мире с позиции соавторства («соратничества», «синергийности»), «согласованного взаимодействия» [Романов, 1988; Романов, Романова, 2011; Морозова, 2005; Романова, 2009], то постмодернистская критика (а не просто гипостазированный тип нигилизма) способна некоторым образом побуждать людей к принятию ответственности за творческое построение мира их мечты.

С этих позиций само творческое (креативно-когнитивное) построение мира веры, мира мечты в любой из его разновидностей может стать основополагающей ценностью. И в этом нельзя не усмотреть аналогии с идеей А. Адлера о том, что «социальный интерес» выполняет в сознании «организующую функцию» (ср. понятие регулятивной функции как «сознательно мотивированной целенаправленной деятельности человека, обладающей функциональной заданностью, направленностью на взаимодействие», как «организующей, управляющей и направляющей функции в коммуникативно-информационном процессе» в работах [Романов, 1988; с. 4, 6—8; Романов, Сорокин, 2008; Романов, Романова, 2011]). И тогда миссия социального интереса будет заключаться в «вытеснении незрелого индивидуалистического представления» [Уэбстер, 2004] и замене его тем, что **человек должен утвердиться в процессе преодоления себя**. Это представление, по мысли А. Адлера, нередко выступающее даже источником патологического нарциссиз-

ма, все же **оказывается преодолимым посредством духовной самооценки личности**, которая осуществляется наиболее целостно тогда, **когда индивид чувствует ее полезность в более широком контексте** социальной группы, отдельного социума или всего человечества, когда он проникнут духом синергичности.

Как отмечают В.С. Меськов и А.А. Мамченко, уже в 1950-х гг. пришло понимание того, что «общественное обустройство ждут кардинальные перемены, и эти перемены связаны с информационными и коммуникационными технологиями», которые ... «фиксируют очевидный и несомненный грядущий переход человечества от деятельности по производству материальных ценностей и услуг к когнитивной (научно-творческой, управляющей и информационной) деятельности». В 1970-х гг. стало понятно: обозначенные перемены в целом указывают на переход к обществу, основанному на знаниях, к когнитивному обществу, знаменующему собой не только (и не столько) другой тип экономической модели, но и другой тип культуры — так называемой «третьей культуры». **Переход от жизни в культуре материального потребления (мира потребления вещей и материальных ценностей) к жизни в культуре виртуальных смыслов**, начальную фазу которого уже сегодня переживает человечество, осложняется барьерами, порожденными комплексом факторов, объединяемых понятием глобализации [Меськов, Мамченко, 2010, с. 77]. И как результат — появляются новые вызовы, с которыми общество ранее не сталкивалось. В частности, по данным Санкт-Петербургского форума ЮНЕСКО «Между Женевой и Тунисом», уже возникла угроза «когнитивного провала» («К обществам знания»). Всемирный доклад ЮНЕСКО, 2005), когда «линия разлома» проходит не только (и не столько) по границам стран и народов, а по каждому человеку, удаляя его из жизни в культуру виртуальных смыслов, т.е. в «несуществование» [Там же].

По мнению цитируемых авторов, «этот барьер может быть преодолен только сменой доминирующей социальной парадигмы на постнеклассическую», с помощью которой человечество способно переключиться с экстенсивного потребительского на когнитивный путь развития, а конкретный человек — встать на путь «трансформации когнитивного субъекта» [Там же]. Действительно, если сравнить суть представлений о человеке, то оказывается, что в «классической модели... человек — это венец творения (либо божественного, либо природы), ... но вместе с тем, несмотря на все это, он всего лишь животное, обладающее способностью производить орудия труда» [Там же, с. 68]. При неклассическом подходе человек трактуется как «социальное животное». Характерно, что такое понимание человека как «объекта

неклассического мира» было обусловлено открытием «бессознательного», приведшим к пониманию того, что в индивидуальном Я невозможно отделить мышление от чувствования, сознательное от бессознательного, духовное от телесного [Меськов, Мамченко, 2010, с. 69].

Вместе с тем необходимо признать, что помимо собственно человеческой ипостаси существуют ещё, по крайней мере, духовная и Божественная ипостаси человека как когнитивного субъекта, обладающего внутренней мотивацией когнитивной деятельности в соответствующей *среде* и *контенте* как форме представления информации и ее познаваемых (т.е. переработанных внутри системы обозначений в процессе переноса с одного живого существа на другое или же с одной системы сознания на другую, по Н. Луману) аспектов [Там же, с. 69, 71]; см. также: [Луман, 2005, С. 7—25] и осознающего «своё бытие и целостность», что, в конечном итоге, помогает ему «преодолеть отчуждение человека от мира и самого себя, познать целостность (хочется сказать — «блаженную целостность») человека и мира, ощутить естественную, продолжающуюся далеко за пределы человека духовную жизнь Универсума и своё несомненное участие в ней» [Меськов, Мамченко, 2010, с. 69].

«Путь трансформации когнитивного субъекта» как путь поиска другого начала путем обретения нового источника для своего духовного совершенствования представлен, как это явствует из вышесказанного, в опыте использования общих принципов «парадигмы синергийности», в частности, в особой парадигме «синергийной антропологии» и ее разновидности, базирующейся на платформе восточнохристианского дискурса, основанного на наработанной веками практике «православного синергизма», в понимании С.С. Хоружего (1995, 2010), на опыте «участного мышления», своего рода «примыкающей практикой» для многообразных практик предстояния перед множественностью человеческого бытия (цит. по: [Гайнулина, Агапов, 2010, с. 172—173]).

Здесь нет особой необходимости подробно останавливаться на значительном количестве разнообразных трактовок термина «синергия» в научной литературе, т. к. об этом имеется большое количество научных публикаций, в которых отражена специфика конкретных подходов и взглядов на феномен синергии. Представляется, что достаточно лишь напомнить о самом понятии «синергия», которое произошло от греческого «συνεργεῖα» (ср. также *англ.*: *synergeia*) и понимается в этимологическом смысле как источник интуитивных идей о «кооперации», коллективных явлениях, «координированных действиях и взаимодействиях», «соратничестве», «согласованном действии», как возможная новая «наука о кооперации» [Хоружий, 2010, с. 20—21].

Говоря о терминах «кооперация», «коллективные явления», «координированные действия и взаимодействия», «сотраотничество», «согласованное действие», «соразмерность», нельзя в этой связи не упомянуть работы исследователей тверской научной школы динамической модели диалогической коммуникации под руководством проф. А.А. Романова, в которой разрабатывается и развивается концепция регулятивного статуса коммуникативной интеракции, где в качестве функционально-семантических единиц («**коммуникативно-регулятивных синергем**») согласованного, скоординированного взаимодействия собеседников выступают регулятивные действия — **регулятивы** в виде естественно-языковых практик (см. обзор трудов по регулятивной деятельности: [Морозова, 2005; Романова, 2009; 2010]).

В рамках этого направления регулятив как синергетическая единица дискурсивной интеракции реализует себя, по А.А. Романову, в актах коммуникации комплексно: на поверхностном уровне он репрезентирует себя в виде определенных (иногда готовых, шаблонных) языковых конфигураций и типовых моделей речевого и неречевого поведения, а на глубинном уровне — в виде структурированного в психике говорящего субъекта функционально-семантического представления (ФСП) знаний об опыте (опытных образцах) реализации этих форм речевого и неречевого поведения в соответствующих (складывающихся или уже сложившихся) ситуациях реального мира [Романов, 2002а, с. 25].

В этом плане система регулятивов как вербальных и невербальных единиц диалогической коммуникации [Мальшева, Романов, 2012], реализуемых участниками коммуникативного пространства в соответствующей обстановке (*среде*) и фреймовой конфигурации (*контенте*), может соответствовать понятию формы представления информации (знаний) как формы переработанных внутри системы обозначений в процессе переноса с одного живого существа на другое или же с одной системы сознания на другую, по Н. Луману, с одной лишь разницей: «успешная реализация регулятива как вербально-авербальной практики в виде единицы информации, которая, влияя на ход определенных событий, бытия дискурсивных формаций в процессе коммуникативного обмена (воздействия), способствует как возникновению своих «копий» в умах участников такой интеракции, так и генерированию всей системы регулятивных единиц, находящихся в «архиве» ментального пространства («вместилища») и используемых участниками согласованной коммуникации, развивающейся по типовому (фреймовому) сценарию» [Романов, 2002а, с. 24].

Примечательно, что именно в таком аспекте процесс взаимодействия вербальных и невербальных единиц в диалогической интеракции проте-

кает под воздействием не только внутренних (психоэмоциональных) факторов, отражающих в себе особенности развития и формирования телесных признаков корпоральности [Романов, 2005; Романов, Сорокин, 2008] и специфику акта хабиитуализации в значении «усвоение и привыкание к чему-то, превращение этого чего-то в составную часть своего облика» [Бурдые, 1995], но и внешних (социальных) факторов, сформированных под воздействием лингвоэкологической среды коммуникативного пространства говорящей личности в структуре эмотивного семиозиса социальной коммуникации. Поэтому и процесс социализации человека как структурной единицы общества происходит под влиянием определенных эмоций (различного уровня и порядка) и формируется в прямой зависимости от выбора семиотических знаков для репрезентации себя в современном социуме, отражает состояние говорящего с точки зрения психического восприятия объектов окружающей действительности и влечет за собой изменение как самого индивидуума, так и его языка, выступающего как способ и средство взаимодействия с партнером по коммуникации.

В этой связи становится очевидным, что в любом коммуникативном взаимодействии можно выделить три сферы, где процесс коммуникативной интеракции как целенаправленной связи и взаимосвязи коммуникантов может протекать в имплицитном виде (без осознания): коммуникация как **а**) энергоинформационный обмен, **б**) бессознательное проецирование и **в**) внутриличностный процесс [Романов, Костяев, 2011]. Так, квантово-релятивистская модель сферы (**б**) описывает коммуникативный процесс, направленный на установление «порядка через флуктуацию», в котором мир представляет собой голограмму, паттерн, имплицитный порядок. Модель сферы (**в**) трактует уже категорию материи как стоячую волну по отношению к физическому телу человека, а сознание его характеризуется полеволновыми качествами, а именно — неразрывностью и нелокальностью [Капра, 1994]. Сам коммуникативный обмен описывается преимущественно как «дискретный», т.е. как речевая форма взаимодействия. Однако в качестве основного коммуникативного механизма сферы энергоинформационного обмена, т.е. сферы (**а**), выступает «психическое заражение» (термин Р. Броди), которое, однако, не получило еще развернутой интерпретации.

Примечательно, что для более глубокого понимания друг друга участниками (точнее, их психотипами) в коммуникативной интеракции целесообразно опираться именно на энергоинформационный подход, одним из положений которого является представление о том, что процесс понимания обусловлен имплицитной настройкой энергетических контуров или степенью соответствия открытости энергетических центров общающихся

людей, по А. Менегетти (2002). Важно отметить, что если у участников коммуникативной интеракции обнаруживается такое соответствие, то они понимают не только то, что сообщается, т.е. пропозициональную составляющую высказанного (выражения, высказывания, комплексного коммуникативного акта, дискурсивной практики), но и интенциональную, и иллокутивную, т.е. «для чего» и «зачем» («с какой целью» и «каким образом»), выражая при этом формальными показателями речевые акты различной иллокутивной направленности и маркируя их соответствующими показателями различного порядка.

В этом проявляется механизм «энергетического резонанса» (термин А. Менегетти), который создает условия для более эффективной информационной передачи в коммуникативном обмене и, в свою очередь, будет определяться соответствием уровня открытости энергетических центров (у А. Менегетти они именуется «чакрами») каждого из коммуникантов, а также отражать формальные и искренние отношения между собеседниками, формировать их уровень или «кодекс доверия» [Романов, 1988; Романова, 2009], настраивая тем самым в дальнейшем на улучшение/ухудшение их самочувствия как следствие формирования психоэмоционального восприятия объектов действительности, например: *Какая ты дрянь, Лера! — Настя схватила подружку за рукав и развернула к себе лицом. — Какая же ты дрянь, я до сих пор в это не верю! Ты же не такая была! — Ну, знаешь, — без запинки ответила Лера, — ты тоже не была убийцей, когда мы дружили* [Мальшева, 1999, с. 186]. Ср. также: — *Из-за тебя, идиота, по этому делу де Голль говорил с Громыкой, ты понял, блоха ты вонючая?! Что — не знал?! — обязан знать! Ты совсем дурак или кто?* (М. Веллер).

Опираясь на механизм энергетического резонанса, проявляющийся в открытости центров по отношению друг к другу, можно выделить *гармонично открытые* (гармоничные), *чрезмерно открытые* и *закрытые* центры. Обобщенный вид взаимодействия таких центров в человеке может служить основанием для построения типологии коммуникативной личности, способной на согласованное взаимодействие с другими без нарушения их коммуникативного пространства. Одинаковая направленность открытия этих энергетических центров является условием хорошего взаимопонимания. По мнению исследователей, это экзистенциальный уровень эволюции сознания, утверждающий идею биологической ценности жизни, когда язык функционирует **в качестве инструмента в социальном взаимодействии**. В этом плане язык используется коммуникантами **как инструмент познания и рефлексии** [Менегетти, 2002; Сухих, 2001; Романова,

2009]. Из сказанного следует, что **уровень понимания определяется близостью типов личности с точки зрения открытости и активности соответствующих энергетических центров**. Нельзя не привести в этой связи тонкое замечание А. Лоуэна: «Живые организмы от неживой природы отличается тот факт, что в организмах этот процесс происходит внутри мембраны, благодаря чему произведенная энергия не теряется в окружающую среду, а используется организмом для выполнения своих жизненных функций. ... Процесс построения связи с внешним миром является энергетическим процессом» [Лоуэн, 2000, с. 13].

Следовательно, коммуникативное взаимодействие между коммуникантами не сводится только к внешним обменам сигналами, а понимание другого, конечно же, не приравнивается только к пониманию его дискурса, т. к. человек, по мнению Т. ван Дейка (1989), всегда делает больше, чем он думает, что делает, когда порождает дискурсы и все вербально-авербальные комплексы в процессе регулятивной (диалоогоорганизующей, диалоогонаправляющей, диалоогокоординирующей) деятельности, а это значит, что имплицитная структура коммуникации сводится либо к унисону (взаимной настроенности, взаимной кооперации, синергии), либо к диссонансу (т.е. отсутствию такового «сорботничества», или синергии). При этом проявляется следующая закономерность: чем более высокий уровень эволюции сознания проявляется у коммуниканта, тем в большей степени он способен производить подстройку к другому собеседнику. Иначе говоря, он способен к более глубокому пониманию другого участника коммуникации, проявляя уважение, толерантность, «такт и внесловесное трение», в понимании В.Н. Волошинова (2010, 2010а). То есть коммуникант способен к проявлению лингвоэкологического характера своего речевого и — шире — коммуникативного поведения в такой новой (синергийной) парадигме [Романов, 2008, 2010].

Другая сфера проявления скрытой (имплицитной) коммуникации касается механизмов взаимодействия сознательного и бессознательного, что особенно характерно для интерактивных процессов в массовой коммуникации и социальном взаимодействии, например: — *Я тебе, в гроб твою, посамовольничую! Я вот вызову зараз свой полк из-под Каргинской, так аж черт вас тут возьмет!* — *Григорий вдруг схватил Кудинова за сыромятный кавказский пояс, шатая, раскачивая, с холодным бешенством зашептал:* — *Хочешь зараз же открою фронт? Хочешь зараз вон из тебя душу выпущу? Ух, ты!..* — *Григорий скрипнул зубами, отпустил тихо улыбавшегося Кудинова.* — *Чему скалишься? Кудинов поправил пояс, взял Григория под руку:* — *Пойдем ко мне* (М. Шолохов).

Е.В. Улыбина отмечает, что «специфика массового, общественного, группового сознания в том числе заключается в проявлении наиболее глубоких, древних и общих для всех качеств... близости общественного и мифологического сознания с бессознательным» [Улыбина, 2001, с. 13—15]. К особенностям языка бессознательного причисляют невозможность разделить содержание и средства его выражения; низкий уровень обобщения, невозможность использовать и выражать абстрактные понятия; отсутствие линейного времени и наличие циклического времени; отсутствие отрицаний и терпимость к алогизмам. Кстати говоря, проявление обыденного сознания в коммуникации связано с действием механизма проекций, описанного З. Фрейдом, когда наблюдается сильное сопротивление в отношении принятия собственной «тени». Человек сопротивляется собственной «тени», тем аспектам, которые ему не нравятся, и потому проецирует их. Поэтому внешняя информация в коммуникации должна расшифровываться, т.е. имплицитная информация исходной теневой формы может быть обнаружена путем перевода внешних симптомов в исходную формулу. Вероятно, такое расхождение между двумя информациями, между «маской» и «тенью», т.е. сознательным и бессознательным, является причиной потери психической энергии, следовательно, ведет к ухудшению самочувствия коммуникантов и интралингвального аспекта (связанного с культурой речи, стилистикой, риторикой, т.е. нарушениями правильности, ясности, логичности, выразительности речи) коммуникации, например: ***Хорунжий вывернул кровь дурной налитые глаза, подскочил к старому постовалу, звонко хлестнул его по щеке. — Руби его, Шустров!.. Я отвечаю!.. Да бей же, в закон твою мать!*** (М. Шолохов).

Быть может, по этой причине участники вербальной интеракции не всегда придерживаются в ходе реализации своих коммуникативных целей и намерений принципов вежливости и тактичности («такт», в понимании В.Н. Волошинова), а лишь реализуют эмотивную (экспрессивную) функцию языка, которая связана с адресантом и имеет своей целью «прямое выражение отношения говорящего к тому, о чем он говорит. Она связана со стремлением произвести впечатление наличия определенных эмоций, подлинных или притворных; поэтому термин “эмотивная” (функция) представляется более удачным, чем “эмоциональная”» [Якобсон, 1975, с. 198]. Интересно, что в языке, как правило, одно и то же содержание даже интонационно или с помощью диалогических средств невербального порядка можно оформить так, чтобы были поняты наше одобрение, осуждение и т.д.

Именно в рамках такого интерактивного взаимодействия и формулируется «нормативная» база коммуникативного поведения говорящего

субъекта, охватывающая общекультурные, групповые, ситуативные и индивидуальные нормы. Отметим, что общекультурные нормы коммуникативного поведения характерны для всей лингвокультурной общности социума и в значительной степени отражают принятые правила этикета и нормативного вежливого общения. Ситуативные нормы обнаруживаются в случаях, когда общение определяется конкретной экстралингвистической ситуацией. Индивидуальные нормы коммуникативного поведения отражают индивидуальную культуру и коммуникативный опыт индивида и представляют собой личностное преломление общекультурных и ситуативных коммуникативных норм в языковой личности.

Лингвоэкологически определяемое коммуникативное поведение в рамках синрегиной парадигмы также включает в себя социально и коммуникативно значимое бытовое поведение, определяемое как совокупность предметно-бытовых действий людей, получающих в данном обществе, в данной лингвокультурной общности смысловую интерпретацию и тем самым включающихся в общий коммуникативный процесс и влияющих на поведение и общение. Одним словом, бытовое поведение рассматривается как своеобразный «язык повседневного поведения», по В.Н. Волошинову. В основе синергичного эколого-коммуникативного поведения лежит обыденная реальная дискурсивная практика (или «жизненное высказывание», по В.Н. Волошинову), включенная в коммуникативный процесс как «форму жизненного общения» [Волошинов, 2010, с. 189—190]. Поэтому коммуникативное поведение в рамках синергичной (лингвоэкологической) парадигмы можно рассматривать как следствие и реализацию совокупности социальной, психической, когнитивной, языковой и эмоциональной компетенций языковой личности в конкретных формах жизненного общения (вербальных и невербальных), например: *Так было: июль знойный, на межах желтопенная ромашка, покос хлебов, Игнашке Бодягину — четырнадцать лет. Косил с отцом и работником. Ударил отец работника за то, что сломал зубец у вил; подошел Игнат к отцу вплотную, сказал, не разжимая зубов: — Сволочь ты, батя... — Я?! — Ты... Ударом кулака сшиб с ног Игната, испорол до крова чересседельной. Вечером, когда вернулись с поля домой, вырезал отец в саду вишневым костыль, обстрогал, бороду поглаживая, сунул его Игнату в руки: — Поди, сынок, походи по миру, а ума-разума наберешься — назад вертайся,— и ухмыльнулся. Так было (М. Шолохов).*

Следует признать, что в лингвистике выделено значительное количество параметров языковой личности, детерминирующих ее коммуникативное поведение. Нередко эти параметры объединяются в общем

понятии «языковой паспорт». В объем этого понятия включают видородовые признаки («паспортные данные») говорящей личности, такие как пол, возраст, национальность, социальный, ролевой статусы, образование, профессия и др. И хотя их связь с экстралингвистической природой языковой личности налицо, тем не менее они (как «паспорт») играют существенную роль в общении, т. к. в первую очередь они через речевую специфику (интонацию, манеру, лексический запас и т.д.) презентуют говорящего субъекта собеседникам по коммуникативному процессу и тем самым накладывают отпечаток на уровень отношений между коммуникантами и манеру их речевого поведения. Что немаловажно, они оказывают существенное влияние на языковую, эмотивную, коммуникативную компетенции каждого из собеседников в целом, а значит, они влияют на саму структуру личности говорящего субъекта, которая, по мнению Ю.Н. Караулова, «строится по пересекающимся осям: виды речевой деятельности, уровни языка и степень владения соответствующим компонентом данного уровня» [Караулов, 1987, с. 71], например: — **Ты где бываешь ночью, гаденыш?** — *Молчит Алешка. Банка с маслом косилочным в пальцах у него подрагивает. — Где бываешь, говорю?! — В клубе... — А-а-а... в клубе? А этого ты не пробовал, так твою мать?! — Кулак у хозяина весь желтой щетиной порос и тяжел, как гиря. Стукнул Алешку по затылку, а у того ноги подвернулись, упал грудью на косилочные крылья, из глаз, словно просяная рушка, искры посыпались. — Малость отвыкнешь шляться!.. А нет, так убирайся со двора к чертовой матери, чтоб и духом твоим не воняло тут!* (М. Шолохов).

Таким образом, в человеке синергично (или лингвоэкологически) коммуникативном есть очень сильное, укорененное самоощущение пути совершенствования личности, т. е. претворение человека в практике восхождения по ступеням духовного саморазвития (Лестницы) в личное бытие (если и не по сущности, а лишь даже по энергии), в «конституирование человеческой личности», «практики себя», по М. Фуко, имеющие своей целью «соединение человека с иным горизонтом», в терминологии С.С. Хоружего, с которым человек живет, и в то же время он находится в противоречии с очевидными фактами. К таковым, в первую очередь, следует отнести положение (установку), что **эмоция / эмоциональность / эмоциогенность** как основополагающий фактор поведения человека есть **феномен в высшей степени предсказуемый**, т. к. он влияет не только на поведение языковой личности в ее вербальных и невербальных аспектах [Шаховский, 2008], но и на ее формирование под воздействием окружающей среды, в которой и происходят формирование и развитие лингвоэкологического контента синергетической парадигмы, необходимого, прежде все-

го, для того, чтобы избежать духовной деформации коммуникативной личности, лишения ее всех необходимых — активных и творческих — способностей и не превратить человека в управляемый извне объект, подвергнутый эмоциональному (стрессовому, аффективному и аффицированному) воздействию на его сознание с «подсказыванием» (программированием или «психопрограммированием») определенных форм как вербального, так и невербального поведения.

Очевидно, что путь трансформации когнитивного субъекта как путь поиска другого **синергично значимого коммуникативного начала**, направленного при помощи обретения нового источника (установки) на «помощь, содействие» для своего духовного совершенствования, представлен в опыте использования общих принципов «парадигмы синергичности», т. е. в особой гуманитарной парадигме «синергичной антропологии» и ее разновидности, базирующейся на платформе восточнохристианского дискурса, основанного на вековой практике опыта «участного мышления» и «сотрудничества» как претворения множества всех энергий человека.

В основе такой трансформации когнитивного субъекта лежит *трехуровневая модель* последовательности лингвоэкологического (само)преобразования человека, включающая в себя **1)** уровень органической установки на здоровый образ жизни (*жить не во вред себе и окружающим, жить по правде, в гармонии с миром и т.д.*), **2)** уровень готовности реализовать функциональные условия органической установки индивида на его собственную дееспособность по преобразованию своего духовного и телесного состояния как отправную точку подготовленности и последующей готовности такого индивида к восхождению на начальную (низшую) ступень Лествицы и **3)** уровень целостного эмоционального состояния индивида, его экзальтации как восторженно-возбужденного состояния индивида, его аффицированности, эмоционального охвата, чтобы вывести органическое восприятие дискурсивного послания другого с бессознательного на сознательный уровень при помощи различных вербально-авербальных практик.

Каждый из предложенных уровней модели является необходимым условием для проявления последующего уровня, т. к. в опоре на строгую уровневую последовательность происходят восприятие основных базовых знаковых посылов — особых лингвоэколого-культурных информационных посланий и научение им в виде естественно-языковых практик, которые задают извне особый ритм, позволяют аутентифицировать и усиливать «порядок работы» человека над собой, в терминологии Ж. Пиаже, в рамках его комплексной синергии. В обыденной ком-

муникативной практике такое синергичное дискурсивное послание будет являть собой пространственное продолжение «висцерального», или жизнеустанавливающего, жизнеутверждающего резонанса, побуждающего индивида к свободному выражению самого себя **в пределах предложенной трехуровневой модели последовательного самопреобразования человека**, оставаясь при этом неизменным в главном: **свободное выражение индивида должно соответствовать его жизненному** (т.е. **экологическому**) **порядку**, его жизненной константе, т. е. находиться в рамках его фреймового (функционально-семантического) представления о личном жизненном порядке.

Поэтому для когнитивного субъекта как участника коммуникативной интеракции «проживать» воздействие эколого-дискурсивного послания означает находиться перед лицом собственного представления о жизненном порядке (константе жизни, конкретном «сценарии жизни», по Л. Витгенштейну) без какого-либо рационального фильтра, быть готовым снова стать эколого-соответствующим «континуумом своей корпоральности» как композита, как нерасчленимого единства духовного и хабитуального, по А.А. Романову, любить факт существования окружающего мира, быть элементом «универсальной музыки мира». А. Белый писал: «И руки, и — ноги суть органы мысли, и — думают руки, и — думают ноги. И походка есть речь. И воздетые руки есть речь. ... Жесты рук наш безрукий язык подглядел; и повторил его звуками» [Белый, 1995, с. 151—155]. Вероятнее всего, в силу этого каузированное (т.е. порожденное, вызванное к жизни) конкретным вербально-авербальным дискурсивным посланием собственное представление индивида о жизненном порядке без какого-либо рационального фильтра не имеет готовых схем или «архивных», по М. Фуко, стереотипных отношений.

ЭКОЛОГИЧНОСТЬ НОВОЗАВЕТНОЙ ПРИТЧИ (НА ПРИМЕРЕ ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ПРИТЧИ О МИЛОСЕРДНОМ САМАРЯНИНЕ)

И.Ю. Рыкунова

Какие процессы протекают в русском языке и в сознании его носителей, почему скудеет словарный запас человека, отчего забываются многие семантически ценные слова? Другими словами, почему в обществе происходит языковая и речевая деградация — это те немногие вопросы, на

которые пытается ответить лингвоэкология, являющаяся одним из новых направлений в изучении языковой сферы обитания человека и общества. Для жизни человека, по мнению Д.С. Лихачева, очень важна среда, созданная как культурой его предков, так и им самим [Лихачев, 1985].

Основой образования и культуры для многих народов является Библия. Библейские истины, уподобления, обороты речи вошли в плоть и кровь всемирной культуры. Книга книг не только укрепляет духовные силы человека, но и развивает человечество как в культурном, так и в эстетическом плане, формирует художественный вкус, учит ценить все истинно великое и прекрасное. Знание библейского текста, в частности текстов евангельских притч,— это уже экологическое воздействие на мышление адресата, т. к. притчи содержат в себе основные ответы на вопросы философского, морального, нравственного и духовного бытия.

Прежде чем говорить об экологическом подходе к языку, слову, постараемся определить экологичность вербального и акционального поведения индивида. На наш взгляд, экологичность как вербального, так и акционального поведения состоит в сознательном действии индивида (позиция, высказанная в словах; действие, направленное на преодоление физических препятствий и поиск истины), которое оценивается как акт нравственного самоопределения человека, где он утверждает себя как личность — в своем отношении к другому человеку, себе самому, обществу. Это действие должно определяться нравственностью и моралью, различием добра и зла, т. е. должно быть направлено на экологичность общения.

По мнению Н.Г. Солодовниковой, экологический подход к языку — это понимание его как духовного плода вещественной деятельности человека, как завершения культурного строительства, «очеловечения» мира и изучение его во всем разнообразии и богатстве связей с миром [Солодовникова, 2010, с. 56]. Лингвоэкология представляет собой науку о духовной сущности слова, его глубокой связи с личностью, характером и судьбой народа.

Речь идет об экологическом подходе к слову, осознании его духовной сущности. Заставляя работать человеческую мысль, слово способствует формированию личности с ее духовными, нравственными ценностями. Оно приучает видеть, думать, оценивать, увлекаться идеями. Слово, по мнению великого русского писателя Л.Н. Толстого, — великое дело, «потому что словом можно соединить людей, словом можно и разъединить их, словом служить любви, словом же служить вражде и ненависти» [Толстой: www]. Слово Христа, сказанное в евангельских притчах, служит любви

ко всему человечеству, регулируя поведение индивида, раскрывая и указывая на человеческие пороки и добродетели.

Обратимся к евангельской притче о милосердном самарянине, которая, на наш взгляд, является хорошим примером экологического общения: *...некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым. 31 По случаю один священник шел тою дорогою и, увидев его, прошел мимо. 32 Также и левит, быв на том месте, подошел, посмотрел и прошел мимо. 33 Самарянин же некто, проезжая, нашел на него и, увидев его, сжалился 34 и, подойдя, перевязал ему раны, возливя масло и вино; и, посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем; 35 а на другой день, отъезжая, вынул два динария, дал содержателю гостиницы и сказал ему: позаботься о нем; и если издержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе. 36 Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам? 37 Он сказал: оказавший ему милость. Тогда Иисус сказал ему: иди, и ты поступай так же* (Лк. 10:30–37).

Данная притча была рассказана в ответ на вопрос законника: «Кто есть мой ближний?». Отвечая на вопрос, притча демонстрирует, какого поведения стоит избегать, а какому — подражать, изображая, как и кто из всех троих, видевших несчастного, сделался ближним для него. Самарянин — человек ненавистный для иудеев и презираемый ими — стал единственным из всех троих, кто оказал милость пострадавшему. Он лучше священника и левита понимал, что для исполнения заповеди о милосердии нет различия между людьми: все в этом отношении равны, все — ближние.

Следовательно, притча учит тому, как самому делаться ближним для каждого человека, нуждающегося в милосердии. Человек должен смотреть не на людей, а на свое сердце, чтобы не было в нем холодности жреца и левита, а присутствовало милосердие самарянина.

Евангельские притчи, являясь регулятивами человеческого поведения, влияют как на ментальное, так и на акциональное поведение человека. Таким образом, от того, какую эмоциональную окраску несет слово, сказанное в притче, зависит его влияние на характер и поступки человека. Притча о милосердном самарянине, несомненно, оказывает определенное влияние на характер читателя. Можно предположить, что в каждом человеке присутствуют и священник, и левит, и самарянин. Не редкость — и равнодушие по отношению к другому — и чужому, и ближнему. Случай, описываемый в притче о милосердном самаряни-

не, может произойти с любым человеком, и каждый в меру своих способностей извлекает из текста тот или иной урок. Важно в нужный момент сделать правильный выбор и оказать милость нуждающемуся. Мудрость гласит: ... *Следите за своими мыслями, они становятся словами. Следите за своими словами, они становятся действиями. Следите за своими действиями. Они — это ваша жизнь!* [Влияние слова: www]. Действия персонажей евангельских притч — это, как правило, выбор и последствия этого выбора.

В притче о милосердном самарянине, равно как и в других евангельских притчах, Автор, пытаясь донести идеи добра и зла, побуждает к определенному выбору между ними. Язык притчи показывает экологичность добра (*сжалился, перевязал ему раны, возливя масло; позаботился о нем*) и неэкологичность зла (*изранили его и ушли, оставив его едва живым; прошел мимо*). Влияние притчевого слова на адресата зависит, как уже отмечалось, от его положительной или отрицательной эмоциональной окраски. Если бы на путника не было совершенно разбойничье нападение, читателю было бы труднее оценить милосердие самарянина, т. е. человеческое сознание способно выделить модус экологичности, уловить балансировку между положительными и отрицательными поступками, а также словами, описывающими поступки притчевых героев. Равнодушие священника и левита, милосердие и помощь самарянина воздействуют на человеческое сознание, определяя шкалу его ценностных ориентаций, побуждая человека к совершению определенного поступка, нацеливая его на экологичность общения. И это побуждение является семенем, которое, в свою очередь, должно принести плоды.

Таким образом, имплицитный призыв Бога жить по совести, совершать добрые дела по велению сердца, следовать тому примеру, который заложен в основном контексте притчи о милосердном самарянине, настраивает читателя на экологичное общение с другими людьми. В результате выбора отрицательного или положительного поступка возникает общение — либо экологичное, либо нарушающее нравственно-этические нормы личностного и социального общения.

В заключение можно отметить, что одной из важных проблем лингвоэкологии является изучение механизмов влияния слова на сознание, мысли человека, а следовательно, и на его поступки. То или иное действие человека во многом зависит от того, какими словами оно моделируется. Необходимо обращать внимание человека говорящего на те слова, которые описывают и обозначают положительные действия для того, чтобы языковой круг не включал только негативные номинации. Мы не должны терять такие слова, как 'милосердие', 'милость', 'жалость', 'забота' и др.

Если люди перестанут употреблять их в своем общении, слова выйдут из употребления, а следовательно, уйдут и деяния, описываемые этими словами. Таким образом, лингвисты могут сыграть существенную роль в формировании экологической личности, характера ее речи, атмосферы экологичного общения, обращая внимание читателей на подобные тексты.

**МЕЖДУ ЭКСПРЕССИВНОСТЬЮ И ВУЛЬГАРНОСТЬЮ
(ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ
НАД ГАЗЕТНЫМ ЖАНРОМ САТИРИЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ)**

А.П. Сквородников

Под лингвоэкологией (эколингвистикой) мы понимаем отрасль (направление) языкознания, предметом изучения которой является состояние языка с точки зрения среды его обитания и функционирования; факторы, влияющие негативно или позитивно на развитие языка и речевой культуры; пути и способы защиты языка от негативных влияний, с одной стороны, и его обогащения и развития — с другой. Особенностью лингвоэкологического подхода к фактам языка и речи является их социальная оценка с учетом исторических условий и тенденций развития данного языка, факторов системы и нормы, критериев социокультурного, этического и эстетического порядка [Сквородников, 1992, 1996, 2003].

Такое понимание задач лингвоэкологии делает возможным и целесообразным рассмотрение стилистики газетного жанра сатирического комментария как с позиции позитива, поскольку в текстах этого жанра широко (и иногда удачно) продуцируются и используются экспрессивные средства языка, так и с позиции негатива, поскольку в этих текстах часто встречаются слова и обороты, находящиеся за пределами этико-речевой нормы (об этом понятии см.: [Сквородников, 2012а, с. 796—799]): слова и фразеологизмы с отрицательно-уничижительной оценочностью, инвективы, выражения, нарушающие лингвопрагматический принцип вежливости, а также высказывания вульгарные и циничные — так называемые лингвоцинизмы (о последних см.: [Сквородников, 1992, с. 108]). Эти негативы отчасти связаны со спецификой самого жанра, который по природе не «толерантен», т. к. «от аналитического комментария сатирический отличается тем, что доминирующим признаком данного вида текста, позволяющим относить его к семье художественно-публицистических

произведений, является ярко выраженная целевая установка автора — высмеять тот феномен, который привлек его внимание» [Тертычный, 2000, с. 271]. Причем пейоративная комическая оценка выступает в большинстве случаев не в виде легкого юмора, а в виде едкой иронии, а часто и сатиры, т. е. открытой насмешки.

Указанное целеполагание жанра определяет его двухчастную композицию: в одной (обычно препозитивной) части сообщается о каком-либо неблагоприятном или неудачном поступке или высказывании известного (публичного) лица, а во второй (обычно постпозитивной) части содержится сатирический комментарий как таковой. Преимущественно в этой, комментирующей, части текста используется довольно широкий спектр приёмов речевой выразительности, тогда как лексика и фразеология, не соответствующая нормам речевой этики, может располагаться в обеих композиционных частях текста. Причем если использование того или иного речевого приёма для этого жанра, по сути дела, облигаторно, то наличие отклонений от этико-речевой нормы факультативно, хотя и достаточно частотно. Покажем это на фактическом материале, группируя его по принципу отнесённости к тому или иному доминирующему в данном тексте выразительному средству языка (которое выделяется нами жирным курсивом) и располагая эти группы по убывающей частотности.

Умолчание — приём, заключающийся в том, что некая информация выражается не прямо, соответствующими словами, а косвенно, при помощи намёков, т. е. ассоциаций, исходящих от содержащейся в данном высказывании лексики и фразеологии. Например:

1) *М. Фрадков, премьер-министр: «Может быть, руководителей, которые сейчас в Москве и Санкт-Петербурге, попросить выехать туда на несколько лет и возглавить регион, чтобы своим личным примером показать заинтересованность в обустройстве Дальнего Востока».*

И сроки им давать такие: «5 лет личного примера», «10 лет личного примера» и «Век Питера не видать» (АиФ. 2007. № 32);

2) *Ильсур Метшин. Мэр Казани велел горожанам учить английский. Дескать, некультурно получается; туристы заморские приезжают, а поговорить им не с кем. С чиновников спрос особый — уже через неделю градоначальник хочет слышать их доклады на языке Шекспира. **По слухам, первым делом коммунальщики выучили волшебное слово ‘mother’. Без матери ведь у нас ни одну проблему не решить** (КП. 2007. 16—23 авг.);*

3) *К. Ромодановский, директор ФМС: «Рабочие руки нам нужны. Но нам нужны подготовленные рабочие, а не те люди, которые могут таскать мешки и убирать мусор».*

Пока что к нам приезжают в основном руки, а от нас уезжают головы. Впрочем, судя по обилию за границей красивых девушек из России, другие рабочие органы тоже уезжают... (АиФ. 2011. № 11).

Доведение до абсурда — прием, состоящий в абсолютно логически не обоснованном развитии (продолжении) или интерпретации какого-либо высказывания, которые превращают его в абсурд, т. е. нелепость, а иногда и бессмыслицу. Например:

4) В. Плигин, депутат Госдумы: *«Четырехлетний срок полномочий президента, Государственной думы для столь сложной страны, большой страны, крайне мал».*

Когда длительность срока президентства рассчитывают, исходя из геометрических размеров стран, получаются интересные результаты. Если России (площадь 17 млн км²) предлагают шестилетний срок, то президент Египта (1 млн км²) должен править страной 4 месяца, а Мальтийский «гарант» (площадь страны 316 км²) — меньше часа! (АиФ. 2008. № 49);

5) Главный санитарный врач РФ Геннадий Онищенко накануне Нового года посоветовал жителям столицы не выходить из дома и не приглашать к себе гостей, сообщает РИА Новости. Перед этим Онищенко запретил россиянам ставить живые ёлки, которые, по его мнению, вызывают аллергию. **В ближайшее время, следуя этой логике, главврач должен запретить шампанское из-за риска попасть пробкой в глаз, новогодний стол из-за возможности переедания, танцы из-за опасности переломать ноги и руки, ну и сам Новый год из-за риска получить весь «новогодний набор» одновременно** (АиФ. 2010. № 52);

6) Судья Ларькин. Служитель Фемиды из мордовского посёлка Чамзинка внес революционный вклад в российскую юриспруденцию, используя при подготовке официальных судебных бумаг ненормативные слова 'х...', 'с...', 'п...' и проч. (КП за 30 августа с.г.). **Новатор планирует внести и устные изменения в процессуальный кодекс: «Встать, суд 'е...т'»** (КП. 2001. №158).

Антанакласис — приём, состоящий в повторении одного и того же слова в разных значениях в пределах малого контекста (в соседних предложениях или даже в одном и том же предложении). Например:

7) О. Дерипаска, глава компании «РУСАЛ»: *«Основной результат этого кризиса в том, что нужно менять модель (экономическую. — Ред.) и источники для развития».*

А о том, как лучше менять модели, стоит спросить другого олигарха — владельца группы «ОНЭКСИМ» г-на Прохорова (АиФ. 2009. № 10);

8) Г. Греф, глава Минэкономразвития: «Кто сегодня крайний, когда лампочка потухла? Чубайс. К кому бежать, если потухнет лампочка в постраоезсный (т.е. после завершения реформы РАО ЕЭС. — Ред.) период?»

Мы и не знали, что дома у министров сам господин Чубайс новые лампочки **вкручивает**. Рядовым гражданам он **вкручивает** только про реформу электроэнергетики (АиФ. 2005. № 50);

9) Дмитрий Крылов, ведущий телепередачи «Непутёвые заметки», сделал удивительно загадочное заявление: «Банковская карточка выручает меня в любой **нужде** — в **маленькой и большой**». Учитывая размеры и плотность карточки, при **большой** она в принципе может выручить. Но чем поможет при **малой**?! (КП. 2002. 18 февр.).

Буквализация тропа, которая чаще всего представлена буквализацией метафоры (см. об этом [Сковородников, 2012б]), состоящая в том, что слово или оборот с переносным значением нарочито осмысливается и употребляется в прямом (буквальном) значении. Например:

10) М. Саакашвили, президент Грузии: «Я вас уверяю, что сейчас у правящей партии “Национальное движение” абсолютно **сногшибательный мандат**».

Не этот ли мандат **недавно сшиб с ног** г-на Окруаивили, а до него — г-на Жвания?»;

11) Е. Строев: «**Палата переваривала эти законы более осмысленно и давала пищу исполнительной власти**».

Даже исполнительная власть вряд ли может принять то, что переварила палата, за пищу. Особенно если палата при этом активно мыслила (АиФ. 2000. № 31);

12) А. Чилингаров, вице-спикер Госдумы: «Мы задачу, которая была поставлена, выполнили: российский флаг находится теперь точно в точке Северного полюса. Существует морское право, право так называемой «первой ночи», и мы его использовали!»

Чтобы пользоваться правом первой ночи в отношении Арктики, надо быть полным отморозком! Несмотря на редкое и красивое имя, больно уж она велика и холодна... (АиФ. 2007. № 34).

Окказионализация — приём создания и использования лексических и фразеологических окказионализмов для выражения пейоративной комической оценки. Например:

13) Ю. Воронин, статс-секретарь Минздравсоцразвития: «Самое сложное — определить... какой уровень обеспечения пенсионеров считать минимально допустимым для цивилизованного общества».

Главное тут — с минимумом не перегнуть. Иначе придётся ведомство в **МинздравсоцРИТУАЛ** переименовать! (АиФ. 2011. № 45);

14) М. Фрадков, премьер-министр: «Мы сейчас не только ускорим (работу Минтранса по развитию дорожной сети. — Ред.), мы сейчас вам еще и пенделя дадим, чтобы вы ускорились. И это будет от нас к вам, а не от вас к нам».

С какими только двигателями не сталкивались в своей работе российские транспортники... Но **пендельная тяга**, бесспорно, надёжнее всего, если приложить ее в нужное время к нужному месту (АиФ. 2007. № 25);

15) В. Черномырдин, российский посол на Украине: «Вопрос цены (на газ. — Ред.) не обсуждался. Он слишком интимный. Он решается, как в любой семье, — в постели. Есть “Газпром” и “Нафтогаз”, пусть они договариваются».

Интересно, для чего нужно больше фантазии: чтобы представить себе этих монстров, барахтающихся в постели, или всего-навсего прикинуть размеры нужного им для этого **нефтегазосексодрома** (АиФ. 2008. № 42).

Фантазема — термин, предлагаемый нами (по аналогии с такими, как идеологема, культурема, креатема и т.п.) для обозначения виртуального отклонения от какой-либо частной онтологической нормы (стандарта) для обозначения вымышленного артефакта, натурфакта, поступка, ситуации и т.д. Например:

16) В. Зубков, премьер-министр: «Надо разобраться и с подготовкой самого города (Сочи. — Ред.) к Олимпиаде. Мы прошли с мэром по набережной. По сути ее нет».

Набережной нет, но есть выход; если рассыпать хотя бы часть из **313,8 млрд руб., отпущенных на подготовку к Олимпиаде, по прибрежной полосе, может получиться оригинальная пешеходная зона**. Остаётся лишь разменять миллиарды на десятирублёвки (АиФ. 2008. № 7);

17) Баба Мотя. 82-летняя пенсионерка из Орла лично задержала вылитую (черный платок, мобильный телефон, лицо кавказской национальности) шахидку, крутившуюся возле стратегической трассы (об этой антитеррористической операции «КП» рассказала 5 августа с. г.).

Потрясённое руководство ФСБ, МВД и Генпрокуратуры отбило бабуле телеграмму-молнию: «Умоляем помочь в поимке Масхадова, Басаева, Гелаева!» (КП. 2003. № 143);

18) Олег Митволь. Замначальника Росприроднадзора на днях рассказал, что нашёл в Подмосковье сказочную реку. Причём не молочную, не кисельную. А пивную! Заводик один сбрасывает в Сетунь отходы, вот она и забродила. Эх, зря вы, Олег Львович, секрет раскрыли. **Пока вы завод остановите, пока суд да дело, реку просто выпьют любители хлявы** (КП. 2007. 12—19 июля).

Диалогия — приём постановки многозначного слова в такой контекст, в котором оно одновременно реализует несколько значений. Например:

19) *А. Перминов, глава Роскосмоса: «Была сделана ошибка в расчётах, которая привела к дополнительной заправке компонентами ракетного топлива разгонного блока (с упавшими спутниками ГЛОНАСС. — Ред.).*

Причина, короче, чисто русская: слишком много налили! (АиФ. 2010. № 51);

20) *Михаил Касьянов. Вернувшись неделю назад из месячного заграничного отпуска, бывший премьер-министр, захватив с собой всю семью, опять спешно отправился на отдых. Теперь на средиземноморские пляжи. Там владелец нескольких дачных участков собирается лежать до конца августа. Действительно, **не сидеть же!** Хотя иногда жалко, что в Уголовном кодексе отменили статью за тунеядство... (КП. 2005. 11 нояб.);*

21) *Принц Чарльз. Наследник британского престола оказался в центре явно надуманного скандала: дескать, изменял жене со своим лакеем Майклом Фоусеттом. Ну, а с кем прикажете изменять особам **голубой крови?** (КП. 14.11.2003).*

Паралогизмы — такие высказывания, в которых намеренно нарушен тот или иной закон формальной логики: 1) закон непротиворечия, 2) закон тождества, 3) закон достаточного основания. Например:

22) *В. Анпилов, лидер «Трудовой России»: «Сейчас среди деловых кругов легкая паника. Если раньше что-то можно было сделать за взятку, то сейчас вообще невозможно ничего сделать».*

*А кому сейчас легко? Госаппарат (в свете последних решений) бьётся над проблемой: **как бороться с коррупцией, не переставая при этом брать взятки?** (АиФ. 2006. № 25);*

23) *Н. Белоусов, Тверь: «Одни говорят о годе зелёной обезьяны, другие — о годе голубой. Так все же какую следует выбрать в этом году?»*

Вы что-то напутали. В этом году нам следует выбрать никакую не обезьяну, а нового президента! А уж зелёный он будет или голубой, красный или белый, рыжий или лысый, никто заранее знать не может (Завтра. 2004. № 2);

24) *В. Чуров, председатель Центризбиркома: «Ну что же мне, бордой своей что ли поклясться, что я сделаю все, чтобы выборы были честными? Клянусь!»*

***Теперь хотя бы понятно, почему с руководства ЦИКом сняли безбородого Вешнякова — ему клясться было нечем!** (АиФ. 2007. № 21).*

Трансформированные (видоизменённые) цитаты, в том числе в виде реминисценций (фрагментов прецедентных текстов без формальных признаков цитаты — графических выделений и упоминания автора и названия текста). Например:

25) С. Миронов, спикер Совета Федерации: *«Участь отечественного телевидения печальна, так же как и печальна участь людей, которые его смотрят».*

Как сказал бы М.Ю. Лермонтов, доживи он до эпохи телевизионного гламура: **«Печально я гляжу на наше поколение! Его грядущее — ток-шоу или кино...»** (АиФ. 2009. № 12);

26) «Сокол». Проект высокоскоростного поезда «Сокол», уже выкачавший из казны 70 млн долларов, наконец-то закрыт. Поскольку пернатый, вместо того чтобы ездить по рельсам, почему-то все норвил взлететь...

Но будет время — и капли крови его («Сокола») горячей как искры вспыхнут во мраке жизни и много смелых сердец зажгут безумной жаждой свободы, света! И «бабок» из бюджета (КП. 2003. 4 апр.);

27) Геннадий Зюганов. Лидер коммунистов на встрече с тульскими избирателями сделал удивительно ревизионистское заявление: «России нужны интеллигентные и русские люди!» Вождь и учитель Геннадия Андреевича отреагировал архижёстко: **«Как же, батенька, вы, надежда и опора большевизма, могли забыть, что интеллигенция — говно?! Да вы просто, извиняюсь за ругательство, демократ какой-то!»** (КП. 2001. 13 сент.).

Антифразис — приём, основанный на принципе контраста и состоящий в употреблении слова или сочетания слов в значении, противоположном его (их) обычному, языковому (системному) значению. Например:

28) В. Володин, вице-спикер Госдумы: *«Мы их (мигалки на служебных машинах. — Ред.) снимаем, а нам их опять ставят. Каждое утро».*

Неизвестные злоумышленники никак не дают начальникам-депутатам влиться в гуцу избирателей и постоять с ними в одних пробках. Все ставят и ставят эти проклятые мигалки, гори они синим пламенем! (АиФ. 2007. № 25);

29) Евгений Киселёв. **Известный мученик за свободу слова** в очередных «Итогах» (на телеканале Б. Березовского) промолчал о вышвырнутом на улицу главном редакторе «Независимой газеты» Виталии Третьякове (не угодившем Б. Березовскому). Но как промолчал! **Жёстко, непримиримо, наотмашь — так что вздрогнул БАБ от этого свободного обличающего молчания...** (КП. 2001. 15—22 июня);

30) Николай Федоров. Президент Чувашии на удивление однобоко оценил открытие забегаловки «Макдоналдс» в Чебоксарах: «Это событие не политическое и даже не экономическое, а культурное...»

А всемирно-историческое значение американских котлет? А все-ленское значение их переваривания в Чувашии?! (КП. 2001. № 24—25).

Парономазия — приём, состоящий в преднамеренном смысловом сближении или противопоставлении однокоренных или просто созвучных слов. Например:

31) А. Фурсенко, министр образования и науки: «Наука стала престижной. Вы, наверное, заметили, что за последние годы отношение к ученым изменилось. Сегодня ученых уже не считают лузерами.

Мы не заметили — главное, чтобы заметили ученые. Потому что лузеры лазеры не делают! (АиФ. 2010. № 37);

32) В. Зорькин, глава конституционного суда: «Готовы ли митинговые лидеры... призвать варягов (включая подразделения НАТО) для учреждения в России “новой государственности” по образцу Ливии?»

Не факт, что идущим на митинги так уж нужны импортные варяги. Может, их просто достали отечественные ворюги? (АиФ. 2012. № 5);

33) В. Жириновский, лидер ЛДПР: «В некоторых армиях положено “девочек” приводить (для солдат. — Ред.), а мы их только на генеральские дачи».

Генеральские дачи столь обширны, что места всем хватает. Солдаты занимаются там строительством дач, а «девочки» — дачей генералам! (АиФ. 2010. № 40).

Ироничное использование эвфемизмов — слов или оборотов, заменяющих слова, произнесение или написание которых по той или иной причине нежелательно. Например:

34) И. Шувалов, 1-й вице-премьер: «Нас спрашивают, когда будет лучше. Лучше будет, когда мы будем выполнять наш антикризисный план, но ситуация будет изменяться к лучшему только вместе с положительными трендами в мировой экономике».

По-русски говоря, но по-правительственному выражаясь, лучше жить мы будем после того, как одно ракообразное на естественной возвышенности издаст резкий звук. Или после незначительного выпадения жидких метеорологических осадков в четвертый день недели (АиФ. 2009. № 6);

35) Американские аниматоры. На самое, понимаешь, святое покусилась эти горе-мультипликаторы: превратили наше «Ну, погоди!» в порнушку, в которой Волк посещает секс-шоп, а Заяц-вуайерист подглядывает за ним и его надувной куклой... Россияне! Ответим симметрично

этим штатовским порнографам! Снимем такой сюжет: пока Чип и Дейл спешат на помощь, **Ёжик в тумане раскручивает Гаечку**... (КП. 2005. 4—11 авг.);

36) В. Кожин, управделами Президента РФ: «Даже Владимир Устинов недавно на горные лыжи встал. Да, тяжело вставал, с русскими словами. Но стоит же!»

Если уж министр юстиции вставал с **«русскими словами»**, то даже страшно представить, с какими он падал... (КП. 2007. 1—9 марта).

Гипербола — приём, состоящий в преувеличении каких-либо параметров (материальных или нематериальных) изображаемого объекта по сравнению с нормативными. Например:

37) К. Титов, член Совета Федерации: «Хочу купить дозиметр, чтобы измерять радиацию рыбы в супермаркетах. Один мой знакомый купил дозиметр, правда, он через два дня сломался».

А отчего сломался дозиметр? Одно дело, если с балкона упал. Другое — если при измерениях в супермаркете стрелка корпус проломил... (АиФ. 2011. № 14);

38) А. Чекалин, член Совета Федерации: «Призыв к любой чистке (в МВД. — Ред.) — это дезорганизация, это пропасть».

Мнение обоснованное. **Кому, как не бывшему замминистра внутренних дел, знать, что, если «органы» как следует вычистить, падать в пропасть будет уже некому** (АиФ. 2009. № 11);

39) Владимир Жириновский. Лидер ЛДПР продаёт свою фамилию за 2,5 млн рублей. Как бренд (товарный знак) Вольфых уже известен в России не только как человек, но также в виде водки, одеколона и шоколадного батончика. **Теперь он готов дать своё имя хоть ёршику для унитаза. Очень брендовая идея. Но зарабатывать на выборы как-то надо!** (КП. 2007. 7—14 июня).

Мимезис — приём, состоящий в намеренном воспроизведении особенностей чьей-либо речи с целью высмеивания. Например:

40) В. Васильев, депутат Госдумы: «Нам не хватает Анискиных и Жегловых... а еще, мне кажется, поучителен пример США, где в фильмах про полицейских обязательно присутствуют двое-трое цветных».

Можем даже сценку из такого фильма показать: милиционер-узбек в Москве проверяет регистрацию у дворника — выходца из Средней Азии и, не обнаружив, в сердцах говорит: **«Пятьсот рублей, чурка нерусский!»** (АиФ. 2009. № 39);

41) Б. Березовский, беглый олигарх: «Нет ничего тайного или предосудительного в том, что я оказывал финансовую помощь принцу Майклу (Кентскому, члену британской королевской семьи. — Ред.). Мы просто друзья».

Интересно, как эти столь разные по происхождению друзья общаются в повседневной жизни: **«Слышь, кент, я тебе 320 тыс. фунтов притаранил!»** — **«Берёза, спасибо, в натуре!»** (АиФ. 2012. № 20);

42) П. Бородин, госсекретарь Союзного государства России и Белоруссии: **«И куда, блин, все у нас в стране девается? Разворовали, разграбили, вывезли за границу».**

Что своровали, это, блин, полбеды. А вот что вывезли за границу — это уже полный беспредел. С чего, спрашивается, будут кормиться новые поколения чиновников? **Оттуда же во второй раз не стырить, блин!** (АиФ. 2005. № 23).

Языковая игра именами собственными. Например:

43) Г. Пенькова, пресс-секретарь мэра Москвы: **«Вопрос определения территории для создания Гайд-парка (специального места, где бы граждане регулярно митинговали. — Ред.) требует детальной проработки с... жителями города».**

Предлагаем два варианта для проработки. **Если с экономическими требованиями митингуют, то перед Петровкой, 38. А если с политическими — добро пожаловать на Лубянку...** (АиФ. 2012. № 8);

44) Г. Зюганов, лидер КПРФ: **«Пока бюджеты вносит Греф Зурбович Кудрин, мы будем все отвергать, потому что ни одно из этих предложений не пошло на пользу государству».**

А вот господ Авен **Абрамович Дерипаска и Фридман Алекперович Мордашов** так не считают. Наверное, им в бюджетах все нравится... (АиФ. 2006. № 39);

45) В. Сатин, вице-губернатор Пензенской обл.: **«Нам надо принципиально посмотреть на улучшение демографической ситуации. Мы должны ввести план по родам. Вплоть до плана по зачатию».**

А план чиновники будут лишь контролировать или помогут его выполнять? И как назовут новый орган — **Роснадзорзачатие?** Или просто — **ГосТрах?** (АиФ. 2012. № 34).

Способом выражения пейоративной комической оценки в жанре сатирического комментария могут быть и другие стилистические приёмы, но они немногочисленны. К таким приёмам относятся сравнение, градация, антитеза, этимологическая фигура, олицетворение, синонимизация, конкатенация и некоторые другие. Например:

46) О. Рыбачук, вице-премьер Украины: **«Россия, проскакивая первый этап, то есть зону свободной торговли, ожидает от Украины как минимум членства в Таможенном союзе. Это все равно что, не участвуя в зачатии, ожидать седьмого месяца беременности».**

Вообще-то Россия ждёт от Украины полноценного «ребёнка» — создания единого экономического пространства. А то, что предлагае-

те вы, — это все время быть чуть-чуть беременным. Даже не на седьмом месяце (АиФ. 2005. № 29).

Здесь сравнительно-отождествительная амплификация (об этом приёме см.: [Сковородников, 2011]), присутствующая в первой части текста, развивается (развёртывается) аналогичными амплификациями в его второй части.

47) Секс-туристы. Энтузиасты из Питера намерены покорить опасный Лосевский порог на реке Вуоксе. В качестве сплавсредства выбраны надувные женщины. Какая из многочисленных позиций (миссионерская, снизу, сбоку или даже «вертолёт») будет использована сплавщиками, держится в секрете. Главное, чтобы не лопнуло... терпение у резиновых дам. Ведь от такого сплава легко перевозбудиться!

В этом тексте факт экстравагантного выбора сплавного средства доведён до абсурда уточняющей вставкой и олицетворением «резиновых дам».

48) Джим Логан. Ученый-физик, сотрудничающий с NASA, выступил с сенсационным докладом — об особенностях (теоретических) секса в космосе. Просчитано, что партнёры будут окружены микрооблаком влаги (работа-то потная!), а контакт возможен, если только... припереть объект, скажем, к стене... Думал ли о таких проблемах Циолковский, работая над «теорией реактивной струи»? (КП. 2006. 27 июля — 3 авг.).

Актуализатором иронии здесь выступает целый комплекс приёмов: оценочная вставная конструкция; синонимическая замена (нейтральных «прижать», «приставить» и т.п. на разговорное «припереть»); прерванно-продолженная конструкция; метонимия типа «абстрактное вместо конкретного» («объект» вместо «партнёр»); риторический вопрос («Думал ли...?»); антитеза (противопоставление научных интересов учёного-физика из NASA и Циолковского).

При чтении текстов сатирических комментариев естественно возникает вопрос об их экологичности/неэкологичности в контексте соответствия/несоответствия этих текстов языковым, коммуникативно-речевым и этико-речевым нормам, в совокупности представляющим интегральную культурно-речевую норму. Причем рассматривать этот вопрос, по-видимому, следует не абстрактно, а с учётом жанровой специфики и динамики упомянутых норм, зависящих от изменений в языковом сознании (в частности, в языковых вкусах и предпочтениях) носителей языка.

Здесь прежде всего следует заметить, что комическая пейоративность оценок, характеризующих жанр сатирического комментария, с моей точки зрения, этически оправдана, поскольку эти оценки направлены на факты и высказывания, признаваемые социумом (в лице своего

представителя — журналиста) нежелательными или неудачными. Более того, отказ от оценивания таких фактов и высказываний, их замалчивание следует рассматривать как явление неэтичное, а следовательно, и неэкологичное.

Другой вопрос — насколько эти оценки обоснованы и, следовательно, справедливы, а также какими языковыми средствами они выражены. Основными условиями, обеспечивающими этическую экологичность пейоративных комических оценок, на наш взгляд, являются следующие.

1. Оценка должна иметь под собой достаточные основания (не нарушать логического закона достаточного основания).

2. Оцениваться должны поступки (в том числе — речевые), а не личность, особенно такие качества личности, наличие которых от неё в принципе не зависит (национальная и конфессиональная принадлежность, физиологическая и психическая организация и т.п.).

3. Из набора языковых средств оценки должны быть исключены такие, которые традиционно этически и эстетически табуированы (обценная, прежде всего матерная, лексика и фразеология).

В то же время следует иметь в виду, что сатирическая и в то же время развлекательная направленность анализируемого жанра, а также языковые вкусы значительной части социума, сформировавшегося в условиях массовой культуры, определяют выбор тем и ситуаций, составляющих основу текстов жанра сатирического комментария, что, в свою очередь, провоцирует выбор соответствующих языковых средств. Это приходится учитывать при решении вопроса об экологической приемлемости или неприемлемости конкретного текста, кладя на весы, с одной стороны, вышеозначенные критерии, с другой — качество проявленного автором текста остроумия (к основным признакам остроумного высказывания мы относим меткость, оригинальность и неожиданность; к факультативным — причудливость, эксцентричность и эпатажность [Сковородников, 2010, с. 60]). Если текст можно квалифицировать как в той или иной мере остроумный и в нём соблюдены вышеозначенные условия этичности, его следует считать экологически приемлемым. И наоборот.

Рассмотрим конкретные примеры. Так, в тексте № 3, в комментирующей части, использована синекдоха: *Пока что к нам приезжают в основном руки, а от нас уезжают головы*, которая затем остроумно продолжается: *Впрочем, судя по обилию за границей красивых девушек из России, другие рабочие органы тоже уезжают...* С точки зрения содержания, это продолжение по меньшей мере двусмысленно, но оформлено с соблюдением вышеупомянутых условий. Следовательно, анализируемый

текст можно признать экологичным. А в тексте № 6 доведение до абсурда речевых поступков судьи Ларькина выполнено с использованием обценизма (многоочие здесь не выполняет полноценно функцию эвфемизма), поэтому текст не может быть признан экологически чистым.

Другой пример. Если сравнить тексты № 47 и 48, то увидим следующее. В тексте № 47 тема надувных женщин, выбранных в качестве сплавсредств, доведена до абсурда развитием сексуального мотива. Этот приём выполнен с использованием специфической терминологии, что ставит данный текст, как говорится, на грань приличия. Однако формально условия экологичности соблюдены. Кроме того, признать текст экологически допустимым заставляет то, что использованный приём представляется в данном случае достаточно органичным и остроумным. Что касается текста № 48, то в нём не соблюден логический закон тождества и, как следствие, нарушен закон достаточного основания: ученый-физик Джим Логан опубликовал научный доклад, а его содержание журналист подвергает комической оценке в публицистическом жанре сатирического комментария, т. е. допускает жанровую подмену (нарушено жанровое тождество), что делает журналистскую иронию, по существу, безосновательной. К этому следует добавить, что данный текст не содержит основных признаков остроумия, кроме факультативного — эпатажа. Поэтому признать такой текст экологически полноценным нет оснований.

Из всего сказанного выше можно сделать следующие выводы.

1. Онтологическая природа жанра сатирического комментария мотивирует проявление в нём разнонаправленных тенденций — к экспрессивизации языка и к его вульгаризации. Первая тенденция обуславливает широкое применение в этом жанре разнообразных стилистических приёмов, направленных на интенсификацию пейоративной комической оценочности, вторая — провоцирует обращение к фривольным сюжетам, вульгарной, а подчас этически табуированной лексике и фразеологии.

2. Наблюдается определённая избирательность этого жанра в отношении языковых приёмов речевой выразительности. Почти две трети приёмов, используемых в этом жанре, построены на отклонении от норм формальной или предметной логики. Сюда относятся собственно паралогизмы, доведение до абсурда, антанакласис, буквализация метафоры, дилогия, антифразис, параномазия, а также гипербола и другие отклонения от предметно-онтологических норм: параартефакты и паранатурфакты — то, что в совокупности мы обозначили как фантазмы.

3. Сочетание указанных тенденций делает желательным лингвоэкологический подход к изучению текстов этого жанра, что позволяет, с одной стороны, внести некоторые уточнения в теорию выразительных средств

языка, а с другой стороны, поставить вопрос о границах этически допустимой их «демократизации», поскольку четкие критерии в этой области пока не сформулированы.

ЭМОТИВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ЭТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ В КОММУНИКАЦИИ И ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (ПО МАТЕРИАЛАМ СМИ)

Т.И. Сурикова

Сначала было ..., вернее, была эмоция [Шаховский, 2009]. Потом, если верить одной популярной филологической байке, однажды один допещерный человек, вместо того чтобы ударить соплеменника дубиной, взял и выругался. Как умел — междометиями. Но тем самым он совершил культурный скачок, поскольку заменил настоящую физическую агрессию символической, знаковой. Его почин подхватили. И тогда этика начала руководить эмоциями и языковым поведением популяции первобытных людей.

Но не было рядом филологов и философов, и они, к сожалению, упустили шанс констатировать факт включения **эмотивов** в сферу регулирования со стороны этики — системы, которая, зародившись в тот момент, говоря образно, начала творить из homo erectus (человека прямоходящего) homo sapiens (человека разумного), т.е. Человека, а сейчас мешает ему вернуться в исходное состояние.

Теперь уточним ключевые для данной темы понятия. Первое — **этическая рефлексия**. Оно употребляется в данной работе и в узком смысле — как дискурсивные реакции коммуникантов на речевое поведение партнера или даже на свое: *Вы просто гений. Я понимаю, что об этом неудобно говорить в глаза. Но такой я бестактный нахал* (Э. Рязанов А. Пахмутовой на юбилейном вечере последней, 1-й канал ТВ, 2010. 23 янв.); и в широком — как отражение, вербализация этических императивов на уровне языкового сознания, системы языка и коммуникации (таковы, скажем, ключевые этические концепты «такт», «милосердие», «любовь» или термины 'политкорректность', 'толерантность').

Второе — **эмотив** как языковое средство выражения и описания чувств, эмоций и переживаний. **Эмотив** — языковой знак эмоции как явления психологической природы человеческого сознания, определяющего человеческую суть наравне с разумом.

Эмотивы, как и проявления этической рефлексии, пронизывают прежде всего коммуникацию, главное действующее лицо которой — человек говорящий, слушающий или молчащий. Эмоции, чувства — неотъемлемая часть сознания наравне с разумом и рациональностью. Человек выбирает формы, языковые и паралингвистические средства собственного коммуникативного поведения в зависимости от этикета, ситуации общения (тип речи: устная/письменная; вид коммуникации: межличностная/публичная; ее условия, цели и адресат), собственной эмоциональности и языковой моды.

Все это — правила игры. Знать и соблюдать их надо. Допустимо ли их контролируемо нарушать? Если в меру, обоснованно и зная зачем? Не допустимо? Наверно, смотря по каким критериям оценивать.

Например, несколько лет назад В.В. Путин, будучи премьер-министром, обвинил ряд высших региональных чиновников в бездействии: «Вы только в носу ковыряете». Премьера на все лады критиковали: высказывание абсолютно, как сейчас принято говорить, неполиткорректно по стилю, и, кроме того, в нем слышны угроза и раздражение, недопустимые в деловом, к тому же публичном общении. Это общепринятая рациональная, интеллектуальная оценка.

Только главное, на наш взгляд, в другом: это высказывание внесло еще один штрих в портрет правителя, современного аналога доброго царя-батюшки, в противовес чиновникам — бездельникам и взяточникам. И какую эмоциональную реакцию оно вызвало даже у тех же критиков при всеобщей «любви» к «слугам народа»? Скорее всего, в противовес рациональной оценке — положительную. И она в данном случае главная. Недаром же сюжет транслировался по всем новостям до тех пор, пока был актуален.

В коммуникации, т.е. в нашем вербальном поведении, этика (в речи это прежде всего наивная этика этноса как часть его культурного кода) призвана прежде всего контролировать эмоции (в языке — эмотивы). Это необходимо всегда, но особенно — в ситуации коммуникативного конфликта, в агональных типах дискурса, скажем, в политическом, или ситуации намеренного нагнетания эмоции. Последнее сейчас стало, к сожалению, одной из ведущих черт стиля многих СМИ. Так, в штатном расписании массовых изданий стала возможной должность **скандальный репортер**. Конечно, последнее мало согласуется с этически должным.

Ситуативный контроль эмоций со стороны этики касается и подбора информации, и формы ее подачи. Но коммерческие групповые интересы СМИ часто противоречат этическим предписаниям культурного кода. Свод-

ки новостей по содержанию напоминают нередко фильмы ужасов (а журналист что ищет, то и находит), подвергаются травестировке традиционные культурные ценности. Многие телеканалы до сих пор делают основой информационной политики эпатаж, нагнетание страха, агрессии [Сурикова, 2007; Этика речевого поведения . . . , 2009]. В стиле подачи фактов актуализируются языковые средства, провоцирующие отрицательные эмоции: *В Москве из окон выбрасывают даже младенцев* (единичный факт представлен как правило).

Этические предписания действуют всегда, везде и во всех ситуациях общения человека с себе подобными, братьями меньшими и Богом. Но в живом общении мы вспоминаем об этике в основном в ситуациях конфликтных, часто подразумевающих нарушения этической нормы. И тогда этическая реакция на ситуацию, включающая и эмоциональные компоненты (в том числе коннотации), эксплицируется либо средствами названия эмоций: *Знаменитый тренер Татьяна Тарасова возмущена судейством на чемпионате мира по фигурному катанию*, либо средствами выражения эмоций: *Мужик, ты кто?, Вишь ты, какое колесо...* (названия статей В. Костикова в «Аргументах и фактах»).

Основа дискурса, реальной коммуникации, которая и регулирует ее, и обеспечивает возможности выбора, — языковое сознание, язык как знаковая многоуровневая система потенциальных средств выражения мысли, а также система речевых актов, жанров, авторских интенций, стратегий и тактик их воплощения. Существовая как набор возможностей, эти явления манифестируются в конкретном речевом акте, высказывании и исследуются по этим конкретным манифестациям. Поэтому разделение часто весьма условно. Представляется, что в нашем случае дальше его можно не проводить.

В языковом сознании этика представлена как элемент культурного кода. «Код культуры есть “сетка”, которую культура набрасывает на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его. <...> Коды культуры образуют систему координат, которая содержит и задает эталоны культуры. Коды культуры как феномен универсальны по природе своей, свойственны человеку как *homo sapiens*. Однако их проявления (...) всегда национально детерминированы и обусловлены конкретной культурой» [Красных, 2003, с. 297—298].

В сфере этического регулирования императивы наивной этики (например, ориентация на скромность, золотую середину и пр.) прежде всего ориентируют поведение, задают оценки. При этом практически все они детерминированы эмоционально (например, правдоискательство — правда на стороне униженных и обиженных [Арутюнова, 1999, с. 557—642], а

они всегда у нас вызывают сочувствие). У некоторых эмоциональная сторона может доминировать настолько, что мотивирует подчас результаты, противоположные задуманным. Такова ориентация на благо, в частности социальное (см. ниже).

В картине мира наивная этика представлена в концептуализации, прецедентной базе, стереотипах и архетипах культуры. В системе языка — на всех уровнях, кроме фонетического, поскольку звук сам еще не выражает смысла. На уровне вербальной коммуникации — во всех формах речевого поведения (говорении, слушании, молчании), коммуникативных намерениях, стратегиях и тактиках речи, речевых актах и жанрах. Все это либо мотивировано этически (**похвальба, обещание, обязательство, клятва, клевета, тактичное молчание** и пр.), либо может приобретать этические коннотации, если, скажем, допустить бестактность. Причем следы этической рефлексии можно обнаружить даже на самых абстрактных уровнях языка. Так, считается, что личные местоимения — чисто грамматическая часть речи, которая, в частности, организует ситуацию общения с точки зрения его участников и их коммуникативных ролей: Я — говорящий, Ты — слушающий, Он, Она, Оно — предмет речи, т.е. человек, не принимающий участия в коммуникативном акте, или вообще неодушевленная сущность.

Но местоимения Я, Ты и Вы при этом еще и чутко реагируют на русские этические предписания, в частности приоритет личной скромности, нивелирование собственного Я, внимание к собеседнику. Так, единственное местоимение, которое пишется с большой буквы и при этом употребляется во множественном числе, — русское вежливое Вы (для сравнения: в английском языке тоже есть одно местоимение с большой буквы, только это местоимение — Я).

Столь же иллюстративны и некоторые явления синтаксиса с участием, вернее, без участия местоимений там, где они по семантической структуре должны были бы быть. Скажем, специалисты по-разному объясняют распространение безличности [Вежбицкая, 1996]. Но, видимо, к языковым и психологическим причинам можно добавить и этические — ориентацию языкового сознания на эталон скромности (гагаринское *Поехали!*), с одной стороны, и безалаберность — с другой (любимые национальные формулы *Получилось*, если желаемый результат достигнут, *Так получилось* или *Хотели как лучше — получилось как всегда* — если наоборот).

Местоимений Я и Мы в именительном падеже, семантической роли субъекта, подлежащего мы тоже нередко избегаем (если противоположного не требуют целеустановка высказывания, контекст или тип предложения), предпочитая стилистически нейтральные определенно-личные экви-

валенты: *Хорошо стоим* (рубрика на радио о пробках на дорогах). В свое время в приказах обычной формулировкой было: *Командовать парадом буду я*. После того как она была высмеяна в романе И. Ильфа «Золотой теленок» как выражение самонадеянности и яканья (фразу, как известно, любил главный герой романа авантюрист О. Бендер), в коммуникации появились более скромные эквиваленты, которые в деловом обиходе до сих пор: *Командование / контроль / руководство оставляю за собой; руководство операцией приказано мне* и т. п.

В основе сочетаемости — наличие хотя бы одной общей семы в значениях сочетающихся слов. С этой точки зрения личным местоимениям первого и второго лица семантически ничто не мешает сочетаться со словами, обозначающими высокую общественную оценку человека: *Пушкин — наше все; Она — звезда оперной сцены* (чаще не в присутствии тех, о ком говорят), но высказывания *Вы/ты — прославленный ученый*, скорее всего, будут восприняты как лесть, бестактность.

И если подобного высказывания не избежать, говорящие всячески снижают уровень категоричности оценки: *Вы просто гений. Я понимаю, что об этом неудобно говорить в глаза. Но такой я бестактный нахал* (Э. Рязанов А. Пахмутовой, 1-й канал ТВ. 23.01.2010); *Ирочка! Если бы я знал, что ты станешь такая великая, я никогда бы от тебя не ушел* (А. Уланов И. Родниной, 1-й канал ТВ. 06.02.2010). Такие же высказывания о себе любимом с Я расцениваются как хвастовство, яканье: *Я, гений Игорь Северянин, своей победой упоен*.

Хотя сами носители языка и культуры не всегда могут в достаточной степени контролировать свое поведение с точки зрения этики и эмоций, все равно неэтичность (возможно, осложненная эмоционально) даже как тенденция языкового мышления, вызов времени будет замечена и оценена современниками. Красноречивый пример такого рода — наивный, неосознаваемый цинизм [Бегун, 2009]. Сам цинизм — интеллектуальная позиция личности и отношения к заявленной теме эмотивных компонентов лингвотики, казалось бы, не имеет. Но нередко конкретные проявления этого бесстыдства оказываются и эмотивами.

Рассмотрим один, но красноречивый пример. В 1990-х гг. в повседневный обиход из милицейского языка вошла аббревиатура *бомж* — без определенного места жительства. И не просто вошла, а органично вписалась в нашу с вами языковую картину мира, поскольку сразу породила массу производных слов: *бомжиха, бомжатник, бомжеский, бомжеватый*, даже ласковые *бомжик* и *бомжонок*. В этом ряду первые четыре слова — эмотивы на коннотативном уровне (в них не только презрение, но и чувство отвращения), а последние два — и на коннотативном уровне

(чувство отвращения сохраняется), и на денотативном (уменьшительно-ласкательные суффиксы обнаруживают наше сочувствие). Некоторые из этих слов вошли в толковые словари литературного языка с пометой *прост.* — просторечное, а само слово *бомж* — вообще без помет как вполне литературное слово без ограничений в коммуникативных правах; т.е. стилистическую оценку это словообразовательное гнездо получило. А этическую? Нет. И, наверно, не столько потому, что помета *неэтичн.* в словарях пока не предусмотрена, сколько потому, что над этим не задумывались.

Если подумать, *бомж* — странная аббревиатура, в которой потеряно главное слово — *кто*. *КТО* — без *определенного места жительства*? Для справки: до революции этих граждан называли *босьяками*, *бродягами*, после появилась аббревиатура *бич* — *бывший интеллигентный*, но все-таки еще *человек*. Какой бы он ни был, это гражданин государства. И в словах ‘босьяк’, ‘бродяга’, ‘бич’ сема ‘человек’ — основная и выражена денотативно. Ее-то и отбросили за ненадобностью. И так понятно, что собаки *бомжами* не бывают.

Обратим внимание на то, как в названиях людей социального дна возрастает степень цинизма: в языковой картине мира *босьяк* — однозначно принадлежит к категории *человек* (хотя и не самый симпатичный), *бич* — тоже пока еще *человек*, хотя в слове уже проявляются элементы отношения к нему как к предмету, вещи, поскольку аббревиатурами обычно для краткости называют события (*ВОВ* — *Великая Отечественная война*), организации (*ГД* — *Государственная Дума*), абстрактные понятия (*КЛЯ* — *кодифицированный литературный язык*), но не людей. И, наконец, в слове ‘бомж’ категорию *человек* мы вообще вынесли за скобки.

Но циничны мы не только по отношению к представителям социального дна. Опять же из языка чиновников в массовую коммуникацию проникли аббревиатуры *УВОВ*, *ИВОВ*, *ВВОВ* — соответственно *участник*, *инвалид*, *ветеран Великой Отечественной войны*. Так что, к сожалению, *бомж* или *ветеран войны* — для нас особой разницы нет. А какие чувства вызывают эти наименования? И не только у стариков.

Явления этической рефлексии представлены прежде всего непосредственно языком этики — как средства описания этических представлений и императивов, должного и сущего, санкционированного обществом и запрещенного. Они нередко либо содержат на денотативном уровне (*счастье*, *любовь*, *горе*, *вранье*), либо имплицитно эмотивные компоненты (*зло*, *добро*, *благо*, *ложь*, *без правды жить* — *по-волчьи выть*), либо каузируют их, либо проявляют и то и другое.

Последнее легко проследить на уровне ассоциативных связей с эмоциями. Например, по данным последнего ассоциативного словаря [Черкасова, 2008], *добро* ассоциируется с *радостью*, *душа* вызывает ассоциации *в пятки, одиночество, плачет, радость, счастье, просит любви, чувства, страдание, зло — ненавижу; любовь — наслаждение, радость, страдание*.

Кроме собственно языка этического регулирования, в сферу этического осмысления вовлекаются языки смежных областей. В частности, философы давно заметили, что этические компоненты приобретает, например, сфера политики [Гусейнов, 2004], когда ее язык развивает коннотативные значения, мотивированные этически. Эмоциональные коннотации тех же политических понятий развиваются как реакция на несовпадение должного и сущего либо как реакция противостояния в агональном дискурсе [Шейгал, 2004].

Тогда возникает концепт, денотативно политический, но по сути — эмотив, возникновение которого мотивировано этически. Проследим это на примере центральных понятий новейшей политической истории ‘демократия’, ‘митинг’, ‘митинганты’, ‘Болотная’, т.е. оппозиция (наименование возникло метонимически по названию площади в Москве, на которой проводятся митинги оппозиции), ‘пиар’.

Лингвистически легче всего проиллюстрировать эмотивно-этическую природу этих лексем, сравнив их с производными: ‘демократия’ → ‘демократия’, ‘тандемократия’, ‘путинократия’, ‘медвепутия’; ‘митинг’ → → ‘митинг’; ‘митинганты’ → ‘митингады’; ‘Болотная’ → ‘болото’, ‘болотники’ (не сапоги, а представители оппозиции), ‘пиар’ → ‘пиарить’. Этические коннотации политической лексики в производных лексемах легко переходят уже на денотативный уровень. Эмотивные же либо также переходят в денотат (‘митингады’), либо остаются как коннотация (все остальные примеры).

Особый интерес в этом отношении представляют процессы, протекающие на уровне концептуализации реалий действительности и вербализации концептов [Сурикова, 2012]. Возьмем только один пример — перемещение ядерных сем на смысловую периферию, а периферийных, соответственно, — в смысловое ядро.

Это наблюдается в концепте «чиновник». Так, если верить толковым словарям [БТС, 1998, с. 1480; ТСРЯ, 2007, с. 1093; СРЯ, 1980, с. 678], ядерным элементом концепта «чиновник» является значение ‘государственный служащий’, поскольку это его прямое значение — лексический минимум концепта. Переносное значение и, следовательно, периферия концепта — это ‘человек, служащий без интереса, бюрократически’. Если верить словарям синонимов [СС, 1976, с. 48; Александрова, 1986, с. 589; Михель-

сон, 1994, с. 505], то смысловое ядро понятия — вовсе не госслужащий, а как раз ‘бюрократ’, поскольку в синонимическом ряду ‘бюрократ’, ‘чинодрал’, ‘чинуша’, ‘буквоед’, ‘чернильная крыса’, ‘канцелярская крыса’, ‘чернильная душа’, ‘приказная строка’, ‘приказной крючок’, ‘крапивное семя’, довольно обширном, только такие, в которых этический негатив — ядерный компонент значения. О том же свидетельствует словарь же М.И. Михельсона «Русская речь и мысль», который дает статьи *Чинодрал* и *Чинуш—чиноша (ирон.)* (в них слово ‘чиновник’ появляется вообще только в толковании) и примеры из русской классики — ни одного хотя бы нейтрального контекста.

Если верить современной массовой коммуникации, то нынешний чиновник стал олицетворением всего государственного зла и самые сильные оценочные синонимы прошлого — ‘канцелярская крыса’ и ‘крапивное семя’ — уступают место еще более эмоционально и социально насыщенному — ‘социальный паразит’ (см., напр.: АиФ. 2010. 17 февр.). Этический мотив, приведший к такой метаморфозе, — устойчивый стереотип, что чиновник вместо того, чтобы работать на благо общества, набивает собственные карманы за государственный счет. Такое положение вещей для общества этически неприемлемо. А уж сколько «любви» имплицировано во всех этих наименованиях — говорить излишне.

Итак, наименования политических реалий действительно легко вовлекаются в сферу этики, как давно заметили философы. А мы добавим — и мотивности, развитию последней способствует агональность политического дискурса.

Однако с точки зрения коммуникации и прагматики, наверное, точнее было бы сказать, что не смежные области, в частности политика и госуправление, вовлекаются в сферу этики, а этика проникает в сферы семьи, права, гендера и многие другие, развивая под давлением действительности в них этические коннотации, причем в самых обыденных и ходовых концептах. Например, когда один человек говорит другому: *Поговорим как мужчина с женщиной*, он имеет в виду не принадлежность к полу, а набор социальных качеств, подразумеваемых понятием «мужество»: благородство, способность защитить слабого, внутреннюю силу и способность к самоотречению.

Что для русской культуры значат слова ‘мужчина’ и ‘женщина’, выражено В. Солоухиным в стихотворении «Мужчины», которое приводится с сокращениями:

*Пусть вороны гибель вещали
И кони топтали жнивье,
Мужскими считались вещами
Кольчуга, седло и копые.*

*Во время военной кручины
В полях, в ковылях, на снегу
Мужчины, Мужчины, Мужчины
Пути заступали врагу.*

*Пусть жены в ночи голосили
И пролитой крови не счесть,
Мужской принадлежностью были
Мужская отвага и честь.
Таится лицо под личиной,
Но глаз пистолета свинцов.
Мужчины, Мужчины, Мужчины
К барьеру вели подлецов.
А если звезда не светила
И решкой ложилась судьба,
Мужским достоянием было
Короткое слово — борьба.*

*Пусть небо черно, как овчина,
И проблеска нету вдали,
Мужчины, Мужчины, Мужчины
В остроги сибирские шли (...)
А женщина — женщиной будет:
И мать, и сестра, и жена,
Уложит она, и разбудит,
И даст на дорожку вина.
Проводит и мужа и сына,
Обнимет на самом краю...
Мужчины, Мужчины, Мужчины,
Вы слышите песню мою?*

Таким образом, мы наблюдаем, как понятие, изначально биологическое, не в меньшей, а, может, и в большей степени становится этическим, утрачивает связь с полом: женщинам тоже оно свойственно и каузирует эмоциональные реакции — *почтение, уважение, восхищение*.

Вывод, который, надеемся, достаточно логически следует из сказанного, таков: нет или почти нет сфер жизни и их отражения в картине мира, остающихся вне зоны этического осмысления и эмоциональной реакции.

Эмотивы в сфере этической оценки возникают и как следствие логического осмысления действительности (*прихватизация*), и как чисто эмоциональное явление, психологическая ориентация личности, которая вербализуется в речевом поведении и коммуникации, управляет интерпретацией сведений о действительности, формирует чувства и эмоции. Но при всем этом они остаются в серой, неосознаваемой сфере сознания и потому реально приводят к следствиям, противоположным желаемому. Такова ориентация на благо, в частности социальное. В народном опыте это выражено сентенцией *рыба ищет, где глубже, человек — где лучше*.

Собственно говоря, поведение компаратива *лучше* в предложениях операционального предпочтения типа *Худой мир лучше доброй ссоры*, подробно изученное Н.Д. Арутюновой [Арутюнова, 1999, с. 245], — это одно из проявлений этико-эмоциональных предпочтений русского культурного кода. Знаменитый афоризм В.С. Черномырдина *Хотели как лучше — получилось как всегда* — самое наглядное свидетельство сказанного. И даже его же *Лучше водки хуже нет* — из той же серии.

«Хотя в жизни, — пишет Н.Д. Арутюнова, — плохое гораздо более многолико, чем хорошее, поскольку оно отмечает неограниченные возможности отклонения от нормы, а хорошее соотнобразуется с нормой, в речи

употребление оптимистического компаратива *лучше* во сто крат превосходит обращенного в сторону дурного компаратива *хуже*, и это отвечает стараниям людей стать на путь мудрости и добродетели и наставить на него других» [Арутюнова 1999, с. 245].

Рассмотрим мотив *лучше* как этико-эмоциональный ориентир подробнее на примере его действия в политическом дискурсе, где он проявляет себя многосторонне и наглядно. Например, в период агонии СССР антагонисты господствовавшего тогда режима сформулировали для себя принцип: *Чем хуже — тем лучше*, имея в виду положение страны на тот момент.

В связи с политическим дискурсом и дискурсом СМИ целесообразно говорить не о мотиве *лучше* в общем (в силу разноликости и прагматической зависимости категории), а о его социальном проявлении — социальном благе (о концепте «социальное благо» см.: [Полонский, 2010]). Основные уровни когнитивной деятельности, обслуживающие его, — интерпретация, номинация и категоризация. Основные его свойства — идеологическая обусловленность и двунаправленность: либо на действительность, либо на средства отражения этой действительности в коммуникации и создание видимости блага по принципу «портрет лучше оригинала».

Идеологическая обусловленность проявляется в коннотативной и референциальной энантиосемии (термины ‘капитализм’ / ‘социализм’ имплицитно сему ‘добро’ / ‘зло’ в зависимости от политических убеждений), одни и те же события получают эксплицитно или имплицитно противоположные этические и каузируют эмотивные квалификации: *Дерипаска: Реформы Гайдара сегодня выглядят как идиотизм; реформы Гайдара — это шок без терапии; Чубайс: Гайдар спас Россию от голода, разрухи и гражданской войны.*

Двунаправленность мотива социального блага сказывается в том, что, концентрируя усилия на анализе действительности, коммуниканты одинаково интерпретируют номинации (кто станет спорить, что *кризис* — плохо?). Вопрос в том, что считать кризисом и по каким объективным показателям. В ход идут аргументы, обращенные к разуму, в частности факты.

Когда фокус *социального блага* смещен на создание языковой видимости хорошего — усилия коммуникатора сосредоточены в области номинации и категоризации явлений, а референт может вообще не учитываться. Так, для брежневской экономики придумали слова ‘застой’, ‘стагнация’, а для экономики нулевых годов третьего тысячелетия, уступавшей социалистической, — *стабильность*. Таким образом, мотив *со-*

циального блага превращается в движущую силу манипулирования аудиторией, социальной демагогии, а номинации имплицитно и каузально этические оценки и эмотивные реакции, соответствующие имени, но далекие от реальности.

Несколько примеров из области номинации: в начале 1990-х правительство Б.Н. Ельцина ввело в обиход статистическое понятие «прожиточный минимум», который используется до сих пор при расчете пенсий, социальных пособий. Хотя бы *минимум* в то время — это уже хорошо, тем более, такой, на который, по мнению правительства, можно прожить. Но можно ли было на этот минимум хотя бы *выжить*? Несколько позже появилась еще одна экономическая категория — *прожиточный минимум пенсионера* (70% от минимума работающего человека). Однако самое большое лукавство этого термина в том, что он заменил советский *потребительский минимум*, который предполагал товаров в два раза больше. Подмену в то время не заметил никто: информация в СМИ появилась уже после миллениума.

Если верить официальным цифрам *инфляции*, остается только удивляться, почему цены в магазинах поднимаются гораздо больше, чем должны согласно официальной информации. И дело не только в разных методах подсчета (это лукавство статистическое), но и в наименовании. *Инфляция* — это общее повышение цен на все возможные товары и услуги (а трубы у нас дорожают медленнее, чем продукты и потребительские товары). Исходя из *инфляции*, рассчитывают и пенсии, и социальные пособия, и многое другое, касающееся населения. Но для себя чиновники избрали другой ориентир пересчета зарплат и социальных благ, гораздо ближе к жизни, — *индекс потребительских цен* [Рыжков, 2004].

Единицы языка, мотивированные ориентацией на *социальное благо*, могут быть вообще виртуальными, лишенными денотата и референта. Так, в начале 1990-х гг. провели *шоковую терапию* (была ли *терапия*, т.е. *лечение*, консервативными методами, — спорят до сих пор). А что такое *невидимая рука рынка*, которая должна была все в экономике расставить по своим местам, или *переходный период* (откуда, куда и как долго?) в названии научного института *НИИ экономики переходного периода*?

Второй уровень создания видимости социального блага, ограниченно-го речевой деятельностью, — категоризация, т.е. присвоение элементу внеязыковой действительности языкового статуса. Вспомним в качестве примера нашумевший несколько лет назад конфликт в Кондопоге (уличные столкновения и погромы торговых точек, принадлежащих выходцам с Кавказа), который квалифицировался властью как *бытовой* или *уголовный*, большинством СМИ — как *этнический*. И только ведущий ток-шоу «Вос-

кресный вечер с Владимиром Соловьевым» назвал его *социальным* (НТВ. 2006. 17 сент.), о социальной природе конфликта говорили и СМИ, обличавшие коррумпированность и недееспособность местной власти. В конфликте, в котором есть жертвы, ничего хорошего нет, но коммуникатору (власти) лучше, если сам конфликт будет отнесен к категории уголовных, а не социальных.

Если в языковой картине мира коммуникатору что-то очень не нравится (не вписывается в его представления о благе) — категорию можно попросту убрать: нет слова — нет проблемы. Таким образом у нас из избирательных бюллетеней исчезла строка *Против всех*. Политолог А. Зудин прокомментировал это так: «Градусник разбили».

Такое языковое приукрашивание настоящего по принципу *слово лучше, чем его референт*, включение в категорию *социального блага* того, что в него не очень вписывается, — явление вневременное. Советская власть также создавала подчас целиком виртуальные категории социального блага: *военный коммунизм; нерушимый блок коммунистов и беспартийных; научный коммунизм, развитой, он же зрелый социализм* [Гусейнов, 1989; Купина, 1995; Клемперер, 1998]. Последний появился после того, как не вышло с обещанным Н.С. Хрущевым *коммунизмом*. И хоть *развитой социализм* — это еще не *коммунизм*, но все же лучше, чем просто *социализм*.

Социальное благо и хронотоп

Ориентация на *социальное благо* в хронотопе вместе с категорией *зла* (опять же *социального*) организует дискурс. В настоящем, если социальное благо ориентировано на дело, а не на речевую деятельность, оно чаще осознается как баланс положительного и отрицательного и бывает выражено предпочтением (в том числе и имплицитным) компаратива *лучше*: *У нас сейчас нет в Москве пенсионеров, которые получали бы пенсию меньше 10 275 рублей. Конечно, это немного, но это уже двойное превышение прожиточного минимума. Вспомните, как еще недавно мы мечтали, чтобы пенсии хотя бы сравнялись с ним* (читайте: это лучше, чем было недавно. — Т.С.) (Ю.М. Лужков, ТВЦ, программа «Лицом к городу», 02.02.2010). Если социальное благо ориентировано на слово, то власть не может удержаться от соблазна с помощью слова приукрасить действительность, о чем шла речь выше.

В прошлом у презумпции *социального блага* в политическом дискурсе несколько функций. Первая — формирование этических и эмотивных коннотаций, стереотипов, прецедентных феноменов и политико-исторических мифов в языковой картине мира. Идея социального блага задает их доминанту по принципу «хорошо / плохо» (*опричнина, Петр Первый, куль-*

турная отсталость царской России, Сталин). Такие коннотации возникают на основе научного исследования, просвещения, пропаганды, т.е. рациональной оценки, поэтому меняются вслед за ней. Это обуславливает, по крайней мере, две особенности таких коннотаций.

Во-первых, поначалу все осознанные оценки, факты, умозаключения будут конфликтовать с этическими коннотациями существующих стереотипов и прецедентных феноменов, как это мы наблюдаем в периоды переоценки ценностей (в художественной форме процесс переоценки ценностей отражен в книге В. Солоухина «Читая Ленина»). Например, Н. Харитонов (о выносе тела В.И. Ленина из мавзолея): *Если не нравится Ленин — Ленина выносите, а Ульянова оставьте* (АиФ. 2000. № 51).

Этическая и идеологическая и, как следствие, эмоциональная переориентация феномена может не вербализоваться (*Сталин — отец народов, вождь мирового пролетариата стал кровавым монстром*, так и оставшись *Сталиным*) или эксплицироваться. Скажем, *Великая Октябрьская социалистическая революция стала октябрьским переворотом; добрый дедушка Ленин, Ильич, В.И. Ленин (Ульянов) теперь В.И. Ульянов (Ленин), В.И. Ульянов-Бланк-Ленин, В.И. Ульянов*, фамилия закрепила за собой коннотацию — *кровавый тиран, государственный преступник*. Причем оценка прецедентного феномена [Гудков, 2003] никогда не меняется на усредненную, герой становится злодеем и наоборот.

Во-вторых, эти коннотации, в отличие от рациональной оценки, базируются на крайне обобщенной, упрощенной информации стереотипов, мифов, прецедентных феноменов, часто гиперболизируют ситуацию и при этом подобны «приговору суда без разбирательства» (эта меткая характеристика метафоры, данная Н.Д. Арутюновой, применима и в отношении этических и эмоциональных коннотаций), поскольку воспринимаются как нечто само собой разумеющееся, несомненное и в интеллектуальном, и в эмоциональном плане.

Как иллюстрация сказанного интересна статья академика РАН И.Р. Шафаревича «Две дороги к одному обрыву» [Шафаревич, 1989], в которой автор прослеживает формирование мифов о культурной отсталости дореволюционной России и западном прогрессе. Общая идея ее сводится к тому, что хотя беспристрастного фактического анализа оба эти мифа не выдерживают, но это не мешает им формировать представления о мире. *Опричнина* и *Варфоломеевская ночь* в прецедентной базе в одинаковой степени несут идею социального зла, но при сравнении их референтов *опричнина* померкнет, поскольку за весь ее период в России погибло около 4,5 тыс. человек, а в одну эту ночь и последующие несколько суток было перебито около 10 тыс.

Вторая функция ориентации на *социальное благо* в хронотопическом прошлом — организация дискурса как агонального. Коммуникатор и его прямой адресат (например, электорат), как и положено, ориентированы на благо, а косвенный адресат (политический противник) — наоборот. И чем острее противостояние, тем ярче выражен лейтмотив *Мы лучше*.

Наконец, презумпция социального блага в прошлом мотивирует рассуждения о том, что «можно было бы..., если бы не...». В противоположность истории, которая, как известно, сослагательного наклонения не знает, идея социального блага склонна поселяться именно в сослагательном наклонении как противопоставление реальному прошлому, в котором хотели как лучше, а как получилось — так получилось, и этого не изменить, а главное, не проверить — что было бы, если бы история пошла по сценарию, написанному постфактум коммуникатором.

В подобных рассуждениях и автор, и прямой адресат всегда ориентированы на лучшее, в противоположность косвенному адресату, которого обличают и который оказывается носителем социального зла, возможно, сам того не желая. Эта установка эксплицирована, например, в реплике одного из читателей интернет-версии «МК»: *Единственный еще более худший вариант* (развития событий начала 1990-х гг. — Т.С.) — *это ханнуть все золотовалютные резервы и свалить в страну, не выдающую преступников. В общем-то, это мог бы быть даже лучший вариант. Потому как к власти, возможно, пришли бы более адекватные люди.*

В хронотопическом будущем ориентация на социальное благо организует светлые мечты граждан, воплощать которые намерен коммуникатор, независимо от того, кто и что он. Общую его идею можно сформулировать так: «Следуйте за мной — и будет вам счастье» (В гротескном виде это отражено в романе «12 стульев» в эпизоде, когда великий комбинатор О. Бендер перед членами шахматного клуба произносит речь о светлом будущем Нью-Васюков, если организовать там всемирный шахматный турнир). Наиболее ярко это проявляется в периоды социальных потрясений и перемен и во время избирательных кампаний: *Жить по закону или по понятиям, нам нужна диктатура или диктатура закона; Банду Ельцина под суд!* Лозунги могут быть разные, но подобные альтернативы (неважно: эксплицированы они полностью, как в первом, или наполовину, как в последнем) всегда одной ногой в порицаемом, эмоционально негативном настоящем, а другой — в желаемом, эмоционально позитивном будущем. Однако дискурсная позиция коммуникатора, независимо от того, кто он, всегда одна —

носитель социального блага. Ту же позицию займет и его оппонент, став коммуникатором. Частое отсутствие возможности хоть как-то проверить рассуждения коммуникатора о прошлом и будущем делает их потенциальной питательной средой добросовестных заблуждений, открытой демагогии и манипулирования аудиторией.

Все сказанное больше ориентировано на этическую сторону коммуникации, но сколько эмоций порождает мотив *лучше!* Вначале была она — эмоция. И только потом к ней присоединилась этика.

ЭКОЛОГИЧНЫЕ И НЕЭКОЛОГИЧНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ В СФЕРЕ ЭМОТИВНОГО

И.В. Труфанова

Зигмунд Фрейд разработал типологию остроут. Эта работа [Фрейд, 2003] была оценена Л.С. Выготским как «близкая к совершенству» с точки зрения «анализа формы», как «классический образец всякого аналитического исследования», как «стоящая на грани психологии искусства» [Выготский, 1997, с. 102]. Это самая лингвистическая из работ З. Фрейда. Мы решили проверить типологию З. Фрейда на языковом материале, в частности на материале русского языка. По предложенной ранее методике установления экстенционала речевого действия в эмотивной сфере, использованной Т.А. Графовой [Графова, 1991, с. 67—68], Э.А. Нушикян [Нушикян, 1986, с. 27—28], Л.А. Пиотровской [Пиотровская, 1994, с. 5], мы собрали картотеку примеров¹ из художественной литературы и национального корпуса русского языка, в которых речевое действие сопровождается авторским вводом, содержащим слова *острота*, *сострил*, *остроумно*, *остроумное*, т. к. в толковых словарях остроуту толкуют как «остроумное выражение» [Ожегов, Шведова, 2003, с. 465]), *сальность*, *скабрёзность*. Наши примеры подтвердили правильность типологии З. Фрейда [Труфанова, 2007а].

Все остроуты З. Фрейд прежде всего разделил на тенденциозные и нетенденциозные в зависимости от того, вызывают ли они смех. Нетенденциозные остроуты З. Фрейда оказываются афоризмами и принадлежат к асертивным речевым действиям [Труфанова, 2007а, 2000, 2011], поэтому дальше речь пойдёт о тенденциозных. Тенденциозные вызывают у кого-то из присутствующих в речевой ситуации желание рассмеяться. Их З. Фрейд

¹ Далее примеры, помеченные звёздочкой, собраны Е.В. Лебедевой.

разделил в зависимости от того, что в них является объектом критики. В агрессивных островах объектом критики является лицо, обидевшее говорящего и обладающее более высоким социальным статусом, чем говорящий, поэтому нельзя ответить ему тем же, говорящий может защитить себя, только прибегнув к остроте. В циничных островах объект критики — социальный институт, в скептических — способность человечества к объективному отражению действительности и производству истинных суждений, в сальностях, или обнажающих островах, — женщина, объект сексуального желания говорящего, не спешащая это желание удовлетворить. Второй критерий в делении остроу у Фрейда — «задержка» в мыслительной деятельности, несоблюдение каких-либо правил, табу, запретов. Каждая из тенденциозных остроу экономит на чём-то в работе мышления, высвобождённая энергия и есть причина смеха, вызываемого тенденциозными островами. Агрессивная острова — задержка ругани, брани, обнажающая — задержка стыда и благопристойности. Циничная острова — экономия преклонения перед авторитетами, скептическая — экономия на уверенности в надёжности человеческого знания.

Выделенные 3. Фрейдом четыре вида тенденциозных остроу (агрессивные, сальности, циничные, скептические) содержат в авторском вводе слова *острота*, *сострил* или *остроумно*, и только сальности, кроме того, в нескольких случаях имеют ввод *сальность*, *скабрёзность*.

Тенденциозные остроу относятся к речевым актам эмоционального воздействия, поскольку они используются в качестве социальных санкций к слушающему по поводу выполнения последним его социальных и межличностных ролей [Труфанова, 2007а, 2000].

Агрессивные остроу позволяют сэкономить на брани. Это изысканная форма постоять за себя, ответить обидчику, переадресовав ему его оскорбление. Выражаются агрессивные остроу пропозициональным содержанием, на уровне глубинной структуры предложения реплика обидчика и ответ ему агрессивной остроу различаются тем, что в остроу отрицается пропозиция инициальной реплики. Описать индикаторы агрессивной остроу на уровне поверхностных структур труднее. Агрессивная острова представляет собой семантический хиазм инициальной реплики обидчика. 3. Фрейд приводит в качестве примера случай, когда светлейший князь, которому бросилось в глаза сходство собственной персоны с простым работником из его имения, спрашивает, служила ли мать последнего здесь, и в ответ получает: «Мать не служила, зато там служил мой отец» [Фрейд, 2003, с. 98].

К сказанному 3. Фрейдом следует добавить, что агрессивные остроу могут быть направлены в адрес и вышестоящего, и равного с говорящим

по социальному статусу лица. Пример остроты в адрес вышестоящего лица: — *А ваш молодец вырос, — сказал Егор Егорыч, указывая на стоящего около дамы мальчика в пажеском мундире. — А вы так не выросли! — отозвался вдруг на это с веселой усмешкой мальчик. — А, какова острота!* (А.Ф. Писемский. Масоны)*. Острота в адрес человека равного социального статуса: *Его фамилия — Суворов. Он крупно написал ее на полоске плотной бумаги и прикнутил к своей клеточке в умывальнике. Мне это показалось неуместным, и я подписал с краешку карандашом: «Не Александр Васильевич». Возможно, я сострил не бог весть как, но неожиданно здорово разозлил Суворова* (В. Шукшин. Как мужик переплавлял через реку волка, козу и капусту)*.

Каждый человек обладает определённым статусным набором, поэтому одновременно может в одном из статусов быть выше другого, во втором — ниже, в третьем — иметь равный с кем-либо статус. Следующая острота произносится заслуженным артистом в адрес артиста начинающего. Долговременный социальный статус первого выше, но ситуативный, кратковременный — ниже, т. к. статус дебютанта — самый высокий: *Ну-с, дали мне, как водится, дебют в Александринке. Летом, конечно. Выбрал я «Гамлета». По этому поводу покойный Петр Андреич Каратыгин сострил про меня: «Хам летом дебютирует». Каламбур довольно обидный, ну да от заслуженного артиста и не то снесёшь* (Б.А. Садовский. Записки актера)*.

Условия успешности агрессивных острот

Предварительные условия: 1) говорящий хочет воздействовать на эмоциональную сферу слушающего, поскольку исполнение последним своих социальных и межличностных ролей затрагивает личную сферу говорящего; 2) говорящий прибегает к эмоциональному воздействию, т. к. не может потребовать от адресата надлежащего исполнения им межличностных или социальных ролей, поскольку адресат является вышестоящим лицом, или, если адресат — равное по статусу лицо, то он не хочет браниться; 3) для говорящего очевидно, что речевой акт эмоционального воздействия необходим для воздействия на изменение речевого поведения слушающего.

Условие искренности: говорящий хочет воздействовать на эмоциональную сферу слушающего.

Условие пропозиционального содержания: высказывание включает констатацию положения дел в перевернутом виде относительно того, как его представил первый говорящий.

Существенное условие: говорящий пытается рикошетом вернуть обидные слова в адрес обидчика.

Сальности — это разращение, соблазнение присутствующей женщины с целью склонить ее к сексу. В них экономится усилие на соблюдение правила хорошего тона, предполагающего, что нужно сдерживать себя, не высказывать вслух свои сексуальные желания.

Условия успешности сальностей

Предварительные условия: 1) говорящий хочет воздействовать на эмоциональную сферу адресата, т. к. исполнение адресатом его межличностных ролей раздражает говорящего; 2) говорящий прибегает к эмоциональному воздействию, т. к. не может требовать от адресата удовлетворения своих сексуальных потребностей; 3) поведение, которое говорящий провоцирует у слушающего, соответствует его интересам; 4) для говорящего очевидно, что для того, чтобы воздействовать на слушающего, ему необходимо произвести акт сальности.

Условие искренности: говорящий хочет воздействовать на эмоциональную сферу слушающего.

Условие пропозиционального содержания: говорящий дает понять слушающему или третьему лицу, что имеет в отношении него или третьего лица сексуальные намерения.

Существенное условие: говорящий пытается склонить слушающего/третье лицо к удовлетворению своих (или другого лица) сексуальных намерений. З. Фрейд писал только о третьем лице — присутствующей при разговоре женщине, но, как показывают примеры, эта женщина может быть слушающей, т. е. вторым лицом.

Сальности являются инициальными репликами в диалоге. Индикатор сальностей — эвфемизмы: — *К мужу, к мужу, Инночка! И немедленно делом займитесь... Заодно, хе-хе, и согреетесь... Поскольку сознание Иннино уже было потеряно, то единственное, что заметила она в этих словах, была их явная скабрёзность, или, как она это определила, «сальность». Так она, как ей показалось, и ответила, немного косо продолжая висеть в воздухе: — Перестаньте сальности говорить, а еще офицер!* (А. Кабаков. Последний герой)*.

Циничные остроты позволяют говорящему критиковать социальные институты, не опасаясь преследований за инакомыслие, диссидентство. Остриющий экономит на изъявлении солидарности с официальной моралью, официальной идеологией.

Условия успешности циничных острот

Предварительные условия: 1) говорящий испытывает состояние душевной неуравновешенности и стремится избавиться от него, поскольку реальная картина мира не соответствует сложившемуся в его представлении

(сознании) идеалу; 2) говорящий осознает, что он придет к состоянию душевного равновесия, если совершит речевой акт циничной остроты в присутствии слушающего.

Условие искренности: говорящий стремится к состоянию душевного равновесия, критикуя отклоняющееся от идеала явление.

Условие пропозиционального содержания: говорящий констатирует несовершенство социального института, побудившее его к высказыванию.

Существенное условие: говорящий пытается расшатывать социальный институт.

Индикатор циничных острот — намёки: *Кто-то сострил в нынешнем либеральном духе, что нет худа без добра и что если и сведут весь русский лес, то все же останется хоть та выгода, что окончательно уничтожится телесное наказание розгами, потому что волостным судам нечем уж будет пороть провинившихся мужиков и баб* (Ф.М. Достоевский. Дневник писателя). Циничная острота направлена на институт телесных наказаний розгами, на институт социального неравенства, но на институт лесного хозяйства государства — прежде всего. Индикатор остроты — намек: зла безмерно, добра — капелька. *После собрания кто-то сострил, что, пока не разошлись, надо собрать новое собрание, чтобы подтвердить решение этого собрания, которое подтвердило решение предыдущего собрания, которое подтвердило решение еще более предыдущего* (В. Войнович. Иванькиада, или Рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру)*. Острота направлена против института собраний, но, главное, против института выделения квартир гражданам. Индикатор — намек на бюрократическую волокиту в принятии решений. Острота украшена конкатенацией — усложненной конструкцией, компоненты которой связаны отношением последовательного подчинения [Москвин, 2007, с. 329]. Циничная острота соотносит два социальных института, и критике подвергаются оба, критика одного на первом плане, другого — на втором.

Скептические остроты ставят под сомнение гуманность человека, его способность к познанию мира (ср.: З. Фрейд писал только о сомнении в способности человека к познанию мира).

Условия успешности скептических острот

Предварительные условия: 1) говорящий испытывает состояние душевной неуравновешенности и стремится избавиться от него, поскольку реальная картина мира не соответствует сложившемуся в его представлении (сознании) идеалу; 2) говорящий осознает, что он придет к состоя-

нию душевного равновесия, если совершит речевой акт скептической остроты в присутствии слушающего.

Условие искренности: говорящий стремится к состоянию душевного равновесия, критикуя отклоняющееся от идеала явление.

Условие пропозиционального содержания: говорящий констатирует несовершенство человеческого познания или природы человека, побудившие его к высказыванию.

Существенное условие: говорящий пытается зародить у слушающего такой же скепсис.

Индикатор скептических острот — пропозициональное содержание: — *Однажды я тебе сказал ... я не люблю братских могил. Это, наверное, ты помнишь! — Так, — Уваров вроде бы в раздумье потер лоб длинными пальцами: вдруг, обращаясь к Нине, проговорил: — Мира не получается. Что ж будем делать? Может быть, кому-нибудь из нас нужно умереть, чтобы другому было свободнее? Остроумнее не придумаешь* (Ю.В. Бондарев. Берег). Острота направлена на агрессивность, неуживчивость, некооперативную природу человека.

— *Ну, говорите мне любезности, говорите, что я как ангел хороша, что вы от любви ко мне застрелитесь. — Первое совершенно справедливо, а второе нет, потому что жизнь свою и себя самого я люблю больше всего, — ответил молодой человек, желая сострить* (А.Ф. Писемский. Тысяча душ). Острота ставит под сомнение способность человека любить кого-либо, кроме себя.

Цель данной работы — определить, относятся остроты и смежные с ними речевые акты к экологическим или неэкологическим речевым действиям. При этом мы будем опираться на критерии экологичности/неэкологичности в общении, перечисленные Н.Г. Солодовниковой (2010). Существуют прагматика говорящего (инициальная интенция) и прагматика слушающего (терминальная интенция), неконгруэнтность которых мешает оптимизации общения. С целью их оптимизации (в профилактических целях) необходимо включение такого механизма, как эмоциональный тьюнинг [Шаховский, 2008а], т. к. прежде всего неконгруэнтная прагматика вызывает эмоциональный диссонанс, некооперативность и неуспешность коммуникативного события. Негативные эмоции (недовольство, раздражение, злость, ненависть, ярость и другие эмоции группы гнева), возникающие из-за неконгруэнтности прагматики у коммуникантов, являются здоровьеразрушающим фактором и причиной бытовых и социальных неурядиц во взаимоотношениях людей друг с другом. К параметрам экологичного общения Н.Г. Солодовникова относит доброжелательность, стремление партнеров по коммуникации избегать негатив-

ных оценок личности друг друга, скоординированные действия по созданию общего эмоционального центра, вежливость, сообразную ситуации, кооперативность, отбор стилистических средств сообразно ситуации, умение слушать, взаимную толерантность коммуникантов друг к другу, уважение собеседника, сдерживание негативных эмоций, равные коммуникативные права, «хорошую речь» и др. К параметрам неэкологичного общения Н.Г. Солодовникова относит нанесение обид, оскорблений, пренебрежение, использование негативных оценок, неуважительное отношение, формирование и расширение антагонистического круга, диффамацию, грубость, негативную вежливость, рассогласованность, перебивы, неуместное и неправильное использование иноязычных слов, использование иностранных слов с неправильным референтом, стилистические нарушения и др. К основным параметрам экологичной коммуникации Н.Г. Солодовникова относит вежливость, доброжелательность, стремление партнеров по коммуникации избегать негативных оценок личности собеседника, толерантность и стремление к созданию общего положительного эмоционального центра. Сопутствующими параметрами экологичной коммуникации являются следующие: стремление встать на позицию партнера, солидарность (сотрудничество), кооперативность. Основными параметрами неэкологичной коммуникации Н.Г. Солодовникова считает разбалансировку в тематике, эмоциональную рассогласованность, перебивы, немотивированное «ты-общение», неадекватную тональность общения, (неумеренные) отрицательные оценки собеседника или оппонента; сопутствующими — подмену аргументации и базисных установок, неуместное и неправильное использование иноязычных слов, использование иностранных слов с неправильным референтом, неумеренную игру с языком, намеренные риторические просчеты, нарочитую риторичность речи, выпренность, слишком правильную речь, насилие, давление словом, стилистические нарушения. В случае положительной интенции каждого из партнеров коммуникация является экологичной, в случае отрицательной — неэкологичной, а положительный или отрицательный знак интенции зависит от мотивов коммуникантов [Солодовникова, 2010, с. 59—62].

Поскольку в агрессивных остротах говорящий избегает брани, можно квалифицировать их как экологичные речевые действия. С точки зрения слушающего, агрессивные остроты — всегда неэкологичное речевое действие.

Сальности представляют собой насилие над слушающим, поэтому с точки зрения теории негативной вежливости относим их к неэкологичным речевым действиям.

Циничные остроты могут быть и экологичными, и неэкологичными речевыми действиями, это определяется лингвистическим фактором: справедливо ли социальный институт подвергнут критике. Если он ее не заслуживает, циничная острота — неэкологичное речевое действие. С точки зрения принципа вежливости Дж. Лича, не следует говорить о политике, религии, а значит, о политических и религиозных социальных институтах, стало быть, с точки зрения принципа вежливости, циничные остроты — неэкологичные речевые действия. С другой стороны, их индикатор — намёк, непрямая критика, что является проявлением вежливости.

Скептические остроты — неэкологичные речевые действия, на первый взгляд, они подвергают сомнению способность человека к познанию, его гуманизм. С другой стороны, в истории этики существовали направления и исходящие из убеждённости, что человек по природе добр и непорочен, так и противоположные — что человек зол и нечист. В наши дни мы сталкиваемся с утверждением, что в принципе возможно и то, и другое. Вопросы о природе человека, его возможностях — вечные, граница между добром и злом трудноуловима. Ко многому в природе человека, человеческого общения, взаимодействия людей мы подходим ханжески, хотя и стремимся обрести истину. Решение вопроса об экологичности скептических острот оказывается невозможным только в рамках лингвистики. Православная религия, например, трактует любые остроты как греховное действие.

Для типологии острот З. Фрейду достаточно было такого основания, как объект критики в остроте, второй критерий — вид «задержки» — позволил также разграничить остроту, шутку, юмор, смех (последнее в книге З. Фрейда обозначено термином *комическое*), наивное. Комическое, по определению Л.И. Тимофеева и С.В. Тураева, — это общественно значимое жизненное противоречие (цель — средства, форма — содержание, действие — обстоятельства, сущность — ее проявление), являющееся в искусстве объектом эмоционально насыщенной критики, осмеяния: «Смех — это речевое действие: установление этого противоречия» [Тимофеев, Тураев, 1974, с. 145]. Им выражается радость от осознания данного противоречия. Родовым понятием для смеха является критика, операции, на которые раскладывается данное действие, — это соотнесение реального с идеалом и установление его несоответствия идеалу [Труфанова, 2007б, с. 42]. «*Комическое в искусстве* — средство раскрытия общественных противоречий путём их сопоставления с идеалами данного времени и среды. <...> Смех — особая, эмоционально окрашенная критика, эстетическая форма критики» [Тимофеев, Тураев, 1974, с. 146].

В шутке экономятся правила логического мышления, она покоится на нарушении законов формальной логики. Юмор экономит на сострадании. Комическое (смех) рождается при виде тех, кто сэкономил на интеллектуальных усилиях или, наоборот, проявил излишние физические усилия. Шутка и юмор — речевые акты эмоционального воздействия, смех — эмотив [Труфанова, 2000, 2007а].

Индикатором шутки является абсурдное высказывание. В словаре В.П. Москвина абсурд определяется как «бессмыслица, вызванная неправдоподобием и алогизмом речи» [Москвин, 2007, с. 73]. Значит, шутка строится либо на неправдоподобии (видах неистинной информации), либо на нелогичности (нарушении законов формальной логики). Шутка эксплуатирует и нарушение правил речевого этикета. На основании того, какие нормы нарушены — онтологическая, логическая или лингвоэтологическая (о видах норм см.: [Сковородников, 2002]), — строится первая классификация речевых действий шутки. Пример шутки, основанной на нарушении закона тождества: — *У тебя кровь идет и какая-то зелень. — Есть нельзя. — Есть «не есть»!* — *пробует шутить Сергей* (К. Воробьев. Это мы, господи!..)*. Сталкиваются омонимы: «есть» — ответ подчиненного, обозначающий, что команда понята и принята к исполнению, «есть» — принимать пищу. Из выделяемых В.В. Знаковым шести видов неистинной информации (неправда, ложь, обман, самообман, неправда-заблуждение, мнимая ложь) шутка строится на неправде: *У кабацкого крыльца сидели те особенные люди, которые лучше кабака не находят места. Двое или трое узнали Кишкина и сняли рваные шапки. — Кабак подпираете, молодцы, чтобы не упал грешным делом? — пошутил Кишкин* (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Золото)*. Неправда — вид неистинной информации, при котором говорящий не имеет намерения дезинформировать собеседника, его слова не соответствуют действительности, он понимает, что содержание его высказывания не соответствует действительности [Знаков, 1999, с. 55], во фразе есть маркеры, призванные намекнуть слушающему, что это неистинное высказывание: ирония, аллегория, метафора, гипербола, литота.

Условия успешности шутки

Предварительные условия: 1) говорящий стремится улучшить или ухудшить эмоциональное состояние слушающего в зависимости от того, как тот выполняет свои социальные или межличностные роли; 2) говорящий полагает, что адресат (аудитория) знает, что его высказывание абсурдно; 3) говорящий уверен, что слушающий настроен весело.

Условие искренности: говорящий хочет, чтобы адресат смеялся.

Условие пропозиционального содержания: говорящий произносит абсурдную фразу.

Существенное условие: говорящий пытается сделать так, чтобы абсурдность его слов заставила слушающего (аудиторию) смеяться.

Говорят, что шуткой можно убить, пристыдить, ободрить, утешить, унижить или порадовать. Это расхожее утверждение — не что иное, как приближение к вопросу об отношении шутки к экологичным или неэкологичным речевым действиям. Шутка как позитивная санкция используется при правильном поведении, правильном исполнении социальных и межличностных ролей. Согласно собранным примерам, шутка выражает одобрение стремления к какому-либо развитию, например, стремления к образованию, независимости, укреплению физической силы, или одобрение тактики движения к успеху, чьего-либо вклада в развитие отрасли, интереса к новым технологиям. Шутка одобряет стремление к супружеству и исполнение супружеских обязанностей, это одобрение многодетности, целомудренности, заботы о других, намерения вступить в брак, неревнивости/ревнивости, искренности в любви. Шуткой поощряют стремление к социальному контакту: застолям, теплым компаниям, кооперативности; гостеприимство, демократичность в общении, способность радоваться удаче других, примирение находящихся в конфликте, выражение симпатии, участия, дружбы. Шутка выражает одобрение твердости характера, самокритичности, намерения решительно действовать, готовности повоевать, сопротивления жизненным невзгодам, умения добиться своего, умения справиться с проблемами своими силами, решительности, храбрости, смелости, оптимизма, мужества. Шутка — положительная социальная санкция по поводу соблюдения социальной дистанции, субординации, партийной дисциплины, социальных норм, послушания. В шутке одобряются жизнестойкость, желание жить, хорошая жизненная форма, долгожительство, сопротивление болезни, соблюдение режима, здоровый образ жизни, занятия спортом, живучесть человека, проявление инстинкта самосохранения, оптимизм. Шутка — награда за инстинкт самосохранения, заботу о себе и других, сочувствие к чужим несчастьям, внимание к другим. Шутка одобряет положительные черты характера: любовь к животному миру, трудолюбие, соблюдение нравственных принципов, предусмотрительность, искренность, чистоплотность, талант, благодарность, стыдливость, скромность, патриотизм, терпимость к чужим недостаткам, необидчивость, симпатию к самому себе, щедрость, неревнивость, внимательность, наблюдательность, неханжество, увлеченность, преданность делу, находчивость. Наиболее частотным является употребление шутки как средства поощрения стремления к социальному контакту.

Шутка используется как негативная санкция за неисполнение супружеских обязанностей, знаки внимания замужней женщине со стороны другого мужчины, влюбчивость, выход замуж без любви, заботу о собственном благополучии ценой страданий ребенка, предоставление жене свободы полюбить другого мужчину, ревность, допущение супружеской измены, непостоянство в любви. Шутка может выступать как негативная санкция за нежелание социальных контактов, скрытность, конфликтность, неумение выйти из конфликта, боязливость, некооперативность, отсутствие заботы о людях, невнимание к другим и их проблемам, неотзывчивость, несоблюдение социальной дистанции, ведение беседы на непонятные другим темы. Шутка может быть негативной санкцией по поводу нытья, плаксивости, сентиментальности, изнеженности, большой потребности в отдыхе, несопротивления болезни.

Итак, шутка выступает в качестве и позитивной, и негативной неформальной санкции: позитивная поощряет слушающего за соблюдение им его социальных или межличностных ролей, негативные порицают за отсутствие такового поведения. Шутка позволяет регулировать социальные и межличностные отношения, выступая средством социального контроля, побуждая к соблюдению социальных ролей. Говорящий претендует на то, что шутка — экологичное речевое действие, слушающий может воспринять его и как экологичное, и как неэкологичное.

Классическим видом юмора З. Фрейд считал юмор висельников: ведомый на казнь в понедельник сетует, что простудится без шарфа. Существует два вида юмора: первый — это речевые действия юмора о себе, второй — о втором и третьем лицах. Первый вид (юмор₁) направлен на то, чтобы вызвать задержку чувства жалости, сострадания к себе у слушающего. Услышав юмор, слушающий смеется, потому что сэкономил на сострадании к сьюморившему: *А я, грешник, люблю кладбищенский юмор. Я, когда почтальоном работал, сам придумал себе надпись на могилке: «Ушел, не оставив адреса»* (Э. Радзинский. Старая актриса на роль жены Достоевского)*. Юмор₁ — это прямой речевой акт, в котором цель говорящего — вызвать задержку жалости, сострадания к себе у слушающего. Его основным индикатором является пропозициональное содержание высказывания, к которому он неожиданно для слушающего предсказывает свое положительное эмоциональное отношение. Второй вид юмора основан на садизме. Садизм — страсть к жестокости, наслаждение чужими страданиями. В такого рода юморе говорится о страданиях или поводе для них у вторых или третьих лиц. Это косвенный речевой акт. Его цель — вызвать у слушающего задержку сострадания, сочувствия к третьим лицам: — *Как я плохо получилась! А я в ответ: — Как в жизни! А она: — Это уже не смешно! И тут я впервые понял, что юмор — это дело ответственное,*

что должно быть чувство меры, и я прошел к ней в кабинет и попросил прощения (Р. Карцев. Малой, Сухой и Писатель)*. Первый вид юмора — экологичное речевое действие (З. Фрейд писал только о первом виде юмора). Второй вид юмора — неэкологичное.

Условия успешности юмора

Предварительные условия: 1) говорящий хочет избавить слушающего от сострадания, жалости к себе; 2) для говорящего очевидно, что для того, чтобы избавить слушающего от сострадания к себе, необходимо произвести речевой акт юмора; 3) поведение, которого говорящий добивается от слушающего, соответствует интересам говорящего и слушающего.

Условие искренности: говорящий хочет избавить слушающего от сострадания, жалости к себе.

Условие пропозиционального содержания: говорящий предсказывает неблагоприятной ситуации своё положительное эмоциональное отношение.

Существенное условие: говорящий пытается избавить слушающего от сострадания, жалости к себе.

Смех (комическое) тоже амбивалентен. Он направлен на косность в словах, способах действия, мышлении, поведении, обычаях, но и сам он может быть косным [Бергсон, 1914]. Смеются одни, по поводу того же самого плачут, огорчаются другие. Смеются не только над отрицательным, но и над новым, прогрессивным, чистым, непорочным, благородным и т.п. Смех может быть и экологичным и неэкологичным речевым действием.

Условия успешности смеха (комического)

Предварительное условие: 1) говорящий выражает эмоцию, он смеётся, чтобы прийти к душевному равновесию; 2) говорящий не может не выразить эмоцию.

Условие искренности: говорящий испытывает эмоцию.

Условие пропозиционального содержания: говорящий предсказывает ситуации свое актуальное чувство, испытываемое в момент речи; пропозициональное содержание может отсутствовать, высказывание состоит из одной иллокутивной цели.

Существенное условие: говорящий выражает свою эмоцию и приходит к душевному равновесию. «Наивное» — так З. Фрейд обозначил речевое действие, в котором ребёнок, наивный человек вызывают у слушающего смех своей наивностью. Условием наивного, по З. Фрейду, является знание слушающим того, что у человека, произносящего наивное высказывание, нет задержки стыда, благопристойности. В противном случае он назвал бы речевое действие не наивным, а сальностью [Фрейд,

2003, с. 175]. Слушающий принимает во внимание психическое состояние говорящего, мысленно переносится в такое же состояние, старается понять его [Там же, с. 179]. Те энергетические затраты, которые производятся нами для сохранения задержки в сальности, становятся ненужными, и это находит выход в смехе. При этом слушающий получает удовольствие так же, как третье лицо в остроте, не прилагая для этого никаких усилий. З. Фрейд приводит следующий пример наивного: «Брат и сестра, 10-летний мальчик и 12-летняя девочка, разыгрывают ими самими сочиненную пьеску перед аудиторией, состоящей из их дядюшек и тетюшек. Сцена изображает хижину на морском берегу. В первом акте оба поэта-артиста, бедный рыбак и его бойкая жена, жалуются на тяжелое время и плохие барыши. Муж решает уехать на своей лодке в далекое море, чтобы поискать богатства в другом месте. После нежного прощания супругов занавес падает. Второй акт изображает действие несколько лет спустя. Рыбак, став богатым человеком, вернулся с большой мошной и рассказывает жене, которую он застаёт ожидающей его перед хижинкой, о том, как повезло ему на чужбине. Жена гордо перебивает его: *А я в это время тоже не ленилась* и открывает его глазам хижину, в которой видны лежащие на полу двенадцать больших кукол, изображающие детей... В этом месте бурный смех прерывает артистов, которые не могут себе его объяснить. Мы осознаем, что смех вызван пониманием того, что жизненный опыт детей ещё настолько мал, что не позволяет им знать о происхождении детей и о том, что женщина не должна гордиться появлением потомства, рождённым ею в отсутствие мужа» [Там же, с. 176].

Хотя З. Фрейд описал наивное как нечаянную сальность (скабрзную остроту), не ставшую остротой, потому что ребёнок не знает, что в подобных случаях люди стыдятся и преодолевают стыд, он привёл ещё примеры наивного, которые являются несостоявшимися шутками, потому что ребёнок не видит, что он неправильно мыслит, пренебрегает логическими законами, проводит ложные аналогии, неправильно пользуется языком: «Девочка трёх с половиной лет предостерегает своего брата: *Не ешь столько, а то заболеешь и должен будешь принять Bubizin*. — *Bubizin?* — спрашивает мать. — *А что это такое?* — *Когда я была больна*, — оправдывается ребенок, — *я ведь должна была принимать Modizin (Modi — девочка, Bubi — мальчик)*. Ребенок считает, что ее лекарство называется Mddizin, потому что предназначено для девочки (Mddi), и решает, что лекарство для мальчика (Bubi) должно называться Bubizin» [Там же].

Итак, наивное у Фрейда — это то, что при других условиях могло бы стать скабрёзной остротой или шуткой (второго он не заметил). Наивное — это речевое действие, потерпевшее коммуникативную неудачу: говорящий квалифицирует его как вопрос, сообщение, хвастовство, а слушающий — как сальность или шутку.

Первый пример — это пример хвастовства, второй пример — пример асертива, вот пример вопроса: — *От неё на самом деле исходит злая энергия. У неё такое сильное биополе, что у меня, когда прохожу мимо, по спине мурашки прыгают.* — *А что такое мурашки?* — *наивно поинтересовался Коля.* — *У меня никогда не прыгали по спине мурашки.* — *А у меня прыгали!* — *захлопала в ладошки Катя-маленькая* (Ю. Азаров. Подозреваемый)*. Слушающий все три проиллюстрированных речевых действия квалифицирует как наивное.

Условия успешности наивного₁ (для говорящего это асертив)

Предварительные условия: 1) говорящий не обладает каким-то знанием, при наличии которого он бы не произвел данное высказывание; 2) для слушающего очевидно, что говорящий не обладает каким-то знанием, производя высказывание.

Условие искренности: 1) говорящий убежден, что его высказывание является истинным и уместным; 2) слушающему смешно, т. к. высказывание говорящего не является уместным, и он ощущает превосходство от своей большей информированности, чем у говорящего.

Условие пропозиционального содержания: говорящий предсказывает верифицируемую пропозицию, которая оказывается противоречащей законам бытия, здравому смыслу, положению дел в мире, существующим правилам, установлениям.

Существенное условие: 1) говорящий принимает на себя ответственность за истинность своего высказывания; 2) слушающий не воспринимает слова говорящего буквально.

Условия успешности наивного₂ (для говорящего это речевое действие вопроса)

Предварительные условия: 1) говорящий хочет обладать информацией; 2) говорящий полагает, что слушающий может предоставить ему эту информацию; 3) говорящий хочет, чтобы слушающий сообщил ему необходимую информацию; 4) слушающий не сообщит говорящему необходимую информацию, потому что говорящий не готов ее получить, или это опасно, или вопрос не уместен.

Условие искренности: говорящий не располагает какой-то информацией.

Условие пропозиционального содержания: говорящему кажется, что он в высказывании акцентирует неизвестное ему в известном.

Существенное условие: говорящий пытается получить информацию от слушающего.

Условия успешности наивного₃ (для говорящего это речевой акт хвастовства, т.е. речевой акт эмоционального воздействия)

Подготовительное условие: говорящий хочет изменить отношение слушающего к себе.

Условие искренности: говорящий хочет, чтобы его слова изменили поведение слушающего, чтобы последний больше ценил говорящего.

Условие пропозиционального содержания: говорящий ставит себе в заслугу сомнительные достижения.

Существенное условие: говорящий пытается продемонстрировать свои заслуги ради повышения оценки, выносимой ему слушающим.

Наивное — экологичное речевое действие с точки зрения говорящего и слушающего. Вопрос об экологичности / неэкологичности речевых действий в сфере эмотивного чрезвычайно сложный и требует учёта не только лингвистических, но и экстралингвистических факторов, прагматики не только говорящего и слушающего, но и третьего собеседника — арбитра, знающего, что такое добро и зло, где ложь и где истина [Бахтин, 1986, с. 322—323; Гусев, 1990, с. 77—78; Пазухин, 1979, с. 47—49; Труфанова, 2000, с. 37—40].

ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ ЭМОТИВНОГО КОМПОНЕНТА БИЗНЕС-КОММУНИКАЦИИ

А.И. Цой

Лингвоэкология — сравнительно молодая, но активно развивающаяся отрасль гуманитарного знания, в центре внимания которой находится вопрос о сохранении здоровья человека через пользование им языковыми средствами, т.е. терапевтическая функция языка и речи [Сковородников, 2012в и др.]. Данная проблема частично поднимается в науке о культуре речи [Сиротинина, 2009б], согласно которой понятие «хорошая речь» включает в себя некоторые параметры экологичного использования языка, а именно чистоту речи, эстетическую и этическую выдержанность. Однако границы изучения проблемы правильности (экологичности) языка расширяются. Так, лингвистами было установлено, что лингвоэкология изучает двойственную функцию языка: правильное его использование сохраняет язык и здоровье человека, неправильное пользование языком может раз-

рушать и сам язык, и здоровье коммуникантов (см. напр.: [Экология русского языка, 2012; Экология языка и речи, 2012]).

В связи с эмоционализацией и экспрессивизацией социума и проявлением речевой агрессивности во многих сферах общения, от бытовой до публичной и профессиональной, актуальность приобретает проблема правильного пользования эмотивными средствами языка. Очевидным является необходимость изучения вопросов эмотивной экологичности / неэкологичности тех или иных типов общения людей.

Ведущей идеей лингвистики эмоций является аксиоматичное утверждение о том, что любое человеческое общение эмоционально и, следовательно, эмотивно [Шаховский, 2008, 2010а]. Различные средства эмотивности функционируют в зависимости от целевых, мотивационных установок коммуникантов. Порой сиюминутные эмоции общающихся порождают неуместные аффективы *На хрен! Зараза! Да, это жопа, вообще! Да, хрен его знает!* и др. Подобные эмотивы можно рассматривать в качестве маркеров неэкологичной коммуникации, поскольку они не только загрязняют, засоряют нашу речь и обедняют культуру человеческого общения, но и способны отрицательно влиять на здоровье коммуниканта и наблюдателей коммуникативной ситуации.

В настоящей работе предпринимается попытка научно обосновать отрицательную терапевтическую функцию эмотивной неэкологичности общения людей из сферы профессионального бизнеса.

Как выявлено ранее, бизнес-коммуникация (далее БК) может быть не менее эмоциональной, чем бытовое и художественное общение [Цой, 2012], поскольку ведущим мотивом в бизнес-деятельности выступает стремление к материальному благополучию, обогащению, достижение которого всегда сопровождается соответствующим интересом и его эмоциональным переживанием в процессе коммуникации.

Несмотря на стилистическую ограниченность и стандартизированность БК, в современном обществе наблюдается тенденция к трансформации указанного типа общения из профессионального в разговорно-обиходное [Сердобинцева, 2011]. Психологические факторы речевой деятельности бизнес-коммуникантов наряду с их низкой культурой речевого общения приводят к обострению проблемы экологичности/неэкологичности использования эмотивов в деловой интеракции. Одним из речевых факторов, приводящих к неэкологичному использованию языка, является эмоциональный речевой перебив.

Анализ различных точек зрения лингвистов по вопросу определения понятия «перебив» позволил установить следующие важные для нашего исследования моменты. Во-первых, перебивы являются характерной чер-

той устной спонтанной речи. Они встречаются в любом типе дискурса (в юридическом, политическом, научном, педагогическом, медицинском, деловом и др.). Одним из факторов появления перебивов в общении является сама специфика устной речи. Необратимость речевого потока и одновременность процессов обдумывания и порождения речи обуславливают возникновение частых перебивов и самоперебивов [Колтунова, 2002, с. 72]. Процесс перебивания устной речи связан с процессом «накладывания реплик друг на друга» (overlapping), который рассматривается как одна из стратегий поддержания постоянства течения разговора: “Overlapping is a way to keep the conversation going without risking silence” [Tannen, 1990, с. 205].

Во-вторых, речевые перебивы выполняют различные функции в зависимости от типа дискурса. Известны регулятивная функция противодействующего плана в диалогической интеракции [Рыжов, 2003], деструктивное взаимодействие [Гапбаева, 2000, с. 161], реактивная функция, когда перебив рассматривается как ответ на произведенное прерывающее действие партнера в ходе смены коммуникативных ролей [Аристов, 2001, с. 142], тактическая функция в судебном дискурсе [Резуненко, 2007] и др.

В-третьих, изучение речевых перебивов переплетается с изучением категории вежливости устного общения. В отечественной литературе принято считать перебивание невежливым. Перебив — это сигнал некооперативной стратегии, нарушение правил коммуникативного поведения [Граудина, Ширяев, 2006]. В зарубежной литературе существуют несколько отличные мнения о соотношении перебивания с нормой вежливости в устном общении. Так, с одной стороны, перебивание или прерывание речи людей понимается как грубое вмешательство в речевую деятельность человека: “Human interruption is the process of coordinating abrupt change in people’s activities” [McFarlane, 1997, с. 65]. С другой стороны, перебивание может быть одной из форм позитивной вежливости: “Interruptions may even be a form of positive politeness. It can be a sign of cooperative joint formulation” [Waltereit, 2001, с. 13].

Многоаспектность и размытость границ изучения речевых перебивов объясняется сложностью и многогранностью устной диалогической коммуникации человека. Соглашаясь с представленными выше позициями лингвистов, добавим, что одной из важнейших функций речевых перебивов является эмотивная. Именно эмоции и чувства общающихся побуждают их перебивать друг друга. При этом возникновение вежливых и невежливых перебивов обусловлено эмоциональными состояниями коммуникантов, их мотивационной установкой в момент речи. В этой связи перебив можно рассматривать как результат эмоционального

состояния и чувственного отношения коммуникантов, отраженный в языке.

Для определения сущности отрицательной терапевтической функции эмотивной неэкологичности БК следует учитывать результаты психологических исследований в области перебивания общающихся друг друга. Понятие перебива в психологии связано с понятием потребности человека высказаться и быть услышанным. Указанная потребность является одной из важных социальных потребностей человека [Егидес, 2006, с. 20]. Она проявляется в любом типе устного непосредственного общения как в межличностном, так и в профессиональном взаимодействии: в дружеской беседе, в ходе дискуссии ученых, деловой беседы производственников и т.п. Перебивание собеседника есть результат несдержанности, которая, в свою очередь, обусловлена потребностью высказаться.

В психологии установлено, что модель устного общения, построенная на прерываниях речи, перебивании коммуниканта, является преобладающей, наиболее часто встречающейся [Павлова, 2000, с. 252]. Автор делает вывод, что и в разговорном общении российских предпринимателей малого бизнеса превалирует разговорный стереотип, в котором велика доля перебиваний и прерываний. Этот факт объясняется «отсутствием устойчивого имиджа коммерческих фирм, правовой нерегламентированностью деловых отношений» [Там же].

Несомненный интерес вызывает психологическое исследование И.В. Грошева. Перебивание рассматривается как одна из наиболее часто используемых тактик включения в разговор, выражается в излишней активности (агрессивности), «необоснованном захвате канала говорения» [Грошев, 1998, с. 26]. Процесс носит авторитарный характер, что выражается в стремлении перехватить инициативу в речи, в доминировании перебивающего.

Заслуживает внимания тезис о том, что перебивание имеет такие значения, как противопоставление, неуважение и самоутверждение. Человек, перебивающий коммуникативного партнера, оценивается как грубый, властный, склонный к соперничеству, подчиняющий себе собеседника [Там же], а значит, поведение его неэкологично с точки зрения норм культуры речи. Другими словами, перебивание способно вызвать негативные чувства и эмоции у окружающих, наблюдающих беседу. Это подтверждает нашу мысль о том, что оно порождает негативные эмоции не только у самих коммуникантов, но и у наблюдателей коммуникации, приводит к плохому самочувствию коммуникантов, к неприятным ощущениям у них, а значит, производит отрицательный терапевтический эффект.

Итак, перебивание определяется как эмоциональный процесс речевой деятельности. Оно может привести к эмоциогенности коммуникативной ситуации, а значит, и к эмотивной неэкологичности общения. Для подтверждения сказанного обратимся к практической части нашего исследования.

Следует оговориться, что бизнес — это разностатусная профессиональная деятельность. Мелкий, средний и крупный бизнес различаются с точки зрения характера коммуникации. Например, речевая интеракция сотрудников крупных влиятельных компаний будет значительно отличаться от общения мелких предпринимателей. Вопрос влияния статуса на проявление эмотивной неэкологичности профессионального общения также является недостаточно изученным.

Рассмотрим коммуникативные ситуации в сфере бизнеса, взятые методом сплошной выборки из реальной жизни и художественной литературы. Отметим, что в силу профессиональной этики фиксация некоторых ситуаций реального общения бизнесменов невозможна, поэтому мы прибегаем к художественной интерпретации делового общения.

Первый пример взят из реальной жизни. Разговор прораба строительной фирмы с бригадиром монтажников. Строительство дома затягивается.

Прораб: Здорово, пацаны! Ну, как дела? Все хватает?

Бригадир: Здорово! Да, пока вроде все есть.

Прораб: А что так медленно?

Бригадир: Так работаем же. Аккуратно хотим...

Прораб (раздраженно перебивает): Вон, вторая бригада уже заканчивает...

Бригадир (перебивает): А ты посмотри их работу и нашу...

Прораб (грубо перебивает): Никакой разницы я, бл...дь, не вижу. Нужно быстрее локтями шевелить...

Бригадир (перебивает): Может, ты тогда сам нам покажешь, как нужно локтями шевелить. Видишь, зима... Темнеет рано...

Прораб (перебивает): Если у вас руки из ж... растут, кто виноват? Жопорукие всегда ищут причину...

Бригадир (перебивает): Понабрал гастарбайтеров...

Прораб (перебивает): Ты в мои дела не лезь. Свою работу делай.

Бригадир (кричит, не слушая прораба): Я как гастарбайтер работать не буду по 24 часа. Как платите, так и работаем!

Прораб (кричит): Не нравится, забирайте инструменты и валите отсюда. Что думаете... Таких, как вы, полно! Одну стену два дня делаете...

Бригадир (перебивает): Ты расчет дай, сегодня же уедем.

Прораб: Пока не сделаете, ничего не получите...

Данный отрывок иллюстрирует перебивание партнерами по общению друг друга, что вызвано их отрицательными эмоциями и чувствами. Прораб недоволен медленным темпом работы, бригадира не устраивает низкая оплата. Социальный статус, индивидуально-личностные особенности собеседников в сочетании с низкой речевой культурой обуславливают нескончаемый поток перебивов, сопровождаемый руганью и матом. Письменная фиксация беседы не позволяет показать накладывание перебивов друг на друга. Фактически они говорят почти одновременно: перебив накладывается на перебив собеседника, при этом повышается голос, меняется интонация, характерны соответствующие кинесика и мимика. Непосредственное наблюдение данного диалога подтверждает, что эмоциогенность ситуации вызвала отрицательные эмоции и чувства у окружающих людей, т.е. наблюдателя, в частности жены прораба, которая находилась в машине неподалеку. Она была перепугана услышанным. Ее испуг эксплицируется фразой *Господи, да они сейчас подерутся!* Очевидно, что использование аффективов, в данном случае перебивов, ругани, мата, в профессиональном взаимодействии эмотивно неэкологично с точки зрения культуры делового общения.

Второй пример — фрагмент из детектива Т. Устиновой «Персональный ангел», в котором показана ситуация знакомства крупного бизнесмена Тимофея Кольцова с работниками пиар-агентства, наняемыми для агитационной работы: *Вся речь Приходченко выражала готовность служить верой и правдой.*

— *Разрешите представить вам Катерину Солнцеву. Она руководит в нашей компании службой специальных проектов, и ей нет в этом равных. Катерина разработала и провела всю PR-кампанию Друбича. Это был известный промышленник, желавший, чтобы о нем знали все его соотечественники. Еще без нас она работала в президентском штабе на прошлых выборах. Теперь мы полностью переключаем ее на этот проект и совершенно уверены, что...*

— *Большое спасибо, что встретились с нами, — оборвал его Кольцов. — К сожалению, время поджимает. Надеюсь, что мы поработаемся. — И медленно поднялся.*

Олигарх Кольцов грубо перебивает собеседника, явно демонстрируя ему свое социально-профессиональное (институциональное) превосходство и одновременно выражая нежелание продолжать беседу. Авторская ремарка «оборвал» эксплицирует сему грубости перебива. Отсутствие желания поддержать разговор можно объяснить некоторой степенью раздраженности бизнесмена чрезмерным заискиванием собеседника, его стремлением угодить и излишним восхвалением своих сотрудников.

Преобладание перебивов в речи людей с высоким социально-экономическим статусом объясняется психологически. Люди, более успешные в социально-экономическом отношении, чувствуют себя свободнее и увереннее в ходе беседы, поэтому и часто перебивают собеседников. Такой результат был получен в ходе проведенного психологического исследования влияния социального статуса на характер и частоту перебивания [Грошев, 1998, с. 29].

Итак, исследуя коммуникацию в сфере бизнеса, приходим к мнению, что в настоящее время в современных социокультурных условиях указанный тип общения в конфликтных ситуациях может быть маркирован эмотивной неэкологичностью: отсутствием эмоциональной толерантности, несоблюдением норм вежливости, пренебрежением стиливыми признаками делового общения и его этикой, что на практике реализуется в потоке перебивов, как односторонних, так и двусторонних.

Анализ различных коммуникативных ситуаций в сфере бизнеса показывает проникновение эмоциональности в речевое поведение бизнесменов независимо от статуса бизнеса и иерархической подчиненности его участников. Эмоционализация устной БК на речевом уровне порождает такое новое средство эмотивности, как речевой перебив. Последний может рассматриваться как маркер эмотивной неэкологичности БК. Отрицательная терапевтическая функция речевых перебивов в сочетании с другими аффективами убеждает в необходимости исследования и других аспектов эмотивной лингвоэкологии профессионального делового общения. Более того, эмотивная экологичность БК может являться экономической категорией, поскольку приобретение материальной выгоды или ее потеря напрямую зависят от способности коммуникантов применять лингвоэкологические знания в процессе БК.

ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИНОЯЗЫЧНОЙ НАУЧАЮЩЕЙ КОММУНИКАЦИИ

Е.К. Черничкина

Задача данной работы — уточнить специфику лингвоэкологического пространства иноязычной обучающей коммуникации. Актуальность сохранения, защиты языка как системы, соблюдение коммуникативных норм его экспликации, а также создание экологически благоприятных условий для самореализации коммуникативной личности как субъекта трансляции и развития лингвокультуры приобретают все более реальную значимость

на современном этапе. Это касается любого языка на нашей планете и любого коммуникативного пространства его использования. Рассмотрим лингвоэкологический аспект иноязычной обучающей коммуникации. Под иноязычной обучающей коммуникацией мы понимаем дидактически организованное общение, направленное на усвоение и активное использование иноязычного лингвокультурного кода и развитие коммуникативной компетенции формирующихся билингвов.

Специфика данного коммуникативного пространства, проявляемая в квазисности общения, метакоммуникативном характере интеракции и интердискурсивности содержания взаимодействия участников, позволяет наметить основные направления лингвоэкологической политики в отношении обучающей иноязычной коммуникации.

1. Защита языка (как родного, так и изучаемого иностранного)

Попеременное использование двух лингвокультурных кодов обязательно влечет за собой процессы диффузии, интерференции, трансформации, синергии на уровне языка и культуры, как постулируется теорией языкового взаимодействия [Карлинский, 1990, с. 93]. Особенно большую опасность для языка несут в себе процессы интерференции, которая носит национально обусловленный когнитивно-эмотивный характер. Важное значение для экологически функционального пользования лингвокультурным кодом имеет овладение навыками оперирования лексико-грамматическими структурами в соответствии с языковой нормой. На начальной стадии усвоения кода наибольшие ошибки, отклонения в речи искусственного билингва связаны с лексическими ошибками комбинаторного плана, когда иноязычное слово «пересаживается» в привычную ассоциативную систему отношений согласно схеме родного языка. Например, при переводе фразы *трамваи здесь ходят не так часто, как автобусы* типичной ошибкой для формирующихся билингвов является использование лексемы 'go' вместо 'run'. Это диктует необходимость тщательного отбора языкового материала преподавателем для учебной коммуникации, учета динамики коннотативных значений отдельных лексем, а также современных тенденций развития языка как живого организма.

Еще один аспект, требующий, на наш взгляд, рассмотрения в отношении защиты языка, — это своеобразное «выхолащивание» его на учебном занятии. Это касается даже не только адаптированного к уровню языковой успешности учащихся лингвокультурного кода, но и эмотивной недостаточности, «сухости» используемого в учебной аудитории языка. Наблюдения показывают, что лексико-грамматические структуры, входящие в обязательный активный минимум студентов, изучаю-

щих иностранных язык, большей частью являются эмоционально и стилистически нейтрально окрашенными, что увеличивает искусственность, формализованность межкультурного учебного общения и свидетельствует об определенном перекосе в сторону рациональности, отстраненности от эмоциональной сферы. Фрагментарное присутствие фразеологической лексики в вокабуляре искусственного билингва значительно обедняет живую коммуникацию, отдаляет «порог» аккультурации. В расширении эмотивного кода студентов через освоение эмоционально окрашенной лексики, фразеологизмов видится возможный путь развития их эмотивной компетенции и подготовки к реальной межкультурной коммуникации на основе «живого» языка.

Речь преподавателя, учителя является, как известно, эталоном для подражания, мерилom правильности. Однако зачастую на учебном занятии можно слышать речь преподавателя, представляющую собой неоправданное переключение кодов, смесь родного и иностранного языка, что усиливает элемент квазисности в учебном иноязычном общении и нарушает его лингвоэкологический баланс. Памятjа тезис М.М. Бахтина, что «все слова для каждого человека делятся на свои и чужие, но границы между ними могут смещаться, и на границах происходит напряженная диалогическая борьба» [Бахтин, 1975, с. 366], мы оцениваем и необоснованное появление иноязычных вкраплений в родной речи как нарушение лингвоэкологического барьера в «борьбе» используемых кодов. Например, ставшее уже привычным употребление английской кальки ‘OK’, лексемы ‘настоящий’, которая звучит естественно в английском предложении, но представляется излишним дополнением в русской фразе: *This catastrophe turned out to be a real disaster.* — *Эта катастрофа стала настоящим бедствием* и т.д. Однако вопрос защиты родного языка от нецелесообразных интерферирующих влияний требует особого рассмотрения и не входит в проблематику нашего исследования.

2. Защита культуры

Научающая иноязычная коммуникация представляет собой, согласно нашей гипотезе, модель межкультурного общения, реализуемую в формате педагогического дискурса, что означает своеобразный диалог культур на учебной площадке. Культурный контекст, как известно, является определяющим фактором коммуникации. Если культура манифестируется как результат интерпретации системы знаков, то межкультурная коммуникация — это взаимоперевод знаков различных культур [Клюканов, 1998]. Аксиоматично также, что коммуникативные категории, коммуникативное поведение, коммуникативные составляющие являются таковыми, какими они должны быть согласно культуре дан-

ного этноса, будучи детерминированными нормами и традициями этой культуры. Родная культура выступает тем фоном, который высвечивает культурологические и языковые отличия другой, что позволяет глубже осознать закономерности и специфику обеих культур. Бесспорным является утверждение, что на учебной площадке имеет место диалог культур, осуществляемый через призму индивидуальных культур преподавателя и студента. Но специфика обучающей иноязычной коммуникации в том, что индивидуальные культуры коммуникантов представляют общую родную культуру, в то время как иноязычная культура представлена не носителем языка и культуры, а выступает как некая абстракция, либо зафиксированная в языковом текстовом материале, либо персонифицируемая преподавателем. Достаточно часто можно наблюдать трансляцию студентами норм родной культуры на иноязычную коммуникативную ситуацию, реконструирующую типичную модель общения для изучаемой лингвокультуры, что, в конечном итоге, будучи повторено в реальной ситуации межкультурного общения, может привести к коммуникативному сбою, а иногда и к культурному шоку. Безусловно, корректирующая и направляющая роль в этом межкультурном общении принадлежит преподавателю как искусственному билингу высокого уровня, который выступает для студентов как элитарная коммуникативная личность, лингвистический эксперт, медиатор между студентами и иноязычной культурой. Однако преподаватель чаще всего не может достаточно достоверно судить об адекватности, «нормальности» усвоения и употребления языка студентами, в той мере, в какой это сделал бы носитель языка. Актуальным в связи с этим представляется вопрос о коммуникативной норме и нормальности коммуникативного поведения. Невозможно вести речь об универсальности коммуникативного поведения в рамках межкультурного общения. Нам импонируют позиция Л.В. Цуриковой в отношении разграничения понятий нормы и нормальности (правильности) и введение ею термина «норма ожидания» как базовой характеристики дискурса. Отрицая синонимичность данных понятий, она считает, что понятие «нормальность» шире, чем понятие «нормативность». Понятие правильности соотносится с «узким» значением понятия нормы. Излишняя правильность, как известно, выдает неаутентичность языковой личности, оторванность, отдаленность от «живого» языка. Оценка нормальности, естественности лежит совершенно в другой плоскости, чем оценка с позиции корректности: правильное может быть неестественным, слишком правильным [Цурикова, 2006, с. 11]. Одна из наиболее частотных коммуникативных ошибок иностранцев, по наблюдению Н.С. Новиковой, — ненатуральность и чрезмерная «литературность» [Новикова, 2006,

с. 350]. По ее мнению, необходимость аппроксимации нормы ожидания детерминируется тем, что в сознании коммуниканта есть модель мира, модель собеседника, модель языка общения, модель структуры диалога, модель себя как языковой личности [Новикова, 2006, с. 348]. Переход в общении на межкультурный формат, переключение кода требуют определенного переструктурирования этих моделей и соответствующих коммуникативных ожиданий. С точки зрения усвоения языка более удобным можно считать прескриптивный подход — диктат нормы, ограничение свободного варьирования для достижения эффективного запоминания; в то же время в целях аппроксимальной коммуникативной успешности следует знакомить формирующихся билингвов и с возможными вариантами коммуникативных моделей для сохранения и развития творческого начала в речевом общении. Приобретение коммуникативного опыта искусственным билингвом, согласно нашей гипотезе, возвышает его как коммуникативную личность в рамках родной культуры. «Примеряя» коммуникативные маски различных персонажей в ходе научающей коммуникации, формирующийся билингв постигает модели речевого поведения иноязычной культуры, тем самым расширяя репертуар возможных коммуникативных тактик и стратегий, которые достаточно гибко эксплицируются при общении и на родном языке. Владение коммуникативными стратегиями в соответствии с культурными традициями речевого поведения страны изучаемого языка, знание культурных прецедентов и реалий данного лингвосоциума гарантируют в определенной степени успешность реального межкультурного общения в будущем. Согласно разделяемому нами мнению Р. Ратмайр, успешная межкультурная коммуникация (МКК) предполагает четыре основных компонента: общие знания о культуре и законах коммуникации; специальные знания о конкретной культуре и конкретном иностранном языке; владение вербальными и невербальными стратегиями интеракции и общения; исходная психологическая установка (эмпатия и толерантность) [Ратмайр, 2004, с. 29]. Психологическая установка партнеров, как лингвоэкологический фактор успешной коммуникации, требует особого рассмотрения.

3. Защита эмоционального пространства коммуникантов

Поскольку любое общение интенционально направлено на передачу эмоционального и информационного посыла, можно утверждать, что коммуникативные партнеры находятся в когнитивно-эмоциональном лингвокультурном пространстве, взаимоконструируемом ими. Именно эмоциональный стержень любого типа коммуникации определяет ее эффективность.

Эмоциональное состояние речевых партнеров значительно влияет на смысло- и речепорождение со стороны адресанта и адекватное понимание сообщения адресатом. Эмоции могут усилить иллюкативность текста, т.к. «эмоциональный луч» высвечивает главную мысль сообщения, однако могут и существенно видоизменить первоначальный смысл посыла. К.Ф. Седов справедливо утверждал, что «мысль в ходе ее реализации в слове калечится, меняется до неузнаваемости» [Седов, 2004, с. 13]; развивая данное положение, следует признать, что одной из главных причин этого является эмоция; проходя через эмоциональную сферу, чувственную, биодинамическую ткань сознания, мысль может получить дополнения или измениться кардинально, и произойти это может как в начале (при порождении высказывания), так и в конце коммуникативной цепочки (в процессе интерпретации смысла). Таким образом, можно постулировать привязанность дискурсивного мышления к эмоциональному контексту. Даже понимание начинается на уровне эмоций, в начале интерпретационного процесса имеют место восприятие и соответствующая реакция на эмоциональное состояние партнера, и только затем происходит декодирование смысла на когнитивном уровне. Интерпретация полученной информации в большей степени касается эмоциональных проявлений, чем вербального выражения мысли. Иначе говоря, понимают не слова, а то, что стоит за ними — коммуникативную личность с ее эмоциями. Ложная интерпретация провоцирует и соответствующую неадекватную реакцию, что и ведет к коммуникативному сбою как результату эмоциональной интерференции коммуникантов. Разный эмоциональный настрой способствует разной точности понимания — реципиент воспринимает полученную информацию через свое эмоциональное поле, и его «эмоциональное эхо» не всегда отвечает ожиданиям адресанта.

Мы полностью согласны с признанием значимости эмоционального унисона как эмоционального движения коммуникантов навстречу друг другу, что, в свою очередь, стимулирует трансформационные процессы в когнитивно-эмоциональном поле каждого из них. В процессе общения происходят столкновение, взаимооткрытие, наложение двух когнитивно-эмоциональных пространств речевых партнеров. Чем больше точек соприкосновения между ними, тем вероятнее коммуникативный успех. Позволим себе высказать предположение, что успешность понимания в процессе речевого общения прямо пропорциональна степени сходства лингвокультурных когнитивно-эмоциональных пространств коммуникантов. Возникает вопрос: что же представляет собой когнитивно-эмоциональное пространство искусственного билингва в процессе научающей коммуникации — суммативную целостность или

автономное/сепаративное существование «ущербного», искусственно конструируемого инофонного когнитивно-эмоционального пространства, активируемого каждый раз при переключении кодов. Указанная проблема, по нашему мнению, является одним из дискуссионных вопросов концепции искусственного билингвизма и теории межкультурной коммуникации и не до конца изученным фактором успешности МКК.

К сожалению, следует признать, что на эмоционально-эмотивный аспект обращается еще слишком мало внимания на учебной площадке, а ведь, как известно, именно эмоциональность задает тональность общения и придает ему естественность [Шаховский, 2003]. Учет особой дидактической значимости эмоционального фактора при формировании коммуникативной личности искусственного билингва является существенным вопросом для лингвоэкологии. Эффективность этого процесса в немалой степени зависит от актуализации эмоциональной составляющей коммуникативной личности преподавателя.

Вспомним известный тезис В. Сухомлинского, который, на наш взгляд, особенно значим для практики преподавания иностранного языка: от знаний и эмоций учителя — к эмоциям и знаниям ученика. В научающей коммуникации большая роль уделяется эмоциональному полю преподавателя, его способности к эмотивным проявлениям и управлению как своими, так и чужими эмоциями. Именно эмоциональность, как доказывают лингвисты, создает коммуникативный комфорт и стимулирует творческую мыслительную деятельность. Умение создавать в учебном общении атмосферу коммуникативного оптимизма, конструировать эмоционально насыщенные ситуации квазимежкультурного общения, соблюдая разумный баланс между рациональным и эмоциональным в научающей коммуникации, выступает значимым фактором педагогической коммуникативной успешности и определяется степенью развития когнитивно-эмоционального компонента коммуникативной компетенции преподавателя.

Педагогический дискурс — это мощный эмоциональный фон коммуникации. Проявление эмоций при экспликации коммуникативного интенционально оформленного воздействия или же помимовольное выражение эмоций в качестве комплементирования, сублимации или отрицания (противоречия) вербального контекста является важной метакоммуникативной информацией, что приобретает особую значимость в научающем формате. Знание основных эмоциональных доминант на уровне их идентификации, а также средств их вербализации, эмотивной трансляции искусственными билингвами, речевыми партнерами является фактором успешности межкультурной коммуникации помимо общего эмоционального унисона коммуникантов. Правомерно в этой

связи говорить об эмотивно-эмоциональном коде как облигаторном конституенте лингвокультурного кода, которым необходимо овладеть, а также о соответствующей эмоциональной и эмотивной компетенциях как компонентах общей коммуникативной компетенции искусственного билингва.

Не менее значимым фактором эмоциональной аккумуляции является умение не только «считывать» эмоциональное состояние, но и вербализировать его. Следует признать, что эмоциональная палитра изучаемой лингвокультуры не находит еще своей адекватной вербализации при научении. Эмоциональная корреляция речевых партнеров межкультурной коммуникации — достаточно сложный феномен, в процессе которого происходит соединение эмоционально типичного (эмоциональные доминанты, которые являются национально маркированными для данной лингвокультуры, национальный эмоциональный дейксис) и индивидуального неповторимого (собственный эмоциональный стиль, индивидуальный эмоциональный дейксис). Эмоциональное поле научающей коммуникации представляет собой суммативное наполнение эмоциональных доминант родной культуры, стоящих за индивидуальным эмоциональным фоном искусственного билингва, а также эмоциональных доминант изучаемой лингвокультуры, представленных в аутентичном тексте или индивидуальном эмоциональном поле реального или воображаемого носителя языка. Все это пропускается через «эмоциональное сито» участников научающей коммуникации.

Защита эмоционального поля и обучаемого, и преподавателя от некорректной вербальной или невербальной реакции партнера во время учебного взаимодействия представляется одной из важных задач лингвоэкологии. «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется» — рефлексия данной цитаты приобретает особую актуальность, когда речь идет об освоении иноязычного кода. Словесные стимулы поощрения могут значительно повысить мотивацию к овладению иностранным языком как инструментом общения, стимулировать высказывание своего мнения, не боясь коррекции, «лингвистического унижения». Оказание эмоциональной коммуникативной поддержки — очень значимый фактор для дидактического обеспечения успешности иноязычной научающей коммуникации. Сокращение коммуникативной асимметрии, тактичность лингвокультурной коррекции коммуникативного поведения обучающихся, конструирование коммуникативных ситуаций, обеспеченных достаточной языковой поддержкой и вызывающих личностный интерес у студентов, — это только несколько вариантов развития лингвоэкологической политики в данном аспекте.

Иноязычная научающая коммуникация, как мы попытались показать, имеет достаточно много «болевых точек», профилактика которых связана с решением лингвоэкологических проблем, что еще раз подчеркивает значимость и своевременность появления лингвоэкологического направления исследования различных типов коммуникации.

МЕДИЙНАЯ НЕЭКОЛОГИЧНОСТЬ КАК СПОСОБ / СРЕДСТВО ДИФФАМАЦИИ АДРЕСАТА

В.И. Шаховский

Как говорили древние философы, ветру нельзя приказать, в какую сторону дуть. Язык, как и ветер, никого не слушается, поэтому борьба за чистоту русского языка есть всегда процесс, ограниченный законами жизни самого языка. Насильственное обращение с языком также невозможно. Тем не менее, вопреки приведенному утверждению, насилие над русским языком сегодня явно ощущается почти во всех сферах его функционирования. Современное языковое пространство все больше замусоривается через СМИ и псевдоискусство, вербализованное на общенациональном уровне, поэтому проблемы языковой и коммуникативной экологии все чаще обсуждаются в специальных исследованиях и газетных статьях не только филологами-лингвистами (Л.П. Крысин, Л.В. Рацибургская и др.), но и представителями других наук. В этих работах отмечается пассивность государства в его стремлении сохранить чистоту русского языка или хотя бы ослабить насилие, совершаемое над ним в СМИ (особенно в молодежном и в политическом дискурсах).

С другой стороны, сама жизнь *homo sentiens*, его коммуникативное поведение требуют, чтобы в языке все время появлялись слова, которые провоцируют его на новые ощущения. Это объясняется вечной жаждой экспрессии, свойственной *homo sentiens*. В наибольшей степени эта потребность характерна для речевого поведения молодежи с ее стремлением к экспрессивизации общения с представителями как своего поколения, так и людьми старшего возраста, склонностью к примитивной диалогизации общения, неспособностью к рациональным монологическим нарративам. Во многих публикациях отмечается, что современное состояние литературного языка характеризуется наложением на него слайдов вульгаризмов, гибридов, американизмов [Schakhowsky, Fink, Fijas, 2000], развитием процессов заигрывания с языком и смешения функци-

ональных стилей. И уже не так легко снять эти слайды, чтобы увидеть и услышать чистый и великий русский язык, о котором писал И.С. Тургенев.

Как неоднократно отмечалось нами, вначале была Эмоция. Она породила слово, сочетания слов породили предложения, соотнесенные с определенными жизненными ситуациями. Именно эмоции лежат в основе выбора обозначений для новых или высокочастотных контекстуальных понятий реалий нашего времени: *детское рабство, заказное убийство, торговля детьми, идентификация фрагментов трупов, фальшивые лекарства/продукты, шахидка, печальный груз, поддельные запчасти для самолетов, внезапный миллионер, СМИсители, положить лицом на асфальт, криминалитет, амнистия дачных участков, монетизация льгот, бомбист, сексуальные услуги, точечная бомбежка, период дожития, суверенный демократизм, регулируемая демократия, обманутые вкладчики, бандформирование, говорящие головы* (о телекомментаторах) и др.

Использование лексики глорификации, возвышающей человека-гражданина и его личную самооценку, должно быть одним из важнейших условий успешного общения государственной власти с гражданами страны. В общении СМИ с народом (электоратом и подростками) должна доминировать этическая составляющая. Хорошая речь (см.: [Хорошая речь, 2001]) коммуникантов — свидетельство этичного коммуникативного стиля, смысл которого состоит в повышении самооценки всех речевых партнеров, возвышении их языком, а не в унижении адресатов информацией. Читают ли будущим журналистам в вузах курс валеологии, учат ли антиципации и пониманию того, как их слова будут отзываться в душах и умах читателей и слушателей, какие эмоции и какие общественные настроения могут формироваться и доминировать в обществе благодаря языку СМИ? Если журналистов в вузах учат бережному отношению к языку и объясняют им, что народ, не сохраняющий его чистоту, утрачивает полноту корня, то почему так цинично изошряются они в расшатывании норм литературного языка, в гибридации его форм (*ремейково, менеджерша, френдовый* и т.п. [Шаховский, 2002]). Вместо формирования позитивного психологического поля в языковом сознании россиян они вызывают и закрепляют за вербализованной информацией отрицательные ассоциации, которые, концентрируясь в *ratio* и *emotio*, приводят к негативизации языковой картины у носителей языка, неуважению ими своей родины. Языкознание и валеология тесно связаны, т. к. здоровый язык означает нравственное здоровье говорящего на нем человека и страны в целом. Здоровье нации невозможно без здоровой экологии языка.

Свобода слова в экспрессивизации через публичный мат, гибриды и другие словообразовательные и преобразовательные «уродцы» открыла шлюзы для засорения русского языка, а через него — и общественного сознания. Особенно много мусора в реалисти- и ток-шоу, в частности, «Дом-2», в недавнем прошлом — «Окна», в которых молодежь особенно изощряется в пошлых анекдотах, в текстах многих молодежных хитов: *Хочешь, я убью соседей, что мешают спать...*; *Ты и покрашенная страшная, и не покрашенная...*; *Я знаю три слова — три матерных слова...*; *Ты отказала мне два раза; ... Вот какая ты зараза...*; *Я беременна, но это временно...*; *Ты целуй меня везде, я ведь взрослая уже...*; *Может, дам, что ты хошь...* и др. Школьники, которые сегодня практически не читают произведений классической и современной художественной литературы и смотрят не художественные фильмы, а только низкопробные видео: блокбастеры, триллеры, порно (а их создатели не утруждают себя грамотной русской речью), — не сумеют выйти из узкого круга своего языкового сознания, не смогут возвыситься в своих чувствах и эмоциях. Некоторые писатели и публицисты по моделям СМИ тоже используют негативные номинанты для описания явлений современной жизни, социальных событий, фактов. Даже театры, особенно частные, нередко снимают с себя задачу нести благие вести через Слово. Глобализация через Интернет и мобильные тексты, обилие американизмов и их гибридов, с одной стороны, интеллектуализируют русский язык, а с другой стороны, примитивизируют и эмоционально снижают его. Рядовые пользователи языка с удовольствием порождают окказионализмы, неологизмы с доминирующей негативной семантикой: *подворовывать*, *депрессняк*, *толпарь*, *торчок* и т.п. Таким образом, современное коммуникативное пространство формирует поле негативной психознергетики.

Под влиянием негативной психознергетики, затеняющей своими слайдами национально-культурную специфику русского литературного языка, закреплённую генетически в русском языковом сознании через родовую память, нарушается межпоколенная связь, а значит, рождаются поколения иванов, не помнящих своих корней и родства. Это не может не привести к изменению русского менталитета, ложному когнитивному и коммуникативному поведению (наглядный пример — поведение Ф. Киркорова на пресс-конференции, спровоцированное представительницей СМИ). Лингвисты обязаны об этом говорить и предупреждать о реальности подобной угрозы.

На вопрос английской исследовательницы Дж. Эйтчисон «Языковое изменение — это прогресс или упадок?» (см. подробнее: [Шаховский, 1998]) можно с уверенностью ответить следующее: процесс дери-

вации (развития) русского языка способствует его прогрессу, даже в случаях его негативного изменения прогресс неизбежен, неизбежно и развитие [Шаховский, 2002], например, достаточно точные и лаконичные новообразования, вошедшие в речевой оборот: *оборотни в погонах, выборы на крови, бомбист, регулируемая демократия, «генацвалить» с больной головы на здоровую, словесные протезы* и др.

Во многих случаях нельзя обойтись без заимствований, т. к. они не вполне эквивалентны близким по значению исконным словам (*спонсор — благотворитель*) или обозначают новые для нас реалии: *консенсус, бартер, имидж, стагнация, тендер, транш, киднепинг, киллер, дистрибьютер, риэлтер, дилер, спонсор* и др. Словесная игра с заимствованными единицами — яркая примета нашего времени и свидетельство креативных возможностей языка. Однако в привлечении иностранных слов, в том числе и в языковой игре, также необходимы соразмерность, уместность и знание дела. Например, использование многочисленных новообразований в молодежном сленге, который представляет собой особый тип адаптации американизмов к русской лингвокультуре, потенциально является началом действия сложных языковых механизмов, происходящих в системе функционирующего языка. Появившись в игровом облике, сленгизм сразу активно вступает в систему словоизменения русского языка, включается и механизм вторичных дериваций: *герла — герленый, герлица, герлуха, герлушка, герловы; дринк / дринч (спиртные напитки) — дринкач, дринк-команда, дринчать, дринкать, выдринкать, задринчать, удринчаться, надринчаться, дринкованный, надринкованный, надринчанный, дринканутый; криминальный — криминал, криминалитет, криминализованный, криминирующий; попса — попсово, попсовики, поп-история, поп-арт, поп-патриотизм* и др. (см. подробнее: [Шаховский, 1998]). Немало в современном языковом пространстве новых заимствований, которые дублируют давно существующие в русском языке слова или литературные варианты словосочетаний, передавая их значения в сниженной форме: *банковская зачистка, силовик (силовики), льготник, бюджетник, минималка, порешать (проблему, вопрос), факсануть (ксерануть), социалка, опознавательные знаки языкового сознания и речевого поведения, миру грозит грипповое изнасилование, подвизжка, нагрузить, загрузить, перезагрузка*. Употребление иностранных слов иногда приводит к излишней детализации высказывания, его избыточности. Кроме того, не все иностранные слова ясны в употреблении и восприятии, непонятными в своем значении порой оказываются слова, предназначенные для самых широких масс: *шопинг, шейпинг, допинг, драйв, блогер, триллер, прайз, билдинг* и др. Параллели лексики в языке-источнике не всегда прояс-

няют дело, т. к. в процессе заимствования нередко происходят преобразование смысла, приспособление иностранного слова к российской действительности. Не случайно поэтому массированное использование заимствованных слов современными СМИ часто вызывает негативную реакцию носителей языка и озабоченность ученых, например, названия программ и жанров ТВ и радио, зачастую перенасыщенные англицизмами: «*Шоу еды*», «*Шейп-шоу*», «*Ток-шоу*» и др.

К. Паустовский писал: «Человек, равнодушный к родному языку, — дикарь, он вредоносен по самой своей сути, потому что его безразличие к языку объясняется полнейшим безразличием к прошлому, настоящему и будущему народа» [Паустовский, 1972, с. 15]. Единый русский язык делает россиян соотечественниками, а тот факт, что младшее и старшее поколения используют разные его варианты, разрушает их соотечественность, ведет к столкновению видов мышления, сознания и поведения. Не формирует ли сложившаяся языковая ситуация в России новый коммуникативный стиль как жанрообразующий фактор? Не может ли это быть угрозой национальной безопасности России, ибо порывает связь народа с его историей?

Таким образом, негативные социальные факторы (ежедневные несчастные случаи, происшествия и трагедии), их естественное и тенденциозное имянаречение в СМИ как языковой фактор, концентрация негативных эмоций и их трансляция обывателю как журналистский прием, порой искажение и смакование фактов в их интерпретации формируют и навязывают получателям информации негативную реакцию на нее. Но если у старшего и среднего поколений это вызывает неприятие информации, осуждение, возмущение, протест против такого речевого поведения СМИ, то молодое поколение России считает, что тот язык, который они слышат вокруг себя и которым пользуются сами, и есть естественный русский язык. Это, по нашему мнению, и вызывает острую необходимость повышения экологичности климата общения СМИ с их пользователями.

Л и т е р а т у р а

- Александрова З.Е.* Словарь синонимов русского языка. — М.: Рус. яз., 1986.
- Амири Л.П.* К вопросу о лингвистической экспертизе текстов рекламной коммуникации // В мире научных открытий. — Красноярск: Изд-во «Научно-инновационный центр», 2011. — № 4.1 (16). — С. 611—618.
- Амири Л.П.* Прецедентные рекламные тексты, или рекламный дискурс как источник прецедентности в современной языковой ситуации // Учен. зап. Таврического нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер.: Филология. Социальные коммуникации. — Т. 24 (63). № 2. Ч. 3. — Симферополь, 2011. — С. 186—193.

Амири Л.П. Феномен иноязычности в текстах современной рекламной коммуникации как способ стилиобразования и создания экспрессивности // Науч. вестник Воронеж. гос. арх.-строит. ун-та. Сер.: Совр. лингв. и метод.-дидакт. исследования. — 2011. — № 16. — С. 53—64.

Аристов С.А. Прагмалингвистическое моделирование мены коммуникативных ролей: дис. ... канд. филол. наук. — Тверь, 2001.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. — М.: Яз. рус. культуры, 1999.

Архимандрит Тихон (Шевкунов). «Несвятые святые» и другие рассказы. — М.: Изд-во Сретенского монастыря: «ОЛМА Медиа Групп», 2012.

Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989.

Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. — М.: Флинта, 2007.

Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие. — 2-е изд. — М.: Флинта: Наука, 2009.

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетического исследования разных лет. — М.: Худож. лит., 1975.

Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1986. — С. 279—325.

Бегун В.В. Пошлость и «наивный цинизм» как деструктивные качества журналистского текста // Этика речевого поведения российского журналиста. — СПб.: Астерион, 2009. — С. 167—193.

Безуглая Л.Р. Прагмалингвистическая концепция И.П. Сусова. Лингвистическая прагматика. — Винница: Нова Книга, 2009. — С. 251—255.

Бергсон А. Смех // Собр. соч. — Т. 5. — СПб.: Изд. М.И. Семёнова, 1914. — С. 96—206.

Бернацкая А.А. О трех аспектах экологии языка // Вестн. КрасГУ. Сер.: Гуманит. науки. — 2003. — № 4. — С. 32—38.

Биндюков И.В. Классификация составов языковых правонарушений. — Юрислингвистика-6: юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. — С. 197—200.

БТС — Большой толковый словарь / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 1998.

Вакулова Е.Н. Экспансия латиницы — языковая игра или нарушение языковой экологии? // Русский язык: исторические судьбы и современность: сб. тр. IV Междунар. конгресса исследователей рус. языка / сост. М.Л. Ремнева, А.А. Поликарпов. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. — С. 463—464.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ. — М.: Рус. словари, 1996.

Влияние слова [Электронный ресурс]. — URL: <http://smilanets.com/vliyanie-slova/>

Волошинов В.Н. Антропололингвистика: избр. тр. — М.: Лабиринт, 2010.

Волошинов В.Н. Отчет о работе в ИЛЯЗВе аспиранта В.Н. Волошинова за 1927—1928 гг. // Valentin Nikolaevii Vololnov. Marxisme et Philosophie du

Langage / Ёditorial bilingue traduite du russe par Patrick S riot et Inna Tulkowski-Ageeva. — Limoges: Lambert-Lucas, 2010a. — P. 478—517.

Выготский Л.С. Психология искусства. Анализ эстетической реакции. — М.: Лабиринт, 1997.

Гак В.Г. Языковые преобразования. — М.: Яз. рус. культуры, 1998.

Галяшина Е.И. Лингвистика vs экстремизм. В помощь судьям, следователям, экспертам / под ред. проф. М.В. Горбаневского. — М.: Юридический Мир, 2006.

Галяшина Е.И. Лингвоконфликтология: сб. метод. материалов. — М.: ИСЭ МГЮА, 2007.

Гапбаева З.Т. Психолингвистический анализ специфических особенностей осетинского диалога: дис. ... канд. филол. наук. — Владикавказ, 2000.

Голев Н.Д. Правовое регулирование речевых конфликтов и юрлингвистическая экспертиза конфликтотенных текстов // Юрлингвистика: проблемы и перспективы: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000а. — С. 6—11.

Голев Н.Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема // Юрлингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000б. — С. 8—40.

Горбаневский М.В. Об ответственности за слово // Рус. речь. — 2007. — № 1. — С. 69—74.

Грауина Л.К., Ширяев Е.Н. Культура русской речи: учебник для вузов. — М.: Изд-во «Норма», 2006.

Григорьева Т.М. Латиница против кириллицы и vice versa // Кириллица — латиница — гражданица: кол. моногр. / отв. ред. Т.В. Шмелева. — Вел. Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2009. — С. 136—151.

Грошев И.В. Проявление половых различий в общении и склонности перебивать собеседника // Вестн. Тамб. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. — 1998. — № 2. — С. 26—33.

Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. — М.: Изд-во МГУ, 2003. — С. 141—161.

Гудков Д.Б., Скороходова Е.Ю. О русском языке и не только о нем. — М.: Гнозис, 2010.

Гусев С.С. Третий собеседник // Логика, психология и семиотика. Аспекты взаимодействия: сб. науч. тр. — Киев: Наук. думка, 1990. — С. 70—81.

Гусейнов А.А. Этика. — М.: Гардарики, 2004.

Гусейнов Г.П. Ложь как состояние сознания // Вопр. философии. — 1989. — № 11. — С. 94—86.

Графова Т.А. Смысловая структура эмотивных предикатов // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. — М.: Наука, 1991. — С. 67—98.

Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. — М.: Прогресс, 1989.

Евангельский синопсис: учеб. пособие для изучающих Священное Писание Нового Завета / гл. ред. прот. Владимир Воробьев. — М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2006.

Егидес А.П. Психология синтонного общения. — 2006 [Электронный ресурс]. — URL: <http://nkozlov.ru/library/psychology/d385/>.

Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. — С. 194—206.

Жельвис В.И. Поле брани: сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. — М.: Ладомир, 2001.

Жура В.В. Дискурсивная компетенция врача в устном медицинском общении: моногр. — Волгоград: Изд-во ВолГМУ: ООО «Дарко», 2008.

Зализняк А.А. О семантике щепетильности: обидно, совестно и неудобно. Концепт обиды в русской языковой картине мира / А.А. Зализняк // Многозначность в языке и способы ее представления. — М.: Яз. славян. культуры, 2006. — С. 273—285.

Знаков В.В. Классификация психологических признаков истинных и неистинных сообщений в коммуникативных ситуациях // Психологический журнал. — 1999. — № 2. — С. 54—65.

Иванова Е.С. Возможности методики «Словарь эмоций» для диагностики и развития эмоциональной сферы // Психологическая диагностика. — 2008. — № 1. — С. 101—112.

Ильинова Е.Ю. Эколингвистический модус событийности в пространстве массмедийного дискурса // Вестник ВолГУ. Сер. 2. Языкознание. — 2010. — № 2 (12). — С. 168—176.

Ильцова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. — М.: Флинта, Наука, 2009.

Ионова С.В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема: дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 1998.

Ионова С.В. Основные направления эколингвистических исследований: зарубежный опыт // Вестник ВолГУ. Сер. 2. Языкознание. — 2010. — № 1—11. — С. 86—93.

Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем. — Киев: София, 2003.

Кара-Мурза Е.С. В помощь редакторам: лингвисты-эксперты о предвыборной информации и агитации // Обреченные на неминуемость? СМИ в период выборов: законы, комментарии, рекомендации. — М.: ФЗГ, 2003. — С. 119—152.

Кара-Мурза Е.С. Язык рекламы в нормативно-стилистическом аспекте // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. — 2008. — № 4. — С. 55—61.

Кара-Мурза Е.С. «Дева Обида» политического дискурса: речевые преступления в парадигме лингвистической эмотиологии // Современная политическая лингвистика: проблемы, концепции, перспективы: сб. науч. тр. — Волгоград: Изд-во ВПГУ «Перемена», 2009. — С. 253—271.

Кара-Мурза Е.С. Лингвоконфликтология как дисциплина, изучающая деструктивный модус общения // Человек в информационном пространстве: межвуз. сб. науч. тр. — Ярославль: ЯГПУ, 2010. — Вып. 2. — С. 117—124.

Кара-Мурза Е.С. Лингвоконфликтология: основные понятия и вузовские варианты // Журналистика и культура русской речи: науч.-практ. журн. — М.,

2011. — № 2 (58). — С. 64—79; Продолжение. № 3 (59). — С. 54—73; Заключение. № 4 (60). — С. 64—83.

Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. — М.: Гнозис, 2010.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. — М.: Наука, 1987.

Карлинский А.Е. Основы теории взаимодействия языков. — Алма-Ата: Гылым, 1990.

Кибрик А.А. Дискурсивная таксономия и медийный дискурс // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / под ред. М.Н. Володиной. — М.: Академ. Проект, 2011. — С. 79—85.

Клемперер В. ЛТИ. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога / пер. с нем. А.Б. Григорьева. — М.: Прогресс-Традиция, 1998.

Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста. — М.: Медиа Мир, 2008.

Клюканов И.Э. Динамика межкультурного общения: системно-семиотическое исследование: моногр. — Тверь: Твер. гос. ун-т, 1998.

Козьма М.П. Подтекст как вторичная моделирующая система (на материале художественных произведений английских и американских писателей): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Самара, 2008.

Колесов В.В. Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра. — СПб.: Юна, 1998.

Колтунова М.В. Язык и деловое общение: нормы, риторика, этикет: учеб. пособие для вузов. — М.: Экон. литература, 2002.

Кон И.С. Маскулинность в меняющемся мире // Вопр. философии. — 2010. — № 5. — С. 25—35.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. — М.: Педагогика-Пресс, 1994.

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? — М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.

Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. — 2-е изд. — М.: Знак, 2009.

KPP — Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. — М.: Флинта: Наука, 2003.

Крысин Л.П. Иноязычное слово в роли эвфемизма // Рус. яз. в школе. — 1998. — № 2. — С. 71—74.

Купина Н.А. Тоталитарный язык. Словарь и речевые реакции. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Пермь: ЗУУНУ, 1995.

Лебон Г. Психология народов и масс. — СПб.: Макет, 1995.

Лихачев Д.С. Экология культуры // Прошлое — будущему. — СПб.: Наука, 1985. — С. 50—62.

Лотман Ю.М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // Труды по знаковым системам. — Тарту, 1973. — Вып. 6. — С. 227—243.

Лоуэн А. Депрессия и тело. — М.: Эксмо-Пресс, 2003.

Луман Н. Медиа коммуникации / пер. с нем. — М.: Логос, 2005.

Макклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. — 3-е изд. — М.: Кучково поле, 2011.

Мальшиева Е., Романов А. Тактильная коммуникация в диалоге (вербально-кинестетический аспект). — Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012.

Матурана У., Варелла Ф. Древо познания: биологические корни человеческого понимания / пер. с англ. Ю. А. Данилова. — М.: Прогресс-Традиция, 2001.

Менегетти А. Учебник по мелолитике / пер. с ит. — М.: ННБФ «Онтопсихология», 2002.

Месьюк В.С., Мамченко А.А. Цикл трансформации когнитивного субъекта. Субъект, среда, контент // *Вопр. философии.* — 2010. — № 10. — С. 67—80.

Михельсон М.И. Русская мысль и речь. — Т. 2. — М.: Терра, 1994.

Морозова О.Н. Дискурс согласия в диалогическом пространстве. — М.: Ин-т языкознания РАН, 2005.

Морозова Е. ВИЧ-инфекция — это смертельный приговор [Электронный ресурс]. — URL: medportal.ru>Будь здорова>health/459.

Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры: терминологический словарь. — Ростов н/Д.: Феникс, 2007.

Негрышев А.А. Новости в прессе: к моделированию макротекстовой структуры // *Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке* / под ред. М.Н. Володиной. — М.: Акад. Проект, 2011. — С. 86—92.

Новикова Н.С. Лингвистические проблемы межкультурной коммуникации и формирование коммуникативной компетенции // *Коммуникация и конструирование социальных реальностей: сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф. «Коммуникация-2006»* / отв. ред. О.Г. Филатова. — СПб.: Роза мира, 2006. — Ч. 2. — С. 345—356.

Нушикян Э.А. Типология интонации эмоциональной речи. — Киев; Одесса: Вища. шк., 1986.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. — М.: ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2003.

Павлова Н.Д. Коммуникативная функция речи: интенциональная и интерактивная составляющие: дис. ... д-ра психол. наук. — М., 2000.

Пазухин Р.В. Язык, функция, коммуникация // *Вопр. языкознания.* — 1979. — № 6. — С. 42—50.

Паустовский К. Наедине с осенью. — М.: Сов. писатель, 1972.

Пинкер С. Язык как инстинкт. — М.: Едиториал УРСС, 2004.

Пиотровская Л.А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования (на материале русского и чешского языков). — СПб.: СПб ГУ, 1994.

Полонский А.В. Региональный формат медийного дискурса // *Трансформация систем СМИ в современном мире.* — М.: Фак. журналистики МГУ, 2010. — С. 446—447.

Правовые и этические нормы в журналистике / сост. Е.П. Прохоров. — М.: Аспект- Пресс, 2007.

Ратмайр Р. Межкультурная прагматика: стратегии общения с «чужим» на примере немецко-русских совпадений и различий некоторых стереотипов коммуникативного поведения // *Вопр. филологии.* — 2004. — № 1. — С. 29—32.

Рацибургская Л.В. Уникальные части в заимствованных словах // *Рус. яз. в школе.* — 1995. — № 1. — С. 73—76.

Резуенко М.Ф. Стратегии и тактики речевого поведения судей, государственных обвинителей и адвокатов в судебно-процессуальном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. — Ставрополь, 2007.

Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. — М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988.

Романов А.А. Политическая лингвистика. Функциональный подход. — М.: Ин-т языкознания РАН, 2002.

Романов А.А. Языковой портрет политика в суггестивной парадигме // *ARS LINGUISTICA. К 75-летию проф. Ивана Павловича Сусова: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. проф. А.А. Романов.* — М. — Тверь: Ин-т языкознания РАН, ТвГУ, 2002а. — С. 23—30.

Романов А.А. Дискурс-анализ как метод междисциплинарного описания феномена справедливости в социальной коммуникации // *Проблемы тверской науки и образования.* — Тверь: Агросфера, 2008. — С. 206—209.

Романов А.А. Лингвоэкологический подход к профилактике вербальной агрессии в профессиональной среде // *Психология управления в современной России: теория, эмпирические исследования, практика: материалы Междунар. науч.-практ. конф.* — Тверь: Ин-т психологии РАН, ТвГУ, 2010. — С. 78—85.

Романов А.А., Костяев А.П. Агрессивный дискурс в профессиональной коммуникации. — Тверь.: ТвГУ, 2011.

Романов А.А., Морозова О.Н., Носкова С.Э. Quo vadis, Deutsch? Разговор с изучающим современный немецкий язык. — Тверь: Агросфера, 2007.

Романов А.А., Немец Н.Г. Дискурс утешения: лингвopsихологический анализ. — М.; Тверь: Ин-т языкознания РАН, ТвГУ, 2006.

Романов А.А., Новосёлова О.В. Психосемантика угрозы в политической коммуникации // *Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер.: Педагогика и психология.* — 2012. — № 15. — С. 6—16.

Романов А.А., Романова Л.А. Притяжение перформатива. Очерки по теории перформативности от Дж. Л. Остина до наших дней. — М. — Тверь: Ин-т языкознания РАН, «Агросфера», 2009.

Романов А.А., Романова Л.А. Медиальная природа эмотивного дискурса в коммуникации // *Языковой дискурс в социальной практике: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф.* — Тверь: ТвГУ, 2011. — С. 217—230.

Романов А.А., Романова Л.А., Носкова С.Э. Коммуникативный статус интеръективного дискурса малых форм // *Художественный текст в диалоге культуры: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. Году Пушкина в Казахстане. 4—6 окт. 2006 г.: в 2 ч.* — Алматы: Казак университеті (Казахский национальный университет имени Аль-Фараби), 2006. — Ч. 2. — С. 77—89.

Романов А.А., Сорокин Ю.А. Вербо- и психосоматика: две карты человеческого тела. — М.: Ин-т языкознания РАН, 2008.

Романова Л.А. Структурно-семантические аспекты композитных перформативов в функциональной парадигме языка. — М.: Ин-т языкознания РАН, 2009.

Рыжков В. Россия — рай для чиновников // *Совершенно секретно.* 2004. 1 сент.

- Рыжов С.А.* Функционально-семантические свойства интеррогативных реплик в динамической модели диалога: дис. ... канд. филол. наук. — Тверь, 2003.
- Санников А.В.* Понятия достоинства и смирения // Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю.Д. Апресян. — М.: ЯСК, 2006. — С. 405—470.
- Седов К.Ф.* Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. — М.: Лабириг, 2004.
- Сердобинцева Е.Н.* Законы общей экологии и язык // Экология русского языка: материалы I Всерос. науч. конф. — Пенза: Изд-во Пенз. гос. пед. ун-та им. В. Г. Беллинского, 2008. — С. 8—13.
- Сердобинцева Е.Н.* Профессиональная лексика русского языка: структурно-семантический, функционально-стилистический и когнитивный аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2011.
- Сиротинина О.Б.* Разговорные типы речевой культуры и хорошая речь // Хорошая речь / под ред. М. Л. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. — 3-е изд. — М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009а. — С. 241—245.
- Сиротинина О.Б.* Основные критерии хорошей речи // Хорошая речь / под ред. М.Л. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. — 3-е изд. — М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009б. — С. 16—29.
- Сквородников А.П.* Об экологии русского языка // Филологические науки. — 1992. — № 5—6. — С. 104—111.
- Сквородников А.П.* Лингвистическая экология: проблемы становления // Филологические науки. — 1996. — № 2. — С. 42—49.
- Сквородников А.П.* К становлению системы лингвоэкологической терминологии // Речевое общение: специализированный вестник / Краснояр. гос. ун-т. — Красноярск, 2000. — Вып. 3 (11). — С. 70—78.
- Сквородников А.П.* О системном описании понятия «стилистическая фигура» // Рус. речь. — 2002. — № 4. — С. 62—67.
- Сквородников А.П.* Лингвистическая экология // Культура русской речи: энцикл. словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сквородникова, Е.Н. Ширяева и др. — М.: Флинта: Наука, 2003. — С. 293—296.
- Сквородников А.П.* Об определении понятия «языковая игра» // Игра как приём текстопорождения: кол. моногр. / под ред. А.П. Сквородникова. — Красноярск: Сиб. фед. ун-т, 2010. — С. 50—62.
- Сквородников А.П.* Амплификация как стилистический приём // Человек, язык и текст. К юбилею Т.В. Шмелёвой. — Вел. Новгород: Новгор. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2011. — С. 98—105.
- Сквородников А.П.* Этико-речевая компетенция // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А.П. Сквородникова. — Красноярск: Изд-во Сиб. фед. ун-та, 2012а. — С. 796—799.
- Сквородников А.П.* Буквализация метафоры или буквализация тропа? // Русская речевая культура и текст: материалы VII Междунар. науч. конф. (16—18 мая 2012 г.) / под ред. проф. Н.С. Болотновой. — Томск: Изд-во Том. ЦНТИ, 2012б. — С. 63—68.

Сковородников А.П. Экология современного русского языка и роль средств массовой информации в этом процессе (тезисы). — 2012в. [Электронный ресурс]. — URL: <http://gazeta.sfu-kras.ru/node/307>.

Солодовникова Н.Г. Экологичность коммуникативной коммуникации (на материале предвыборных креолизованных газетных текстов): дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2010.

Солодовникова Н.Г. Экология эмоций человека как валеологический фактор // Экология русского языка: материалы 2 (4)-й Междунар. науч. конф. — Пенза: Изд-во Пенз. гос. пед. ун-та им. В.Г. Белинского, 2011. — С. 178—184.

Сорокин Ю.А. Нужна ли нам эколингвистика? // Мир лингвистики и коммуникации. — 2006. — Т. 1. — № 3. — С. 92—95.

СРЯ — Словарь русского языка в четырех томах. — М.: Рус. язык, 1980. — Т. 4.

СС — Словарь синонимов / под ред. А.П. Евгеньевой. — Л.: Наука, 1976.

Сурикова Т.И. Этический аспект языка массовых коммуникаций // Язык массовой и межличностной коммуникации. — М.: Медиа Мир, 2007. — С. 133—184.

Сурикова Т.И. Журналист, аудитория, власть: лингвоэтические аспекты взаимодействия в политическом дискурсе СМИ // Язык СМИ и политика. — М.: Изд-во МГУ, 2012. — С. 220—226.

Сухих С.А. Принципы и методы интегративного подхода в лингвистике // Принципы и методы исследования в филологии: конец 20-го века. — СПб. — Ставрополь: СГУ, 2001. — С. 37—40.

Тертычный А.А. Жанры периодической печати: учеб. пособие. — М.: Аспект Пресс, 2000.

Тимофеев Л.И., Тураев С.В. Словарь литературоведческих терминов. — М.: Просвещение, 1974.

Толстой Л.Н. Путь жизни [Электронный ресурс]. — URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0540.shtml.

Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. — М., 1983. — С. 227—284.

Тоффлер Э. Третья волна. — М.: АСТ, 1999.

Труфанова И.В. Прагматика несобственно-прямой речи: моногр. — М.: Прометей, 2000.

Труфанова И.В. Место комического в типологии речевых актов // Русисты МГПУ — столичному образованию: сб. науч. тр. — М.: МГПУ, 2007а. — С. 35—40.

Труфанова И.В. Речевые стратегии, речевые тактики, речевые жанры, речевые действия и риторические фигуры в сфере комического // Прагматические аспекты речевого общения. — М.: МГПУ, 2007 (б). — С. 41—50.

Труфанова И.В. Условие пропозиционального содержания ассертивов // Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании: сб. науч. ст.: в 3 т. — М.: МГПИ, 2011. — Т. 2. — С. 215—227.

ТСРЯ — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. — М.: Изд. центр «Азбуковник», 2007.

- Улыбина Е.В.* Психология обыденного сознания. — М.: Смысл, 2001.
- Уэбстер Ф.* Теория информационного общества / пер. с англ. — М.: Добросвет, 2004.
- Фрейд З.* Остроумие и его отношение к бессознательному / пер. Я.М. Коган, М.В. Вульф. — Минск: Харвест, 2003.
- Фридман Дж., Комбс Дж.* Конструирование иных реальностей: Истории и рассказы как терапия. — М.: Класс, 2001.
- Хорошая речь / под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001.
- Хоружий С.С.* Аналитический словарь исихастской антропологии // Синергия: Проблемы аскетики и мистики православия. — М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 1995. — С. 42—150.
- Хоружий С.С.* Фонарь Диогена. Критическая ретроспектива европейской антропологии. — М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2010.
- Худойкина Т.В., Брыжинский А.А.* Юридическая конфликтология: учеб. пособие. — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008.
- Цой А.И.* Лексические средства эмотивных вкраплений в бизнес-коммуникации // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. Филол. науки. — 2012. — № 2 (66). — С. 25—28.
- Цурикова Л.В.* Межкультурное взаимодействие с позиций когнитивно-дискурсивного подхода // Вопр. когнитивной лингвистики. — 2006. — № 1. — С. 5—15.
- Черкасова Г.А.* Русский сопоставительный ассоциативный словарь. — М.: ИЯЗ РАН, 2008 [Электронный ресурс]. — URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/RSPAS/zapusk.htm>.
- Шаров К.С.* На тёмной стороне политкорректности: гендерно-нейтральный новояз // Вопр. философии. — 2010. — № 3. — С. 30—43.
- Шафаревич И.Р.* Две дороги к одному обрыву // Нов. мир. — № 7. — 1989. — С. 147—165.
- Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987.
- Шаховский В.И.* Возвышение языком // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру: тез. докл. — Пятигорск: Пятигор. гос. лингв. ун-т, 1998.
- Шаховский В.И.* Влияют ли американизмы на русскую лингвокультуру // Русистика. — 2002. — № 2. — С. 28—37.
- Шаховский В.И.* Эмоции — мотивационная основа языкового сознания // Аксиологическая лингвистика: проблемы языкового сознания: сб. науч. тр. — Волгоград: Колледж, 2003. — С. 3—10.
- Шаховский В.И.* Эмоции во лживой коммуникации // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2005. — Вып. 30. — С. 133—145.

Шаховский В.И. Унижение словом // Мир русского слова. — 2007. — № 2. — С. 40—45.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: моногр. — М.: Гнозис, 2008.

Шаховский В.И. Эмоциональный тьюнинг в речевом общении // Язык — Сознание. — Культура. — Социум: сб. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. памяти проф. И.Н. Горелова. — Саратов: Изд. центр «Наука», 2008а. — С. 478—482.

Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. — М.: ЛИБРОКОМ, 2009.

Шаховский В.И. Роль эмотивности в медиа-экологии // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире—5: сб. ст.; V Междунар. науч.-практ. конф. (Волгоград, 2010). — Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО «ВАГС», 2010. — С. 223—226.

Шаховский В.И. От лингвистики эмоций к лингвоэкологии // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: материалы 10-й Междунар. науч. конф. — Ульяновск, 2010а. — С. 57—59.

Шаховский В.И. Речь вокруг нас: эмотивная лингвоэкология [Электронный ресурс]. — URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1298626946&archive=1298627601&start_from=&ucat=14&

Шаховский В.И., Ионова С.В. Экологическое пространство языка: критические аспекты // Экология русского языка: материалы 5-й Междунар. науч. конф. — Пенза: Изд-во Пенз. гос. ун-та им. В.Г. Белинского, 2012. — С. 311—324.

Шаховский В.И., Солодовникова Н.Г. Экологическая функция языка // Экология русского языка: материалы 2-й Всерос. науч. конф. — Пенза: Изд-во Пенз. гос. пед. ун-та им. В.Г. Белинского, 2009. — С. 5—16.

Шаховский В.И., Солодовникова Н.Г. Лингвоэкология: объект, предмет и задачи // Русский язык, литература, культура в школе и в вузе. — № 1. — 2010 (а). — С. 22—29.

Шаховский В.И., Солодовникова Н.Г. Роль эмоций в формировании экологичности массмедиаальной коммуникации // Человек в коммуникации: мотивы, стратегии и тактики: кол. моногр. / отв. ред. В.И. Шаховский, И.В. Крюкова, Е.А. Сорокина. — Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2010б. — С. 20—35.

Шаховский В.И., Солодовникова Н.Г. Экологичность стилистики публичного общения // Медиаскоп: электрон. науч. журн. фак. журналистики МГУ [Электронный ресурс]. — 2012. — Вып. 2. — URL: <http://mediascope.ru/node/1117>.

Шаховский В.И., Солодовникова Н.Г. Лингвоэкология: объект, предмет и задачи. — URL: <http://uapryal.com.ua/training/shahovskiyv-i-solodovnikova-n-g/>.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. — М.: Гнозис, 2004.

Экология русского языка: материалы 5-й Междунар. науч. конф. — Пенза: Изд-во Пенз. гос. пед. ун-та им. В.Г. Белинского, 2012.

Эпштейн М.Н. Русский язык в свете творческой филологии разыскания // Знамя [Электронный ресурс]. — 2006. — № 1. — URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/1/ep13.html>.

Этика речевого поведения российского журналиста. — СПб.: Астерион, 2009.

Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. — М.: Волтерс Клувер, 2008.

Beardsley M.C. Problems in the Philosophy of Criticism. — 1-st ed. — New York, 1958.

Boyd E. Taking the History: Questioning During Comprehensive History-Taking / E. Boyd, J. Heritage // Communication in Medical Care: Interaction between Primary Care Physicians and Patients. — Cambridge: Cambridge University Press, 2006. — P. 151—184.

Ehrhart S. Multi-Competence and Multilingualism — the Ecology of the Classroom // Expert Seminar on the «Added Value of Multilingualism and Multilingual Education» 3—4 June 2010. — URL: http://www.mercator-research.eu/fileadmin/mercator/conferences_files/2010Jun3-4/ehrhart.pdf.

Farmer P., Kleinmann M.D. AIDS as Human suffering // Daedalus. Journal of the American academy of Arts and Sciences. — Spring, 1989. — P. 135—162.

Frank A. The Wounded Storyteller: Body, Illness, and Ethics. — University of Chicago Press, 1997.

Habermas J. The Theory of Communicative Action. — Vol.1. Reason and the Rationalization of Society. — L.: Heinemann, 1984.

Haugen E. The Ecology of language. — Standford: Standford University Press, 1972.

Living with AIDS. Daedalus Journal of the American Academy of Arts and sciences. — Vol. 118. — № 2. — 1989. — P. 1—9.

Mabeck C., Olesen F. Metaphorically transmitted diseases. How do patients embody medical explanations? // Family Practice. 1997. — V. 14. — P. 271—278.

McFarlane Daniel C. Interruption of People in Human-Computer Interaction: A General Unifying Definition of Human Interruption and Taxonomy. — 1997 [Электронный ресурс]. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. — URL: <http://interruptions.net/literature/McFarlane-NRL-97.pdf>.

Schahowskij W.I., Fink H., Fijas L. Die Amerikanisierung Russlands und seiner Sprache // Angloamerikanisches in der russischen Gesellschaft sowie Wirtschaft und-Allgemeinsprache. — Freiburger Beiträger: zum Einfluss der Angloamerikanischen Sprache und Kultur auf Europa. — Band 6. — Herausgegeben von Hermann Fink und Liane Fijas. — Peter Lang, Europaeischer Verlag der Wissenschaften, 2000. — S. 5—51.

Tannen D. You just don't understand. Women and Men in Conversation. — New York, 1990. — URL: <http://www.barnesandnoble.com/w/you-just-dont-understand-deborah-tannen/1001864034?ean=9780060959623>

Waltereit R. Imperatives, Interruption in Conversation, and the Rise of Discourse Markers [Электронный ресурс]. A study in Italian guarda. 2001. — Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. — URL: <http://www.staff.ncl.ac.uk/richard.waltereit/guarda.pdf>.

Раздел 3. ЭМОТИВНАЯ ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ: МЕЖЛИЧНОСТНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

НЕЭКОЛОГИЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СОВРЕМЕННОГО КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

В.А. Буряковская

Рассмотрим некоторые компоненты современного коммуникативного поведения с точки зрения лингвоэкологии. В коммуникативном поведении современных россиян мы можем наблюдать ряд явлений разного характера и статуса, разной степени важности для развития языка и культуры, но, тем не менее, заметных и требующих лингвистического изучения и осознания. Многие исследователи отмечают такие явления, как варваризация и криминализация языка, стилевые нарушения, сокращение лексикона говорящих, обеднение языковой культуры и т.п. (И.А. Стернин, В.И. Шаховский, М.Н. Эпштейн, С.Г. Кара-Мурза, М.А. Кронгауз, В.И. Карасик).

Чрезвычайно важен эмоциональный компонент общения — эмоции могут задавать тон нашему общению и даже руководить нами [Шаховский, Солодовникова, 2009, с. 7].

Коммуникативное поведение в обществе непрерывно подвергается всевозможным ревизиям и реконструкциям со стороны языка средств массовой коммуникации. Причем речь идет не столько о принципах мироощущения, мирозерцания и миропонимания, сколько о семантике и стилистике повседневного тезауруса общения и социального взаимодействия индивидов и групп. Конструкты коммуникативного поведения постоянно «выставляются» и быстро легализуются в продуктах СМИ или публицистических медиатекстах, которые в настоящее время являются одной из самых распространенных форм бытования языка. При этом мобилизующее воздействие СМИ (особенно телевидения) выражается не только в том, что они почти незаметно, но неуклонно формируют вкусы, склонности, взгляды людей, но и в том, что они навязывают им язык межличностного и группового общения, или, другими словами, некие модели коммуникативного поведения.

Будем придерживаться постулата о внешних и внутренних законах развития языка. Среди основных внешних причин изменений в русском языке необходимо назвать те политические и социальные изменения в обществе, которые произошли в связи с распадом СССР. Как следствие,

неизбежными оказались всевозможные влияния западной цивилизации, которые на сегодняшний день носят глобальный характер и, по нашему мнению, выражаются в глобальной массовой культуре.

Очевидно, что за последние 30 лет в обществе произошла трансформация ценностей, отход от многих советских норм поведения, в том числе и принятых норм коммуникативного поведения. Лингвисты указывают на сокращение лексического фонда, упрощение грамматики и увеличение эмоционального компонента в коммуникативном поведении современного российского общества как результат влияния массовой культуры на коммуникативную практику.

Большую обеспокоенность вызывает «детская» массовая культура, или индустрия «субкультуры детства», которая наиболее ярко представлена мультфильмами и печатной продукцией. Преследующая цели явной или закамуфлированной стандартизации воспитания детей, «детская» массовая культура внедряет в их сознание унифицированные формы и навыки социальной и личной культуры, закладывает основы базовых ценностных установок.

К сожалению, наряду с образовательными и обучающими мультфильмами и журналами, дети сталкиваются с глубоко негативной информацией, которая может привести к депрессивным проявлениям личности. Например, анализ журналов «Черепашки ниндзя» № 1—12 за 2010—2011 гг. показал, что лексикон журнала изобилует лексическими единицами с отрицательной коннотацией, которые могут вызвать у ребенка страшные ассоциации: *легенды зла, ужасные рисовалки, дьявольские задачи, жуткий кроссворд, страшный склад, чрезвычайно опасный мутаген, истории из канализации, шутки, родившиеся в канализации, место рождения — канализация Нью-Йорка, загадочная жижа, необычная слизь, банда пурпурных хомячков, зеленая несурaziца.*

Наряду со «зловещей» лексикой ребенок сталкивается с непонятными или сложными для детского восприятия терминами: *генетика, клон, сканер, концентрация, элитный (ниндзя), исследования, приборы тепловидения, штаб-квартира, улики.* Происходит засорение детского сознания усложненными элементами, не рассчитанными на возрастной и психологический уровень развития. Это не только не развивает ребенка, но и ведет к формированию у него искаженной картины мира.

Кроме того, журнал всячески пропагандирует редуцированные формы общения. Это, прежде всего, выражается в использовании печатных междометий, которые по своему звучанию также способны вызывать негативные эмоции: *бац, фе, туми, чвак, хлюп, швак, крам, врум, дрым, дзынг, плюх, бах, трах, шух, трр, краг.*

Следующий неэкологичный компонент в содержании данного журнала мы видим в лексической группе «разрушение», которая создается за счет не только собственно лексических средств, но и синтаксических: *Спусти этого монстра в канализацию; Терпеть не могу канализационный душ; Черепашки возвращаются домой на канализационном вездеходе; Скоро команда моих генетиков создаст целую армию устойчивых суперклонов; Разгром, устроенный вездесущими черепашками.*

Мы уже отмечали, что на словообразовательном уровне языка употребление некоторых приставок носит массовый характер [Буряковская, 2012, с. 17]. Такие приставки, как *супер-, гипер-, мега-, экстра-, ультра-, сверх-*, являются «популярными», частотными, широко используются в наименованиях товаров, рекламе, названиях магазинов. Например, *мега-молл, суперигра, супертонкий, гипермаркет, экстракласс, ультрамодный, сверхкультовый*. В анализируемом журнале находим подтверждение высказанной мысли: *супермутант, супергерой, супермонстр, суперклон.*

Помимо «детской» массовой культуры, неэкологичными компонентами современной жизни видятся нам следующие: постоянное ускорение жизни, культ потребления и отказ от традиционных общечеловеческих ценностей. Они, в свою очередь, имеют непосредственное влияние на коммуникативное поведение.

Еще в 1968 г. французский ученый Ж. Бодрийяр в социально-философском труде «Система вещей» обозначил основные негативные тенденции развития постиндустриального общества. Бодрийяр считает, что в манипулировании потреблением содержится объяснение парадоксов современной цивилизации, для которой равно необходимы бедность, войны и эстетическая медицина. Наделяя счастье количественными характеристиками, измеряемыми посредством атрибутов социальной дифференциации, он видит его лежащим в основе современной демократии, смысл которой сводится к равенству всех людей перед знаками успеха. Люди стали «отходами денег и времени», замечает ученый. В обществе потребления время невозможно убить, его нельзя потратить вне системы потребления [Бодрийяр. www].

Отказ от традиционных ценностей, их устаревание, немодность лежат в основе стиля жизни, пропагандируемого массовой культурой. В языковой сфере также существует мода, а именно — мода на слова. Слово становится модным, когда начинает бесконечно повторяться: *модернизация, гаджет, менеджер* и т.п. Упрощение, редукция, заимствования являются типичными способами поддержания языковой моды. Лингвисты обращают внимание на повышенную эмоциональность «модной» лексики (В.И. Шаховский, В.И. Карасик). Увеличенная доля эмоциональ-

ного содержания общения — один из признаков современной речевой культуры. Мы считаем, что чрезмерная эмоциональность может вредить общению, вести к коммуникативному провалу личности.

Подтверждением этому служат многочисленные арготизмы, употребляющиеся в политическом дискурсе: *Мазурик какой-то: взял и утащил самолет!* (О президенте Украины Викторе Ющенко, который отобрал у Юлии Тимошенко правительственный самолет); *Бюрократия периодически кошмарит бизнес* (Дмитрий Медведев говорит о давлении на бизнес со стороны правоохранительных органов). Слова *мазурик* («вор-карманник») и *кошмарить* («запугивать») относятся к уголовному жаргону. И.А. Стернин отмечает, что «значительно увеличилась в сознании людей степень публично допустимого в разговорной речи, сплошь и рядом используются слова и выражения, ранее никогда публично не произносившиеся, расширяется психологическая готовность носителей языка позволить себе “речевые вольности” вплоть до грубой и нецензурной лексики. Грубая и вульгарная лексика становится модной в интеллигентных и журналистских кругах. Увеличивается доля людей, считающих для себя возможным пренебрежительно относиться к нормам речевого этикета...» [Стернин, 2006, с. 136].

Как в британском, так и в американском обществе также наблюдается ряд неэкологичных языковых процессов, носящих массовый характер. Последние «нововведения» в речевой культуре англоговорящих связаны с уменьшением лексикона. Речь, в частности, идет о попытках нью-йоркского департамента образования исключить из лексикона школьного около 50 слов, например: *dinosaur, home swimming-pool, unemployment, poverty, slavery, divorce, dance* (М. Динкевич, 28.03.2012. URL: <http://www.prawda.ru>). Абсурдные начинания американских чиновников продиктованы пресловутой политкорректностью, однако любой здравомыслящий человек не может не видеть той опасности, которая скрывается за такого рода инициативами, — обеднение словарного запаса говорящих, девербализация, примитивное коммуникативное поведение.

Другой пример связан с идеей политкорректности по отношению к сексуальным меньшинствам Великобритании. На законодательном уровне предпринимается попытка убрать из всех официальных документов следующие языковые единицы: *husband, wife, mother, father, brother, sister* (Рос. газ. 22.03.2012). *Husband* и *wife* предлагается заменить на *spouse, partner*, в то время как остальным языковым единицам замена не найдена, что само по себе вряд ли возможно, поскольку они обозначают термины родства и основополагающие понятия языка и общества.

Яркие примеры мы находим в орфографии текстов SMS-сообщений: *RU OK?* (Are you OK?); *Y NY?* (Yes and you?); *OK CU2DAY?* (OK. See you today?); *NO 2MORO WER?* (No. Tomorrow. Where?); *F2T?* (Free to talk?).

Широко распространены аббревиатуры, которые могут транслитерироваться на русский язык *ИМНО* (In my humble opinion) — *ИМХО* (по моему скромному мнению). Новые письменные практики электронного общения также свидетельствуют о варваризации современного русского языка: *пжл* (пожалуйста), *пн* (понедельник, а также обозначения остальных дней недели в этом же ключе), *спс* (спасибо), *прив* (привет).

Распространенные в «Твиттере» фразы также способствуют развитию данной тенденции: например, выражение *ihaveathing4* используется для обозначения того, что нравится: *I have a thing for good music, I have a thing for girls with long hair and sexy lips, I have a thing for educated MEN; I have a thing for motorbikes and fast cars.*

Высока частотность употребления следующих фраз: *iDoit2* (I do it too); *dontbeshocked* (Don't be shocked); *ihatequotes* (I hate quotes); *imsohigh* (I'm so high); *LetsBeClear* (Let's be clear). Такая орфография свидетельствует о тенденции повседневной коммуникации к кодифицированности и символизму. Использование удобных для письменной речи знаков становится предпочтительнее, нежели использование длинных полнозначных слов. Тем не менее объяснение данного явления только с помощью закона экономии усилий кажется недостаточным. Это, действительно, дискурсивная практика, которая носит массовый характер. Высокая семиотичность и ребусность такого рода высказываний напоминают идеографический и словесно-слоговой типы письменности, характерные, как известно, для древнейших обществ.

Как справедливо отмечает Е.И. Литневская, «письменный вариант разговорной речи представляет собой не попытку как можно точнее зафиксировать устную разговорную речь, а особую семиотическую систему, использующую возможности материального носителя текста и разрабатывающую особый код для передачи невербальной информации или для необходимой в условиях on-line коммуникации компрессии вербальной информации» [Литневская, 2011, с. 79]. Таким образом, новая гибридная форма коммуникации свидетельствует о тенденции к аграмматизму и конденсации содержания в минимуме вербальных знаков.

Подведем итоги: постмодернистские тенденции все сильнее проникают в современное информационно-коммуникативное пространство нашего общества. Среди факторов, способствующих негативным тенденциям, — отсутствие соответствующей государственной языковой

политики и широкое распространение виртуальных способов коммуникации. Основные неэкологичные элементы современного коммуникативного поведения связаны с девербализацией, которая проявляется в обеднении лексикона, редукации письменного общения и тенденции к использованию минимума вербальных символов, что, в свою очередь, свидетельствует о регрессивном состоянии современной речевой культуры.

ДЕСТРУКТИВНОСТЬ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА НЕЭКОЛОГИЧНОГО МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ

Я.А. Волкова

В последнее время вопросам экологии общения уделяется все большее внимание лингвистов [Шаховский, Волкова, Коробкина, Штеба, 2012; Шаховский, Волкова, 2012]. Не вызывает сомнения тот факт, что данный интерес связан с возрастающей нетолерантностью и агрессивностью как общества в целом, так и отдельных его представителей. В процессе изучения неэкологичной межличностной коммуникации, «направляемой» агрессивными эмоциями, был выделен деструктивный тип общения, под которым понимается общение, направленное на сознательное преднамеренное причинение собеседнику морального и физического вреда и характеризующееся сознанием собственной правоты после совершенного деструктивного действия [Волкова, 2012б, с. 208]. Деструктивное общение обладает всеми признаками неэкологичной коммуникации: нетолерантностью, эмоциональной рассогласованностью, неадекватной тональностью общения, нарушением коммуникативных норм и т.д. В целом деструктивное общение определяется через проявления агрессии в языке, которые, в свою очередь, могут быть классифицированы как вербальные / невербальные, прямые / косвенные. Но, на наш взгляд, утверждать, что агрессия всегда деструктивна, было бы неверно. Многие исследователи (К. Лоренц, Л. Берковиц, И. Эйбл-Эйбесфельд, А. Басс и др.) утверждали важнейшую положительную роль агрессии и агрессивного поведения в филогенезе и онтогенезе. Будучи сложнейшим социопсихологическим феноменом, агрессия стала предметом изучения и теоретического осмысления различных психологических школ (этологической, бихевиористской, психоаналитической). Однако немецкий психолог и психоаналитик Э. Фромм впервые обратил внимание научного сообщества на тот факт, что нельзя подводить под одно общее понимание агрессии действия, совершенные с

целью защиты (убийство напавшего на человека преступника), действия, сознательно направленные на разрушение и уничтожение (убийство с целью наживы), и действия, в конечном итоге, созидательные (активное поведение молодой развивающейся фирмы на рынке). На самом деле речь идет о «совершенно разнородных явлениях» [Фромм, 1994, с. 17]. Именно Э. Фромм впервые развел понятия агрессии и деструктивности, понимая под последней «злокачественную агрессию, не связанную с сохранением жизни» [Там же, с. 163], и мы разделяем эту позицию. Э. Фромм провел противопоставление агрессии и деструктивности по нескольким параметрам: если доброкачественная агрессия есть реакция на угрозу витальным интересам индивида, заложенная в филогенезе, свойственная как животным, так и людям и возникающая спонтанно, то деструктивность характеризуется полностью противоположными качествами, т.е. *не* является защитой от нападения или угрозы, *не* заложена в филогенезе, *не* свойственна животным, носит осознанный характер. Основываясь на данном понимании деструктивности, мы выделили четыре основных признака для отнесения ситуации общения к деструктивному типу [Волкова, 2012а, с. 185—191]:

1) наличие деструктивной интенции — в основе деструктивного общения всегда лежит намерение причинить объекту физический или моральный вред любым способом — вербально или невербально. Так как далеко не каждый человек способен признаться даже самому себе в желании причинить вред собеседнику, то деструктивные интенции не всегда лежат на поверхности;

2) наличие эмоционального стимула — деструктивное общение *per se* стимулируется эмоциями «триады враждебности» [Изард, 1980, с. 290—312] и их производными. Данные эмоции могут как иметь четкую вербальную или невербальную репрезентацию, так и быть глубоко скрыты в контексте общения, но они всегда являются мотивационной основой деструктивной коммуникации;

3) реализация — деструктивность реализуется в трех основных типах ситуаций общения — ситуации открытого деструктивного общения (ДО), ситуации скрытого ДО, ситуации пассивного ДО [Волкова, 2009б];

4) после завершения деструктивного события субъект испытывает чувство удовлетворения / превосходства, положительно оценивая себя и свои вербальные / невербальные действия.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что агрессия выступает как гипероним по отношению к деструктивности, ибо термин «агрессия» по определению покрывает все виды вредоносных действий, а деструктивность — только ту их часть, которая связана с преднамеренным, осознанным причинением морального или физического вреда и получением удовлетворения от страданий жертвы.

В связи с этим возникает вопрос о том, какое место занимают агрессивность и деструктивность в неэкологичной коммуникации, а именно: всегда ли неэкологичны проявления агрессивности и деструктивности. Под агрессивностью традиционно понимается «устойчивая установка, позиция, готовность к свершению агрессивных действий» [Налчаджян, 1997, с. 24]. В быту принято говорить о людях более или менее агрессивных либо совсем не агрессивных, что означает различную частотность и силу агрессивных проявлений в единицу времени. В течение жизни мы сталкиваемся и с людьми, которые не скрывают своей агрессивности, и с теми, кто успешно ее маскирует, и с теми, у которых выраженная агрессивность превратилась в устойчивую черту характера. Однако и то, и другое, и третье находят проявление как в невербальном, так и в вербальном коммуникативном поведении. В качестве примера приведем фрагмент высказывания ученицы старших классов об учительнице русского языка: *Да она сволочь последняя. Садистка. Ей уже физическое удовольствие доставляет нас унижать. Пеньки, зверюшки, овощи, дубки, растительные существа, да ничего мы не знаем, не понимаем, не делаем, поколение MTV. Мой мозг не в состоянии запомнить все те слова и выражения, которыми она нас из урока в урок награждает. Причем делает это в мягкой форме, никаких там даунов, идиотов и т. д., но от этого еще более обидно* (URL: <http://www.lovehate.ru/opinions/24084>).

Высказывая свое мнение о педагоге, девушка прибегает к такой тактике открытого деструктивного общения, как прямое оскорбление объекта своей агрессии с использованием инвектив «сволочь последняя», «садистка». Однако мы также видим и описание деструктивной тактики самого педагога — унижение учеников без использования собственно инвективной лексики. В качестве инвектив выступают лексемы ‘пеньки’, ‘зверюшки’ и другие единицы с адгерентным инвективным компонентом, что остро и болезненно ощущается учениками. Вполне возможно, что учитель таким образом проявляет свою скрытую агрессивность.

Говоря о скрытой агрессивности, необходимо отметить, что в психологии данное понятие всегда вызывало много споров. На наш взгляд, различные формы ее выражения удачно описал Ф. Риман: «Это чиновник, который пунктуально, минута в минуту, закрывает окошко своей конторы, хотя легко мог бы еще кого-нибудь обслужить; учитель, подчеркивающий малейшие отклонения в пунктуации или ошибки, связанные с невнимательностью; экзаменатор, который считает правильным

лишь ответ, ни на йоту не отличающийся от ожидаемого; судья, строго придерживающийся буквы закона при оценке того или иного проступка и не принимающий во внимание мотивацию, и т.д. <...> Некоторые люди выражают агрессивность в форме сверхкорректности, злоупотребляя своей властью и скрывая мотивы своего поведения даже от самих себя, ссылаясь на нерушимость правил и значимость выполняемого ими долга» [Риман: www]. В практике общения подобные ситуации выражения скрытой агрессивности трудно отследить по двум причинам. Во-первых, основным признаком отнесения ситуации общения к деструктивному типу — деструктивная интенция — оказывается скрытым иногда даже от самого субъекта коммуникации. Во-вторых, трудно отграничить скрытую агрессивность личности от разумной аккуратности и пунктуальности — эта грань чрезвычайно тонка, и решить, является ли конкретная ситуация общения деструктивной по своей сути, можно только в процессе длительного наблюдения за интересующим исследователя объектом. В 2012 г. во Франции прошел судебный процесс по делу о 35 самоубийствах сотрудников в компании «Франс Телеком». В жестокости и доведении до суицида был обвинен экс-глава компании Д. Ломбар, получивший прозвище «гендиректор самоубийц». «При Ломбаре началось пренебрежительное отношение начальства к сотрудникам, которое доходило даже до физического унижения», — сообщил адвокат семей погибших. Д. Ломбар спокойно ответил журналистам, что такое количество суицидов нормально для большой компании (в штате “France Telecom” работают более 100 тыс. человек) и что все принимаемые им меры преследовали цель сохранить рабочие места в компании (URL: <http://www.gazeta.ru/social/2012/07/05/4664689.shtml>). К сожалению, в нашем распоряжении не было тех аргументов и доказательств, которые адвокаты потерпевших и их семей представили на суде, — данный материал, несомненно, был бы очень интересен для изучения деструктивной коммуникации. Однако опубликованные в СМИ выдержки из материалов следствия, содержащие жалобы людей на то, что они находятся на грани нервного срыва из-за стресса, тяжелой нагрузки, постоянных оскорблений (URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?cid=9&id=842340>), позволяют говорить о реализованной тактике коммуникативного садизма, которая является, по нашему мнению, одной из основных тактик деструктивного общения [Волкова, 2012в].

Согласно классическому определению, в психологии садизм — это половая перверсия, при которой сексуальное удовлетворение достигается при причинении физических страданий или унижений своему партнеру [ССП]. В Большом толковом словаре русского языка

садизм определяется как «страсть к жестокостям, истязаниям; упоение чужим страданием, болью» [БТС]. Действия садиста могут включать в себя оскорбления, брань, запугивание, побои, бичевание, нанесение ран, убийство. Явление получило название по имени французского писателя маркиза де Сада. Термин был предложен немецким психиатром Р. фон Крафт-Эбингом в монографии «Сексуальная психопатия» (*Psychopathia Sexualis*) в 1886 г. и получил широкое распространение за пределами сексуальной психопатологии. В вышеупомянутой работе «Анатомия человеческой деструктивности» Э. Фромм обратил особое внимание на проявление несексуального садизма, включая жестокое обращение с детьми, причинение физического страдания беспомощным, беззащитным людям и животным, нечеловеческое обращение с военнопленными, больными (особенно умалишенными) и сидящими в тюрьмах, применение пыток под прикрытием осуществления религиозных или политических идей. Наряду с физическим садизмом он также выделил психический садизм, проявляющийся в душевной жестокости, унижении, обидах и оскорблениях, выраженных в словесной форме. «Психический садизм имеет много способов маскировки: вроде бы безобидный вопрос, улыбка, намек... мало ли чем можно привести человека в замешательство. Кто не знает таких мастеров-умельцев, которые всегда находят точное слово или точный жест, чтобы кого угодно привести в смятение или унижить» [Фромм, 1994, с. 247—248]. Как подчеркивает автор, психический садизм может приносить людям не меньшие, а подчас даже большие страдания, чем физический садизм. В определении Э. Фромма четко прослеживаются два основных критерия отнесения коммуникативного акта к коммуникативному садизму — интенция и прагматика. Однако инвективная вербальная составляющая не всегда является определяющей в этом вопросе: широко известны факты, когда грубая и матерная лексика не несет в себе оскорбительного заряда, в то время как изысканные и утонченные издевательства оказывают деструктивное психологическое воздействие [Шаховский, 2011а]. Таким образом, при определении, является ли конкретная ситуация общения случаем коммуникативного садизма, мы можем руководствоваться только двумя надежными критериями: деструктивной интенцией и эмоциональным состоянием субъекта коммуникации, т.е. именно «коммуникативного садиста». Эмоциональные переживания объекта деструктивного воздействия, несомненно, также важны, но они не являются определяющим фактором, т.к. если страдания жертвы вызывают сострадание и раскаяние у обидчика, то такой коммуникативный акт не может быть отнесен к актам коммуникативного садизма. Практическое исследование коммуникативного садизма сталкивается с трудностями

при отборе материала, а именно трудностями определения наличия вышеуказанных критериев. Зачастую даже сам субъект деструктивного общения не может признать себе в том, что он *сознательно* и *планомерно* причиняет страдания собеседнику, не говоря уже о признании, что эти страдания доставляют ему удовольствие. Поэтому о наличии/отсутствии деструктивной интенции можно судить, исходя из положения о том, что интенция находит свое выражение в действии. Человек изначально выражает свои интенции подобно всем животным — через выполнение действия. Интенция — это не некое самостоятельное внутреннее событие, предшествующее действию. Мы придерживаемся позиции Ч. Тейлора, утверждавшего, что когда действие является успешным, добровольным и выполненным не по принуждению, намерение непосредственно выражается в этом действии, оно *воплощается* в нем [Taylor, 1979]. Намерение оскорбить собеседника находит свое материальное выражение в речевом акте оскорбления, намерение поиздеваться — в речевых актах оскорбления, унижения, издевки и т.п., т.е. «намерение выражает себя во внешнем мире, когда находит свою цель» [Lamarche, 2012, p. 177]. В реальной коммуникации ситуации коммуникативного садизма могут фиксироваться в институциональном общении, когда садист чувствует свою безнаказанность и, не скрывая, наслаждается своей властью над незащищенными людьми: существует много примеров коммуникативного садизма чиновников по отношению к рядовым гражданам, начальников — по отношению к подчиненным, учителей — к ученикам, т.е. подобные ситуации могут возникать везде, где иерархические отношения подразумевают зависимость и безнаказанность (см. передачу А.Г. Данилина «Садизм у чиновников» из серии «Серебряные нити». URL: http://www.youtube.com/watch?v=awfb3YS_Kcg). Материалом исследования коммуникативного садизма в бытовой коммуникации служат высказывания на интернет-форумах, в которых авторы описывают проявления нефизического садизма в межличностных взаимоотношениях. Особым источником примеров описания коммуникативного поведения садиста является художественная литература, в которой чувства и эмоции и садиста, и жертвы становятся доступны благодаря авторским комментариям и интериоризованной речи. Таким образом, для анализа рассматриваемого типа деструктивного коммуникативного поведения нами было отобрано около 500 примеров описания ситуаций коммуникативного садизма из реальной и художественной коммуникации.

Сам термин «садизм» относительно новый. Однако в языке всегда существовали номинации данного или подобного явления, закрепившие в своей семантике соответствующие поведенческие установки и стереоти-

пы. Человека крайне жестокого, любящего мучить других, называли извергом, изувером, зверем, зверюгой, живодером [ССРЯ]. Приведем дефиниции базовых номинантов рассматриваемого явления.

Изверг — жестокий человек, мучитель [БТС].

Изувер — тот, кто проявляет крайнюю жестокость (первоначально из-за религиозной нетерпимости) [Там же].

Зверь — разг. О жестоком, свирепом человеке [Там же]; перен. Чрезвычайно жестокий, бессердечный, грубый человек [Ефремова, 2006].

Зверюга — о крайне жестоком, свирепом человеке [БТС].

Живодер — 1. Человек, который профессионально занимается убоем животных и сдирает с них шкуру. 2. О жестоком человеке, мучителе. О жадном, наживающемся за счёт других человеке [Там же].

Мы видим, что базовыми признаками рассматриваемого явления выступают жестокость и потребность мучить другого. В свою очередь, лексема «мучить» толкуется как «причинять муки, физические или нравственные страдания» [БТС] в широком смысле слова без упоминания о положительной эмоциональной реакции мучителя на страдания жертвы. Однако психологическая природа садизма состоит не только в мучении, но и в получении удовольствия от страданий другого. О наличии/отсутствии такой реакции можно судить по вертикальному контексту ситуации: *Рыдая в голос, я извивалась и корчилась в стальной хватке своих мучителей, но мои рыдания только побуждали их лупить еще яростней, еще больней* (Н. Воронель. Без прикрас); — *Или вы не верите, — продолжала она, — что растерзали мое сердце? Жестокий мучитель... — Чем я вам мучитель, — отвечал я, — этого я не знаю; а только я женатый человек и вас могу лишь пожалеть — не более* (К. Букша. Эрнст и Анна).

В первом примере поведение мучителей вполне соответствует поведению садистов, т.к. мучения жертвы приносят им удовлетворение. Во втором примере мучитель испытывает противоположные чувства жалости и сострадания, поэтому вряд ли его можно назвать садистом. Но, если в контексте присутствует лексема «садист», то читатель неизбежно делает вывод о том, что данный мучитель испытывает положительные эмоции, глядя на страдания жертвы: *Таков был этот первый помощник и, как я в дальнейшем узнал, палач и садист, лично участвовавший в пытках заключенных* (Г. Горелик. Андрей Сахаров); *Одна из самых памятных сцен романа — допрос, во время которого садист и властолюбец О'Брайен «отечески обучает» жертву тонкостям двоемыслия: от той требуется — не подтвердить под пыткой, а понять, прочувствовать всей душою, что дважды два — столько, сколько нужно* (В. Гаков. «Дважды два» свободы и достоинства).

Таким образом, очевидно, что в семантике глагола «мучить» отсутствует компонент «получение удовольствия», обязательный для отнесения того или иного жестокого действия к садистскому типу. В ряде случаев этот недостающий компонент может быть выведен из вертикального контекста.

Рассмотрим особенности поведения коммуникативного садиста. Блестящий пример коммуникативного садизма описан в рассказе С. Фицджеральда «Изверг» (“The Fiend”). Рассказ начинается кратким газетным сообщением о жестоком убийстве миссис Криншоу и ее семилетнего сына. Законы штата не позволяют применить к убийце смертную казнь, и после нескольких неудачных попыток совершить над преступником самосуд герой рассказа, Криншоу, выбирает путь отмщения «нравственными муками». Он добивается возможности посещать заключенного раз в две недели на полчаса, и каждый раз придумывает новый способ помучить его. Криншоу использует приемы прямого оскорбления, запугивания и словесного издевательства над Извергом: *«Воздух вокруг тебя смердит! — неожиданно закричал он. — Весь коридор, вся тюрьма — все смердит!»*; *«Всю свою оставшуюся жизнь ты будешь мерить шагами эту вонючую маленькую камеру, и все вокруг будет становиться чернее и чернее. И даже после этого тебя будет ждать ад. Навеки ты будешь заперт в маленькой камере, но в аду она будет так мала, что ты не сможешь там встать во весь рост или лечь, чтобы выспаться»*; *«Ты останешься один на один со своими гнусными мыслями в этой маленькой камере — навеки! Ты будешь чесаться, ты будешь истекать гноем, и ты никогда не сможешь заснуть; ты будешь умирать от жажды, но никто не подаст тебе и капли воды»*; *«Всё время ты будешь дрожать от ужаса. ... Ты будешь сходить с ума, но никогда не станешь сумасшедшим. И все время ты будешь думать о том, что это будет продолжаться вечно»*. Он приносит Извергу книги, рассчитанные на то, чтобы ввести его в уныние, одна из которых была «Тысяча историй болезней на почве сексуальных извращений»: *все случаи были неизлечимы, без всяких надежд, без всяких прогнозов, просто бесстрастно изложенные истории болезней*; другая была сборником проповедей Джонатана Эдвардса, пуританского проповедника, описывавшего пытки проклятых душ в аду. Принес он и сборник рассказов о привидениях, и том эротических рассказов, причем из каждого рассказа были вырваны последние страницы с развязками; и том детективных рассказов, изуродованных таким же образом. Однажды после продолжительного перебива Криншоу приносит Извергу четыре огромных тома с вдохновля-

ющими названиями, в которых под обложками не было ничего, кроме чистой бумаги, а затем, якобы уступая просьбам принести газету, десяток «желтых» журналов, повествовавших о преступлениях и арестах. Криншоу периодически переходит на прямые угрозы физической расправой и даже бросает в камеру Изверга бутылку-обманку, с наслаждением слушая вопли Изверга о помощи. Иногда он приходит и просиживает у камеры Изверга в полном молчании. В целом Криншоу исправно посещает Изверга в течение тридцати лет, Изверг и изобретение новых издевательств над ним заполняют собой эмоциональную пустоту в жизни Криншоу, парадоксальным образом превращая Злодея в его единственного друга (ср. игра слов 'friend' — 'fiend').

В рассказе описаны такие вербальные приемы нефизического садизма, как запугивание, угроза физической расправой, оскорбление, словесные издевательства, невербальные коммуникативные приемы (значимое молчание, различные невербальные действия). Однако вербальные приемы занимают наиболее значительное место, т.к., на наш взгляд, именно они обладают особым катарсическим эффектом для Криншоу, помогая ему снять эмоциональное напряжение.

Анализ приемов коммуникативного садизма в реальной коммуникации (включая интернет-форумы) также показал, что словесные издевательства, оскорбления и угрозы являются наиболее популярными приемами коммуникативного садиста — они присутствуют в 98% описания ситуаций, квалифицируемых нами как коммуникативный садизм: *Но это не все. Он (муж) устраивает скандалы, орет, заставляет ему подчиняться во всем до безумия... Мы с детьми сходим с ума* (URL: <http://newwoman.ru/letter.php?id=2224> (13.10.12)).

Одним из видов словесного издевательства являются речевые действия, описываемые глаголом «пилить», т.е. «изводить, донимать беспрерывными попреками, придирками; корить» [БТС]: *В последнее время (а точнее, так было всегда, но в последнее время особенно) муж постоянно ко мне придирается, кричит, матерится. **Пилит и пилит.** При том тенденция идет по нарастающей. <...> Он считает, что он в полном праве кричать, материться, высказывать недовольство. <...> Считает, что это мои проблемы: я должна гасить, расслаблять, убажывать. Я уже стараюсь не давать ему ни малейшего повода, но он его находит все равно, то чай недостаточно быстро принесла, то вопрос не так задала* (URL: http://help-on-line.ru/forum_psy/index.php?showtopic=16550&st=0 (20.11.12)). Кроме того, в картотеке примеров присутствуют описания невербального проявления коммуникативного садизма: *В последнее время я все больше и больше убеждаюсь в том, что*

он действительно — систематически издевается надо мной (иногда цепляется к старшей дочке) и получает от этого удовольствие: готовлю не так (или ПАРАШУ), убираюсь не так, деньги трачу не так, детей воспитываю не так..... Каждый день орёт по поводу и без (**бывает, рвет мою одежду**) (URL: <http://rebenok.by/community/index.php?topic=150242.0> (13.10.12)). Однако есть немало примеров коммуникативного садизма, в которых отсутствует инвективный компонент: садист издевается над своей жертвой, не выходя за рамки приличия: *Целый месяц, несмотря на мою беременность, на мое эмоциональное состояние, он откровенно издевался надо мной. Нет, это было не физическое насилие, а психологическое. Было такое ощущение, что он просто жил моим отчаянием, моей болью. Каждый вечер, приходя с работы, он приносил очередные новости. Сначала говорил, что подает на развод, потом ставил условия, либо мы живем вдвоем, а дочь отдаем ее отцу (моему первому мужу), потом говорил, чтобы я отказалась от родителей и что если хочу с ним жить, то мы не будем общаться с моими родителями. Естественно, ни одно условие я принять не могла. Попыталась ему что-то объяснить, доказать, плакала, просила, ругалась, умоляла, а он... Он этим наслаждался* (URL: <http://www.vetkaivi.ru/main/help?id=454> (13.10.12)). В данном примере мужчина пользуется психологической и физической зависимостью женщины от него, чтобы добиться своих целей (отдать ребенка от первого брака, не общаться с родителями жены), и демонстрирует свое доминирующее положение в семье, получая психологическое удовольствие от моральных страданий женщины. К сожалению, данный пример не содержит какого-либо описания невербальных компонентов общения, помогающих отнести ситуацию общения к ситуациям коммуникативного садизма, хотя они, несомненно, должны были присутствовать: интонации, выражение лица, жесты, позы мужчины — то, что заставило жену сделать вывод о том, что над ней издеваются, а не просто обсуждают щекотливые семейные вопросы.

Во всех проанализированных примерах коммуникативный садист пользуется беззащитностью своих жертв, доводя их до состояния отчаяния, и получает от этого моральное удовольствие, что находит выражение, прежде всего, в невербальных компонентах общения (мимике, фациально-просодических компонентах, жестике, пантомимике).

Вышеизложенное показывает, что диапазон приемов коммуникативного садиста достаточно широк и включает в себя приемы открытой (инвективы, угрозы (в том числе физической расправой)) и скрытой (систематическое уничижительное давление без открытого проявления враждебных эмоций) вербальной агрессии, открытой и скрытой невербаль-

ной агрессии (молчание, отказ разговаривать, мимические и кинесические жесты, различные невербальные действия, за исключением физической атаки). Положительная эмоциональная реакция коммуникативного садиста оценивается, исходя из невербальных проявлений испытываемых эмоций удовольствия и удовлетворения.

Рассматривая коммуникативный садизм с точки зрения экологии общения, мы пришли к выводу, что, несмотря на то, что последние исследования эмотивной экологичности речи показали невозможность однозначного отнесения ситуации общения к экологичному/неэкологичному типу [Шаховский, Волкова, Коробкина, Штеба, 2012], коммуникативный садизм является практически единственным случаем, когда можно и нужно говорить об абсолютной неэкологичности соответствующей ситуации общения. Уверенность коммуникативного садиста в собственной правоте, «эмоциональная глухота», отсутствие сострадания разрушают личность коммуникативного партнера, на которого нацелены деструктивные действия. Изучение приемов коммуникативного садиста позволит ввести знания о данном явлении в коммуникативную компетенцию говорящего, что даст возможность своевременно опознавать проявления коммуникативного садиста и уходить от бессмысленных вербальных дуэлей, не превращаясь в его жертву.

Коммуникативный садист являет собой яркий тип деструктивной коммуникативной личности, выступающей центральным элементом деструктивного общения. Деструктивная коммуникативная личность, как и любой другой тип коммуникативной личности, представлена в единстве трех планов — ценностного, познавательного и поведенческого [Карасик, 2002б, с. 26].

Ценностный аспект деструктивной коммуникативной личности представляет особый интерес, т.к. он обладает двойственной природой. С одной стороны, можно говорить о внешнем ценностном плане, который содержит этические и утилитарные нормы поведения, а также оценку социумом коммуникативного поведения деструктивной коммуникативной личности. Здесь речь идет о системе отрицательных оценок и отношений к субъекту агрессивной деятельности. Иллюстрацией служат многочисленные русские поговорки, отражающие традиционно отрицательную оценку социумом человека злого и агрессивного: *злой человек живьем готов съесть; съесть с потрохами; стереть с лица земли; в гроб вогнать; свести в могилу; сжить (противника) со света; отправить на тот свет; кровь сосать; жать сок; жилы тянуть; резать тупым ножом; пилить тупой пилой; резать по живому месту; есть поедом, как ржа железо* и т.п. Ценность человека плохого (в том числе злого, агрессивного) в обществе тоже оценивается отрицательно — по-

словицы советуют: *Бешеному псу уступи дорогу; Кто с ним свяжется, сам не рад будет; Дурака обойдешь — за умного сойдешь; Дерьмо не трогай — оно и не воняет; Не дразни собаку — она и не укусит; Осинный рой лучше не тревожь.* О том, что злой человек представляет отрицательную ценность для общества, напоминают, например, следующие поговорки: *За его гробом и бездомная собака не побежит; Собаке собачья смерть; Пусть ему икается на том свете!; Осинный кол ему в могилу!*

С другой стороны, существует внутренний ценностный план самой деструктивной коммуникативной личности, который «запускает» и определяет ситуацию деструктивного общения и проявляется в оценочных значениях используемых семиотических знаков, реализуемых в ситуации общения прескрипциях и установках, и т.д. Ценности деструктивной коммуникативной личности не всегда лежат на поверхности: одно дело, когда человек осознанно и целенаправленно «уничтожает» противника, используя приемы вербальной агрессии, различные невербальные коммуникативные приемы, открыто заявляя свое превосходство. В таком случае определить спектр отрицательных ценностей деструктивной коммуникативной личности не представляет труда. Однако для многих людей признание отрицательных ценностей невозможно по определению: издревле существует тенденция оправдывать деструктивные действия благими намерениями — сама личность не осознает (либо не признает) своей деструктивности, полагая, что действует во благо своей «жертве», социальной группе, обществу в целом. В таком случае не всегда можно опираться исключительно на лингвистические данные при анализе ценностной составляющей коммуникативной личности. Для рассмотрения ценностного аспекта деструктивной коммуникативной личности необходимо мнение «третьего» — стороннего наблюдателя, в роли которого может выступать психолог/психотерапевт/здравомыслящий собеседник (в реальной коммуникации) либо автор художественного произведения (в художественной коммуникации), выразителем мнения которого может выступать один из персонажей. Считаю необходимым обратиться также к данным психоанализа, ибо проблема агрессивности и деструктивности личности длительно и плодотворно изучается в рамках данной научной концепции. Согласно Э.Фромму, в основе деструктивного типа личности лежит страсть властвовать, мучить и унижать других людей [Фромм, 1994, с. 246], а также страсть к разрушению ради разрушения, желание превратить все живое в неживое, исключительный интерес ко всему чисто механическому (небиологическому) [Там же, с. 284]. Деструктивная личность, крайним проявлением которой является некрофильский характер, реально воспринимает в жизни только то, что уже было: «учреждения, законы, собственность, традиции, владения», т.е. *«иметь господствует над быть»* [Фромм, 1994, с. 291]. Очевидно, наиболее ярко отрицательные ценности деструктивной ком-

муникативной личности проявляются в ситуациях открытого деструктивного общения, т.е. в таких ситуациях, которые непосредственно доступны для внешнего наблюдения через невербальные/вербальные ключи, мотивированы интенцией причинить вред объекту агрессии, который при этом совпадает с истинным фрустратором. Сюда относятся также ситуации прямой вербальной агрессии, имеющей целью оскорбить, унижить, дискредитировать человека. Ситуации открытого деструктивного общения — это всегда коммуникативные конфликты с пиковым эмоциональным напряжением, психологический механизм которых связан со статусно-ролевой структурой поведения людей [Седов, 2004, с. 91]. Следующие примеры описания ситуаций открытого деструктивного общения представляют собой фрагменты лингвистических интервью. Респонденты (молодые замужние женщины, имеющие негативные отношения с родителями мужа) описывали свое общение со свекровями.

А: Моя свекровь, как встречаемся, начинает на меня орать. Первые две минуты разговариваем нормально, а затем она выбирает тему и начинает орать. Я сначала молчу, потом начинаю орать в ответ. Корооче, мы орем друг на друга. Дурдом!

В: Моя (свекровь) взяла привычку говорить обо мне в моем присутствии в третьем лице. Я от нее в метре стою, а она говорит мужу: «Ты посмотри, как она ребенка одела? Сама, как мужичка, и девочку в штаны обрядила»; «И что она там сегодня приготовила? Пахнет как-то неприятно». Я ее ненавижу страшно, меня трясет в ее присутствии — наверно, убила бы, если могла.

Данные высказывания иллюстрируют удивительную черту деструктивного общения — амбивалентную природу его экологичности: ситуация, когда свекровь орет на невестку и позволяет орать в ответ, более экологична, чем та, в которой свекровь откровенно игнорирует ее. Обе ситуации общения, несомненно, относятся к деструктивному типу, но в первом случае разрушительный эффект на личность оказывается менее выраженным, ибо невестка и свекровь в итоге «орут на равных». Во втором случае невестка как личность полностью игнорируется путем выведения ее из круга общения, что оказывает негативное влияние на ее самооценку и взаимоотношения в семье.

Вышеизложенный материал отражает неэкологичные характеристики деструктивного общения, т.е. именно той разновидности агрессивной коммуникации, которая относится, в терминах Э. Фромма, к «злокачественной» агрессии. Но насколько экологичными можно считать коммуникативные проявления так называемой «доброкачественной» агрессии? К ним можно отнести ряд неконтролируемых и слабо контролируемых невербальных проявлений: физиологическую симптоматику (покраснение лица/

шей, возбуждение, нарушение точности восприятия и др.), эмоциональную кинесику и просодику, а также такие вербальные проявления, как бранная лексика, инвективы и т.п.: *Если ты только... Я тебя самого... сволоочь! — Клаус понятился, губы у него тряслись, он налетел задом на Фомича — Фомич теперь стоял на месте Цыбина, держа брошенное им погудало руля* (Е.И. Замятин. Ёла).

Данный пример является описанием выражения агрессии, которая, по определению Э. Фромма, может быть классифицирована как доброкачественная. Такая агрессия вполне может оказаться «экологичной» с эмоциональной точки зрения для субъекта агрессивного поведения, т.к. приводит к катарсису от агрессивных эмоций — истинной или воображаемой эмоциональной разрядке, идея которой заложена в сознании представителей западной цивилизации (см.: [Волкова, 2009а]). Полезность подобного рода эмоциональной разрядки подвергается серьезному сомнению последние десятилетия: начиная с 1950-х гг. многочисленные экспериментальные исследования последствий катарсиса один за другим демонстрировали, что катарсис агрессивных эмоций мало либо ничего не дает для освобождения от этих эмоций. Более того, было установлено, что «вспышки ярости, как правило, усиливают активацию эмоционального мозга, заставляя людей испытывать не меньший, а более сильный гнев» [Гоулман, 2008, с. 109]. Некоторые исследования демонстрируют зависимость катарсиса от типа агрессивных действий: прямая агрессия (т.е. агрессия, направленная против самого фрустратора) приводит к истинному катарсису, в то время как сила переориентированной агрессии зависит от того, насколько объект переориентированной агрессии сходен с истинным фрустратором. В фундаментальном труде А. Налчаджяна детально рассматриваются различные подходы и способы реализации агрессивного катарсиса. Автор приходит к неутешительному выводу, что «безопасные» агрессивные действия (переориентированная агрессия, агрессия в воображении) в целом не дают катарсического эффекта [Налчаджян, 2007, с. 322]. Вербальная агрессия, которая долгое время считалась прекрасным способом предотвращения прямой физической агрессии, также рассматривается как весьма неэффективное средство. Более того, автор полагает, что «возможность высказаться усиливает тенденцию к совершению физических агрессивных действий» [Там же]. Однако, на наш взгляд, сколько бы психологи не писали и не предупреждали людей о неправильности, необоснованности и опасности такого явления, как катарсис от агрессивных эмоций, идея катарсиса, его полезности для физического и психического здоровья и, следовательно, его экологичности не просто закреплена в языке и языковом сознании: она внедрена языком в наивное сознание

как модель поведения. Для реципиента агрессия и деструктивность в коммуникации всегда неэкологичны — совершенно неважно, обругали тебя за дело или просто использовали как «козла отпущения». Что касается деструктивности в коммуникации, то именно уверенность субъекта деструктивной коммуникации в собственной правоте делает деструктивное общение абсолютно неэкологичным, ибо оно разрушает личность не только коммуникативного партнера, на которого нацелены деструктивные действия, но и самого субъекта деструктивной коммуникации.

В заключение хотелось бы сказать, что существует философское понимание деструктивности как некоего диалектического единства ее негативной и позитивной форм. Позитивный аспект человеческой деструктивности связан с «открыванием смысла, прежде всего смысла бытия, становящегося базой обновления и конструирования человеческого как феномена» [Сатыбалова, 2002, с. 14]. Данное понимание свидетельствует о возможности нахождения положительного даже в глубинах отрицательного. К сожалению, далеко не каждый «пострадавший» от деструктивного общения настроен на поиск этого глубоко сокрытого положительного в себе и окружающих, и первой спонтанной реакцией на деструктивное коммуникативное поведение всегда являются возмущение, гнев, обида и другие отрицательные эмоции. В рамках эмотивной лингвоэкологии мы можем исследовать не только степень неэкологичности тех или иных проявлений коммуникативного деструктивного поведения и их эмоциогенный эффект, но и ситуации перехода от неэкологичного к амбивалентно-экологичному общению, включая двумодусную структуру коммуникативных эмоциональных ситуаций деструктивного общения.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ИРОНИЧНЫЙ ИДИОСТИЛЬ КАК ОСНОВА КОММУНИКАТИВНОЙ ТЕРАПИИ

Е.Ю. Ильинова

Информационно-текстовая среда оказывает значительное влияние на экологию жизни современного человека, его психофизиологическое состояние, социальное благополучие. В качестве среды в данном случае предлагается рассматривать «информационное окружение человека, динамически формирующееся текстовое пространство, воздействующее на него» [Ионова, 2010, с. 88]. Объектом воздействия могут

быть отдельные члены общества, социум в целом или его регионально ограниченная часть.

Принято считать, что информационно-текстовая среда может создавать благоприятные условия для существования и развития человека, неблагоприятное окружение угнетает его жизненный и производственный потенциал [Смирнов, 1997]. При этом информационная среда действует опосредованно, она влияет на биологические или социальные качества жизни человека не прямо, а через сферу его сознания (психосферу): «...если биосфера образует среду, которая обеспечивает физическое существование человека, то психосфера является столь же обязательной для человека средой, в которой протекает его психологическая, интеллектуальная, духовная жизнь» [Звегинцев, 1996, с. 159—160]. В связи со сказанным отметим, что актуальным сегодня становится изучение характера воздействия информационно-текстовой среды на человека, в частности, малоисследованным остается вопрос об эколингвистической прагматике современного публичного текста (новостного, научно-популярного, публицистического, художественного), который интенсивным потоком льется на сознание массового потребителя информации, влияет на его моральные качества и психологическое состояние.

Для установления эколингвистических особенностей прагматики публичного текста мы предлагаем обратиться к анализу баланса информации, основанному на разумном соотношении некоторого числа коммуникативно-прагматических характеристик информационно-текстовой среды. Включение в наше объяснение признака «разумное соотношение» (букв. ‘оправдываемый разумом, обладающий положительным смыслом’) подчеркивает значимость морально-этической составляющей текстовой среды [Основы лингвистического мониторинга, 2011]. В данной работе мы обратим внимание на следующие факторы эколингвистического баланса информации: правдивость / вымысел, точность / неточность, логичность / нелогичность, а также тональность.

Правдивость информации предполагает ее соответствие фактам реальной картины мира, вымысел — намеренную модификацию концептуальной картины мира [Ильинова, 2008]; под точностью в данном случае понимается соответствие вербального содержания события фактам действительности. Тональность следует отнести к проявлению эмотивного интеллекта, представляется, что это намеренный выбор оттенка (регистра, стиля, жанра) письменной или устной речи, который позволяет говорящему / пишущему прямо или косвенно выразить чувственное отношение к факту или событию [Ильинова, 2010]. Выбор тональности в определенной степени связан с информационной политикой медийного средства и с индивидуальным стилем речи человека, что проявляется в манере говорения /

письма (патетичной, ироничной, насмешливой, шутливой, высокомерной, льстивой, агональной и т.п.). Отсюда следует, что медийный человек (журналист, ученый, писатель) несет профессиональную ответственность за характер влияния публичного текста на общество в целом и каждого человека в отдельности.

Сказанное полностью соотносится с положением эмотивной лингвистики о том, что интеллектуальная жизнь человека в целом эмоциональна, поскольку отражение действительности в языке и сознании происходит через эмоциональный вид познания, при котором «субъект отражает мир и его предметы в форме эмоциональных образов» [Шаховский, 2008а, с. 41]. Такое отражение всегда пристрастно, оно осуществляется заинтересованной в нем личностью, зависит от потребностей и интересов человека, которые могут совпадать с интересами другого человека, группы или общества в целом или противостоять им. Вовлеченность человека в информационно-текстовую среду вызывает внутреннее «расслоение» сознания, поскольку, как полагает (вслед за П. Фресом) В.И. Шаховский, вся коммуникация и дискурсивно-текстовая практика человека пронизаны эмоциями [Шаховский, 2008в, с. 40]. Эмоционально маркированные столкновения коммуникантов с событийным миром, представленным в текстовом формате, вызывают разные чувства и ощущения, и эмоциональная гармония, кооперация в социальной и межличностной коммуникации постоянно перетекают в эмоциональную дисгармонию, агрессию, вызванную несогласием и обидами. Примером тому могут служить столь популярные сегодня посты и блоги, публикуемые журналистами в мультимедийных информационных изданиях, которые вызывают разные эмоциональные реакции у читателей и дают возможность вербально выразить свое отношение к событию, ставшему информационным сообщением.

Заметим, что большая часть специалистов в области коммуникативистики и психолингвистики полагает, что частые нарушения гармонии отношений человека с миром и другими людьми приводят к психоэмоциональным проблемам (например, отказ от социального контакта, депрессия, более серьезные ментальные состояния) и спасение человека от психоэмоционального давления окружающей действительности состоит в уходе от негативных эмоций. Очевидно, поэтому весьма популярными сегодня стали сеансы коммуникативной терапии — психоэмоциональные тренинги, на которых людей учат преодолевать негативное влияние среды с помощью психоанализа, шутки, игры и веселья. Нам представляется, однако, что попытки организаторов таких семинаров научить методикам полной нейтрализации негативных эмоций, игнорирования негативных явлений вокруг себя мало улучшают экологию со-

циальной жизни. Как справедливо указывает В.И. Шаховский [Шаховский, 2008а, 2010, 2012а, б и др.], следует учить человека управлять своим эмоциональным интеллектом, контролировать как положительные, так и негативные эмоции, уметь переживать моменты глорификации и диффамации, добавим — и в любой эмоциональной ситуации оставаться в нормальном психологическом состоянии.

В данной работе предпринимается попытка обосновать положение о том, что эмоциональный интеллект человека специфичен, он формирует особый образ мира, в котором перекликаются позитивные и негативные оценки. Переосмысливая их, человек проводит психоэмоциональную терапию.

Каждый по-своему переживает столкновение с приятным и неприятным, радостным и грустным, и эти процессы не следует полностью исключать из нашей жизни. Ведь, как известно, чтобы понять, что такое счастье, надо пережить несчастье. Эмоциональный всплеск может встряхнуть человека, подтолкнуть его к активной деятельности, заставить «отбить вербальный удар» (verbal stroke), с помощью вербальной материализации дифференцированных эмоциональных нюансов снять стресс. Кто-то в таком случае пытается отгородиться от мира, сделать вид, что он мало с ним связан, кто-то обращается к прагматике инвектива, но в общей коммуникативно-дискурсивной культуре за многие века существования человеческой цивилизации сложилась более интеллектуально продвинутая методика коммуникативной терапии — ироничные жанры художественной литературы и публицистики, с помощью которых люди обмениваются эмоциональными оценками событий, смеются и иронизируют над недостатками и проблемами своего общества, тем самым снижая градус социальной пассионарности в обществе. Переживание противоборства негативного и позитивного, логичного и нелогичного, правдивого и вымышленного, приятного и неприятного, которое получает выражение в гибридной (текстовой или графической) форме, обеспечивает условия для коммуникативной терапии — осознания субъективной значимости эмоционального оценивания и обмена этим знанием с другими членами общества.

Термином «коммуникативная терапия» в данной работе мы обозначим когнитивные процедуры и речементальные стратегии, связанные со способностью одного человека выразить оценку в эмоционально-образной форме, а другого — осмыслить и проинтерпретировать эту эмоциональную оценку. Заметим, что формы текста, его жанровые и карнавално-стилевые особенности по-разному воздействуют на интеллект человека, вызывают у него позитивные и негативные эмоции, тем самым позволяя не только получить информацию о событиях и фактах, но и осмыслить

их аксиологическую значимость для жизни своей и общества в целом, иными словами, удачно сказанное слово, как доброе, так и злое, ироничное или инвективное, не может переделать мир, но может снять эмоциональное напряжение, т.е. лечит душу, и значимость агента подобной формы коммуникации — ироничного эмоционального интеллекта, речементальный продукт которого способен вызвать различные оценки и эмоции, в этом аспекте неоспорима.

Опираясь на вышеизложенное, мы предлагаем несколько переосмыслить одно из положений эмотивной лингвоэкологии В.И. Шаховского о том, что пользователи языка должны воспринимать социокультурные контексты в терминах позитивного доминирования, в частности, посредством «возвышения языком» [Шаховский, 2008б, с. 480]. Указанная функция коммуникации именуется глорификацией (эмотивностью с положительной маркированностью) [Шаховский, 2008а, с. 290] и реализуется посредством разнообразных по стилю и эмоциональности вариантов речи. Не отрицая значимости таких параметров экологичной коммуникации, как доброжелательность, толерантность, стремление к созданию общего положительного эмоционального центра, отметим, что некоторое наслаждение человек порой испытывает и от нарушения коммуникативного кодекса, когда выражает оценку с помощью приемов иронии, сатиры, диффамации, агональности, принижающих другого человека [Шаховский, 2012а]. В российской культуре этим «другим» часто становится чиновник, по отношению к которому большая часть социума испытывает иронично-негативное отношение.

Беглое изучение приемов выражения отношения россиян к указанному типу на протяжении 150 последних лет показывает, что чиновничество всегда воспринималось и по-прежнему воспринимается в нашей среде (среде так называемых простых людей) как враждебная сторона, как люди, которые чинят препятствия, запрещают, вводят в заблуждение, воруя, не уважают и унижают человека, лебезят перед начальством и т.п. Именно эти функционально-поведенческие характеристики составляют основу оценочного отношения и осуждаются обществом.

Тонкая насмешка, языковая карнавализация, прикрытая серьезной формой выражения или внешне положительной оценкой, обличительное изображение ничтожества и бесполезности чиновничества присутствуют во многих художественных произведениях, и их прочтение и интерпретацию оценки можно приравнивать к методу коммуникативной терапии. Так, описывая чиновничество николаевской России, Н.В. Гоголь подчеркивал массовые злоупотребления властью, казнокрадство и взяточничество, произвол и пренебрежительное отношение к простым

людям. Такими предстают перед читателями и зрителями чиновники и государственные служащие в комедии «Ревизор», например, Городничий (*уже постаревший на службе и очень неглупый по-своему человек; хотя и взяточник, но ведет себя очень солидно; довольно серьезен; несколько даже резонёр; говорит ни громко, ни тихо, ни много, ни мало... Черты лица его грубы и жестки, как у всякого начавшего службу с низших чинов. Переход от страха к радости, от грубости к высокомерию довольно быстр, как у человека с грубо развитыми склонностями души*); Ляпкин-Тяпкин, судья (*человек, прочитавший пять или шесть книг и потому несколько вольнодумен*); Земляника, попечитель богоугодных заведений (*очень толстый, неповоротливый и неуклюжий человек, но при всем том проныра и плут; очень услужлив и суетлив*). Находясь при должностях, эти чиновники не утруждают себя заботами о благе населения.

В рассказах А.П. Чехова отмечается расслоение чиновничества — в таблице о рангах присутствуют тайные, статские, коллежские советники, коллежские асессоры, секретари, регистраторы и пр. Антон Павлович неоднократно иронизировал над отношениями, которые складывались между ними, в деталях описывая их образы и давая речевые портреты. В его рассказах часто повторяется образ мелкого чиновника, который лезет перед начальством. В рассказе «Двое в одном» дается следующее описание чиновника: *маленькое, пришибленное, приплюснутое создание, живущее для того только, чтобы поднимать уроненные платки и поздравлять с праздниками; он молод, но спина его согнута в дугу, колени вечно подогнуты, руки запачканы и по швам... Лицо его точно дверью прищемлено или мукрой тряпкой побито. Оно кисло и жалко; глядя на него, хочется петь «Лучинушку» и ныть. При виде меня он дрожит, бледнеет и краснеет..., а когда я его распекаю, он зябнет и трясется всеми членами* (А.П. Чехов). В рассказе «Толстый и тонкий» описывается неожиданная встреча двух друзей на вокзале. Вначале их радость неподдельна, Тонкий (коллежский асессор, мелкий чиновник) искренне рад, но когда узнает о высоком чине друга детства (*Я уже до тайного дослужился... Две звезды имею*), резко меняет поведение: *Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры. Сам он съезжился, сгорбился, сузился. Меняются и стиль, и тональность речи. От эмоционально-восторженной речи мелкий чиновник переходит к неискренне-эпатажной: Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможи-с! Хи-хи-с. Реплика друга (Толстого) Мы с тобой друзья детства — и к чему тут это чиновопочитание!* не устраняет сладость, благоговение и почтительную

кислоту. Тонкий продолжает противно хихикать и произносить бессмысленные и высокопарные фразы: *Помилуйте... Что вы-с... Милостивое внимание вашего превосходительства ... вроде как бы живительной влаги...* . При прощании он пожал три пальца, поклонился всем туловищем и *захихикал, как китаец*. Высокий чин ушел, а семья мелкого чина *была приятно ошеломлена*. Сходная картина чиновничества представлена в рассказе «Смерть чиновника», где экзекутор Червяков умирает от конфуза, т.к. чихнул в театре и обнаружил, что впереди сидел статский генерал.

В конце XX в. представление о чиновнике несколько модифицировалось; это государственный служащий, человек, относящийся к своей работе с казенным равнодушием, без деятельного интереса, бюрократ. Как отмечается в работе И.В. Щегловой, чиновник принадлежит к привилегированной прослойке населения, занят в структуре власти и управления (особенно в высшем эшелоне), это начальник, который выполняет свою работу формально, без живого участия в деле, презирует людей, не занятых на государственной службе. Функциональные обязанности его просты: *идти в департамент, сидеть на совещании, присутствовать на открытии памятников, заниматься делами, перекладывать бумажки, проверять, разрешать и запрещать, просиживать за столом, решать проблему и пр.* Общение чиновников с подчиненными по-прежнему отличается пренебрежением, невниманием; они часто делают выговоры, не сдержанны, о себе говорят в третьем лице, могут перейти на крик, употребляют нецензурные слова; при общении с вышестоящими чиновниками демонстрируют чиновничество, желание выслужиться, общаются только с «нужными / полезными» людьми [Щеглова, 2012, с. 8—9].

Именно неоправданное возвышение социального статуса чиновника, его стремление вершить судьбы других людей, ранжировать их и презирать подвергаются ироничному осмыслению в повестях и рассказах В. Войновича. Например, в его повести «Шапка» писатель Ефим Рахлин вступает в борьбу с чиновниками Союза писателей за право получить бесплатно меховую шапку и проигрывает, впадает в депрессию и от расстройства умирает. Шапка становится средством ранжирования писателей чиновниками от культуры: *по решению правления Литфонда писателям будут шить шапки соответственно рангу. Выдающимся писателям — пыжиковые, известным — ондатровые, видным — из сурка...* (В. Войнович). Автор отмечает, что он был скромен, *начальниками считал всех, от кого зависело дать ему что-то или отказать, поэтому в число начальников входили редакторы журналов, секретари Союза писателей, милиционеры, вахтеры, билетные кассиры, продавцы и до-*

моуправы (В. Войнович). Главный персонаж *просит, выпрашивает, хлопчет*, под тяжелым взглядом директора *съеживается, дрожит, лепечет*, его лицо *сморщивается в угодливую, несчастную, ничтожную улыбку*, он *суетится, нелепо улыбается, кланяется, всей фигурой выражает почтение*, но ему предлагают шапку даже не из кролика, а из меха типа кот домашний, средней пушистости. Описывая функции чиновников (начальников), В. Войнович указывает, что они *составляют бумаги, распределяют, сидят в президиуме, произносят казенные речи, живут не на одну зарплату, могут погореть, но непотопляемы* и всегда проявляют бездушие. Отметим, что в повести «Шапка» писатель лишь после смерти получает от чиновников своего ведомства желаемую шапку, но в повести «Иванькиада, или Рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру» писателю удается одержать победу, поскольку он не испытывает никакого чиновничества: *Несколько месяцев я только тем и занимался, что писал письма и заявления, ходил по начальству, звонил по телефону, собирал сторонников, хитрил, злился, выходил из себя, съел несколько пачек седуксена и валидола и только благодаря все-таки еще неплохому здоровью вышел из борьбы без инфаркта. Я пытался сохранить спокойствие, но мне это не всегда удавалось. Меня спасло то, что на каком-то этапе борьбы я решил, что ко всему надо относиться с юмором, поскольку всякое познание есть благо. Я успокоился, ненависть во мне сменилась любопытством, которое мой противник удовлетворял активно, обнажаясь как на стриптизе. Я уже не боролся, я собирал материал для данного сочинения, а мой противник и его дружки деятельно мне помогали, развивая этот грандиозный сюжет и делая один за другим ходы, которые, может быть, не всегда придумаешь за столом. Сюжет этот не просто увлекателен, он, мне кажется, объясняет некоторые происходящие в нашей стране явления, которые не то что со стороны, а изнутри не всегда понятны.* Отметим, что в указанных произведениях В. Войновича негативный образ чиновника создается с помощью малообразных языковых средств, подробные описания действий и чувств легко узнаваемы и вызывают у читателя эмоциональный отклик. Сходные приемы информирования о деятельности чиновников используются в прессе.

Мониторинг новостного контента федеральных и местных периодических изданий, проводившийся автором совместно с коллегами из Волгоградского государственного университета, показал, что негативный образ чиновника занимает в СМИ особое место. За последние пять лет (2007—2012 гг.) одной из ведущих тем в региональном медийном пространстве стала рубрика «Происшествия», в которой ежедневно сообща-

ется о случаях нарушения закона чиновниками разного ранга, судебных расследованиях, применении наказаний (ср.: март—апрель 2010 г. — 12% от общего числа сообщений, август—сентябрь 2010 г. — 14, октябрь—декабрь 2010 г. — 23, октябрь—ноябрь 2011 г. — 24% и т. п. [Основы лингвистического мониторинга, 2011]). Информация на указанную тему публикуется оперативно, и ее доминирование указывает на тематический дисбаланс (например, в ущерб новостям культуры, науки и образования — 9% от общего тематического состава новостей). С его помощью реализуется задача манипулирования общественным сознанием — информация о наказании чиновников конкретизирует обещания высшей власти страны о борьбе с коррупцией и взяточничеством и вызывает позитивное отношение у граждан страны. Однако анализ средств номинации представителей чиновничества в СМИ за 2007—2012 гг. свидетельствует о том, что их признаки мало изменились. Сегодня они объединились в особую касту, в которой есть своя иерархия. Об этом свидетельствуют выборки по номинации чиновников из 1000 текстов [URL: <http://www.ruscoproga.ru>]: кроме нейтрального деления на федеральных, региональных, областных и местных чиновников, в СМИ активно используются такие варианты именованья, как *высокопоставленный, государственный чиновник*. Чтобы подчеркнуть его особую значимость, в СМИ используются следующие описательные прилагательные: *кремлевский, белодомовский*, а также ставшее устойчивым клише *близкий к Кремлю чиновник* (что можно расценивать как *информированный, карьерный чиновник*). Весьма частотными являются такие уточнения, как *большой/важный/высокопоставленный/влиятельный/крупный/чиновник высокого ранга*. При описании их деятельности используются ставшие традиционными для нашей культуры фразы: *сидит в высоком мягком кресле; имеет загородный дом; наживает; превышает должностные полномочия; берет взятки; собирает коллекцию из подношений; заинтересован в контроле над финансовыми потоками; не умеет грамотно, осмысленно изъясняться и строить свою речь, правильно ставить ударение*; чиновник по-прежнему ассоциируется с образом Хлестакова — *не прочь намекнуть, что действует исключительно во исполнение августейшего повеления*. Традиции описания жизни и быта чиновников продолжают и в самой новой отечественной прозе, например в романах Ю. Латыниной, А. Терехова.

Обращение к эмоциональным оценкам в информационно-текстовой среде связано с реализацией не только информативной, но и гедонистической функции. Журналист, человек пишущий, обращается к некоторому устоявшемуся набору приемов создания оценки в текстовом форма-

те, апеллирующих к эмоциональному интеллекту читателя, в частности, это ряд изобразительных средств, в которых слова и словосочетания получают переосмысленное значение — гипербола, литота, перифраза, олицетворение, аллегория и ирония, они чаще других задают особый стиль коммуникации, основанный на ироничной оценке образа жизни.

В качестве примера создания ироничного контекста, который вызывает у продвинутого читателя ассоциации с фактами из истории России, рассмотрим фрагмент из «Сказок о пароходе» В. Войновича, полностью стилизованный под жанр побасенки. Вначале автор рисует социальную панораму дореволюционной России: *в некотором царстве, некотором государстве был некоторый ветхий пароход*, и ходил он *по малокаботажным маршрутам*; пассажирами его были разные люди (*помещики, капиталисты, попы, купцы, военные, студенты, интеллигенция и просто люд*), и плавали они из года в год *кто на базар, кто в церковь, кто на службу, кто по семейным делам, а кто на митинги и демонстрации*. Далее автор иронично пишет, что доплавались до того, что однажды пароход был захвачен пиратами, но *не плохими пиратами, а хорошими*, которые решили *доставить пассажиров из порта А не в порт Б, а в страну Лимонию*. Поскольку путь был неблизким, пароход — старым, а пассажиров было слишком много, *решили скинуть за борт для облегчения помещиков, капиталистов, попов, купцов и военных, но при этом всякие там часы, кресты, цепочки, бумажники — все это у них предварительно отобрали, чтобы плыть им было полегче*. Автор далее сообщает, что сбросили пираты за борт интеллигенцию, команду корабля и своих людей всюду расставили, но на картах они не нашли страны Лимонии, после чего капитан пиратов решил, что карты им не нужны, т. к. у них есть *капитальный труд знаменитого морского волишебника Карлы Мырлы*. В подобном ироничном тоне В. Войновичу удалось на пяти страницах сказки изложить значимые фрагменты из истории Советского Союза со всеми его политическими лидерами, которые представлены в образах семи капитанов. Завершается первая сказка песней народа: *Так как нам быть? Куда нам плыть? По-прежнему неясно. Зато об этом говорить теперь мы можем гласно*. Предложенный пример требует от читателя умения декодировать смысл текста художественного произведения, поскольку выражение насмешки здесь идет через употребление слов с прямо противоположными коннотациями, возникающими в границах контекста их употребления. Специфика подачи коннотации приводит к перемене оценочного компонента с положительного или нейтрального на отрицательный, «ласковая эмоция на издевку, употребление слов с поэтической окраской

по отношению к предметам тривиальным и пошлым используется, чтобы показать их ничтожество» [Арнольд, 2004, с. 128], за притворным восхвалением в действительности стоит ее порицание.

Предлагаемый взгляд на информационно-текстовую среду позволяет в рамках многогранной парадигмы анализа публичного текста соотнести сведения о типичных стратегиях, приемах и языковых средствах информирования с возможными морально-этическими последствиями от воздействия текста на психологическое состояние современного гиперинформированного сообщества и предложить приемы коммуникативной терапии, способной нивелировать негативные последствия пребывания человека в гиперинформативной и политизированной среде. Особую роль в этом играет реализация гедонистической функции воздействия, и лингвисту не нужны особые процедуры для подтверждения этого — образ карьерного чиновника, казнокрада, льстеца и обманщика быстро опознается публикой, и авторская насмешка над выделенными выше признаками чиновника позитивно воспринимается зрителями в любом театре, о чем свидетельствует смех в зале, читатели обмениваются комментариями в соцсетях, профессиональные журналисты иронично пишут об этом в блогах, а читатели (так называемые фолловеры) позитивно их оценивают. Таким образом, карнавальное начало смеха и иронии, наряду с гедонистической функцией, способствует снижению градуса пассионарности, сублимируя недовольство народа душевной необустроенностью своего бытия.

**ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ КОНЦЕПТЫ ГЕРМАНА ГЕССЕ
В ПОВЕСТИ «СИДДХАРТХА. ИНДИЙСКАЯ ПОЭМА»:
ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Н.А. Красавский

Уникальность статуса лингвистики среди гуманитарных наук заключается в самом объекте ее изучения — языке, который формирует и развивает человеческую мысль, кодирует и квалифицирует человеческий опыт. Уместно вспомнить содержательную характеристику языка датского ученого Л. Ельмслева, справедливо отметившего высокий эвристический потенциал лингвистики при толковании вербализованного человеком мира. В своих «Пролегоменах к теории языка» он указал на необходимость изучения языка как самого продуктивного способа интерпретации человеческой мысли и в целом жизни социума: «Язык,

рассматриваемый как знаковая система и как устойчивое образование, используется как ключ к системе человеческой мысли, к природе человеческой психики. Рассматриваемый как надындивидуальное социальное учреждение, язык служит для характеристики нации. Рассматриваемый как колеблющееся и изменяющееся явление, он может открыть дорогу как к *пониманию стиля личности*, так и к событиям жизни прошедших поколений» [Ельмслев, 1999, с. 132] (курсив мой. — *Н.К.*).

Обращение к интерпретации созданных на протяжении веков текстов действительно дает нам ключ к открытию тайн нашей цивилизации, ее мировоззрения и мироощущения, духовным и утилитарным приоритетам той или иной эпохи в системе ценностных координат общества. Труднообозрима научная литература, описывающая особенности различных временных «срезов» исторического развития человечества, специфику менталитета людей разных эпох, этносов, религий. Изучение рода человеческого, всматривание в его ментальный «портрет» немислимы без интерпретации **вербальных** поступков людей. Значимость языка, фиксирующего поведение человека, оценивающего его, следовательно, характеризующего конкретный топос, признают и смежники лингвистов — психологи, психоаналитики, социологи, этнографы, культурантропологи. Более того, по справедливому замечанию В.И. Шаховского, результаты языковедческих изысканий оказываются востребованными не только представителями гуманитарных и социальных наук, но и учеными-естественниками [Шаховский, 2011б, с. 198—205].

При ретроспективном анализе истории развития лингвистики за последнюю четверть века можно легко заметить значительное расширение ее объекта исследования. Достаточно вспомнить такие ее базисные статусно признанные направления, как когнитивная лингвистика, лингвоконцептология, лингвокультурология и лингвоаксиология. Разумеется, указанные научные направления возникли не спорадически. Их появление обусловлено самой логикой развития науки, стремлением ученых «сломать» условные перегородки, разделяющие объекты притязаний разных наук, с целью создания **интегративной** модели интерпретации мира, объяснения сущности человека.

Последние два десятилетия, вне всякого сомнения, обогатили отечественную филологию, в целом гуманитарную науку многими продуктивными идеями, реализация которых приводит к все более интенсивному формированию новых научных «пограничных» парадигм и направлений. Безусловно, высок коэффициент полезного действия лингвистов в формировании интегративной модели человеческого бытия. Это обусловлено, по нашему мнению, как минимум, следующими об-

стоятельствами. Во-первых, общей тенденцией к устранению перегородок между разными отраслями знания, мешающими глубокому и эффективному освоению быстро меняющего свой облик мира, во-вторых, исчерпанностью эвристического потенциала прежних парадигм (например, структуралистской) и, в-третьих, востребованностью филологических данных у представителей смежных с лингвистикой научных дисциплин — прежде всего психологов, социологов, культурологов и когнитологов.

Современная лингвистика, как хорошо известно, антропоцентрична. Антропоцентрический путь развития отечественной лингвистики предсказал в конце 1980-х гг. известный ученый Б.А. Серебренников, мотивировав свой прогноз-призыв следующим образом: «При антропологическом подходе к изучению языковых явлений необходимо решение такой фундаментальной задачи, как определение *влияния человека на его язык и языка на человека*, его мышление, культуру, его общественное развитие в целом» [Серебренников, 1988, с. 9] (курсив мой. — *Н.К.*).

Читателю хорошо известна серия коллективных монографий «Человеческий фактор в языке», изданных в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Институтом языкознания РАН. В этих книгах авторы дискутируют, в частности, по проблемам соотношения языка и мышления, слова и понятия, слова и концепта, языковой и когнитивной картин мира, механизмов порождения речи и др. Представляется, что данные монографические издания стимулировали интенсивное формирование отечественной антропоцентрической / антропологической лингвистики, в рамках которой выделились, в том числе, лингвокультурология и лингвоконцептология, стремительно и успешно развивающиеся с середины 1990-х гг. Лингвокультурология и лингвоконцептология оказались, как известно, приоритетными для научных изысканий в последние два десятилетия. Стержневым понятием для ученых, работающих в указанных парадигмах, является концепт, понимаемый как мыслительный конструкт, включающий в себя понятие, ценность и образ [Карасик, 2002а, с. 15]. Ознакомление с многочисленными исследованиями, в том числе и диссертационного плана, показывает, что круг неизученных концептов становится все уже и уже. Сегодня ученые все чаще подвергают лингвокультурологическому анализу **диад**ы концептов, например, стыда и вины [Дженкова, 2005], лицемерия и искренности [Храмова, 2010], зависти и ревности [Несветаилова, 2010], максимально коррелирующие друг с другом в лингвосемиотическом пространстве культуры, вербальные репрезентации которых обнаруживают разноплановое сходство как в

фило-, так и в онтогенезе. Имеют место смелые и удачные исследовательские попытки описания **концептуального поля** в разных лингвокультурах, например концептуального поля «терпение» [Долгова, 2006].

В современной лингвоконцептологии в фокусе исследовательского внимания ученых все чаще оказываются **индивидуально-авторские** концепты. Этот факт мы объясняем следующими обстоятельствами. Во-первых, перечень ценностей культуры лимитирован (ценностная составляющая концепта есть его облигаторный признак), следовательно, концепты в их лингвокультурологическом понимании количественно исчерпаемы. Во-вторых, до недавнего времени изучались преимущественно усредненные ценности, ценности, разделяемые большинством носителей того / иного языка, на периферии же исследовательской практики оставались **индивидуальные** ценностные ориентиры. Вне поля зрения лингвоконцептологии, направившей свои усилия на описание этнического менталитета, менталитета социальных групп того / иного лингвокультурного сообщества, оказалась концептосфера индивидуальная, т.е. система авторских ценностей, часто оформленных образами, которыми мыслит не среднестатистическая, а элитарная языковая личность — известные ученые, писатели, некоторые общественные и государственные деятели, обогатившие своими концептами как минимум групповые концептосферы, а в ряде случаев — и общенациональные.

Для лингвоконцептолога, ставящего перед собой задачу выявления и описания индивидуально-авторских концептов, важна как сама понятная система, лежащая в основе мировоззрения конкретного индивида, так и система образов, выраженных языковыми средствами (преимущественно способами вторичной и косвенной номинации). Последние, как известно (см.: [Шаховский, 1988; 2008a]), могут быть эмотивами или же параэмотивами (т.е. обладать эмотивным потенциалом различного уровня).

Развитие теории эмотивности в 1980 — 1990-е гг., помимо уточнения ряда семасиологических категорий, привело в последнее время к возникновению в рамках коммуникативной лингвистики многообещающего ответвления — эмотивной лингвоэкологии, активно разрабатываемой в рамках научно-исследовательской лаборатории «Язык и личность», функционирующей на кафедре языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета (см.: [Шаховский, 2011б, с. 198—205; Солодовникова, 2010]). Трудно не согласиться с волгоградскими учеными, доказывающими, что проблемы лингвоэкологии нельзя рассматривать вне эмотивной лингвистики. Установить экологичность общения (текста) действительно невозможно без обращения к эмотивным средствам языка (эмотивным лексике, фразе-

ологии, словообразованию и синтаксису). Наши высказывания, тексты, насыщенные эмотивами, способны вызывать определенные (положительные или отрицательные) реакции у адресата. Если адресант преследует цель вызвать отрицательные эмоции у получателя текста, спровоцировать его некомфортное самочувствие, то он (адресант), по определению, пользуется соответствующими языковыми ресурсами (как правило, эмотиконом).

Заметим, что лингвоэкологами уже разработаны параметры (критерии) экологичного и неэкологичного общения. Так, в частности к параметрам неэкологичного общения относятся оскорбления, формирование и расширение антагонистического круга, диффамация, грубость, негативная вежливость, излишняя категоричность, злоупотребление снижением порога восприятия, коммуникативное преследование, перебивы, немотивированное «ты-общение», давление словом, стилистические нарушения [Шаховский, Солодовникова, 2009, с. 5—16]. Экологичным общением, следовательно, можно считать речь и коммуникативное поведение с противоположными характеристиками.

Следует сказать, что уже есть выполненные на значительной эмпирической базе работы, ставящие акцент на изучении лингвоэкологического аспекта коммуникации, в частности исследования материалов российских СМИ (см.: [Сковородников; Солодовникова, 2010; Шаховский, Солодовникова, 2009, с. 5—16]).

Для нас представляет интерес интерпретация в лингвоэкологическом аспекте повести «Сиддхартха. Индийская поэма» («Siddhartha. Eine indische Dichtung», 1922 г.) известного швейцарско-немецкого писателя Г. Гессе (1877—1962 гг.). Выбор этого произведения для анализа обусловлен, с одной стороны, масштабом личности писателя, глубиной и зрелостью его рассуждений, с другой — оригинальной манерой повествования, неповторимым индивидуальным стилем крупнейшего писателя XX в., повлиявшего своим творчеством и публичной деятельностью на европейскую культуру и, в особенности, на литературу. Интеллектуал Г. Гессе на протяжении всей своей жизни обращался к проблеме становления человека в социуме, анализу поступков людей, выявлению мотивов их действий. Будучи тонким психологом, обладая колоссальными знаниями о культуре разных народов, их религии, обычаях, глубоко разбираясь в истории формирования цивилизации, законах ее функционирования, писатель находился в постоянном мучительном поиске причин человеческого обезличивания (в его терминологии — *Entselbstung*), потери индивидом своей «самости» (*Selbstheit*), пытался найти пути, ведущие к ее реконструкции, умело приглашая читателя к диалогу, выстроенному с соблюдением всех лингвоэкологических параметров.

Сама по себе экзистенциальная проблематика произведений швейцарско-немецкого писателя, их сюжеты, часто посвященные трагическим судьбам персонажей, равно как и наполненный символами и метафорами язык, раскрывающий авторские образы, эмотивно «уплотняют» художественные тексты Г. Гессе. Его тексты в высшей степени эмотиогенны (термин В.И. Шаховского) в силу самих сюжетов и образно-языковых средств. Примечательно, что частотное употребление раскрывающих сюжеты и образы протагонистов эмотивов и параэмотивов в произведениях Г. Гессе, в особенности в «Сиддхартхе», не нарушает постулатов коммуникативной экологичности. Читатель не испытывает психологического давления, вербального диктата со стороны писателя, не чувствует себя психологически и ментально ущемленным. Показательны строки Г. Гессе из его «Послесловия» к роману «Степной волк» («*Der Steppenwolf*»): *Ich kann und mag natürlich den Lesern nicht vorschreiben, wie sie meine Erzählung zu verstehen haben. Müge jeder aus ihr machen, was ihm entspricht und dienlich ist!* — Я, естественно, не могу и не хочу давать советы читателю, как ему следует понимать мой рассказ. Пусть каждый возьмет из него то, что посчитает для себя нужным! (перевод наш. — Н.К.). Г. Гессе, обращаясь к читателю, отдает себе отчет в том, что понимание его произведения, истолкование писательского творчества всегда индивидуальны.

Повесть «Сиддхартха. Индийская поэма» занимает концептуальное место в творчестве писателя, живо интересовавшегося на протяжении всей своей жизни философией, культурой и религией Востока. Увлечение писателя культурой восточных стран объясняется многими причинами. Одной из них является сама система культурных ценностей Востока, привлекавшая его внимание, более того, выполнявшая для него на разных этапах жизни своеобразную терапевтическую функцию.

Само по себе название повести «Сиддхартха. Индийская поэма» аллюзивно. В нем указано имя человека, реально жившего с 563-го по 483 г. до н. э. в пограничных областях Непала и Индии. Сиддхартха — это исторический Будда [Всемирная энциклопедия... 2003, с. 406—407]. В переводе с санскрита *siddharta* значит «стремящийся к совершенству».

В своей повести Г. Гессе изображает основные этапы жизни Сиддхартхи, опираясь на исторические данные — занятия йогой, медитация с детских лет, затем уход из дома со странствующими аскетами, обучение у них, годы жизни в аскезе, наступление Просветления. Прежде чем стать Буддой, исторический Сиддхартха должен был овладеть 10 парамитами (великими совершенствами): нравственностью, мудростью, щедростью, самоотречением, настойчивостью, целеустремленностью,

терпением, невозмутимостью, искренностью, неизбирательной любовью [Всемирная энциклопедия... 2003, с. 409]. Слово «парамита» в переводе с санскрита значит «переправа, средство спасения» [Парамита: www]. Названные выше понятия, как можно видеть, представляют собой в совокупности систему морального регулирования жизни человеческого общества. Лингвоконцептолог рассматривает их как концепты. Охарактеризуем индивидуально-авторские концепты «мудрость», «самоотречение», «терпение», «невозмутимость» и «неизбирательная любовь» с позиций лингвоэкологии.

Уже в самом начале повести читатель видит юношу Сиддхартху, занятого поиском смысла жизни, сомневающегося в мудрости старших и знании ими (в том числе и учителями-брахманами) истины: *Deine Seele ist die ganze Welt, stand da geschrieben <...>. Wunderbare Weisheit stand in diesen Versen, alles Wissen der Weisesten stand hier in magischen Worten gesammelt, rein wie von Bienen gesammelter Honig. Nein, nicht gering zu achten war das Ungeheure an Erkenntnis, das hier von unzählbaren Geschlechterfolgen weiser Brahmanen gesammelt und bewahrt lag. — Aber wo waren die Brahmanen, wo die Priester, wo die Weisen oder Вьяер, denen es gelungen war, dieses tiefste Wissen nicht bloß zu wissen, sondern zu leben?* Быть мудрым брахманом значит, в понимании Сиддхартхи, не просто обладать знаниями, а *лично* пережить их. Обращает на себя внимание способ выражения Сиддхартхой критического отношения к мудрости старших учителей: *dieses tiefste Wissen nicht bloß zu wissen, sondern zu leben?* В форме риторического вопроса высказано сомнение в их учености, однако здесь и следа нет нарушения экологичности коммуникации. Более того, в приведенном отрывке выражено чувство глубочайшего уважения к тем, кто стремится стать мудрым, познать истину. Сравнительный оборот *rein wie von Bienen gesammelter Honig*, метафорически характеризующий человеческое познание, вызывает у читателя ассоциации с духовной чистотой людей (*rein*), стремящихся к поиску истины, с их трудолюбием (*die Biene* — пчела) — обязательными условиями открытия загадки мироздания.

Мудрость человеческая заключается в поиске самого себя. Если человек находит себя в мире, понимает, кто он есть, то он в таком случае знает путь к самосовершенствованию, созданию вокруг себя гармонии, единения с окружающим миром. К такому умозаключению Сиддхартха приходит уже в зрелом возрасте: *Langsam blühte, langsam reifte in Siddhartha die Erkenntnis, das Wissen darum, was eigentlich Weisheit sei, was seines langen Suchens Ziel sei. Es war nichts als eine Bereitschaft der Seele, eine Födigkeit, eine geheime Kunst, jeden Augenblick, mitten im Leben, den Gedanken der Einheit denken, die Einheit föhlen und*

einatmen zu können. Langsam <...> strahlte ihm aus Vasudevas altem Kindergesicht wider: Harmonie, Wissen um die ewige Vollkommenheit der Welt, Lächeln, Einheit.

Непрямые (метафорические) обозначения концепта «мудрость» — *der Strahlende, der Erleuchtete, die Erleuchtung* (производные от основ *strahl, leucht*), в отличие от его прямых номинаций, экспрессивно-образны. Данные лексемы благодаря их ассоциативному компоненту ставят в один ассоциативный ряд человеческое познание и лучи света — символ Добра. Приведем еще один пример. Перевозчик Васудева, увидев однажды в глазах Сиддхартхи сияние мудрости и глубокого знания, понимает, что ему, Васудеве, пора уходить с берега реки, оставив свое ремесло-призвание (переправу через реку, символизирующую деление мира на духовный и чувственный, переход из одного мира в другой) младшему товарищу: *Als Vasudeva sich von dem Sitz am Ufer erhob, als er in Siddharthas Augen blickte und die Heiterkeit des Wissens darin strahlen sah, berührte er dessen Schulter leise mit der Hand, in seiner behutsamen und zarten Weise, und sagte: «Ich habe auf diese Stunde gewartet, Lieber. Nun sie gekommen ist, lass mich gehen».* Генитивная метафора *die Heiterkeit des Wissens* образно эксплицирует процесс и результат человеческого познания. Познание мира ассоциировано с радостью. Употребление оценочного глагола *strahlen* в его метафорическом значении, равно как и выступающих в функции позитивно оценочных эпитетов прилагательных *behutsam* и *zart*, служит способом экспрессивизации приведенного отрывка текста, способствует расширению его «экологической зоны».

Концепт «мудрость» ценностно ориентирован. В этом концепте заключена ярко выраженная позитивная ценность, о чем свидетельствуют контексты употребления слов, его обозначающих и выражающих. Ряд лексем, контекстуально эксплицирующих данный концепт, обладает положительной коннотацией: *die Heiterkeit, strahlen, ausstrahlen, die Harmonie, die ewige Vollkommenheit, das Lächeln* и др.

Мудрость есть залог человеческой гармонии. В свою очередь, залогом мудрости выступают такие качества характера человека, как самоотречение, смирение, терпение, целеустремленность, настойчивость.

Концепт «самоотречение» (*die Selbstverleugnung*) номинируется преимущественно корневыми морфемами *opfer, leid, schmerz, qual, selbst* и их производными — *opfern, opfernd, die Opfergedenke, die Opferregel; leiden, leidend, das Leid, das Erleiden; der Schmerz, schmerzen, schmerzlich, schmerzvoll; die Qual, quälen, das Sichquälen; das Selbst, die Entselbstung, entselbstet*. Обращает на себя внимание отсутствие в тексте повести субстантивного номинанта *die Selbstver-*

leugnung, равно как и его производных. Самоотречение, граничащее с жертвенностью, выражено, как можно видеть, лексическими единицами, обозначающими сам способ его осуществления. Самоотречение сопряжено со страданием, душевной и физической болью, с определенными психологическими усилиями человека, направленными на преодоление себя. Самоотречение как важнейший регулятор моральных поступков и интенций человека служит, как полагает Г. Гессе, необходимым условием постижения им истины человеческого бытия. Без этой парамиты, предполагающей испытание духа человека, нельзя понять человеческое мироздание. Самоотречение — это состояние души и духа человека. Свое самоотречение, психологическую подготовку к нему Сиддхартха описывает следующим образом: *Als Knabe habe ich nur mit Güttern und Opfern zu tun gehabt. Als Jüngling habe ich nur mit Askese, mit Denken und Versenkung zu tun gehabt, war auf der Suche nach Brahman, verehrte das Ewige im Atman. Als junger Mann aber zog ich den B̄iern nach, lebte im Walde, litt Hitze und Frost, lernte hungern, lehrte meinen Leib absterben.* Данный концепт, как видим, выражается и непрямыми номинациями — *hungern, absterben*, имеющими «в норме» отрицательные коннотации. Однако в приведенном примере эти глаголы ими не обладают, что обусловлено контекстом их употребления. Свой уход из родительского дома юный Сиддхартха объясняет самому себе стремлением к самостоятельному поиску смысла жизни. Уже в молодые годы он интуитивно чувствует, что никто — даже ученые брахманы — не могут ему помочь в этом поиске. Их интерпретация человеческого мироздания — это чужое понимание жизни, не им пережитое. Сиддхартха изначально, на уровне догадки, в часы медитации понимает: только пройдя автономно очередной круг жизни, он сам разгадает ее главную загадку. Пытливый ум, большие природные способности вызывают в нем страстное желание понять смысл бытия, предназначение человека: *Musste er nicht immer und immer wieder an heiligen Quellen, ein Durstender, trinken, am Opfer, an den B̄chern, an der Wechselrede der Brahmanen?* Эпитеты *heilig* и *durstend* оценочно эксплицируют жизненную установку протагониста. К истинам, открытым другими людьми, истинам и мудрости, отраженным в «Упанишадах», следует прийти самостоятельно, непременно *пережить* их: *Oft sprach er aus einem Chandogya-Upanishad sich die Worte vor: «F̄rwahr, der Name des Brahman ist Satyam — wahrlich, wer solches weī, der geht t̄glich ein in die himmlische Welt». Oft schien sie nahe, die himmlische Welt, aber niemals hatte er sie ganz erreicht, nie den letzten Durst gel̄scht.* Жажда познания не дает покоя молодому Сиддхартхе. Будучи юношей, он на-

слаждается учением мудрецов, но при этом в нем созревает сомнение в том, что они сами, пройдя собственный путь, постигли истину (ее метафорическое / символическое выражение *die himmlische Welt*).

Уход из дома с группой аскетов меняет образ жизни Сиддхартхи. Он многому учится у них — с достоинством переносить лишения и тяготы жизни странника, обходиться подавными светских людей, скудно питаться, спать под открытым небом. Главный персонаж повести стремится избавиться от всяких мирских желаний, освободиться от мыслей, опустошить и духовно изжить свое Я, поскольку только в этом случае, как ему представляется, в его душе вызреет новая субстанция, откроется большая тайна, некое таинство жизни (*das groÙe Geheimnis*): *Ein Ziel stand vor Siddhartha, ein einziges: leer werden, leer von Durst, leer von Wunsch, leer von Traum, leer von Freude und Leid. Von sich selbst wegsterben, nicht mehr Ich sein, entleerten Herzens Ruhe zu finden, im entselbsteten Denken dem Wunder offen zu stehen, das war sein Ziel. Wenn alles Ich überwunden und gestorben war ..., dann musste das Letzte erwachen, das Innerste im Wesen, das nicht mehr Ich ist, das groÙe Geheimnis.*

Самоотречение посредством умерщвления своего Я происходит через боль, страдания и медитацию — единственный способ превращения себя в иную субстанцию, переход в нее, в новое качество: *Er ging den Weg der Entselbstung durch den Schmerz, durch das freiwillige Erleiden und Überwinden des Schmerzes, des Hungers, des Dursts, der Müdigkeit. Er ging den Weg der Entselbstung durch Meditation.* Самоотречение Сиддхартхи автору повести видится как стремление к совершенству человеческого духа, как одна из обязательных буддистских парамит в сложно структурированной аксиологической системе восточной философии и религии.

Концепт «самоотречение» позитивно ценностен в индивидуально-авторской картине мира Г. Гессе. Языковыми средствами, воплощающими данный концепт, часто служат такие его обозначения, как *die Entselbstung, das freiwillige Erleiden, das Überwinden des Schmerzes, das Überwinden des Hungers, des Dursts, der Müdigkeit.* Использование метафор (*meinen Leib absterben lehren, leer von Wunsch, leer von Traum, leer von Freude und Leid, den Weg der Entselbstung gehen*), эпитетов (*freiwillig*) и символов (*die himmlische Welt*) служит эмотивному уплотнению художественных контекстов. Их эмотивность не нарушает при этом постулатов экологичности общения.

Аскетический образ жизни (по сути, полное отречение от светского мира) формирует в герое произведения важнейшее его качество — терпение. Концепт «терпение», как показывает материал, вербализован корневыми морфемами *wart, duld, harr* и их производными.

Сиддхартха в полной мере обладает терпением, завидным терпением. Он, будучи уже зрелым, считает это качество человека необходимым условием выстраивания гармоничных отношений внутри общества. Терпение — это условие обладания мудростью и в то же время производное самой мудрости. Показателен факт неоднократного употребления в речи протагониста высказывания, ставшего его своеобразным девизом: *Ich kann denken. Ich kann warten. Ich kann fasten* (Я умею мыслить. Я умею ждать. Я умею поститься) (перевод мой. — Н.К.). Одним из своих совершенств он, таким образом, наряду с мудростью полагает и терпение, выдержку. Приведем два пассажа из повести. Купец Камасвами, прежде чем взять Сиддхартху на работу, решил проверить, умеет ли тот писать. Последний взял лист бумаги и написал следующее: *Schreiben ist gut, Denken ist besser. Klugheit ist gut, Geduld ist besser.* (Уметь писать — это хорошо, уметь мыслить — еще лучше. Ум — это хорошо, терпение — еще лучше) (перевод мой. — Н.К.). В этом эпизоде общения Сиддхартхи с купцом мы обнаруживаем четко оформленную систему ценностных приоритетов главного персонажа повести. Приведем еще один заслуживающий внимания пример, иллюстрирующий важность обладания терпением для мудрого, умеющего достойно себя вести человека. На второй день своего пребывания в городе странствующий аскет Сиддхартха встречает красавицу-куртизанку Камалу, окруженную многочисленными слугами и почитателями. Она спрашивает Сиддхартху о его способностях и талантах. Аскет достойно отвечает богатой, знатной Камале: *Ich kann denken. Ich kann warten. Ich kann fasten.* Женщина умная, но приходит в полное недоумение, услышав эти слова. Впоследствии Камала становится любовницей Сиддхартхи, сумевшего ее покорить своей мудростью, знаниями, умом, выдержкой и целеустремленностью. О релевантности терпения для протагониста свидетельствует и его отношение к сыну, которого родит Камала. Она трагически погибает, и сын остается жить у Сиддхартхи, поселившегося незадолго до этого печального события в доме перевозчика. Привыкший к роскоши, ребенок игнорирует отца, презирает условия его однообразной и скудной жизни. Сиддхартха терпеливо пытается наладить с ним отношения: *Langsam hoffte er ihn zu gewinnen, durch freundliche Geduld.* Только любовь и терпение, как считает Сиддхартха, могут быть эффективными в воспитании ребенка: *<...> er konnte den Sohn nicht hergeben. Er lieЯ sich von dem Knaben befahlen, er lieЯ sich von ihm missachten. Er schwieg und wartete, begann tьglich den stummen Kampf der Freundlichkeit, den lautlosen Krieg der Geduld.*

Концепт «терпение» в индивидуально-авторской картине мира Г. Гессе имеет ярко выраженную позитивную ценностную ориентированность, о чем красноречиво говорят читателю контексты употребления слов, его

обозначающих и выражающих. Некоторые лексемы, выступающие в функции оценочных эпитетов, обладают яркой положительной коннотацией (например, *freundliche (Geduld)*). В терпеливом отношении к другому человеку, в толерантности легко обнаруживается, по Г. Гессе, радость общения.

Парамита «невозмутимость» содержательно близка парамите «терпение». На лингвоконцептологическом уровне это не идентичные феномены. Концепт «невозмутимость» (*die Gelassenheit*), судя по лексикографическим источникам, в немецком языке имеет достаточно разветвленную систему обозначения: *die Ausgeglichenheit, die Beherrschtheit, die Beherrschung, die Fassung, die Gefasstheit, die Gelassenheit, die Gemütsruhe, der Gleichmut, die Gleichmütigkeit, die Kaltblütigkeit, die Seelenruhe, die Selbstbeherrschung, die Unerschütterlichkeit, ausgeglichen, behöbig, beherrscht, gefasst, geruhsam, gelassen, gezügelt, gleichmütig, locker, lössig, ruhig* [DWDS; Woxikon]. Однако в самой повести он слабо актуализирован, по крайней мере, на уровне прямых обозначений — *lass, (gleich)mut, ruh*.

Данный концепт, как и рассмотренные выше, позитивно ценностен. Его индивидуально-авторское воплощение осуществляется в контексте употребления с положительной коннотативной лексикой (например, *strahlen, glücklich*). Приведем пример. Сиддхартха в беседе с Готамой (Буддой) высказал в мягкой форме свое суждение об Учении великого мудреца. Оно сводится к тому, что все верующие, все паломники, окружающие Готаму, верят в его великое Учение, но они при этом не испытали — в отличие от своего Учителя — тайны Просветления. Верующие не пережили всего того, что испытал на пути поиска истины сам Будда. Эта мысль постоянно тревожила Сиддхартху. Заслуживает внимания лингвоэкологическое описание в повести реакции на эти суждения Будды, высоко ценившего умного Сиддхартху: *Die Augen des Buddha blickten still zu Boden, still in vollkommenem Gleichmut strahlte sein unerforschliches Gesicht*. Мудрый учитель остается невозмутимым: *<...> glaubst du, dass es diesen allen besser wäre, die Lehre zu verlassen und in das Leben der Welt und der Lust zurückzukehren? (Ты думаешь, что для всех них [паломников, учеников Будды] было бы лучше отвернуться от моего учения и вернуться в мир грехов и соблазнов?)* (перевод мой. — Н.К.). Через употребление в этом фрагменте текста коннотативного глагола *strahlen* читателю становится понятной оценка автора повести буддистской парамиты «невозмутимость». Обращает на себя внимание высокая степень экологичности приведенного выше диалога, выражающаяся в глубоком взаимном уважении оппонентов. Это показывает, в частности, реакция Будды (метафора — *still in vollkommenem Gleichmut*

strahlte), применение им риторического вопроса: *<...> und in das Leben der Welt und der Lüste zurückzukehren?* Умение контролировать свои эмоции, невозмутимость, выдержка, спокойствие обоих оппонентов в ситуации полемики — индикатор их социально-нравственной зрелости. В возникшей дискуссии (заметим — дискуссии мировоззренческого характера) Сиддхартха и Будда уважительны друг к другу, сохраняют свое достоинство и — что не менее важно — позволяют сохранить лицо своему оппоненту.

Невозмутимость, которой обладает Сиддхартха, не только укрепляет его дух, помогает адекватно и глубоко интерпретировать мир, но и оказывается крайне полезной и в практической жизни, в быту. Служивший некоторое время у купца Камасвами, Сиддхартха был успешен в заключении договоров по поставкам риса и шерсти. Дела купца процветали благодаря умеющему строить отношения с людьми Сиддхартхе, обладающего терпением, выдержкой и уравновешенностью. Камасвами считал его просто счастливым (*glückliche Hand*) и не мог понять, почему его подчиненному, мало понимающему в сельском хозяйстве, в торговле, постоянно везет: *Der Kaufmann <...> sah bald, dass Siddhartha von Reis und Wolle ... wenig verstand, dass aber seine Hand eine glückliche war, und dass Siddhartha ihn, den Kaufmann, übertraf an Ruhe und Gleichmut.* Успех в деловых переговорах Сиддхартхи объясняется как раз соблюдением им «лингвоэкологических» правил. Использование позитивно-оценочной лексики, спокойная интонация, выражающая дружелюбие, жестикуляция и мимика, эмоционально настраивающие собеседника на открытый, искренний разговор — это в высшей степени экологичные, а следовательно, и действенные коммуникативные средства.

Концепт «невозмутимость», вербализация которого прямыми номинациями в повести по сравнению с некоторыми из рассмотренных ранее концептов сведена к минимуму, активно актуализируется иным способом — экспликативным. В следующем примере мы видим невозмутимое поведение Сиддхартхи во время приступа гнева у его сына, упрекающего отца в его добродетелях, бедности и набожности: *Der Sohn indessen <...> lieЯ ihn täglich sich vor seinen Launen demütigen. <...> Langweilig war ihm dieser Vater, <...> , langweilig war er ihm, und dass er jede Unart mit Lächeln, jeden Schimpf mit Freundlichkeit, jede Bosheit mit Güte beantwortete...* . Как следует из приведенного примера, на всякие агрессивные выпады своего неуравновешенного сына, не желающего признавать отцовских добродетелей, желающего уйти из его бедной лачуги в город, в замок, унаследованный от матери, Сиддхартха

отвечает поразительной выдержкой, остается внешне невозмутимым, реагируя на грубости улыбкой, дружелюбием, душевностью (*mit Lächeln, mit Freundlichkeit, mit Güte*). В другом (хронологически более раннем) эпизоде произведения мы видим невозмутимого Сиддхартху-сына, просящего благословения у своего отца-брахмана уйти из дома странствовать с аскетами. Отец отказывает сыну в его просьбе. По сути, здесь мы имеем дело с конфликтогенной ситуацией — слишком полярны намерения и желания отца и сына. Однако поразительна экологичность их короткого диалога: *Da sprach der Vater: «Nicht ziemt es dem Brahmanen, heftige und zornige Worte zu reden. Aber Unwille bewegt mein Herz». Langsam erhob sich der Brahmane, Siddhartha stand stumm mit gekreuzten Armen*. Отец-брахман свое недовольство просьбой сына высказывает косвенно. Дадим дословный перевод: «Не подобает брахману говорить крепкие и гневные слова». В столь дипломатичной форме дан отказ сыну (заметим, сын — еще подросток). Реакция Сиддхартхи не менее достойна — молчание, скрещенные на груди руки как знак покорности, а значит, и уважения. Здесь перед нами умеющий управлять эмоциями, невозмутимый (*stumm mit gekreuzten Armen*), смиренный, спокойный и в то же время настойчивый в своем желании еще совсем юный Сиддхартха. На следующее утро он все же оставит родительский дом, добившись молчаливого согласия отца, принявшего решение сына, всю ночь простоявшего в комнате в смиренной позе. Приведенный эпизод повести показывает релевантность невербального поведения ее персонажей — молчание, поза, мимика оказываются действенными и наиболее паралингвоэкологичными средствами достижения коммуникативной цели.

Концепт «невозмутимость» оязыковляется в повести необязательно его прямыми номинантами. Полагаем, что не самая высокая частотность актуализации данного концепта объясняется его пограничным статусом — он содержательно коррелирует с концептом «терпение». По сути, здесь можно вести речь о концептуальном поле «терпение — выдержка — невозмутимость — смирение».

Концепт «неизбирательная любовь» обозначается в повести преимущественно корневой морфемой *lieb* и ее многочисленными производными (индекс их частотности употребления в произведении составляет 101 единицу).

Путь Сиддхартхи к осознанию истины, тайного смысла бытия сложен. На пути постижения великой тайны он осваивает человеческие совершенства, в числе которых и неизбирательная любовь — одна из буддистских парамит, регулирующих психическую организацию человека, нормирующих его поведение в обществе.

Г. Гессе изображает несколько этапов жизни Сиддхартхи — его детство и отрочество в родительском доме, жизнь среди саманов-аскетов, светская жизнь и жизнь просветленного (*der Erleuchtete*) перевозчика в лесу, у великой и могучей реки, символизирующей сущность мироздания. Понимание ценности любви к окружающему миру приходит к позднему Сиддхартхе-перевозчику. До этого, четвертого, этапа жизни он, овладев многими из парамит (щедрость, терпение и др.), недооценивает важность неизбирательной любви к миру. Наблюдения за жизнью обычных людей приводят молодого Сиддхартху к мысли об их интеллектуальной ограниченности, неумении рефлексировать, наивности. Этих обычных людей, занятых делами земными (воспитанием детей, повседневной работой, бытом), он характеризует емким по смыслу словом «*Kindermenschen*» (люди-дети). Его отношение к ним, видимо, можно назвать снисходительным. Первоначально Сиддхартхе трудно понять «людей-детей», в чем он признается в беседе Камале, упрекнувшей его в неумении любить других: «*Und dennoch, Lieber, bist du ein Samana geblieben, dennoch liebst du mich nicht, du liebst keinen Menschen. Ist es nicht so?*» «*Es mag wohl so sein*», sagte Siddhartha мѣде. «*Ich bin wie du. Auch du liebst nicht — wie kunnst du sonst die Liebe als eine Kunst betreiben? Die Menschen von unserer Art kunnnen vielleicht nicht lieben. Die Kindermenschen kunnnen es; das ist ihr Geheimnis*».

Просветление Сиддхартхи, появление нового Сиддхартхи происходят у берега реки, у ее шумных, разговаривающих голосами тысяч людей потоков. Здесь он овладевает еще одним человеческим совершенством — любовь к человечеству, в целом ко всему миру, всем его обитателям — людям, животным, растениям, камням: *In diesem Fluss hatte sich Siddhartha ertrnken wollen, in ihm war der alte, мѣде, verzweifelte Siddhartha heute ertrunken. Der neue Siddhartha aber fѣhlte eine tiefe Liebe zu diesem strumenden Wasser.*

После встречи у реки с Говиндой, ставшим буддистским монахом, Сиддхартха укрепляется в своей вере в необходимость любви к миру: *Und wie hѳtte er, in diesem Augenblick, in dieser herrlichen Stunde nach seinem wunderbaren Schлаfe, durchdrungen von Om, irgend jemand und irgend etwas nicht lieben sollen! Eben darin bestand die Verzauberung, welche im Schлаfe und durch das Om in ihm geschehen war, dass er alles liebte, dass er voll froher Liebe war zu allem, was er sah. Und eben daran, so schien es ihm jetzt, war er vorher so sehr krank gewesen, dass er nichts und niemand hatte lieben kunnnen.*

Концепт «неизбирательная любовь» не только обозначается, но и высокочастотно эксплицируется в повести Г. Гессе. Приведем один из примеров вербализации этого концепта посредством его экспликации: *Anders*

sah er jetzt die Menschen an als früher, weniger klug, weniger stolz, dafür wärmer, dafür neugieriger, beteiligter. <...> So erschienen diese Leute ihm nicht fremd wie einst: er verstand sie, er verstand und teilte ihr nicht von Gedanken und Einsichten, sondern einzig von Trieben und Wünschen geleitetes Leben, er fühlte sich wie sie. Obwohl er nahe der Vollendung war, und an seiner letzten Wunde trug, schien ihm doch, diese Kindermenschen seien seine Bröde.

Выделенные нами лексемы в данном контексте косвенно выражают чувство привязанности, симпатии, неизбирательной любви Сиддхартхи к людям. Позитивная оценка любви эксплицируется такими эпитетами, как *große Liebe, tiefe Liebe, ungeheure Liebe, rasende Liebe, frohe Liebe, das Gefühl der innigsten Liebe*, а в ряде случаев метафорой — *strahlte ihm schweigend Liebe und Heiterkeit entgegen*.

Лингвоэкологически показателен следующий пример: *<...> die Liebe, o Govinda, scheint mir von allem die Hauptsache zu sein. Die Welt zu durchschauen, sie zu erklären, sie zu verachten, mag großer Denker Sache sein. Mir aber liegt einzig daran, die Welt lieben zu können, sie nicht zu verachten, sie und mich nicht zu hassen, sie und mich und alle Wesen mit Liebe und Bewunderung und Ehrfurcht betrachten zu können*. Этот отрывок представляет собой финальную часть произведения Г. Гессе. Здесь уже состарившийся Сиддхартха беседует с монахом Говиндой, обсуждая экзистенциальные вопросы человеческого бытия. Нравственность Сиддхартхи состоит в том, что он, переживший самые разные события, открывший себе и миру самого себя, находивший и временами терявший самого себя, каждый раз снова и снова открывавший нового Сиддхартху, не может не любить мир, мир знакомых и не знакомых ему людей, их достоинства, пороки и добродетели.

Повесть Германа Гессе «Сиддхартха. Индийская поэма» — это эталон лингвоэкологического общения. Автор умело использует языковые (прежде всего стилистические) ресурсы для создания сложного мира образов протагонистов, выражающих вербальными и авербальными поступками оценочное отношение к миру, аксиологически интерпретирующих его. Высокая рекуррентность прежде всего метафор и оценочных эпитетов как средств вербализации суждений персонажей повести (в том числе и персонажей-антагонистов) эмотивно «уплотняет» текст произведения. При этом, однако, эмотивность как свойство повести позитивно модальна. На первый взгляд может показаться, что сами по себе ключевые для рассматриваемого произведения понятия мудрости, самоотречения, терпения, невозмутимости, неизбирательной любви, выступающие моральными регуляторами жизни социума, не могут в силу их позитивной оценки провоцировать негативные оценочные

реакции как у протагонистов, так и у читателя. Иначе говоря, само художественно-идейное содержание произведения как будто бы не может обуславливать нарушения постулатов лингвоэкологичности общения. Однако это далеко не так. Повесть изобилует диалогами персонажей, мировоззренчески конфликтующих друг с другом. При этом, однако, многочисленные сцены их общения, эмоциогенные по сути, не выходят за лингвоэкологичные рамки. Использование в полемике протагонистов стилистически нейтральной и позитивно-оценочной лексики, уравновешенная тональность голоса, плавные буддистские жесты и дружелюбная мимика, добрая улыбка, выражающая несогласие с оппонентом, эмоционально настраивающие собеседника на искренний разговор, — это те коммуникативные средства, которые в высшей степени экологичны и, как оказывается, эффективны.

НЕВЕЖЛИВЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В СВЕТЕ ЭМОТИВНОЙ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ

В.В. Леонтьев

Начало XXI в. характеризуется неуклонным технологическим прогрессом, напрямую связанным с расширением информационной среды общества, т.е. совокупности информационных ресурсов, системы формирования, распространения и использования информации [Ионова, 2012, с. 58]. К информационной среде следует отнести всемирную сеть Интернет и новейшие цифровые средства коммуникации (компьютеры и ноутбуки, планшеты и смартфоны и др.). Все они значительно упрощают повседневную деятельность *homo sapiens*. С другой стороны, эти информационные новшества усложняют нашу жизнь. Увеличивая независимость *homo sapiens* друг от друга, они подчас разобщают нас, не только не всегда помогая обществу отслеживать многочисленные случаи нарушения этики и морали, но и провоцируя членов общества на совершение новых нарушений в данной сфере человеческого общения.

В результате наблюдается значительный рост невежливого, грубого, агрессивного коммуникативного поведения. Способы проявления невежливости, грубости, агрессивности принимают весьма причудливые формы, особенно в общении коммуникантов посредством компьютеров. Именно отсутствие физического со-присутствия и коммуника-

ции лицом к лицу приводит к применению различных неконтролируемых коммуникативных стратегий [Yus, 2011, p. 265].

К числу новых даже для опытных пользователей Всемирной сети стратегий унижения человека языком (термин В.И. Шаховского), распространяющихся в мире общения посредством компьютеров как трудноизлечимое вирусное заболевание, относятся стратегии флейминга и троллинга, ставшие неотъемлемой частью онлайн-общения коммуникантов.

В данном случае нельзя говорить только о присущей молодежи экспрессивизации общения, склонности к примитивной диалогизации или неспособности к рациональным монологическим нарративам [Шаховский, 2009, с. 52]. В виртуальном пространстве вообще нельзя точно сказать, что адресант флейма или тролля представляет молодежный слой общества.

Термин «троллинг» за последние 2—3 года прочно закрепился в лексиконе участников компьютерно-опосредованной формы общения. Под троллингом понимается рассылка по электронной почте анонимных посланий, именуемых на компьютерном сленге троллями, с очевидным намерением его адресанта (троллера) вызвать гнев или раздражение у других интернет-пользователей, например у собеседников по чату. Как специфическая коммуникативная стратегия троллинг может быть использован в любой момент в ситуации рассылки e-mail-сообщений в адрес открытых для широкого доступа дискуссионных платформ, поэтому его типичными коммуникационными каналами выступают форумы, чаты, блоги и гостевые книги. Предполагаемым результатом такого поведения является введение в заблуждение троллером своих потенциальных адресатов, особенно новичков компьютерного дискурса, принуждая их к ответам в невежливой форме пылкого протеста, в том числе при помощи стратегии флейминга [Heyd, 2008, p. 15].

Под флеймингом понимаем онлайн-овое грубое нарушение позитивной вежливости, широко распространенное в сетях Интернета и характерное, в основном, для коммуникативного поведения мужчин [Herring, 1994, p. 286—289; LeBlanc, 2010, p. 529; Yus, 2011, p. 265—266]. Флейминг — это институционализованная форма оскорбления, наиболее характерная для новостных сообществ, в которых пользователи могут посылать e-mail-сообщения, пользуясь своей анонимностью. В таком контексте флейминг считается дурным тоном и его не признает Нет-этикет (этикет, узаконенный в границах Интернета). Вместе с тем некоторые новостные сообщества выбирают в качестве единственной цели своей деятельности именно флейминг и начинают вести так называемые «войны флеймов» с целью оскорбить других коммуникантов и спро-

воцировать их на ответные оскорбления [Jucker, Taavitsainen, 2000, p. 90—91]. Стратегии нескрываемого флейминга, перебивания и невежливой мены коммуникативных ролей относятся к числу коммуникативных стратегий, применяемых участниками общения посредством компьютеров с целью «вломиться» в данное сообщество по интересам или попытаться стать его участником [LeBlanc, 2010, p. 529]. С развитием компьютерно-опосредованной формы общения определения коммуникативной стратегии флейминга становятся очень разнообразными, но все они основаны на понятиях враждебности, вербальной агрессии, антисоциального коммуникативного поведения [Yus, 2011, p. 265].

Если окинуть взором не виртуальную, а реальную синхронную коммуникацию, то и в ней большое место занимают не только высказывания, направленные на глорификацию адресатов, т.е. на повышение их самооценки в результате общения с адресантами [Шаховский, 2008а, с. 289; Шаховский, 2009, с. 55], но и вербальные проявления агрессии, невежливости, грубости. Примеры невежливого и грубого дискурса должны обязательно стать объектом изучения лингвоэкологии, в частности эмотивной лингвоэкологии.

Лингвоэкология — наука относительно молодая. Ее основы были заложены в 1972 г. в статье Э. Хаугена “The ecology of language”, хотя существует точка зрения, согласно которой Дж. Трим впервые употребил этот термин в 1959 г. [van Lier, 2004, p. 43]. Если быть совсем точным, то о проблемах взаимодействия языка и окружающей его среды стали задумываться В. фон Гумбольдт, Э. Сепир, Б. Уорф (см., например, [Сепир, 1993, с. 270—284]).

Лингвоэкологию, по Э. Хаугену, принято определять как науку, изучающую взаимодействие языка как средства общения с окружающей его средой. Истинной окружающей язык средой выступает общество, пользующееся языком как своим кодом. Так как язык существует в сознании коммуникантов как инструмент их взаимодействия друг с другом и обществом, то можно говорить о психологической и социологической сторонах лингвоэкологии. Психологизм лингвоэкологии проявляется во взаимодействии конкретного языка с другими языками в сознании коммуниканта, владеющего более чем одним языком, а социологизм лингвоэкологии — во взаимодействии конкретного языка с обществом, для которого он является средством коммуникации [Haugen, 2001, p. 57].

В дальнейшем понятие окружающей язык среды было расширено, и в 1993 г. Э. Филл включил в спектр вопросов лингвоэкологии внеязыковые параметры: возраст коммуникантов и их гендерные характеристики. В рамках исследований всемирного экологического кризиса в цент-

ре внимания лингвоэкологов оказалась проблема взаимодействия языка с окружающей его средой [Мьhlhdusler, 2009, p. 250].

По мнению Л. ван Лиера, к объектам, изучаемым лингвоэкологией, также относятся частная жизнь людей, мир художественных произведений (например, Дублин в произведениях Д. Джойса, планета Маленького Принца из сказки А. Сент-Экзюпери, увеличительное стеклышко Алисы из сказки Л. Кэрролла), физический мир (например, Кения, Афганистан, Багдад, Белый дом) [van Lier, 2004, p. 44].

Окружающая язык среда важна для понимания многих особенностей речевого поведения конкретного коммуниканта, т.к. именно она «может непосредственно воздействовать <...> на индивида, а <...> когда мы имеем дело с той или иной чертой общественной культуры, обусловленной исключительно средой, мы должны интерпретировать эту черту как результат суммирования влияний факторов среды на отдельных представителей данного общества» [Сепир, 1993, с. 270].

В нашей работе акцентирована социологическая сторона лингвоэкологии, т.к. объектом исследования выступают неэкологичные, некооперативные, не столько засоряющие язык, сколько унижающие адресатов, унижающие их лица невежливые высказывания, адресанты которых не соблюдают учтивость по отношению к собеседникам или третьим лицам. Также вкратце мы коснемся лексикона данных речевых единиц.

Невежливые и, в большей мере, грубые, т.е. намеренно произнесенные высказывания, в психологической основе которых лежат различные негативные эмоции, постоянно становятся «причиной бытовых и социальных неурядиц во взаимоотношениях людей друг с другом» [Шаховский, Солодовникова, 2010в]. Невежливые высказывания и коммуникативное поведение стало объектом пристального внимания лингвистов и социологов в последние два десятилетия, особенно в последние 5—6 лет. Но ученые, занимающиеся лингвоэкологией, до сих пор не уделяют им должного внимания. Невежливые высказывания являются объектом исследований в основном прагматиков.

Несмотря на то, что область прагматики, изучающая феномен невежливости, «быстро растет и развивается» [Garcís-Conejos Blitvich, 2010, p. 535], ученые не пришли к единому пониманию того, что следует обозначать этим термином и как наиболее точно определить данный феномен [Locher, Bousfield, 2008, p. 3; Culpeper et al., 2010, p. 598; Hardacker, 2010, p. 217]. В частности, М. Лохер и Д. Боусфилд в качестве «наименьшего общего знаменателя» предлагают довольно расплывчатое определение невежливости: «невежливость — это поведение, несущее угрозу лицу в данном конкретном случае» [Locher, Bousfield, 2008, p. 3].

В отечественной лингвистике вопрос о вежливости/невежливости коммуникантов как об оценке их социального статуса был детально проанализирован В.И. Карасиком. По мнению автора, можно говорить о существовании невежливого поведения на персональной и социальной дистанции. Определить цели невежливого поведения значительно сложнее, чем вежливого. Они могут заключаться в стремлении выйти на открытый конфликт и выяснить отношения на персональной дистанции или в унижении партнера по общению с изменением статусного отношения на социальной дистанции [Карасик, 1992, с. 83].

В случае невежливого коммуникативного поведения вышестоящего по статусу по отношению к нижестоящему на персональной дистанции налицо проявление грубого доминирования адресанта над адресатом, подчинение адресантом адресата без какого-либо учета желаний (чувств) последнего. Если же речь идет о невежливости человека, обладающего более низким социальным статусом, по отношению к адресату с более высоким статусом, тогда налицо проявление хамства, т.е. дерзко-бесстыдного отношения к старшим. Невежливость по отношению к вышестоящему на социальной дистанции является попыткой понижения социального статуса данного человека и предъявления претензии на право занимать более высокое социальное положение [Там же, с. 84].

В зарубежной прагматике критерии исследования невежливости в коммуникации были заложены в монографии бельгийского лингвиста Дж. Иилена "The Critique of Politeness Theories". Автор подвергает критике классические теории вежливости, т.к. они концептуально смещены в сторону вежливых речевых актов (далее — РА), рассматривают вежливость и невежливость как нечто противоположное и обращают основное внимание на «генерацию» вежливости в коммуникации, а не на реакцию адресатов, т.е. все эти теории адресантоцентричны. Дж. Иилен предлагает альтернативную модель (не)вежливости, основными принципами которой выступают доказательность, историчность и дискурсивность. В данной модели оценка высказывания как вежливого/невежливого и адекватное ситуации распознавание интенций адресанта становятся задачей адресата высказывания, что говорит о динамическом подходе при анализе личностно-социальных взаимоотношений (G. Eelen, 2001; цит. по: [Garcís-Conejos Blitvich, 2010, p. 537]). Благодаря идеям Дж. Иилена динамический аспект стал теоретической основой последующих исследований невежливости (см., например, [Bousfield, 2008a; Locher, Watts, 2008; Garcís-Conejos Blitvich, 2010]).

В ранних работах по лингвистической невежливости (например, в [Culpeper, 1996]) под невежливостью понимается применение стратегий,

направленных на достижение эффекта, противоположного эффекту социальной гармонии, т.е. эффекта социального подрыва, раскола (*effect of social disruption*), и на атаку на лицо адресата (адресатов). Различаются «врожденная» невежливость, или невежливость по сути (*inherent impoliteness*), и мнимая, притворная невежливость (*mock impoliteness*). Первый тип невежливости характерен для ситуации соединения РА и контекста, т.к. в данном случае никакое употребление средств выражения вежливости на поверхностном уровне не может полностью смягчить невежливость. Второй тип невежливости, иначе именуемый добродушным подшучиванием, подтруниванием или шутками (*banter*), проявляется на поверхностном уровне, т.к. у адресанта нет явного намерения оскорбить адресата [Culpeper, 1996, p. 350—353].

Если в универсальной теории вежливости П. Браун и С. Левинсона [Brown, Levinson, 1987] были выдвинуты пять суперстратегий, направленных на сохранение (усиление) лица адресата, то Дж. Калпепер предложил в качестве альтернативы аналогичное количество суперстратегий невежливости, цель которых — нанести урон лицу адресата: 1) *bald on record impoliteness* (очевидная, недвусмысленная невежливость); 2) *positive impoliteness* (невежливость по отношению к позитивному лицу адресата); 3) *negative impoliteness* (невежливость по отношению к негативному лицу адресата); 4) *sarcasm or mock politeness* (сарказм, или притворная вежливость); 5) *withhold politeness* (полное отсутствие проявления вежливости в случае ожидания ее одним из коммуникантов) [Culpeper, 1996, p. 356—357].

Каждая из этих суперстратегий реализуется в речи отдельными стратегиями. Выделяется десять стратегий невежливости, направленной на позитивное, и пять — на негативное лицо адресата [Ibid, P. 357—358].

В своем более позднем определении невежливости Дж. Калпепер хотя и остается в лагере сторонников теории Браун-Левинсона, указывает на определенную динамичность взаимодействия коммуникантов. По его мнению, «невежливость зарождается тогда, когда: 1) адресант намеренно осуществляет атаку на лицо адресата и 2) адресат осознает и/или воссоздает данное поведение как намеренно атакующее его лицо, или как одновременное проявление первого и второго действий» [Culpeper, 2005, p. 38].

Отмечается, что невежливость не может быть случайной угрозой лицу адресата, что она всегда преднамеренна, не тождественна добродушному подшучиванию над адресатом и не является открытым проявлением вежливости (*bald on-record politeness*) [Ibid, p. 36—37]. Дж. Калпепер исключил из списка суперстратегий невежливой коммуникации суперстратегию сарказма ввиду его метастратегической природы, т.к. в

этом случае вежливость обусловлена исключительно стремлением проявить невежливость, и заменил ее суперстратегией *off-record impoliteness* (косвенная невежливость) [Ibid, p. 44].

Среди дискурсов, «принуждающих» коммуникантов быть невежливыми, неэкологичными, следует выделить дискурсы армейского учебного лагеря и зала судебных заседаний. Дискурс армейского учебного лагеря особенно «богат» на невежливое коммуникативное поведение сержантов по отношению к новобранцам ввиду значительной социальной дистанции между ними, что в итоге приводит к деперсонализации новобранцев [Culpeper, 1996; Culpeper, Bousfield, Wichmann, 2003; Mills, 2003]. К стратегиям позитивной невежливости в армейском дискурсе относятся (на материале английского языка) частое употребление табуизированных лексем ‘ass’, ‘bullshit’, ‘damn’, ‘goddamn’, ‘hell’ или местоимения третьего лица ‘he’ / ‘she’ вместо ‘you’ при общении с новобранцами. К стратегии негативной невежливости относится применение диминутивов типа ‘little mouth’, ‘little act’, служащих языковым средством принижения или унижения адресатов [Culpeper, 1996, p. 359—363].

Неэкологичность невежливого коммуникативного поведения отчетливо проявляется уже на стадии произнесения конкретного высказывания. При определении степени невежливости коммуниканта, при декодировании его интенций необходимо учитывать просодический рисунок высказывания, т.е. не только интонацию, но и громкость, скорость произнесения слов и голосовой тембр. Роль просодии значительна в случае применения стратегий нанесения урона негативному (перебивание или выражение угрозы) или позитивному (намеренное разобщение коммуникантов или отрицание общих для коммуникантов тем для разговоров) лицу адресата [Culpeper, Bousfield, Wichmann, 2003, p. 1569—1575].

Точка зрения британского лингвиста Д. Боусфилда на невежливое речевое поведение отличается от позиции Дж. Калпепера. Во-первых, Д. Боусфилд оспаривает правомерность дифференциации позитивной и негативной вежливости. Во-вторых, он выделяет только две суперстратегии лингвистической невежливости: *on-record impoliteness* (очевидная, недвусмысленная невежливость) и *off-record impoliteness* (косвенная невежливость) [Bousfield, 2008b, p. 137]. В-третьих, соглашаясь с тезисом Дж. Калпепера о том, что невежливость всегда преднамеренна, Д. Боусфилд полагает, что эту идею можно понять как противоречащую определению невежливости в терминах самого Дж. Калпепера, особенно в случае отсутствия у адресанта реального намерения атаковать лицо адресата. Верное прочтение идей Дж. Калпепера (по Д. Боус-

филду) должно иметь следующий вид: адресат невежливого высказывания, мысленно воссоздавая то, что, как он полагает, является интенцией адресанта высказывания, может считать, что адресант был невежливым по отношению к нему, даже если у адресанта в реальности не было такого намерения [Ibid, p. 131].

По Д. Боусфилду, невежливость заключается в намеренном осуществлении интенционально необоснованных, противоречивых, угрожающих социальному лицу РА. Обязательное условие невежливости заключается не только в полном отсутствии какого-либо смягчения, равнозначного вежливости в контекстах, предполагающих митигацию, но и в наличии со стороны адресанта преднамеренной агрессии, характеризующейся усилением, «активной поддержкой» и максимальным увеличением угрозы лицу адресата с целью усугубления причиняемого ему социального ущерба. Для восприятия невежливости адресатом как успешной, «результативной», он должен распознать намерение адресанта нанести ущерб его лицу [Bousfield, 2008a, p. 72; Bousfield, 2008b, p. 132].

Анализируя в качестве рабочего материала телевизионные документальные многосерийные программы (docusoaps) “The Clampers”, “Parking Wars”, “Soldiers to Be”, “Motorway Life”, “Raw Blues” и “Boiling Point”, Д. Боусфилд выделяет следующие контексты проявления лингвистической невежливости: а) споры между водителями и инспекторами дорожного движения, контролирующими соблюдение правил парковки; б) межличностные столкновения равных по статусу представителей общественности (водителей или новобранцев); в) случаи формальной/неформальной «трепки» офицерами новобранцев; г) столкновения между полицейскими и рядовыми гражданами (задержания, допросы и аресты); д) межличностные столкновения между работодателями и служащими (так называемая «трепка», критика служащих работодателями [Bousfield, 2008a].

Важность учета взаимосвязи эмоций и вербального проявления невежливости/грубости раскрывает М. Киенпоинтнер. В терминах автора понятия “rudeness” и “impoliteness” синонимичны. Опираясь на дискурсивный подход в изучении вежливости/невежливости, различающий идеологии Politeness₁/Impoliteness₁ (понимание рядовыми носителями языка того, что вежливо и что невежливо) и Politeness₂/Impoliteness₂ (интерпретация (не)вежливости как научного специального термина в теоретических изысканиях ученых) [Watts, 2003, p. 30—32], он анализирует феномен невежливости с научной точки зрения (т.е. Impoliteness₂). По М. Киенпоинтнеру, невежливость/грубость — это коммуникатив-

ное поведение, не только дестабилизирующее взаимоотношения коммуникантов и затрудняющее достижение ими общей коммуникативной цели, но и создающее (поддерживающее) эмоциональное состояние неприятия, антипатии. Подобное коммуникативное поведение частично объясняется понятиями власти, социальной дистанции, эмоциональных отношений, а также так называемой «шкалы добрых дел / расплаты», общепризнанными в данном сообществе.

С точки зрения лингвоэкологии определенный интерес представляют «эмоциональные доводы (аргументы)» (заблуждения, некооперативные шаги во время споров). Их можно подразделить на эмоциональные доводы (аргументы), рассчитанные на 1) личные чувства и 2) эмоции масс. В первой категории следует выделить такие стратегии невежливого (грубого) поведения, как а) прямые атаки на личность, ставящие под сомнение ее (его) умственные или физические способности и часто сочетающиеся с оскорблениями и бранными словами («оскорбления, рассчитанные на чувства»); б) обвинения в свойственном данному человеку постоянном пристрастном отношении к кому-то («отравление колодцев»); в) упреки по поводу членства в определенной социальной группе, пользующейся, по мысли адресанта упрека, дурной славой («виновность из-за совместной деятельности или по ассоциации») [Kienpointner, 2008, p. 245—248].

Еще одним типичным проявлением неэкологичного эмоционального состояния адресанта выступают ругательства, мат, сквернословие. Для лингвоэкологии эти языковые единицы интересны тем, что они символизируют очевидную грубость одного коммуниканта по отношению к другому (другим), а с другой стороны, мат часто выступает проявлением очень сильного эмоционального возбуждения коммуникантов, никак не связанного с грубостью.

В лингвистике последних лет данной теме посвящен ряд интересных и глубоких исследований [Шаховский, 2008в, 2012; Hughes, 2006; Jucker, 2000; Jucker, Taavitsainen, 2000; McEney, 2006]. В.И. Шаховский, рассуждая о неразрывной связи эмотиологии, лингвоэкологии и валеологии, отмечает опасность мата для здоровья нации, общества, т.к. «во многих случаях мат становится неощутимым для речевой нормы коммуникантов и используется носителями языка всех типов — от школьников до политиков и педагогов. В большинстве случаев говорящие с помощью мата не выражают эмоции, для них мат не эмоционален, безоценочен и неэкспрессивен, что указывает на его дезэмоционализацию» [Шаховский, 2012б, с. 68]. Полагаю, что употребление матерных слов и выражений просто так, ради своеобразной моды, ведет к «обесчеловечиванию» человека разумного.

В подтверждение слов В.И. Шаховского о нормативности мата для многих коммуникантов приведу точку зрения Дж. Хьюза о том, что «ругательства и сквернословие представляют собой укоренившуюся часть языковой среды, время от времени *насилъственно* (курсив мой. — *В.Л.*) овладевая даже представителями самых воспитанных и контролируемых общественных кругов. Едва ли можно найти сферу деятельности, где нельзя услышать сквернословия, и существует несколько жанров поп-культуры вроде рэпа, телепрограмм о знаменитостях, которые во многом зависят от низких языковых регистров» [Hughes, 2006, p. ix].

Детальный анализ ругательств (swearing), т.е. табуизированной лексики, применяемой, по мысли авторов, с основной иллокутивной целью выразить эмоции (например, эмоции гнева и разочарования) и коммуницировать их адресату, проведен Т. Джем и К. Яншевиц. В их терминах первичная функция этих лексем заключается в передаче коннотативного или эмоционального значения. Авторы отмечают, что в ряде случаев ругательства вообще нельзя характеризовать как невежливые речения и при этом личный языковой опыт коммуниканта значительно влияет на суждения об их вероятности и оскорбительности. Утверждается, что ругательства могут быть применены в любом эмоциональном состоянии коммуникантов.

Интересна идея о категоризации ругательств на пропозициональные и непропозициональные. Первые намеренны, тщательно спланированы и, соответственно, тщательно контролируемы. Вторые не планируются заранее, не намеренны, не поддаются контролю со стороны адресантов, являясь мгновенными эмоциональными ответами адресатов на внезапные эмоциональные всплески адресантов. Поэтому они не относятся ни к категории вежливых, ни к категории невежливых высказываний. Пропозициональные ругательства могут быть как грубыми, так и вежливыми. Они коммуницируют вежливость, если содействуют появлению (укреплению) социальной гармонии между коммуникантами, но они грубы в случае намеренной атаки адресантов на лица адресатов. Грубыми, но с меньшим проявлением интенциональности, считаются ругательства, являющиеся следствием диспаритета между коммуникантами в понимании правил вежливости и следовании им. Ругательства как средства публичного выплескивания эмоций также однозначно неэкологичны, грубы, что следует из идеи о грубости чрезмерно эмоционального состояния, именуемого «вулканической грубостью» (термин Л. Биби). Ругательства можно также рассматривать как конечный продукт неврологических и психологических, социокультурных и прагматических факторов [Jay, Janschewitz, 2008, p. 268—275].

Общеизвестно, что к числу наиболее табуизированных лексем во всех языках относятся слова, номинирующие интимные части человеческого тела. Они часто служат языковым инструментом оскорбления адресата или третьего лица: *You prick!*; *major league asshole* [Hughes, 2006, p. 8]; *You first-class prick ... You second-class cunt* [Там же, p. 112]. В то же время своеобразным средством защиты чистоты английского языка можно считать фонетические эвфемизмы для большинства данных языковых единиц. Так, в разные эпохи в английском языке фонетическими «масочными эвфемизмами» для лексемы *cunt* выступали лексемы *queynte*, *quim*, *cunny*, *coney* [Там же].

По данным Дж. Хьюза, подавляющее большинство представителей среднего класса американского и английского обществ по-прежнему избегают применять все еще самую табуизированную лексему английского языка ‘fuck’, не упоминавшуюся в словарях английского языка с середины XVIII в. до 1961 г. [Там же, p. 188]. Тем не менее эта всегда очень распространенная в живой речи лексема постепенно вторгается даже в вежливый дискурс. В эмоциональной речи она помогает коммуникантам выразить эмоции досады, гнева, раздражения, являясь непропозициональным ругательством (в терминах Т. Джея и К. Яншевиц). Рассмотрим пример подобного употребления данной лексемы бывшим министром труда Великобритании А. Кларком, зафиксированный в его личных записях, в его чрезвычайно эмоциональном ответе на реплику М. Тэтчер в последние месяцы ее правления о возможности рассматривать М. Портилло в качестве ее преемника. Нарушив все постулаты вежливости, А. Кларк перебил свою вежливую собеседницу: *Who the fuck is Michael? No one, nothing. He won't last six months (Кто такой, черт возьми, Майкл? Да он никто, ничто. Он не продержится и полгода)*, охарактеризовав М. Портилло как очень слабого политика [Там же, p. 192]. Внешний контекст употребления лексемы (отсутствие при разговоре самого объекта негативной оценки), интонационный рисунок высказывания (первое предложение имеет структуру эмотивного риторического вопроса) позволяют считать высказывание не оскорблением, а вербальным выражением эмоции возмущения, презрения.

Подводя итоги анализа ряда невежливых и грубых высказываний, а также речевых стратегий и тактик, применяемых адресантами неэкологических, некооперативных речевых единиц, следует сделать вывод об острой потребности во все более активном совместном участии лингвоэкологов, прагмалингвистов и социалингвистов в изучении невежливого коммуникативного поведения с детальнейшим учетом контекстов высказываний. В этом случае совместными усилиями ученые смогут

выработать наиболее действенные методы по недопущению к употреблению в речи различных нетерапевтических языковых ресурсов, чтобы речь коммуникантов стала максимально уместной, хорошей и приятной для собеседников.

ЭКОЛОГИЧНОСТЬ КОММУНИКАЦИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДОСТОВЕРНОСТИ ИНФОРМАЦИИ

Н.Н. Панченко

Необходимость экоконтроля, о которой все чаще говорится в последнее время, распространяется не только на природу, окружающую среду, но и на прогнозирование языковой политики для регулирования коммуникативного взаимодействия, гармоничных отношений между коммуникантами. Совершенно очевидно, что лингвоэкология (эколингвистика), о которой ещё недавно было принято говорить как о лакуне на карте лингвистической науки, сегодня представляет собой достаточно самостоятельную научную отрасль, занявшую определенную лингвистическую нишу и притягивающую интерес все большего числа исследователей. На наш взгляд, доказательством научной самостоятельности, теоретической и методологической зрелости лингвоэкологии служит тот факт, что она становится фундаментом для построения новых научных направлений. Одним из таких новых, формирующихся в настоящее время лингвистических направлений является эмотивная лингвоэкология, которая тесно связана с культурой речи, стилистикой, социолингвистикой, лингвокультурологией, с одной стороны, с эмотиологией, или лингвистикой эмоций — с другой. Последняя, как известно, изучает широкий спектр проблем эмоционального и эмотивного в языке и коммуникации. К сфере научных интересов эмотивной лингвоэкологии относятся проблемы функционирования и развития языка, терапии языка и речевой реабилитации, но сквозь призму воздействия на эмоциональную составляющую в сознании человека, с точки зрения эмоциональной сферы коммуникативного взаимодействия.

Если ориентированность современной лингвистики на исследование эмоциональной сферы, роли эмоций в организации целенаправленного поведения человека [Шаховский, 2008а] не принято оспаривать, то вопрос о роли эмоциональной составляющей и ее влиянии на экологичную / неэкологичную коммуникацию пока ещё остается открытым.

В первую очередь, сами терминопонятия экологичной/неэкологичной коммуникации требуют уточнения. Заметим, что в последние годы к традиционному списку типов дискурсов прибавился так называемый экологический дискурс, выделяемый по тематическому параметру. К данному дискурсу исследователи относят множество функционально разнообразных и разнообъемных текстов по экологическим темам и проблемам. Ключевым концептом и темой экологического дискурса предлагается считать природу и состояние окружающей среды [Иванова, 2007].

Экологичная коммуникация понимается нами как общение, не оказывающее вредоносного влияния на здоровье человека, его психоэмоциональное состояние. Ответ на вопрос, что составляет пространство неэкологичной коммуникации, кажется очевидным. Это любые вербальные / невербальные средства, стратегии и тактики коммуникативного поведения, противоречащие коммуникативно-прагматическим и этико-речевым нормам, снижающие комфортность речевого общения и негативно влияющие на эмоциональное здоровье человека. Очевидным также видится факт, что речевые преступления (т.е. правонарушения разного содержания и разной степени тяжести [Кара-Мурза, 2009, с. 254]), включающие в себя клевету, диффамацию, оскорбление и т.д., а также «грязные» речевые технологии воздействия на сознание людей, причиняющие вред участникам коммуникативного взаимодействия, априори относятся к неэкологичной коммуникации.

В этой связи нам представляется целесообразным определить роль положительно маркированных коммуникативных феноменов в экологичной / неэкологичной коммуникации. Речь, в частности, идет о таких безусловных коммуникативных ценностях, как правдивость, искренность, честность, откровенность и т. п., заполняющих когнитивное пространство достоверности. Кроме того, небезынтересно проследить, какие эмоции может провоцировать достоверное коммуникативное поведение.

По мнению С.А. Биби, важным критерием для определения эффективности коммуникации является этичность общения: коммуникация должна соответствовать моральным и этическим нормам [Биби, 2001]. Основы этического поведения в межличностном общении сформулированы Р. Иоханнесеном в виде конкретных установок. Перечислим те, которые нам представляются наиболее релевантными: 1) быть беспристрастным и искренним в разделении взглядов и чувств. В идеале, если вы говорите «нет», то и действуйте соответственно; нас не удовлетворя-

ет непонимающий партнер или партнер, который не выражает свое несогласие прямо; 2) информация должна быть передана точно, с минимальными потерями или отклонениями от подразумеваемого смысла; 3) преднамеренная ложь всегда неэтична; 4) вербальные и невербальные сигналы, слова и действия должны соответствовать смыслу, который в них вкладывается; 5) неэтично намеренно прерывать коммуникативный процесс, обрывая говорящих прежде, чем они высказали свою точку зрения, меняя тему, когда другой явно хочет сказать что-то еще, или невербально отвлекая других от обсуждаемой темы (приводится по: [Биби, 2001]).

На наш взгляд, еще одним критерием эффективной коммуникации должно стать стремление говорящего к экологичности общения, поскольку эффективный коммуникант не только умеет корректно кодировать и декодировать сообщения, подбирая знаки для адекватной передачи мысли, соответствующей действительности, но и заботится при этом о поддержании позитивного эмоционального состояния партнера по коммуникации, его психическом здоровье.

К. Кристианс и М. Трейбер выделяют три прототипические нормы, регулирующие человеческие отношения: правда, уважение достоинства другого человека и ненанесение вреда невинному, подразумевающее поиск справедливости и неприятие ситуации, при которой попирают слабых и немощных [Christians, 1997]. Думается, что последнюю норму следует понимать расширительно — как ненанесение вреда Другому, в том числе вреда психоэмоционального, нарушающего душевное равновесие человека.

Не вызывает сомнения факт, что правдивость, искренность, честность относятся к морально-нравственным ориентирам общения. Данные коммуникативные феномены, по нашему убеждению, наряду с истиной и доверием входят в структуру достоверности как сложного когнитивного образования. Они представляют бесспорную ценность для русской духовной культуры: способность и готовность к искреннему общению, открытию души Другому — одно из ключевых качеств русского национального характера. Будучи одновременно условиями успешной коммуникации и личными нравственными достоинствами говорящих, правдивость, искренность, откровенность, доверительность призваны маркировать экологичное коммуникативное взаимодействие. Далее охарактеризуем их и попытаемся определить, как они воздействуют на эмоциональное состояние собеседника и какие реакции вызывают у партнера по коммуникации.

Психологи относят правду к числу предельных, бытийных ценностей, которые не могут быть сведены к другим или компенсированы другими и определяют в структуре личности то, что А. Маслоу называет метапотребностями [Маслоу, 1982]. Их подавление порождает экзистенциальную тре-

вогу, подрывает доверие к людям. Правдивость предстает как свойство социального субъекта, составляющее презумпцию общения.

Связь правды с живой коммуникацией, ее принадлежность к сфере повседневной человеческой жизни свидетельствуют о прагматической адаптированности правды и позволяют определить ее как наивно-жизненный вариант истины. Приобретая статус истины в межличностном взаимодействии, правда становится одним из условий успешности реализации коммуникативной категории «достоверность».

Правда основывается на осознании субъектом моральной ответственности за свои высказывания. Однако семантика правды включает субъективный оттенок, т. е. элемент личностного отношения к передаваемой информации. Не случайно принято говорить о вариативности и субъективности правды: *У каждого Павла своя правда.*

В.В. Знаков среди трёх основных типов понимания окружающими того, что они считают правдой, выделяет инструментальную правду, в которой правдивое высказывание трактуется как «средство достижения значимой для субъекта цели или способ выражения его кредо, убеждения: “Лучше горькая правда, чем сладкая ложь”» [Знаков, 1999, с. 121]. Говорящий субъект в данном случае руководствуется догматическим убеждением, не признающим исключений из правила, что любая правда является благом для человека, и требует безоговорочной правдивости в любых ситуациях. Данная позиция возвращает к вечному и практически нерешаемому вопросу о выборе между категоричным, непреклонным неприятием лжи во всех ее разновидностях и одобрением так называемой святой лжи (лжи во спасение). Последняя, мотивируемая альтруистическими соображениями, интерпретируется как орудие добра, как совпадение интересов коммуникантов и, вследствие этого, получает этическую санкцию.

Уверенность говорящего, следующего принципу «лучше горькая правда...», в том, что он тем самым приносит пользу окружающим, определяет, с его точки зрения, ценность подобного поведения как высоконравственного поступка. Данная позиция не может не приносить чувства удовлетворения самому говорящему. Соответственно, очевидно, что такое поведение оказывает благоприятный терапевтический эффект на самого правдолюбца и для него является экологичным. Однако в результате категоричного «правдивого» коммуникативного поведения соотношение удовольствия адресанта, его удовлетворения от исполненного долга и страданий адресата вряд ли можно назвать сбалансированным. Как справедливо пишет А. Вежбицкая, такие фразы, «как *резать правду в глаза*, показывают, что носители русской культуры

отдают себе отчет в том, что слушать правду может быть неприятно и даже больно. Тем не менее эти фразы показывают, что в иерархии ценностей, характерной для русской культуры, желание говорить правду стоит, может быть, выше желания не причинять боли собеседнику» [Вежицкая, 2002, с. 24].

Если признать коммуникативную ориентированность на Другого, включающую прогнозирование результата того, как «слово наше отзовется», экологично значимой, то поведение правдолюбца противоречит принципам экологичной коммуникации. Не случайно жизненное кредо правдолюбца — говорение правды всегда и всем, независимо от обстоятельств и статуса участников коммуникации — оценивается окружающими негативно. Тем самым ценность правдивости как сознательной приверженности правде нейтрализуется, что подтверждается отрицательно маркированной лексикой и семантикой уничижительности, присутствующими в контекстах описания: *Тоже мне правдолюбец!; Это был известный правдолюбец (всегда такой негодяй водится в любом коллективе).*

Респондентов, которым было предложено выбрать между «горькой правдой» и «сладкой ложью» (98 человек, возраст от 18 до 74), так же как и пользователей Интернета, обсуждавших эту же проблему (например: [URL: <http://www.playcast.ru/communities/priroda/>] или [URL: <http://blog.i.ua/>]), можно разделить на три приблизительно одинаковые в количественном отношении группы. Первые (35,7%) выбирают правду независимо от результата: *Не умею и не люблю врать. Это некрасиво; Правда любой ценой; Только правда, какой бы разрушительной она не была (из опроса); Правда — она всегда горькая ...почти. Но мне она дороже всякой сладкой лжи; И сама говорю, и люблю, когда мне говорят. Иногда правда о том, что о тебе реально думают, выливается в неконструктивную критику, наезды и тупое влезание не в свое дело, но всяко это лучше, чем камень за пазухой (интернет-форум).*

Вторые (31,1%) «голосуют» против «горькой правды», оберегая собеседника от ее разрушающего действия и осуждая необдуманные поступки: *Неведение порой лучше. Человеку не нужны лишние страдания; В жизни и так достаточно других страданий, зачем добавлять?; Кому нужна эта горькая правда? Лучше видеть счастливые глаза близкого человека, чем грустные и полные слез (из опроса); Не торопитесь с правдой, подумайте сто раз, прежде чем ее высказать. Надо хорошенько все обдумать, прежде чем сказать. Невозможно просчитать все последствия; Если бы все люди были честными и прямолинейными — планета погибла бы от непрекращающихся войн; Я сама никогда никому не говорила эту правду, а мне один раз сказали. А может, это и не*

правда была, но я поверила и ... разрыдалась... (так что лучше уж пусть некоторые «доброжелатели» молчат, чем будут мне такую правду говорить!); Сказать правду в лицо — большого ума не надо, но все равно правда будет такой, как ты ее понимаешь, грубее, чем нужно и на твой лад (всё намного сложнее) (интернет-форум).

В третью группу (33,2%) входят сторонники дифференцированного и более экологичного подхода, которые согласуют свое коммуникативное поведение с конкретной ситуацией общения и/или учитывают психологическое состояние собеседника, прогнозируя возможный эффект: *Бывают ситуации, когда человеку знать правду не надо; Говорить правду не стоит, если человек слабохарактерный; Нужно знать, кому можно сказать правду; Всё зависит от человека, от того, как он воспримет правду или ложь. Если это не близкий тебе человек, зачем ему нужна твоя правда? (из опроса); Я сторонница горькой правды. Но и ложь иногда нужна, нельзя причинять боль человеку своей правдой; Жизненные ситуации бывают разные, общаешься с разными людьми, поэтому и решения не могут быть одинаковыми (интернет-форум).*

Отвечая на вопрос, какие реакции может провоцировать горькая правда, большинство опрошенных отмечают обиду, ухудшение отношений, боль, оскорбление: *Это вызывает у меня **огорчение**. Горькая правда не может вызывать положительных эмоций. Но это все равно правда (из опроса); Зависит от человека, который говорит правду. Правда некоторых людей меня просто **бесит** (из опроса); Это может **причинить боль, оскорбить или унижить** человека, **расстроить** его, что само по себе неприятно, поэтому я не сторонник подобного обмена эмоциями; Когда я без приглашения занимаюсь правдорубством, это почему-то **обижает** некоторых — подчеркиваю, некоторых людей. Нежные все какие-то (интернет-форум).*

Речь, таким образом, идет об экологичности лжи, дарующей надежду, позволяющей верить в лучшее, смягчающей жизненные удары, и неэкологичности правды, повергающей в уныние, обижающей, унижающей, причиняющей боль и приводящей в итоге к различным заболеваниям. При выборе экологичной / неэкологичной стратегии поведения говорящему следует учитывать ситуацию, фактор адресата, его индивидуальные психоэмоциональные особенности и ориентироваться на поведенческую реакцию партнера по коммуникации.

В этой связи по-прежнему важным и дискуссионным остается вопрос об информировании больных, необходимости раскрытия пациентам их диагноза, количестве и качестве информации, которую может сообщить врач. Выбор стратегии информирования пациента, в частности,

о фатальном для него диагнозе оказывается под воздействием двух противоположно действующих интенций, ориентированных на разные ценностные и этические шкалы. Речь вновь идет о нравственном выборе между достоверной информацией, которая может повлечь за собой негативные для пациента последствия (эмоциональные, физические и т. д.), и недостоверной — оправдываемой гуманистическими соображениями.

Известно, что в русском и зарубежном медицинском дискурсах действуют разные стратегии информирования пациента. У зарубежных медиков более строгие правила информирования пациентов, в том числе и безнадежно больных, в отличие от них российские врачи в большинстве случаев при согласии родственников предлагают пациенту эвфемистические замены фатального диагноза.

По-прежнему остается открытым вопрос о том, кто должен определять стратегию информирования — врач или сам пациент?

При установлении социальных и индивидуально-личностных факторов, влияющих на желание и нежелание человека знать правду о состоянии своего здоровья, выяснилось, что правду предпочитают знать «относительно большее число мужчин, чем женщин; молодых людей, чем пожилых; высокообразованных, чем малообразованных; жителей больших городов, чем живущих в деревне» [Знаков, 1999, с. 170]. Представляется, что выбор достоверной информации о диагнозе связан с доверием к медицинскому обслуживанию в стране, что, в свою очередь, обусловлено развитием медицины — уровнем диагностики, оказываемой медицинской помощи и последующей реабилитации. Несмотря на то, что в России отмечается рост уровня медицины, отношение большинства врачей к пациенту не меняется. За рубежом перед какой-либо процедурой врач подробно информирует обо всех ее стадиях, дает рекомендации по подготовке, предупреждает о последствиях и возможных осложнениях. В России отношения с пациентом ограничиваются, как правило, расшифровкой диагноза и перечислением медицинских препаратов.

Возвращаясь к рассмотрению межличностного общения, вспомним, что в русской лингвокультуре межличностное взаимодействие отличается установкой на взаимопонимание, задушевное, доверительное, эмоционально открытое, откровенное, искреннее, правдивое общение. Особую ценность коммуникативной правды, искренности именно для русской лингвокультуры, их связь с душой человека подчеркивает А. Вежицкая: «... правда, которая процветает в человеческой речи, в искреннем общении людей не с “открытым умом” (“an open mind” — выражение, не существующее в русском языке), а с “открытой душой” (“an open soul” — выражение, не

существующее в английском языке), т.е. душой, открытой для других людей» [Вежбицкая, 2002, с. 31].

Искренний, откровенный, задушевный разговор — эмоционально заряженное общение, один из кульминационных моментов русской межличностной коммуникации. В нашем понимании искренность есть соответствие между тем, что говорящий думает и/или чувствует, и тем, что он «вбрасывает» в коммуникацию, предлагая собеседнику. Очевидно, что искренность соотносится с говорящим и предстаёт как целеустановка говорящего быть правдивым. В сознании человека существует устойчивое идеализированное представление об искренности как нравственном коммуникативном ориентире, обусловленном жизненной потребностью человека в открытом, в том числе эмоциональном контакте с другой личностью без социальных ролей и масок. Следовательно, искренность как сознательная приверженность правде, нацеленная на создание гармоничных отношений между коммуникантами, способствует экологичному коммуникативному взаимодействию. И наоборот — неискренность, понимаемая как нарушение норм правдивости, не способствует установлению доверительных отношений между людьми, противоречит этическим и экологическим нормам коммуникации: *Нет ничего более полезного для здоровья, чем прямотушие, откровенность, искренность и чистая совесть* (Б. Пастернак); *От двойной жизни дни становятся короче* (Р. Тумановский); *Человек портится, как только в его сердце крадывается мысль, которую он постоянно вынужден скрывать* (Б. Констан) и т.д. (см.: [Шойхер, 2008]).

Всем хорошо известно, что живая коммуникация происходит не в идеальном, абстрагированном от реальности пространстве, а участники коммуникации — люди, переживающие самые противоречивые эмоции и чувства. В большинстве реальных коммуникативных ситуаций принцип кооперативного и гармоничного общения остается лишь принципом и тем идеалом, на который следует ориентироваться. Приходится констатировать, что количество отрезков коммуникативного взаимодействия, соответствующих постулатам эффективного (конструктивного, гармоничного, экологичного) общения, в реальной коммуникации незначительно. По самым разным причинам говорящие склонны имитировать искренность (*фальшивая, притворная, показная искренность*), а эмоциональное восприятие и реакция адресата будут зависеть от его способности / готовности / желания распознать «подделку»: — *А кто же его знает, — с притворной искренностью пожал плечами Петрок, почти преданно глядя в злые глаза фельдфебеля* (В. Быков. Знак беды); *Она вскочила, что-то залопотала про то, что хочет пройтись. Она стала фальшива и неестественна, но ни Жорик, ни невест-*

ка этого **не заметили** (Г. Щербакова. Восхождение на холм царя Соломона с коляской и велосипедом).

Следует заметить, что повседневное межличностное общение на близкой социальной дистанции не нацелено на постоянную верификацию достоверности полученной информации и анализ подлинности намерений собеседника, его искренности. Другими словами, в обществе существует презумпция правдивости, т.е. традиция воспринимать партнеров по коммуникации как искренних, говорящих правду.

Привычка к притворству, регулярно практикуемое неискреннее поведение снижают чувствительность к фальши, не позволяют адресату декодировать неискренность: — *Бог мой, Елизавета Антоновна? Вы ли это, глазам не верю!* — Лизонька настолько **привыкла к фальши**, настолько была **неискренней** сама, что откровенная и грубая игра Беневоленского не только не оскорбляла ее, но, напротив, полностью отвечала норме той среды, которую Елизавета Антоновна гордо имела «кругом» (Б. Васильев. Были и небыли).

Экологичность искренности / неискренности зависит от тех чувств и эмоций, которые провоцируются искренним или неискренним поведением. При выборе между искренностью и неискренностью адресат чаще отдает предпочтение тому, что вызывает у него положительные эмоции. Так, например, получает одобрение фальшивая улыбка, зачастую осуждаемая в межличностном общении: *По мне так милее улыбка, даже если она неискренняя, чем хамство* (Е. Ханга. Про все).

Давно известно, что абсолютную искренность и правдивость в разных ситуациях общения психологи относят к разряду особой патологии: «Просто говорить то, что на душе, не думая о задачах общения и не обращая внимания на реакцию собеседника — это не искренность, а неадекватность» [<http://www.psychologos.ru/>], что подтверждается афористическими выражениями: *Одни дураки бывают вполне искренни и правдивы* (Э. Роттердамский; цит. по: [Шойхер, 2008]).

Межличностное взаимодействие в социальных ситуациях регулируется в обществе определенными конвенциями (display rules), в которые вовлечены все члены социума. Публичная экспликация инстинктивно проявляемых эмоций, откровенное и прямое высказывание своих мыслей в обществе не приветствуются и оцениваются негативно. В контексте межличностного общения и социального взаимодействия умение скрывать чувства приобретает семиотический характер, что отличает цивилизованного, воспитанного человека: *На самом же деле светскость — как раз тот инструмент, который дозирует искренность, как и все прочие реакции на происходящее, в точно выверенном соответствии с происходящим, и всегда быть искренним — столько*

же недостаток, сколько достоинство (А. Найман. Рассказы об Анне Ахматовой).

Кроме того, искренность и правдивость — национально специфичны и культурно обусловлены, специфика их реализации в различных лингвокультурах обусловлена культурными, этикетными нормами и традициями и нередко мотивируется заботой о партнере: *Обуздывать, подавлять свои эмоции ради учтивости японцы считают логичным. ... для японца быть искренним — значит всей душой стремиться к тому, чтобы никто из партнеров не «потерял лица». Это, стало быть, не столько правдивость, сколько осмотрительность и тактичность* (В. Овчинников. Ветка сакуры).

Как показало наше исследование [Панченко, 2012], более 50% опрошенных голосуют против безоговорочной искренности в общении, из них 19,4% на вопрос «Искренны ли вы?» ответили: «Ни с кем и никогда», более 35% в качестве адресата искренности представляют только близких людей, включая друзей. Как правило, требования ограничить и дозировать искренность в общении мотивируются ее возможными негативными последствиями для говорящего. Приведенные данные позволяют констатировать, что в наивном обыденном представлении носителей языка искреннее общение получает негативную квалификацию не просто как несдержанность, а как разрушающая сущность, приносящая боль и страдание, программирующая негативную эмоциональную реакцию адресата, что вряд ли может соответствовать экологичному коммуникативному взаимодействию.

Повседневное общение представляет собой обширное коммуникативное пространство, в континууме которого располагаются разнообразные речевые жанры, коммуникативные события и поступки: дружеские разговоры, болтовня, small talk, байки, комплименты, сплетни, откровенный разговор и многие другие, противопоставляемые по степени искренности — неискренности, доверительности — недоверчивости, откровенности — скрытности.

Так же, как ритуализация общения приводит к тотальной искусственности коммуникативного взаимодействия, публичность убивает откровенность: *Исповедь перед Богом — это покаяние, перед людьми — самооправдание, перед публикой — самолюбование* (А. Круглов; цит. по: [Шохер, 2008]).

Массмедийное пространство в последнее время активно пополняется и обновляется гибридными жанрами, например, инфотира как информативно-развлекательный жанр, фейк-новости — новости в гиперболизированно-сатирическом изложении и т.д. К сравнительно новым жанрам массмедийного дискурса относится и так называемое

исповедальное телеинтервью. На наш взгляд, об исповедальности телевизионного интервью, которое носит публичный характер, можно говорить лишь с определенной долей условности.

Откровенность в исповедальном телеинтервью, стимулируемая, по мнению исследователей, речевым поведением ведущих [Мелехова, 2010], на наш взгляд, не является подлинной, присущей таким жанрам доверительного общения, как разговор по душам, чистосердечное признание, в рамках которых происходят коммуникативное самораскрытие, эмоционально откровенный разговор, содержащий лично значимую информацию. Не секрет, что откровенные, чистосердечные признания в массмедиа могут преследовать самые разные цели, включая PR, поэтому истинная откровенность, повторим, возможна только в межличностном общении, которое происходит «в том случае, когда наше отношение к другому становится индивидуализированным, персонализированным, т.е. когда другой выступает для нас не как носитель социальных ролей, а как отдельное Я, во всем его своеобразии и исключительности» [Матьяш, 2011, с. 92].

Предпринятая нами попытка выяснить, способствует ли откровенность гармоничным отношениям и можно ли говорить о прямом соответствии между откровенностью и экологичной коммуникацией [Панченко, Наумова, 2013], показала, что откровенность в межличностном взаимодействии может рассматриваться как амбивалентная сущность. С одной стороны, ценность откровенности в межличностной коммуникации, в ситуации доверительного общения, стимулирующей разговор по душам, видится бесспорной по умолчанию и обуславливает однозначно положительное восприятие откровенности адресатом: *Ваша откровенность мне нравится* (Л. Утесов. Спасибо, сердце!); *Ее откровенность его даже тронула* (Л. Зорин. Глас народа); *Не у каждого найдется в критическую минуту не подставное лицо, а человек, которому можно рассказать свою жизнь, поступки, мысли, не совсем тебя украшающие.* <...> *Женина надежность не бросалась в глаза. Если ей доверяли тайну, она не важничала* (О. Новикова. Женский роман).

Однако, как показало исследование, «не каждый адресат откровенности (независимо — близкий или малознакомый человек) готов выслушивать доверяемую ему информацию или сокровенные тайны» [Там же]: *Откровенность, как и инициатива, зачастую бывает наказуема, неадекватно воспринята либо высмеяна* (из опроса); — *Послушайте, — говорит опять Лена билетерше. — Я же с вами по-человечески делюсь, такая вот оказия — резинка лопнула! Я же к вам с полной откровенностью! — На что мне ваша откровенность?* (Д. Рубина.

Несколько торопливых слов о любви); *И зачем врать, не нужна ему была ее откровенность, эта грубая изнанка слов...* (О. Павлов. Аси-столия); *Душа не скрытая ничем — признак не откровенности — неряш-ливости* (Б. Андреев; цит. по: [Шойхер, 2008]).

Эмоциональная реакция (положительная/отрицательная) адресата за-висит от степени полноты и содержания откровенности. Недозированность откровенности может оказаться шокирующей, вызвать негативную реак-цию адресата, стать разрушительной для психоэмоционального состояния собеседника: *Вера терпеливо сидела рядом, ждала, на тот случай, если мать снова заговорит. И та заговорила...*

— *Я подохну... хорошо, пусть... так и надо... правильно... Вокруг меня было только зло, грязь... обман... и... я была совсем одна... Я всех ненавидела, всех... не было сил жить как человек... Я сама стала злом... Я, Верка, людей убивала... Я отомстила кое-кому, отомстила... Машу помнишь? Я ее в трамвае узнала... Столько лет мечтала... — вот, встре-чу — задушу своими руками... а тут так повезло... И я за ней до самого дома... я...*

— *Ну ладно, мама! — в сердцах воскликнула Вера, превозмогая в себе желание броситься отсюда, от этой койки, от этих кошмарных от-кровенней куда-нибудь прочь, на воздух... — Ты эту исповедь при-береги уже для другого судьбы...* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы).

Мы солидарны с мнением, что при стремлении к максимальной откرو-венности и сохранению личных тайн необходимо прежде всего определить ответственность за откровенность: «Нужно думать не только о том, как защитить партнера от неудобной правды, но и о том, как справиться с его реакцией на нее» [Матвеев, 2008].

Негативное эмоциональное воздействие откровенности на адресата можно проиллюстрировать высказываниями респондентов и интернет-пользователей: *Откровенность часто ранит, мы хотим и ждем откро-венности, а дождавшись ее, страдаем* (из опроса информантов); *Почти невозможно быть полностью откровенным и не задеть чувства челове-ка или не обидеть его* (из опроса информантов); *Откровенностью мож-но ранить, обидеть. Я, конечно, не призываю закрыться в себе, но все же, прежде чем рубить с плеча, стоит подумать, так ли уж нужна откровенность в некоторых вопросах...* (URL: <http://la-vida.ru/forum/index.php?showtopic=609&st=15>).

Негативные последствия откровенности способны разрушить отноше-ния между людьми и заставить говорящего пожалеть о сделанном: *В об-щем-то, я сама виновата: не надо слишком уж откровенничать со свои-ми родителями — они обязательно используют эту откровенность про-*

тив тебя (А. Алексин. Мой брат играет на кларнете); *Но люди бывают разные. По-разному платят за откровенность...* (В. Глотов. Дни и заботы Маргариты Забелиной); *Многих так и тянет использовать чью-нибудь откровенность во зло. Вашей откровенностью могут воспользоваться, чтобы ранить больше* (из опроса информантов).

В результате анализа контекстов рефлексии и саморефлексии откровенного коммуникативного поведения мы пришли к выводу, что откровенность представляет собой одну из важнейших коммуникативных ценностей; с одной стороны, может провоцировать противоположные эмоциональные реакции адресата, с другой — отсроченные последствия «минутной» откровенности могут причинить боль и страдания самому адресанту. Сказанное позволяет определить коммуникативную ситуацию откровенного разговора как амбивалентно-экологичную.

Основной ценностью межличностной коммуникации, на наш взгляд, является ее диалогичность, представляющая собой, по словам О.И. Матьяш, не просто форму разговора, а качество коммуницирования и отношения, при котором каждый из участников безгранично открыт к пониманию смыслов и позиций другого [Матьяш, 2011, с. 97]. Не секрет, что не все жанры и виды межличностного общения могут быть охарактеризованы как этически допустимые, экологичные коммуникативные явления, служащие средством реализации достоверной информации. В данном случае речь идет о таких разновидностях бытового общения, как болтовня / бытовой треп, сплетничество, для которых характерны следующие особенности: разговорная форма речи, свернутый, «пунктирный» характер общения (стремление максимально сжать передаваемую информацию), высокая контекстная зависимость и сокращенный код общения (понимание с полуслова), обусловленный тем фактом, что коммуниканты хорошо знают друг друга [Карасик, 2002б, с. 277—346].

Сплетничество (*разговоры, пересказы, суды, пересуды, толки*) — один из ядерных жанров болтовни, типическая ситуация бытового, повседневного общения, разговора ни о чем: *С ней можно просто поболтать обо всем и ни о чём, посплетничать*. Сплетничество происходит с участием близких / знакомых людей с единством мнений по поводу обсуждаемого, настроенных на коммуникативное сотрудничество, поддакивание, принятие точки зрения собеседника, осуждение третьего лица. Другими словами, коммуниканты представляют собой потенциальный кооперативно-конформный тип языковой личности [Седов, 1999], ориентированный на тактику согласия с партнером по коммуникации.

Дифференциальным признаком сплетничания/болтовни и разговора по душам является степень открытости, откровенности и искренности. Разговор по душам как уникальный вид общения, важнейшими

диалогическими особенностями которого являются стратегии «высказать главное для себя (*открыть душу*) и услышать главное для собеседника (*войти в душу*)» [Дементьев, 2006, с. 285], характеризуется откровенностью и искренностью, о которых речь шла выше и которые оказываются определяющими факторами при выборе собеседника: *Просто друзей, чтобы погулять, поболтать, посплетничать — много, а вот настоящих друзей, которых можно пустить себе в душу, бывает один или два* [URL: <http://www.opentests.ru/generations/teenagers/you-and-your-friends.html>].

С одной стороны, сплетничество, бытовой треп и другие виды праздничного болтания можно рассматривать как определенные коммуникативные способы эмоциональной разрядки, релаксации, выброса негативной энергии (*поболтали всласть, насплетничались от души*). Такие коммуникативные ситуации предоставляют человеку, уставшему от норм и правил официального общения, возможность расслабиться, перенастроить своё эмоциональное состояние. Данные обстоятельства позволяют интерпретировать подобное общение как терапевтически эффективное и, соответственно, дают основание отнести его к экологичной коммуникации.

С другой стороны, обсуждение и осуждение личной жизни коллег, знакомых, критика других и себя, по мнению современных практических психологов, вредны для здоровья, более того, называются конкретные заболевания, которые порождаются различными эмоциями и поведенческими реакциями. В частности, «злора, недовольство и обида, накопленные в течение долгого времени, буквально начинают поедать тело и становятся болезнью, называемой “рак”. Постоянная критика других непременно приводит к ревматизму» [Хей, 1996, с. 13]. Другими словами, наш образ мысли, коммуникативное поведение определяют поведение тела, его физическое и эмоциональное состояние, следовательно, влияют на здоровье человека.

Таким образом, коммуникативные ситуации, реализующие коммуникативную категорию достоверности, при пристальном рассмотрении предстают как амбивалентно-экологичные. При квалификации коммуникации как экологичной/неэкологичной следует учитывать целый ряд взаимодополняющих факторов, а именно: соответствие нормам и принципам эффективного взаимодействия, включая стремление к достоверности передаваемой информации, характеристику ситуации общения, селективный подход к речевому жанру, в рамках которого осуществляется взаимодействие, выбор адекватной стратегии поведения, ориентированной на Другого, учёт его психоэмоционального состояния, прогнозирование возможной реакции собеседника. В этой связи нам пред-

ставляется закономерным особо выделить экологическую стратегию коммуникации, направленную на сохранение физического, эмоционального здоровья человека. Нам видится перспективным в дальнейшем установить и описать набор тактик, способствующих реализации данной стратегии.

ЭКОЛОГИЧНОСТЬ РОМАНТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Т.Г. Ренц

Современные лингвистические исследования свидетельствуют о неослабевающем интересе к вопросам экологии языка и речи, экологичности поведения участников речевого взаимодействия в различных типах коммуникации. Лингвоэкология восходит к трудам зарубежных ученых Л. Блумфилда, Я. Гримма, О. Есперсена, А. Мейе, Г. Пауля, Э. Сепира, А. Шлейхера и др., которые исследовали проблемы чистоты языка, языковой стандартизации, культуры речи и т.д. В отечественной лингвистике различные аспекты лингвоэкологии рассматриваются такими учеными, как М.В. Горбаневский, Е.С. Кара-Мурза, Е.Н. Сердобинцева, О.Б. Сиротинина, А.П. Сквородников, Н.Г. Солодовникова, В.И. Шаховский и др.

В частности, представители пензенской лингвистической школы занимаются проблемами сохранения чистоты русского языка, определяя лингвоэкологию как науку о бережном отношении к языку, о культуре речи (хотя такой подход, по их мнению, является слишком узким) [Сердобинцева, 2008, с. 4—5].

Саратовская лингвистическая школа во главе с О.Б. Сиротининой изучает проблемы культуры и правильности речи. При этом понятие речевой культуры трактуется ее представителями достаточно широко — как отношение человека, общества к культуре речи во всех значениях этого понятия: к процессу выбора языковых средств, этике общения, знаниям о законах коммуникации и ее нормах, как языковых, так и этических, коммуникативных, риторических, вообще к знаниям о чем-то и другим людям [Сиротинина, 2010].

В исследованиях ряда других ученых все чаще обращают на себя внимание научные и нравственно-этические проблемы экологии средств массовой информации. Примечательно, что наблюдения лингвоэкологов касаются вопросов языкового воздействия на массовое со-

знание через массовую печать, теле-, аудио- и видеопродукцию и т. п. Ученые указывают на причинно-следственные связи между состояниями речи, мысли и сознания, которые являются предпосылками поступков [Солодовникова, 2010 и др.].

Наш интерес в области лингвозкологии направлен на ее связи с эмотиологией. Этому, в частности, посвящены последние работы В.И. Шаховского и Н.Г. Солодовниковой [2010а, б, в], которые акцентируют внимание на эмоциональной/эмотивной составляющей лингвозкологии. Лингвистика эмоций становится базой для разработки параметров экологичности/неэкологичности коммуникации на основе положительного или отрицательного индекса эмотивности. Такой подход к исследованию коммуникации отвечает задачам нашего исследования экологичности романтического общения. Прежде всего укажем, что романтическое общение — общение всегда эмоциональное, т. е. эмотивность является его доминантной характеристикой [Ренц, 2011]. Высокая степень эмотивности романтического дискурса обусловлена тем, что все его единицы так или иначе эмотивно маркированы.

Участники романтического взаимодействия проявляют свои эмоции в самых разнообразных коммуникативных ситуациях, обеспечивают равное активное участие говорящего и слушающего, причем не просто слушающего, а понимающего, что ему говорят, реагирующего на использование говорящим избранных им языковых средств, делающего выводы относительно того, насколько адекватными для данной ситуации являются те или иные средства. Сказанное согласуется с мнением Е.Н. Сердобинцевой, которая пишет: «Язык, реализуясь в речи, подразделяется на множество разновидностей. Какую речевую сферу считать наиболее экологичной? Видимо, ту, которая наиболее точно соответствует ситуации, позволяя оптимально выразить мысли, чувства, намерения человека» [Сердобинцева, 2008, с. 8]. В романтическом общении, как ни в каком другом, наблюдаются повышенное внимание к речи адресата и особо выраженная реакция на речь со стороны адресанта. В романтической диаде индивид дает себе большую свободу в проявлении эмоций, использовании языка, освобождаясь при этом от множества социальных ролей, которые ему приходится играть в сфере официального и/или неофициального ежедневного общения.

Принято считать, что выбор человеком тех или иных языковых средств в процессе речемыслительной деятельности осуществляется осознанно или автоматически в соответствии с принципом «можно — нельзя (разрешено — запрещено)». Для выполнения этой функции «в языковом сознании существует блок контроля, который поддерживает мышление говорящего в состоянии языковой “бдительности” [Шварцкопф, 1971, с. 9]. Однако в ро-

мантического общении, на наш взгляд, происходит ослабление контроля за собственной речью и акцент выбора языковых средств смещается в сторону «разрешено» в силу эмоциональности коммуникативных ситуаций.

Наблюдения за языковым материалом показали, что речь романтических партнеров может быть представлена открытой и закрытой формами. Первая характеризуется ритуальностью, стремлением говорящего произвести своей речью впечатление на собеседника, привлечь его внимание; вторая, напротив, интимна, не предназначена для других [Ренц, 2011].

Обратимся для начала к рассмотрению **открытой** разновидности, характерной для коммуникативных ситуаций с наиболее сценарной структурой. Речевое поведение в таких ситуациях ограничено вербальными формами приветствия, прощания, благодарности и т.д. и реакций на них, имеющих, как правило, формальный характер. Сущность таких форм речи заключается в реализации установок, направленных, например, на создание доброжелательной тональности общения, кооперативное, гармоничное общение в целом. Разумеется, в качестве средств общения собеседники используют, в первую очередь, устойчивые, цельнооформленные, регулярно воспроизводимые стандартные единицы, реализующие тактики установления и поддержания контакта, имеющие своей целью осуществление определенного события, предусмотренного этикетом, которые потенциально заключают в себе идею взаимодействия смысловых позиций и раскрывают важнейший аспект диалогичности. Иначе говоря, в типовых коммуникативных ситуациях, отражающих стереотипы мышления, интерактанты используют языковые средства, позволяющие успешно достигать поставленной цели и обеспечивать при этом общение кооперативного характера: *McGregor. Jamie McGregor. I'm Margaret van der Merwe. <...> I'm pleased to meet you, Miss van der Merwe (S. Sheldon. Master of the Game).*

Коммуниканты используют соответствующие формы знакомства для привлечения внимания и установления контакта, осуществляя при этом акт социальной регуляции посредством официальных формул, что вполне соответствует экологичным нормам общения. Н.Б. Мечковская считает, что, несмотря на их информативную недостаточность, это вовсе не означает, что «они не нужны или не важны людям и обществу в целом». Сама стандартность, поверхностность и легкость таких средств помогают устанавливать контакты между людьми, преодолевать разобщенность и некоммуникабельность [Мечковская, 2007, с. 240].

Этикетные формулы, подчеркивающие факт экологичности романтического общения, несомненно, демонстрируют вежливое отношение,

поскольку речевой этикет связан с вежливостью [Формановская, 2003, с. 12]. Нарушения же этикета фиксируются сознанием адресата и учитываются в дальнейшем. Сказанное позволяет сделать вывод, что этикетные формулы служат основой для поддержания баланса в общении и признаком экологичности романтического общения.

Значимым языковым средством, подчеркивающим факт экологичности общения, являются обращения в романтическом дискурсе. Прежде всего, следует указать, что обращения в косвенной форме «информируют» адресата об уровне отношений между интерактантами. Так, общепринятые формы типа *Miss Brown, Mr. Clark, Rupert, Fenella Maxwell* и другие широко применяются интерактантами в коммуникативных ситуациях знакомства. Такого рода обращения употребляются для социальной регуляции и подчеркивают официальный / полуофициальный характер общения, уважение к собеседнику через реализацию принципа Вежливости: *Daniel. Daniel Clark. I'm Liz Paulson. I'm pleased to meet you, Miss Paulson. Pleased to meet you too, Mr. Clark* (M. White. Spring Song).

Закрыва́тая разновидность речи романтических партнеров — речь интимная, предназначенная только для партнера. Наблюдения за языковым материалом показывают, что участники взаимодействия в меньшей степени озабочены качеством речи, что обусловлено заповедной областью интимно-личностных отношений. **Закрыва́тая** речь, однако, не означает **неэкологичная**. Напротив, интерактантам далеко не безразлично, что и как они говорят. Так, особую значимость в романтическом дискурсе приобретают эмотивно-экспрессивные имена партнеров, «заряженные» экспрессией восторга, обожания, ласки, имеющие для романтических партнеров особый смысл: *angel face, duckie, pet, angel, Honeybee, Funny Hunny* и другие, а также имена, данные партнерам для идентификации их отношений как «эксклюзивных»: *Little Dove, Lady of the Lake* и др. Как считают исследователи, чем чаще используются такие прозвища, тем более позитивным, игривым, жизнерадостным будет общение. Большинство создаваемых коммуникантами номинаций друг друга индивидуальны для каждой пары и служат вполне определенным прагматическим целям. Несомненно, такие обращения соотносятся с позитивными эмоциями и являются признаком экологичности рассматриваемого типа общения. Вместе с тем следует заметить, что такого рода обращения при первой встрече свидетельствуют о нарушении этикетных правил и вполне могут вызвать негативные эмоции адресата, т. е. быть неэкологичными.

К закрытым можно отнести также и ситуации признания в любви, в которых высказывания говорящего предназначены конкретному адреса-

ту. Многообразие коммуникативных ситуаций признания в любви в рамках романтического общения сводится, в конечном итоге, к двум типам. Ситуации первого типа характеризуются спонтанностью, которая исходит из глубин сознания, неподготовленностью высказываний, когда говорящий сообщает слушающему о своих чувствах неожиданно, под влиянием внутреннего импульса, эмоционального порыва, собственных побуждений. Спонтанность является движущим началом творчества индивида. Ситуации второго типа, напротив, представляют собой осознанные, подготовленные сообщения о переживаемых чувствах, когда человек продумывал и давно хотел сказать об этом. Последнее, однако, не означает, что собственно признание будет грамматически и стилистически правильным, без каких-либо нарушений общепринятых правил или действующих в данном обществе языковых норм. Эмоциональное состояние говорящего в момент признания становится причиной нарушений речевой грамотности, редукции вербальных знаков, которые, тем не менее, не являются, на наш взгляд, показателями неэкологичности романтического общения, а свидетельствуют лишь о высокой степени эмоциональности говорящего, экспрессивности и психологической напряженности. Подтвердим сказанное примерами:

— *Oh Dino, Dino, — she cried, and tumbled off Hardy into his arms. He kissed her fiercely she had no doubt of his feelings towards her.*

— *Oh, I love you,* — *she bleated incoherently.* — *‘I’ve missed you. I’ve been so so miserable.*

— *Me too,*’ *he groaned.* — *‘Oh, Christ, darling, we’ve been so dumb.*

— *Oh, I’m so glad,*’ — *said Fen burying her face in his chest.* — *‘I was so aching to see you, it was the vain thing that drove me on to get selected. I thought I’d die when Mary-Jo said you weren’t coming. You won’t ever dissappear, will you? Life’s so awful when you’re not there (J. Cooper. Riders).*

Для реализации своих интенций собеседникам предоставлена большая свобода в выборе языковых средств. Дискурсы романтических партнеров обогащаются эмоционально и семантически, открывают возможности для нового уровня общения, о котором партнеры раньше не подозревали. Коммуникативное поведение партнеров в высшей степени эмоционально. Его фон характеризуется использованием в данном типе диалога таких эмотивно заряженных высказываний, как *love you, missed you, was so aching, life’s so awful when you’re not there*. Эмоции неизбежно проявляют себя и на невербальном уровне: мощным средством передачи эмоционального состояния коммуникантов являются фонационные (*she cried, bleated incoherently, he groaned*), гаптические (*he kissed her fiercely*), жестовые компоненты, требующие изменения дистанции (*burying her face in his chest*), которые существенным образом

усиливают эмоциональное воздействие высказываний собеседников друг на друга. Позитивные эмоции обоих участников интеракции, выражаемые вербальными и невербальными средствами, подтверждают факт экологичности общения. Иначе говоря, экологичность в романтическом общении проявляется как на вербальном, так и невербальном уровне.

Рассмотренная выше ситуация показывает, что в большинстве случаев признание происходит спонтанно, речь адресанта эмоциональна и содержит большое количество эмотивов, независимо от того, осуществляется ли оно в прямой или косвенной форме. Учитывая, что признание в любви ставит своей конечной целью улучшение самочувствия адресата, проявление эмоций любви, нежности имеет положительную энергетику, а общение в таких ситуациях экологично. Исключение составляют те ситуации признания, когда адресат не разделяет чувства адресанта, т. е. прагматика говорящего и прагматика слушающего не совпадают, что приводит к диффамации первого. Иными словами, положительные интенции говорящего, реализующие установку на экспликацию позитивного отношения к собеседнику, могут не улучшать эмоциональное состояние адресата, а детерминировать полярное (антагонистическое) эмоциональное отношение с его стороны:

— *She saw the signature.*

— *You painted these?*

— *I'm sorry if they don't appeal to you.*

— *They're fantastic! — She moved toward him. — I don't understand. If you can do this, why would you ever want to do anything else? You're wonderful. I don't mean you're good. I mean you're wonderful.*

— *Tony stood there, not listening, wanting her to get out. ... — He wished she would leave him alone (S. Sheldon. Master of the Game).*

В описываемой ситуации девушка обсуждает с молодым человеком его картины; она с восхищением отзывается о них, делая ему комплимент, и проявляет настойчивость при поддержании контакта, что отражается в ее речевой партии: *They're fantastic! <...> If you can do this, why would you ever want to do anything else? You're wonderful. I don't mean you're good. I mean you're wonderful.* Речь собеседницы сопровождается сокращением пространственной дистанции между партнерами (*She moved toward him*), что, очевидно, можно расценивать как стремление к изменению психологической дистанции. Однако высказывания девушки, хотя и являются эмоциогенными, вызывают скорее негативные эмоции собеседника, что проявляется в его невербальном поведении — молчании, которое вносит рассогласованность в общение. Таким образом, возникающие в процессе неконгруэнтной прагма-

тики высказываний коммуникантов негативные эмоции могут вполне разрушить отношения, стать причиной рассогласованности в общении и даже конфликта, несмотря на то, что интенции одного из коммуникантов были явно другими.

Резюмируя сказанное, отметим, что экологичность в романтическом общении проявляется на вербальном и невербальном уровнях. Этикетные формулы речи направлены на реализацию таких параметров экологичности романтической коммуникации, как стремление участников взаимодействия к кооперативному общению, доброжелательность, вежливость, уважение собеседника и др. Экологичность/неэкологичность романтического общения ситуативно обусловлены. Понятия экологичности/неэкологичности романтического общения несводимы только к использованию / неиспользованию в процессе общения эмотивов с положительным / отрицательным модусом. Положительно заряженные эмотивы нередко приобретают негативную коннотацию в коммуникативной ситуации, становятся, таким образом, неэкологичными и могут вызвать рассогласованность в общении.

ЭКОЛОГИЯ ОБЩЕНИЯ В КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ «ПРИЗНАНИЕ ВИНЫ»

Т.И. Толкачева

Ситуация «признание вины» является благодатным полем для изучения экологичности общения, в частности, на межличностном уровне. Мы определяем коммуникативную ситуацию «признание вины» как типовую, инвариант реальной жизненной ситуации, в которой индивидуумы, осознав неправомочность своего поступка, сообщают об этом с помощью различных вербальных и невербальных средств [Толкачева, 2009, с. 54—55].

Поведение адресанта в ситуации «признание вины» определяет его прагматическая установка, т. е. мотивы и цели совершения им акта признания вины. Большинство исследователей в различных сферах научной деятельности считают, что именно эмоции являются основным мотивом, побуждающим человека к действию (К. Бюлер, В.К. Вилюнас, Л.С. Выготский, Ч. Дарвин, К. Изард, К. Лоренц и др.). «Эмоция — особое переживание субъектом отдельных отражаемых объектов, придающее им целевую характеристику и побуждающее субъекта к решению

на уровне образа задачи о способе их достижения, а в конечном счете — к целенаправленной внешней деятельности» [Вилюнас, 1984, с. 24].

Понятие «коммуникативная ситуация “признание вины”» соотносится с феноменом «вина». Вину связывают, в основном, с фактом свершения предосудительного поступка, а также упоминают данный феномен в контексте религиозного мировоззрения, сферы нравственности, морали и ответственности за какие-либо действия как мерила нравственной характеристики собственного поведения.

Чувство вины — сложное чувство, которое в реальной жизни неизбежно «обрастает» различными эмоциями: стыда, отчаяния, страха, любви и др. Например, в исследованных нами примерах ситуации «признание вины» доминирующими были следующие кластеры эмоций: **стыд** (неловкость, смущение, сожаление — раскаяние); **страх** (опасение, неуверенность, нерешительность, сомнение, робость); **тоска** (страдание, скорбь, грусть, отчаяние, безысходность, расстройство); **злость** (гнев, негодование, недовольство, возмущение, ненависть, нервность); **симпатия** (любовь, уважение, благодарность, сочувствие, сопереживание). Все эти эмоции неизбежно проявляют себя на вербальном и невербальном уровнях поведения индивидуума.

Признание вины интересно тем, что с точки зрения цели общения данный акт можно назвать вариантом экологичной коммуникации, поскольку он предполагает, в зависимости от прагматической установки, налаживание отношений с адресатом, желание быть понятым, разрядить обстановку и т.д. Однако стоит отметить, что лексику, которая при этом используется, зачастую можно назвать грубой, иногда самоуничижительной, хотя используется она для того, чтобы в конечном итоге обелить себя. Например, в случае прямого признания вины (которое осуществляется вербально и эксплицируется при помощи лексики, выражающей самообвинение и/или самопризнание, а также при помощи вербальных единиц, сигнализирующих об извинении и/или просьбе о прощении) самообвинение выражается как стилистически нейтрально (*I know I'm being silly, I blame myself, I know I was wrong, I was responsible, forgive me, I'm sorry + explanation*), так и при помощи весьма грубой лексики (*I'm sorry I feel like such an S.O.B., I'm a terrible person, I've been fool, I disgust myself, I was an asshole, I'm a whore*).

Негативная вербальная упаковка является следствием личностной оценки человеком своего поступка и, вероятно, согласно сложившемуся мнению, чем самоуничижительнее признание вины, тем вернее оно может привести к достижению цели — получению прощения.

Важной в акте признания вины является невербальная составляющая. В ситуациях «признание вины» нами выявлены невербальные маркеры эмоционального состояния, связанные с изменением внешнего вида, позы, особенностями походки и движения рук, головы и тела, манипуляциями предметами, направлением взгляда, а также с физиологическими проявлениями эмоций (слезы, пот, дрожь, выражение глаз, вздохи и т.п.). Как правило, ровная речь персонажей, не сопровождающаяся невербальными проявлениями, свидетельствует о демонстративном признании вины при отсутствии переживания чувства вины.

По нашим данным, наиболее частотное эмоциональное состояние в коммуникативной ситуации «признание вины» (32,3% от общего количества исследованных нами примеров) — это кластер эмоции **стыда** [Толкачева, 2009, с. 163].

Эмоция стыда оказывает глубокое психологическое воздействие на человека, переживающего ее. В Большой Советской энциклопедии находим следующее определение стыда: *чувство, возникающее у человека при совершении им поступков, противоречащих требованиям морали, унижающих достоинство личности. Содержание поступков, вызывающих чувство стыда, имеет общественно-исторический характер, зависит от эволюции норм морали. Стыд испытывается как тягостное беспокойство, неудовлетворённость собой, осуждение своего поведения, сожаление о совершенном поступке. Стыд может переживаться при недостойном поведении др. людей, в особенности близких. Чувство стыда возникает и при воспоминании об унижительном поступке, совершенном в прошлом. Переживание стыда может иметь отчётливые телесные симптомы — покраснение лица, опускание глаз и т.п.* [БСЭ].

Понятие вины часто путают или отождествляют с эмоцией стыда. Однако исследователи, занимающиеся проблемой разграничения данных феноменов, считают, что это два различных эмоциональных состояния.

Исследуя истоки и причины возникновения вины и стыда, психолог И.Н. Корнеева отмечает: «Чувства стыда и вины часто путают, хотя бы потому, что человек может их испытывать одновременно. Есть люди, более склонные испытывать чувство стыда, другие — вины. Одни чувствуют стыд, другие — вину, третьи — и то и другое в одних и тех же ситуациях. Стыд — чувство, что ты плохой, а вина — что ты сделал что-то плохое» [Корнеева: www]. Как далее поясняет психолог, стыд затрагивает центральную идентичность человека, его сущность, вина — его действие. «Стыд и вина — это совершенно разные переживания. Человек, испытывающий стыд, и человек, испытывающий вину, по-разному переживают

провал и неудачу. Неудачу стыдящийся человек ощущает как жизненный провал, он чувствует себя не адекватным всему роду человеческому, не способным реализовать свои жизненные задачи, не соответствующим своим ожиданиям. Чаще всего это отражение родительских ожиданий. Виновные чувствуют ошибку не в бытии, а в действии. Их беспокоит то, что они сделали неправильно и как это отразится на них и остальных. Их неудача состоит в их собственных обязательствах перед собой» [Корнеева: www]. Таким образом, можно сделать вывод, что согласно представленной точке зрения, человек испытывает стыд перед другими людьми за какие-либо свои личностные неудачи или их несбывшиеся ожидания, а вина — чувство, которое возникает у человека в результате оценки собственных действий. Интересны наблюдения психолога относительно внешних симптомов переживания людьми стыда и вины. И.Н. Корнеева подмечает, что стыд и вина проявляются в разных телесных реакциях. «Стыд парализует, кровь приливает к лицу, колени слабеют, невозможно сделать шаг, несмотря на отчаянное желание убежать. Жертва стыда теряет контроль над своим собственным телом, что делает стыд еще более глубоким. Человек чувствует себя видимым насквозь, он разоблачен, уязвим и незащищен, он превращается в ничтожество, нет никаких качеств в нем, чтобы искупить его недостатки. Мало того, что он презренная тварь, его еще все видят. Он сталкивается с непреодолимым чувством унижения и презрения к себе, теряет способность думать. Вина редко может вызывать реакции всего тела, ощущения вины чаще всего являются смесью эмоций и мыслей, эти мысли могут быть болезненны, но это не физическая боль» [Там же]. Согласно точке зрения Е.А. Дженковой, которая исследовала концепты «стыд» и «вина» в русской и немецкой лингвокультурах, «различие между культурными феноменами стыда и вины заключается в том, что первый из них сфокусирован на внешней оценке релевантных для того / иного социума явлений культуры, а второй ориентирован преимущественно на самооценку индивида» [Дженкова, 2006, с. 245—246]. «Вина не зависит от мнения окружающих или перспективы наказания за проступок, а вызывается самоосуждением» [Там же, с. 239].

По мнению некоторых исследователей, стыд является позитивной эмоцией. Подобную точку зрения высказывает, например, известный австралийский психотерапевт Х. Льюис. Ее работы, посвященные роли стыда и чувства вины в развитии личности, опираются на теорию психоанализа, исследования экспериментальной психологии и личностно ориентированной психотерапии. Исследователь обращается к вечной проблеме разграничения стыда и вины, рассматривая эти две эмоции как самостоя-

тельные и важные факторы мотивации. Она убедительно доказывает, что данная проблема обязана своим возникновением Фрейду; путаница возникла с тех пор, как Фрейду не удалось провести четкую грань между 'самостью' (self) и 'эго', с тех пор, как было принято за правило рассуждать о 'суперэго' в терминах инстинктивных влечений (инстинкта смерти) и акцентировать роль аффективного состояния вины. В рамках выстроенной Фрейдом теории не нашлось места понятию стыда, он не рассматривал стыд в качестве составляющей суперэго, как не смог распознать и роль стыда в развитии депрессии (приводится по: [Изард, 1999, с. 32]). В своих работах Х. Льюис вскрывает позитивное значение эмоции стыда для поддержания чувства собственного достоинства, самоуважения и эмоциональных связей человека.

Рассмотрим подробнее на предмет экокommunikации примеры ситуации «признание вины», в которых преобладающим эмоциональным состоянием являются эмоции кластера «стыд». В речи персонажей переживание эмоции стыда выражалось в самоотчетах о своих чувствах при помощи оценочных лексем. В ряде примеров экспликация эмоций кластера **стыд** осуществлялась на основе эмоционально заряженного и оценочного сравнения, объектом которого являлись порицаемые в обществе явления (проституция, глупое поведение и т.п.): *I'm a whore, Jack. Just like all the other girls you sleep with* (D. Steel. Special delivery); *I'm sorry, she said, for behaving like a goddamn idiot* (S. Sheldon. The naked face).

Стыд и другие эмоции данного кластера могут быть выявлены на основе анализа сочетания вербальных и невербальных компонентов в речи персонажа. Незаконченные предложения, паузы, заминки могут быть истолкованы как проявления стыда и смущения. В следующем примере героиня рассказывает своему новому близкому другу историю о своих недавних отношениях с предыдущим молодым человеком и о том, как она забеременела.

Пример 1: *... then he stopped somewhere to park on the way home. I didn't want to go, but I didn't want to make a big deal about it either, and he gave me a sip of gin, and then... she looked down at her protruding belly ...you can figure out the rest. He said he didn't think I could get pregnant'* (D. Steel. Special Delivery).

В своем рассказе она, делая паузы, как бы подбирает необходимые слова. При этом, недоговаривая отдельные предложения, героиня пропускает интимные подробности и детали, которые, с одной стороны, могут быть легко додуманы собеседником, с другой стороны, свидетельствуют о переживании чувства стыда.

В подавляющем большинстве случаев доминирующая в конкретной ситуации эмоция одного кластера сливается с эмоциями других, образуя

сложный кластер эмоций, который мотивирует поведение персонажа в коммуникативной ситуации «признание вины» и эксплицируется персонажем в ней. Например, в следующей ситуации героиня демонстрирует сложное эмоциональное состояние, в котором сочетаются эмоции **стыд**, **отчаяние**, возмущение своим поведением (**злость** на себя) и **опасение**.

В данном примере главная героиня романа Аманда винит себя за то, что полюбила мужчину вскоре после смерти своего мужа. Последней каплей, послужившей причиной нервного срыва, был тот факт, что она занималась любовью с любимым мужчиной на супружеской постели, которую она до этого долгое время делила со своим недавно умершим супругом.

Пример 2: — *Do you want to take a shower?*

— *No, I want to die. 'She threw herself on her bed, and he sat down on the edge of it, and looked at her with deep affection.*

— *You put yourself through an awful lot of shit. Do you know that?*

— *I deserve it,— she said, with tears in her eyes again. —“I’m a terrible person, and one day my children will know it. ’ And then she looked up at Jack with utter panic as she lay there. “You won’t tell Paul, will you? Oh my God... he’ll tell Jan, and she’ll tell Louise... (D. Steel. Special delivery).*

На лексическом уровне эмоция **стыд** косвенно обнаруживает себя в высказываниях персонажа о своем желании умереть (*No, I want to die*), а также в том, что она заслуживает наказания за свой поступок (*I deserve it*). **Возмущение** и **злость** на себя выражаются в самообвинении (*I’m a terrible person, and one day my children will know it*). **Стыд** и **отчаяние** проявляются на невербальном уровне через кинесику (*She threw herself on her bed*), на эмоцию **страх** имплицитно указывают риторический вопрос-просьба (*You won’t tell Paul, will you?*), междометие, подчеркивающее интенсивность испытываемой эмоции (*Oh my God*). Опасение, что дети узнают о ее встречах с мужчиной, имплицитно выражено посредством незаконченных предложений (*he’ll tell Jan, and she’ll tell Louise*), а паника, сопутствующая страху, эксплицируется невербально — во взгляде, репрезентированном в тексте с указанием на переживаемое персонажем чувство (*she looked up at Jack with utter panic*).

К особенностям невербальной экспликации стыда относятся направление взгляда, «уменьшение» в размере, потение, голосовые модуляции (понижение голоса), вздохи. Бытует мнение, что человек, испытывающий стыд, опускает глаза или отводит взгляд. В выявленных фрагментах коммуникативной ситуации «признание вины» были отмечены несколько случаев описания взгляда персонажа, явно указывающего на данную эмоцию. При этом ключевым являлось направление взгляда.

Как правило, взгляд отводился от собеседника или был направлен вниз (в связи с этим стоит упомянуть о бытующем в русском языке выражении «потупить взор»), персонажи, манифестируя эмоцию **стыд**, упоминали о том, что не могли смотреть кому-либо в лицо: *Woody sat there, staring at the floor* (S. Sheldon. Morning, Noon & Night); *Woody was too ashamed to look at the others* (S. Sheldon. Morning, Noon & Night); *He looked I at his feet He whispered, 'We're really sorry about this, love, all of us locals are'* (G. Seymour. The Waiting Time). Отмечалось также стремление спрятать лицо: *...after a couple of days she woke up at night and cried her eyes out, hiding her face in a towel* (W. Woodruff. The Road to Nab End).

В ситуации «признание вины» персонажи, испытывающие смущение или стыд, понижали голос или говорили шепотом, отмечалась также хрипота в голосе: *He looked I at his feet (???)*. *He whispered, 'We're really sorry about this, love, all of us locals are'* (G. Seymour. The Waiting Time); *When he finally spoke, his voice was hoarse* (S. Sheldon. Morning, Noon & Night).

В некоторых примерах коммуникативной ситуации «признание вины» переживание стыда репрезентировалось через описание визуального «уменьшения» персонажей в размере, как бы пытающихся «исчезнуть» с глаз собеседника: *...he grinned, looking suddenly shorter and a whole lot worse than he had when he'd asked her* (D. Steel. The Gift); *Olivetti seemed to shrink smaller and smaller after each name was read* (D. Brown. Angels and Demons).

Обобщая, следует отметить, что персонажи, испытывая эмоцию **стыд**, старались не смотреть в глаза собеседнику, тихо говорить и казаться как можно меньше. Возможно, здесь можно провести параллель с укоренившимся взглядом на поведение людей, испытывающих стыд, которое отразилось в русском устойчивом выражении «не знать, куда деться от стыда».

Рассмотрение примеров коммуникативной ситуации «признание вины» с доминирующим кластером **стыд** на предмет экологичности коммуникации показало, что с позиции признающего вину оно не может считаться экоположительным, поскольку, как правило, его речь изобилует отрицательно заряженными лексемами. Кроме того, как вербальное, так и невербальное поведение свидетельствует об общем подавленном моральном состоянии коммуниканта. Однако следует отметить, что неэкологичное поведение адресанта используется им в экологических целях для восстановления морального и физического здоровья как самого адресанта, так и адресата / адресатов. С этой позиции ситуация «признание вины» определенно является экоположительной.

Таким образом, одна и так же лексика, одно и то же вербальное и невербальное поведение могут быть как экоположительными, так и экоотрицательными в зависимости от мотивов и целей коммуникантов.

**К ПРОБЛЕМЕ ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ
«СМЕШАННЫХ ЧУВСТВ»
(ДВУМОДУСНАЯ ЭКОЛОГИЧНОСТЬ
ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ)**

А.А. Штеба

Определение **смешанное** онтологически применимо к любому эмоциональному переживанию. Другими словами, каждая эмоция более / менее амбивалентна по причине динамичности мира эмоционального, что находит отражение в языке, который категоризует эту особенность. Проблема заключается в том, что характер подобной категоризации зачастую скрытый, потенциальный, когда средством выявления положительного знака у отрицательной эмоции и наоборот является коммуникативная ситуация вербализации эмоций человеком.

Наглядно показать сущность понятия «смешанные чувства» может следующий пример: *смешанные чувства — это когда Ваша теща летит в обрыв на Вашем автомобиле*. Данный феномен своими корнями уходит к синкретизму мышления древнего человека. Именно поэтому в терминологическом аппарате лингвистики наряду с традиционным понятием языковой личности наличествует термин **амбивалентная языковая личность**, под которым понимается принципиальное единство взаимоисключающих начал в говорящем, что реализуется в языке [Котова, 2008, с. 9]. Формулируя концепцию антропологии воображаемого, Ф.И. Гиренок особое внимание обращает на проблему амбивалентной природы человека, являющегося «волкозайцем», научившимся одновременно существовать на двух прямо противоположных эмоциональных полюсах [Гиренок, 2012, с. 27]. Как следствие, лишенная амбивалентности эмоция, которая чужда двойственной сущности человека, есть дезактивированная эмоция, убитая монотонным повторением одного и того же чувства [Там же, с. 56].

М. Мишин пишет о смешанных чувствах в одноименном рассказе следующим образом: *Чистую, беспримесную эмоцию последний раз видели в романе Тургенева. Ныне — сплошные оттенки и полутона. Смутные*

ощущения стали нормой, двойственные чувства — единственно возможными [Мишин, 1990, с. 40]. В данное понятие автор включает свою обеспокоенность тем, что представители будущего поколения не смогут определять сущность выражаемой эмоции, а это в результате приведет к деэмоционализации человека: *Смешиваться их будет все больше, а сами они — делаться все меньше, пока в итоге не образуется одно огромное, необъятное чувство, состоящее из бесконечного количества мельчайших чувствочек, практически равных нулю. Останется лишь придумать этому грандиозному гибриду достойное название* [Там же]. Здесь следует вспомнить и сюжет фильма «Эквилибриум», и утопию Дж. Оруэлла «1984». Заметим лишь, что в названных произведениях усилия правящих лиц направлялись на искоренение эмоций, т.е. ни о каком естественном процессе здесь говорить не приходится.

Возникновение смешанного чувства представляет собой процесс конкретизации эмоции посредством выделения в ней множества прагматических оттенков, которые могут трансформировать оценочный вектор эмоционального переживания, соседствующий с эталонным (норма и отклонение от нее). Мы придерживаемся такого мнения, что вскрытие человеком амбивалентности эмоций есть не более чем движение к качественно новому этапу понимания природы эмоций, т.е. это стало следствием внимательного изучения эмоциональных переживаний: их оценочного знака и его лабильности; множественности лексико-семантических форм объективации того или иного эмоционального переживания, из чего происходит и дифференциация одной и той же эмоции в зависимости от ее «языковой упаковки»; разницы в индивидуально-личностном видении одной и той же эмоции; коммуникативного сбоя, обусловленного неадекватной интерпретацией адресатом эмоций адресанта, и т.д.: *Pour tuer, il faut s'avancer, regarder, étudier, prévoir les réactions de son adversaire. Donc, s'intéresser a lui (Чтобы убить, нужно изучить, рассмотреть, приблизиться, предвидеть реакции своего соперника, то есть интересоваться им)* [Werber, 2009, p. 62]. Сказанное соотносится с развитием у homo sentiens эмоциональной компетенции, за конститuenty которой принимаются 1) знание своих эмоций; 2) управление эмоциями; 3) мотивирование себя; 4) распознавание эмоций других людей; 5) поддержание отношений [Гоулмен, 2009, с. 541—543].

Неспособность однозначно выразить эмоциональное переживание в большинстве случаев патологично. В психиатрии извращение эмоций именуется как паратимия — инверсия эмоций, когда аффективные проявления не соответствуют стимулу или данной ситуации (попутно заметим, что вопрос вызывает и возможность в принципе установить степень адекватности эмоции для некоторой ситуации). Данный термин образо-

ван от греческого корня *thymos* (настроение, чувство) и приставки *para* — 1) нахождение, расположение рядом, вблизи, возле чего-либо; 2) отступление, отклонение от чего-либо, ошибочное отождествление с чем-либо, несоответствие внешних проявлений сущности данного явления. Поэтому и неудивительно, что в рамках данного родового понятия рассматриваются проблемы эмоциональной амбивалентности, эмоциональной неадекватности, эмоциональной парадоксальности, аффективного негативизма, парамимии и пр. [Блейлер, 1920, с. 318; Патология эмоциональной сферы: www; Симптомы патологии эмоций: www].

Невозможность и/или нежелание четкой дифференциации и экспликации актуального эмоционального переживания могут не только быть вызваны психическим расстройством, но и создаваться намеренно, например, в эстетических целях, что становится средством канализации лингвокреативных способностей говорящего, или с целью манипуляции. В последнем случае речь идет об имитации эмоции, когда истинное отношение / состояние скрывается и выражается, как правило, противоположное ему. В указанном ранее романе Дж. Оруэлла на двухминутках ненависти последнее эмоциональное переживание именно искусственно культивировалось, когда для многих его форма не значила абсолютно ничего, а у других вызывала радость, происходящую от осознания нелепости поведения кричащих вокруг людей: *На двухминутках ненависти громче всех поносила Голдстейна. При этом очень смутно представляла себе, кто такой Голдстейн и в чем состоят его теории.* Когда адресату удается декодировать эмоциональную ложь адресанта, он понимает, что его, например, *облили грязью похвал.* Результатом этого становится реализация следующей репликовой схемы: говорящий испытывает эмоцию₁, но выражает эмоцию₂; слушающий декодирует эмоцию₂ и может заподозрить, что говорящий выразил эмоцию₁; в последнем случае слушающий начинает испытывать эмоцию₃, что способен определить и говорящий, и т.д. Подобная спиралевидная модель предполагает постоянную смену оценочных знаков эмоций, которые варьируют коммуникативные партнеры.

Считается, что эмоции не могут лгать, лживой является их языковая упаковка, которая не способна передать всей голографичности мира эмоционального. Поэтому проблема имитации эмоций интересна вдвойне: во-первых, язык — условен и, соответственно, отражает не реальность, а кажимость действительности, во-вторых, говорящий, который намерен выразить лживую эмоцию, сам того не осознавая, усиливает разрыв между практически недостижимой реальностью и своим местом в ней. Однако ложь обладает свойством континуальности, она закрепляется в семантической памяти языковых знаков и языкового сознания их

пользователей [Шаховский, 2005, с. 184]. Этим и опасны как имитация эмоций, так и отсутствие должного внимания к этой сфере, поскольку разрыв между Я и Другим увеличивается за счет конструирования множества потенциальных миров, что, естественно, препятствует процессу взаимопонимания. Кроме того, нельзя забывать, что сам человек являет собой альянс поливалентных личностей (субличностей), тогда как усилия *homo mentiens* направляются на отказ от собственного Я (ложная субличность вытесняет личность) и это вызывает внутреннюю борьбу человека с самим собой.

Наряду с имитацией, которая может становиться необходимой в определенной ситуации, нужно учитывать и то, что у чувств должны быть границы, которые негласно принимаются обществом. Невнимание к данным ограничениям происходит, например, либо от неадекватной оценки ситуации, «эмоциональной тупости» человека (*медвежья услуга*), либо от невозможности контролировать свое эмоциональное переживание (*l'amour c'est comme une flamme, au début za vous rûchauffe le съur ensuite za devient un feu difficile a ûteindre et a la fin za vous bryle le съur en vous laissant un arriere goyt de cendre* [<http://proverbes-damour.blogspot.com/2008/11/proverbes-amour-13.html>]. — *Любовь похожа на пламя: вначале она согревает Вам сердце, затем этот огонь становится трудно потушить. В конечном итоге любовь сжигает Ваше сердце, оставляя лишь послевкусие пепла*).

В теории эмоций Р. Лазаруса (1991) выделены три смешанные эмоции: надежда, сострадание и благодарность, и в каждой из них наблюдается конфликт между актуальной неудовлетворенностью и потенциальным облегчением (*мне плохо — я надеюсь, что завтра мне будет лучше; тебе плохо, и я сострадаю тебе, как если бы плохо было мне; мне было плохо, и ты помог мне, теперь мне хорошо и я благодарен тебе*). М. Ляриве описывает более обширный ряд смешанных эмоций (*les йmotions mixtes*), к которым относит чувство вины, ревность, отвращение, стыд. Данный автор пишет, что такие эмоции амальгамны по своей природе и направлены не на информирование, а на дезинформирование об актуальном эмоциональном переживании [Larivey: www]. Любовь представляет собой комплексный эмоциональный опыт, включающий множество частных эмоциональных переживаний (радость, желание, нежность, уважение, привязанность и пр.). Это эмоциональное состояние не исключает и одновременного переживания гнева или злости. Любовь как преимущественно положительное эмоциональное переживание дифференцируется качественно: можно любить ребенка, место, черту характера, т. е. все то, что дает особое удовлетворение, — это различные «измерения любви» с разной интенсивностью эмоций. Любить можно и слепо, когда знак эмоции уже перестает

быть исключительно положительным, т. к. такая любовь способна причинять страдания.

Из сказанного видно, что в смешанных чувствах нужно выделять два аспекта: кластерность («пучок» положительно или отрицательно оценочных эмоций) и амбивалентность (одновременное переживание положительных и отрицательных эмоций): *il fit deux pas en arriere, et me regarda avec un curieux mülange de haine et de pitiü. — Он сделал два шага назад и посмотрел на меня так, как будто в его взгляде была смешана ненависть и жалость.* Наш эмпирический материал подтверждает тот факт, что любая эмоция человека амбивалентна как минимум потенциально. За эмотивной моновалентностью скрыты поливалентные эмоции человека, а «одионочная» эмотивность слова/словосочетания есть не более чем теоретический конструктор. Процесс «склеивания» положительно или отрицательно оценочных эмоций обусловлен нагнетанием эмосем [Лукьянова, 1986, с. 187] в семантику слова, происходящим от дистрибуции данной лексической единицы. При этом эмоционально-оценочная составляющая любого слова динамична и подвижна, что приводит к расширению эмотивной рамки применения слова, превращает его из положительного или отрицательного в амбивалентное.

В рассказе Г. де Мопассана «Калека» (G. de Maupassant. L'infirmе) описывается встреча двух знакомых, один из которых потерял обе ноги на войне. Другой начинает расспрашивать своего приятеля о том, как сложилась его жизнь, а особенно его интересовали взаимоотношения с женщиной, с которой до войны у офицера были планы пожениться. На фоне внешней сдержанности офицера данный вопрос каузирует неконтролируемые соматические реакции: *sa figure pleine, bouffie, que l'afflux constant de sang rendit dija pourpre, se teinta davantage encore (его раздувшееся лицо, ставшее от внезапного прилива крови пурпурным, окрасилось еще сильнее),* которые сопровождают и одновременно выражают его эмоциональное состояние. Особенно это контрастирует с легкостью, с которой он отвечал своему бестактному спутнику: *il rüpondait avec vivacitü (он отвечал с живостью).* Искалеченный приводит множество аргументов, которые оправдывают его великодушное поведение с позиции коллективной нормы: *On a tort de prononcer a cftü de mien le nom de Mme de Fleurel. Quand je suis revenu de la guerre, sans mes pieds, hülas! je n'aurais jamais acceptü, jamais, qu'elle devont ma femme. Est-ce que c'ütait possible? Quand on se marie, ce n'est pas pour faire parade de günürositü <...> et, si cet homme est difforme, comme moi, on se condamne, en l'üpousant, a une souffrance qui durera jusqu'a la mort ! Croyez-vous qu'on puisse accepter d'une femme de tolürer ce qu'on ne supporte pas soi-mkme? (Вы заблуждаетесь, когда связываете мое имя с*

именем мадам де Флёрель. Когда я вернулся с войны без ног, увы, Я бы никогда не согласился взять ее в жены, никогда. Возможно ли это? Свадьба — это не парад великодушия <...> выйти замуж за калеку — значит приговорить себя к страданию, которое продлится до смерти. Вы думаете, что можно позволить жене терпеть то, чего не выносишь сам?)

Эмотивная плотность нарратива данного персонажа высока, на что указывают междометия, повторы, риторические вопросы. Помимо разнообразия эмотивов (в статусах аффектива, коннотатива и потенциатива), внимание нужно обратить на связь лексемы ‘rouce’ (‘большой палец’) со всем текстом. К концу рассказа становится понятным, что офицер ехал с подарками к своей бывшей возлюбленной, у которой уже есть семья и трое детей. На перроне его с радостью встретили те, во имя которых главный герой пренебрег своим личным правом на счастье. Рассказ заканчивается тем, как офицер идет по перрону в сопровождении встретившей его семьи из пяти человек, а младшая дочь тайно им обожаемой женщины держит его за большой палец. Это и становится счастьем офицера, который сумел хотя бы опосредованно (как друг) быть ближе к той, кого он любит.

Если речь идет о норме коллективной, то она должна быть привычна, обыденна и, значит, не должна вызывать интенсивных эмоциональных реакций. На основе данного контраста между нейтральной нормой и эмоциональной интерпретацией нормы, ее рефлексией в анализируемом примере представлена именно имитация эмоций, форма которой (офицер демонстрирует не более чем уважительное отношение к своей возлюбленной) контрастирует с содержанием.

В рассмотренном примере выражены кластеры положительно и отрицательно оценочных эмоций. Кроме того, своеобразный «эмоциональный микс» (*les ÷motions mixtes*) виден на уровне семантики не только текста, но и слова, когда спутниками любви главного героя являются боль и грусть, когда внешнепроявленная сила (возлюбленные расстались по его инициативе) не смогла побороть слабости героя в желании личного счастья, когда радость встречи с дочерью бывшей возлюбленной соседствует с завистью и печалью, происходящими от того, что ситуацию уже невозможно изменить.

Как пишет Ф.И. Гиренок, «эмоция не принадлежит никому и поэтому она может быть у каждого» [Гиренок, 2012, с. 50]. *Смешанные чувства* представляют собой отклонение от нормы коллективной, от негласно принятой конвенции. Одновременно они являют собой только отдельный феномен, бесспорно, обладающий своими семантическими и лексико-грамматическими признаками, но присущий любому эмоционально-

му переживанию в силу того, что эмоции ситуативны, персонализированы, а значит, гибки и флукуативны (подробнее см.: [Штеба, 2011]).

Проблема смешанных чувств многогранна. Возможно, человек, осознавший ограниченность своего языка в отражении окружающего мира и себя в нем (в том числе и своих эмоций), просто не может найти адекватного средства для экспликации желаемого. Категоризация смешанных чувств на уровне формы может выражаться в столкновении двух слов с противоположной эмоционально-оценочно-образной составляющей в рамках одного высказывания / предложения (*l'amour du cœur c'est de la haine* (любовь сердца — это ненависть) или путем создания многокомпонентных композитов, типа *жена-ушла-с-работой-проблемы-машину-сперли* (Вл. Березин). Вяч. Вс. Иванов посвятил проблеме словосложительных атрибутивных образований отдельный параграф своей книги. Широкая распространенность таких композитов, по мнению ученого, обусловлена свободой их сочинения по причине отсутствия пределов для языкового творчества [Иванов, 2004, с. 45]. На наш взгляд, одним из факторов, объясняющих широкую экспансию подобных конструкций, является стремление человека к адекватной экспликации своих эмоций средствами «неадекватного языка». Здесь содержится и проблема скрытого желания говорящего быть понятым, т. к. доступ к мотиву лежит через декодирование эмоций человека.

В работе М. Ляриве употребляется термин ‘эмоциональная реальность’ (*une réalité imotive*). Интересно данное понятие тем, что эмоции ближе к реальности, чем, например, семантика слов, т. к. адекватное понимание мотивов говорящего возможно только посредством изучения его эмоциональной сферы. Эта реальность может быть категоризована на аффективную, коннотативную и потенциативную. Потенциативная — менее объективна, коннотативная — более объективна, но в рамках определенной лингвокультуры, в которой за данным словом закреплено устойчивое эмоциональное созначение, аффективная — наиболее реальна, поскольку сюда относятся разного рода междометные образования или эмоционально окрашенные звуки, «происходящие из сердца» [Пименова, 2007, с. 450]. А как об этом пишет В.И. Шаховский, именно аффективы как онтологически первичные средства экспликации эмоций (эмоциональные выкрики-восклицания) искренни, ибо жизненно важны [Шаховский, 1988, с. 173]. Именно аффективы выражают актуальные, возможно, полностью не осознанные эмоции, переживаемые в данный момент времени в конкретной ситуации. К категории аффективов относятся и инвективы. Но и последним свойственна амбивалентность, что подтверждает многоплановость функций (положительных и отрицательных) бранной лексики.

Паратимия (научное определение наивного представления о смешанных чувствах) является одним из симптомов шизофрении. Возникает естественный вопрос: не является ли смешение чувств болезнью, лексико-семантических и грамматических признаков которой становится все больше? Наш ответ: не является, поскольку смешанные чувства воплощают динамичность эмоциональной сферы, подобная двуплановость может быть рассмотрена как эмоционально-смысловая полифония семантики, а с учетом положения об условности языка и его несовершенстве в отражении действительности смешанные чувства есть попытка проникнуть к тому, что скрыто за статикой формы и содержания.

Таким образом, доступ к коммуникативному намерению говорящего опосредован эмоциями, которые являются мотивационной основой сознания. Исходя из этого, интенцию адресанта можно адекватно декодировать только путем анализа эксплицируемых им эмоциональных переживаний, для чего он выбирает подходящую форму. Последняя скрывает в себе не столько желание говорящего выразить эмоции, сколько побудить адресата понять его. Положение о том, что любое эмоциональное переживание является амбивалентным, во-первых, соотносится с проблемой эмоционально-смысловой динамичности семантики, во-вторых, не противоречит положению о неконгруэнтности семиотики и семантики. Поэтому любая коммуникативная эмоциональная ситуация имеет двумодусную структуру, т.е. может быть и экологичной, и неэкологичной, а вскрытие амбивалентности эмоций есть не более чем движение к качественно новому этапу понимания структуры эмоций и их функционального аспекта.

Л и т е р а т у р а

Арнольд И.В. Стилистика: современный английский язык. — М.: Флинта : Наука, 2004.

Биби С.А. Обучение ценностям через содержание предмета «Коммуникативные исследования» // Сибирь. Философия. Образование: науч.-публ. альманах. — Новокузнецк: Ин-т повышения квалификации, 2001. — С. 77—94.

Блейлер Э. Руководство по психиатрии. — Берлин: Изд-во т-ва «Врач», 1920.

Бодрийар Ж. Система вещей [Электронный ресурс]. — URL: http://socioline.ru/_seminar/library/books/sv.php (дата обращения: 11.10.2010).

Большая Советская энциклопедия [Электронный ресурс]. — URL: <http://slovari.yandex.ru> (БСЭ).

Большой толковый словарь русского языка (БТС) / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 1998.

Буряковская В.А. Гламур как концепт и ценность массовой культуры. — Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2012.

Вежбицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. — 2002. — № 2 (4). — С. 6—34.

Виллюнас В.К. Основные проблемы психологической теории эмоций // Психология эмоций: тексты. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. — С. 3—28.

Волкова Я.А. Агрессивный катарсис в концептуальном пространстве агрессии // Изв. ВГПУ. Сер.: Филологические науки / Волгогр. гос. пед. ун-т. — 2009а. — № 7(41). — С. 8 — 12.

Волкова Я.А. Типология ситуаций агрессивного общения в художественном тексте // Вестн. НГУ. Сер.: История. Филология / Новосибир. гос. ун-т. — 2009б. — Вып. 2. Филология. — С. 73—77.

Волкова Я.А. Агрессивность vs деструктивность в неэкологичной коммуникации // Язык. Текст. Дискурс: науч. альманах Ставроп. отд. РАЛК / под ред. проф. Г.Н. Манаенко. — Вып. 10. — Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2012а. — С. 185—191.

Волкова Я.А. Деструктивное общение: к определению понятия // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2 «Языкознание». — 2012б. — № 2 (16). — С. 205—209.

Волкова Я.А. Коммуникативный садизм как тактика неэкологичного общения // Вестн. Орл. гос. ун-та. Сер.: Нов. гуманитар. исследования. — 2012в. — № 9 (29). — С. 95—99.

Всемирная энциклопедия. Религия. / гл. ред. М.В. Адамчик. — Минск: Совр. литератор, 2003.

Гиренок Ф.И. Абсурд и речь. Антропология воображаемого. — М.: Академ. проект, 2012.

Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. — М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2008.

Гоулмен Д. Эмоциональная компетентность // Психология мотивации и эмоций / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, М.В. Фаликман. — М.: АСТ: Астрель, 2009. — С. 541—545.

Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. — М.: Гнозис, 2006.

Дженкова Е.А. Концепты «стыд» и «вина» в русской и немецкой лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2005.

Дженкова Е.А. Стыд и вина // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Волгоград: Парадигма, 2006. — Т. 3. — С. 230—247.

Долгова И.А. Концептуальное поле «терпение» в английской и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград : Перемена, 2006.

Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Зарубежная лингвистика. I. — М.: Изд. гр. «Прогресс», 1999. — С. 131—256.

Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. — М.: АСТ: Астрель, 2006.

Знаков В.В. Психология понимания правды. — СПб.: Алетейя, 1999.

Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему. — М.: Яз. слав. культуры, 2004.

Иванова Е.В. К проблеме исследования экологического дискурса // Политическая лингвистика. — 2007. — № 23. — С. 134—137.

- Изард К.* Психология эмоций. — СПб.: Питер, 1999.
- Ильинова Е.Ю.* Вымысел в языковом сознании и тексте. — Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2008.
- Ильинова Е.Ю.* Эколингвистический модус событийности в пространстве медийного дискурса // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. — 2010. — № 2 (12). — С. 17—21.
- Ионова С.В.* Основные направления эколингвистических исследований: зарубежный опыт // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. — 2010. № 1(11). — С. 86—93.
- Ионова С.В.* Эколингвистические проблемы современной текстовой коммуникации // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: материалы Междунар. науч. конф. / ВолГУ, ВГСПУ. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. — С. 57—61.
- Звегинцев В.А.* Мысли о лингвистике. — М.: Наука, 1996.
- Кара-Мурза Е.С.* «Дева обида» политического дискурса: речевые преступления в парадигме лингвистической эмотиологии // Современная политическая лингвистика: проблемы, концепции, перспективы: сб. науч. тр. — Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. — С. 253—272.
- Карасик В.И.* Язык социального статуса. — М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992.
- Карасик В.И.* Концепт как категория лингвокультурологии // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филол. науки. — 2002а. — №1 (01). — С. 14—23.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002б.
- Карасик В.И.* Языковая кристаллизация смысла. — Волгоград: Парадигма, 2010.
- Корнеева И.Н.* Словарь чувств. Стыд и вина [Электронный ресурс].— URL: <http://www.spp.org.ru>.
- Котова Н.С.* Амбивалентная языковая личность: лексика, грамматика, прагматика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Краснодар, 2008.
- Лейбин В.М.* Словарь-справочник по психоанализу [Электронный ресурс].— URL: <http://lib.gus.ec/b/197546> (12.06.2012) (ССП).
- Литневская Е. И.* Письменная разговорная речь: миф или реальность? // Вестник МГУ. Сер. 9 «Филология». — 2011. — № 5. — С. 67—82.
- Лукиянова Н.А.* Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). — Новосибирск: Наука, 1986.
- Маслоу А.* Психология личности: тексты. — М.: МГУ, 1982.
- Матвеев М.* Абсолютная откровенность разрушает отношения // Ежедельник 2000. — 2008 [Электронный ресурс]. — URL: <http://2000.net.ua/weekend/dlja-vas/dlja-vzroslykh/61754>.
- Матьяш О.И.* Межличностная коммуникация: теория и жизнь: учебник для вузов / О. И. Матьяш и др.; под ред. О.И. Матьяш. — СПб.: Речь, 2011.
- Мелехова Н.А.* Исповедальное телевизионное интервью как жанр масс-медиа дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ярославль, 2010.

Мечковская Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: курс лекций: учеб. пособие для студ. филол., лингв. и переводовед. фак. высш. учеб. заведений. — 2-е изд., испр. — М.: Академия, 2007.

Мишин М. Смешанные чувства // Сборник эстрадных произведений. — М.: Искусство, 1990. — С. 39—42.

Налчаджян А. Агрессивность человека. — СПб.: Питер, 2007.

Несветайлова И.В. Зависть и ревность как эмоциональные концепты русской и английской лингвокультуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград : Перемена, 2010.

Основы лингвистического мониторинга медиапространства региона: учеб. пособие / колл. авторов / отв. ред. Е.Ю. Ильинова. — Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2011.

Панченко Н.Н. Правда и искренность в экологичной / неэкологичной коммуникации // Научный диалог. — 2012. — № 12. Филология. — С. 124—135.

Панченко Н.Н., Наумова М.М. Коммуникативная категория «откровенность»: лингвоэкологический аспект // Грани познания: электрон. науч.-образоват. журн. ВГСПУ. — № 1(21). — 2012. — URL: <http://grani.vspu.ru/jurnal/26>.

Парамита [Электронный ресурс]. — URL: <http://slovari.yandex.ru>.

Патология эмоциональной сферы [Электронный ресурс]. — URL: http://pravorf.my1.ru/publ/patologija_ehmocionalnoj_sfery/1-1-0-15.

Пименова М.В. Концепт *сердце*: Образ. Понятие. Символ: моногр. — Кемерово, КемГУ, 2007.

Ренц Т.Г. Романтическое общение в коммуникативно-семиотическом аспекте: моногр. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2011.

Риман Ф. Основные формы страха: исследование в области глубинной психологии [Электронный ресурс]. — URL: http://www.psychol-ok.ru/lib/riemann/ofs/ofs_16.html.

Сатыбалова Е.В. Человеческая деструктивность: основания и формы проявления: автореф. ... дис. канд. филос. наук. — Екатеринбург, 2002.

Седов К.Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности // Жанры речи: сб. науч. ст. — Саратов: Изд. центр «Наука», 1999. — С. 13—26.

Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. — М.: Лабиринт, 2004.

Сепир Э. Язык и среда // Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М.: Изд. гр. «Прогресс», 1993. — С. 270—284.

Сердобинцева Е.Н. Законы общей экологии и язык // Экология русского языка: материалы 1-й Всерос. науч. конф. — Пенза: Изд-во Пенз. гос. пед. ун-та им. В.Г. Беллинского, 2008. — С. 8—13.

Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. — М.: Наука, 1988.

Симптомы патологии эмоций [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.psycheya.ru/lib/semiotica/4.htm>.

Сиротинина О.Б. Все, что нужно знать о русской речи: пособие для эффективного общения: учеб. пособие. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2010.

Сковородников А.П. К становлению системы лингвоэкологической терминологии // Речевое общение: специализированный вестник / Краснояр. гос. ун-т. — Красноярск, 2000. — Вып. 3 (11). — С. 70—78.

Сковородников А.П. Экология современного русского языка и роль средств массовой информации в этом процессе [Электронный ресурс]. — URL: www.gazeta.sfu-kras.ru/node/307.

Словарь синонимов русского языка: в 2 т. / ИЛИ РАН; под ред. А.П. Евгеньевой. — М.: Астрель: АСТ, 2001 (ССРЯ).

Смирнов М.А. Анализ показателей социального развития и возможностей их прогнозирования // Уровень жизни населения регионов России. — 1997. — № 11. — С. 43—48.

Солодовникова Н.Г. Экологичность эмотивной коммуникации (на материале предвыборных креолизованных газетных текстов): дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2010.

Стернин И.А. Современный публицистический дискурс и общественные факторы // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс: сб. науч. тр./ ВГПУ. — Волгоград: Парадигма, 2006. — С. 134—145.

Толкачева Т.И. Эмоционально-прагматический компонент коммуникативного поведения в ситуации «признание вины» (на материале англоязычной прозы): дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2009.

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. — М.: «Республика», 1994.

Хей Л.Л. Исцели свою жизнь. Исцели свое тело. Сила внутри нас. — Каунас: Ritas, 1996.

Храмова Ю.А. Концептуальная диада «лицемерие — искренность» (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград: Перемена, 2010.

Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе (на материале английского языка): дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1988.

Шаховский В.И. Эмоции — мотивационная основа человеческого сознания // Языковое бытие человека и этноса. — М.—Барнаул: АГУ, 2003. — Вып. 6. — С. 215—221.

Шаховский В.И. Человек лгущий в реальной и художественной коммуникации // Человек в коммуникации: аспекты исследования. — Волгоград, 2005. — С. 173—204.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: моногр. — М.: Гнозис, 2008а.

Шаховский В.И. Эмоциональный тьюнинг в речевом общении // Язык. — Сознание. — Культура. — Социум : сб. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. памяти проф. И.Н. Горелова. — Саратов: Изд. центр «Наука», 2008б. — С. 478—481.

Шаховский В.И. Энергетическая мощь эмоций и дискурсивные нормы // Вопр. психолингвистики. — 2008в. — № 7. — С. 39—43.

Шаховский В.И. Унижение языком: контекст коммуникативного пространства России // Стратегия России. — 2009. — № 12 (72). — С. 51—58.

Шаховский В.И. Эмоции-мысли в художественной коммуникации как стилистический прием // Аспекты креативной семантики : кол. моногр. — Волгоград: Перемена, 2010. — С. 152—163.

Шаховский В.И. Мат как коммуникативная «приправа» (в аспекте эмотивной лингвоэкологии) // Экология русского языка: материалы 2(4)-й Междунар. науч. конф. — Пенза: Изд-во Пенз. гос. пед. ун-та им. В.Г. Белинского, 2011а. — С. 79—92.

Шаховский В.И. Триада наук в новом направлении лингвистических исследований (становление эмотивной лингвоэкологии) // Образ мира в зеркале языка: сб. науч. ст. / отв. соред. В.В. Колесов, М. Влад. Пименова, В.И. Теркулов. — М.: Флинта, 2011б. — Вып. 1. — С. 198—205.

Шаховский В.И. Голос эмоций в языковом круге *homo sentiens*. — М.: Кн. дом «Либроком», 2012а.

Шаховский В.И. Теоретические основы эмотивной лингвоэкологии // Россия лингвистическая: научные направления и школы Волгограда: кол. моногр. — Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2012б. — С. 60—69.

Шаховский В.И., Волкова Я.А. Общероссийский научно-теоретический семинар «Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве» // Вопр. психолингвистики. — 2012. — №2 (16). — С. 208—213.

Шаховский В.И., Волкова Я.А., Коробкина Н.И., Штеба А.А. Проблема зависимости модуса экологичности от амбивалентности оценочного знака эмоциональной коммуникации // Вестн. Челябин. гос. ун-та. Сер.: Филология. Искусствоведение. — Вып. 69. — № 23 (277). — Челябинск, 2012. — С.128—136.

Шаховский В.И., Солодовникова Н.Г. Экологическая функция языка // Экология русского языка: материалы 2-й Всерос. науч. конф. — Пенза: Изд-во Пенз. гос. пед. ун-та им. В.Г. Белинского, 2009. — С. 5—16.

Шаховский В.И., Солодовникова Н.Г. Лингвоэкология: объект, предмет и задачи // Русский язык, литература в школе и вузе. — Киев, 2010а. — № 1 (31). — С. 22—29.

Шаховский В.И., Солодовникова Н.Г. Роль эмоций в формировании экологичности массмедиакоммуникации // Человек в коммуникации: мотивы, стратегии и тактики: кол. моногр. — Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2010б. — С. 20—34.

Шаховский В.И., Солодовникова Н.А. Терапевтическая функция языка // Ecolinguistics: человек, язык и окружающая среда. — 2010в [Электронный ресурс]. — URL: <http://ecolinguistics.ru/index.php>.

Шварцкопф Б.С. Оценки говорящими фактов речи (лингвистический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1971.

Щеглова И.В. Лингвокультурный типаж «Чиночник» (на материале русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2010.

Шойхер В. Антология мысли в афоризмах. 2008 [Электронный ресурс]. — URL: <http://shoyher.narod.ru/index.html>.

Штеба А.А. Эмотивная флукуативность слова // Мир лингвистики и коммуникации: электрон. науч. журн. — 2011. — № 3 (24). — URL: <http://www.tverlingua.by.ru>.

Bousfield D. Impoliteness in Interaction. — Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2008a.

Bousfield D. Impoliteness in the struggle for power // Impoliteness in Language: Studies on its Interplay with Power in Theory and Practice (eds. Bousfield D., Locher M.). — Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 2008b. — P. 127—153.

Brown P., Levinson S. Politeness: Some universals in language usage. — 2nd ed. — Cambridge: CUP, 1987.

Christians C. The ethics of being in a communications context // Communication ethics and universal values / Ed. by C. Christians, M. Traber. Thousand Oaks, CA: Sage, 1997.

Culpeper J. Impoliteness and the entertainment in the television quiz show // Journal of Politeness Research. — Vol. 1. — 2005. — P. 35—72.

Culpeper J. Towards anatomy of impoliteness // Journal of Pragmatics. — Vol. 25. — № 3. — 1996. — P. 349—367.

Culpeper J., Bousfield D., Wichmann A. Impoliteness revisited: With special reference to dynamic and prosodic aspects // Journal of Pragmatics. — Vol. 35. — № 10—11. — 2003. — P. 1545—1579.

Culpeper J., Marti L., Mei M., Nevala M., Schauer G. (Culpeper et al.). Cross-cultural variation in the perception of impoliteness: A study of impoliteness events reported by students in Great Britain, China, Finland, Germany and Turkey // Intercultural Pragmatics. — Vol. 7. — № 4. — 2010. — P. 597—624.

Digitales Wörterbuch der Deutschen Sprache [Электронный ресурс]. — URL: www.dwds.de (DWDS).

Garcäs-Conejos Blitvich P. Introduction: The *status-quo* and *quo vadis* of impoliteness research // Intercultural Pragmatics. — Vol. 7. — № 4. — 2010. — P. 535—559.

Hardacker C. Trolling in computer-mediated communication: From user discussions to academic definitions // Journal of Politeness Research. — Vol. 6. — 2010. — P. 215—242.

Haugen E. The ecology of language // The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment (eds. Fill A., Mьhlhьdusler P.). — L., N.Y.: Continuum, 2001. — P. 57—66.

Herring S. Politeness in computer culture: Why women thank and men flame // Communicating through, in and across Cultures: Proceedings of the Third Berkeley Women and Language Conference (eds. Bucholtz M., Sutton L.). — Berkeley: Berkeley University Press, 1994. — P. 278—294.

Heyd T. Email Hoaxes. — Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009.

Hughes G. An Encyclopedia of Swearing: The social history of oaths, profanity, foul language and ethnic slurs in the English-speaking world. — Armonk (New York, the USA): M.E. Sharpe Inc., 2006.

Jay T., Janschewitz K. The pragmatics of swearing // Journal of Politeness Research. — Vol. 4. — 2008. — P. 267—288.

Jucker A. Slanders, slurs and insults on the road to Canterbury: Forms of verbal aggression in Chaucer's *Canterbury Tales* // *Placing Middle English in Context* (eds. Taavitsainen I., Nevalainen T., Pahta P., Rissanen M.). — Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 2000. — P. 369—389.

Jucker A., Taavitsainen I. Diachronic speech act analysis: Insults from flying to flaming // *Journal of Historical Pragmatics*. — Vol. 1. — 2000. — P. 67—95.

Kienpointner M. Impoliteness and emotional arguments // *Journal of Politeness Research*. — Vol. 4. — 2008. — P. 243—265.

Lamarche, J.-B. The verbalization of repressed intentions. A Socially instituted practice // *Language and Dialogue* 2:1. — John Benjamins Publishing Company, 2012. — P. 174—189.

Larivey M. Les genres d'émotions [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.redpsy.com/infopsy/genremo.html>.

Lazarus R.S. *Emotion and Adaptation*. — New York: Oxford University Press, 1991.

LeBlanc T. Impoliteness as a model for virtual speech community building // *The Handbook of Research on Discourse Behavior and Digital Communication: Language Structures and Social Interaction* (ed. Taiwo R.). — Hershey, N.Y.: Information Science Reference, 2010. — P. 523—539.

Lier van L. *The Ecology and Semiotics of Language Learning: A socio-cultural perspective*. — N.Y., Boston, Dordrecht, L., Moscow: Kluwer Academic Publishers, 2004.

Locher M., Bousfield D. Introduction: Impoliteness and power in language // *Impoliteness in Language. Studies on its Interplay with Power in Theory and Practice* (eds. Bousfield D., Locher M.). — Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 2008. — P. 1—16.

Locher M., Watts R. Relational work and impoliteness: Negotiating norms of linguistic behavior // *Impoliteness in Language. Studies on its Interplay with Power in Theory and Practice* (eds. Bousfield D., Locher M.). — Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 2008. — P. 77—100.

McEnery T. *Swearing in English: Bad language, purity and power from 1586 to the present*. — L., N.Y.: Routledge, 2006.

Mills S. *Gender and Politeness*. — Cambridge: CUP, 2003.

Mühlhäusler P. Environment and language // *The Concise Encyclopedia of Pragmatics* (ed. Mey J.). — 2nd Ed. — Oxford: Elsevier Ltd., 2009. — P. 249—253.

Taylor, Ch. Action as expression // *Intention and Intentionality*. C. Diamond and J. Teichman (eds). — Brighton: The Harvester Press, 1979. — P. 73—90.

Watts R. *Politeness*. — Cambridge: CUP, 2003.

Werber B. *Le jour des Fourmis*. — Paris: Albin Michel, 2009.

Woxikon. Online Lexikon Wörterbuch und Übersetzung [Электронный ресурс]. — URL: www.woxikon.de.

Yus F. *Cyberpragmatics: Internet-mediated communication in context*. — Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2011.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одно из современных направлений языкознания — лингвистическая экология (лингвоэкология или эколингвистика) — возникло как научное триединство лингвистики (как науки о языке), экологии (как науки о сохранении природы) и валеологии (как науки о сохранении здоровья человека). Тезис о том, что именно функционирование эмоций в языке и выражение эмоций через семиотику и семантику вербального и невербального языка является важнейшим экологическим, лингвистическим и валеологическим фактором, дал начало новейшему лингвистическому направлению — эмотивной лингвоэкологии, разрабатываемому волгоградской школой эмотивной лингвистики под руководством проф. В.И. Шаховского. Авторы данной монографии ставили целью привлечь внимание широкого круга лингвистов, лингвоэкологов, лингвокультурологов к роли эмоций в человеческой коммуникации, к изучению их влияния на здоровье человека через правильное / неправильное пользование языком, а также на здоровье, экологию самого языка.

Исследовательские результаты, представленные в данной монографии, могут быть сформулированы следующим образом:

1. Предложено определение эмотивной экологичности коммуникации, согласно которому она представляет собой ее синергетическую характеристику: это эмоциональная мощность языка как вербальной и невербальной семиотической системы в совокупности с культурой речи и соблюдением правовых и этических норм коммуникативного кодекса. Вопрос о разграничении экологичного и неэкологичного в эмоциональной коммуникации требует обязательного учета экстралингвистических факторов в конкретной коммуникативной ситуации. Данный подход представляет собой новый виток развития эмотиологии: от категоризации эмоций в системе языка к коммуникативному аспекту эмотивности. Такой подход имеет значительный прикладной аспект — он заключается в разработке моделей адекватного поведения в разных эмоциональных коммуникативных ситуациях и вузовском обучении ему будущих работников социально-педагогических отраслей.

2. Разграничены термины «лингвоэкология» как наука о бережном отношении к языку и «эмотивная лингвоэкологичность» как культура речи во взаимосвязи с этическими и правовыми нормами речевого поведения, в том числе проявления эмоций — как универсальных, так и этноспецифичных. Установлена тесная связь эмотивной лингвоэкологии и валеологии, одним из проявлений которой является терапевтическая функция языка, связанная со здоровьесохранительной деятельностью человека:

в центре внимания лингвоэкологов находится изучение того, как язык влияет на здоровье человека, точнее, как осмысленная, здоровая, эмоционально выверенная речь способствует сохранению здоровья человека, что, в свою очередь, способствует сохранению «здоровья» национального литературного языка.

3. Продемонстрирована сложность установления зависимости между эмоцией и модусом экологичности. Данная зависимость преломляется через конкретный дискурс, эмоциональный интеллект коммуникантов, помноженные на типы эмоциональности конкретной ситуации.

4. Установлено, что не любое выражение отрицательных эмоций с употреблением соответствующих вербальных и невербальных средств является неэкологичным. Введено понятие амбиэкологичности общения.

5. Посредством анализа ситуаций эмоционального человеческого общения выделены параметры эмотивной экологичности коммуникации. Установлено, что экологичность / неэкологичность коммуникации может быть измерена не только параметрами позитивного или негативного эмотивного общения, затрагивающего поверхностный психоэмоциональный уровень личности. На модус экологичности влияет также рациональная оценка, имеющая более глубинную, когнитивную основу и направленная на трансформацию ментальной сферы, когнитивной базы человека говорящего.

Очевидно, что эмотивная лингвоэкология предназначена не только для установления тесной связи языка с эмоциональным мышлением его носителей и характеристики позитивных перспектив и опасных тенденций эмоционального общения, но и для поиска возможностей преодоления девиантного развития русской речи и, опосредованно, языка. В связи с этим определены **перспективы исследования**, которые заключаются в необходимости разработки таких первоочередных проблем, как онто- и филогенетические аспекты лингвоэкологии как научной дисциплины; факторы, влияющие на бытие лингвоэкологии в языковом и метаязыковом мышлении личности; психофизиологические основания лингвоэкологии; соотношение рационального, рассудочного и иррационального, интуитивного начал в лингвоэкологически ориентированном мышлении; специфика лингвоэкологического общения; аксиологические аспекты лингвоэкологии; параметры разграничения лингвоэкологического / нелингвоэкологического; параметры лингвоэкологической катастрофы; речевые проявления эффективности лингвоэкологического текста; параметры и эволюция образцовых текстов в русской лингвоэкологии; амбивалентность экологичности текстов СМИ; роль средств массовой коммуникации в укреплении позиций лингвоэкологии и рекламирования образцов экологичности межперсонального, группового

и массмедийного общения с целью создания экологичного климата общения и др.

В этой связи представляются целесообразными дальнейшая разработка специальных лингвоэкологических рекомендаций для различных сфер коммуникации — профессиональной (медицинской, бизнес-коммуникации, юридической и др.), массмедийной (журналистской, рекламной, связей с общественностью), научающей коммуникации в школе, вузе, дополнительном образовании и др.; межкультурной коммуникации; создание компьютерной базы «отрицательного материала» (рекламных, дидактических, политических и других текстов, которые привели к конфликтам и в современной языковой и культурной ситуации должны быть оценены как недопустимые и неприемлемые). Подготовка столь глобального проекта должна осуществляться силами всех лингвоэкологов, занимающихся разработкой данной проблематики, в первую очередь, лингвоэкологическими центрами России. Начатое волгоградскими лингвистами исследование может получить развитие в разработке учебных программ спецкурсов по коммуникологии и лингвоэкологии общения силами межвузовских научно-методических коллективов.

Я.А. Волкова

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ПО ПРОБЛЕМЕ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ

1. Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки / пер. с фр. — 2-е изд., стер. — М.: Едиториал УРСС, 2008.
2. Альберт К.В. Эргономичность радиорекламы: дис. ... канд. психол. наук. — СПб., 2009.
3. Амири Л.П. К вопросу о лингвистической экспертизе текстов рекламной коммуникации // В мире научных открытий. — Красноярск: Изд-во «Научно-инновационный центр», 2011. — № 4.1 (16): Гуманитарные и общественные науки. — С. 611—618.
4. Аннушкин В.И. Русские классические учения о речи: история и современность [Электронный ресурс]. — URL: http://www.pereplet.ru:18000/text/annushkin_7.html.
5. Байкулова А.Н. Проявление этической составляющей коммуникативной компетенции личности в семейной сфере // Изв. Саратов. ун-та. Нов. серия. Сер.: Филология. Журналистика. — 2010. — Т. 10. — № 3. — С. 22—27.
6. Базовые ценности россиян: социальные установки, жизненные стратегии, символы, мифы. — М.: Дом интеллектуальной книги, 2003.
7. Базылев В.Н. Политический аспект брани // Политический дискурс в России: святые без житий: материалы постоянно действующего семинара / под ред. В.Н. Базылева, В.Г. Красильниковой. — М.: МАКС Пресс, 2005. — Вып. 8. — С. 5—10.
8. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие. — 2-е изд. — М.: Флинта: Наука, 2009.
9. Бейтсон Г. Экология разума // Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии: пер. с англ. — М.: Смысл, 2000.
10. Белозерова Н.Н. Эколингвистика: в поисках метода исследования // Филологический дискурс. — 2011. — № IX. — С. 6—20.
11. Белозерова Н.Н. Экология языка: концептуальные преобразования // Вестн. Тюм. гос. ун-та. Сер.: Филология. — 2011. — № 1. — С. 109—115.
12. Белозерова Н.Н. Мир реальный и мир виртуальный: две экологические системы? : моногр. — Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2010.
13. Белозерова Н.Н. Вербальная мистификация: дискурсивный цинизм // Вестн. Тюм. гос. ун-та. — 2012. — № 1. — С. 16—22.
14. Белоус Н.А. Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве: семантические и прагматические аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Краснодар, 2008.
15. Бернацкая А.А. О трех аспектах экологии языка // Вестн. КрасГУ. Сер.: Гуманитарные науки. — 2003. — № 4. — С. 32—38.

16. Библиева О.В. Молодежный жаргон в свете экологии культуры языка // Народная культура: личность, творчество, досуг. — Омск: ООО Изд. дом «Наука», 2003.
17. Библиева О.В. Лингвокультурологические особенности репрезентации языка молодежной культуры в средствах массовой информации: дис. ... канд. культурологии. — Кемерово, 2008.
18. Биндюков И.В. Классификация составов языковых правонарушений // Юрислингвистика-У: юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. — Барнаул, 2004. — С. 197—200.
19. Бирюкова Е.В. Реализация категории эмотивности в политическом тексте (на материале речей американских президентов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2009.
20. Богданова В.А., Чочеткова Т.В. Взаимодействие этических и коммуникативных норм // Хорошая речь / под ред. М.Л. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. — 3-е изд. — М.: ЛИБРОКОМ, 2009. — С. 197—211.
21. Бодалев А.А., Куницына В.Н., Панферов В.Н. О социальных эталонах и стереотипах и их роли в оценке личности // Человек и общество. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. — С. 151—161.
22. Бойчук Ю.Д. Эколого-валеологическая культура будущего учителя как гуманитарно-образовательная стратегия выживания общества в условиях экологического кризиса // Вестн. МГГУ им. М.А. Шолохова. Социально-экологические технологии. — 2012. — Т. 1. — № 1. — С. 51—57.
23. Борухов Б.Л. Мат как философия жизни // Дом бытия: лингвофилософский альманах. — М., 1994. — Вып. 1. — С. 11—30.
24. Брусенская Л.А. В чём состоит экологический подход к языку? // Изв. Юж. фед. ун-та. Сер.: Филол. науки. — 2012. — № 3. — С. 149—156.
25. Бурькин А.А. Двуязычие и языковая экология: типы языковых ситуаций и поиски подходов к решению проблем языковой политики // Народная культура: личность, творчество, досуг. — Омск: Изд. дом «Наука», 2003.
26. Бухарева Л.П. Лингвоэкологические факторы процессов оптимизации языкового поведения: на материале Республики Марий Эл : дис. ... канд. социол. наук. — Казань, 2009.
27. Бухарева Л.П. Лингвоэкологический поворот в мышлении марийского этноса // Успехи современного естествознания. — 2009. — № 9. — С. 178—180.
28. Вакулова Е.Н. Экспансия латиницы — языковая игра или нарушение языковой экологии? // Русский язык: исторические судьбы и

современность: IV Междунар. конгресс исслед. рус. языка: труды и материалы / сост. М.Л. Ремнева, А.А. Поликарпов. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. — С. 463—464.

29. Васильева А.Н. Основы культуры речи. — М.: Рус. яз, 1990.

30. Веккер Л.М. Психика и реальность. Единая теория психических процессов. — М.: Смысл, 1998.

31. Витт Н.В. Эмоциональная регуляция речевого поведения при общении. — М.: Изд-во МГПИИЯ им. М. Тореца, 1983.

32. Владимирцев В.П. Наша речь: культура и антикультура // Вначале было Слово... — 2004. — № 2. — С. 6—8.

33. Власова О.Б. Окказионализмы как средство рефрейминга на понижение // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филол. науки. — 2008. — № 10 (34). — С. 86—89.

34. Волкова А.Е. Неспецифические формы побудительности в конфликтной коммуникации // Интеграционные процессы в коммуникативном пространстве регионов: материалы науч. конф. г. Волгоград, 12—14 апр. 2010 г. / сост. Д.Ю. Ильин, Н.Л. Шамне. — Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2010. — С. 314—318.

35. Волкова В.О. Духовно-практическая компетенция как принцип субъектности человека: дис. ... д-ра филос. наук. — М., 2006.

36. Волкова О.С. Коммуникативная ситуация «конфликт»: стратегии развития и прагмалингвистические характеристики // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. И.А. Герцена. Аспирантские тетради: науч. журн. — Ч. I: Общественные и гуманитарные науки. — СПб.: Изд-во РГПУ им. И.А. Герцена, 2008. — № 33 (73). — С. 114—120.

37. Волкова О.С. О тактиках толерантного речевого поведения в коммуникативной ситуации «конфликт» // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. — Сер. 2: Языкознание. — 2008. — № 2 (8). — С. 126—130.

38. Волкова О.С. Прагмалингвистические особенности межличностного общения в коммуникативной ситуации «бытовой конфликт» (на материале английского языка): дис. ... канд. филос. наук. — Волгоград, 2009.

39. Волкова О.С. О специфике модальности и частотности упоминаний субъектов власти в региональных СМИ // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. — 2010. — № 2 (12). — С. 177—180.

40. Волкова О.С. Речевые средства реализации агрессивной стратегии поведения в коммуникативном пространстве волгоградских СМИ // Пространство в языке и речи: эколлингвистические и лингвокультурологические проблемы изучения и описания: сб. науч. ст. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010.

41. Волкова Я.А. Невербальная агрессия в когнитивно-дискурсивной парадигме // Язык. Текст. Дискурс: науч. альманах Ставроп. отд. РАЛК / под ред. проф. Г.Н. Манаенко. — Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2011. — Вып. 9. — С. 56—63.
42. Волкова Я.А. Коммуникативная личность в ценностных параметрах неэкологичного общения // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филол. науки. — 2012. — № 8. — С. 4—7.
43. Волкова Я.А. Неэкологичность деструктивного общения // Экология языка и речи: материалы Междунар. науч. конф. (17—18 нояб. 2011 г.) / отв. ред. А.С. Щербак. — Тамбов, 2012. — С. 52—55.
44. Волкова Я.А. Коммуникативный садизм как тактика неэкологичного общения // Вестн. Орл. гос. ун-та. Сер.: Нов. гуманитар. исследования. — 2012. — № 9. — С. 95—99.
45. Воронцова Т.А. Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство. — Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2006.
46. Газгиреева Л.Х. Теоретико-философское осмысление духовно-коммуникативного бытия современной молодежи // Гуманитарные и социально-экономические науки. — 2009. — № 6. — С. 27—31.
47. Галяшина Е.И. Лингвистика vs экстремизм. В помощь судьям, следователям, экспертам. — М., 2006.
48. Галяшина Е.И. Лингвоконфликтология: сб. метод. материалов. — М.: ИСЭ МГЮА, 2007.
49. Гойхман О.Я. Русский язык и культура речи: учебник. — М., 2005.
50. Голев Н.Д. Правовое регулирование речевых конфликтов и юрислингвистическая экспертиза конфликтогенных текстов // Юрислингвистика: проблемы и перспективы: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. — Барнаул: АГУ, 2000. — С. 6—11.
51. Голев Н.Д. Экспертиза конфликтных текстов в современной лингвистической и юридической парадигмах [Электронный ресурс]. — URL: <http://philopsy.wallst.ru/stat12.html>.
52. Голев Н.Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема // Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. — Барнаул, 2000. — С. 8—40.
53. Головин Б.Н. Основы культуры речи: учеб. пособие. — М.: Высш. шк., 1980.
54. Голуб И.Б. Русский язык и культура речи: учеб. пособие. — М., 2008.
55. Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б., Ягубова М.А. Русский язык и культура речи: учебник для студ.-нефилологов. — М., 2008.

56. Гоменюк А.А. Инвективность как языковая агрессия в речевой коммуникации [Электронный ресурс]. — URL: http://www.rusnauka.com/NPM_2006/Phi...20a.a.doc.htm.

57. Горбаневский М.В. Настораживает язык вражды [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pravmir.ru/pochemu-lyudi-vuxodyat-namitingi/>.

58. Горбаневский М.В. Словом можно убить, словом можно спасти // Рус. речь. — 2003. — № 6. — С. 52—67.

59. Горбаневский М.В. Об ответственности за слово // Рус. речь. — 2007. — № 1. — С. 69—74.

60. Горбаневский М.В. Топонимическая плесень // Экология языка и речи: материалы Междунар. науч. конф. (17—18 нояб. 2011 г.) / отв. ред. А.С. Щербак. — Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. — С. 18—23.

61. Горбаневский М.В., Караулов Ю.Н., Шаклеин В.М. Не говори шершавым языком. О нарушениях норм литературной речи в электронных и печатных СМИ. — М., 2000.

62. Григорьева М.В., Буянова Г.А. Проблемы лингвоэкологического воспитания младших школьников // Нач. школа. — 2011. — № 1. — С. 76—78.

63. Гришина Н.В. Психология конфликта. — СПб.: Питер, 2000.

64. Громыкина А.А. Корпус номинативных единиц как метод исследования текстов СМИ // Пространство в языке и речи: эколингвистические и лингвокультурологические проблемы изучения и описания: сб. науч. ст. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. — С. 323—327.

65. Девкин В.Д. Эстетический аспект. Сниженность // Школа В.Д. Девкина. Описание разговорной речи: проблемы и перспективы / сост. И.П. Амзаракова, В.А. Савченко; под ред. И.П. Амзараковой. — 2-е изд., перераб. и доп. — Абакан: Изд-во ГОУ ВПО «Хакасский ГУ им. Н.Ф. Катанова», 2010. — С. 88—95.

66. Дмитриев А.В. Информационные конфликты // Социальное согласие и толерантность в современном мире. — М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2002. — Вып. 2. — С. 136—147.

67. Дрожащих Н.В. Экология языка и культуры: рекуррентность смысла природа: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Тюмень, 11—13 нояб., 2010 г.). — Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2010. — С. 29—34.

68. Дудина И.А. Деловые переговоры: искусство или ремесло. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007.

69. Дуличенко А.Д. О перспективах лингвистики XXI века // Филология. — 1996. — № 5. — С. 124—131.

70. Евдокимов А.Ю. Экология слова // Православная гимназия: науч.-попул. публицист. альманах. — Православная Обитель-Братство милосердия Свято-Алексиевская Пустынь, 2009. — № 3. — С. 123—126.
71. Ефимова Л.М. Формирование компетенций в интегрированном курсе экологии и английского языка // Вестн. Кузбас. гос. пед. академии. — 2013. — № 1. — С. 11—16.
72. Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. — М.: Ладомир, 1997.
73. Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. — Барнаул, 2000. — С. 194—206.
74. Жижек С. «Матрица» или две стороны извращения // Нов. мир. — 2000. — № 11. — С. 61—68.
75. Жукова М.Е. Народная фразеология в информационном поле газетного текста: от экологии языка к воспитанию речевой и гражданской культуры // Вестн. Новгор. гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. — 2007. — № 44. — С. 63—67.
76. Жура В.В. Дискурсивная компетенция врача в устном медицинском общении: моногр. — Волгоград: ВолГМУ ООО «ДарКо», 2008.
77. Журавлёв В.К. Экология русского языка и культуры // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. — М., 1998. — С. 70—76.
78. Захарова Е.П. Коммуникативная норма и речевые жанры // Жанры речи: сб. науч. ст. — Саратов: Изд-во Гос. учеб.-науч. центра «Колледж», 1999. — С. 76—80.
79. Зернистые мысли наших политиков. — М., 2004.
80. Золотарева Ю.А. Преступление лингвистическое или языковое // Язык и мышление. Ульяновск, 2008. — С. 129—136.
81. Иванова Е.В. К проблеме исследования экологического дискурса // Политическая лингвистика. — 2007. — № 23. С. 134—137.
82. Иванова Е.В. Цели, задачи и проблемы эколлингвистики // Прагматический аспект коммуникативной лингвистики и стилистики: сб. науч. тр. / отв. ред. Н.Б. Попова. — Челябинск: Изд-во ИИУМЦ «Образование», 2007. — С. 41—47.
83. Иванова Е.В. Эколлингвистика и роль метафоры при описании экологических проблем // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2007. — № 13. — С. 34—38.
84. Иванова Е.В. Экологическое сознание и эколлингвистика // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. — 2012. — № 7. — С. 252—262.
85. Изард К. Эмоции человека. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.

86. Изард К.Э. Психология эмоций / пер. с англ. — СПб.: Изд-во «Питер», 1999.
87. Илинская А.С. Грамматические маркеры эмоциональности в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Барнаул, 2007.
88. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. — СПб.: Питер, 2008.
89. Ильинова Е.И. Вымысел в языковом сознании и тексте. — Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2008.
90. Ильинова Е.Ю. Концептуализация события в масс-медийном пространстве региона // Пространство в языке и речи: эколингвистические и лингвокультурологические проблемы изучения и описания: сб. науч. тр. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. — С. 96—106.
91. Ильинова Е.Ю. Лингвоэкологичность массмедийного пространства // Человек в коммуникации: мотивы, стратегии и тактики: кол. моногр. / отв. ред. В.И. Шаховский, И.В. Крюкова, Е.А. Сорокина. — Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2010. — С. 35—46.
92. Ильинова Е.Ю. Когнитивно-дискурсивные основания мониторинга печатных СМИ в масс-медийном пространстве региона // Интеграционные процессы в коммуникативном пространстве регионов: материалы Междунар. науч. конф. г. Волгоград, 12—14 апр. 2010 г. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. — С. 109—114.
93. Ильинова Е.Ю. Эколингвистический модус событийности в пространстве массмедийного дискурса // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. — 2010. — № 2 (12). — С. 168—176.
94. Ильинова Е.Ю. *Ecolinguistic Issues in Mass Media Discourse // Fremdsprachendidaktik im Dialog zwischen den Kulturen.* — Kirsch-Verlag, 2011. — S. 106—113.
95. Ильинова Е.Ю. О точности и тональности представления события в тексте новостей // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. Сер.: Языкознание. — 2012. — Вып. 5 (638): в 2 ч. — Ч. 1. — С. 162—172.
96. Ильинова Е.Ю. Прагмалингвистические особенности толерантности в конфликтном коммуникативном поведении / Е.Ю. Ильинова, О.С. Волкова // Актуальные проблемы коммуникации и культуры. Вып. 14. — Ч. 1: сб. науч. тр. рос. и зарубеж. ученых. — М.—Пятигорск: Пятигор. гос. лингв. ун-т, 2012. — С. 52—60.
97. Ильинова Е.Ю. Тональность новостного события в эколингвистическом аспекте // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: материалы Междунар. науч. конф. г. Волгоград, 8 февр. 2012 г.: ВолГУ, ВГСПУ. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. — С. 17—21.

98. Ильясова С.В. БлОгие намерения: к вопросу о правомерности создания так называемых орфографических окказионализмов (на материале языка СМИ конца XX — начала XXI века // «Русский язык: исторические судьбы и современность»: IV Междунар. конгресс исследователей рус. языка: тр. и материалы / сост. М.Л. Ремнева, А.А. Поликарпов. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. — С. 467—468.
99. Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. — М.: Флинта, 2009.
100. Ильясова Ф.Н. Антология русского мата. — М.: Лада, 1994.
101. Ионова С.В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема: дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 1998.
102. Ионова С.В. Модальные характеристики текстов региональных СМИ // Язык региона: Лексика. Грамматика. Функциональное пространство: сб. науч. тр. / под общ. ред. Н.А. Тупиковой. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. — С. 225—239.
103. Ионова С.В. Основные направления эколингвистических исследований: зарубежный опыт // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. — 2010. — № 2 (12). — С. 86—93.
104. Ионова С.В. Содержание текста как предмет эколингвистического мониторинга // Интеграционные процессы в коммуникативном пространстве регионов: материалы Междунар. науч. конф. г. Волгоград, 12—14 апр. 2010 г. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010б. — С. 114—119.
105. Ионова С.В. К вопросу о признаках экологичности текстовой коммуникации // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. — 2011. — № 1 (13). — С. 191—198.
106. Исаев М.И. Культурологические аспекты языкового планирования // Вопр. филологии. — 2006. — № 1 (22). — С. 67—75.
107. Иссерс О.С. «Посмотрите, на кого он похож!» (К вопросу о речевых тактиках дискредитации) // Вестн. Омск. ун-та. — 1997. — Вып. 3. — С. 81—84.
108. Казарян Л.Г. Поэтические тексты в процессах духовной «экологизации» общества // Экология человека. — 2005. — № 5. — С. 28—31.
109. Калинина О.И. Экология как наука, мировоззрение и учебная дисциплина // Чтения памяти Алексея Ивановича Куренцова. — 2011. — № 22. — С. 176—180.
110. Кара-Мурза Е.С. В помощь редакторам: лингвисты-эксперты о предвыборной информации и агитации // Обреченные на немоту? СМИ в период выборов: законы, комментарии, рекомендации. — М., 2003. — С. 119—152.

111. Кара-Мурза Е.С. Язык рекламы в нормативно-стилистическом аспекте // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. — 2008. — № 4. — С. 55—61.

112. Кара-Мурза Е.С. «Дева Обида» политического дискурса: речевые преступления в парадигме лингвистической эмотиологии // Современная политическая лингвистика: проблемы, концепции, перспективы: сб. науч. тр. — Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. — С. 253—271.

113. Кара-Мурза Е.С. Лингвоконфликтология как дисциплина, изучающая деструктивный модус общения // Человек в информационном пространстве: межвуз. сб. науч. тр. — Ярославль, 2010. — Вып. 2. — С. 117—124.

114. Кара-Мурза Е.С. Лингвоконфликтология: основные понятия и вузовские варианты // Журналистика и культура русской речи: науч.-практ. журн. — 2011. — № 2 (58). — С. 64—79; Продолжение. — № 3 (59). — С. 54—73; Заключение. — № 4 (60). — С. 64—79.

115. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М.: Гнозис, 2004.

116. Караулов Ю.Н. Обратный словарь заимствований как способ изучения лингвоэкологии // Серия литературы и языка. — 1979. — Т. 38. — № 6. — С. 552—562.

117. Караулов Ю.Н. О состоянии современного русского языка // Русская речь. — 2001. — № 3. — С. 25—30.

118. Касевич В.Б. Язык экологии и экология языка // Семиотика, лингвистика, поэтика: к столетию со дня рожд. А.А. Реформатского. — М., 2004. — С. 57—68.

119. Кислицына Н.Н. Эколингвистика — новое направление в языкознании [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.crimea.edu/tnu/magazine/culture/culture37/part1/zip/kislitsina.zip>.

120. Клименко И. Экология культуры, 2011 [Электронный ресурс]. — URL: <http://bogolub.narod.ru/aq/klimenko/otvet6.htm>.

121. Ковалёв Г.Ф. Ещё раз о русском мате (по поводу статьи М.М. Маковского) // Филологические записки. — Воронеж, 1996. — Вып. 7. — С. 145—148.

122. Ковалёв Г.Ф. Русский мат — следствие уничтожения табу // Культурные табу и их влияние на результат коммуникации. — Воронеж, 2005. — С. 184—197.

123. Кодекс профессиональной этики российского журналиста. Решение Конгресса журналистов России 23 июня 1994 года, г. Москва [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ruj.ru/about/codex.htm>.

124. Комлев Н.Г. О критериях правильности высказывания // *Вопр. языкознания*. — 1978. — № 1. — С. 65—75.
125. Конявская Е.Л. Экология культуры и языка: проблемы и перспективы. Архангельск, 2—4 нояб. 2006 г. Древняя Русь // *Вопр. медиевистики*. — 2007. — № 1. — С. 56—57.
126. Копнина Г.А., Куликова Л.В., Подберезкина Л.З., Фельде О.В. Речевое общение и вопросы экологии русского языка. К 80-летию проф. А.П. Сквородникова. — Красноярск, 2010.
127. Коробкина Н.И. Экологичность / неэкологичность контекстуального понятия как единицы эмоционального мышления // *Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: материалы XII Междунар. науч. конф. (Ульяновск, 16—19 мая 2012 г.)* / отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. — М.: Ин-т языкознания РАН; Ульяновск: Ульян. гос. ун-т, 2012. — С. 104—107.
128. Коробкина Н.И. Экологичность семантики слова *Добро* VS неэкологичность семантики слова *Зло* (по данным социолингвистического опроса) // *Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе: сб. науч. тр. / под ред. д-ра филол. наук, проф. О.В. Загорюковой*. — Воронеж: Изд.-полиграф. центр «Научная книга», 2012. — Вып. 20. — С. 34—39.
129. Коровушкин В.П. Основные атрибуты лингвоэкологии как автономной междисциплинарной отрасли языкознания // *Вестн. Череповец. гос. ун-та*. — 2011. — Т. 1. № 28. — С. 60—64.
130. Корташева Е.А. Упрощение языковой системы как следствие духовной деградации общества (на примере русского языка) // *Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та*. — 2010. — № 583. — С. 15—21.
131. Корташева Е.А. «Экология слова» как новая область знания // *Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та*. — 2012. — № 637. — С. 90—95.
132. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений за речевой практикой масс-медиа. — М.: Педагогика-пресс, 1994.
133. Костомаров В.Г. Конструктивно-стилевые векторы // *Рус. речь*. — 2005. — № 1. — С. 52—61.
134. Костомаров В.Г. Наш язык в действии: очерки современной стилистики. — М.: Гардарики, 2005.
135. Костомаров В.Г., Леонтьев А.А. Некоторые теоретические вопросы культуры речи // *Вопр. языкознания*. — 1966. — № 5. — С. 3—15.
136. Кравченко А.В. Экология языка и языковая политика // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. — 2011. — № 13. — С. 24—29.
137. Кравченко А.В. Бытие человека и экология языка // *Лингвистические парадигмы и лингводидактика: материалы 10-й Междунар. науч.-практ. конф. 14—18 июня 2005*. — Иркутск, 2005. — С. 59—63.

138. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва [Электронный ресурс]. — URL: http://bookz.ru/authors/maksim-krongauz/russkii_377.html.
139. Крылова Т.В. Наивно-языковые представления о вежливости и обслуживающая их лексика // Языковая картина мира и системная лексикография. — М.: Яз. слав. культур, 2006. — С. 241—292.
140. Крысин Л.П. Иноязычное слово в роли эвфемизма // Русский язык в школе. — 1998. — №2. — С. 71—74.
141. Кузнецова Н.И. Правильность речи // Хорошая речь / под ред. М.Л. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. — 3-е изд. — М.: ЛИБРОКОМ, 2009. — С. 29—31.
142. Ларина Т.В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. — М.: Изд-во РУДН, 2003.
143. Ларионова А.Ю. Неформальный студенческий дискурс: социолингвистический и лингвокультурологический аспекты (на материале граффити): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Екатеринбург, 2010.
144. Левитченков М.В., Минченкова А.Л. Экология и язык: речевая культура молодежи // В мире научных открытий. — 2010. — № 4—17. — С. 9—10.
145. Лисихина М.А. Прагмалингвистическое исследование явления дискредитации в американской речевой культуре): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Иркутск, 2009.
146. Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном. — М.: Дет. лит., 1985.
147. Лихачев Д.С. Экология культуры // Прошлое — будущему. — СПб.: Наука, 1985. — С. 50—62.
148. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. Антология / под ред. В.П. Нерознака. — М.: Academia, 1997.
149. Локтионова Н.М., Фомина О.А. Особенности синонимического процесса в метаязыке эколингвистики // Современные проблемы науки и образования. — 2012. — № 6. — С. 504—504.
150. Ломинина З.И. Эколингвистика: некоторые штрихи научного поиска // Сборник научных трудов Sworld по материалам Международной научно-практической конференции. — 2012. — Т. 30. № 2. — С. 68—69.
151. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. — М.: Гнозис: Изд. гр. «Прогресс», 1992.
152. Лотман Ю.М. Семиосфера. — СПб.: «Искусство-СПБ», 2000.
153. Лыкова Н.Н. Экологическая лингвистика и история французского языка // Экология языка на перекрестке наук: материалы Международной науч. конф. 11—13 нояб. 2010 — Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2010. — С. 45—51.

154. Лыкова Н.Н. Экологическая лингвистика и романские языки // Филологический дискурс. — 2011. — № IX. — С. 21—27.
155. Лысенко Н.Е. Русский и английский языки: проблемы экологии в методическом аспекте // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. — 2010. — № 601. — С. 65—73.
156. Ляпун С.В. Язык СМИ и норма // Культурная жизнь Юга России. — 2007. — № 6. — С.71—75.
157. Маджаева С.И. Экологичность термина СПИД // Экология русского языка: материалы 5-й Междунар. науч. конф. — Пенза: Изд-во Пенз. гос. ун-та им. В.Г. Белинского, 2012. — С. 193—199.
158. Маковский М.М. Русский мат // Филологические записки. — Воронеж, 1996. — Вып. 7. — С. 143—145.
159. Максимов В.И., Голубева А.В. Русский язык и культура речи. — СПб.: Златоуст, 2010.
160. Матвеева Т.В. Тональность разговорного текста: три способа описания // Stylistica. — V. V. — Opole, 1996. — С. 211.
161. Матурана У., Варела Фр. Древо познания / пер. с англ. Ю.А. Данилова. — М.: Прогрес-Традиция, 2001.
162. Международная ассоциация эргономики [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ergo-org.ru/contacts.html>.
163. Милованова М.В. Пути и способы улучшения экологии русского языка в полиэтническом регионе // Власть. — 2012. — № 7. — С. 45—48.
164. Миловатский В.С. Об экологии слова. — М., 2001.
165. Моисеенко А.В. Субстандартные синонимы в англоязычных и русскоязычных СМИ // Человек в информационном пространстве. — Ярославль, 2005. — Вып. 3. — С. 112—113.
166. Моисеенко А.В. Некоторые лингвоэкологические особенности субстандартной синонимии в английском и русском языках // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2007. — № 13. — С. 65—71.
167. Моисеенко А.В. Лингвоэкологическая вариативность субстандартной синонимии в английском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ярославль, 2008.
168. Моисеенко А.В. Лингвоэкологические и структурные особенности контекстуальных синонимических рядов в английском и русском языках // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. — 2008. — № 60. — С. 195—198.
169. Моисеенко А.В. Лингвоэкологическая вариативность субстандартной синонимии в английском и русском языках : дис. ... канд. филол. наук. — Ярославль, 2008.

170. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Русское сквернословие. Краткий, но выразительный словарь. — М.: Олма Медиа групп, 2010.
171. Молодкин А.М., Максимова С.Ю. О некоторых эколингвистических подходах к исследованию языковых контактов и языковой эволюции // Эколингвистика: теория, проблемы, методы. — Саратов: Науч. книга, 2003. — С. 20—24.
172. Москвин В.П. Эвфемизмы, системные связи, функции и способы образования // Вопр. языкознания. — 2001. — № 3. — С. 61—67.
173. Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10 от 20 декабря 1994 г. // Верховный суд [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.vsrfr.ru/catalog.php>.
174. Нечипоренко В.Ф. Биолингвистика в ее становлении (Биолингвистические основы системы памяти, мышления, языка и речи). — М.: МГПИ, 1984.
175. Нечипоренко В. Ф. Лингвофилософские основы эколингвистики. — Калуга: Калуж. обл. орг. Союза журналистов России, 1998.
176. Огдонова Ц.Ц. Концептуальные основания лингвоэкологической парадигмы научных исследований // Альманах современной науки и образования. — 2009. — № 2—3. — С. 122—124.
177. Основы эколингвистического мониторинга медиaprостранства региона. — Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2011.
178. Павлова А.В., Безродный М.В. Хитрушки и единорог: образ русского языка от Ломоносова до Вежбицкой // Toronto Slavic Quarterly. — 2010. — № 31. — URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/31/bezrodny31.shtml>.
179. Панченко Н.Н. Достоверность как коммуникативная категория: моногр. — Волгоград: Перемена, 2010.
180. Панченко Н.Н. Правда и искренность в экологичной / неэкологичной коммуникации // Научный диалог. — 2012. — № 12. Филология. — С. 124—135.
181. Панченко Н.Н., Наумова М.М. Коммуникативная категория «откровенность»: лингвоэкологический аспект // Грани познания: электрон. науч.-образоват. журн. ВГСПУ — 2012. — №1 (21). — URL: <http://grani.vspu.ru/jurnal/26>.
182. Парадигмы научного знания в современной лингвистике: сб. науч. тр. / Центр гуманитар. науч.- информ. исслед. Отд. языкознания; редкол.: Кубрякова Е.С., Лузина Л.Г. (отв. ред.). — М., 2006.
183. Пелипенко Н.И. Социокультурный аспект понятия «экологическое» // Язык в современных общественных структурах (социальные варианты языка — VI): материалы Междунар. науч. конф. — Ниж. Новгород: НГЛУ, 2005. — С. 208—211.

184. Першина И.В. Экология русского языка // Вестн. Юж.-Урал. проф. ин-та. — 2010. — Т. 1. № 1. — С. 76—79.
185. Петрунина С.П. Информационный шум в устной спонтанной коммуникации: слова-паразиты, 2005. — С. 101—106. — URL: <http://vestnik.tspu.ru/files>
186. Полежаева А.Н. Лингвоэкологические проблемы массовой культуры (на материале современной эстрадной песни) // Вестн. Центра междунар. образования Моск. гос. ун-та. Сер.: Филология. Культурология. Педагогика. Методика. — 2010. — Т. 3. — С. 29—33.
187. Полежаева А.Н. Лингвоэкологическая проблема современного песенного текста как фактор формирования речевой культуры подростковой молодежи (на материале популярной песни современной эстрады) // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. — 2010. — Т. 16. № 3. — С. 179—181.
188. Полежаева А.Н. Современный песенный текст и формирование речевой культуры подростков // Личность. Культура. Общество. — 2010. — Т. 12. № 1. — С. 313—317.
189. Полежаева А.Н. Проблемы современного песенного текста: лингвоэкологический аспект : дис. ... канд. филол. наук. — Иваново, 2011.
190. Полудина В.П. Информационный шум в Интернете как проблема потребления коммуникации // Потребление как коммуникация-2011: материалы VII Междунар. науч. конф. — URL: http://ecsosman.hse.ru/data/2013/02/11/1251419219/Poludina_2011_5.pdf.
191. Полухин А.А. Ноолингвистика и ноосферное образование // Ноосферное образование в евразийском пространстве: кол. моногр. / под науч. ред. А.И. Субетто. — СПб.: Астерион; Кострома: Изд-во КГУ им. Н.А. Некрасова, 2009. — С. 454—463.
192. Полухин А.А. Современное языкознание и экологическое мышление // Опыты-2008: сб. науч. работ преп. и студ. фак. филологии / сост. Н.М. Димитрова. — СПб.: РИО ГПА, 2009. — С. 65—73.
193. Попова Е.А. О сквернословии // Рус. речь. — 2009. — № 1. — С. 48—52.
194. Потапов А.Д. Экология. — М., 2002. — URL: <http://www.oglibrary.ru>.
195. Правовые и этические нормы в журналистике / сост. Е.П. Прохоров. — М., 2007.
196. Пузырев А.В. Проблемы экологии и русского языка в системном осмыслении // Экология русского языка: материалы 1-й Всерос. науч. конф. — Пенза: Изд-во Пенз. гос. пед. ун-та им. В.Г. Белинского, 2008. — С. 6—8.

197. Пылаева Е.М. Эколингвистика как новое направление в языкознании XXI // Вестн. Перм. нац. исслед. политехн. ун-та. Сер.: Проблемы языкознания и педагогики. — 2011. — № 5. — С. 106—113.
198. Разворотнева С.В. Язык власти и власть языка (анализ исследований политической коммуникации в Америке // США: экономика, политика, идеология. — 1993. — № 3. — С. 23—32.
199. Раренко М. Б. Хрестоматия по эколингвистике: язык, экология и окружение // Социальные и гуманитарные науки. Языкознание: РЖ РАН ИНИОН / Центр гуманит.-информ. исследований. — 2003. — № 1. — С. 61—72.
200. Ратмайр Р. «Новая русская вежливость» — мода делового этикета или коренное прагматическое изменение? // Вопр. языкознания. — 2009. — № 1. — С. 63—82.
201. Ремизов И.Н., Ремизова Н.И. Категория экологической сферы общества в системе понятий социально-экономической ауры // Категориальная субстанция языковых реалий / отв. ред. Г.П. Немец. — Краснодар: Изд-во «Краснодарские известия», 1998. — № 1. — С. 49—51.
202. Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации: сб. ст. / отв. ред. Ф.М. Березин, Е.Ф. Тарасов. — М.: Наука, 1990.
203. Риторика и культура речи в современном обществе и образовании: сб. материалов X Междунар. конф. по риторике, 1—3 февр. 2006 г. / науч. ред.-сост.: В. И. Аннушкин, В. Э. Морозов. — М.: Флинта : Наука, 2006.
204. Романов А.А. Оценка как способ фиксации конфликтности речевого поведения политика // Политический дискурс в России-4: материалы рабочего совещ. / под ред. В.Н. Базылева, Ю.А. Сорокина. — М.: Диалог-МГУ, 2000. — С. 83—89.
205. Романов А.А. Политическая лингвистика: функциональный подход. — М. — Тверь: ИЯ РАН: ТвГУ, 2002.
206. Романов А.А. Лингвоэкологический подход к профилактике вербальной агрессии в профессиональной среде // Психология управления в современной России: теория, эмпирические исследования, практика: материалы Междунар. науч.-практ. конф. — Тверь: Ин-т психологии РАН, ТвГУ, 2010. — С. 78—85.
207. Руделёв В.Г. Исследование проблем экологии языка и речи (научный отчет) // Вестн. Тамб. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. — 2001. — № 1. — С. 10-19.
208. Руделёв В.Г. Проблемы экологии современного русского языка. Задачи и трудности их скорейшего разрешения // Экология языка и речи: материалы Междунар. науч. конф. (17—18 нояб. 2011 г.) / отв. ред. А.С. Щербак; М-во образования и науки РФ, ФГБОУ ВПО «Тамб. гос.

ун-т им. Г.Р. Державина». — Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. — С. 15—18.

209. Русинова Л.А. О духовной сущности слова [Электронный ресурс]. — URL: vfnflu.wladimir.ru/Rus/NetMag/v4/v4_ar02.htm.

210. Савельева Л.В. Языковая экология: русское слово в культурно-историческом освещении. — Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 1997.

211. Савельева Л.В. Лингвоэкология и российские проблемы // Север. — 2007. — № 5—6. — С. 217—223.

212. Седов К.Ф. Русский мат и уровни становления языковой личности // Дом бытия: лингвофилософский альманах. — М., 1994. — Вып. 1. — С. 31—40.

213. Сергеева О.В. Домашний телевизор: экранная культура в пространстве повседневности. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2009.

214. Сердобинцева Е.Н. Законы общей экологии и язык // Экология русского языка: материалы 1-й Всерос. науч. конф. — Пенза: Изд-во Пенз. гос. пед. ун-та им. В.Г. Белинского, 2008. — С. 8—13.

215. Сидорова М.Ю., Савельев В.С. Русский язык. Культура речи: конспект лекций. — М., 2005.

216. Симонов П.В. Эмоциональный мозг. — М.: Наука, 1981.

217. Сиротинина О.Б. Основные критерии хорошей речи // Хорошая речь / под ред. М.Л. Кормилициной, О.Б. Сиротининой. — 3-е изд. — М.: ЛИБРОКОМ, 2009. — С. 16—29.

218. Сиротинина О.Б. Разговорные типы речевой культуры и хорошая речь // Хорошая речь / под ред. М.Л. Кормилициной, О.Б. Сиротининой. — 3-е изд. — М.: ЛИБРОКОМ, 2009. — С. 241—245.

219. Скворцов Л.И. Язык, общение и культура (экология и язык) // Рус. яз. в школе. — 1994. — № 1. — С. 81—86.

220. Скворцов Л.И. Экология слова, или Поговорим о культуре русской речи. — М., 1996.

221. Скворцов Л. И. Лингвистическая экология // Культура русской речи: энцикл. словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сквородникова, Е. И. Ширяева и др. — М.: Флинта-Наука, 2003.

222. Скобёлкина Н.М. Воспитание языковой личности // Вестн. Вост.-Сиб. гос. акад. образования. — 2010. — № 12. — С. 63—70.

223. Сквородников А.П. Об экологии русского языка // Филологические науки. — 1992. — № 5—6. — С. 104—111.

224. Сквородников А.П. К современной концепции культуры речи // Филология — Журналистика-94: науч. материалы. — Красноярск, 1995. — С. 6—15.

225. Сквородников А.П. Лингвистическая экология: проблемы становления // Филологические науки. — 1996. — № 2. — 64—69.
226. Сквородников А. П. Лингвистическая экология // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: науч.-метод. бюл. — Красноярск-Ачинск, 1997. — Вып. 2.
227. Сквородников А.П. Языковое насилие в современной российской прессе // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: науч.-метод. бюл. — Красноярск; Ачинск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1999. — Вып. 13. — С. 10—15.
228. Сквородников А.П. К становлению системы лингвоэкологической терминологии // Речевое общение: специализированный вестник / Краснояр. гос. ун-т. — Красноярск, 2000. — Вып. 3 (11). — С. 70—78.
229. Сквородников А.П. О понятии «коммуникативная компетенция» // Культура речевого общения в образовательных учреждениях разных уровней: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. А.П. Сквородникова. — Красноярск, 2003. — С. 95—105.
230. Сквородников А.П. Экология современного русского языка и роль средств массовой информации в этом процессе (тезисы). 2012 [Электронный ресурс]. — URL: <http://gazeta.sfu-kras.ru/node/307>.
231. Соболева И.А. Динамика вербальной агрессии и нарушение лингвоэкологического баланса в современном медиаполитическом дискурсе // Вісник лну імені тараса шевченка. — 2010. — № 2 (189). — С. 52—58.
232. Солженицын А.И. Объяснение // Русский словарь языкового расширения. — 3-е изд. — М.: Рус. путь, 2000. — С. 3—6.
233. Солодовникова Н.Г. Средства нарушения экологичности предвыборного газетного коммуникативного пространства // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филол. науки. — 2008. — № 10 (34). — С. 44—47.
234. Солодовникова Н.Г. Лингвоэкология предвыборной коммуникации // Антропологическая лингвистика: сб. науч. тр. — Волгоград, 2009. — Вып. 11. — С. 118—124.
235. Солодовникова Н.Г. Экологичность предвыборной коммуникации // XIII региональная конференция молодых исследователей Волгоградской области. г. Волгоград, 11—14 нояб. 2008 г.: сб. науч. материалов. Напр. 13 «Филология». — Волгоград: Перемена, 2009. — С. 47—51.
236. Солодовникова Н.Г. Экологичность коммуникативной коммуникации (на материале предвыборных креолизованных газетных текстов): дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2010.
237. Солодовникова Н.Г. Экология эмоций человека как валеологический фактор // Экология русского языка: материалы 2(4)-й Междунар. науч. конф. — Пенза: Изд-во Пенз. гос. пед. ун-та им. В.Г. Белинского, 2011. — С. 178—184.

238. Солодовникова Н.Г., Калинин П.В. Может ли сатира быть экологичной? // Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики: сущность, концепции, перспективы: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Л.А. Миловановой. — Волгоград: Парадигма, 2010. — Т. 2. — С. 306—313.
239. Сорокин Ю.А. Нужна ли нам лингвозекология? // Мир лингвистики и коммуникации. — 2006. — Т. 1. № 3. — С. 92—95.
240. Сорокин Ю.А. Политический дискурс: попытка истолкования понятия // Политический дискурс в России. 1996—2006: хрестоматия / сост., общ. ред. В.Н. Базылева. — М., 2007. — С. 20—27.
241. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие: моногр. — Воронеж: ИПЦ МОУ ВЭПИ, 2001.
242. Стернин И.А. Русское коммуникативное сознание // Русское и финское коммуникативное поведение. — Воронеж: Изд-во «Истоки», 2002. — Вып. 8. — С. 55—59.
243. Субетто А.И. Сочинения. Ноосферизм. Том третий. Россия в XXI веке в контексте действия ноосферного и социалистического императивов / под ред. Л.А. Зеленова. — Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006.
244. Сущенко Е.А. Словарь-справочник лингвозекологических терминов и понятий / под ред. д-ра пед. и филос. наук, проф. Л.Г. Татарниковой. — СПб.: ИД «Петрополис», 2011.
245. Тахтарова С.С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты): моногр. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009.
246. Тэйлор Р. Шум. — М.: Мир, 1978.
247. Трофимова Г.Н. Лингвистическая безопасность: к проблеме толкования // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. — 2012. — № 1. — С. 24—29.
248. Трошина, Н.Н. Проблемы экологической лингвистики (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. — М.: ИНИОН, 1997. — Сер. 6. Языкознание. — № 3. — С. 41—55.
249. Трошина Н.Н. Культура языка и языковая рефлексия: аналитический обзор / Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания. — М., 2010.
250. Усанова О.Г. Речевая культура: проблемы и перспективы // Вестн. Челяб. гос. акад. культуры и искусств. — 2010. — Т. 23. — № 3. — С. 105—108.

251. Устинова В.А. Можно прожить всю жизнь, не зная и не ощущая собственного голоса // Журналист. — 2010. — № 6. — С. 57—58.
252. Федосюк М.Ю. Научно-методический семинар «Экология языка и культура речевого общения» // Рус. яз. в школе. — 1995. — № 6. — С. 106—107.
253. Филимонова О.Е. Язык эмоций в английском тексте: когнитивный и коммуникативный аспекты: моногр. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001.
254. Фомина О.А. О научном пространстве лингвистической экологии // Научная мысль Кавказа. — 2009. — № 2. — С. 104—107.
255. Фомина О.А. Языковая политика в аспекте лингвоэкологии // Вестн. Пятигор. гос. лингв. ун-та. — 2009. — № 1. — С. 205—206.
256. Фомина О.А. О научном пространстве лингвистической экологии // Научная мысль Кавказа. — 2009. — № 2. — С. 104—107.
257. Фомина А.А. Экология детской субкультуры и информационное развитие личности // Народная культура: личность, творчество, досуг. — Омск: Изд. дом «Наука», 2003.
258. Фомина О.А. Терминологическая метафоризация лингвоэкологического дискурса: сб. науч. тр. Sworld по материалам Междунар. науч.-практ. конф. — 2011. — Т. 26. № 1. — С. 90—92.
259. Фомина О.А. Концептуально-терминологическое пространство лингвистической экологии: когнитивный и функционально-семантический аспекты : на материале русского языка : дис. ... канд. филол. наук. — Ростов-н/Д., 2011.
260. Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. — М., 1989.
261. Формановская Н.И. Социально-культурная сущность речевого этикета // Московский лингвистический журнал. — Т. 7. № 2. Речевой этикет: семантика и прагматика. — М., 2003. — С. 9—21.
262. Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. — М.: Изд-во «ИКАР», 2007.
263. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. — М.: Республика, 1994.
264. Хаскин В.В., Акимова Т.А., Трифонова Т.А. Экология человека: учеб. пособие. — М.: Изд-во «Экономика», 2008.
265. Холл М. Проверка на экологичность как метасостояние [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.superidea.ru/intel/psy/holl2.htm>.
266. Хорошая речь / под ред. М.Л. Кормилициной, О.Б. Сиротининой. — 3-е изд. — М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
267. Чаушев А.С. Коммуникативно-прагматические особенности речевого этикета в различных лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2008.

268. Чернышова Т.В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве России. — М.: URSS, 2009.
269. Чесноков И.И. Мечь как эмоциональный поведенческий концепт (опыт когнитивно-коммуникативного описания в контексте русской лингвокультуры): дис. ... д-ра филол. наук. — Волгоград, 2009.
270. Шамне Н.Л. Эколингвистическое исследование языкового пространства полиэтнического региона // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филол. науки. — 2011. — № 8 (62). — С. 143—146.
271. Шамне Н.Л., Карякин А.В. Речевая агрессия как нарушение экологичности политического дискурса // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. — 2011. — Т. 2. № 1—13. — С. 204—207.
272. Шарифуллин Б.Я. Региональные аспекты экологии русского языка и новые подходы к филологическому образованию // Подготовка учителей в условиях регионального учебно-научно-педагогического комплекса: сб. науч. ст. — Красноярск, 1997. — С. 39—48.
273. Шаронов И.А. Многоликая агрессия // Агрессия в языке и речи: сб. науч. ст. М.: РГГУ, 2004. С. 5—6.
274. Шаховский В.И. Голос эмоций в политическом дискурсе // Политический дискурс в России-2. — М.: Диалог-МГУ, 1998. — С. 79—83.
275. Шаховский В.И. Социальная интеракция власти и народа через языковую игру // Научные чтения, посвященные памяти профессора В.Г. Гака: сб. ст. — Волгоград: ВолГУ, 2005. — С. 19—28.
276. Шаховский В.И. Эмоции во лживой коммуникации // Язык. Сознание. Коммуникация: сб. ст. — М.: МАКС Пресс, 2005. — С. 133—147.
277. Шаховский В.И. Эмоциональная толерантность в межперсональном речевом общении // Русистика. — Киев: ВПЦ «Киевский университет», 2006. — Вып. 5—6. — С. 13—19.
278. Шаховский В.И. Какими средствами «оплодотворяют» людей российские СМИ? // Русистика. — Киев: ВПЦ «Киевский университет», 2007. — С. 29—32.
279. Шаховский В.И. Унижение языком в контексте современного коммуникативного пространства // Мир русского слова. — 2007. — № 1. — С. 40—45.
280. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
281. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: моногр. — М.: Гнозис, 2008.
282. Шаховский В.И. Эмоциональный тыюнинг в речевом общении // Язык. — Сознание. — Культура. — Социум: сб. докл. и сообщ. Междунар.

науч. конф. памяти проф. И.Н. Горелова. — Саратов: Изд. центр «Наука», 2008. — С. 478—481.

283. Шаховский В.И. Энергетическая мощь эмоций и дискурсивные нормы // Вопр. психолингвистики. — 2008. — № 7. — С. 39—42.

284. Шаховский В.И. Экологичность / неэкологичность коммуникации // Теоретические проблемы современного языкознания: сб. науч. ст. в честь З.Д. Поповой. — Воронеж, 2009. — С. 175—182.

285. Шаховский В.И. Эмоции: долигвистика, лингвистика, лингвокультурология. — М.: ЛИБРОКОМ, 2009.

286. Шаховский В.И. От лингвистики эмоций к лингвоэкологии // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: материалы 10-й Междунар. науч. конф. — Ульяновск, 2010. — С. 57—59.

287. Шаховский В.И. Роль эмотивности в медиаэкологии // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире-5: сб. ст.; V Междунар. науч.-практ. конф. (Волгоград, 2010). — Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы», 2010. — С. 223—226.

288. Шаховский В.И. Мат как коммуникативная «приправа» (в аспекте эмотивной лингвоэкологии) // Экология русского языка: материалы 2(4)-й Междунар. науч. конф. — Пенза: Изд-во Пенз. гос. пед. ун-та им. В.Г. Белинского, 2011. — С. 79—92.

289. Шаховский В.И. Напряженность общения в аспекте эмотивной лингвоэкологии // Бытие в языке: сб. науч. тр. к 80-летию В.И. Жельвиса / под науч. ред. д-ра филол. наук, проф. Т.Г. Кучиной. — Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. — С. 223—233.

290. Шаховский В.И. Речь вокруг нас: эмотивная лингвоэкология // Стратегия России. — 2011. — № 2 (86). — С. 65—72.

291. Шаховский В.И. Триада наук в новом направлении лингвистических исследований (становление эмотивной лингвоэкологии) // Образ мира в зеркале языка: сб. науч. ст. / отв. соред. В.В. Колесов, М. Влад. Пименова, В.И. Теркулов. — М.: ФЛИНТА, 2011. — С. 198—205.

292. Шаховский В.И. Эмотивная лингвоэкология русского мата // Мир лингвистики и коммуникации [Электронный ресурс]. — Тверь: ТГСХА, ТИПЛиМК, 2011. — № 2 (23). — URL: <http://www.tverlingua.ru>.

293. Шаховский В.И. Голос эмоций в языковом круге homo sentiens. — М.: ЛИБРОКОМ, 2012.

294. Шаховский В.И. Функциональная амбивалентность русского мата как проблема эмотивной лингвоэкологии // Экология языка и

речи: материалы Междунар. науч. конф. (17—18 нояб. 2011 г.) / отв. ред. А.С. Щербак. — Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. — С. 38—41.

295. Шаховский В.И. Экология эмоционального сознания // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: материалы XII Междунар. науч. конф. (Ульяновск, 16—19 мая 2012 г.) / отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. — М.: Ин-т языкознания РАН; Ульяновск: Ульян. гос. ун-т, 2012. — С. 142—145.

296. Шаховский В.И., Волкова Я.А. Резолюция общероссийского научно-теоретического семинара «Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве» // Вопр. психолингвистики. — 2012. — № 16. — С. 214—215.

297. Шаховский В.И., Волкова Я.А., Коробкина Н.И., Штеба А.А. Проблема зависимости модуса экологичности от амбивалентности оценочно-го знака эмоциональной коммуникации // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер.: Филология. Искусствоведение. — 2012. — Вып. 69. № 23. — С. 128—136.

298. Шаховский В.И., Ионова С.В. Человек и его языковая среда: эколингвистический аспект // Антропология языка. The Anthropology of Language: сб. ст. / отв. ред. С.Р. Омельченко. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. — Вып. 2. — С. 137—148.

299. Шаховский В.И., Ионова С.В. Экологическое пространство языка // Стратегия России. — 2012. — № 3 (99). — С. 38—48.

300. Шаховский, В.И. Ионова С.В. Экологическое пространство языка: критические аспекты // Экология русского языка: материалы 5-й Междунар. науч. конф. — Пенза: Изд-во Пенз. гос. ун-та им. В.Г. Белинского, 2012. — С. 311—324.

301. Шаховский В.И., Орлова А.И. Гибкая стабильность языковой нормы как модус экологичности речевой коммуникации // Язык. Человек. Общество: Междунар. сб. науч. тр. (к 65-летию проф. В.Т. Малыгина). — СПб. — Владимир, 2010. — С. 137—143.

302. Шаховский В.И., Ренц Т.Г. Стилистический повтор как фактор экологичности / неэкологичности романтического общения // Лингвистика речи. Медиастилистика: кол. моногр., посвящ. 80-летию проф. Г.Я. Солганика — М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. — С. 225—265.

303. Шаховский В.И., Солодовникова Н.Г. Экологическая функция языка // Экология русского языка: материалы 2-й Всерос. науч. конф. — Пенза: Изд-во Пенз. гос. пед. ун-та им. В.Г. Белинского, 2009. — С. 5—16.

304. Шаховский В.И., Солодовникова Н.Г. Лингвоэкология: объект, предмет и задачи // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. — 2010. — № 1 (31). — С. 22—29.

305. Шаховский В.И., Солодовникова Н.Г. Роль эмоций в формировании экологичности массмедиаальной коммуникации // Человек в коммуникации: мотивы, стратегии и тактики: кол. моногр. / отв. ред. В.И. Шаховский, И.В. Крюкова, Е.А. Сорокина. — Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2010. — С. 20—35.

306. Шаховский В.И., Солодовникова Н.А. Терапевтическая функция языка // *Ecolinguistics: человек, язык и окружающая среда*. 2010 [Электронный ресурс]. — URL: <http://ecolinguistics.ru/index.php>.

307. Шаховский В.И., Солодовникова Н.Г. Экологичность стилистики публичного общения // *Медиаскоп*. — 2012. — Вып. 2 [Электронный ресурс]. — URL: <http://mediascope.ru/node/1117>.

308. Шаховский В.И., Солодовникова Н.Г. Этический параметр экологичности публичного общения // *Актуальные вопросы социогуманитарного знания: история и современность: межвуз. сб. науч. тр. / редкол. П.С. Волкова, Л.В. Карнаушенко; под общ. ред. Н.В. Нарыкова*. — Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2012. — Вып. 8. — С. 215—228.

309. Шаховский В.И., Томашева И.В., Сорокин Ю.А. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). — Волгоград: Волгогр. гос. пед. ун-т, 1998.

310. Шаховский В.И., Цой А.И. Речевой перебив как маркер неэкологичной бизнес-коммуникации // *Вестн. Том. гос. пед. ун-та*. — 2012. — Вып. 10. — С. 145—150.

311. Шаховский В.И., Штеба А.А. «Хулала»: энергийно-смысловой потенциал семантики слов как фактор позитивизации общения // *Актуальные вопросы социогуманитарного знания: история и современность: межвуз. сб. науч. тр. / редкол. П.С. Волкова, Л.В. Карнаушенко; под общ. ред. Н.В. Нарыкова*. — Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2012. — Вып. 8. — С. 228—236.

312. Шварцкопф Б.С. Оценки говорящими фактов речи (лингвистический аспект): автореф. ... дис. канд. филол. наук. — М., 1971.

313. Швецова С.В., Формановская Н.И. Речевой этикет // *Русско-английские соответствия: справочник*. — М.: Высш. шк., 1990.

314. Шейгал Е.И. Политические эмоции и их дискурсивное проявление // *Язык и эмоции: номинативные и коммуникативные аспекты: сб. науч. тр.* — Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2009. — С. 175—182.

315. Шингаров Г.Х. Эмоции и чувства как формы отражения действительности. — М.: Наука, 1971.

316. Шляхов В.И., Никонов А.Л. Эколингвистика и проблема экологии языка в российском языковом пространстве // *Пространство и время*. — 2011. — № 4 (6). — С. 138—144.

317. Штеба А.А. «Здоровье языка» в аспекте эмотивной лингвоэкологии // Языковые и филологические исследования. — 2012. — № 4. Т. 2. — С. 21—25.
318. Штрекер Н.Ю. Русский язык и культура речи: учеб. пособие для вузов. — М., 2003.
319. Щеголев И. Сегодня интеллектуалам России нужна комфортная среда обитания. Нужна экология интеллекта // Comnews. — 21.10.2009 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.comnews.ru/node/50422>.
320. Щербинина Ю.В. Вербальная агрессия. — М.: URSS, 2006.
321. Эколингвистика: теория, проблемы, методы: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.М. Молодкина. — Саратов: Науч. книга, 2003.
322. Эколингвистика: язык региональных СМИ в зеркале русской речевой культуры: межвуз. сб. науч. тр. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009.
323. Экология русского языка: материалы 1—5-й Всерос. науч. конф. — Пенза: Изд-во Пенз. гос. пед. ун-та им. В.Г. Белинского, 2008—2012.
324. Экология языка и речи: материалы Междунар. науч. конф. (17—18 нояб. 2011 г.) / отв. ред. А.С. Щербак. — Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012.
325. Эпштейн М.Н. Однословие как литературный жанр // Континент. — 2000. — № 104. — С. 279—313.
326. Эпштейн М.Н. Мат — язык тех, кто ничего не может // Огонёк. — 2009. 14 дек. — № 31 (5109). — С. 42—44.
327. Эпштейн М.Н. Вызов мату, или Новый любовный словарь [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.grammar.ru/KOL/?id=1.42>.
328. Эртнер Д.Е. Экология языка на перекрестке наук: 2-я Междунар. науч. конф. // Вестн. Тюм. гос. ун-та. — 2012. — № 1. — С. 226—227.
329. Этическая лингвоэкология человека нравственного: кол. моногр. — Тюмень : Вектор Бук, 2012.
330. Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности: сб. науч. тр. / ВГПУ. — Волгоград: Изд-во ЦОП «Центр», 2004.
331. Язык и эмоции: номинативные и коммуникативные аспекты: сб. науч. тр. к юб. Виктора Ивановича Шаховского / отв. ред. С.В. Ионова. — Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2009.
332. Языковая личность: проблемы семантики и прагматики: сб. науч. тр. — Волгоград: РИО, 1997.
333. Bateson G. Steps to an Ecology of Mind. — N.Y.: Ballantine Books, 1972.

334. Bateson G. *A Sacred Unity: Further Steps to an Ecology of Mind*. — N.Y.: Harper Collins Publishers, 1991.
335. Bodor P. On the usage of emotional language: A developmental view of the tip of an iceberg // *The language of Emotions*. — Amsterdam / Philadelphia, John Benjamins Publishing House, 1997. — P. 195—208.
336. Bousfield D. *Impoliteness in Interaction*. — Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2008.
337. Bousfield D. *Impoliteness in the struggle for power // Impoliteness in Language: Studies on its Interplay with Power in Theory and Practice* (eds. Bousfield D., Locher M.). — Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 2008. — P. 127—153.
338. Bowers C.A. *Philosophy, Language and the Titanic Mind-Set // Language & Ecology*. — 2007. — Vol. 2. — No. 1. — P. 1—16.
339. Bowers C.A. *The Language of Ecological Intelligence // Language & Ecology*. — 2009. — Vol. 3. — No. 1 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ecoling.net>.
340. Calvet L.-J. *Pour une écologie des langues du monde*. — Paris: Plon, 1999.
341. *Cassell Dictionary of Insulting Quotations / By Jonathon Green* — Cassell, 2000. — Paperback.
342. Crystal D. *Language Death*. — Cambridge: CUP, 2000.
343. Culpeper J. *Impoliteness and the entertainment in the television quiz show // Journal of Politeness Research*. — V.1. — 2005. — P. 35—72.
344. Culpeper J. *Towards anatomy of impoliteness // Journal of Pragmatics*. — V. 25. — No 3. — 1996. — P. 349—367.
345. Culpeper J., Bousfield D., Wichmann A. *Impoliteness revisited: With special reference to dynamic and prosodic aspects // Journal of Pragmatics*. — Vol. 35. — No 10—11. — 2003. — P. 1545—1579.
346. Dillon D. *People, environment, language and meaning: values in nature and the nature of 'values' // Language and Ecology*. — 2010. — Vol. 3. — No. 2 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ecoling.net>.
347. Dreizin F., Priestly T. *A systematic approach to Russian obscene language // Russian Linguistics*. — 1982. — No 6. — P. 233—249.
348. Ekman P. *An argument for basic emotions // Cognition and emotion*, 6. — 1992. — No 2. — P. 169—200.
349. Ekman P. *Are there basic emotions? // Psychological review*, 99. — 1992. — P. 550—553.
350. Fill A. *Contrastive Ecolinguistics — a New Field for Ploughshares? — Тьbingen: Narr, 1995*.
351. Fill A. *Language and Ecology: Ecolinguistic Perspectives for 2000 and Beyond*. — Tokyo, 2000.

352. Fill A. Ecolinguistics: State of the Art 1998 // *The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment* (eds. Fill A., P. Mьhlhдusler). — L., N.Y.: Continuum, 2001. — P. 43—53.
353. Frans C. Verhagen. Worldviews and metaphors in the human-nature relationship: An Ecolinguistic Exploration Through the Ages // *Language & Ecology*. — 2008. — Vol. 2. — No. 3. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ecoling.net>.
354. Goleman D. *The Emotional Intelligence. Why It Can Matter More than IQ?* — Bentam Books, 1997.
355. Halliday M.A.K. *New Ways of Meaning: The Challenge to Applied Linguistics* // *The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment* / edited by A. Fill, P. Mьhlhдusler. — London, New York: Continuum, 2001. — P. 175—202.
356. Harre R., Brockmeier J., Mьhlhдusler P. et al. *A Study of Environmental Discourse*. — London, New Delhi, Thousand Oaks, 1999.
357. Haugen E. *The Ecology of language*. — Standford: Standford University Press, 1972.
358. Haugen E. *The Ecology of Language* // *The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment* (eds. Fill A., P. Mьhlhдusler). — L., N.Y.: Continuum, 2001. — P. 57—66.
359. Herring S. Politeness in computer culture: Why women thank and men flame // *Communicating through, in and across Cultures: Proceedings of the Third Berkeley Women and Language Conference* (eds. Bucholtz M., Sutton L.). — Berkeley: Berkeley University Press, 1994. — P. 278—294.
360. Heyd T. *Email Hoaxes*. — Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009.
361. Horowitz Franklin E. *Metaphors We Die By: George Lakoff's "Metaphors Of Terror"* [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ecoling.net>.
362. Jay T., Janschewitz K. The pragmatics of swearing // *Journal of Politeness Research*. — Vol. 4. — 2008. — P. 267—288.
363. Jucker A. Slanders, slurs and insults on the road to Canterbury: Forms of verbal aggression in Chaucer's *Canterbury Tales* // *Placing Middle English in Context* (eds. Taavitsainen I., Nevalainen T., Pahta P., Rissanen M.). — Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 2000. — P. 369—389.
364. Jucker A., Taavitsainen I. Diachronic speech act analysis: Insults from flyting to flaming // *Journal of Historical Pragmatics*. — V. 1. — 2000. — P. 67—95.
365. Kienpointner M. Impoliteness and emotional arguments // *Journal of Politeness Research*. — V. 4. — 2008. — P. 243—265.

366. Kiklewicz A. Language functions in the ecolinguistic perspective // *New Pathways In Linguistics* / ed. by S. Puppel, M. Boguslawska-Tafelska. — Olsztyn: Institute Of Modern Languages and Literature & University Of Warmia And Mazury. — 2008. — P. 23—45.

367. LeBlanc T. Impoliteness as a model for virtual speech community building // *The Handbook of Research on Discourse Behavior and Digital Communication: Language Structures and Social Interaction* (ed. Taiwo R.). — Hershey, N.Y.: Information Science Reference, 2010. — P. 523—539.

368. Lier van L. *The Ecology and Semiotics of Language Learning: A socio-cultural perspective*. — N.Y., Boston, Dordrecht, L., Moscow: Kluwer Academic Publishers, 2004.

369. Locher M., Bousfield D. Introduction: Impoliteness and power in language // *Impoliteness in Language. Studies on its Interplay with Power in Theory and Practice* (eds. Bousfield D., Locher M.). — Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 2008. — P. 1—16.

370. McEnery T. *Swearing in English: Bad language, purity and power from 1586 to the present*. — L., N.Y.: Routledge, 2006.

371. Мьһһдуслер P. *Linguistic Ecology: Language change and linguistic imperialism in the Pacific region*. — L., N.Y.: Routledge, 1996.

372. Мьһһдуслер P. Environment and language // *The Concise Encyclopedia of Pragmatics* (ed. Mey J.). — 2nd Ed. — Oxford: Elsevier Ltd., 2009. — P. 249—253.

373. Lechevrel N. L'йcolinguistique: une discipline йmergente? // *РЙЛQ/QSJL*. — 2008. — V. III. — No. 1. — P. 16—38.

374. Mackey W.F. The ecology of language shift // *The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment*, by A. Fill, P. Мьһһдуслер. — London and New York: Continuum, 2001. — P. 67—74.

375. MacLeod Al. Dog as Self and Other. Comparisons to Canines as a Practice of Dehumanization // *Language and Ecology*. — 2009. — Vol. 3. — No. 1 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ecoling.net>.

376. Postman N. The Humanism of Media Ecology. Paper presented at the First Annual Convention of the Media ecology Association. June 16, 2000. — New York, NY: Fordham University, 2000.

377. Shannon C. E. Communication in the presence of noise // *Proc. Institute of Radio Engineers*. — Jan. 1949. — V. 37. — No 1. — P. 10—21.

378. Skutnabb-Kangas T., Phillipson R. Language ecology [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ecoling.net>.

379. Stibbe A. Awakening at the Point of No Return // *Language and Ecology*. — 2010. — V. 3. — No. 2 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ecoling.net>.

380. Volek B. *Emotive Signs in Language and Semantic Functioning of Derived Nouns in Russian*. — Amsterdam — Filadelfia, 1987.
381. Watts R. *Politeness*. — Cambridge: CUP, 2003.
382. Wierzbicka A. Defining emotion concepts // *Cognitive science*, 16. — 1992. — P. 539—581.
383. Wierzbicka A. Reading human faces. Emotion components and universal semantics // *Pragmatics and cognition*, 1. — 1993. — No 1. — P. 1—23.
384. Wierzbicka A. Language and Metalanguage. Key Issues in Emotion Research // *Emotion Review*. — Jan. 2009. — V. 1. — No 1. — P. 5—17.
385. Wilson E.O. Introduction: What is sociobiology? // *Sociobiology and human nature* / Ed. by M.S. Gregory. — S-Fr., 1978. — P. 2.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Амири Людмила Петровна* — канд. филол. наук, доц. каф. англ. языка, докторант (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону).
- Буряковская Валерия Анатольевна* — канд. филол. наук, доц. каф. англ. филологии, докторант (Волгоградский государственный социально-педагогический университет (ВГСПУ)).
- Волкова Полина Станиславовна* — канд. филол. наук, д-р филос. наук, д-р искусствоведения, проф., чл. Союза композиторов РФ, проф. каф. социологии и культурологии (Кубанский государственный аграрный университет).
- Волкова Яна Александровна* — канд. филол. наук, доц. каф. языкознания, докторант (ВГСПУ).
- Врублевская Оксана Валентиновна* — канд. филол. наук, доц. каф. языкознания (ВГСПУ).
- Жура Виктория Валентиновна* — д-р филол. наук, проф., зав. каф. иностр. языков с курсом латинского языка (Волгоградский государственный медицинский университет).
- Ильинова Елена Юрьевна* — д-р филол. наук, проф. каф. англ. филологии (Волгоградский государственный университет).
- Ионова Светлана Валентиновна* — д-р филол. наук, проф. каф. рус. языка (Волгоградский государственный университет).
- Карасик Владимир Ильич* — д-р филол. наук, проф., зав. каф. англ. филологии (ВГСПУ).
- Кара-Мурза Елена Станиславовна* — канд. филол. наук, доц. каф. стилистики рус. языка фак. журналистики (МГУ им. М.В. Ломоносова).
- Кислякова Евгения Юрьевна* — канд. филол. наук, доц. каф. англ. языка, докторант (ВГСПУ).
- Клушина Наталья Ивановна* — д-р филол. наук, проф. каф. стилистики рус. языка фак. журналистики (МГУ им. М.В. Ломоносова).
- Коробкина Наталия Игоревна* — аспирант каф. языкознания (ВГСПУ).
- Красавский Николай Алексеевич* — д-р филол. наук, проф., зав. каф. нем. филологии (ВГСПУ).

- Крюкова
Ирина Васильевна* — д-р филол. наук, проф. каф. языкознания (ВГСПУ).
- Леонтьев
Виктор Владимирович* — канд. филол. наук, доц. каф. англ. языка (Волгоградский государственный университет).
- Маджаева
Санья Ибрагимовна* — канд. филол. наук, доц. каф. иностр. языков (Астраханская государственная медицинская академия).
- Мальшиева
Екатерина Валерьевна* — канд. филол. наук, ст. преп. каф. теории языка и межкультурной коммуникации (Тверская государственная сельскохозяйственная академия).
- Панченко
Надежда Николаевна* — д-р филол. наук, проф., зав. каф. языкознания (ВГСПУ).
- Пузырев
Александр Владимирович* — д-р филол. наук, проф., зав. каф. лингвострановедения и коммуникации (Ульяновский государственный университет).
- Ренц
Татьяна Гавриловна* — д-р филол. наук, доц. кафедры лингвистики (Волжский гуманитарный институт (филиал) ВолГУ).
- Романов
Алексей Аркадьевич* — д-р филол. наук, проф., засл. деятель науки РФ (Национальный исследовательский Томский политехнический университет).
- Романова
Лариса Алексеевна* — д-р филол. наук, проф. каф. связей с общественностью (Тверской государственный университет).
- Рыкунова
Ирина Юрьевна* — ст. преп. кафедры английского языка (ВГСПУ).
- Сердобинцева
Елена Николаевна* — канд. филол. наук, доц. каф. журналистики (Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского).
- Сковородников
Александр Петрович* — д-р филол. наук, проф.; проф.-консультант каф. рус. языка и речевой коммуникации Ин-та филологии и языковой коммуникации (Сибирский федеральный университет).
- Солодовникова
Наталья Геннадиевна* — канд. филол. наук, доц. каф. языкознания (ВГСПУ).
- Сребрянская
Наталья Анатольевна* — д-р филол. наук, проф. каф. англ. языка (Воронежский государственный педагогический университет).

- Сурикова
Татьяна Ивановна* — канд. филол. наук, доц. каф. стилистики фак. журналистики (МГУ им. М.В. Ломоносова).
- Толкачева
Татьяна Игоревна* — канд. филол. наук, доц. каф. лингвистики и межкультурной коммуникации (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Волгоградский филиал)).
- Труфанова
Ирина Владимировна* — д-р филол. наук, проф. каф. филол. образования (Московский институт открытого образования).
- Цой
Алла Игнатьевна* — канд. пед. наук, доц., зав. каф. иностр. языков (Волгоградский институт бизнеса).
- Черничкина
Елена Константиновна* — д-р филол. наук, проф., зав. каф. теории и методики обучения иностр. языкам (ВГСПУ).
- Шаховский
Виктор Иванович* — д-р филол. наук, проф. каф. языкознания, засл. деятель науки РФ (ВГСПУ).
- Штеба
Алексей Андреевич* — канд. филол. наук, ст. преп. каф. романской филологии (ВГСПУ).

ЭМОТИВНАЯ ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ
В СОВРЕМЕННОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Коллективная монография

Подписано к печати 04.06.12. Формат 60x84/16. Печать офс.
Бумага офс. Уч.-изд. л. 28,0. Тираж 150 экз. Заказ

Издательство ВГСПУ «Перемена»
Типография Издательства ВГСПУ «Перемена»
400066, Волгоград, пр. им. В.И.Ленина, 27